СБОРНИКЪ

ХАРЬКОВСКАГО

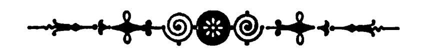
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

Томъ 6.

Труды Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества.

ВЫПУСКЪ II.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1894.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМ
Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 4 апрѣля 1894 г.
Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Труды членовъ общества.

II. Труды Педагогическаго отдѣла.

Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ 18$\frac{93}{94}$ акад. году.

(Составленъ Н. Ѳ. Сумцовымъ).

Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 21 сентября утвержденъ денежный отчетъ за истекшій академическій годъ: Остатокъ отъ членкихъ взносовъ 25 руб. Приходъ выразился въ слѣдующихъ цифрахъ: членкихъ взносовъ 150 руб.; кромѣ того отъ членовъ педагогическаго отдѣла олучено 159 руб. и продано книгъ на 5 руб.; всего 339 руб. Расходъ дотигъ въ общемъ суммы 217 руб. 37 коп. Сюда вошли 26 р. 40 к. служиелю за разнесеніе повѣстокъ, архивному сторожу до найма постояннаго 0 р., за рукопись Геевскому 10 р., типографскихъ расходовъ на печатаіе уставовъ, подписныхъ листовъ и отчетовъ о пожертвованіи на премію мени А. А. Потебни и др. 28 р. 10 к., переплетчику 30 р. 15 к., мелкихъ асходовъ на архивъ 8 р. 2 к., плотнику 16 р. 20 к., за Археологическія звѣстія 3 р., печать 5 р., книги 4 р. и на покупку бумаги, конвертовъ, арокъ, вообще на почтовые расходы 66 р. 50 к. Эта крупная цыфра почовыхъ расходовъ обусловлена была разсылкой 400 подписныхъ листовъ, атѣмъ 400 экз. отчета по подпискѣ на премію имени А. А. Потебни, заѣмъ разсылкой IV т. Сборника частнымъ лицамъ заказнымъ порядкомъ, ричемъ пересылка каждой книги обходилась въ 27 коп., пересылкой рукоисей Манжурѣ и сношеніями съ разными лицами и учрежденіями по дѣамъ общества. Такъ какъ корреспонденція большею частью производилась заказнымъ порядкомъ, то и большая часть этого расхода документирована почтовыми расписками. Остается къ 1 окт. 1893 г. 121 р. 63 к. Кромѣ того на изданіе 5 тома Сборника 394 руб. 08 коп.

Заслушано сообщеніе секретаря, что I вып. Трудовъ педагогическаго отдѣла отпечатанъ, а V т. Сборника оканчивается печатаніемъ.

Доложено, что 8 августа исполнилось 50-лѣтіе со дня кончины извѣстнаго харьковскаго писателя и общественнаго дѣятеля Г. Ѳ. Квитки, причемъ три члена общества напечатали статьи о Квиткѣ. Общество почтило память Г. Ѳ. Квитки вставаніемъ.

Прочитанъ краткій некрологъ извѣстнаго этнографа И. И. Манжуры, скончавшагося въ маѣ, въ г. Екатеринославѣ. Главный трудъ И. И. Манжуры—сборникъ малорусскихъ сказокъ—былъ изданъ обществомъ во II т. Сборника. Общество почтило память И. И. М. вставаніемъ.

Секретарь доложилъ, что общество любителей древней письменности прислало И. Ф. обществу всѣ свои изданія (94 книги) и русское историч. общество прислало сорокъ одинъ томъ „Сборника". Постановлено выразить благодарность общества этимъ учрежденіямъ и внести въ V т. Сборника оглавленіе содержанія этихъ цѣнныхъ изданій.

Д. И. Багалѣй прочиталъ письмо проф. И. П. Сокальскаго съ предложеніемъ принять мѣры къ сохраненію Донецкаго городища. Общество, выразивъ И. П. Сокальскому благодарность за сдѣланныя въ письмѣ историческія сообщенія, постановило передать просьбу И. П. Сокальскаго въ Московское археологическое общество, на которое оффиціально возложена забота о сохраненіи въ Россіи историческихъ памятниковъ.

Г. предсѣдатель доложилъ, что министерство народнаго просвѣщенія, въ отвѣтъ на ходатайство общества о передачѣ педагогическому его отдѣлу библіотеки упраздняемой Краснослободской прогимназіи, сообщило, что будетъ имѣть въ виду это ходатайство при окончательномъ закрытіи прогимназіи.

Въ концѣ засѣданія *М. Е. Халанскій* сдѣлалъ сообщеніе о размѣрѣ славянскихъ пѣсенъ. Въ этомъ рефератѣ отмѣчено большое сходство въ размѣрѣ сербскихъ, болгарскихъ и малорусскихъ пѣсенъ съ средневѣковыми народными латинскими пѣснями. Поднятые референтомъ вопросы о литературныхъ вліяніяхъ запада вызвали оживленный обмѣнъ мыслей среди присутствовавшихъ членовъ общества.

Въ томъ же засѣданіи предсѣдателемъ и секретаремъ единогласно избраны лица, занимавшія эти должности, и въ члены общества—также единогласно профес. Я. А. Денисовъ.

Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 14 октября постановлено послать московскому обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи привѣтственную телеграму, по случаю исполнившагося 15 октября тридцатилѣтія его плодотворной научной дѣятельности. Утвержденъ счетъ типографіи Харьковскаго губернскаго правленія въ 376 р. за печатаніе V т. Сборника. Московское общество естествознанія, антропологіи и этнографіи передало въ распоряженіе ист.-фил. общества небольшой сборникъ малорусскихъ народныхъ сказокъ Манжуры. Предположено издать этотъ сборникъ въ ближайшемъ VI томѣ. По просьбѣ общества Д. И. Багалѣй принялъ на себя трудъ собрать и подготовить къ изданію сочиненія Сковороды.

Д. И. Миллеръ прочелъ рефератъ о судахъ старой Малороссіи (полко юмъ, генеральномъ и др.). Въ обсужденіи реферата приняли участіе Д. И. Багалѣй и А. Я. Ефименко. *Ф. Л. Германъ* сдѣлалъ сообщеніе о римскихъ врачахъ, выслушанное съ живымъ интересомъ; нѣсколько замѣчаній по поводу этого реферата сдѣлано В. П. Бузескуломъ и А. С. Лебедевымъ. Въ концѣ засѣданія *Е. К. Рѣдинъ* познакомилъ членовъ общества съ нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями по исторіи древняго христіанскаго искусства.

Засѣданіе историко-филологическаго Общества 28 октября отличалось особеннымъ интересомъ, вызваннымъ докладомъ священника о. Василія *Спесивцева*. Докладчикъ сообщилъ Обществу объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ имъ вблизи с. Райгородка Изюмскаго уѣзда, а свое сообщеніе демонстрировалъ чертежами мѣстности, снимками съ находокъ и, наконецъ, самими находками. Находки эти—своего рода богатство, рѣдко выпадающее на долю отдѣльнаго археолога. Здѣсь встрѣчаются предметы разныхъ эпохъ и народовъ, начиная съ каменнаго періода. Докладчикомъ собрано множество кремневыхъ стрѣлъ, наконечниковъ копій, сѣкиръ и т. п. предметовъ, принадлежащихъ очевидно къ глубокой древности. Изъ металлическихъ вещей обращаетъ на себя вниманіе предметъ, напоминающій верхнюю часть булавы, металлическій крестикъ очень тонкой работы, пуговки, остатокъ какого то орнамента, большое количество различнаго рода монетъ, повидимому татарскаго или вообще мусульманскаго происхожденія и т. п. При томъ докладчикъ демонстрировалъ и образцы почвъ (глины), въ которыхъ найдены отысканные имъ предметы. Всѣ свои находки о. Спесивцевъ передалъ въ распоряженіе историко-филологическаго Общества; большая часть изъ нихъ поступила въ университетскій музей и только нѣкоторыя изъ монетъ—въ нумизматическій кабинетъ.

Докладъ проф. *Багалѣя* о рукописномъ сборникѣ, принадлежавшемъ, по мнѣнію докладчика, фамиліи князей Куракиныхъ. Содержаніе сборника—историко-сатирическое. Отмѣчены были сатирическія произведенія, имѣющія въ виду личность Черниговскаго архіерея Виктора Садковскаго (въ концѣ 18 в.), составленныя очевидно въ средѣ епархіальнаго духовенства, можетъ быть въ кругу семинарской молодежи (на это соображеніе особенно наводитъ сопоставленіе „епитафіи“ на смерть „архіерея и кавалера“ Виктора съ „отвѣтомъ“ того же Виктора „изъ царства мертвыхъ“: „епитафія“ и отвѣтъ невольно напоминаютъ семинарскія диспутаціи pro и contra, сочиняемыя однимъ и тѣмъ же студентомъ); такимъ же сатирическимъ характеромъ, хотя и въ болѣе широкомъ, политическомъ, смыслѣ, отличается „письмо съ Сатурна“, относящееся къ 1772 г. Наивнымъ, вполнѣ народнымъ юморомъ проникнуты помѣщенныя въ сборникѣ рождественскія и пасхальныя малорусскія вирши. Далѣе, въ сборникъ вошли: пред-

сказанія Мартына Задеки, письмо Императрицы Маріи Өеодоровны къ великому князю Константину, длинный документъ (1745 г.), относящійся къ вопросу объ избраніи послѣдняго гетмана, курьезное прошеніе къ московскому градоначальнику и др.

Въ концѣ засѣданія въ члены общества избраны гг. *В. Ф. Зелеръ*, *Т. Н. Никитскій* и *Венгрженовскій*.

Въ засѣданіи историко-филологическаго общества, 29 ноября, предсѣдатель напомнилъ, что засѣданіе это совпало со второй годовщиной смерти А. А. Потебни, по докладамъ посвящено его памяти, и общество почтило память А. А. Потебни общимъ вставаніемъ въ началѣ и въ концѣ засѣданія.

Проф. Н. Ө. Сумцовъ сообщилъ, что московскія газеты принесли въ день засѣданія печальное извѣстіе о кончинѣ б. ректора московскаго университета, академика Н. С. Тихонравова на 61 г. жизни. Далѣе были отмѣчены главные научные труды покойнаго и память его почтена общимъ вставаніемъ.

Секретарь доложилъ о полученномъ ист.-фил. обществомъ и всѣми другими состоящими при университетѣ обществами предписаніи отъ высшего начальства объ увѣдомленіи г. начальника губерніи о днѣ, часѣ и предметахъ сообщеній каждаго засѣданія, что и принято къ исполненію.

Прочитанъ третій отчетъ о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни, который напечатанъ и разосланъ жертвователямъ. Собрана вся сумма сполна (въ 2500 руб.). Постановлено хранить эту сумму въ депозитахъ университета и возбудить ходатайство объ утвержденіи правилъ преміи.

Заслушана благодарность Императорскаго общества естеств., антроп. и этнографіи при моск. унив. за привѣтствіе, по случаю XXX лѣтія общества.

Заслушанъ и одобренъ адресъ Кіевской Археографич. Коммиссіи, отправленный ей по случаю 50-ти лѣтія ея дѣятельности. Постановлено напечатать этотъ адресъ въ VI т. Сборника И. Ф. Общества.

Д. И. Багалѣй сообщилъ, что онъ получилъ изъ Кіевской духовной академіи цѣлый рядъ неизданныхъ сочиненій Г. С. Сковороды и затѣмъ имѣетъ свѣдѣнія, что и въ Императорской публичной библіотекѣ есть сочиненія Сковороды. Общество поручило Д. И. Багалѣю ходатайствовать о присылкѣ сочиненій Сковороды, гдѣ бы таковыя ни оказались, и постановило принять на свой счетъ расходы по перепискѣ.

Предсѣдатель сообщилъ, что совѣтъ университета, по примѣру прежнихъ лѣтъ, ассигновалъ на изданіе Трудовъ Общества денежныя средства.

Секретарь доложилъ о полученіи отъ редакціи Энциклоп. Словаря Брокгауза и Ефрона объявленій о льготныхъ условіяхъ подписки въ разсрочку, причемъ замѣтилъ, что изданіе это получаетъ научное и просвѣтительное значеніе, по участію многихъ спеціалистовъ, обилію цѣнныхъ научныхъ ста-

гей, приложенію картъ, плановъ и рисунковъ и своевременности выхода книгъ (черезъ 2 мѣсяца по полутому).

А. В. Ветуховъ сдѣлалъ сообщеніе о научныхъ трудахъ А. А. Потебни, преимущественно съ точки зрѣнія популяризаціи ихъ. По частнымъ пунктамъ этого доклада были высказаны замѣчанія М. С. Дриновымъ, В. И. Харціевымъ, М. Д. Линдой и нѣкот. др. членами. Между прочимъ, высказано было пожеланіе, чтобы высоконравственные принципы А. А. Потебни, выразившіеся въ его научной дѣятельности, были завѣтомъ для всѣхъ его учениковъ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности.

Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 21 декабря секретарь доложилъ о полученіи крупнаго и цѣннаго сборника малорусскихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, собранныхъ Я. П. Новицкимъ въ екатеринославской губерніи въ 1874—1892 годахъ. Рѣшено издать его въ ближайшемъ VI т. Сборника, съ порученіемъ редакціи тремъ членамъ общества А. А. Русову, А. В. Ветухову и Н. Ѳ. Сумцову. Затѣмъ, доложено о предложенной чл. общ. П. П. Короленкомъ статьѣ объ исторіи Межигорскаго монастыря и о пожертвованіи имъ нѣсколькихъ десятковъ экз. книги о черноморцахъ. Постановлено благодарить П. П. Короленка за книги и имѣть въ виду для изданія статью о Межигорскомъ монастырѣ, если она составлена по неизданнымъ въ печати документамъ. Постановлено приступить съ января 1894 года къ печатанію VI т. Сборника, поручивъ Д. И. Багалѣю войти съ губ. типографіей въ соглашеніе по этому поводу. Архивному служителю за письменныя работы выдана награда въ 10 р. Заслушана благодарность кіевской коммиссіи по разбору древнихъ актовъ за привѣтствіе въ день 50-ти-лѣтняго юбилея. Проектъ правилъ о преміи имени А. А. Потебни дополненъ двумя §§ и постановлено возбудить ходатайство объ утвержденіи ихъ. Предложено нѣсколько вопросовъ для предстоящаго рижскаго археологическаго съѣзда.

Е. П. Трефильевъ сдѣлалъ сообщеніе о селитровареніи въ б. Слободской украинѣ съ XVII вѣка до послѣдняго времени (почти совсѣмъ прекратилось) по даннымъ харьк. историческаго архива, въ связи съ общимъ ходомъ историческихъ событій. Дополненія къ докладу сдѣлали *М. Д. Линда* (о способахъ полученія селитры, образованіи буртовъ и пр.) и *Д. И. Багалѣй* (о промысловомъ характерѣ первоначальной колонизаціи б. Слободской украйны и о сильномъ развитіи нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ въ Малороссіи). Рефератъ г. Трефильева признанъ полезнымъ вкладомъ въ совсѣмъ неразработанную исторію малорусской промышленности и постановлено напечатать его въ ближайшемъ VI т. Сборника.

Е. К. Рѣдинъ сдѣлалъ сообщеніе объ Ап. Мих. Матушинскомъ, по архивнымъ документамъ и по сочиненіямъ его. Этотъ рефератъ предположенъ

къ напечатанію въ запискахъ харьк. унив. при каталогѣ книгъ по исторіи искусства (около 2000 названій), поступившихъ по смерти Матушинскаго въ библіотеку университета. Нѣсколько замѣчаній по частнымъ вопросамъ сдѣлано Д. И. Багалѣемъ и В. И. Харціевымъ.

Б. М. Ляпуновъ сдѣлалъ сообщеніе о славянской христоматіи Пѣнинскаго 1873 г. и о недавно изданныхъ Ягичемъ нѣскольнихъ листахъ Дѣяній Апостольскихъ древняго письма. Замѣчанія по этому поводу сдѣланы М. С. Дриновымъ.

Въ засѣданіи 27 января *П. Э. Лейкфельдъ* сдѣлалъ сообщеніе объ ученіи Аристотеля объ индукціи. Изложивъ аристотелевское ученіе объ индукціи, референтъ опредѣлилъ его безотносительныя достоинства и недостатки, а также выяснилъ историческое его значеніе и его отношеніе къ теоріи, выработанной впослѣдствіи Бекономъ Веруламскимъ и его преемниками.

Въ томъ же засѣданіи *В. П. Бузескулъ* прочелъ рефератъ: „Источники Аристотеля въ Ἀθηναίων πολιτεία и его отношеніе къ нимъ". Главныя положенія этого реферата состояли въ слѣдующемъ: достовѣрность извѣстій Ἀθ. πολ. въ значительной мѣрѣ находится въ зависимости отъ *источниковъ*. Необходимо поэтому по возможности опредѣлить послѣдніе и выяснить самые пріемы Аристотеля, его способъ обращенія съ находившимся въ его распоряженіи матеріаломъ. Особенно важое сличеніе Ἀ. π. съ текстомъ тѣхъ ея источниковъ, которые дошли до насъ, такъ какъ тутъ мы имѣемъ полную возможность наблюдать, какъ относится Аристотель къ своему источнику, слѣдуетъ ли ему рабски или нѣтъ, что беретъ изъ него и что опускаетъ и т. д. Отсюда мы можемъ сдѣлать выводъ и относительно того, какъ обращался Аристотель съ источниками, до насъ не дошедшими, предполагая, что и тутъ его пріемы были тѣ же. Въ числѣ источниковъ Ἀ. π. одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ *Геродотъ*, на котораго имѣется прямая ссылка. Подробное сличеніе трактата съ произведеніемъ „отца исторіи" приводитъ къ заключенію, что Аристотель обращался съ своимъ источникомъ свободно, не списывалъ его механически, опускалъ многія подробности и наоборотъ—дѣлалъ добавленія, въ родѣ хронологическихъ указаній и т. п. Еще больше отступаетъ Аристотель отъ *Өукидида*, которымъ пользовался преимущественно въ отдѣлѣ о заговорѣ Гармодія и Аристогитона: и тутъ наряду съ сходствомъ и заимствованіемъ встрѣчаемъ добавленія, взятыя изъ другихъ источниковъ, и явныя отступленія, даже полемику, направленную, какъ оказывается изъ сличенія обоихъ текстовъ, именно противъ Өукидида. Въ остальныхъ частяхъ трактата замѣтно лишь отрывочное пользованіе Өукидидомъ. Что касается *Ксенофонта*, то вопросъ объ отношеніи къ нему Аристотеля оказывается спорнымъ.

По мнѣнію референта, сходство между 'А. π. и Ксенофонтомъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ оппозиціи Θерамена, ничего не доказываетъ: какъ Аристотель, такъ и Ксенофонтъ приводитъ собственныя слова Θерамена. Спорнымъ является и вопросъ объ отношеніи Аристотеля къ *Эфору*. Еще въ „Политикѣ" мы видимъ сходство съ Эфоромъ. Но вопросъ въ томъ, кто у кого заимствовалъ или не было ли у Аристотеля и Эфора общаго источника. По отношенію къ „Политіямъ" несомнѣнно, что онѣ не могли служить источникомъ для Эфора, такъ какъ были составлены лишь въ 20-хъ годахъ IV в., т. е. слишкомъ поздно для Эфора. Но Виламовицъ, напр., считаетъ неправдоподобнымъ, чтобы „Исторія" послѣдняго, какъ произведеніе универсальнаго характера, могла служить источникомъ для „Политій" Аристотеля, какъ произведенія, полнаго деталей. Но такія соображенія — чисто апріорныя; можно указать на то, что пользовался-же Аристотель трудомъ Геродота, а этотъ трудъ тоже въ извѣстномъ смыслѣ универсальный. Скорѣе можно было бы сослаться на то, что Эфоръ умеръ въ 20-хъ годахъ IV стол., не успѣвъ окончить своего труда, т. е. что и его произведеніе появилось слишкомъ поздно для того, чтобы Аристотель могъ воспользоваться имъ для „Политій". Но это возраженіе устранится, если мы допустимъ, что обширный трудъ Эфора выходилъ въ свѣтъ по частямъ, еще при жизни автора. Во всякомъ случаѣ, сходства между 'Αθ. πολ. и Эфоромъ отвергать нельзя, хотя оно и не такъ значительно, какъ полагаетъ, напр. Бауэръ. У Аристотеля мы видимъ немало свидѣтельствъ *документальнаго* характера. Референтъ не отрицаетъ, что Аристотель могъ пользоваться архивными данными. Но все-таки большую часть документальныхъ данныхъ онъ заимствовалъ изъ *Аттидъ*, какъ это доказывается и сличеніемъ 'А. π. съ послѣдними. Кромѣ трудовъ историческихъ, источникомъ для Аристотеля служили и труды *публицистическія*. Референтъ находитъ правдоподобнымъ предположеніе, что напр. источникомъ обвиненій противъ Солона служилъ памфлетъ *Критія*, но въ основѣ изложенія исторіи „Пятидесятилѣтія" не можетъ лежать Критій. Авторство Θерамена тоже не можетъ быть доказано. Вообще пріурочить антидемократическую тенденцію къ одному имени нѣтъ возможности. Въ противуположность другимъ изслѣдователямъ (Виламовицу, М. М. Покровскому) референтъ полагаетъ, что нужно различать источникъ, содержавшій клеветы на Солона, и тотъ источникъ, которому слѣдовалъ Аристотель въ 23—28 главахъ трактата. Въ распоряженіи Аристотеля могло находиться не одно, а нѣсколько сочиненій болѣе или менѣе проникнутыхъ антидемократической тенденціей. Въ доказательство того, какъ такая тенденція была распространена, можно сослаться на *комедіи*. Затѣмъ референтъ коснулся от-

ношенія Аристотеля къ Исократу и Платону и прочихъ источниковъ, а въ заключеніе вкратцѣ охарактеризовалъ общіе пріемы Аристотеля [1]).

По случаю смерти знаменитаго хорватскаго ученаго *Рачкого* Харьковское историко-филологическое общество послало предсѣдателю юго-славянской академіи слѣдующую телеграмму: „историко-филологическое общество Харьковскаго университета раздѣляетъ скорбь академіи и всѣхъ хорватовъ о кончинѣ знаменитаго славянскаго историка и дѣятеля, доктора Рачкого".

2 февраля состоялось засѣданіе Харьковскаго историко-филологическаго общества, на которомъ сдѣланы были сообщенія проф. Д. И. Багалѣемъ и проф. Ѳ. А. Зеленогорскимъ о знаменитомъ харьковскомъ дѣятелѣ—малороссійскомъ философѣ Гр. Сав. Сковородѣ.

Передъ этими чтеніями были доложены текущія дѣла, а Д. И. Багалѣй сказалъ нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти недавно скончавшагося польскаго историка, доктора Ролле, извѣстнаго публикѣ подъ псевдонимомъ Антоній I. и оказавшаго важныя услуги русской исторіи своими изслѣдованіями въ области южно-русскаго стародавняго быта.

Затѣмъ Д. И. Багалѣй сообщилъ о результатахъ своихъ поисковъ рукописей Г. С. Сковороды. Сдѣлавъ характеристику печатныхъ изданій, въ высшей степени неудовлетворительныхъ, референтъ перечислилъ тѣ рукописныя сочиненія Сковороды, которыя имъ найдены въ библіотекѣ Харьковскаго университета, въ церковно-археологическомъ музеѣ Кіевской духовной академіи, въ библіотекѣ Московской духовной академіи и Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Особенно цѣнными являются находки въ послѣднемъ книгохранилищѣ. Тутъ найдено 4 тома рукописныхъ сочиненій Сковороды, *писанныхъ его рукою* и поднесенныхъ имъ самимъ въ даръ любимому ученику М. И. Ковалинскому (у внучки этого послѣдняго онѣ и были куплены музеемъ), а сверхъ того около сотни собственноручныхъ писемъ Сковороды къ тому же Ковалинскому на русскомъ, латинскомъ и греч. яз. и нѣсколько писемъ къ другимъ лицамъ; одно изъ такихъ писемъ и было прочитано референтомъ, какъ важный матеріалъ для его біографіи.

За сообщеніемъ Д. И. Багалѣя послѣдовалъ рефератъ проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго „Философія Гр. Сав. Сковороды, украинскаго философа XVIII ст". Референтъ изучилъ всѣ сочиненія Сковороды (въ томъ числѣ и рукописи, разысканныя Д. И. Багалѣемъ) и на основаніи этого представилъ яркій образъ Гр. С. Сковороды, какъ философа, воспитавшагося на великихъ образцахъ *эллинской* философской мысли. Съ этой стороны никто еще съ такой полнотой не освѣщалъ философскихъ воззрѣній Сковороды и въ этомъ большая заслуга почтеннаго докладчика.

---

[1]) Отчетъ объ этомъ рефератѣ любезно составленъ самимъ референтомъ. Прим. Н. С.

Въ началѣ реферата представлена краткая характеристика Сковороды, какъ *философа-моралиста*; очерченъ нравственный идеалъ съ указаніемъ первоисточниковъ, подъ вліяніемъ которыхъ выработалъ Сковорода этотъ идеалъ. Здѣсь кромѣ библіи, которую Сковорода началъ тщательно изучать съ 30-ти лѣтъ и съ которою не раставался до смерти, указано было на древне-классическую нравственно-философскую литературу, а равно на нравственный идеалъ первыхъ христіанъ послѣдующихъ христіанскихъ подвижниковъ.

Это было переходомъ къ рѣчи о томъ, насколько невѣрно стремленіе писавшихъ доселѣ о Сковородѣ поставить его въ зависимость отъ кого-либо изъ западныхъ философовъ XVII или XVIII вѣковъ. Философскія сочиненія Сковороды мало читались и еще менѣе изучались; поэтому, философія Сковороды доселѣ была для русской публики почти совсѣмъ неизвѣстна; лишь *Хиждеу* кратко очертилъ сократическую философскую дѣятельность Сковороды въ своей статьѣ, напечатанной въ Телескопѣ за 1834 г., откуда заимствовалъ арх. Гавріилъ то, что изложено имъ, какъ философія Сковороды, въ его „Исторіи Философіи“.

Далѣе представлена была въ рефератѣ сократическая философская дѣятельность Сковороды, въ которой послѣдній ставилъ *главную задачу* своей философской дѣятельности. Она состояла въ борьбѣ Сковороды съ одной стороны съ невѣжествомъ и суевѣріемъ, а съ другой—въ борьбѣ съ безбожіемъ и атеизмомъ; первое поддерживалось учеными схоластиками; второе распространялось при помощи французской отрицательной литературы XVIII в. и французскаго воспитанія дѣтей высшаго класса. Въ связи съ изложеніемъ борьбы Сковороды съ суевѣріемъ, выясненъ былъ взглядъ его на библію. Этотъ взглядъ не согласовался ни со взглядомъ тѣхъ, которыхъ Сковорода называлъ „почивающими на буквѣ закона“, ни со взглядомъ отрицателей XVIII в., т. е. деистовъ и атеистовъ. Борьба Сковороды съ атеизмомъ выразилась въ развитіи *умозрительной* философіи, къ изложенію которой й перешелъ далѣе референтъ.

Въ изложеніи *умозрительной* философіи Сковороды референтъ старался выяснить зависимость ея отъ философіи древне-классическихъ философовъ: Платона, Аристотеля, стоиковъ и Филона Іудейскаго, для чего приведены были мѣста изъ сочиненій Сковороды въ параллель съ соотвѣтствующимъ ученіемъ указанныхъ философовъ. Здѣсь болѣе обстоятельно выяснена зависимость умозрительной философіи Сковороды отъ таковой же философіи Платона и Филона Іудейскаго, относительно же стоицизма Сковороды вопросъ остался не вполнѣ выясненнымъ. Окончаніе реферата (о практической философіи Сковороды) было отложено до слѣдующаго засѣданія общества.

Засѣданіе историко-филологическаго общества 8 февраля открыто было

сообщеніемъ г. предсѣдателя о смерти извѣстнаго южно-славянскаго ученаго, каноника Рачкаго,—ближайшаго сотрудника епископа Штроссмайера и дѣятельнѣйшаго члена основанной имъ въ Загребѣ южно-славянской академіи. Проф. Дриновъ указалъ какъ на заслуги Загребской академіи славянской наукѣ, такъ и на рядъ выдающихся трудовъ покойнаго Рачкаго большинство которыхъ посвящено исторіи южнаго славянства. Общество почтило память покойнаго вставаньемъ съ мѣста.

Затѣмъ слѣдовало продолженіе доклада проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго, посвященнаго философіи Сковороды. На этотъ разъ проф. Зеленогорскій остановился на практической философіи Сковороды, указалъ на ея связь съ его умозрительной философіей и отмѣтилъ взглядъ Сковороды на значеніе практической философіи, которой онъ придавалъ особенную важность. Какъ же разрѣшалъ Сковорода вопросы практической философіи? Докладчикъ указалъ на рѣшеніе вопроса, въ чемъ счастье. Сковорода опредѣлялъ счастье какъ внутренній миръ, веселіе сердца и крѣпость духа. Душевный миръ есть согласіе съ Богомъ, а жить въ согласіи съ Богомъ—значитъ отдаться въ волю Божію или жить по природѣ. Докладчикъ отмѣтилъ въ этомъ случаѣ сходство взглядовъ Сковороды со взглядами стоиковъ, учившихъ также о жизни, согласной природѣ, подчеркнувъ этимъ еще разъ вліяніе стоиковъ на выработку философскихъ воззрѣній Сковороды. Цѣль жизни Сковорода видѣлъ въ этомъ мірѣ (чѣмъ онъ существенно разнился отъ мистиковъ); его взгляды на міръ оптимистичны: все въ мірѣ цѣлесообразно и гармонично, если только подчиняется природѣ. Животныя слѣдуютъ природѣ, но люди имѣютъ свободную волю, и отсюда всѣ ихъ бѣдствія и несчастья, ибо свободная воля заставляетъ ихъ дѣлать то, что имъ не по природѣ. Сковорода различаетъ нѣсколько видовъ людскихъ несчастій, происходящихъ отъ жизни не по природѣ: несродная „стать“ (состояніе) или должность, къ которой не рожденъ, дружба съ кѣмъ не сроденъ и т. д. Природѣ, подъ которою Сковорода разумѣлъ въ данномъ случаѣ врожденныя наклонности, онъ придавалъ громадное значеніе. Слѣдуй только своимъ природнымъ склонностямъ, и ты будешь вполнѣ счастливъ: дѣло согласное съ природными наклонностями, дѣлается съ удовольствіемъ, трудъ по природѣ—трудъ легкій, въ немъ отрада и успокоеніе. Свое ученіе о жизни по природѣ Сковорода высказывалъ многократно и въ своихъ сочиненіяхъ, и въ своихъ отношеніяхъ съ окружающими, примѣнялъ его къ самому себѣ: жилъ онъ такъ, какъ жилъ, только потому, что считалъ свой образъ жизни согласнымъ съ своими природными наклонностями: „если бы я почувствовалъ, говорилъ онъ: что могу безъ робости рубить турокъ, тотчасъ надѣлъ-бы киверъ и саблю и пошелъ служить въ войско“. Изъ того громаднаго значенія, какое по взгляду Сковороды, имѣютъ для индивидуума при-

родныя склонности, вытекаетъ необходимость самопознанія. Человѣкъ долженъ тщательно изучить свою природу, чего она хочетъ, куда ведетъ, и, изучивъ, выбрать дѣло, согласное съ природными склонностями, и отдаться ему безъ колебаній. Этотъ принципъ слѣдованія природѣ какъ нельзя болѣе приложимъ и къ воспитанію: родители должны подмѣчать природу дѣтей и руководиться ею при выборѣ ихъ карьеры. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ Сковорода является пропагандистомъ извѣстнаго еще античному міру правила: ars educandi non habet rationem certiorem quam sequendi signa ac monita ipsius naturae. Съ точки зрѣнія своего основнаго положенія о природныхъ склонностяхъ Сковорода смотрѣлъ и на дружбу, которая, по его взгляду, есть сродство душъ и основаніе общества. Съ той же точки зрѣнія Сковорода отрицалъ и равенство между людьми, но въ то же время не хулилъ и не унижалъ никакихъ человѣческихъ „статей“: всякая „стать“ хороша, если она не противна природѣ индивидуума и не вредитъ другимъ.

Въ заключеніе докладчикъ поставилъ вопросъ: въ чемъ выражается оригинильность Сковороды, какъ философа? въ его взглядахъ докладчикъ не видѣлъ ничего такого, что не было бы извѣстно раньше, и оригинальность Сковороды находилъ лишь въ выборѣ направленія. Сковорода съумѣлъ сохранить самостоятельность среди двухъ противоположныхъ теченій—схоластическаго, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, и отрицательныхъ идей, царившихъ въ его время. Онъ не присталъ ни къ тому, ни къ другому лагерю, а пошелъ за лучшими представителями античной философіи—въ этомъ его оригинальность и его заслуга. Сковорода не слѣдовалъ буквально той или другой философской школѣ древности: онъ былъ эклектикомъ. Общій ходъ философскаго развитія Сковороды докладчику представляется въ такомъ видѣ: Филонъ, а черезъ него и послѣ него уже философы античнаго міра.

Въ заключеніе референтъ высказалъ замѣчаніе о попыткахъ Сковороды примирить въ философіи непримиримое, пантеизмъ съ христіанскимъ понятіемъ о Богѣ, свободную волю съ необходимостью, причемъ, по мнѣнію референта, задачи философіи Сковороды являются задачами философіи будущаго, и если Сковороду можно сравнивать съ какимъ либо изъ западныхъ философовъ по стремленію къ примиренію непримиримаго, то сравнивать съ Лейбницемъ, а не со Спинозой, съ которымъ у Сковороды мало общаго. Сооб. Ѳ. А. З. напечатано въ „Вопросахъ психологіи и философіи“ 1894 г.

Предсѣдатель общества М. С. Дриновъ благодарилъ Ѳ. А. Зеленогорскаго отъ имени общества за его обширный докладъ, полный живаго интереса. Докладъ этотъ вызвалъ оживленыя пренія, въ которыхъ приняли участіе А. С. Лебедевъ, Д. И. Багалѣй, А. А. Русовъ, В. И. Харціевъ и др. Н. Ѳ. Сумцовъ находилъ, что въ философіи Сковороды обнаруживаются

противорѣчія и что настойчиво проводимое имъ положеніе о жизни по природѣ построено на крайнемъ преувеличеніи понятія о природныхъ особенностяхъ человѣка и въ практической жизни вело къ оправданію рабства и сословныхъ ограниченій. А. С. Лебедевъ высказалъ нѣкоторыя сомнѣнія по вопросу о вліяніи на Сковороду стоиковъ и находилъ нужнымъ болѣе подробное опредѣленіе вліянія библіи. Референтъ находилъ, что послѣднее вліяніе было несомнѣнно сильно, но спеціальное изученіе его входитъ уже въ задачи богослова. В. И. Харцієвъ желалъ бы видѣть, какъ видоизмѣнялись философскія ученія древности въ передачѣ Сковороды подъ вліяніемъ особенностей его оригинальнаго ума и національнаго характера. Д. И. Багалѣй и А. А. Русовъ предполагали возможнымъ западныя философскія вліянія. А. А. Русовъ поставилъ вопросъ о времени изданія сочиненій Филона, а Д. И. Багалѣй о книжныхъ пособіяхъ Сковороды.

Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 15 февраля А. Я. Ефименко и А. А. Русовъ высказали нѣсколько замѣчаній по поводу прочитаннаго въ прошломъ засѣданіи реферата Ѳ. А. Зеленогорскаго о Сковородѣ и референтъ представилъ нѣсколько разъясненій по сему поводу.

Г. В. Левицкій сдѣлалъ сообщеніе объ ученой экспедиціи въ 1847—1849 годахъ четырехъ харьк. проф., Шидловскаго (астрономъ), Черная (зоологъ), Черняева (ботаникъ) и Борисяка (геолога) въ предѣлахъ харьковской и воронежской губ., причемъ было опредѣлено 30 пунктовъ, изслѣдована фауна и флора, собрано много растеній и сдѣлано много цѣнныхъ изученій геологическаго строя края. Отчеты Шидловскаго были одобрены акад. Струве, Черная акад. Брандтомъ и Борисяка акад. Гельмерсеномъ. Университетъ внимательно слѣдилъ за ходомъ экспедиціи. Высшее мѣстное начальство, въ лицѣ Кокошкина, на частное научное предпріятіе смотрѣло какъ на обязательное и по службѣ отвѣтственное и дѣлало замѣчанія, не отвѣчавшія сущности дѣла.

С. В. Соловьевъ сдѣлалъ сообщеніе о легендахъ о мученіяхъ Іуды Предателя по древнимъ памятникамъ искусства и литературы, въ частности о пожираніи Іуды Люциферомъ и о сказаніяхъ объ отдыхѣ Іуды въ аду отъ мученій. (Путешествіе св. Брандана). Нѣсколько замѣчаній по поводу этого реферата было высказано М. С. Дриновымъ, Н. Ѳ. Сумцовымъ и Л. Ю. Шепелевичемъ.

Постановлено издать въ ближайшемъ VI т. Сборника дѣла стародубовскаго магистратскаго суда съ 1690 по 1721 г., извлеченыя *Д. П. Миллеромъ* изъ харьковскаго историческаго архива.

Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 8 марта проф. *М. С. Дриновъ* прочелъ рефератъ „о недавно изданныхъ, по мюнхенскому списку, трудахъ болгарскаго архіепископа Димитрія Хоматіана". Указавъ въ

общихъ чертахъ на значеніе трудовъ Хоматіана для канонистовъ, историковъ и этнографовъ, референтъ остановился на анализѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) архіепископствованіе Димитрія Хоматіана началось не раньше 1214 г., а окончилось не раньше 1233 г.; 2) письмо Хоматіана къ великому жупану сербскому писаю не въ концѣ 12 вѣка, а около 20-ти лѣтъ позже, и находится въ непосредственной связи съ дѣломъ учрежденія сербской архіепископіи; 3) каноническіе отвѣты Хоматіана писаны не для Стефана Первовѣнчаннаго, какъ принято думать, а для его сына и преемника, короля Стефана Радослова Дука. Ему же адресовано и другое письмо Хоматіана къ сербскому королю. По мнѣнію профес. Дринова, письма эти имѣютъ важное историческое значеніе, проливая новый свѣтъ на внутреннія дѣла Сербіи и на ея отношенія къ Эпирскому Деспотству, а также на отношенія послѣдняго къ Никейской Имперіи. Въ обсужденіи этого реферата приняли участіе А. С. Лебедевъ и В. П. Бузескулъ.

Слѣдующій докладъ профес. *Н. Ѳ. Сумцова* состоялъ въ развитіи положенія, что рѣчь Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ 1589 г., изданная во 2 т. актовъ южн. и запад. Россіи, не историческій документъ, какимъ до сихъ поръ считается, а литературный памятникъ, политическій памфлетъ и бытовая сатира. Въ обсужденіи этого реферата участвовали Д. И. Багалѣй, М. С. Дриновъ и В. П. Бузескулъ, согласившіеся съ основнымъ положеніемъ докладчика и указавшіе нѣсколько аналогичныхъ явленій. Докладъ этотъ напечатанъ въ V книгѣ Кіевской Старины 1894 г.

Въ томъ же засѣданіи было разсмотрѣно нѣсколько текущихъ дѣлъ и, между прочимъ, дано цензурное разрѣшеніе на печатаніе и выпускъ въ свѣтъ ученаго труда проф. В. П. Бузескула объ „аѳинской политіи" Аристотеля, труда, прочитаннаго по частямъ въ предыдущихъ засѣданіяхъ общества.

Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 22 марта дано цензурное разрѣшеніе на изданіе 3-го тома записокъ по русской грамматикѣ и лекцій по теоріи словесности покойнаго предсѣдателя общества, проф. А. А. Потебни. Эти капитальные труды почти вполнѣ приготовлены для печати В. И. Харціевымъ, А. В. Ветуховымъ и нѣкоторыми другими членами общества изъ учениковъ А. А. Потебни послѣднихъ выпусковъ.

А. С. Геевскій и проф. А. И. Смирновъ пожертвовали въ библіотеку общества нѣсколько книгъ и рукописей. Жертвователямъ выражена благодарность.

Постановлено издать къ столѣтію со дня кончины Г. С. Сковороды (въ октябрѣ 1894 г.) собраніе его сочиненій въ видѣ 7 тома Сборника, а для разработки подробностей избрать комиссію изъ М. С. Дринова, А. С.

Лебедева, Д. И. Багалѣя, Ѳ. А. Зеленогорскаго и Н. Ѳ. Сумцова. Въ члены общества избранъ Р. О. Каширининовъ.

А. С. Лебедевъ сдѣлалъ сообщеніе о низшихъ школахъ въ бѣлгородской епархіи въ XVIII в. (напечатано въ 6 т. Сборника). Въ обсужденіи этого реферата участвовали М. С. Дриновъ, Д. И. Багалѣй и М. А. Остроумовъ.

С. В. Соловьевъ сдѣлалъ сообщеніе объ апокрифахъ и легендахъ о преданіи Христа Іудою. Референтъ остановился въ повѣсти объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, словахъ Евсевія Емесскаго и Евсевія Александрійскаго о сошествіи Іоанна Предтечи въ адъ и предательствѣ Іуды, латинскихъ, италіанскихъ, и французскихъ легендахъ и мистеріяхъ, народныхъ пѣсняхъ лужицкой и англійской; указалъ на сопоставленіе Іуды съ Каиномъ и на изображеніе преданія Христа и Тайной Вечери въ искусствѣ византійскомъ италіанскомъ и древнерусскимъ. Въ обсужденіи этого реферата участвовали М. С. Дриновъ, М. Е. Халанскій, Н. Ѳ. Сумцовъ и Е. К. Рѣдинъ.

Въ засѣданіи 5 апрѣля проф. Н. Ѳ. Сумцовъ доложилъ объ ассигнованіи историко-филол. факультетомъ 198 р. на изданіе сочиненій Г. С. Сковороды, о пособіи со стороны Правленія университета въ 300 руб. и предложилъ открыть пріемъ предварительныхъ взносовъ въ размѣрѣ 3 руб.; предложеніе это принято единогласно и одобрено при этомъ составленное секретаремъ объявленіе [1]).

---

[1]) **Согласно съ постановленіемъ состоящаго при Импероторскомъ Харьковскомъ Университетѣ Историко-филологическаго общества 5 апрѣля 1894 г. принимаются предварительные взносы на издаваемыя обществомъ сочиненія Г. С. Сковороды.**

Философъ и поэтъ Григорій Саввичъ Сковорода былъ просвѣтителемъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества, преимущественно передоваго его слоя дворянства во второй половинѣ прошлаго столѣтія и своей просвѣтительной дѣятельностью подготовилъ почву для открытія Харьковскаго университета. Изъ круга его ближайшихъ учениковъ и друзей вышли самые щедрые жертвователи на университетъ. Съ другой стороны нравственно-воспитательное вліяніе Г. С. Сковороды простиралось и на народъ, который усвоилъ нѣкоторыя религіозно-нравственныя его стихотворенія. Изъ многочисленныхъ произведеній Г. С. была напечатана лишь ничтожная часть и притомъ крайне неудовлетворительно.

Въ виду предстоящаго столѣтія со дня дня кончины Г. С. Сковороды (29 октября 1894 г.) Харьковское Историко-филологическое общество озаботилось собраніемъ его неизданныхъ сочиненій и въ настоящее время располагаетъ цѣлою коллекціею его рукописей; часть ихъ находится въ библіотекѣ Харьковскаго университета, но другая болѣе значительная прислана на время въ Харьковъ изъ Церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной Академіи и съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскагв Величества изъ Императорской публичной библіотеки въ Петербургѣ и Румянцевскаго музея въ Москвѣ (послѣднія рукописи особенно драгоцѣнны, потому, что представляютъ автографы Сковороды и подлинное „житіе" его, написанное Ковалинскимъ). Общество нынѣ переписало всѣ эти новые богатые матеріалы и съ 9 мая 1894 г. приступаетъ къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды, какъ философскихъ (9 названій, изъ коихъ 6 неизданныхъ), такъ и литературныхъ.

Въ составъ книги войдутъ слѣдующія статьи: 1) **Критико-біографическая и библіографическая статья проф.** Д. И. Багалѣя, 2) Житіе Г. С. Сковороды, составленно М. И. Ковали-

Директору москов. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ барону Бюлеру и оф. А. И. Смирнову выражена благодарность за сдѣланныя ими книжныя жертвованія.

М. А. Масловъ сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ интересномъ случаѣ со- ісованія въ латинскомъ языкѣ.

Проф. *П. Э. Лейкфельдъ* прочелъ докладъ объ ученіи Бэкона Верулам- іго объ индукціи. Мнѣнія референта объ отношеніи Бэкона къ Аристо- ію вызвали возраженія со стороны проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго.

26 мая исполнилось 50 лѣтъ научной дѣятельности тайнаго совѣтника іатора Дмитрія Александровича Ровинскаго. Отъ ист.-фил. общества была слана за подписью М. С. Дринова, Н. Ѳ. Сумцова, Д. И. Багалѣя и Е. Рѣдина привѣтственная телеграмма слѣдующаго содержанія: „Х. Ист. іл. Общество, высоко цѣня Ваши труды по исторіи искусства, въ част- сти Ваше драгоцѣнное во многихъ отношеніяхъ сочиненіе о русскихъ на- дныхъ картинкахъ, привѣтствуетъ Васъ по случаю пятидесятилѣтія Ва- ей плодотворной научной дѣятельности и желаетъ продленія ея еще на югіе годы".

Приложеніе: Адрессъ посланный отъ Харьк. Ист.-Фил. Общества Кіев- юй комиссіи для разбора древнихъ актовъ ко дню пятидесятилѣтняго ея билея 19 ноября 1893 года.

Историко-филологическое Общество, состоящее при Императорскомъ Харьковскомъ Уни- рситетѣ, шлетъ свои привѣтствія Кіевской Археографической Коммиссіи въ день ея пяти- сятилѣтняго юбилея. Въ теченіе цѣлаго полустолѣтія Кіевская Коммиссія достойно слу- итъ своему скромному по имени, но въ высшей степени важному дѣлу—собиранію и из-

---

ихъ, 3) Нарцисъ или узнай себя, 4) Правда вѣры, 5) О древнемъ мірѣ, 6) Бесѣда двое, 0 душевномъ мірѣ, 8) Алфавитъ міра, 9) Начальная дверь ко христіанскому добронравію, 0) Благодарный Еродій, 11) Харьковскія басни, 12) Борьба Аристратига Михаила съ сата- ю, 13) Садъ божественныхъ пѣсней, 14) Убогій жайворонокъ, 15) Израильскій змій, 16) утарахъ о спокойствіи души, 17) Ода Сидронія объ уединеніи и 18) Письма. Означенныя атьи издаются въ одномъ томѣ объемомъ приблизительно въ 35 печатныхъ листовъ, съ при- женіемъ портрета Г. С. Сковороды, по экземпляру, сохранившемуся въ музеѣ изящныхъ усствъ Харьковскаго университета. Изданіе это должно выйти въ свѣтъ къ 29 октября 94 г. Для ближайшаго завѣдыванія этимъ дѣломъ избрана редакціонная коммиссія въ со- вѣ пяти профессоровъ: А. С. Лебедева, М. С. Дринова, Д. И. Багалѣя, Ѳ. А. Зеленогор- аго и Н. Ѳ. Сумцова.

Цѣна три рубля съ пересылкою (по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена) Мѣстные рьковскіе подписчики взносятъ предварительные взносы одному изъ поименованныхъ выше ленов редакціонной комиссіи, а иногородніе обращаются непосредственно въ Харьковскій университетъ въ Историко-филологическое общество.

Даровыхъ экземпляровъ членамъ Историко-филологическаго общества не будетъ.

данію древнихъ актовъ по исторіи Юго-Западной Россіи. Это было важное и нужное дѣло, вызванное живыми потребностями времени и мѣста, прогрессивнымъ ростомъ нашего историческаго самосознанія. Являлась настоятельная нужда уяснить себѣ и другимъ историческую судьбу края и его этнографическихъ элементовъ, а въ особенности той народной массы, которая нѣкогда „дѣлала исторію своего края", а впослѣдствіи превратилась въ безправное крѣпостное крестьянство. Одного изученія исторіи по историческимъ пѣснямъ и лѣтописямъ оказалось недостаточнымъ; нужно было обратиться къ документальнымъ даннымъ. Такъ именно и поступилъ Максимовичъ, который стоитъ на рубежѣ лѣтописно-пѣсеннаго и документальнаго направленія. Глубокій знатокъ и необыкновенно тонкій критикъ лѣтописей, онъ замѣтно расчистилъ поле южно-русской исторіи отъ домысловъ и своими трудами подготовилъ почву для чисто документальной ея разработки. Исходнымъ пунктомъ для этого послѣдняго послужило учрежденіе, по инниціативѣ Коммиссіи, Кіевскаго центральнаго Архива, въ которомъ сосредоточился огромный матеріалъ по исторіи Юго-Западнаго края; это первая и очень важная заслуга Коммиссіи. И Харьковское Историко-Филологическое Общество съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что, собирая и организуя свой южнорусскій историческій Архивъ, оно слѣдовало примѣру своего старѣйшаго собрата. Затѣмъ, изъ этого и изъ другихъ хранилищъ, дѣятели Археографической Коммиссіи извлекли и опубликовали огромное количество разнообразныхъ актовъ и на основаніи ихъ сами же составили цѣлый рядъ монографій по внутренней исторіи Юго-Западной Руси. Они дали намъ исторію заселенія края, исторію православной церкви, церковной уніи, социніанства, исторію сословій—околичной шляхты, козачества, крестьянства съ гайдамачествомъ, горожанъ и евреевъ; наконецъ, не оставлена была безъ вниманія и исторія мѣстнаго народнаго самосознанія, ярко выразившагося въ постановленіяхъ дворянскихъ сеймиковъ и памятникахъ литературной полемики православныхъ южноруссовъ съ латинянами. Не будемъ перечислять всѣхъ ученыхъ изданій Коммиссіи, „Памятниковъ", „Древностей", упомянемъ только съ чувствомъ признательности объ южно-русскихъ лѣтописяхъ и выразимъ при этомъ случаѣ свое пожеланіе, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ, вышедшія изъ продажи, были вновь переизданы.

Въ заключеніе пожелаемъ еще дальнѣйшаго расширенія дѣятельности Коммиссіи; пусть она введетъ въ сферу своихъ научныхъ изданій и территорію сосѣднихъ Черниговской и Полтавской губерній. Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, и работники нашего Историческаго южнорусскаго Архива, гдѣ сосредоточены главнѣйшіе матеріалы по исторіи этихъ губерній, будутъ поставлены въ пріятную возможность примкнуть къ дѣятелямъ Кіевской Коммиссіи и доставлять ей серіи актовъ по исторіи старой лѣвобережной Малороссіи. На такой только почвѣ могъ бы разрѣшиться, по нашему мнѣнію, вопросъ объ ученой судьбѣ архива бывшей Малороссійской Коллегіи.

Историко-филологическое Общество увѣрено, что подъ руководствомъ нынѣшняго просвѣщеннаго Предсѣдателя и при живой, дѣятельной поддержкѣ ученыхъ гор. Кіева, Кіевская Археографическая Коммиссія въ новое пятидесятилѣтіе не только съ честью поддержитъ, но еще болѣе разовьетъ свою плодотворную научную дѣятельность.

Подписали: Предсѣдатель, профессоръ М. Дриновъ. Члены: профессоръ А. Лебедевъ, В. Савва, Е. Рѣдинъ, секретарь проф. Н. Сумцовъ, завѣдующій Историческимъ Архивомъ проф. Дм. Багалѣй, проф. Р. Шерцль, проф. Г. Шульцъ, проф. Д. Овсянико-Куликовскій, преподав. Евгеній Трифильевъ, проф. М. Халанскій, проф. Я. Денисовъ, проф. И. Нетушилъ, проф. М. Алексѣенко, архиваріусъ Историч. Архива кандидатъ М. Плохинскій, приватъ-доцентъ Б. Ляпуновъ, приватъ-доцентъ В. Фонъ-Зелеръ, протоіерей Николай Лащенковъ, А. С. Вязигинъ, Петръ и Александра Ефименки, инспекторъ студентовъ Н. Алякритскій.

ОТЧЕТЪ

объ историческомъ Архивѣ Общества отъ 1 октября 1892 года по 1 іюня 1894 года.

За истекшее время была продолжаема подробная опись дѣлъ Харьковскаго отдѣленія архива. Часть этой описи (19 нумеровъ дѣлъ) была напечатана въ V томѣ Сборника Общества; всѣхъ дѣлъ въ настоящее время описано 58, въ коихъ заключается 10207 архивныхъ листовъ. Въ теченіе послѣдняго времени архивъ обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями: отъ г-на Новицкаго полученъ свитокъ о шитьѣ платья посадскимъ людямъ въ Воронежѣ; въ отдѣлъ документовъ мѣстныхъ выдающихся дѣятелей поступили отъ С. Л. Зимовской письма проф. Т. Ѳ. Степанова, пр. Вл. Фр. Цыха, пр. И. Н. Даниловича. Библіотека Архива Общества, пополняемая исключительно путемъ обмѣна и пожертвованій, въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 1050 томовъ книгъ и брошюръ. Въ обмѣнъ на изданіе Общества „Сборникъ" въ архивную библіотеку прислали свои изданія слѣдующія ученыя общества и учрежденія: Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ свои изданія: Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ 5 частей. Цагарели. Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи т. I съ 1768 по 1774 годъ съ картою Закавказія. Бѣлокуровъ. Списки дипломатическихъ лицъ, русскихъ за-границей и иностранныхъ при русскомъ дворѣ. (Съ начала сношеній по 1800 годъ). Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Матеріалы, извлеченные изъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Вып. I. 1578—1613 гг. Законы В. К. Іоанна Васильевича и внука его Царя Іоанна Васильевича. Письма русскихъ государей и другихъ особъ Царскаго семейства. I. Переписка Петра I съ Екатериною Алексѣевною. II. Переписка царицы Прасковьи Ѳеодоровны и дочерей ея Екатерины и Прасковьи. III. Переписка царевича Алексѣя Петровича и царицы Евдокіи Ѳеодоровны. IV. Переписка

герцогини Курляндской Анны Ивановны. Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министер. Иностран. Дѣлъ. Вып. I—V. Бар. Ѳ. А. Бюлеръ. О мѣстѣ погребенія Хемницера. Веселовскій. Посольство къ Зюнгарскому Хунъ-Тайчжи Цованъ Рабтану капитана отъ артиллеріи Ивана Унковскаго и путевой журналъ его за 1722—1724 гг. Ульяницкій. Турція, Россія и Европа съ точки зрѣнія международнаго права. Пуцилло. Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей. Русскіе великаны въ Прусской службѣ. (1711—1746 гг.). Чарыковъ. Посольство въ Англію дворянина Григорія Микулина въ 1600 и 1601 гг. Всеподданнѣйшій отчетъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ за 1878 годъ. Калайдовичъ. Опытъ о посадникахъ Новгородскихъ. Неклюдовъ. Начало сношеній Россіи съ Турціей. Посолъ Іоанна III Плещеевъ. Ульяницкій. Дипломатія во время восточной войны и Парижскій трактатъ. Ульяницкій. Сношенія Россіи съ средней Азіею и Индіею въ XVI и XVII вв. Токмаковъ. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи и археологіи Донской области. Пуцилло. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Моск. Главному Архиву Минист. Иностр. Дѣлъ. Токмаковъ. Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ каталогъ рукописямъ, относящимся до Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей. Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Реестръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и Ѳеатрамъ воины, составленный въ 1810 году, исправленный въ 1828 г. и дополненный по 1877 годъ. Состояніе столичнаго города Москвы 1785 г. Токмаковъ. Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ каталогъ книгамъ по юриспруденціи съ 1500 по 1879 годъ. Хронологическій каталогъ Славянорусскихъ книгъ церковной печати съ 1517 по 1821 годъ, библіотеки Московскаго Главнаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ. Токмаковъ. Московскаго Главнаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ каталогъ дѣламъ и рукописямъ Аптекарскаго приказа и инымъ относящимся къ медицинѣ съ XV столѣтія. Токмаковъ. Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Мин. Иност. Дѣлъ каталогъ рукописямъ, печатнымъ книгамъ, географическимъ картамъ, планамъ и видамъ, относящимся до Владимірской губ. и ея святыни съ XVI столѣтія. Токмаковъ. Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министер. Иностр. Дѣлъ каталогъ рукописямъ, относящимся до церковной исторіи. Токмаковъ. Каталогъ выставки древне-письменныхъ памятниковъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Очеркъ дѣятельности Коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Ладыженскій. Архивная выставка въ Марбургѣ. Нѣмецкій Архивистъ въ Москвѣ. Снимки древнихъ русскихъ печатей государственныхъ, царскихъ, областныхъ, городскихъ присутственныхъ мѣстъ и част-

ыхъ лицъ. Описаніе торжественной закладки, совершенной въ 1858 оду августа въ 31 день при началѣ возобновленія романовскихъ палатъ. ’окмаковъ. Сборникъ матеріаловъ для VII археологическаго съѣзда въ Ірославлѣ. Вып. II и III. Токмаковъ. Челобитье Карачевскаго попа Петра Ірохорова. Щученко. Янтарная комната Царско-Сельскаго дворца. Ливинкій и Токмаковъ. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи. Веэловскій. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской 'уси съ Пруссіей т. II. Царствованіе Бориса Годунова, Василія Шуйскаго начало царствованія Михаила Θеодоровича т. I. Царствованіе Θедора Іваиовича. Уляницкій. Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Іольши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв. Indicateur des cares geographiques et des plans de differentes parties de l,Asie, appartenant a collection cartographique de la bibliothèque des Archives principales du inistére des affaires étrangères a Moscou; Императорское Общество Любиелей Древней письменности — свои „Памятники“ [1]); Общество Исторіи и ревностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ лѣдующія сочиненія: Бантышъ-Каменскій, Источники Малороссійской Исоріи 2 части. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи Древностей Россійскихъ XVIII, XIX, XXIII кн. Ригельманъ. Исторія о онскихъ козакахъ. Симоновскій. Краткое описаніе о козацкомъ малоросйскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ. Краткое историческое описаніе Малой Россіи до 1765 года. Переписка и другія бумаги Шведскаго Короля Карла XII, Польскаго Станислава Лещинскаго, Татарскаго Хана, Турецкаго Султана, Генеральнаго писаря Филиппа Орлика и Кіевскаго Воеоды Іосифа Потоцкаго на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Малороссійкая переписка, хранящаяся въ Московской оружейной палатѣ, открытая Іваномъ Забѣлинымъ. Копіи съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 ю 1725 годъ. Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей 'оссійскихъ. Архимандритъ Леонидъ. Обозрѣніе рукописей и старопечатыхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ ерквей Калужской епархіи. Книга пожиткамъ бывшаго Черниговскаго полковника Павла Полуботка и дѣтей его, Андрея и Якова Полуботковъ, сотавленная по указу 1724 года маіоромъ Михайломъ Раевскимъ и лейбъвардіи сержантомъ Львовымъ. О бунтѣ города Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 г. переводъ съ Польскаго Николая Яновскаго. Челобитье ѣкаря Роланта боярину Б. И. Морозову. Царскіе указы: 1) О городѣ Ярославлѣ. 2) Описаніе имени убитаго народомъ Траханіотова по прежнему съ вичомъ. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Краткая ис-

[1]) Переченъ книгъ, присланныхъ Общ. Люб. Др. Пис., помѣщенъ въ V томѣ „Сборника“.

торія о бунтахъ Хмѣльницкаго и войнѣ съ татарами, шведами и уграми съ 1647 года. Переводъ съ Польскаго. Діаріушъ или журналъ то есть повседневная записка случающихся при дворѣ ясновельможнаго, его милости пана Іоанна Скоропадскаго, войскъ всепресвѣтлѣйшаго Его Императорскаго Величества, запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетьмана, оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ, наченшійся 1722 году и оконченный въ томъ же году, по преставленіи и погребеніи помянутаго жъ гетьмана ясновельможнаго Іоанна Скоропадскаго въ мѣсяцѣ Іюнѣ войсковой канцеляріи старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ. Бантышъ-Каменскій. Переписка между Россіею и Польшею по 1700 годъ, составленная по дипломатическимъ бумагамъ 3 части. Ундольскій. Описаніе славянскихъ рукописей Московской патріаршей (нынѣ сvнодальной) библіотеки. Раздѣлы I—III. Свящ. Писаніе, Толкователи его и каноническое право. Гриневичъ. Алфавитный указатель періодическимъ изданіямъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Списокъ и указатель Трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Бѣлокуровъ. Указатель къ чтеніямъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Забѣлинъ. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга, члена Императорскаго придворнаго совѣта и Горація Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственнаго совѣта Нижней Австріи пословъ Августѣйшаго Римскаго Императора Леопольда къ Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу въ 1661 году, описанное самимъ барономъ Майербергомъ. Закревскій. Лѣтопись и описаніе города Кіева. Оболенскій. Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Указатель ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ за 68 лѣтъ 1815—1883 гг. Зарульскій Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ. Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 8 частей. Реестра всего войска запорожскаго послѣ зборовскаго договора съ королемъ Польскимъ Яномъ Казимиромъ, составленные 1649 года Октября 16 дня и изданныя по подлиннику О. М. Бодянскимъ; Казанскій, Кіевскій, Варшавскій и Харьковскій Университеты—свои „Записки" и „Извѣстія"; Воронежскій Губернскій Статистическій комитетъ—свои изданія Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университе-

тѣ—свои „Извѣстія"; Отдѣленіе Этнографіи при Императорскомъ русскомъ Географическомъ Обществѣ—„Живую Старину"; Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ—свои „Чтенія"; Этнографическое Отдѣленіе Московскаго Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи—„Этнографическое Обозрѣніе"; Виленская Археографическая коммиссія—свои „Акты" (XV—XX тт.); Одесское Общество Исторіи и Древностей—XV томъ своихъ „Записокъ"; Историко-Филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета—свои „Записки"; Товариство Имени Шевченка—2 т. своихъ „Записокъ"; Историко-филологическій институтъ кн. Безбородка въ Нѣжинѣ—свои „Извѣстія"; Харьковскій Статистическій комитетъ—„Харьковскій Календарь и Сборникъ"; Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ Актовъ—„Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. I, т. IX; ч. VIII, т. I"; "планъ Кіева 1695 г.", Торжественное собраніе коммиссіи 19 ноября 1893 г.", „Пятидесятилѣтіе этой коммиссіи"; Кіевскій губерн. Статистическій комитетъ—„памятную книжку Кіев. губ."; Воронежская Публичная Библіотека—свой „отчетъ за 1893 годъ", Министерство Народнаго Просвѣщенія въ Болгаріи—свой „Сборникъ"; „Историческое Общество" при С.-Петербургскомъ Университетѣ—„Историческое Обозрѣніе"; Императорское Русское Историческое Общество—свой „Сборникъ" [1]). Рязанская, Тамбовская, Таврическая, Ярославская, Нижегородская и Костромская архивныя коммиссіи высылали свои изданія. Членами Общества и частными лицами были пожертвованы слѣдующія книги и брошюры: Д. И. Багалѣемъ—„Сергій Радонежскій и его значеніе въ русской исторіи", „Къ исторіи Ученій о бытѣ древнихъ Славянъ", „Просвѣтительная дѣятельность В. И. Каразина"; „Замѣтки и матеріалы по исторіи Слободской Украины"; Н. Н. Бакаемъ—„Къ вопросу объ изученіи исторіи Сибири", „О составленіи переписныхъ книгъ гор. Мангазеи и Туруханска во второй полов. XVII в."; „Общій Обзоръ главнѣйшихъ актовъ, относящихся къ исторіи колонизаціи Сибири"; С. А. Бѣлокуровымъ—„Арсеній Сухановъ", „Матеріалы для русской исторіи", „Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ въ XVII в."; г. Геевскимъ—„Минерва", „О черноземѣ соч. Борисяка", „Попытка не пытка, спросъ не бѣда", „О сущности цивилизаціи Метлинскаго", „Номисъ Украински приказки и присловья и таке и инше", „Старинная пословица во вѣкъ не сломится" и др.; Довнаръ-Запольскимъ—„Мотивы свадебныхъ пѣсенъ Пинчуковъ", „Значеніе изученія этнографіи Гродненской губ"; Долговымъ — „о вѣчномъ покоѣ праведниковъ", „Славянская христоматія"; Дикоревымъ — „программа для этнографическаго изслѣдованія народной жизни въ связи съ голодомъ и холерою"; А, С. Вязигинымъ—„Лич-

---

[1]) Перечень присланныхъ томовъ см. въ V т. „Сборника".

ность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ", „Новое изслѣдованіе объ избраніи папы Григорія VII"; Венгрженовскимъ—„Авантюра XVI в."; А. В. Ветуховымъ—„говоры слободъ Бахмутовки и Новой Айдары"; Н. П. Василенкомъ—„Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Кіевскаго и Гадяцкаго полковъ"; Д. И. Иловайскимъ—„Розысканія о началѣ Руси", „Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гунскому"; „Исторія Россіи" т. I, ч. II, т. III, „Разсказы изъ древней и средней исторіи", „Гродненскій сеймъ 1793 года", „сочиненія: Исторія Рязанскаго княжества", „Екатерина Романовна Дошкова", „Графъ Яковъ Сиверсъ", „Мелкія сочиненія, статьи и письма"; М. Д. Линдою—„Руководство къ русской исторіи Медовикова", „Труды Вольнаго Экономическаго Общества (3 книжки)", „Письма Русскаго Путешественника Карамзина", „Исторія Русскаго народа Полеваго" II т., „Memoirs du cardinal Dubois", „Патріархъ Фотій соч. Платонова", „Флоренція и ея старые мастера", Библіотека для чтенія XVIII т." и др.; Мельникъ—„каталогъ коллекцій Древностей А. И. Поля"; Милорадовичемъ—„Рождественскія святки въ сѣверной части Лубенскаго уѣзда"; Плохинскимъ—„Краткое описаніе малороссійскаго народа", „Московскій телеграфъ (1826 г.)", „Периклъ, соч. Бузескула", „Похороная процессія Императора Александра I", Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в.", „Исторія Россіи, соч. Соловьева 10 томовъ"; Пѣтуховымъ—„Древнія поученія на воскресные дни великаго поста", „Серапіонъ Владимирскій", „Изъ исторіи русской литературы XVII в."; М. Ф. Потебней—„Мысль и языкъ", „Изъ лекцій по теоріи словесности"; Е. П. Родаковой—„Богданъ Хмѣльницкій. Лѣтопись Назара Ганновера"; Е. К. Рѣдинымъ—„Харьковъ, какъ центръ художественнаго образованія юга Россіи"; Салтыковой—„Дневникъ Патрика Гордона"; В. И. Саввой—„Къ исторіи духоборцовъ Харьковской губ."; Н. Ѳ. Сумцовымъ—„Памяти Манжуры", „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета", „Квитка, какъ русскій этнографъ", „Отчетъ и рѣчь, читанные въ Московскомъ университетѣ 1890 года", „Памятная книжка Воронежской губ. на 1891 и 1892 г.", „Бунинскій. Крещеніе Остяковъ и Вогуловъ"; А. И. Смирновымъ—„Первый трудъ Григоровича", „Новый варіантъ стиха плачъ Адама", „О мнимомъ дуализмѣ въ Миѳологіи Славянъ", „Происхожденіе Физіолога", „Чинъ пещнаго дѣйствія", „Къ тысячелѣтію патріарха Фотія", „О старопольской письменности", „3-й списокъ Задонщины по Сvнодальному Сборнику XVII в.", „По поводу изданія Сборника 1076 года"; Е. П. Трефильевымъ—„Селитровареніе въ Слободской Украинѣ"; Р. И. Шерцлемъ—„Римское монетное дѣло".

Съ цѣлью научной разработки матеріаловъ архивъ посѣщали: В. А. Мякотинъ, работавшій въ архивѣ впродолженіе лѣтнихъ и зимнихъ рождественскихъ каникулъ, извлекъ массу матеріаловъ для исторіи крестьян-

ства въ Малороссіи, для чего просмотрѣлъ около 500 дѣлъ Черниговскаго отдѣленія, 31 связку Румянцовской описи и нѣсколько связокъ Полтавскаго отдѣленія; Е. А. Альбовскій, работавшій надъ исторіей Харьковскаго слободскаго полка; Е. П. Трефильевъ—по исторіи промышленности въ Слободской Украинѣ; В. И. Савва, интересовавшійся документами, по исторіи просвѣщенія въ Малороссіи; Е. К. Рѣдинъ, бумагами Г. С. Чирикова для біографіи Алферова и В. И. Срезневскій тѣми же бумагами для біографіи академика И. И. Срезневскаго; Н. П. Василенко, работающій по исторіи администраціи въ Малороссіи.

За справками въ архивъ обращались гг. Скляръ, Олешко, Черевко и Жедановъ, разыскивающіе данныя о своихъ предкахъ, а Кальницкому и Храмцову были выданы копіи ихъ фамильныхъ документовъ. Архивной библіотекой пользовались лица, работающія въ архивѣ, члены Общества, а также посторонніе ученые, студенты и другія лица по рекомендаціи членовъ Общества.

Завѣдующій Архивомъ проф. ***Д. Багалѣй.***

Архиваріусъ Кандидатъ ***М. Плохинскій.***

Случайныя археологическія находки.

Въ апрѣлѣ и маѣ 1891 года вблизи селенія Райгородка, Изюмскаго уѣзда, гдѣ я нахожусь священникомъ, найдены мною серебряныя и мѣдныя монеты, бронзовая курильница и разные мелкіе предметы какого-то древняго народа. Я слышалъ отъ жителей о нахожденіи подобныхъ монетъ еще при поступленіи сюда; даже одну нашелъ и самъ послѣ весенняго разлива вблизи рѣки Торца на своемъ церковномъ полѣ: монета была красной мѣди, почти истертая и во всемъ подобна найденнымъ послѣ. Находили ихъ многіе изъ прихожанъ, причемъ мѣдныя тутъ же бросали, а серебряныя передѣлывали дѣтямъ на серги. Но такія находки всегда попадались только на извѣстныхъ мѣстахъ: на городищѣ и въ особенности около вѣтряной мельницы Райгородскаго крестьянина Савченка. Городище находится верстахъ въ 3-хъ отъ Райгородка въ сѣверозападную сторону, на срединѣ разстоянія между Торомъ (Славянскомъ) и Казачьей пристанью (на Донцѣ смежно съ современнымъ Райгородкомъ), откуда Торскіе казаки доставляли когда-то дрова для соляныхъ варницъ.

Явныхъ признаковъ какого-либо укрѣпленія теперь здѣсь нѣтъ: ни рвовъ, ни насыпей,—все большею частью занесено сыпучимъ пескомъ, мѣстами представляющимъ громадные холмы; а лѣтъ 35 тому назадъ Райгородскіе крестьяне засадили юго-восточные склоны городища красной лозой Все пространство его заключаетъ около квадратной версты и довольно высоко приподнято надъ окружающей мѣстностью. Съ юго-запада и востока къ нему примыкали большія озера, признаки одного изъ нихъ еще существуютъ и теперь, а надъ западной стороной возвышается какъ бы двойной рядъ валовъ. Сѣверная сторона городища соединялась съ близлежащей возвышенностью довольно пространной лощиной, окаймленной небольшими холмиками. Всѣ мѣста, гдѣ снесенъ песокъ, представляютъ твердую сѣрую почву, усѣянную массивными черепками, осколками разбитыхъ кремней (здѣсь найдены мной и кремневыя острія), кирпича, мѣла и сѣраго песчанника; а кое-гдѣ виднѣются бугры изъ глинянаго мусора, смѣшаннаго съ камышемъ, какъ-будто пепелища старыхъ жилищъ. Около послѣднихъ приходится встрѣчать толстые чугунные черепки, мелкія кости, перержавѣвшіе гвозди

и другіе малозначущіе предметы;—случайно я поднялъ и половину граненнаго стеклянаго буса, а также кристаллъ кварца, или быть, можетъ, горнаго хрусталя. Но древней монеты на городищѣ не пришлось отыскать ни одной; хотя нѣкоторые изъ райгородцевъ и подымали серебряныя и даже золотыя монеты давняго и новаго времени, уже чеканенныя послѣ Петра Великаго. Изъ нихъ удалось и мнѣ отыскать одну мѣдную Екатерины II-й 1768 г., съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца. Отъ мѣстныхъ старожиловъ я слышалъ, что въ срединѣ городища былъ глубокій каменный погребъ, когда-то, быть можетъ, служившій пороховымъ складомъ въ укрѣпленіи, выстроенномъ Донецъ-Захаржевскимъ между Торомъ и Казачьей пристанью, о чемъ упоминается въ описаніи Слоб. Знаменскаго Изюмскаго уѣзда преосвященнымъ Филаретомъ. Вообще изъ того обстоятельства, что на ряду съ древними монетами, кремневыми остріями, старинными черепками и т. п. на городищѣ попадаются и монеты Петра Великаго и послѣдующихъ императрицъ,—видно, что городище населялось часто и разными народами, включая и казаковъ Изюмскаго полка. На южномъ, — песчанномъ склонѣ укрѣпленія я нашелъ два человѣческихъ скелета;—лежали они рядомъ съ распростертыми руками и головами, обращены прямо на сѣверъ. Кости были почти истлѣвшія, но, судя по росту, челюстямъ и зубамъ, принадлежали людямъ юношескаго возраста.

По мѣстнымъ разсказамъ стариковъ кое-кто будто воспользовался и кладомъ вырытымъ въ городищѣ, но, по провѣркѣ, истины въ этихъ разсказахъ не оказалось.

Второе мѣсто древнихъ поселеній, по оставшимся памятникамъ, гораздо интереснѣе. Расположено оно на югъ отъ Райгородка верстахъ въ 2-хъ около вѣтряной мельницы крестьянина Савченка, гдѣ занимаетъ пространство немного болѣе одной квадратной версты и съ востока на западъ значительно удлинено. Южную его сторону омываетъ очень глубокій въ этомъ мѣстѣ Торецъ, круто поворачивающій прямо на сѣверъ, отдѣляя вездѣ возвышенное мѣсто старыхъ поселеній отъ низменнаго луга всегда заливаемаго весенней водой. Съ запада и сѣвера описываемое пространство окружаютъ довольно глубокія въ видѣ полумѣсяца впадины, мѣстами покрытыя болотами. Какъ говорятъ старожилы, это остатки бывшихъ большихъ озеръ и трясинъ. Многіе еще помнятъ, какъ перегоняли чрезъ нихъ вплавь скотъ и лошадей, которыхъ иногда засасывала бездонная трясина. Въ свое время болота, озера и рѣка Торецъ, окружая жилища со всѣхъ почти сторонъ, доставляли обитателямъ совершенно безопасное убѣжище [1]) и жизнь здѣсь.

[1]) Теперь эти озера носятъ названіе, на мѣстномъ нарѣчіи: Пончене, Кугувате, Перемежеване и Долгая Озерявина; изъ которыхъ въ сухое время года вода держится только въ Куговатомъ и Перемежеваномъ, а въ дождливое время во всѣхъ.

судя по остаткамъ, была устроена очень прочно и даже съ комфортомъ. Глинянаго и землянаго мусора, какъ въ городищѣ, не встрѣчается совсѣмъ, всѣ же постройки были сдѣланы изъ прекрасно обоженаго кирпича — твердаго какъ желѣзо. Его мѣстами набросано такъ много,—и на поверхности и въ землѣ, — что плугомъ въ 3 пары воловъ невозможно провести борозды, и крестьяне съ большими затрудненіями перепахиваютъ поле. По формѣ кирпичъ четыреугольный, продолговатый, толщиной до 2 вершковъ, шириной до трехъ и длиной до 8 вершковъ и вообще далеко больше, массивнѣе и тверже современнагѳ. Попадается иногда и косой (сжатой) формы, какой употребляютъ теперь для кладки сводовъ. Цвѣта онъ буроватаго (иногда сѣраго); причемъ одна лицевая сторона бываетъ покрыта прекрасно сохранившеюся эмалью: бирюзоваго, бѣлаго и розоваго цвѣта; другія же стороны обыкновенно крашены бѣлой краской. Соединялись кирпичи при помощи бѣлой массы въ родѣ нашей извести, или цемента; куски ея и теперь еще не поддаются тренію пальцами. Вездѣ по мусору и песку разбросано множество кремневыхъ отколковъ разной формы иногда сильно заостренныхъ, то въ видѣ ножа, то въ видѣ стрѣлы (наконечника), то просто, какъ гвоздь. Кремни постояннно перемѣшаны съ толстыми массивными черепками отъ простой домашней посуды, довольно грубой ручной работы. На видъ они имѣютъ разныя цвѣта: ярко красный, сѣрый и почти бѣлый, желтоватый и черный.—Перваго рода, т. е. краснаго цвѣта я поднялъ въ мусорѣ громадное ухо отъ кувшина, замѣчательно твердое и съ разными сдѣланными ногтемъ узорами. Цѣлаго же горшка, или чего-либо въ этомъ родѣ отыскать не пришлось—всѣ ломкіе предметы (кувшины и т. п.), лежащіе неглубоко въ землѣ, разламываются и перебиваются при паханіи этихъ мѣстъ плугомъ. Упомянутыхъ же черепковъ и кремневыхъ отколковъ можно набрать, пожалуй, цѣлые воза. Кромѣ остатковъ грубой посуды встрѣчаются и куски болѣе дорогіе, изящные на видъ, покрытые бирюзовой эмалью. Всѣ они изъ бѣловатой, а иногда и сѣрой глины, толстые и тонкіе,—подобно кусочкамъ отъ современной чайной фаянсовой посуды.

Эмаль, очевидно, была сдѣлана далеко искуснѣе, чѣмъ теперешніе гончари готовятъ, такъ называемое, поливо. Послѣднее ни въ какомъ случаѣ не выдержитъ такого продолжительнаго вліянія сырости и разныхъ другихъ атмосферныхъ измѣненій. Быть можетъ въ составъ эмали употреблялся сплавъ какого-то металла, котораго очень много видно и въ пескѣ и въ мусорѣ: въ изломахъ онъ даетъ зеленоватый отливъ и, хотя цвѣтомъ похожъ на чугунъ, но все-таки рѣзко отличается отъ разбросанныхъ по мусору толстыхъ чугунныхъ черепковъ.

Изъ желѣзныхъ предметовъ попадается много гвоздей разной формы: круглыхъ, трехгранныхъ и четырегранныхъ, ножи, пряжки, кольца, инстру-

менты въ родѣ лопатокъ употрябляемыхъ печниками и даже цѣлые замки. Впрочемъ я долженъ сказать, что быть можетъ они происхожденія и не такъ давняго; такъ какъ вблизи старыхъ развалинъ долгое время жилъ сторожъ левады, теперь уже не существующей,—это было въ 1830—40 годахъ.

Изъ мѣдныхъ предметовъ находилъ тонкія пластинки, гвозди, колечки, пуговки и даже цѣлый бубенчикъ, вѣроятно, отъ уздечки. Встрѣчаются и другаго рода бездѣлушки, — бусинки и какія-то украшенія, которыхъ понять нельзя: они въ видѣ маленькой пустой палочки съ налѣпленнымъ узоромъ и были повидимому къ чему-то приклеены и теперь еще замѣтнымъ красноватымъ составомъ. Изъ животныхъ остатковъ встрѣчаются кости, но онѣ раздроблены и обуглены, а потому и трудно опредѣлить чьи; впрочемъ человѣческіе зубы я находилъ довольно сохранившимися.

По всему описываемому пространству старыхъ жилищъ, сильные весенніе вѣтры выдуваютъ изъ песчаной земли мѣдныя и (кажется) серебряныя монеты. Всѣ онѣ обыкновенно невѣрной круглой формы, величиной какъ 10 коп., причемъ одна сторона тоньше другой. Весной ихъ бываетъ до того много, что я съ своимъ церковнымъ сторожемъ насобиралъ ихъ за 4 часа болѣе 55 штукъ; но въ землѣ ихъ скрывается далеко, разумѣется, больше и когда крестьяне будутъ перепахивать эти мѣста, то онѣ обнаружатся еще. На мѣдныхъ монетахъ чаще всего изображена птица съ распростертыми крыльями, довольно грубой работы, иногда звѣрь въ родѣ оленя, а то просто вѣтка. На серебряныхъ—постоянно только однѣ надписи, причемъ на нѣкоторыхъ имѣются надписи, принадлежащія, кажется, разнымъ племенамъ.

Ранней весной 1891 года около Райгородскаго кладбища рыли могилу и на глубинѣ $^1/_2$ аршина отъ поверхности земли нашли 2 большихъ человѣческихъ черепа; между ними стоялъ горшочекъ изъ черной глины самой грубой работы и бронзовая курильница.

Горшочекъ крестьяне разбили, не находя въ немъ никакого интереса, а курильницу одинъ изъ нихъ передалъ мнѣ, зная, что я интересуюсь древними монетами и вещами. Интересно знать — какому народу принадлежали эти вещи и монеты? Кто строилъ и населялъ городки около Райгородка?

Въ исторической хронологіи Харьковской губерніи (Щелкова) на 2-й страницѣ подъ 1320 годомъ я прочиталъ: *„Въ этомъ году Ханскій баскакъ Ахматъ водворяетъ татаръ на границахъ нынѣшней Харьковской и Курской губерній“*. Не остатки-ли это упомянутыхъ Щелковымъ татарскихъ жилищъ? Или быть можетъ оно принадлежитъ эпохѣ болѣе ранней?

Дальнѣйшія мои изслѣдованія окрестностей Райгородка обнаруживаютъ остатки каменнаго вѣка не въ одномъ только, описанномъ мною „Городищѣ“. Богата ими и песчаная покатость, идущая отъ него дальше на востокъ, до оврага „Балки“ и широкая равнина у самого селенія, гдѣ обдѣланные кремни

я подымалъ на кладбищѣ и на улицѣ. Песокъ заполонилъ теперь и землю и растительность, скрылъ подъ собою и много древнихъ пепелищъ; тогда какъ раньше, по разсказамъ стариковъ, онъ едва проглядывалъ; да и то по ручейкамъ склоновъ и вершинамъ холмиковъ. Его крѣпко сдерживалъ тонкій, но твердый слой сѣрой земли, пока человѣкъ и стихія общими силами не разрушили его. Такъ усердный плугъ, бороздившій цѣлое столѣтіе холмы и долины, разорвалъ дерновый слой, размягчилъ спасительную скорлупу, а снѣговая и дождевая вода размыли и унесли ее въ рѣки и поемные луга. Въ мѣстахъ плодородія, насиженныхъ разнообразными народностями высунулся сыпучій подпочвенный песокъ, а вѣтеръ помогъ ему совершенно измѣнить поверхность земли: то наслаивая валы и цѣлые курганы, то вымегая рытвины и ямы. Только ржавая—желѣзистая глина еще сдерживаетъ его и сохраняетъ, хотя клочки первобытной почвы. Соединяясь въ значительной примѣси съ пескомъ, она образуетъ на его поверхности твердую корку свободно выдерживающую даже давленіе конскаго копыта, особенно въ сухое—лѣтнее время. Нѣсколько такихъ пространствъ, имѣющихъ сильно прижженый видъ, судьба сохранила до сихъ поръ съ разными памятниками исторіи земли и человѣчества. Осматривая ихъ въ это лѣто (1893 года), я поднялъ близь Городища и оврага Балки нѣсколько кусковъ окаменѣлаго дерева. Изъ нихъ одинъ похожъ на щепку сосновой коры съ сохранившейся даже буроватой окраской верхняго слоя, а другой, значительно большій, представляетъ собою сучекъ дерева какой-то крѣпкой бѣлой породы съ самымы мелкими и густыми слоями древесины. На одномъ боку послѣдняго замѣтны остатки коры изъѣденной насѣкомыми раньше окаменѣнія. Тамъже въ пескахъ поднялъ я и два окремнизированныхъ пустыхъ слѣпка какого-то бородавчатаго растенія, прекрасно сохранившаго всѣ бугорки и ямки идущія вдоль стволика, но къ несчастью болѣе характерный изъ нихъ мною нечаянно уничтоженъ и сохранился только его снимокъ. Съ остатками растеній я встрѣтилъ и кусочки окаменѣлой кости животныхъ. Одинъ изъ представляемыхъ имѣетъ розоватую окраску средины и сильно шаршавые, какъ бы источенные, бока, похожъ онъ на какой-то странный кремень; а другой совершенно темнаго цвѣта сохранилъ на одномъ боку видъ мозговой стороны кости. Изъ позднѣйшихъ, современныхъ намъ, представителей животнаго царства въ песчаныхъ ямахъ встрѣчаются скорлупы обыкновенныхъ рѣчныхъ устрицъ (черепашекъ) и спиральныя раковинки улитокъ съ рыжеватыми по нимъ полосками. А по холмикамъ глинянаго мусора валяются иногда полуразсыпавшіяся кости коня и какихъ-то маленькихъ грызуновъ вродѣ нашихъ сусликовъ, или полевыхъ хомякóвъ, тамъ-же найдена мною и представляемая ушная раковина какого-то животнаго. Съ описанными окаменѣлостями и костями по песчанымъ ямамъ и особенно на прижженной

коркѣ разбросаны кусочки мѣла, глины, песчанника и всевозможныхъ формъ и вида кремни. Изъ нихъ одни цѣлы и покрыты природнымъ известовымъ налетомъ, а другіе оббиты и къ одному концу сужены, причемъ на своихъ остріяхъ носятъ слѣды отъ ударовъ и тренія. На болѣе тонкихъ отколкахъ, обыкновенно прозрачнаго кремня, замѣтны часто первоначальные опыты человѣческаго искусства еще слабые и неопредѣленные: оббивка только начата и изъ нея не видно къ какому типу отнести предметъ. Но изрѣдка попадаются и вполнѣ ужъ законченныя каменныя и кремневыя орудія, а также и части ихъ. Человѣкъ несомнѣнно старался придать имъ явно искусственную форму, принаравливая своимъ потребностямъ. Таковыми являются плоскіе трехгранные и многогранные скребки, ножи шилья съ замѣчательно нѣжными остріями, отломанные кончики копій, а такъ же куски кремневыхъ орудій пережженыхъ въ огнѣ и тщательно отшлифованныхъ; а изрѣдка попадаются и части молотковъ изъ темнаго мелкозернистаго-густого камня съ выглаженной поверхностью. Но въ особенности замѣчательными по обдѣлкѣ являются кремневыя стрѣлы. Онѣ представляютъ собою уже значительную степень человѣческаго умѣнія—большую сноровку въ оббивкѣ кремней, которая произведена на многихъ настолько тонкими, дробными отколами, что линіи ихъ едва замѣтны простому глазу. Есть стрѣлы съ нѣсколько выпуклыми—закругленными боками (гранями) отчего они были замѣтно крѣпче и прочнѣе при стрѣльбѣ, и лучше сохранились до нашего времени; а другія слишкомъ тонки—плоски, а потому и ломкія при ударахъ: ихъ я находилъ больше разбитыми, безъ носковъ и съ тупыми иззубренными боками, а иногда приходилось подымать и одну только ихъ средину. Всѣхъ стрѣлъ отыскано мною въ это лѣто пять, а съ прошлогодними (1892 г.) десять экземпляровъ и судя по представленнымъ здѣсь, они бываютъ довольно разнообразныхъ формъ. Чаще попадаются стрѣлы ввидѣ удлиненнаго треугольника, вершина котораго и служитъ самымъ остріемъ; затѣмъ обыкновенной копьевидной формы иногда очень вытянутой. отчего орудіе походитъ на стручекъ бобоваго растенія и наконецъ въ подошвѣ стрѣлы (основаніи треугольника) бываетъ искусно выбита довольно глубокая выемка, удобная какъ для вкладыванія древка, такъ и для задержанія стрѣлы въ ранѣ пораженнаго животнаго. Одной, изъ представленныхъ трехъ послѣдняго типа придана миндалевидная форма, а другая носитъ оригинальный видъ пики на игральныхъ картахъ, только безъ хвостика.

Изъ предметовъ домашняго обихода часто встрѣчаются глиняныя бусы и ихъ разбитыя части съ замѣтными краями дырокъ, а также всевозможные глиняные черепки, изъ которыхъ многіе очевидно древнѣйшаго происхожденія. По цвѣту кусковъ замѣтно, что обожжена была чаще только наружная сторона сосуда, а внутренняя вполнѣ сохранила видъ глины, изъ

которой онъ былъ сдѣланъ: преимущественно послѣдняя была черная. Величину и форму сосудовъ очень трудно опредѣлить съ достаточною точностію: такъ ужъ малы и попорчены ихъ черепки; только и удалось поднять одинъ на южномъ склонѣ Городища—совершенно черный, по которому ясно видно, что горшочекъ былъ очень маленькій, низкій, самой грубой работы и безъ всякихъ украшеній. Подобные (судя по рисункамъ) находилъ и господинъ Зарѣцкій при раскопкахъ Лихачевскихъ кургановъ, назвавши ихъ рыночками. На многихъ черепкахъ сохранились характерные узоры и украшенія. Состоятъ они чаще изъ параллельныхъ вырѣзныхъ линій, или же выпуклыхъ рубчиковъ, окаймляющихъ то вѣнчикъ, то бока сосудовъ, причемъ для украшенія по нимъ выдавлены иногда правильными рядами неглубокія ямки, какъ бы ногтемъ большого пальца. Въ нѣкоторыхъ же сосудахъ для чего-то продавлены были насквозь маленькія дырочки, что доказываютъ найденныя ихъ части. Кромѣ украшеній при помощи ногтей употреблялись и орудія: на черепкахъ замѣтны отпечатки какъ бы палочки испещренной зарубками, которую прикладывали подъ косымъ угломъ, отчего узоръ походилъ на ступню куриной лапки. На нѣкоторыхъ сосудахъ, тоже орудіемъ, была тщательно выдавлена выпуклая рѣшотка, идущая кругомъ боковъ въ наклонномъ положеніи. Есть черепки изъ прекрасно обожженыхъ горшковъ и кувшиновъ поражающихъ своею массивностью, но эти происхожденія, замѣтно, болѣе поздняго—культуры бродившихъ здѣсь кочевниковъ.

Описанная песчаная равнина непосредственно за селеніемъ къ востоку примыкаетъ къ заливному лугу, покрытому молодымъ дубнякомъ — больше срубомъ. По немъ въ низменныхъ— влажныхъ мѣстахъ почва состоитъ изъ илистыхъ наслоеній и торфяника, а въ болѣе высокихъ изъ чернозема, часто глинистаго, и всегда почти тонкаго... Сильный напоръ весеннихъ водъ Донца въ иныхъ мѣстахъ совершенно срѣзываетъ его до вязкой глинистой подпочвы, образуя громадные размывы и обрывистыя ямы, по мѣстному „ковбани“. Обыкновенно послѣдніе бываютъ на такъ называемымъ кутамъ, гдѣ вода минуя русло, стремится прямо чрезъ колѣно, а также на полянахъ и по узкимъ лѣснымъ тропинкамъ [1]). Въ нихъ вмѣстѣ съ разными современными устрицами и улитками вода вырѣзываетъ изъ твердаго грунта совершенно цѣлыя-оригинальныя орудія каменнаго вѣка, какъ то: скребки, ножички, обдѣланные кремневые шары и типичныя кремневыя копья. Изъ послѣднихъ четырехъ два я нашелъ въ это лѣто въ Леоновомъ кутѣ, въ отвалѣ глеистой кручи Донца: они торчали горизонтально въ твердой поч-

[1]) Изъ такихъ мѣстъ особенно замѣчательны куты: „Леоновъ“, „Голузина круча“, „Кугуватый“, „Перерва“. „Пересыпь“, „Грунской“, „Сесюковъ срокъ“ и дорога на поляну „Коровку“.

вѣ, почти подъ черноземомъ, или вѣрнѣе въ линіи соединенія послѣдняго съ глиной на глубинѣ до полуторы четверти. Замѣтно эти копья отдѣлены были, также какъ и всѣ скребки и ножички, отъ большихъ круглыхъ кремней, почему и линія откола получилась вогнутая. Верхняя—выпуклая сторона оббита у нихъ на три грани самыми крупными отколами, отчего орудія получаютъ видъ грубыхъ—первобытныхъ. Другія два болѣе совершенныя копья я поднялъ прошлое лѣто (1892 г.) на глею Грунскаго кута съ отбитыми носками и длинными хвостиками для вкладыванія въ древко. Эти представляютъ изъ себя прямые осколки плоскихъ кремней причемъ на обѣихъ сторонахъ сохранилось природное известковое наслоеніе. Своею болѣе мелкой тщательной обдѣлкой они вполнѣ соотвѣтствуютъ найденнымъ въ песчаной покатости кончикамъ такихъ же копій. Всѣ скребки и ножички изъ кручь и размывовъ оббиты замѣчательно правильно иногда нѣжно и тонко больше узкой продолговатой формы, а одинъ попался и совсѣмъ круглый, какихъ я не встрѣчалъ и въ пескахъ. Интересенъ и поднятый мною довольно толстый кремень, оббитый только внизу съ рядомъ зубчиковъ по острію: онъ могъ служить рѣжущимъ орудіемъ, маленькой пилой для чего вверху, какъ бы для пальца, сдѣлано и углубленіе. На глеистомъ днѣ промоины близъ селенія я нашелъ значительный кусокъ каменнаго молотка чернаго цвѣта; въ немъ замѣтна и дыра для ручки, а конусообразный носокъ сильно притертъ отъ ударовъ; на одномъ боку его виденъ и слабый блескъ шлифовки, а къ другому крѣпко присталъ слой сѣраго глея. Найденные съ орудіями черепки по кручамъ и вымоинамъ вполнѣ подходятъ цвѣтомъ глины, выпалкой и формой украшеній къ найденнымъ въ пескахъ; они также мелки, но притомъ находясь долго въ сырости разсыпаются даже отъ прикосновенія. Плохо сохранились и вымытыя кости современныхъ намъ животныхъ коня, свиньи, собаки, хотя нужно сказать, оленьи рога вода вырѣзываетъ изъ кручъ и совершенно цѣлыми. Въ кутѣ Грунскаго я нашелъ этимъ лѣтомъ тонкій и острый зубъ какого-то животнаго въ глею на устьѣ рѣки Торца; съ сильно загнутымъ внутрь остріемъ онъ имѣетъ по всей своей длинѣ выемку, что дѣлаетъ его похожимъ на птичій клювъ.

Надъ озеромъ Маяцкимъ—бывшимъ русломъ Донца, между высокими мѣловыми выступами есть чашкообразная поди, которыя, послѣ уничтоженія лѣсной поросли, снѣговая вода изрыла глубокими обрывистыми оврагами. Стѣны послѣднихъ обыкновенно состоятъ изъ рыжей глины, переходящей къ вершинамъ въ красный цвѣтъ, иногда смѣшанной съ мѣловымъ мусоромъ; дно же ихъ обыковенно размыто до цѣльнаго-мѣловаго слоя. Въ нѣкоторыхъ я и раньше находилъ старинные черепки, трехгранные скребки и ихъ части, на поверхности хрящеватой земли. Въ это же лѣто 1893 года въ яру, такъ

азываемой, Печерной горы, въ дождевомъ глинистомъ наносѣ мнѣ удалось однять вполнѣ сохранившееся кремневое орудіе значительно большей, величины противъ всѣхъ до сихъ поръ мною найденныхъ. Лежало оно рядомъ ь природными кремнями и отколками, какихъ вообще, масса въ мѣловыхъ эрахъ, но своимъ искусственнымъ видомъ невольно привлекло мое вниманіе, акъ несомнѣнно издѣліе рукъ человѣка. Оно походитъ на топорикъ минлевидной формы, въ длину имѣетъ почти четверть аршина и до полутора эршка ширины, и сильно съужено къ одному концу. Оббивка произведена а немъ правильными крупными отколами, причемъ на широкомъ его концѣ аходятся съ противоположныхъ сторонъ покрытыя известковою накипью. 'зкимъ болѣе тупымъ концомъ оно могло служить какъ бьющее (клюющее) рудіе, а широкимъ легко рѣжетъ еще и теперь даже дерево.

Аналогичныя найденному были выкопаны во Франціи при деревнѣ Шелли а берегу рѣки Марны вмѣстѣ съ остатками мамонта (смотр. Ольгердъ ільчинскій „Древнѣйшія каменныя орудія въ Европѣ"). Мое же орудіе, хотя лежало, правда, недалеко отъ окаменѣлостей, но то были куски раковинъ рыбьихъ костей мѣловой формаціи, далеко предшествовавшей періоду маонта. Вѣроятно топорикъ былъ снесенъ на самое дно оврага изъ верхнихъ линистыхъ слоевъ, на которыхъ встрѣчаются, какъ я сказалъ, кремневые кребки, а жители Райгородка видѣли не разъ и обломки человѣческихъ черепювъ выдающейся толщины. Осматривая песчаные склоны я встрѣчалъ и предіеты и бронзовые и мѣдные. именно: въ вынесенной вѣтромъ ямѣ, вблизи сосновой рощи я поднялъ болѣе десяти маленькихъ бронзовыхъ бляшекъ врогѣ пуговокъ съ остатками замѣтной позолоты. Величиной они съ десятикопѣечную серебряную монету и имѣютъ придѣланные хвостики, замѣтно аклепивавшіеся во что-то металлическое, а нѣкоторыя изъ нихъ носятъ и лѣды ударовъ остраго орудія, отдѣлившаго ихъ отъ мѣста придѣлки.

Лежали они на пространствѣ двухъ, трехъ квадратныхъ аршинъ вмѣстѣ съ кусочками бронзы (сѣраго цвѣта), которые представляютъ собою кости какого-то круглаго предмета. Одна сторона послѣдняго была прекрасно отполирована, какъ зеркало, а на другой шелъ вокругъ выпуклый вѣнчикъ, утыканный точками, а средину украшалъ уборъ, трудно опредѣляемый по незначительности кусочковъ. Замѣтно сходный круглый предметъ въ цѣломъ видѣ былъ вырытъ на кладбищѣ близъ мѣста находки слезницы въ песчаномъ грунтѣ. Похожъ онъ на большую бляху, съ одной стороны чисто отполированъ и покрытъ немного зеленой окисью, а другая окружена ободкомъ и изукрашена витіеватымъ узоромъ, на которомъ видна птица, вѣтки растенія и даже будто-бы надпись. На песчаной же покатости найдены, какъ передаетъ сосѣдній священникъ, и четыре приложенныя бронзовыя стрѣлы крестьянами села Щурова лѣтъ двадцать тому назадъ.

На мѣстѣ древняго города въ окрестности Желтой могилы (вѣтряной мельницы) мнѣ удалось за два лѣта (1892 и 1893 г.) собрать значительное количество остатковъ повидимому монгольскаго періода какъ-то: до восьмидесяти татарскихъ золотоордынскихъ монетъ, пуговки, бляшки и особенно оригинальный наконечникъ бронзовой булавы съ восьмигранникомъ. Мѣдныя монеты, какъ и раньше, больше бываютъ съ изображеніями птицы, звѣрей, вѣтокъ растеній, а иногда съ надписями; обратная ихъ сторона всегда украшена однимъ рѣшетчатымъ узоромъ; серебрянныя же только и встрѣчаются съ одними надписями и ободками на обѣихъ сторонахъ. Изъ бляшекъ особенно оригинальна одна изображающая довольно правильно быка утыканнаго симметрично кружками и имѣющаго для прикрѣпленія съ обратной стороны выемки. Тамъ же собраны мною кусочки красной мѣди, мѣдныя колечки и одинъ черепочекъ какого-то серебрянаго сосуда съ прекрасно сохранившимся татарскимъ узоромъ. Наконецъ два шейныхъ крестика, изъ которыхъ серебрянный очень древній относительно настоящаго времени. При паханьи выворачиваютъ плугомъ и кирпичи покрытые бирюзовой эмалью. Послѣдніе всегда съужены, что подтверждаетъ предположеніе относительно употребленія ихъ при облицовкѣ зданій, или кладкѣ сводовъ. По всему пространству описаннаго пепелища разбросаны куски точильныхъ камней, а также и части каменныхъ ручныхъ жерноьовъ, которые иногда крестьяне выпахиваютъ совершенно цѣлыми. Въ такихъ сохранились дыры для вкладыванія ручки и углубленіе для стержня—веретена, на которомъ жернова вращались. Верхніе изъ нихъ всегда были плоски съ немного обтертыми боками, а у споднихъ бываютъ значительно вытерты и углубленія по срединѣ. Размѣромъ жернова всегда одинаковы: до полуаршина въ діаметрѣ, а вѣсомъ $1^1/_2$ пуда, такъ что сильный человѣкъ можетъ свободно нести ихъ пару. Мѣстные жители не сохранили преданія: употребляли ли первые насельники Райгородка ручные жернова, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ они встрѣчаются только на самыхъ древнѣйшихъ пепелищахъ, отстоящихъ отъ казачьяго Райгородка всегда значительно далеко—въ районѣ послѣдняго я не встрѣтилъ ни одного куска изъ жернова.

При своихъ изслѣдованіяхъ я часто наталкиваюсь на разнообразные желѣзные предметы почти по всѣмъ мѣстамъ древней жизни. Обыкновенно то бываютъ: изъѣденные ржавчиной гвозди, ножи, черенки отъ кинжаловъ, ложки, дротики, ручки отъ сабель, двугранныя и трегранныя стрѣлы, кольца, пряжки и т. п. мелкіе предметы. Боевые ножи я находилъ больше въ мѣловыхъ горахъ торчавшими въ глинѣ овраговъ, а стрѣлы въ песчаной покатости.

В. Спесивцевъ.

Примѣчаніе. Опредѣленіе всѣхъ монетъ было сдѣлано любезнымъ со-
йствіемъ секретаря Имп. Московскаго Археологическаго Общества В. К.
рутовскаго. Всѣ мѣдныя, какъ и серебряныя — золотоордынскія и отно-
тся къ XIV вѣку. Серебряныя принадлежатъ: Бирди-Беку (1359—1360)—
ѣ (новый сарай), Джанибеку, въ Гулистанѣ, (1356), Бирди-Беку въ Гу-
станѣ (1358), Кильди-Беку, въ Азовѣ (1361—1362), Урбехъ-Хану, Дмани-
ку, Буланъ-Хану, въ Ордѣ—двѣ (1370—1384), одна неопредѣленная зо-
то-ордынская, и одна польская.

Всѣ монеты и вещи находки пожертвованы музею изящныхъ искусствъ
древностей Харьковскаго университета, гдѣ нынѣ и хранятся, образуя со-
ю начало коллекціи древностей мѣстнаго края.

Отъ Ред.

ОЧЕРКИ

изъ исторіи промышленности Слободской Украйны.

I.

Селитровареніе *).

Малороссіяне, заселившіе во второй половинѣ XVII ст. Слободску Украйну (нынѣшнюю Харьковскую и части Курской и Воронежской губерні явились сюда съ довольно развитой матеріальной культурой. Французскі инженеръ Бопланъ, бывшій на службѣ у Сигизмунда III и Владислава I

---

*) **Источники:**

1. Харьковскій историческій архивъ. Харьк. Отд. I. №№ 28, 39, 53, 69, 81/1, VIII, № 41

2. Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи—хранятся у проф. Д. И Багалѣя.

3. Экономическія примѣчанія на уѣзды Слободско-Украинской губерніи—архивъ Хар ковской губернской чертежной.

4. Полное собраніе законовъ.

5. Д. И. Багалѣй. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моско скаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI—XVII ст. Т. I и II.

6. Д. И. Багалѣй. Новые матеріалы для исторіи Слободской Украйны. Сборникъ Хар Ист.-Фил. Общества Т. 5. Харьковъ. 1893.

7. Описаніе Слободско-Украинской Харьковской губерніи 1802. Съ предисловіемъ Д. И Багалѣя. Харьковъ 1889.

8. Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества, съ предисловіемъ и примѣ Баніями Д. И. Багалѣя. Харьковъ 1888.

9. Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи Отд. I М. 1852. Отд. II и III М. 1857. Отд. IV Хар. 1857. Отд. V Хар. 1858.

10. D. J. A. Güldenstädt Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. St.-Petersburg 1791.

11. Бопланъ. Описаніе Украйны. СПБ. 1832.

12. В. В. Гуровъ при участіи Е. К. Бродскаго. Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состя тельныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о ста розаимочныхъ землевладѣніяхъ въ мѣстности бывшей Слободской Украйны. Харьковъ. 1884

13. Н. И. Петровъ. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украйны. Кіев. Стар. 1888 г. IV и VI.

14. Л. Б. Вейнбергъ. Очеркъ сельско-хозяйственной промышленности воронежской губерніи. Вып. I (XVI—XVIII). Ворон. 1890.

15. Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составленные и издаваемые Центральнымъ статистич. комитетомъ Мин. Внут. Дѣлъ. XLVII. Харьковская губернія. СПБ. 1869.

и проведшій по дѣламъ службы около 17 лѣтъ въ Польской Украйнѣ во 2-й четверти XVII ст., оставилъ очень интересныя и обстоятельныя свѣдѣнія о занятіяхъ ея населенія. „Въ странѣ запорожской, говоритъ онъ, вы найдете людей искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для общежитія: плотниковъ для постройки домовъ и лодокъ, телѣжниковъ, кузнецовъ, оружейниковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, бочаровъ, портныхъ и т. д.

Казаки весьма искусны въ добываніи селитры, которою изобилуетъ Украйна, и въ приготовленіи пушечнаго пороха. Женщины прядутъ ленъ и волну, ткутъ для своего употребленія полотна и сукна. Всѣ казаки умѣютъ пахать, сѣять, жать, косить, печь хлѣбъ, приготовлять яства, варить пиво, медъ и брагу, гнать водку и проч.... они вообще способны ко всѣмъ искусствамъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ опытнѣе въ одномъ, чѣмъ въ другомъ. Встрѣчаются также между ними люди съ познаніями высшими, нежели какихъ можно было бы ожидать отъ простолюдиновъ. Однимъ словомъ, казаки имѣютъ довольно ума, но заботятся только о полезномъ и необходимомъ, особенно о такихъ вещахъ, которыя нужны для сельскаго хозяйства [1]).

Итакъ, населеніе Польской Украйны вообще искусное во всякихъ промыслахъ и ремеслахъ было особенно искусно въ добываніи селитры. И это понятно. Развитіе этого промысла и распространенность его обусловлены были той необходимостью для населенія пороха, насущная потребность въ которомъ является однимъ изъ слѣдствій близкаго сосѣдства съ Татарами. Эта постоянная борьба съ Татарами требовала, конечно, и постоянныхъ средствъ, въ ряду которыхъ порохъ занимаетъ главное мѣсто.

Въ Слободской Украйнѣ переселенцы встрѣтили во многихъ отношеніяхъ условія жизни сходныя съ таковыми же на прежней родинѣ. Однимъ изъ нихъ было близкое сосѣдство съ Татарами. Главною обязанностью, которую приняли на себя колонисты, была защита южныхъ окраинъ Московскаго государства отъ Татаръ. Правда, Московское правительство, устраивая переселенцевъ, въ числѣ другихъ предметовъ первой необходимости снабжаетъ ихъ также и пороховымъ зельемъ [2]). Но государство само часто нуждалось въ этомъ зельѣ [3]), и понятно, что по отношенію къ нему было очень расчетливо: въ указахъ воеводамъ требуется самая строгая отчетность какъ въ выдачѣ зелейной казны служилымъ людямъ, такъ и въ отобраніи ея обратно по прекращеніи надобности; съ другой стороны порохъ выдавался правительствомъ только лицамъ, офиціально назначеннымъ охра-

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны. СПБ. 1832. Стр. 5—6.

[2]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степн. окраины Моск. госуд. Харьковъ. 1886. Т. I. стр. 14.

[3]) С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. X, изд. III, 1877, стр. 307.

нять безопасность населенія отъ Татаръ, отъ воровскихъ черкасъ и т. д. А между тѣмъ, вѣдь, все населеніе фактически должно было принимать участіе въ оборонѣ края отъ Татаръ. Слободская Украйна постоянно была ареной столкновенія осѣдлаго населенія съ кочевыми разбойниками, и въ ней каждый поселенецъ, былъ ли онъ земледѣльцемъ или промышленникомъ, прежде всего былъ воиномъ, которому ежедневно угрожала опасность столкновенія съ Татарами! Понятно, почему селитровареніе является однимъ изъ первыхъ по времени промысломъ, который начался у переселенцев послѣ ихъ водворенія на новыхъ мѣстахъ. Это апріорное заключеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ фактическихъ данныхъ.

15 октября 1644 г. Вольновскій воевода писалъ, что 14 числа „пришелъ въ Вольный полоненникъ Чугуевецъ, боярскій сынъ Иванъ Савостинъ, который объявилъ о себѣ: взяли его, Ивана, въ полонъ съ товарищами 1 человѣкъ Ногайскіе люди 1 августа 152 (1644) года на селитренной варницѣ, отъ Чугуева въ 5 верстахъ, а онъ Иванъ, съ товарищи присланъ былъ на варницы для обереганія отъ прихода воинскихъ людей.“ [1]) Въ 1658 году Бѣлгородскій воевода приказываетъ Чугуевскому „отдать дворовыя мѣста порозжи Степану Тевяшову“, которому „указано варить селитру въ степи за Чугуевомъ на рѣчкѣ Бурлукахъ“ [2]).

Изъ чего же добывалась силитра? „Селитра, говоритъ Рихтеръ, не встрѣчается въ природѣ большими массами, но она довольно распространена въ почвѣ... Она образуется вездѣ тамъ, гдѣ азотистыя органическія соединенія разлагаются въ присутствіи углекаліевой соли-поташа, составляющаго главную часть золы растеній—условія, встрѣчающіяся почти въ каждой почвѣ. На искусственномъ воспроизведеніи этихъ условій основано добываніе селитры въ такъ называемыхъ селитрянницахъ“ [3]) (буртахъ).

Тучная черноземная почва степной окраины Моск. Госуд. по массѣ органическихъ остатковъ, заключавшихся въ ней, при тепломъ климатѣ представляла условія, чрезвычайно благопріятныя для естественнаго образованія селитры. Но и кромѣ этого въ Слоб. Украйнѣ были причины, которыя способствовали особенно обильному образованію селитры въ ея почвѣ. Помимо пожаровъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и выжиганія степи Татарами для лучшаго урожая травы было еще и систематическое выжиганіе степей. „Въ октябрѣ (1571 года), по Государеву указу, князь Воротынскій съ товарищи приговорили жечь степь, осенью, по заморозямъ, въ октябрѣ или ноябрѣ, какъ на полѣ трава сильно посохнетъ, снѣговъ не до-

---

1) Пр. Филаретъ Истор. статист описаніе Харьковской Епархіи. 1857. Отд. IV стр. 51

2) Д. И. Багалѣй Матеріалы для ист. кол. и быта... 1890. Т. II стр. 78—79.

3) В. Рихтеръ Учебникъ неорг. химіи 6 изд. СПБ. 1887. стр. 324.

кидаясь, въ ведреную и сухую пору, чтобы вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону... жечь на пространствѣ степи отъ верховьевъ Вороны до Днѣпра и Десны" [1]). Это выжиганіе степей, дававшее массу золы, и способствовало образованію въ почвѣ Слоб. Укр. громаднаго количества селитры. Богатымъ матеріаломъ для выварки селитры служили еще различныя насыпи въ видѣ кургановъ, могилъ, городищъ, валовъ и т. п., обильно усѣевавшихъ [2]) поверхность Слоб. Укр. въ XVII в. Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ воздуха, тепла и воды они обращались въ естественныя селитрянницы, или бурты. Одни изъ этихъ насыпей скорѣе обращались въ бурты, другія медленнѣе. Такъ естественнымъ путемъ образовалась большая часть кургановъ Слоб. Укр., которые въ межевыхъ выписяхъ носятъ названіе „селиторныхъ". У Пр. Филарета встрѣчается другое объясненіе этого названія. Селитреннымъ называетъ онъ курганъ, „составившійся изъ кучей навоза для добыванія селитры" [3]). Такимъ образомъ Пр. Филаретъ приписываетъ селитреннымъ курганамъ искусственное образованіе. По его мнѣнію эти курганы насыпались, конечно, селитропромышленниками, съ цѣлью будущей выварки изъ нихъ селитры. Но это мнѣніе можно принять только отчасти. Та межевая выпись, гдѣ встрѣчается названіе кургана селитреннымъ, объясненіе котораго Пр. Филаретомъ мы выше привели, относится къ1693 году. Но „селиторные" курганы встрѣчаются въ межевыхъ выписяхъ подъ годами болѣе ранними, почти въ періодъ заселенія Слоб. Укр. Напр., „въ 183 (1675) году на полверсты отъ селиторныхъ вареныхъ кургановъ по гадицкую дорогу до Озакова"... [4]). „Лѣта 7189 (1681)... отъ Селиторныхъ кургановъ отъ столба съ граньми прямо на Романковъ лѣсокъ" [5]) и нѣк. друг. [6]). А въ это время Слоб. Укр. представляла такое изобиліе селитры, образовавшейся въ почвѣ естественнымъ путемъ, что для желавшихъ заняться селитровареніемъ не было никакой необходимости заботиться объ искусственномъ образованіи селитры, тѣмъ болѣе, что насыпаніе этихъ кургановъ сопряжено было съ извѣстною тратою и времени, и труда. Наконецъ, даже если допустить послѣднее, то зачѣмъ же насыпать эти курганы среди поля вдали отъ жилищъ. Въ документахъ XVIII в. встрѣчаются опредѣленныя указанія на выварку селитры изъ кургановъ и валовъ старыхъ крѣпостей. Мы имѣемъ очень обстоя-

---

[1]) Л. Б. Вейнбергъ. Очеркъ сельско-хозяйст. промышленности воронежской губ. Вып. I (XVI—XVIII) Ворон. 1890. Лѣтопись (въ концѣ очерка) стр. 2.

[2]) Напр., Пр. Филаретъ Ист. стат. описаніе Харьк. Епар. Отд. IV стр. 308.

[3]) Ibid. Отд. IV. стр. 308.

[4]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы... Т. I. стр. 109.

[5]) В. В. Гуровъ Сборникъ судебныхъ рѣшеній... Харьковъ 1884 г. стр. 538

[6]) Ibid. стр. 539, 571.

тельное описаніе селитроваренія, сдѣланное Гюльденштедтомъ въ 1774 г
во время путешествія его по Малороссіи, гдѣ въ сотенномъ мѣстечкѣ Голт
вѣ Миргородскаго полка онъ имѣлъ случай его наблюдать. Простота тех
ники производства, какъ оно описанно у Гюльденштедта, даетъ полное ос
нованіе думать, что способъ вывариванія селитры и въ XVIII ст. остается
такимъ же, какимъ былъ въ XVII.

„У Голтвы, говоритъ Гюльденштедтъ, производится селитровареніе. Зем
ля для него берется отъ вала стараго укрѣпленія. Насыпаютъ селитренну
землю въ кадки вышиною приблизительно въ 2 арш., шириною на верх
въ $1^{1}/_{4}$ арш., а у дна едва въ аршинъ. На эту землю наливается рѣчна
вода; ее оставляютъ приблизительно 24 часа въ кадкѣ и затѣмъ даютъ пр
зрачной, окрашенной въ свѣтло-желтый цвѣтъ щелочи стечь черезъ кран
находящійся надъ самымъ дномъ. Эта щелочь въ мѣдномъ котлѣ варитс
до тѣхъ поръ, пока не останется одна только $^{1}/_{8}$ часть. Концентрирова
ную такимъ образомъ щелочь выливаютъ горячею въ просторную кадку
смѣшиваютъ съ нею золы гречишной соломы такое количество, пока не бу
детъ происходить болѣе шипѣнія. Потомъ ждутъ осадка всей грязи, посл
чего черезъ кранъ этой большой кадки даютъ насыщенной щелочи сте
обратно въ котелъ и варятъ ее до тѣхъ поръ, пока на нѣкоторыхъ про
ныхъ капляхъ не замѣтятъ, что селитра уже въ состояніи кристаллизир
ваться. Горячая щелочь переливается изъ котла въ сосудъ формы усѣче
наго конуса вышиною аршина въ 2 и послѣ осадка грязи спускается в
небольшія круглыя кадки шириною въ 1 арш., вышиною въ $^{1}/_{4}$ арш. через
краны, вдѣланные на разныхъ разстояніяхъ отъ дна. Здѣсь она оставляетс
въ покоѣ. При этомъ въ теченіе сутокъ осаждаются маленькіе оранжевы
кристаллы. Отъ этихъ кристалловъ щелочь сливается и смѣшивается с
свѣжей щелочью для дальнѣйшей варки. Стараются эту щелочь сохрани
изъ году въ годъ и перевозятъ ее даже изъ одного мѣста въ другое, г
начинается новое производство селитры. Этотъ пріемъ очевидно лишній
только вреденъ для кристаллизаціи, благодаря накопленію масляно-жирныхъ
веществъ. Осадившіеся кристалы собираются на большую плоскую тарелку
и когда съ нихъ стечетъ излишняя влага, укладываютъ ихъ въ большія бочк
и такъ отправляютъ на пороховые заводы, гдѣ селитра предварительно очи
щается. Здѣшній заводчикъ поставляетъ въ артиллерійскую канцелярію п
3 рубля за пудъ. На одинъ котелъ можно вываривать въ годъ отъ 400 д
500 пудовъ.

Котлы сдѣланы изъ мѣдной жести и представляютъ собою полушарі
шириною приблизительно въ сажень, глубиною фута въ 3. Къ верхнем
краю котла приставлены доски длиною фута въ 2, чтобы увеличить его вы
соту. Печи устроены безъ тяги, приспособленій для собиранія древесной

золы никакихъ не существуетъ, а между тѣмъ она навѣрно тоже могла-бы быть употребляема, хотя здѣсь думаютъ, что кромѣ золы гречишной и другихъ видовъ соломы, какіе у нихъ употребляются для топки печей, другая зола не пригодна. Около мѣстечка Опошни въ Гадячѣ производится селитровареніе въ болѣе широкихъ размѣрахъ, гдѣ будто также поступаютъ, какъ и здѣсь. Вареніе первой щелочи селитренной земли, пока она еще не насыщена щелочною солью золы, кажется мнѣ вреднымъ, такъ какъ я опасаюсь, что при варкѣ улетучивается много nitrum embrionatum. Мнѣ кажется, что при здѣшней теплой, сухой и вѣтряной погодѣ можно было-бы сильно концентрировать первую щелочь въ широкихъ покатыхъ жолобахъ посредствомъ испаренія и этимъ сберечь много дровъ при вареніи. Работаютъ съ конца марта до начала декабря“ [1]).

По этому описанію селитровареніе какъ въ отношеніи орудій производства, такъ и техники его является очень несложнымъ. Мѣдный котелъ— единственная принадлежность завода, пріобрѣтеніе которой могло представить затрудненія для селитропромышленника. Остальныя орудія — кадки, жолобы, тарелки и т. п., конечно, легко могъ достать каждый; въ деревѣ же недостатка не могло быть при изобиліи въ то время лѣсовъ въ Слоб. Укр. Съ другой стороны техника производства селитры также отличается примитивнымъ характеромъ: ни о какихъ сложныхъ операціяхъ нѣтъ и рѣчи. Эта то легкость добыванія селитры и была одною изъ причинъ, обусловившихъ широкое распространеніе селитроваренія среди населенія. Другою причиною была та свобода занятій всякаго рода промыслами, которая была дарована Москов. правительствомъ Малороссіянамъ — переселенцамъ. Извѣстно, что переселенцы, основывая то или другое поселеніе, получали отъ Московскаго Правительства жалованныя грамоты, опредѣлявшія ихъ положеніе въ новомъ отечествѣ. На ряду съ правомъ свободнаго занятія земель и внутренняго самоуправленія имъ давались льготы „во всякихъ податяхъ, смотря по людемъ, лѣтъ на десять, а бѣднымъ и одинокимъ и на пятнадцать“. Предоставлялось право „въ тѣжъ льготные годы мельницами и всякими промыслами, шинками, котлами и кузницами, и лавками, и рыбными ловлями, и всякими заводы владѣть и промышлять безоброчно“... „заимки занимать, пасѣки и всякіе грунты заводить и торговыми всякими промыслами промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно противъ старочеркасской обыкности“. [2]) „Дальныя полковыя службы въ тѣ годы (льготные) не служить и податей, и оброковъ никакихъ не платить“, „а послѣ тѣхъ льготныхъ лѣтъ старшинѣ и сотникамъ, и кото-

---

[1]) D. I. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Zweite. Theil. S. P. b. 1791 стр. 200—201.

[2]) В. В. Гуровъ Сборникъ стр. 526.

ри казаки учнуть служить полковую службу винныя варницы и шинки велѣно держать по прежнему безоброчно“ [1]) Остальное населеніе послѣ льготныхъ лѣтъ уплачивало извѣстный оброкъ съ промысловъ въ пользу казны, но взносъ оброковъ производился очень неохотно. [2]) Возмущенія Выговскаго, Брюховецкаго, Разина касались также и Слобожанъ. Но за исключеніемъ рѣдкихъ единичныхъ случаевъ все населеніе Слоб. Укр. обнаруживало всегда вѣрность Правительству. И послѣднее послѣ каждаго такого возмущенія спѣшитъ вознаградить своихъ вѣрныхъ казаковъ „за ихъ многія и вѣрныя службы и за кровь, и за раны, и за полонное терпѣнье и за осадное сидѣнье“ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ льготъ и привиллегій. Мало того, даже тѣ оброчныя деньги, что были уже собраны въ прежніе годы, приказывалось „изъ окладу выложить и впредь съ нихъ (козаковъ) не искать“ [3]).

Но на ряду съ этими благопріятными обстоятельствами населеніе Слоб. Укр. встрѣтило условія, которыя тяжелымъ гнетомъ легли на его духовное и матеріальное развитіе. Это было сосѣдство съ Татарами. Главная обязанность переселенцевъ, какъ мы уже говорили, заключалась въ защитѣ степной окраины Московскаго государства отъ Татаръ... „Въ защиту Украйны жилыми городами, пишутъ Черкасы въ челобитной, велѣли (бояре и воеводы) намъ селиться по Бѣлгородской чертѣ, въ дикихъ степахъ, на Татарскихъ сакмахъ, которыми мѣстами хаживали Крымскія и Нагайскія орды подъ твои Государевы жилые Украинскіе городы“ [4]) Вслѣдствіе поселенія на Татарскихъ сакмахъ всѣ удары степныхъ хищниковъ обрушивались на Слобожанъ. Постоянная борьба съ Татарами дорого обходилась населенію.

Масса силъ и энергіи тратилась на отраженія Татаръ, еще больше страдало матеріальное положеніе переселенцевъ. Нападенія свои Татары совершали или большими силами въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, или мелкими партіями. „Нападеній перваго рода было немного, говоритъ Д. И. Багалѣй, но за то ихъ можно уподобить опустошительному урагану, все истреблявшему и разрушавшему на своемъ пути“. [5]) Главной добычей для

1) Ibid. стр. 473 и 487.

2) Ibid. стр. 471.

3) Ibid. стр. 491. „оброки, которые до измѣны Ивашки Брюховецкаго на мельницы и на всякія угодія, на торговые промыслы были положены, за вышеупомянутую вашу службу и ко измѣнникамъ несклонность велѣно тѣ оброки сложить и впредь тѣхъ оброковъ не править“. Ibid. стр. 523, 526.

4) Пр. Филаретъ Ист. Стат. Опис. Харьк. Епархіи. Отд. V стр. 41. „...надъ непріятельскими людьми промыслы и поиски чинити со всякимъ усердіемъ и радѣніемъ и въ полки и въ городы къ боярамъ Нашимъ и воеводамъ про непріятельскіе замыслы и приходы, развѣдавъ подлинно, всякія вѣдомости чинить же“. В. Гуровъ, Сборникъ стр. 496.

5) Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго Государства. Москва 1887. стр. 460. О татарскихъ нападеніяхъ см. еще ibid. стр. 459—473.

Татаръ служили плѣнники и скотъ. Все, чего нельзя было забрать съ собою, предавалось огню; цѣлыя селенія „выбирались“ Татарами. [1]) Даже города хорошо укрѣпленные не были гарантированы отъ нападеній, хотя, вообще говоря, Татары избѣгали укрѣпленныхъ пунктовъ. Не такъ опустошительны были нападенія мелкихъ партій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но если принять во вниманіе, какъ часты были эти нападенія, то трудно рѣшить, что было разорительнѣе. Окрестности городовъ, села, деревни, хутора ежедневно могли ожидать къ себѣ незванныхъ гостей. Постоянной опасности быть убитыми или захваченными въ плѣнъ особенно подвергались промышленники, которые по роду своихъ занятій проводили извѣстное время вдали отъ населенныхъ пунктовъ, напримѣръ, пасѣчники, рыболовы, селитрозаводчики и другіе. Выше (стр. 14) былъ уже приведенъ случай захвата на селитренныхъ варницахъ оберегавшей ихъ стражи. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ: „...на Донъ ушли до 135 чел. Черкасовъ, доноситъ Чугуевскій воевода царю въ 1640 г., другіе побиты были Татарами и Литовскими ворами на пасѣкахъ, на рыбной и звѣриной ловляхъ“ [2]); „Іюля 9 дня Татары были подъ Балаклеею и на Балаклейскихъ поляхъ взяли Балаклейскихъ казаковъ 22 челов. и одного убили, да городовой службы взяли 5 чел.“ Черезъ 4 дня Татары опять „подъ Балаклеею (явившись во второй разъ) многихъ людей на поляхъ побрали и поранили и въ полонъ поймали“, [3]) „...орда сильная стоитъ на Берекѣ доконечне, доноситъ Балаклейский полковникъ Чугуевецъ въ 1673 году, и не вѣдомо, куда она повернется; гонялись за пасѣчниками и насилу пасѣчники утекли у лѣсъ“. [4]) Такими фактами полны донесенія того времени. По челобитной жителей Савинской слободы 1674 года „они въ Савинскомъ помираютъ съ голоду, а пашни имъ пахать и хлѣба сѣять, за приходы воинскихъ людей, не можно“. Савинцы просили хлѣбнаго жалованья, „чтобъ имъ, будучи въ Савинскомъ, голодомъ не помереть, и въ рознь не разбрестись“ [5]). Вслѣдствіе этихъ нападеній постоянно приходилось принимать мѣры предосторожности; „...которые у нихъ (чугуевцевъ), писалъ царь въ 1645 г., сѣнные покосы на Крымской и Ногайской сторонѣ отъ Чугуева не въ ближнихъ мѣстахъ: и они бъ на тѣ сѣнные покосы ѣздили, собрався не малыми людьми, и отъ Татаръ оберегались, чтобъ ихъ Татарове всѣхъ на дорогѣ не побили и въ полонъ не поймали; а были-бъ всѣ съ пищалями и со всякимъ ружьемъ и около сѣнокосу сторожили, и людей съ ружьемъ держали-бъ, и были бы на сѣнокосѣ на двое, половина-бъ изъ нихъ косила, а другая половина

---

[1]) Пр. Филаретъ. Ист. стат. опис отд. IV стр. 161.
[2]) Ibid IV стр. 29—30.
[3]) Ibid. стр. 134.
[4]) Ibid. стр. 253.
[5]) Ibid. Отд. V стр. 73.

стояла для береженья отъ Татаръ съ ружьемъ на готовѣ, чтобы на нихъ Татаре безвѣстно не пришли и не побили, и въ полонъ не поймали". Также и во время складыванія стоговъ и рубки дровъ приказывалось половинѣ пріѣхавшихъ „стоять съ ружьемъ на готовѣ, также и сторожа въ тѣхъ мѣстахъ, откуда чаютъ приходъ татарскій, стояла-бъ" [1]). Даже изъ этихъ немногихъ фактовъ видно, какъ гибельно на развитіи промышленности Украйны должны были отражаться эти татарскія нападенія—Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ головами Слобожанъ. „Въ теченіе цѣлаго вѣка населеніе должно было затрачивать всѣ свои силы не на созиданіе культуры, а на защиту ея отъ кочевниковъ" [2]). Было много и случайныхъ причинъ, вліявшихъ задерживающимъ образомъ на развитіе экономической жизни населенія. Таковы бунты Брюховецкого, Выговского, Булавина. Шайки бунтовщиковъ, разсыпавшись по странѣ, грабили и опустошали все встрѣчавшееся на ихъ пути. Конечно, и въ этомъ случаѣ наибольшей опасности подвергалось сельское населеніе. Значительны были льготы переселенцевъ, но дорого онѣ и обходились населенію. Только природная энергія Малороссіянъ да опытность ихъ въ борьбѣ съ Татарами, пріобрѣтенная еще въ Польской Украйнѣ, помогли имъ перенести эти тяжелыя условія своего существованія. Московское правительство дорого цѣнило переселенцевъ, доказательствомъ чему могутъ служить жалованныя грамоты. Цѣнило оно ихъ главнымъ образомъ какъ воиновъ, опытныхъ въ борьбѣ съ бичемъ того времени—съ Татарами, защита отъ которыхъ украинскихъ городовъ такъ дорого обходилась государству. Теперь съ заселеніемъ Слобод. Укр. эту защиту приняли на себя переселенцы. Но и помимо своихъ военныхъ способностей переселенцы были дороги правительству какъ населеніе уже культурное, среди котораго и земледѣліе, и промыслы, и торговля находились на извѣстной, сравнительно довольно высокой, степени развитія.

И съ этой стороны переселенцы оказываются полезными для Московскаго государства. Оно само занимается въ Слоб. Украйнѣ виноградниками, арбузными огородами, пасѣками, рыбными ловлями и т. п., изъ которыхъ извлекаетъ значительный доходъ [3]). Оно же пользуется также и извѣстнымъ искусствамъ Черкасъ въ добываніи селитры. Изъ обильной селитрой почвы своей южной окраины Правительство давно уже ее извлекало. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ „въ 131 и въ 132 году (1623—1624) на Воронежѣ варилъ селитру селитреной мастеръ Матусъ Лазовскій изъ кургановъ, для чего выдано на расходъ изъ кабацкихъ и таможенныхъ

---

[1]) Ibid. Отд. IV, стр. 43—44.

[2]) Д. И. Багалѣй. Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія Университета. Харьковъ. 1889. стр. 5.

[3]) Д. И. Багалѣй. Очерки изъ исторіи колониз.. стр. 354—359.

доходовъ 200 рублевъ, и они (воеводы) прислали къ Москвѣ 49 пудъ и 30 гривенокъ. А какъ онъ, Матусъ, опытъ сварилъ, и онъ сказалъ, что будетъ-де варенья изъ тѣхъ кургановъ три лѣта, а селитры чаетъ выварить пудъ съ 500" [1]). Вслѣдствіе слабо развитой промышленности въ своемъ государствѣ Московскому Правительству постоянно приходилось обращаться за помощью къ иностранцамъ, которые въ это время стоятъ во главѣ почти каждаго промышленнаго предпріятія. Такъ и въ данномъ случаѣ какой-то Матусъ Лазовскій, „селитреной мастеръ", очевидно иностранецъ варитъ для казны селитру. Но размѣры этого казеннаго селитроваренія были не особенно велики: 3 года предлагаетъ Матусъ Лазовскій варить селитру и за 3 года обѣщаетъ выварить 500 пудовъ. Съ переселеніемъ Черкасъ дѣло измѣняется. Съ первыхъ уже годовъ поселенія Черкасы—селитрозаводчики являются на службѣ правительства. Такъ, напр., въ 1658 году Степанъ Тевяшовъ подрядился варить для государя селитру, „а на заводѣ ему дано 400 руб. и на тѣ деньги купилъ онъ 60 воловъ да 10 лошадей да дворъ на берегу на Донцѣ", къ которому проситъ прибавить еще два пустыхъ сосѣднихъ двора, „покамѣста побудетъ у селитреннаго дѣла)" [2]). Есть извѣстіе также и о другомъ селитренномъ подрядчикѣ—Ситниковѣ [3]).

Съ начала XVIII ст. настаетъ новый періодъ въ исторіи селитроваренія въ Слобод. Украйнѣ. Частная свободная инициатива XVII вѣка уничтожается указами Петра Великаго. Безъ разрѣшенія Правительства теперь никто не имѣетъ права заниматься добываніемъ селитры. Самовольная выварка ея наказывается какъ тяжкое преступленіе. Такъ, напр., Чугуевскій воевода Михаилъ Богдановъ 28 авг. 1716 года изъ губернской канцеляріи получилъ указъ, которымъ ему предписывалось „селитерные заводы Ивана Гадяченко запретить и казанъ, и всякій заводъ взять въ Чугуевъ, а промышленниковъ, заковавъ, за провожатыми для допросу прислать на Воронежъ въ губернскую канцелярію". И только послѣ того какъ удостовѣрились, что „варитъ-де онъ селитру въ великаго государя казну по великагѡ государя указу, каковъ присланъ изъ сенату въ кіевскую губернію губернатору князю Дмитрію Михайловичу Голицыну" [4]), его перестали преслѣдовать. Цѣлымъ рядомъ указовъ правительство запрещаетъ „селитру изъ Азовской и изъ Кіевской губерній, изъ великорусскихъ и малороссійскихъ городовъ ниоткуда отнюдь никуда въъ отвозъ пропускать, и ни тайно, ни явно прода-

---

[1]) Второвъ. кн. I стр. 127 у Л. Б. Вейнберга Сельск.-хозяйст. промышл. Воронеж. губ. Лѣтопись стр. 8.

[2]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, т. II, стр. 79.

[3]) Н. И. Петровъ. Къ исторіи колонизаціи Слоб. Украйны. Кіев. Стар. 1888 г. Апрѣль, стр. 44—45.

[4]) Харьков. Истор. Архивъ. Харьк. Отд. VIII № 41.

вать никому не велѣть, а велѣть ее всѣмъ селитреннымъ промышленникамъ везти отовсюду на продажу нынѣ и впредь къ Москвѣ и продавать тое селитру на Москвѣ въ приказѣ Артилеріи". Позволялось впрочемъ и на мѣстѣ продавать, но только „пороховымъ подрядчикамъ, которымъ по подрядамъ велѣно будетъ порох дѣлать и ставить въ Артилерію и которымъ даны будутъ о покупкѣ селитры изъ канцеляріи прав. сената его величества государя указы", при чемъ продавать позволялось „повольною цѣною" [1]). Первый изъ этихъ указовъ относится къ 1711 году. Въ 1712 году приказано было начальникамъ губерній Кіевской, Казанской и Азовской размножать селитренные заводы, разоренные возобновлять „и на тѣхъ заводахъ селитру велѣть дѣлать съ поспѣшеніемъ"; къ этому стараться побуждать селитропромышленниковъ, которые бы прислали вываренную селитру въ Москву „въ скорости", обѣщая, что „деньги имъ за тое селитру выданы будутъ сверхъ цѣны иноземца Андрея Стельса (пороховаго подрядчика, поставлявшаго порохъ въ казну) излишнія" [2]). Запрещеніе свободнаго устройства селитренныхъ заводовъ и вольной, помимо казны, продажи селитры несомнѣнно является прямымъ слѣдствіемъ политическихъ событій того времени. Войны Петра Великаго требовали отъ государства затраты громаднаго количества и нравственныхъ, и матеріальныхъ средствъ. Расходованіе военныхъ запасовъ увеличилось въ нѣсколько разъ; если и раньше этихъ запасовъ иногда не ставало, то тѣмъ болѣе это было возможно теперь [3]). Этимъ же объясняется и то „поспѣшеніе" въ приготовленіи селитры, къ которому правительство побуждаетъ селитрозаводчиковъ, и забота его объ увеличеніи числа заводовъ. „Оной минералъ (селитра) самонужнейшей есть и государству оборонительной", встрѣчается часто въ указахъ этого времени. Благодаря этому значенію селитры, производство ея еще до изданія Бергъ-привилегіи въ 1719 году было поставлено правительственной регламентаціей въ очень льготныя условія.

Въ 1716 году въ Воронежскую губернскую канцелярію были поданы 2 челобитныя. Челобитчиками были „Изюмского полку полковникъ Михайло Захаревскій да судья Данило Данилевскій" и „Харьковского полку полковникъ Григорій Квитка-Аѳонасьевъ и старшины обозной Василій Ковалевскій съ товарищи (липецкій сотникъ Иванъ Черняевъ и полковой писарь Ѳеодоръ Козминъ). Въ челобтьяхъ они просили разрѣшенія построить селитренные заводы. Вице-губернаторомъ воронежскимъ Колычевымъ было разрѣшено челобитчикамъ „селитерные заводы построить въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ мочно и тамошнихъ краевъ обывателемъ чтобъ отъ того утесненія и обидъ

[1]) Полн. Собраніе Законовъ т. IV 2379, 2381, 2468 т. V 2829.
[2]) Ibid. т. IV 2598.
[3]) См. выше примѣч. 3.

іе было“. Селитрозаводчики обязаны были всю вываренную селитру отдавать ъ казну, по изготовленіи извѣстнаго количества они должны были донеіти объ этомъ въ канцелярію, а также и о цѣнѣ, „по какой къ отпуску танетъ выстинне“; за эту поставку въ казну селитры имъ предоставлялось раво пользоваться лѣсами для постройки завода и какъ топливомъ, но подъ страхомъ жестокаго истязанія и вѣчнаго разоренія“ запрещалось ратить заповѣдные лѣса, т. е. „годные въ корабельное и маштовое и друихъ мореходныхъ судовъ строеніе“ [1]). Но кромѣ заповѣдныхъ строго заіещалось трогать тѣ лѣса, которые защищали населеніе съ крымской тороны отъ набѣговъ непріятельскихъ людей [2]). Чтобы вызвать къ жизіи новыя отрасли горного дѣла въ Россіи, интересы котораго Петръ всегіа близко принималъ къ сердцу, и оживить старыя, имъ была издана 19 іекабря 1719 года Бергъ-привилегія, объединяющая всѣ отдѣльные предшествующіе указы и опредѣляющая тѣ общія условія, въ которыя ставиись съ этихъ поръ горные промыслы [3]). Черезъ 20 лѣтъ послѣ Бергъ-

---

[1]) ...„селитерные заводы въ губерніи воронежской для пріумноженія въ удобномъ мѣсе гдѣ мочно и тамошнихъ краевъ обывателемъ чтобъ отъ того утесненія и обидъ а паче бъ траты заповеднымъ лесамъ годнымъ въ корабельное и маштовое и другихъ мореходныхъ удовъ строение не было построить и селитру варить до указу.... а какъ у нихъ челобитчиковъ тѣ селитерные заводы будутъ состроены и селитра варитца начнетца и оной селитры безъ указу съ воронежа изъ губернской канцеляріи имъ не продавать и въ отвозъ для продажи ни куда не отвозить и ни на что оную не менять и про себя не держать и въ томъ у нихъ челобитчиковъ взять скаски за ихъ руками съ подтвержденіемъ а коликое число селитры бочекъ и по вѣсу безъ дерева пудъ будетъ у нихъ въ готовости и по какой цене оная съ работою и со всякими припасы къ отпуску станетъ выстинне безъ всякого излишества о томъ имъ челобитчикомъ объявлять доношеніемъ въ губернской канцеляріи имянно и куда имъ по указу исъ той же канцеляріи повелено будетъ тое селитру ставить и отдавать и имъ оную ставить и въ пріемъ отдавать самую добрую безо всякой охулы а на строеніе селитерныхъ заводовъ гдѣ оной будетъ строитца и на варение селитры употреблять указные незаповедные деревья а заповедныхъ лесовъ а имянно дубу и протчего о которыхъ явствуетъ въ указе отнюдь не рубить и порухи никакой заповеднымъ лесамъ не чинить подъ страхомъ жестокаго истязанія и вѣчного разорения какъ о томъ воспрещено его царскаго величества указомъ“. Харьк. Ист. Арх. Харьк. Отд. VIII № 41.

[2]) „А паче и того смотреть и блюсти накрѣпко хотя въ которыхъ мѣстехъ незаповедные а сколь крымской стороны яруги по рѣкамъ и по буяракамъ и ровни съ крепкими лесами которые удобные въ защищение всякого чина рускимъ людемъ и черкасомъ тамошнимъ обывателемъ отъ набѣговъ непріятельскихъ людей и тѣхъ лесовъ на вышеписанные и на другие ни на какие потребы отнюдь не рубить же но точию въ охранение той стороны беречь и хранить накрѣпко“. Ibid.

[3]) „Соизволяется всѣмъ и каждому, какого бъ чина и достоинства ни былъ, во всѣхъ мѣстахъ какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ искать, копать, плавить, варить и чистить всякіе металлы, минералы, всякихъ красокъ потребныя земли и каменія“; промышленникъ только долженъ заявить о своемъ желаніи построить заводъ въ Бергъ-коллегію, которая поставлена во главѣ горнаго дѣла, и представить пробу. Получившему разрѣшеніе представляется право на мѣстѣ, „гдѣ руда обрѣтена будетъ“, занять пространство въ 250 саженей длины и ширины для устройства завода. Владѣльцы земель, гдѣ окажется руда,

привилегии былъ изданъ 3 марта 1739 года Бергъ-Регламентъ [1]). Вообще говоря, они между собою очень сходны. Регламентъ подтверждаетъ то привилегированное положеніе заводчиковъ, которое было установлено Бергъ-привилегіей. Что же касается въ частности положенія селитреннаго промысла, то отношеніе къ нему государства осталось тоже самое: тоже право покупки селитры „напередъ другихъ" казною, то же разрѣшеніе ея вольной продажи только въ случаѣ отказа въ покупкѣ со стороны казны [2]). „Обыскавъ угожия, удобныя земли" селитропромышленникъ подавалъ просьбу о разрѣшеніи ему на обысканной землѣ построить заводъ. До 1719 года это прошеніе подавалось губернатору, въ губерніи которою предполагалось производство селитры, съ изданія Бергъ-привиллегіи въ Бергъ-коллегію, съ 1739 года въ Бергъ-директоріумъ и наконецъ съ 1741 года въ

имѣютъ „предпочтительно" передъ другими право ее разрабатывать. Если же не захотятъ этого или же не будутъ имѣть необходимыхъ средствъ, то не имѣютъ права другимъ мѣшать въ разработкѣ найденнаго въ ихъ землѣ металла или минерала, получая „отъ готово сдѣланнаго тридцать вторую долю отъ прибыли".

Бергъ-коллегія даже ссужаетъ деньгами предпринимателей на извѣстный срокъ, если окажется, что ихъ предпріятіе обѣщаетъ большія выгоды. Въ пользу государства идетъ только десятая доля отъ прибытка, „якожъ во иныхъ государствахъ обыкновенно естъ къ заплатѣ Бергъ-коллегіумъ его служителямъ и на иные потребные къ тому расходы". Но и этотъ налогъ не будетъ взыскиваться, если предпріятіе будетъ приносить промышленнику убытокъ.

„Принадлежитъ намъ покупка золота, серебра, мѣди и *селитры* напредь другихъ купцовъ такимъ образомъ, дабы никто не смѣлъ никому ниже малое что отъ вышеобъявленнаго продать, кромѣ тѣмъ руднымъ начальникамъ, которые въ близости той провинціи къ тому опредѣлятся или кому изъ Бергъ-коллегіи позволено будетъ". Но цѣна за эти продукты во всякомъ случаѣ будетъ назначена такая, что и заводчики „прямую и довольную прибыль имѣть будутъ и Мы бы..... безъ убытка быть могли". Только въ случаѣ отказа Бергъ-коллегіей по недостатку денегъ отъ ихъ покупки можно пускать ихъ въ вольную продажу. „Если же оные начальники не будутъ при себѣ имѣть столько денегъ, чтобы за зотото, серебро, мѣдь и *селитру* въ мѣсяцъ заплатить, тогда тотъ промышленникъ оное воленъ продать кому похочетъ". По отношенію ко всему остальному представлятся полная свобода продажи; *„а селитру, которая намъ не надобна будетъ, продавать допущается, токмо отнюдь безъ повелѣнія коллегіи въ чужіе края не отпускать"*. Жестокій гнѣвъ. тѣлесное наказаніе, лишеніе всѣхъ имѣніе, даже смертная казнь грозитъ тому, кто утаилъ бы найденную имъ руду или мѣшалъ бъ промышленникамъ, „яко непокорливому и презирателю Нашей воли и врагу общенародныя пользы, дабы могъ всякъ того стрещися". П. С. З. т. V № 3464.

[1]) П. С. З. т. X 7766.

[2]) Но есть и нѣкоторая разница. По Бергъ-Регламенту даже за казенный долгъ, не говоря о частныхъ, промышленники не могутъ быть лишены своихъ заводовъ, для погашенія долга берется прибыль. Увеличивается пространство отведенной земли, „сколько къ которому заводу за потребно признано будетъ, и сверхъ опредѣленнаго по оной Бергъ-привил. разстоянія". За то вмѣсто 32 доли отъ прибыли въ пользу владѣльца земли „для пресѣченія впредь всякихъ въ счетахъ споровъ и затрудненій" теперь промышленники должны были платить 2% со всего добытаго металла или минерала независимо отъ прибыли или убытка. То же установлено относительно 1/10 доли, вносимой въ кассу по Бергъ-привил. съ прибыли, по Регламенту со всего добытого продукта.

анцелярію главной артиллеріи и фортификаціи. Конечно, разрѣшеніе охот-
) выдавалось. Имъ предоставлялось право „на техъ (обысканныхъ) мѣс-
іхъ селѣтерную землю копать и къ тому потребное и завоцкое строение
гроить волно"; они свободно могли пользоваться никому изъ частныхъ
іадѣльцевъ не принадлежащими лѣсами и сѣнными покосами на дрова и
ı золу, если же эти лѣса и покосы будутъ принадлежать владѣльцамъ,
) могли покупать или оброчить ихъ погодно добровольной цѣной [1]).

Обыкновенно селитренные заводы дѣйствовали на 1 котелъ и на 2, рѣже
ı 3. Трудно установить точное количество селитры, вывариваемой въ годъ
ı 1 котелъ. Это количество рѣзко колеблется. Опошенская компанія, на-
римѣръ, обязалась поставлять селитру по 8500 пуд. въ годъ, варя на 25
отловъ, слѣдовательно, 340 пуд. на котелъ, а у полковницы Осиповой вы-
ıривалось по 150 пуд. въ годъ на 1 котелъ. Даже у одного и того же
аводчика цифра ежегодной выварки различна: Алексѣй Краснокутскій въ
736 г. выварилъ на 1 котелъ 302 пуд., въ 1737 г.—242 п., въ 1738 г.—
55 п., въ 1740 г. предполагалъ выварить 180 п. [2]). Количество вывариває-
ой селитры находилось въ прямой зависимости отъ качества селитренной
емли. Послѣднее считалось хорошимъ, если ежедневно 1 котелъ доставлялъ
пуда 15 ф. селитры, что, принимая во вниманіе время варки селитры съ
ıпрѣля по декабрь, составитъ около 340 пуд. [3]). Вообще можно положить
ıa 1 котелъ въ годъ отъ 250 до 300 пудовъ. Селитра, добывавшаяся въ
Слоб. Украйнѣ, была нелитрованная (неочищенная). Только во второй по-
ıовинѣ XVIII ст. приготовляется литрованная селитра. Компанія велико-
юссійскихъ купцовъ заключила контрактъ въ 1757 г. съ Главной артил-
іеріей, по которому обязывалась „варить литрованную селитру по голланд-
скому маниру на два раза, какъ ее въ дѣло пороха употреблять" [4]).

Селитра нормальнаго качества должна была имѣть $^1/_5$ часть упадка,
т. е., 8 фунтовъ, но могла имѣть больше и меньше упадка. Чѣмъ послѣдній
былъ меньше, тѣмъ качество селитры признавалось выше. Соотвѣтственно

---

[1]) „.....также къ темъ заводамъ, гдѣ они проищутъ въ степахъ волние и порозжие еруги или леса на дрова и на зжение золи и сенниxъ покосовъ свободние оние имъ также отдавать во владѣние отъ тѣхъ городовъ, которихъ уѣздовъ и дистриктовъ оние найдутца, где жъ при городахъ и селахъ сищутся леса и сенние покоси владѣльцовые и оние имъ къ своимъ заводамъ позволяетца покупать и оброчить погодно добровольною цѣною невозбранно и никому тамошнимъ владѣльцамъ и командирамъ городовымъ и полковымъ великоросcійскимъ и малоросийскимъ отнюдь не запрещать и никакими виды въ томъ имъ препятствий не чинить подъ штрафомъ и разорениемъ" Хар. Ист. Архивъ. Хар. Отд. I № 39.

[2]) Ibid.

[3]) „... выходъ (селитры) не худой, доноситъ управляющій помѣщику П. А. Щербинину, но всякія сутки съ котла снимается не меньше двухъ пудовъ 15 фунтовъ". Д. И. Багалей. Новые матеріалы для исторіи Слободской Украйны. № 25 Сборникъ Хар. Ист.-Фил. Общества, т. 5 Хар. 1893. стр. 275.

[4]) Хар. Ист. Архивъ. Хар. Отд. I, № 53.

качеству селитры назначалась и цѣна за нее, „по расчисленію упадка“. За пудъ нелитрованной селитры платили приблизительно около 2 рублей; за литрованную селитру плата была выше, 3 рубля, что обусловливалось расходомъ, вызымаемымъ очисткой селитры.

Въ первой половинѣ XVIII в. селитра продавалась въ казну по мѣрѣ выварки на каждомъ заводѣ. Это влекло за собою для казны существенныя неудобства: дѣятельность пороховыхъ заводовъ часто должна была останавливаться за недостаткомъ селитры, поступавшей обыкновенно въ очень неопредѣленные сроки [1]). Въ такихъ случаяхъ требовалась немедленная присылка въ Москву всей наличной селитры казенными средствами, а если бы селитрозаводчики пожелали, то могли отправлять ее и „своимъ коштомъ“, но въ послѣднемъ случаѣ приказывалось послать, „чтобъ нигдѣ въ пути не мѣшкали при каждомъ отпускѣ по одному унтеръ-офицеру, которымъ велѣть ихъ понуждать“. Селитро-заводчики обнадеживались, что за селитру имъ будутъ выданы деньги, смотря по ея добротѣ. Конвойные снабжались очень подробной инструкціей, которой они должны были слѣдовать во время пути. На каждую подводу клалось не меньше „20 и 15 пудовъ зъ деревомъ“. Съ огнемъ рекомендуется быть какъ можно осторожнѣе, останавливаться не въ городахъ, селахъ, деревняхъ и вообще между жилищами, а въ полѣ, при чемъ огня при селитрѣ отнюдь не имѣть, словомъ, „такую крѣпкую осторожность имѣть, какъ надъ порохомъ“. Инструкція, относящаяся къ 1739 г., когда на югѣ Россіи еще продолжала свирѣпствовать чума, даетъ рядъ правилъ, чтобы не завести съ селитрой на сѣверъ и этой опасной гостьи. Селитру брать должны были только съ тѣхъ заводовъ, на которыхъ ни въ прошломъ году, ни въ нынѣшнемъ „опасной болезни“ не было и нѣтъ. Люди, сопрововождавшіе селитру, должны были быть изъ здоровыхъ мѣстъ и сами здоровы, и все-таки ихъ могли посылать только „выветря платье и всѣ вещи ихъ и окуря мозжевельникомъ довольно“. Везти селитру дорогою, „гдѣ состоитъ благополучно“, отнюдь не заѣзжая въ опасныя мѣста, „дабы оттого та опасная болезнь въ другия мѣста занесена не была“ [2]). Но и помимо этого неудобства для казны, неопредѣленности присылки селитры заводчиками, замедлявшей дѣятельность пороховыхъ заводовъ, эта неопредѣленность не позволяла правительству расчитать, сколько можетъ быть ежегодно приготовлено пороху, и въ случаѣ настоятельной необходимости въ немъ государство оказывалось въ безпомощномъ положеніи. Съ другой стороны и селитромышленники часто оказывались въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи, не зная, получатъ ли они прибыль или убытокъ со своихъ заводовъ. Они продавали селитру или пріѣзжавшимъ къ нимъ „по-

[1]) Хар. Ист. Архивъ. Хар. Отд. I 39.

[2]) Хар. Ист. Арх. Отд. I 28.

юховымъ, ведомымъ въ артиллерии уговорщикамъ", или везли ее въ Москву; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ они продавали селитру „повольною еною", которая въ каждомъ данномъ случаѣ могла измѣниться.

Эти неудобства и для той, и для другой стороны были устранены онтрактами, по которымъ приблизительно съ половины XVIII в. производилось селитровареніе въ Слободской Украйнѣ. Важнѣйшей обязанностью елитрозаводчиковъ, которую они брали на себя, заключая контрактъ съ лавной Артиллеріей, была ежегодная поставка опредѣленнаго ими заранѣе ъ своихъ условіяхъ обязательнаго количества селитры. Селитру отдавать олжны были „въ Артиллерію и ведомымъ во артиллеріи пороховымъ уговорщикамъ", „подъ жестокимъ штрафомъ" запрещалась вольная продажа и или отпускъ за границу. Сроки контрактовъ были разнообразны: 4, 5, , 10 лѣтъ, „а въ приближеніи онаго термина (срока) къ окончанию въ юслѣднемъ году должны они (селитрозаводчики) вновь контрактъ заклюить или отъ оного отказатца". Если поставщики не доставляли ежегодно бязательнаго количества селитры, они подвергались тяжелому штрафу: за аждый недоставленный пудъ селитры уплачивали 25 коп. въ артиллерію все-таки въ слѣдующіе годы пополняли общее число. Только въ нѣкоыхъ случаяхъ они не подвергались штрафу: если будутъ разорены заводы непріятелемъ или случится недостатокъ въ рабочихъ въ военное время, или, „отъ чего Боже сохрани", вслѣдствіе мора, или хлѣбъ вздорокаетъ вдвое, или будетъ падежъ на скотъ и волы будутъ вдвое дороже обыкновеннаго, или наконецъ другіе селитровозаводчики отнимутъ землю, „работныхъ людей" и воловъ [1]). Такъ, напр., приказчикъ селитропромышленницы Спичинской Петръ Лазаревъ проситъ не подвергать его штрафу за недоварку селитры въ 1764 году, такъ какъ это случилось вслѣдствіе „пребезмѣрнаго скотскаго падежа" въ селахъ Огульцахъ и Одринкѣ вблизи с. Коротича, гдѣ производилось селитровареніе: „дровъ и попелу возить крайне было нечимъ [2]). Особенная точность въ поставкѣ требовалось въ военное время; Артиллерія грозитъ, что въ случаѣ недоварки помимо штрафа „о ихъ нерадетельстве и не о состоянии, куда надлежитъ, представле-

---

[1]) „..... буде же недоставка послѣдуетъ за какими либо препятствіями, яко то неприятелскаго нападенія и разорѣния заводовъ или крайняя нужда въ людѣхъ, а имянно въ военное время или отчего Боже сохрани мору, или недородъ хлеба приключитця, такъ что въ техъ местахъ, где заводы состоять имеютъ, противъ настоящей цены хлебъ покупанъ будетъ вдвое и выше, или за чрезвычайнымъ скотскимъ падежемъ какъ въ техъ такъ и въ протчихъ въ украйне отдаленныхъ местахъ воламъ цена возвиситца противъ настоящаго вдвое жъ и выше, такожъ за помешательствы отъ протчихъ завотчиковъ чрезъ отъемъ завотскихъ земель, работныхъ людей и воловъ, отчего варенію селитры будетъ остановка, и въ томъ онъ подленно докажетъ, тогда противъ сего недоставленной селитры и штрафа на немъ не взыскивать". Хар. Ист. Архивъ Хар. Отд. I 53.

[2]) Ibid.

но будетъ, но еще по важности въ томъ казеннаго какого либо ущербу и жестчайшему истязанию безъ всякаго упущения и исключения подвержены будутъ“ [1]). Селитру перевозили въ Москву по первому зимнему пути; если онъ долго не устанавливался и этимъ задерживалась доставка селитры, то селитрозаводчики обязаны были своевременно предупреждать главную артиллерію о причинѣ задержки, представляя офиціальныя свидѣтельства. Такъ, въ февралѣ 1760 г. селитрозаводчики заявляли въ Москвѣ, что въ прошломъ году въ декабрѣ въ малороссійскихъ и украинскихъ городахъ наступили оттепель и дожди, которые не позволили ни на колесахъ, ни на саняхъ везти селитру; такъ какъ селитрозаводчики явились безъ установленныхъ свидѣтельствъ, то въ Харьк. и Ахтырск. полковыя канцеляріи былъ запросъ объ этомъ, отвѣтъ на который подтвердилъ порчу пути [2]). Большая часть селитры доставлялась въ Москву въ главную Артиллерію, остальная на малорос. пороховой Шостенскій заводъ. Расходы по перевозкѣ, наемъ подводъ и плату пошлинъ, производили селитрозаводчики, но имъ по принятіи селитры выдавалось до 25 к. съ пуда. Съ половины XVIII в. вмѣсто $^1/_{10}$ доли въ казну поставщики уплачивали 5 к. съ пуда, за не взносъ которыхъ съ нихъ взимался штрафъ въ двойномъ размѣрѣ. Главная Артиллерія, заботясь о регулярной поставкѣ селитры, ставитъ условіемъ въ контрактахъ, чтобы селитрозаводчики не мѣшали другъ другу, не устраивали заводовъ вблизи или въ одномъ мѣстѣ съ другими селитрозаводчиками, если у послѣднихъ заключены контракты съ казной о поставкѣ селитры. Если же заводъ все-таки будетъ устроенъ, не смотря на запрещеніе, то въ случаѣ жалобъ со стороны мѣстныхъ заводчиковъ селитропромышленникъ долженъ заплатить штрафъ въ размѣрѣ 25 коп. съ пуда вываренной здѣсь селитры да сверхъ того долженъ удовлетворить жалобы на него другихъ заводчиковъ. Наконецъ, главная Артиллерія, требуя правильной поставки селитры, обязывала заводчиковъ, „въ каждомъ году и въ какихъ именно местахъ, и на сколко котловъ, и коего месяца и числа селитерное варение производитца будетъ, о томъ ежегодно репортовать по окончании въ каждомъ году селитерного варения“ [3]).

Разсматривая эти условія контрактовъ, мы видимъ, что контракты были равно выгодны и для казны, и для селитропромышленниковъ. Размѣръ ежегодной поставки селитры опредѣлялся самими заводчиками при заключеніи контракта; ими же по соглашенію съ главной Артиллеріей опредѣлялась и цѣна селитры, и сроки контрактовъ; наконецъ, они имѣли ежегодный вѣрный сбытъ селитры и не только опредѣленнаго въ контрактѣ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

исла, но и всего, что можетъ быть выварено „и сверхъ того“, какъ постоянно встрѣчается въ этихъ условіяхъ [1]). Съ другой стороны и казна, благодаря контрактамъ, имѣла теперь ежегодное опредѣленное количество селитры, что позволяло напередъ расчитать, сколько можетъ быть изготовлено пороха.

Нѣкоторые селитрозаводчики кромѣ льготъ, предоставляемыхъ имъ по Бергъ-привил. и Регламенту, получали на время контрактовъ еще и особыя льготы, сущность которыхъ заключалось въ слѣдующемъ. „Заводчики и ихъ дѣти освобождаются отъ всякихъ служебъ, а двори ихъ, гдѣ сами живутъ, и форварки, или загородные дворы, на которыхъ они содержатъ мастеровыхъ людей и припасы, къ селитерному дѣлу подлежащие, по силе указовъ и привилегий, отъ постоевъ уволняютца, взключая изъ того, буде у кого изъ нихъ другия двори и форварки будутъ“. Этому увольненію отъ службъ и постоевъ подлежали также и приказчики селитрозаводчиковъ. Кромѣ того послѣднимъ „быть ведомымъ во артилерии (окроме татиныхъ, разбойнихъ, убивственнихъ и прочихъ вотчинихъ тамошнихъ и ихъ малороссийскихъ, и слоботскихъ, и протчихъ делъ, правъ и порядковъ) во всякихъ ихъ приключившихся селитерныхъ заводскихъ делахъ и того промысла въ нуждахъ артилерии имъ вспомогать“. Такимъ образомъ селитрозаводчики за разрѣшеніемъ всѣхъ затрудненій, которыя могли возникнуть у нихъ по отношенію къ ихъ промыслу, получали право обращаться въ главную Артиллерію, которая приказываетъ, чтобы „отнюдь въ варении и притовленіи показанной селитри помѣшательства и остановки никакими присщепками чинено не было, а чинено бъ имъ всякое вспоможеніе, ибо оной минералъ (селитра) самонужнейшей есть и государству оборонителной; ежели жъ кто оному противно будетъ поступать и оттого послѣдуетъ въ приготовлении селитри остановка и помѣшательство и таковихъ имеетъ канцеляріею главной артилерии представлено бить къ вишшиму разсмотрѣнію“. Селитрозаводчики, служившіе въ военной службѣ, оставались „при порученнихъ имъ командахъ, толко въ далные походы и командировании не отлучать“ [2]). Наконецъ, еще особенной льготой было позволеніе лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть крестьянами, напримѣръ, купцамъ, „покупать деревни съ крестьянами для селитроварения до 100 душъ каждому по способности къ темъ заводамъ“. Если они или ихъ дѣти продадутъ заводы, то съ позволенія главной Артиллеріи могутъ съ заводами продать и крестьянъ для той же цѣли, кому хотятъ. Если же заводы будутъ закрыты, то должны продать крестьянъ въ теченіе слѣдующаго за этимъ полугодія тому, кто имѣетъ право ими владѣть; въ противномъ случаѣ крестья-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

не у нихъ отбирались въ казну. Содержать крестьянъ и платить подати за нихъ во время владѣнія ими должны „неотменно“ [1]).

Кому же и за что давались эти особенныя льготы? Въ Харьковскомъ полку 3 компаніи селитрозаводчиковъ ими пользовались: россійская селитренная компанія, на половину состоявшая изъ великороссійскихъ купцовъ, Опошенская малороссійская компанія и сотникъ Евдокимъ Назаренковъ съ товарищами. Если сравнить контракты этихъ компаній съ контрактами другихъ селитрозаводчиковъ, то увидимъ большую разницу въ размѣрѣ ежегодно поставляемаго количества селитры и продолжительности сроковъ контрактовъ. Въ то время какъ остальные заводчики обязывались ежегодной поставкой въ 150 пуд., въ 200, 300, самое большее 900 пуд., причемъ продолжительность контрактовъ не превышаетъ 5 лѣтъ, россійская компанія въ 7 челов. обязывалась въ теченіе 10 лѣтъ съ 1 января 1757 г. по 1 января 1767 г. ежегодно поставлять 3500 пуд. литрованной селитры [2]). Евдокимъ Назаренковъ съ товарищами долженъ былъ варить на 8 котловъ 10 лѣтъ съ 1759 г. по 1769 г., поставляя ежегодно 2500 пуд. нелитротанной селитры или 2000 пуд. литрованной [3]). Наконецъ, Опошенская компанія, имѣвшая заводы и въ Малороссіи, въ числѣ 20 чел. варила селитру на 25 котловъ, ежегодно поставляя по 8500 пуд., а въ случаѣ нужды „по возможности“ и до 11000 пуд. Сначала контрактъ былъ заключенъ на 4 года съ 1741 г. по 1745 г., такъ какъ Опошенская компанія является первой, обязавшейся по контракту поставлять селитру, но затѣмъ этотъ контрактъ постоянно возобновлялся [4]). Эти то выдающіеся размѣры производства селитры и обусловили собою эти выдающіяся льготы.

Льготы, получаемыя селитрозаводчиками, часто приводили ихъ интересы въ столкновеніе съ интересами населенія. Такъ, напр., Опошенскіе компанейщики жаловались въ главную Артиллерію въ 1759 г., что хотя они всѣ силы употребляютъ на умноженіе заводовъ, берутъ деньги на проценты у многихъ кредиторовъ, однако полковые и сотенные старшины, также и владѣльцы земель, гдѣ устроены ихъ заводы, въ противность Бергъ-привилегіи и Регламенту мѣшаютъ пользоваться пустой удобной землей, чинятъ препятствіе въ покупкѣ дровъ и на золу лѣсовъ и сѣнокосовъ и не выдаютъ работниковъ, которые часто убѣгали изъ заводовъ, забравъ впередъ деньги [5]). Григорій Петровъ, варившій селитру въ Харьковѣ, жалуется въ 1764 году, что ему, освобожденному отъ постоевъ, „отъ проезжающихъ и винтирующихъ въ Харькове командъ отъ постою чинит-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

а утеснение и обиды и въ приготовлении къ тому заводу припасовъ, и ъ найме работнихъ людей препятствіе"; особенно тяжело было, что бра и „людей въ проводники, а лошадей въ подводы". Въ слѣдующемъ году дова этого же Петрова, завѣдывавшая заводомъ за смертью мужа, опять алуется: „отягощена я февраль съ первыхъ чиселъ того жъ 764 года юстоемъ Борисоглебского конного полку отъ лѣкаря Петра Таболъ, кото ой весь домъ мой занялъ себѣ въ квартеру и разные отъ людей его при лючены мнѣ обиды и огорчения, а хотя на ихъ ему лѣкарю и жалѣлась, очию во удовольствие ничего не получила, за которымъ постоемъ къ ва енню въ будущее лето селитры и потребныхъ припасовъ изготовить не югла и нечто иное къ варению селитры последовать можетъ, какъ край ия остановка" [1]). Терпя часто нарушеніе своихъ правъ, селитрозаводчики сами не рѣдко нарушали права другихъ. Евдок. Назаренковъ, напр., ру илъ лѣса, косилъ сѣно, и все это производилъ безъ платы владѣльцамъ обывателямъ [2]). Еще болѣе вопіющее нарушеніе правъ обывателей пред тавляютъ дѣйствія служителя жены маіора Романа Шидловскаго Василія Ершова. Этотъ Ершовъ пожаловался, что власти въ Валкахъ и обыватели е позволяютъ брать годной къ селитроваренію земли, „въ покупке дровъ и прочихъ запасовъ дѣлаютъ возвышение ценъ и во всемъ чинятъ поме шательство". Было назначено слѣдствіе, которое выяснило возмутельный образъ дѣйствій управляющаго заводомъ. Онъ не только „чтобъ ту землю зъ заплатою бралъ, но еще силнимъ съ приездомъ въ обивателские двори гвалтомъ безъ всякой заплати приказиваетъ копать къ одному толко обы вателей разорению середъ дворовъ ями болшие, а у некоторихъ поподка шивалъ и около хатъ ями съ такимъ обявлениемъ обивателямъ, яко та земля для заводу потребная; и оттого подкопания чрезъ скорое время ха ти могутъ въ подкопание обяленнимъ шапаромъ (управляющимъ) ями по обваливатся. А кои обиватели оспариваютъ, чтобъ у онихъ средъ дворовъ подъ хатами ямъ не рили, за то ихъ оной шапаръ грозитъ бить". Мало того, „во онихъ же Валкахъ реченной шапаръ во всехъ проездних улицахъ по средине дорогъ порилъ ями, отчего всякой проезжающей въ ночное время можетъ убится". Эти обиды валковскихъ обывателей были удовлетворены, а ямы на улицахъ приказано было засыпать [3]).

Каковы были размѣры селитроваренія въ Слободской Украинѣ въ XVIII стол.? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ слѣдующія статистическія данныя. Въ 1736 г. въ Харьк. полку было всего 2 селитренныхъ завода: одинъ на 1 котелъ въ мѣстечкѣ Золочевѣ принадлежалъ дергачевскому обывателю Алек-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

сѣю Краснокутскому, другой то же на 1 котелъ бывшей полковницы Шидловской. Въ 1740 г. возобновилъ селитровареніе малороссійскаго гадяцкого полку мѣстечка Опошни житель Якимъ Балясный въ селѣ Липцахъ на 2 котла гдѣ онъ уже варилъ селитру 12 лѣтъ назадъ. Съ 1741 г. выступаетъ Опошенская компанія, состоявшая изъ 20 челов., обязавшаяся варить селитру на 25 котловъ. Въ томъ же году устраиваетъ заводъ вдова бригадира Дунина Анна Дунина въ Старой Водолагѣ на 2 котла. Въ 1743 г. такой же заводъ на 2 котла устраиваетъ вдова бывшаго Сумскаго полковника Василія Осипова Марія Осипова въ мѣстечкѣ Валкахъ. Съ 1744 г. князь Яковъ Никитичъ Крапоткинъ варитъ селитру на 2 котла сначала въ Березовѣ и Коротичѣ, затѣмъ въ Люботинѣ, Ржавцахъ, Рогозянкѣ, Должикѣ и Золочевѣ. Съ того же года начинается селитровареніе въ Харьковѣ, гдѣ устроенъ былъ заводъ на 2 котла купцами г. Тулы Григоріемъ и Гавріиломъ Петровыми да бѣлгородскими купцами Ѳеодоромъ Щедровымъ и Семеномъ Аристовымъ. Съ 1757 г. занимается селитровареніемъ Россійская компанія, большинство заводовъ которой сосредоточивалось въ Слоб. Украйнѣ. Эту компанію составляли тульскіе купцы Григорій да Гавріилъ Петровы, бѣлгородскій купецъ Никита Аѳонасьевъ, Изюмской казачей службы Иванъ Большовъ, Иванъ Меньшовъ и братъ ихъ Семенъ Рябинины и подпрапорный Иванъ Торопов. Григорій Петровъ имѣлъ заводы въ Бѣлгородской губерніи въ г.г. Нижегольскѣ, Яблоновѣ, Изюмѣ и Харьковѣ, въ селѣ Дмитріевкѣ, въ деревнѣ Березовкѣ, въ слободахъ Ивановкѣ Петровкѣ тожъ, Ржевкѣ и Голубиной. Гавріилъ Петровъ—въ Воронежской губ. въ Тамбовскомъ уѣздѣ въ селахъ Лысой Горѣ, Красномъ Городкѣ, Бѣломѣстномъ, Горѣломъ, у Тройцы, Вихлякѣ, Черненомъ, Кузминкѣ, Козловскаго уѣзда въ селѣ Еркѣ, въ Бѣльскомъ, въ Пустомъ Городкѣ, Кашеневѣ, Дегтяномъ, Стешкахъ, Челновскомъ Острожкѣ. Никита Аѳонасьевъ—въ Бѣлгородской губерніи въ г. Коротичѣ и уѣздѣ, въ слободѣ Большой, въ селѣ Старковѣ, въ деревняхъ Рѣпной, Тюриной, Полянѣ и Зимовной, въ г.г. Обояни и Чугуевѣ съ уѣздами. Иванъ Рябининъ съ братьями--въ Бѣлгородской губерніи въ Старомъ и Новомъ Осколахъ, въ Покотовѣ и Воронежской губ. въ г. Коротоякѣ. Иванъ Тороповъ—въ Валуйкахъ и Топольѣ съ уѣздами, Бѣлгород. губ. въ г. Тарѣ. Съ 1759 г. Евдокимъ Назаренковъ—въ г. Усердѣ и уѣздѣ, въ селѣ Покровскомъ, въ г. Ольшанскѣ и уѣздѣ и въ г. Верхососенскѣ на 8 котловъ. Съ того же года—вдова бригадира Слободскихъ полковъ Василія Капниста, Софія Капнистъ, въ с. Хухрѣ ахтырскаго полка и въ с. Угольцахъ Харьковскаго полка на 3 котла. Наконецъ, съ 1763 г. устраиваетъ заводы майоръ Романъ Шидловскій въ мѣстечкѣ Валкахъ, Ольшаномъ и въ с. Всесвятскомъ [1]).

---

[1]) Хар. Ист. Архивъ. Хар. Одт. I №№ 28, 39, 53, 69, 81/1.

При всей неполнотѣ и отрывочности этихъ данныхъ все-таки на основаніи ихъ можно сдѣлать нѣкоторые выводы о селитровареніи въ Слободной Украйнѣ въ XVIII в. При разборѣ этихъ данныхъ поражаетъ прежде всего чрезвычайно усилившееся къ 50-мъ и 60-мъ г.г. XVIII ст. производство селитры. Въ то время какъ въ 30-хъ годахъ въ Харьковскомъ полку было только 2 селитренныхъ завода, очень скромныхъ размѣровъ—годовая добыча селитры на нихъ не превышала 500 пудовъ—въ половинѣ столѣтія въ томъ же полку насчитывается до 30 заводовъ, вырабатывавшихъ около 10000 п. селитры. Эти цыфры краснорѣчивѣе словъ указываютъ на громадно-увеличившееся производство селитры. Вполнѣ доступно по этимъ даннымъ, касающимся Харьковскаго полка, сдѣлать заключеніе о такомъ же быстромъ развитіи селитроваренія и во всей Слободской Украйнѣ. Чѣмъ объяснить это развитіе? Въ половинѣ XVIII в. Слобод. Украйна переходитъ изъ военнаго положенія второй половины XVII в. и первой XVIII в. на мирное. Уже въ первой половинѣ этого столѣтія главная причина, задерживавшая развитіе культуры края въ XVII в., начинаетъ все болѣе и болѣе терять свой острый характеръ: нападенія Татаръ если и не прекращаются совсѣмъ, все-таки значительно ослабѣваютъ; южнѣе Слоб. Украйны образуются въ это время Ново-Сербія и Новороссія. Въ XVII ст. селитровареніе не смотря на очень благопріятныя условія, въ которыя оно было поставлено въ числѣ другихъ промысловъ Московскимъ правительствомъ, все таки недостигло большого развитія. Селитровареніе было очень распространено среди Черкасъ, но велось въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, удовлетворяя насущнымъ потребностямъ населенія. Въ началѣ XVIII в. правительство обратило вниманіе на эту важную для государства отрасль промышленности и рядомъ указовъ, опредѣляющихъ привилегіи селитрозаводчиковъ, стремится развить ее. Но причина, задерживавшая промышленность въ XVII в., осталась, правда, въ меньшей мѣрѣ и въ началѣ XVIII в.; съ другой стороны, не смотря на льготныя условія, въ которыя въ это время было поставлено селитровареніе указами, все таки положеніе селитрозаводчиковъ было довольно неопредѣленно по отношенію къ сбыту селитры: вольная продажа запрещена, вся селитра поступаетъ въ казну, но условія этого поступленія не были точно опредѣлены. И вотъ съ 40-хъ годовъ производится поставка селитры уже только по контрактамъ, а въ это же время и край весь перешелъ уже на мирное положеніе, когда силы населенія, въ теченіе цѣлаго столѣтія затрачиваемыя на защиту края, теперь всѣ могли быть обращены на мирное внутреннее развитіе. Эти же статистическія данныя разрѣшаютъ и другой возникающій вопросъ, кто занимается селитровареніемъ въ XVIII в. Какъ мы видѣли, въ XVII в. этотъ промыселъ, какъ и всѣ остальные, носилъ народный характеръ. Населеніе

Слободской Украйны этого времени по своему составу отличалось однообразіемъ. Соціальное и экономическое неравенство, погнавшее Малороссіянъ изъ Польши въ Московское государство, не могло имѣть мѣста на новой родинѣ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ поселенія. Но въ XVIII в. это равенство мало по малу падаетъ; происходитъ диференцированіе населенія. Высшіе классы все болѣе пріобрѣтаютъ и средствъ, и правъ, низшіе—все болѣе теряютъ ихъ; въ то же время селитра съ прекращеніемъ необходимости защиты края перестаетъ быть необходимой для населенія, а пріобрѣтаетъ общегосударственное значеніе; производство селитры становится выгоднымъ промысломъ. Полковница Шидловская, бригадирши Дунина и Капнистъ, князь Крапоткинъ, майоръ Шидловскій, сотникъ Назаренковъ и великороссійскіе купцы—вотъ въ чьихъ рукахъ главнымъ образомъ находилось селитровареніе вь Слободской Украйнѣ въ XVIII столѣтіи.

Исторія селитроваренія въ Слободско-Украинской губерніи въ первой половинѣ XIX в. представляетъ лучшій періодъ въ исторіи этого промысла. Въ 1803 и 1804 годахъ въ Артиллерію было поставлено селитры 120000 пуд. [1]). Селитра въ это время добывалась въ 6 губерніяхъ: въ Слободско-Украинской, Полтавской, Черниговской, Курской, Кіевской и Воронежской [2]). Изъ этого общаго числа, 60000 пуд. селитры, поставленной въ Артиллерію въ годъ, цѣлая $^1/_3$ (около 20000 пуд.) приходится на долю Слободско-Украинской губерніи [3]). Въ 1806 и 1807 годахъ было поставлено селитры уже не по 60000 пуд., а только по 40000, а въ 1809 году это число сокращается до 31000 пуд. Еще меньшее количество было объявлено селитрозаводчиками къ поставкѣ на 1810 годъ. Это быстрое уменьшеніе количества добываемой селитры обратило на себя серьезное вниманіе правительства, такъ какъ количества селитры послѣднихъ 2-хъ лѣтъ не хватало для выдѣлки пороха даже на годовой его расходъ, не говоря уже о необходимости имѣть въ запасѣ селитру и о военномъ времени. По представленію артиллерійской экспедиціи единственной причиной этого быстрого уменьшенія поставки селитры была низкая ея оцѣнка Артиллеріей: цѣна въ теченіе 20 лѣтъ оставалась неизмѣняемой при возвышеніи цѣнности всѣхъ остальныхъ предметовъ. На основаніи этого представленія было прибавлено къ цѣнѣ за каждый пудъ селитры 50 коп. Такимъ образомъ цѣна ея возвысилась до 7 р. 20 к. [4]). Но на этомъ мѣры правительства, направленныя на поднятіе производства селитры, не остановились. Въ слѣ-

---

[1]) П. С. З. № 23312.

[2]) Ibid. № 24237.

[3]) Архивъ Харьковской Губернской Чертежной. Экономическія примѣчанія на уѣзды Слободско-Украинской губерніи.

[4]) П. С. З. № 23312.

ующемъ, 1809 году, прибавлено было еще 1 р. 80 к. къ цѣнѣ за пудъ элитры да кромѣ того для селитрозаводчиковъ повышена была оцѣнка рестьянъ, закладываемыхъ ими казнѣ за вспомогательныя деньги, вмѣсто 0 р. за душу отъ 80 р. до 150 р., смотря по губерніи [1]); наконецъ, ревностнѣйшихъ изъ селитрозаводчиковъ дозволено военному министру представлять „для отличныхъ наградъ“ [2]). Въ томъ же году опредѣлено было мѣсто отпуска дровъ изъ казенныхъ лѣсовъ прибавить еще 1 рубль къ прежней цѣнѣ [3]). Еще больше льготъ было дано селитрозаводчикамъ въ 810 г. Имъ позволялось брать назадъ бочки, въ которыхъ они доставляли селитру, проба дѣлалась не изъ 10 фунт., а изъ 1 пуда, цѣна за пудъ элитры была повышена до 16 р. 80 к., по каковой селитра должна была приниматься въ казну въ теченіе 4-хъ лѣтъ, начиная съ 1811 года [4]). Наконецъ, что было очень важно, какъ увидимъ ниже, было позволено селитрозаводчикамъ свободно торговать селитрой, которая у нихъ останется послѣ выполненія ими обязательствъ по отношенію къ казнѣ, принятыхъ на себя о контрактамъ [5]). Результатъ этихъ льготъ не замедлилъ сказаться значительнымъ повышеніемъ количества производимой селитры. Это особенно удетъ ясно изъ сравненія статистическихъ данныхъ, относящихся къ 1814 оду, съ данными уже нами приведенными и нѣкоторыми новыми 1804 ода изъ экономическихъ примѣчаній. 1804 годъ былъ богатымъ годомъ для елитрозаводчиковъ: ими было поставлено въ казну, какъ мы выше видѣли, о 60000 пуд. селитры; изъ этого общаго числа около 20000 пуд. было изъ лобод.—Украинской губерніи. Въ частности это количество по уѣздамъ аспредѣлялось слѣд. образомъ:

ъ Харьков.	уѣздѣ	заводовъ	было	10,	сел.	выварено	3700	пуд.
„ Зміевскомъ	„	„	„	10,	„	„	6200	„
„ Валковскомъ	„	„	„	10	„	„	4350	„
„ Волчанскомъ . . .	„	„	„	7	„	„	3600	„
„ Богодуховскомъ . .	„	„	„	Нѣтъ	„	„	—	
„ Изюмскомъ . . .	„	„	„	Нѣтъ	„	„	—	

Всего 37 заводовъ съ производствомъ въ 17850 пуд. селитры. Къ сожалѣнію, для остальныхъ уѣздовъ нѣтъ экономическихъ примѣчаній. Въ

[1]) По указу 1799 г. селитрозаводчикамъ изъ казны выдавались вспомогательныя деньги „для распространенія селитренныхъ заводовъ“ въ размѣрѣ 5000 р. каждому на 2 года безъ процентовъ; въ залогъ принимались крестьяне по 60 р. за душу. П. С. З. № 23833.

[2]) Ibid.

[3]) П. С. З. № 24002.

[4]) Для остальныхъ губерній цѣна была также повышена: для Полтав.—18 руб. 75 к., Черниг.—18 р. 30 к., Курской—10 р., Кіевской—14 р. 30 к. и Воронежской 9 руб. 80 к. П. С. З. № 24237.

[5]) Ibid.

слѣдующіе за этимъ годы селитровареніе падало все болѣе и болѣе. Соотвѣственно уменьшенію общаго числа производимой селитры сокращалось, конечно, производство и въ Слоб.—Укр. губерніи. Съ этими данными сравнимъ данныя 1814 года, т. е. когда вышеупомянутыя льготы правительства уже должны были оказать свое дѣйствіе [1]).

Въ Харьков. . . .	уѣздѣ	14 завод.,	сел. выварено	4200 пуд.
„ Зміевскомъ. . .	„	6 „	„ „	2200 „
„ Валковск. . .	„	8 „	„ „	5000 „
„ Волчанск. . .	„	6 „	„ „	4100 „
„ Богодухов. . .	„	10 „	„ „	3300 „
„ Изюмск. . . .	„	4 „	„ „	1000 „

Въ тѣхъ же 6 уѣздахъ 48 заводовъ, на которыхъ выварено 19800 пуд. селитры.

Кромѣ того въ нѣкоторыхъ изъ этихъ же уѣздовъ не производилось селитроваренія въ 1814 году.

Въ Зміевск. . . .	уѣздѣ на	9 заводахъ
„ Волчанск. . .	„ „	4 „
„ Богодух. . . .	„ „	14 „

Всего на 27 заводахъ. Такимъ образомъ въ 1814 году въ этихъ 6 уѣздахъ всѣхъ заводовъ было 75, т. е., больше, чѣмъ въ 2 раза сравнительно съ числомъ заводовъ въ 1804 г. (37 зав.). Въ остальныхъ уѣздахъ Слоб.-Укр. губерніи было слѣд. количество заводовъ въ 1814 г.

Въ Сумскомъ. . . .	уѣздѣ	7 зав.,	сел. выварено	4900 пуд.
„ Лебединск. . . .	„	19 „	„ „	8000 „
„ Купянскомъ . . .	Нѣтъ заводовъ, заготовляютъ только бурты.			
„ Ахтырскомъ . . .	„	6 „	„ „	2080 „

Въ Ахтырскомъ же уѣздѣ на 38 зав. не производилось селитроваренія въ 1814 г. Такимъ образомъ дѣйствовавшихъ заводовъ было 32, селитры выварено было 14980 пуд., недѣйствовавшихъ—38. Во всей же Слоб.-Укр. губерніи заводовъ въ дѣйствіи было 80, селитры выварено было 35000 пуд.: недѣйствов.—65 заводовъ; всего же заводовъ во всей губерніи было 145.

По количеству вываренной въ 1814 г. селитры уѣзды распредѣляются такимъ образомъ:

1. Лебединскій. . . .	уѣздъ	—8000 пуд.
2. Валковскій	„	—5000 „
3. Сумской	„	—4900 „
4. Харьковскій. . . .	„	—4200 „
5. Волчанскій	„	—4100 „

[1]) Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи.

6. Богодуховскій . . .	„	— 3300	„
7. Зміевской.	„	—2200	„
8. Ахтырскій	„	—2080	„
9. Изюмскій	„	—1000	„
10. Купянскій	„	Нѣтъ заводовъ.	

По числу же заводовъ въ каждомъ уѣздѣ это распредѣлеіе нѣсколько мѣняется.

		Дѣйст.	Недѣйст.	Всего.
1. Ахтырскій. . .	уѣздъ	6	38	44.
2. Богодуховскій .	„	10	14	24.
3. Лебединскій . .	„	19	„	19.
4. Зміевской . . .	„	6	9	15.
5. Харьковскій . .	„	14	„	14.
6. Волчанскій . .	„	6	4	10.
7. Валковскій . .	„	8	„	8.
8. Сумской . . .	„	7	„	7.
9. Изюмскій . . .	„	4	„	4.
10. Купянскій. . .	„	Нѣтъ.	„	„ [1]).

[1]) Статистическія свѣдѣнія Слобоцско-Украинской губерніи вмѣстѣ съ статистическими картами по уѣздамъ были затребованы изъ Министерства полиціи отъ слободско-украинскаго губернатора въ 1814 году. Собираться должны были землемѣрами по опредѣленной програмкѣ. Они заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя по внутренней исторіи вообще и по исторіи промысловъ въ частности. Для примѣра привожу програмку 2-го отдѣла, озаглавленную „по предмету манифактуръ". Она заключаетъ слѣдующіе 4 пункта: 1) Винокуренние заводы. 2) Рудокопные и соляние источники. 3) Рукодѣлія—мастерства, свойственныя той или другой мѣстности. 4) Заводи, фабрики и мануфактуры. Для насъ важенъ 4-й пунктъ, гдѣ перечисляются селитренные заводи.

Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи по городу Сумамъ и уѣзду онаго. № 341.

По предмету манифактуръ.

4. Заводовъ селитренныхъ въ семъ уѣздѣ находится 7.

1) Въ селѣ Низахъ капитана Ивана Кондратьева, 2) въ селѣ Подлѣсновкѣ полковаго лекаря Демяна Копѣйчикова, 3) въ деревнѣ Гридаковкѣ помѣщиковъ Карповыхъ, 4) въ селѣ Великомъ Бобрикѣ генералъ-поручицы Елизаветы Рахмановой, 5) въ селѣ Токаряхъ надворнаго совѣтника Петра Смагина, 6) въ селѣ Желѣзникѣ оберъ-провіантъ-мейстера Ивана Кондратьева съ братьями и 7) при селѣ Борозневщинѣ маіора Андрея Кондратьева. На каждомъ изъ сихъ заводовъ выварка производится на одинъ котелъ, коей въ лѣто вываривается во всякомъ особенно отъ 600 до 800 пудовъ. Поставка производится въ казенной пороховой Шостенской заводъ.

Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи по городу Харькову и уѣзду онаго. № 339.

По предмету манифактуръ 4.—Изъ заводовъ имѣются селитренные: 1) въ селѣ Должкѣ 2) близь онаго села 3) при селѣ Роговкѣ надворнаго совѣтника Щербинина, вываривается селитры до 600 пудовъ 4) въ слободѣ Липцахъ помѣщика Паськова наслѣдниковъ, вываривается селитры до 400 пудовъ 5) при хуторѣ Гелонувовскомъ поручика Ковалевскаго, вываривается селитры до 500 пуд. 6) при селѣ Березовомъ князя Кильдишева, вываривается

Эти мѣры правительства, направленныя на поднятіе селитреннаго про-мысла и приведшія къ такимъ блестящимъ результатамъ, какъ объ этом

селитры до 400 пуд. 7) въ слободѣ Дергачахъ помѣщиковъ Краснокутскихъ, вывариваетс селитры до 500 пуд. 8) близь деревни Алексѣевки полковника Щербинина выв. сел. до 400 пуд. 9) При деревнѣ Ржавцѣ полковницы Щербининой выв. сел. до 400 пуд. 10) въ деревнѣ Оксютовкѣ подполковника Кви(тки) выв. сел. до 200 пуд. 11) при слободѣ Мереф полковника Куликовскаго выв. сел. до 200 пуд. 12) при селѣ Березовкѣ Коллежской Ассорши Базилевичевой выв. сел. до 300 пуд. 13) въ селѣ Коротичѣ ее же Базилевичев выв. сел. до 400 пуд. 14) въ селѣ Малой Даниловкѣ надворной совѣтницы Дуниной вы сел. до 300 пуд.

Селитровареніе на вышеписанныхъ заводахъ производится не каждогодно, но чрезъ 5 6 лѣтъ, когда выспѣютъ бурты. Селитра изъ оныхъ заводовъ поставляется въ казенн Шостенскій пороховой заводъ, по цѣнѣ какая тамъ установлена бываетъ, сверхъ того мн гіе владѣльцы насыпали бурты, но выварки изъ оныхъ селитры производимо не было.

Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи по городу Лебедину и уѣзду онаго. № 34

По предмету манифактуръ 4.—Селитренные заводы преимущественно заведены въ кон производится селитровареніе ежегодно 1) въ селѣ Луциковкѣ Дѣйств. Стат. Сов. и Кавалер Куриса вываривается на одинъ котелъ въ лѣто 300 пудовъ. 2) Въ селѣ Тернахъ Надво Совѣт. и Кавалера князя Щербатова на 2 котла до 600 пуд. 3) Въ селѣ Марковкѣ пору чика Велецкого на 1 котелъ—350 пуд. 4) Въ селѣ Верхосулкѣ подполковницы Мазуревск на 1 котелъ—400 пуд. 5) Въ селѣ Будкахъ наслѣдниковъ Кондратьева на 1 кот.—200 пу 6) Въ слободѣ Ольшаной Порутчика Пустовойтова на 2 котла—800 пуд. 7) Въ сей ж слободѣ и слободѣ Будилкѣ Коллежск. Регистр. Могилатова на 2 кот.—800 пуд. 8) Пр городѣ Лебединѣ и слоб. Мижиричѣ Губернскаго Секретаря Могилатова на 2 котла-800 пуд. 9) Въ слободѣ Мижиричѣ Титулярнаго Совѣтника Армашевскаго на 1 котелъ-350 пуд. 10) Въ дерев. Граминой Колеж. Регистр. Добросельскаго на 1 кот.—350 пуд. 11) В селѣ Штеповкѣ Штабс-Капитана Курносова на 1 котелъ—300 пуд. 12) Въ семъ же се Губерн. Секр. Святогоръ-Щтепина на 1 кот.—300 пуд. 13) Въ слободѣ Ворожбѣ Титулярна Совѣт. Романова на 1 кот.—300 пуд. 14) Въ сельцѣ Даценковкѣ Штабс-Капитана Елютин на 1 кот.—300 пуд. 15) Въ хуторѣ Овдянскомъ Коллеж. Регистр. Соловьева на 1 кот.-300 пуд. 16) Въ селѣ Буймерѣ Надв. Совѣт. и Кавалера Маркова на 1 кот.—400 пу 17) Въ слободѣ Будилкѣ подпоручтика Галкина на 1 кот.—400 пуд. 17) Въ селв Чупаховк Коллеж. Ассес. Неплюева на 1 кот.—350 пуд. 19) Въ деревнѣ Знаменской порутчи Лосьева на 1 кот.—400 пуд.

А всего вываривается въ лѣто селитры 8000 пудовъ: поставляютъ оную въ Шостенскій пороховой заводъ по установленной цѣнѣ. Сверхъ сихъ насыпаны въ казенныхъ и во мно гихъ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ бурты, но выварки на оныхъ еще не производилос

Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи по городу Изюму и уѣзду онаго. № 343.

По предмѣту Манифактуръ 4. Селитренныхъ заводовъ: въ г. Изюмѣ 1 о 2-х котлах да въ селѣ Богославскомъ 1 об 1-м котлѣ принадлежатъ Лейб-Гвардіи прапорщику Роман Шидловскому на оныхъ вываривается селитры ежегодно 669 пуд. Селитра на сем заводѣ (въ Изюмѣ) вывар. изъ вала крѣпости бывшей нѣкогда около города Изюма, за сію выварку заводчикъ платитъ въ Изюмскую градскую думу 320 рублей единовременно. 3) Въ селѣ Богаевкѣ маіора и кавалера Василія Захаржевскаго одинъ заводъ объ одномъ котлѣ на ономъ выварив. селитры въ лѣто 209 пуд. 4) Въ селѣ Александровкѣ подполковника Норова одинъ заводъ объ одномъ котлѣ, гдѣ выв. сел. въ лѣто 150 пуд.— Вся селитра отправляется въ Шостенскій Порох. заводъ. Сверхъ того по уѣзду многіе по-

можно судить по вышеприведеннымъ даннымъ, обусловлены были тѣмъ военнымъ положенiемъ, въ которомъ въ это время государство находилось.

мѣщики приуготовили для селитроваренія до 1000 буртъ но изъ оныхъ выварки еще производимо не было.

Не производилось: 5) Въ селѣ Куньемъ Коллежской Ассесорши Шидловской. 6) Въ селѣ Богаевкѣ Надвор. Совѣтника Петра Донецъ-Захаржевскаго. 7) Въ деревнѣ Мазановкѣ Надв. Совѣт. Герсеванова. 8) Въ селѣ Знаменскомъ Над. Совѣт. Михайлы Шидловскаго. 9) Въ селѣ Чепелѣ подполковника Двигубскаго 10) Въ деревнѣ Андреевкѣ порутчика Ивана Заруднаго. 11) Въ деревнѣ Васильевкѣ маіорши Савиновой. 12) Въ селѣ Чепелѣ маіора Ивана Гиржева. 13) Въ деревнѣ Никольской Оберъ-Провіантъ-Мейстерши Милченковой. 14) Въ слободѣ Царенорисовѣ Лейбъ-Гвардіи Прапорщика Шидловскаго.

Въ приложенномъ о селитренныхъ заводахъ регистрѣ число оныхъ и протчее явствуетъ, всѣ селитроварни производятся дровами частью покупными а частью изъ собственныхъ лѣсовъ заводчиковъ. Изюмскій уѣздный землемѣръ Денисенковъ.

Описанныя въ семъ описаніи свѣдѣнія до города Изюма относящіеся удостовѣряю. Городничій Ганъ.

Свѣдѣнія по Изюмскому уѣзду въ семъ описаніи имѣющіеся удостовѣряю. Дворянства засѣдатель Штабсъ-ротмистръ Мазанковъ.

Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи по городу Купянску и уѣзду онаго. № 342.

По предмѣту манифактуръ 4. Селитренныхъ заводовъ въ городѣ и во всѣмъ уѣздѣ не находится, а нынѣ многіе помѣщики въ своихъ деревняхъ заготовляютъ бурты.

Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи по городу Богодухову и уѣзду онаго. № 345.

Изъ заводовъ находится въ пригородной слободѣ (близъ Богодухова) селитренный генералъ-маіорши Александры Корсаковой, въ коемъ черезъ 6 лѣтъ варится селитра на одинъ котелъ и получается оной до 400 пудовъ, которая поставляется въ Шостенскій пороховой заводъ, при томъ заводѣ находится 19 буртъ.

По предмѣту Манифактуръ 4. Въ уѣздѣ имѣются селитренные заводы, изъ коихъ на бывшихъ въ дѣйствіи сего года девяти заводахъ выварено селитры всего 2919 пудовъ о которыхъ равно и о таковыхъ при коихъ производилось селитровареніе въ разныхъ прошлыхъ годахъ осмнадцати заводахъ прилагается при семъ особливая вѣдомость.

Вѣдомость селитреннымъ заводамъ и буртамъ, состоящимъ въ Богодуховскомъ уѣздѣ съ показаніемъ кому оные принадлежатъ, на сколько котловъ производилось при каждомъ селитровареніе и сколько выварено селитры пудовъ, учиненная 1814 года Декабря дня.

Селитренные заводы при коихъ 1814 г. производилось селитровареніе и на будущіе годы ежегодно производится можетъ.	Число буртъ и валовъ	На сколько котловъ варена селитра.	Сколько въ 1814 году селитры выварено пуд.
1. Въ селѣ Писаревкѣ Марьино тожъ Генералъ-Лейтенантши Марьи Глазенапъ принадлежащихъ къ сему заводу въ Лихачевкѣ, хуторѣ Зубовскомъ и на степи воеводской состоитъ всего	156	1	400
2. Въ деревнѣ Березовкѣ Маіора и Кавалера Ивана Боярскаго наслѣдниковъ и принадлежащихъ къ сему заводу слободѣ Колонтаевѣ состоитъ всего	97	1	300
3. Въ селѣ Пархомовкѣ умершаго полковника Графа Феодора Подгоричани наслѣдниковъ	61	1	150
4. Въ селѣ Новой Рабынѣ Надворнаго Совѣтника Варлама Гиржева	119	2	500

Можно было ожидать, что съ наступленіемъ мирнаго времени эта такъ высоко поднятая производительность селитреннаго промысла должна будетъ сократиться до самыхъ скромныхъ размѣровъ, какъ это бывало постоянно и раньше. Казалось, что селитрозаводчикамъ опять прійдется переживать

---

5. Въ деревнѣ Гутеневкѣ Коллеж. Регистр. Ивана Мальцова и принадлежащихъ къ сему заводу въ деревнѣ Ездоцкой состоитъ всего	51	1	380
Селитр. заводы при коихъ 1814 года селитровареніе производилось и таковое производится не ежегодно, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ (по выспѣяніи въ буртахъ земли).			
6. Въ деревнѣ Ковалевкѣ Поручика Михайла Лѣсовицкаго .	35	1	250
7. Въ зашт. гор. Краснокутскѣ изъ земляного вала принадлежащаго Краснокутскимъ казеннимъ обивателямъ . . .	валъ 1	1	250
8. Въ селѣ Каплуновкѣ Надв. Совѣтницы Елизав. Перекрестовой Осиповой	140	1	380
9. Въ селѣ Яблучномъ того села удѣльныхъ крестьянъ . .	27	1	300
Итого въ уѣздѣ 1814 года на 9-ти селитр. заводахъ выварено селитры.	—	—	2919
Селитренные заводы при коихъ производилось селитровареніе въ разныхъ прошлыхъ годахъ, а 1814 года не производилось.			
10. Въ селѣ Константиновкѣ Маіорши Анны Зварикиной . .	58	1	Въ каждомъ котлѣ по 500 пудовъ.
11. Въ слободѣ Колонтаевѣ Надвор. Совѣт. Семена Масюкова и принадлежащихъ къ сему заводу въ слободѣ Любовкѣ состоитъ всего	114	2	
12. Въ зашт. гор. Краснокутскѣ его-жъ Надв. Совѣтника Масюкова	49	1	
13. Въ селѣ Хрущевой Никитовки Ротмистра Дмитрія Хрущова.	199	2	
14. Въ селѣ Купьевахѣ Поручика Григорія Ограновича . .	28	1	
15. Въ слободѣ Мурафѣ изъ 10 буртъ маіора Саввы Ольховскаго наслѣдниковъ и 17 буртъ той слободы казенныхъ обивателей а всего	27	1	
16. Въ деревнѣ Новоселицѣ поручика Андрея Михайловскаго и принадлежащихъ къ сему заводу къ слободѣ Козьевкѣ состоитъ всего	27	1	
17. Въ селѣ Новой Рабынѣ Штабс-Ротмистра и кавалера Ивана Нахимова	38	1	
18. Въ дачѣ деревни Крамчанки той деревни однодворцовъ .	21	1	
19. Въ деревнѣ Ездоцкой Надв. Совѣт. Семена Масюкова. .	36	1	
20. Въ слободѣ Козацкой той слободы однодворцовъ . . .	20	1	
21. Въ слободѣ Сѣнной изъ земляного вала и 12 буртъ принадлежащихъ той слободы казеннимъ обивателямъ и трехъ буртъ прапорщика Спиридона Полтавцова а всего . . .	валъ 1 15	1	
22. Въ селѣ Лозовомъ Маіора Федора Павлова	39	1	
23. Въ слободѣ Колонтаевѣ земляной валъ той слободы казенныхъ обывателей	валъ 1.	1	

Въ вышеписанныхъ заводахъ вывариваемая селитра отправляется въ Шостенскій пороховой заводъ.

Богодуховскій уѣздный землемѣръ Семенъ Мочульскій.

Дворянства Засѣдатель Яковъ Боярскій.

кризисъ и съ нетерпѣніемъ ожидать военнаго времени, когда вопросъ о селитрѣ выдвинется на первый планъ. На самомъ дѣлѣ случилось не такъ.

Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи по городу Змієву и уѣзду онаго. № 340.

Въ описаніи г. Зміева: „Подлѣ самого города при виездѣ при почтовой упомянутой дороги состоитъ селѣтерной заводъ помѣщика Маіора и Кавалера Василія Донецъ-Захаржевскаго, на которомъ въ лѣтнее время черезъ каждые семь лѣтъ производится селитровареніе на одинъ котелъ селѣтры вывариваетса до трехъсотъ пудъ, которая и отправляется въ Шостенской пороховой заводъ.

Зміевскаго уѣзда статистич. свѣдѣнія.

13. По предмету манифактуръ.

Вѣдомость селитреннымъ заводамъ и буртамъ состоящимъ въ Зміевскомъ уѣздѣ съ показаніями кому оніе принадлежатъ на сколько котловъ производилось при каждомъ селитровареній и сколько выварено селитры пудовъ учиненой 1814 года.

	Число буртъ и валовъ	На сколько котловъ вареть селитра.	Сколько въ 1814 году селитры выварено пуд.
1. Въ слободахъ Лиманѣ, Андреевкѣ и Балаклѣе помѣщика коллежскаго Совѣтника Михайла Милорадовича варки производится ежегодно	90	1	500
2. Въ селахъ Припибѣ и Великомъ помѣщика Лейбъ-Гвардіи Прапорщика Ивана Данилевскаго варки бываетъ ежегодно . .	60	1	400
3. Въ селѣ Константиновкѣ помѣщика Андрея Захаржевскаго варка производ. ежегодно	108	1	500
4. Въ деревнѣ Лазуковкѣ помѣщика Маіора Михайла Бедряги по времени варки бываетъ	12	1	200
5. Въ слободѣ Лоховской валъ (съ устарѣлыми) бастіонами слободской крѣпости Губернскаго Секретаря Михайла Мѣрненка	—	1	300
Итого въ уѣздѣ 1814 года на 5 селитренныхъ заводахъ выварено селитры	—	—	1900

Селитренные заводы при коихъ производилось селитровареніе въ разныхъ прошлихъ годахъ въ 1814 году непроизводилось.	Число буртъ и валовъ.
Въ селѣ Гуляйполѣ помѣщика подполковника Андрея Квѣтки.	2½
Въ селѣ Криничномъ помѣщицы Маіорши Капитолины Енохиной . .	15
Въ селѣ Боркахъ помѣщика Надворн. Совѣтника Димитрія Куликовского .	24
Въ слободѣ Соколовѣ и хуторѣ Сидоровскомъ помѣщика Губер. Секрет. Михайлы Мѣрнинка	15
Въ селѣ Гнилищѣ помѣщика Николая Шидловскаго	25
Въ томъ же селѣ помѣщика Григорія Шидловскаго.	30
Въ селѣ Лебяжемъ помѣщика Надворн. Совѣтн. Василія Стремоухова . . .	10
Въ селѣ Гинѣевки буртъ того жъ помѣщика умершаго маіора Андрея Фонъ-Мейера наслѣдниковъ.	13
Въ слободахъ Соколовѣ и Тарановкѣ помѣщика подполковника Михайлы Куликовскаго	49

Въ вышеписанныхъ заводахъ вывариваемая селитра отправляется въ Шостенскій пороховой заводъ.

Зміевскій уѣздный землемѣръ Помазановъ.

Земского Суда Дворянства Засѣдатель Д. Е. Рожинскій.

Селитровареніе впервые въ это время выходитъ изъ тѣхъ ненормальныхъ условій своего существованія, въ которыхъ мы этотъ промыселъ видѣли

Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи по городу Валкамъ и уѣзду онаго. № 344.

4. Изъ заводовъ имѣются селитриные преимущественно заведены въ коихъ селитровареніе производится ежегодно 1) возлѣ города Валокъ Коллежскаго Ассесора Николая Павлова вывариваетея селитры на одинъ котелъ въ одно лѣто до 400 пудовъ 2) Въ селѣ Мерчикѣ Дѣйств. Стат. Сов. Шидловскаго ежегодно на одинъ котелъ въ лѣто 480 пудовъ 3) Въ селѣ Алексѣевкѣ и въ слободѣ Коломакѣ Прапорщика Александра Пѣунова на 1 котелъ въ лѣто до 400 пудовъ 4) Коллежскаго Ассесора Николая Зварина возлѣ слободы Хмѣлевой ежегодно на одинъ котелъ въ лѣто до 500 пудовъ 5) Григорія Ковалевскаго въ селѣ Ивановкѣ ежегодно вываривается до 600 пудовъ. 6) Въ селѣ Старой Водолагѣ генеральши Марьи Дуниной ежегодно на 1 котелъ въ лѣто вываривается до 485 пудовъ 7) Въ селѣ Иванахъ Умершаго Маіора Николая Дунина ежегодно на 2 котла до 700 пудовъ 8) Въ селѣ Рокитномъ полковника Михайлы Куликовскаго на 1 котелъ вываривается селитры въ лѣто до 450 пудовъ. Вывариваемая на оныхъ заводахъ селитра поставляется въ казенный Шостенскій пороховой заводъ по цѣнѣ каковая отъ казны установлена бываетъ.

Статистическія свѣдѣнія по городу Ахтыркѣ и уѣзду онаго. № 346.

	Число буртъ.	Число котловъ.	Число пуд. въ лѣто селитры.
Вѣдомость заводовъ, дѣйствующихъ постоянно по Ахтырскому уѣзду.			
1. Помѣщика Маіора Михаила Андреева сына Кондратьева.	52	1	400
2. Въ деревнѣ Грязной колежской ассесорши Марьи Шидловской.	45	1	300
3. Въ хуторѣ Гапоновскомъ пом-овъ капит. Якова и штабротмис. Платона Карповыхъ 8 буртъ да въ слоб. Боромлѣ 34 бурты всего.	42	1	430
4. Въ селѣ Никитовкѣ пом-ка Генер.-Лейтен. и Ковалера Петра Петровича Коновницина	50	1	300
5. Въ селѣ Турьи пом-ковъ Маіоровъ Михаила и Николая Кондратьевыхъ	45	1	400
Итого		5	1830
Въ селеніяхъ въ коихъ селитр. бурты состоятъ и селитровареніе происходитъ черезъ нѣсколько лѣтъ когда бурты поспѣютъ.			
1. Въ деревнѣ Демьяновкѣ вошколуповкѣ тожъ помѣщ. Титул. Совѣт. Сергѣя Ильинскаго въ прошломъ 1814 году селитровареніе происходило	33	2	250
Селитр. бурты кои въ будущее время вымачиваться для селитроваренія будутъ.			
2. Въ селѣ Успенскомъ и Хуторѣ Хмелевскомъ подполковника Николая Полозова.	88		
3. Въ селѣ Рясномъ ротмистра Дмитрія Хрущова	20		
4. Въ селѣ Видневкѣ подпоручтика Сергѣя Романова	40		
5. Въ Слободѣ Саматоевкѣ Дѣйств. Камергерши Анны Андреевны Комбурпеевой	11		
6. Въ селѣ Закабилье князя Владимира Кудашова	80		
7. Въ Слободѣ Боромлѣ Титул. Совѣт. Василія Бѣмнукаго.	59		
8. Въ хуторѣ Марковомъ Маіора Петра Карпова	16		
9. Въ хуторѣ Поповкѣ Капитаньши Марьи Новосельской	27		

раньше, и занимаетъ мѣсто въ ряду другихъ промысловъ, удовлетворяющихъ мирнымъ потребностямъ населенія. Это положеніе было создано сте-

10	Въ селѣ Тростянцѣ и принадлежащихъ къ оному селу хуторахъ и деревняхъ пом-цы Генер.-Маіорши Александры Карсаковой	35		
11.	Въ селѣ Радомлѣ прапорщика Алексѣя Якубинскаго . .	7		
12.	Въ Слободѣ Жигайловкѣ Пом-ковъ Капит. Якова и Штабъ-Ротмистра Платона Карповихъ	8		
13.	Въ той-же слоб. Жигайловкѣ Губернск. Регистрат. Лаврентія Карпова	5		
14.	Въ селѣ Мезеновкѣ Титул. Совѣтн. Полинарія Шагарова .	100		
15.	Въ селѣ Врайцовкѣ помѣщика Василія Логачева	34		
16.	Въ селѣ Семереньвахъ капитана Николая Валожина . .	24		
17.	Въ селѣ Семереньяхъ Штабсъ-капит. Семена Кардашевскаго.	10		
18.	При селѣ Пальномъ въ хуторѣ Натальевсковъ пом-цы Варвары Кордашевской	26		
19.	Въ деревнѣ Костевкѣ пом-овъ Якова и Платона Карповыхъ.	26		
20.	Въ селѣ Словгородкѣ Ген.-Маіорши Александры Корсаковой.	53		
21.	Въ слоб. Дедиовой однодворческаго общества . . .	6		
22.	Въ селѣ Новомъ рогѣ Маіорши Натали Надаржинской. .	26		
23.	Въ хут. Верхневеселовскомъ Коллеж. Ассесора Петражіака.	15		
24.	Въ дерев. Сосонкѣ пом-цы Маріи Велезковой . . .	15		
25.	Въ селѣ Старой Воиновкѣ Порутч. Михайла Лесевицкого .	15		
26.	Въ дерев. Доброславовкѣ Надвор. Совѣт. и Кавалера Петра Зойновича	14		
27.	Въ селѣ Журавномъ Порутчицы Варвары Кулябкиной наслѣдниковъ	12		
28.	Въ хут. Высокомъ оныхъ же наслѣдниковъ Кулябкиной .	18		
29.	Въ дерев. Буймеровкѣ Маіора Льва Перекресова . . .	22		
30.	Въ хут. Солянниковскомъ	6		
31.	Въ хут. Мошенскомъ	2		
32.	Въ хут. Верхнемъ	10		
33.	Въ селѣ Лутницахъ Маіорши Татьяны Райковичевой Коллежской Ассесорши Ирины Боярской.	44		
34.	Въ слободѣ Хухрѣ	24		
35.	Въ хут. Бугреватомъ	16		
36.	Въ хут. Средневеселовскомъ	30		
37.	Въ слоб. Хухрѣ общественныхъ казенныхъ обывателей. .	5		
38.	Въ слоб. Котельвѣ Малороссійско-Полтавск. губерніи местечко Опошни Капитана Григорія Пасченка	43		

Ахтырскій уѣздный землемѣръ Петръ Галовачевъ.

Статистическія свѣдѣнія Слободско-Украинской губерніи по городу Волчанску и уѣзду онаго. № 341.

По предмѣту Манифактуръ 4. Изъ заводовъ имѣются селитренные: 1) Въ селѣ Старосалтовѣ Дѣйств. Ст. Сов. Хорвата выварив. селитры до 500 пуд. 2) Въ селѣ Писаревкѣ Коллеж. Ассес. Поклонскаго выварив. селитры до 900 пуд. 3) Въ томъ же селѣ Коллеж-

ченіемъ въ высшей степени благопріятныхъ обстоятельствъ для селитроваренія.

Какъ мы уже видѣли, въ 1809 г. правительство позволило селитрозаводчикамъ всю остающуюся у нихъ отъ обязательной поставки въ казну селитру пускать въ вольную продажу. Это позволеніе было какъ нельзя болѣе кстати именно въ это время. Надо замѣтить, что селитра необходима въ мануфактурномъ производствѣ, гдѣ она употребляется въ качествѣ красильнаго вещества для окраски матерій [1]). Съ развитіемъ производительности московскаго фабричнаго округа все болѣе и болѣе поступало отсюда требованій на селитру. Такимъ образомъ селитрозаводчики, поставляя извѣстное количество селитры въ казну, всю остальную продавали московскимъ фабрикантамъ [2]). Легко представить себѣ всѣ послѣдствія подобныхъ условій для селитроваренія. Положеніе его дѣлается вполнѣ устойчивымъ, гарантированнымъ отъ различныхъ случайностей. При этихъ условіяхъ каждый селитрозаводчикъ могъ свободно расширять свое производство, зная, что всегда найдетъ вѣрный и по хорошимъ цѣнамъ сбытъ своему продукту. Теперь мирное время не производило уже того кризиса селитроваренія, какой мы наблюдали напр., въ началѣ XIX ст. Вотъ почему въ 1846 году, слѣд., послѣ продолжительнаго мирнаго періода, изъ Харьковской губерніи селитры было продано на 220,000 р. [3]), что, считая пудъ по самой высокой цѣнѣ, бывшей въ Крымскую компанію, по 7 руб. 50 к. [4]), составитъ почти 30,000 пудовъ. То же нужно сказать о селитровареніи и въ 1852 году, когда въ Харьковской губерніи было 62 завода съ производствомъ селитры на 275,284 р., т. е. по предыдущему расчету около 37,000 пуд. [5]).

Ассесорши Лосѣвой выварив. селитры до 900 пуд. 4) Въ слоб. Мартовой Умершаго Коллеж. Ассес. Зарудного выварив. селитры до 500 пуд. 5) Въ слоб. Печенѣгахъ Полтав. Губер. помѣщ. Коновалова выварив. селитры до 500 пуд. 6) Въ селѣ Ефремовкѣ Надв. Сов. Герсеванова вывар. сел. до 800 пуд., и вся изъ оныхъ заводовъ селитра поставляется въ казенный Шостенскій пороховой заводъ по цѣнѣ какая тамъ установлена бываетъ, сверхъ того многіе владѣльцы насыпали бурты, но выварки изъ оныхъ селитры производимо не было. Приготовлено буртъ которые должны чрезъ годъ итить въ мочку. 1) Помѣщика Артемьева въ слободѣ Печенѣгахъ 60 буртъ 2) Помѣщика Черноглазова въ слободѣ Мартовой 50; 3) Помѣщика Тыхоцкаго въ слоб. Верхнемъ Салтовѣ 40; 4) Помѣщика Графа Андрея Гендрикова въ слободѣ Венгеровкѣ 70 буртъ.

[1]) Харьк. Губ. Вѣдомости 1866 г. № 97.

[2]) Ibid.

[3]) Полт. Губ. Вѣдомости 1849 г. № 6, стр. 66.

[4]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1868 г. № 109.

[5]) Жур. Мин. Госуд. Имуществъ 1856 г. ч. LIX. Отд. II, Хозяйственная статистика Харьк. губерніи, стр. 20 и С. И. Кованько, Описаніе Харьк. губерніи. Харьковъ 1857 г. Хозяйственная статистика стр. 80.

Главнымъ мѣстомъ сбыта селитры московскимъ купцамъ были двѣ ярмарки: Ильинская въ Ромнахъ и Крещенская въ Харьковѣ [1]). Это время вплоть до 50-хъ годовъ нашего столѣтія было безъ сомнѣнія лучшимъ періодомъ въ исторіи селитроваренія. Но уже въ 60-хъ годахъ этотъ промыселъ начинаетъ все болѣе и болѣе падать, количество вывариваемой селитры уменьшаться, заводы одинъ за другимъ закрываются и въ 80-хъ годахъ въ Харьковской губерніи уже нѣтъ ни одного селитреннаго завода [2]). Селитровареніе въ Харьковской губерніи въ настоящее время погибло окончательно. Какія причины прекращенія этого промысла?

Очень интересныя данныя по этому вопросу заключаются въ замѣткѣ г-на Ковалевскаго, помѣщенной въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1866 годъ № 97 подъ заглавіемъ: „О причинахъ упадка селитроваренія". Г-нъ Н. Ковалевскій самъ селитрозаводчикъ Лебединскаго уѣзда, какъ это видно изъ его подписи подъ замѣткой, вслѣдствіе чего его объясненія причинъ этого упадка пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ особенную важность и интересъ. Кому лучше знать о причинахъ этого явленія, какъ не лицамъ, спеціально занимающимся этимъ промысломъ и, слѣд., живо заинтересованнымъ всѣмъ, что только его касается! Главную причину упадка селитроваренія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ авторъ видитъ въ привозѣ иностранной (американской) селитры, которая вслѣдствіе незначительныхъ пошлинъ на нее стоитъ гораздо дешевле мѣстной, почему и предпочитается московскими фабрикантами. Слѣдствіемъ этого является безвыходное положеніе селитрозаводчиковъ, которые не знаютъ, что имъ дѣлать съ остающеюся отъ поставки въ казну селитрой, такъ какъ казна принимаетъ только незначительную часть вывариваемой ими ежегодно селитры; отъ этого они терпятъ громадные убытки, такъ какъ съ отмѣной крѣпостнаго права вести все дѣло должны на наличныя деньги. На основаніи всего этого г. Ковалевскій предлагаетъ земскимъ управамъ ходатайствовать предъ Правительствомъ во 1-хъ, о прекращеніи ввоза въ Россію американской селитры; во 2-хъ, о предоставленіи каждому селитрозаводчику права доставлять въ Шостенскій пороховой заводъ ежегодно все добытое ими количество селитры или по крайней мѣрѣ не менѣе 700 пуд. съ каждаго завода, производящаго варку на одномъ котлѣ; наконецъ, въ 3-хъ, о возвышеніи отъ казны цѣны на селитру „въ видахъ поощренія селитроваровъ и по тому уваженію, что если правительство платило по пяти рублей за пудъ селитры во время бывшаго крѣпостного труда, то при свободномъ трудѣ эта самая цѣна не можетъ быть пропорціонально-удовлетворительною".

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1866 г. № 97.

[2]) Харьк. Календарь 1891 г. и слѣд.

Несомнѣнно, что и прекращеніе сбыта селитры на московскія фабрики и уничтоженіе крѣпостного права и вмѣстѣ съ этимъ и дарового труда [1]) имѣли большое значеніе въ исторіи этого промысла. Но не въ этомъ заключается главная причина. Эти обстоятельства можно назвать ближайшими причинами. Главной же причиной уничтоженія селитроваренія были сами селитрозаводчики, ихъ неподвижность, ихъ отсталость, отсутствіе у нихъ какого бы то ни было стремленія къ усовершенствованію своего промысла. Особенно ярко это сказалось, когда появилась американская селитра и, слѣд., когда нужно было мѣстной селитрѣ выдерживать конкуренцію съ иностранной. Вмѣсто того чтобы взяться энергично за дѣло, стараться объ удешевленіи своего продукта путемъ внутренняго усовершенствованія производства при измѣнившихся условіяхъ веденія сельскаго хозяйства, приложенія тѣхъ техническихъ открытій и изобрѣтеній, которыми такъ богатъ нашъ вѣкъ, селитрозаводчики идутъ по такъ хорошо извѣстному имъ пути, по пути жалобъ на свое безвыходное положеніе и просьбъ о защитѣ, обращенныхъ къ правительству.

Чрезвычайно характерною въ этомъ отношеніи является уже приведенная нами выше замѣтка г-на Ковалевскаго. Мы нарочно подробно остановились на мѣрахъ, которыя по мнѣнію г-на Ковалевскаго являются необходимыми для поднятія селитроваренія. Эти мѣры очень ярко характеризуютъ намъ отношенія селитрозаводчиковъ къ своему промыслу. Еще болѣе ярко выступитъ предъ нами неподвижность и отсталость селитрозаводчиковъ, если мы сравнимъ уже извѣсное намъ описаніе селитроваренія, сдѣланное Гюльденштедтомъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, съ производствомъ селитроваренія въ 70-хъ годахъ нашего столѣтія и посмотримъ, насколько развилось производство селитры. Вотъ это описаніе [2]). Въ кадку аршина 2 вышиною, аршина 1½ въ верху въ діаметрѣ, а у дна въ 1 аршинъ [3]) на четверть кладутъ хворосту и соломы, все остальное пространство плотно набиваютъ буртовою землей [4]), оставляя сверху въ кадкѣ ¼

---

[1]) Экономическія примѣчанія на уѣзды Слоб.-Украинск. губерніи.

[2]) Это описаніе составлено нами на основаніи разсказа одного изъ бывшихъ селитрозаводчиковъ Харьковскаго уѣзда, которому приносимъ искреннюю благодарность.

[3]) На каждомъ заводѣ нѣсколько кадокъ, которыя всѣ вмѣстѣ называются *верстатомъ*.

[4]) Бурты это кучи, составленныя изъ земли, навозу, мусора отъ строеній, сору всякаго рода, соломы и т. п. Въ длину бурты достигаютъ 30 саж., въ вышину и ширину отъ 2 до 3 саж. Лежатъ они въ теченіе 10—15 лѣтъ, время отъ времени ихъ поливаютъ, пока подъ вліяніемъ воды, воздуха и тепла изъ нихъ не образуется селитра. Иногда бываетъ нужно перекапывать, перебрасывать весь буртъ, если онъ съ самаго начала плохо сложенъ, т. е. не всюду въ него въ достаточной степени проникаютъ вода, воздухъ и тепло. Буртовая земля считается готовой, когда въ любомъ разрѣзѣ бурта виденъ бѣлый налетъ, а потертая въ рукахъ обращается въ порошокъ. Число буртовъ у одного селитрозаводчика, смотря по размѣрамъ производства, можетъ достигать нѣсколькихъ сотъ.

арш. свободнаго пространства, которое наливають водой. Вода, просачиваясь въ теченіе сутокъ сквозь землю, поступаеть въ нижнее отдѣленіе, откуда черезъ кранъ (чопъ) стекаетъ въ подставленную посуду. Вода должна сутки просачиваться сквозь землю въ кадкѣ, а для этого земля должна быть набита какъ можно плотнѣе. Земля изъ кадокъ идетъ на образованіе новыхъ буртовъ. Этотъ растворъ называется *лугомъ*. То же самое дѣлаютъ и съ золой—лучшая зола изъ гречишной соломы—растворъ золы называется *прогономъ*. Лугъ и прогонъ увариваются сначала отдѣльно до извѣстной степени плотности, затѣмъ смѣшиваются; смѣсь извѣстна подъ именемъ *трубы*. Труба въ свою очередь уваривается до нужной плотности, степень которой узнается по образованію кристалловъ, если каплю увариваемой жидкости капнуть на ножъ. Впрочемъ мастера по гвоздямъ въ котлѣ, слѣд, по уменьшенію жидкости въ котлѣ, узнаютъ степень уварки. Когда труба готова, ее разливаютъ въ *притирки*, круглыя деревянныя низкія чашки въ діаметрѣ приблизительно 1/2 арш., въ которыхъ и оставляютъ ее въ покоѣ дня на 3. Затѣмъ ее сливаютъ. На днѣ и по бокамъ притирокъ осаждается селитра въ видѣ кристалловъ, иногда достигающихъ діаметра притирокъ. Эти кристаллы выгребаются особой лопаточкой. Количество селитры зависитъ отъ качества, но не количества буртовъ, отъ болѣе или менѣе искусной уварки луга, перегона и трубы. Притирки съ трубою ставятся въ *шуръ*, сарaѣ, стѣны котораго сплетены изъ хвороста, чтобы воздухъ находилъ свободный туда доступъ. Труба, слитая изъ притирокъ по окончаніи процесса образованія селитры, подъ названіемъ *старухи*—старой трубы, или маточнаго раствора опять поступаетъ въ трубу, назначенную для уварки. Селитра на этой степени производства темно-краснаго цвѣта, цвѣта бордо. Ее кладутъ въ чаны съ покатымъ дномъ и изъ лейки поливаютъ водой (стекающая вода поступаетъ въ трубу). Селитра изъ темно-красной превращается въ желтую, принимаетъ цвѣтъ нормальный для нелитрованной селитры. Затѣмъ ее сушатъ и набиваютъ въ боченки. Заводы работаютъ съ ранней весны до морозовъ. Работа идетъ съ утра до 7—8 часовъ вечера, начинаясь съ уварки луга, прогона и трубы и оканчиваясь разливкой уваренной трубы въ притирки.

Сходство полное не только въ главныхъ чертахъ, но даже въ мелочахъ! Тѣ же орудія производства, тѣ же самые способы. И такъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія селитровареніе оставалось на одной и той же степени развитія!

Необходимость усовершенствованій въ этой области еще въ началѣ XIX в. хорошо понималъ В. Н. Каразинъ. Въ своемъ извѣстномъ селѣ Крючикѣ онъ устроилъ селитренный заводъ „на собственныхъ его Кара-

зина началахъ, въ большой степени сберегающее дрова и работу" [1]). Новый способъ производства селитры В. Н. Каразина былъ въ 1810 г. подвергнутъ испытанію самими же селитрозаводчиками; это испытаніе далъ блестящіе результаты, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ нихъ же [2]). Но его примѣръ въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, не нашелъ подражателей.

Евгеній Трифильевъ.

---

1) Статистич. свѣдѣнія по городу Богодухову и уѣзду оного. См. также Д. И. Багалѣй Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина Записки Имп. Хар. Унив. 1893. Книга I стр. 17 Г. П. Данилевскій Украинская Старина Харьковъ 1866. стр. 134 и 140 и Я. В. Абрамовъ В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общест. дѣятельность СПБ. 1891 стр. 54 и 77—78.

2) Г. П. Данилевскій Украинская старина Харьковъ 1866. Письмо И. Р. Шидловскаго къ А. Ѳ. Квиткѣ. стр. 142—143.

МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ,

преимущественно историческія,

собранныя Я. П. Новицкимъ въ Екатеринославской губерніи въ 1874—1894 годахъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Яковъ Павловичъ Новицкій, какъ собиратель народныхъ сказокъ, преданій и пѣсенъ, давно уже пользуется почетной извѣстностью. Подробный обзоръ его печатныхъ трудовъ и краткая біографія даны въ III гл. 1 вып. изслѣдованія проф. Н. Ѳ. Сумцова „Современная малорусская этнографія". Настоящій сборникъ по величинѣ и обилію новаго матеріала превосходитъ все доселѣ изданное въ печати г. Новицкимъ. Собиратель отнесся къ собранному матеріалу добросовѣстно и старательно, что выразилось въ умѣлой записи пѣсенъ и въ многочисленныхъ библіографическихъ указаніяхъ на сходные печатные варіанты. Историко-Филологическое Общество, признавая научную важность настоящаго собранія пѣсенъ, постановило издать ихъ въ ближайшемъ VI т. Сборника, поручивъ редакцію пѣсенъ коммиссіи изъ трехъ членовъ Общества, А. А. Русова, А. В. Ветухова и Н. Ѳ. Сумцова. Опираясь на разрѣшеніе г. Новицкаго, выраженное въ письмѣ на имя секретаря общества, и принимая во вниманіе ограниченность матеріальныхъ средствъ общества, комиссія исключила изъ сборника всѣ варіанты, совпадающіе съ напечатанными ранѣе, отмѣтивъ лишь первыя строки такихъ варіантовъ и сдѣлавъ ссылку на печатныя изданія; большинство относящихся къ пѣснямъ библіографическихъ указаній сдѣлано ранѣе г. Новицкимъ; комиссія кое-гдѣ дополнила ихъ и мѣстами добавила новыя, затѣмъ соединила пѣсни, разбитыя г. Новицкимъ на двѣ части, въ одинъ цѣльный сборникъ и въ видѣ третьей части добавила пѣсни, присланныя г. Новицкимъ позднѣе, исключивъ изъ послѣдней присылки десятка три пѣсенъ, хорошо извѣстныхъ по другимъ сборникамъ. Языкъ записей оставленъ безъ измѣненій. Комиссіи пришлось взять на себя корректуру, и члены комиссіи заранѣе просятъ извиненія, если, при обиліи служебныхъ занятій, они допустили недосмотры въ группировкѣ пѣсенъ и въ корректурѣ при печатаніи ихъ.

Харьковъ.
Февраля 16 дня 1894 г.

ОТЪ СОБИРАТЕЛЯ.

Вымираютъ старые люди,—уносятъ въ могилу и старую память. Явленіе это слишкомъ замѣтно тамъ, гдѣ 20 лѣтъ тому назадъ сдѣлана первая попытка собиранія произведеній народнаго слова, гдѣ дѣда-отца замѣнилъ дѣдъ-сынъ, дѣдъ-внукъ. Подъ вліяніемъ иныхъ условій жизни, поэзія старины утрачиваетъ свою живучесть. Пѣсня историческая уступаетъ мѣсто пѣснѣ солдатской; для молодого поколѣнія первая стала скучною и непонятною. Вотъ почему такъ важно спасать отъ забвенія все то, что носитъ на себѣ слѣды исторіи.

Настоящій сборникъ является результатомъ 20-ти лѣтняго безпрерывнаго изученія народной жизни (1874—1894 гг.). Пѣсни собраны нами въ селахъ Екатеринославскаго, Александровскаго и Маріупольскаго уѣздовъ, при чемъ лучшія изъ историческихъ пѣсенъ принадлежатъ старожитнымъ селамъ первыхъ двухъ уѣздовъ, лежащимъ по Днѣпру и надъ „Великимъ Лугомъ". По разореніи Сѣчи, здѣсь, на мѣстѣ зимовниковъ, рыбачьихъ кошей и пасѣкъ, запорожцы—сидни [1]) положили первое начало осѣдлости; здѣсь они закончили свой вѣкъ, завѣщавъ потомству поэтическую исторію въ преданіяхъ и пѣсняхъ. Нигдѣ болѣе мы не встрѣчали такихъ типовъ, такой долговѣчности, какъ въ этомъ центрѣ Запорожья! Въ деревнѣ Языковой (Екатер. у.), напримѣръ, въ 80-хъ годахъ умеръ старецъ *Михаилъ Кнырикъ* 98-ми лѣтъ отъ роду, въ м. Григорьевкѣ (на р. Волчьей Алекс. у.) въ тѣхъ же годахъ умеръ *Евдокимъ Шляховый* 100 лѣтъ, наконецъ въ дер. Кушугумовкѣ (надъ Великимъ Лугомъ Алекс. у.) и по си дни здравствуютъ *Никита Джигиръ* 94 лѣтъ и *Арсень Черноволъ* около 100 лѣтъ. При недавнемъ посѣщеніи, послѣдній жаловался, что жизнь ему въ тягость и что про него навѣрное забылъ Богъ; Джигирь, напротивъ, не унываетъ и хотя уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ не слазитъ съ печки (слабъ на ноги), но не теряетъ надежды поправиться и снова взяться за неводъ и сѣти.—Помимо пѣсенъ, преданія этихъ старцевъ предстевляютъ самыя интересныя страницы о Запорожьѣ и они выдѣлены нами въ отдѣльную часть—„Запорожскія урочища и клады".

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ сказать, что при записи пѣсенъ мы неуклонно слѣдовали правилу подлинникомъ вноситъ то, что слышало ухо. Слѣдовательно не наша вина, если тотъ или другой варіантъ утратилъ свою полноту или искаженъ пѣвцами, не нашъ грѣхъ также, если онъ по-

---

[1]) Старики великолужцы и поднѣпровцы называютъ сиднями запорожскихъ козаковъ, бросившихъ, на старости лѣтъ „рушницу и шаблю" и занявшихся мирнымъ промисломъ и хозяйствомъ.

алъ въ народъ въ измѣненной редакціи. Разобраться въ этомъ этнографу е всегда легко.

Нѣкоторымъ изъ пѣсенъ мы дали объясненія на основаніи историче-кихъ справокъ, къ другимъ приложили поясняющія смыслъ преданія. На-колько удачно сведенъ нашъ трудъ,—пусть судятъ другіе, но мы сдѣлали се, что могли и будемъ счастливы, если наша скромная лепта найдетъ ѣсто въ области трудовъ о словесныхъ памятникахъ народа.

Александровскъ, 6 Декабря
1893 года.

ЧАСТЬ I.

Времена борьбы съ татарами, турками, ляхами и шведами.

1.

Дѣвушка будитъ козака, указываетъ въ полѣ Орду.

Ой гай, маты, та не гай мене,
Въ далеку дорогу выряжай мене....

Сравн. *Антоновича* и *Драгоманова*, Историч. пѣсни I, 139—143; *Чубинскій*—Труды V, 4, 873, 1196. *Мордовцевъ*, Малорус. литер. сборн. стр. 242 (собраніе Костомарова); *Балина*, Укр. пісни 73; Записки Юго-Запад. отд. И. Р. Г. О. II, 548.

2.

Козацкая служба (турокъ и туркеня).

Не журь мене моя маты,
Бо я журбу и самъ знаю,
Тры дни съ коня не вставаю,
Зъ стременъ нижокъ не выймаю
Пидъ кручею, пидъ скелею,
Сыдыть турокъ съ туркенею,
Та все жъ тее сукно крое.
Кому жъ тее сукно прыдоста-
[нется:
Чы сотнычку, чы полковнычку,
А чы тому козакови,
Шо шабелька пры бокови?

Евфросинья Лисовая, 15 лѣтъ. Дер. Кушугумовка, Александр. у., 18 Октября 1887 г.

Сравн. *Антоновича* и *Драгоманова*, Историч. пѣсни т. I, стр. 262, „Поѣздка въ Крымъ“ съ 23 строки до конца. *Чубинскій*, Труды этнографич.-статистич. экспед. въ Западно-русскій край т. 5 стр. 947.

3.

Татары убиваютъ вдову и забираютъ дѣтей (колыбельная).

Ой на гори слобода...

Сравн. *Чубинскій*, Труды этногр.-стат. экспед. IV, 28.

Поясненіе. Цю писню покойна наша маты було спива, якъ колыш дитей. Якъ плаче дытына, вона було ляка: „Цыть! онъ страшни татар идуть, воны тебе визьмуть“. Або „цыть! онъ старый Бубунъ иде зъ банду рою, винъ тебе визьме въ торбу“. Бубуномъ у насъ (с. Соколки, Кобеляк у., Полтавск. губ.) звалы дида, шо гравъ на бандури.

4.

Въ турецкой неволѣ.

Зозуленько моя ненько,
Закуй мини жалибненько (2)...
Вкажы жъ мини ту дорогу,
Куды ихаты до роду,
Ой до роду родыноньки,
До отця, риднои ненькы.

Агафья Саенкова, 52 л. Покровско
Алек. у. 23 Іюня 1888 г.

Сравн. *Чубинскій*, V, 25 (66 по порядку). Въ варіантѣ Чубинскаго—козакъ блудит Дуная и спрашиваетъ у кукушки дороги.

Поясненіе. Цю писню, було, спиваютъ люды, якъ заженуть ихъ в турецьку неволю. Ихъ такъ далеко загонылы, шо и дорогы не знал до роду.

5.

Украинка—турецкая плѣнница.

Ой выйду я на могылу,
Та погляну у долыну
У долыни огонь горыть,
Коло огню турокъ сыдыть,
Турокъ сыдыть, коня держыть,
Коня держыть за поводы,
За поводы шовковіи;
Биля его дивка сыдыть,
Дивка сыдыть, слизно плаче,
Слизно плаче, турка просе:
Пусты мене, турчыночку,
Побачыты родыночку,
Щей ридную Вкраиночку.

Дер. „Нескучное“, Маріуп. у. 19 Ок тября 1887 г.
Записана Евф. Степ. Новицкой.

Сравн. *Антоновича* и *Драгоманова*, Историч. пѣсни I, стр. 138.

6.

Похищеніе Ляхомъ Украинки

(въ двухъ варіантахъ).

Ой у поли на роздольи
Пасла Катря волы й кони....

Сравн. *Костомарова*, Народ. пѣсни въ Литер. сбор. Мордовцева (1859) стр. 222. *Балмина*, Украінскі пісні, стр. 37. *Чубинскій*, Труды V. 908.

7.

Бѣгство народа правобережной Украины въ лѣвобережную во времена руины.

А.

а не спавъ я ничку не одную,
е буду спать щей другую;
огось мени трудно,
а серденьку нудно,
амъ я молодъ не могу знаты.
а віютъ витры буйніи,
дутъ дощи все тучніи,
емлю зворушають,
равою устылаютъ,
цвитами украшають.
а идуть люды поселяне,
се съ дочками, та съ сынами,
окидаютъ грунты свои,
реславные вжыткы
І превтишніи пасикы.
Та чегось луга потемнилы,
Наши поселяне посмутнилы,
Засмутылася птыця,
Шо назадъ воротыться,
На свои прежни вжыткы,
Уже весна—Днипръ широкый,
Перевозы скризь глыбоки,
А зелени дибравы ключи попу-
[скалы.
Ой, тече ричка невылычка,
И вширь вона не широка,
И въ глыбь вона не глыбока,
Тико карабель проходывъ
И бурлакъ проводывъ,
Все за добримы панами;
А теперь не проходе,
И бурлакъ не проводе,—
За вражымы ворогамы.

Дѣдъ Никита Джигирь, 88 лѣтъ Кушугумовка Алѣкс. у. 5 Декабря 1887 г.

Срав. *Максимовичъ*, Украинск. народныя пѣсни 1834 г. ст. 181), *Сумцовъ*, Современ. малор. этногр. I, 145.

Передача содержанія пѣсни. Колысь то войны булы велыки; люды, ранней весны, саме въ оранку якъ дощи идуть, покидалы слободы, худобу, все добро и тикалы съ посимейставми, десь дальше. Назувстричь имъ верталась зъ вирія птыця на свои прежни вжыткы и якъ побачыла, шо уже и людямъ нема життя—тикають—засмутылась и вона.

Про глыбоки Днипрови перевозы говорыться въ писни, бо дило було весенней воды, якъ саме бувае такъ шыроко, та глыбоко, шо по витрови и не перейдешъ Днипра. Про зелену диброву, шо ключи попускала,—це противъ того, шо весною по ярамъ бигла снигова вода зъ лису. Про невелычку ричку, шо вона не широка и не глыбока—це ричь иде про те, шо колысь, було, ричками иде бурлачня въ Запорожже. За добрихъ панивъ нихто не займавъ бурлакъ, а якъ насталы лыхи, то не було просвитку и бурлаци сердешному.

Диды наши розсказувалы, шо колысь було вельможи хотилы Запорожжя звесты и не пускалы туды утикачивъ—сиромахъ То отце чумакы наберуть ихъ паровыць двисти, трыста, повтягуютъ шкурамы и везуть. Якъ

кто спыта: куды йдете?—Въ Перекипъ по силь. А шо везете? груши. Такъ ти запорожци, хоть жилы безъ бабъ, а николы не переводылысь. (Дмитр.)

Послѣ войнъ Хмельницкаго Правобережная Украина не переставала служить поприщемъ борьбы русскихъ, турокъ и поляковъ. При гетманахъ правой стороны Днѣпра *Дорошенкѣ* и лѣвой *Брюховецкомъ, Многогрѣшномъ* и *Самойловичѣ* (1663—1687) цвѣтущій край превращенъ былъ въ пустыню; и эти злосчастные годы отмѣчены въ исторіи подъ именемъ *руины*. Благодаря недальновидности и малодушію полководцевъ, русскія войска и украинскіе казаки не могли устоять противъ смѣлаго врага, побѣда въ большинствѣ случаевъ оставалась на сторонѣ татаръ и турокъ, которые выжигали города и села, разрушали церкви, брали дань дѣтьми, загоняли въ плѣнъ населеніе обширныхъ областей и весь этотъ живой товаръ тысячами сопровождали въ Крымъ на невольничій рынокъ [1]). Но безчеловѣчнѣе всего обращались съ людьми, вышедшими на встрѣчу съ оружіемъ: такихъ убивали, сдирали съ головъ кожу, набивали соломою и, получивъ за каждую по червонцу отъ пашей, направляли ихъ повозками въ лагерь султана [2]). Не лучше, если не хуже, обращались и поляки до и послѣ Андрусовскаго договора. По Андрусовскому договору (1667) съ Россіею, когда Западная украина (правобережная) отдана была Польшѣ, вовдвореніе порядка началось съ убійствъ и звѣрской расправы жолнеровъ, пылали пламенемъ города и села и народъ, чтобы избѣгнуть жестокостей и рабства, бросалъ домы, грунты, пасѣки и, переселяясь цѣлыми селами, въ лѣвобережную украину, даже деревянныя церкви разбиралъ и перевозилъ на возахъ [3]).

До какого неистовства и дикости доходила Орда достаточно привести примѣръ 1672 года. Турецкій султанъ изъ-за Днѣстра и Буга ввелъ 150,000 войска въ Правобережную Украину. Война по просьбѣ *Дорошенка*, отдавшагося Турціи, главнымъ образомъ направлена была не столько противъ поляковъ, сколько противъ казаковъ, сопротивлявшихся замысламъ его. Турки взяли нѣсколько городовъ въ Подоліи и сильную польскую крѣпость Каменецъ. *Магометъ* IV торжественно въѣхалъ верхомъ въ соборную церковь города. Христіанскія церкви были обращены въ мечети, улицы, на глазахъ *Дорошенка*, выстилались иконами, снимались кресты, колокола, выкапывали и вывозили за городъ трупы покойниковъ. По повелѣнію султана,

---

[1]) *Антоновичъ*, Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра, стр. 11; *его-же* и *Беца*, Историческ. дѣятели юга-запад. Рос. I, 79. *Миллеръ*, Историч. соч. о Малороссіи стр. 19.

[2]) *Бантышъ-Каменскій*, Исторія малой Россіи 1842 г. II, 140.

[3]) *Костомаровъ*, Руина 74, 123, 124, 146. *Антоновичъ*, Послѣд. времена казач. на правой сторонѣ Днѣпра, стр. 2 и 6. *Кулишъ*, Записки о южной Руси I; 82.

800 ребятъ было отобрано въ янычары, женщины и дѣвицы-шляхтянки забраны въ гаремы. Изъ Подоліи султанъ послалъ визира, хана и Дорошенка громить польскіе города и села, а самъ занялся опустошеніемъ Украины. Приведенный въ отчаяніе и ужасъ, народъ, голодный какъ звѣрь, скрывался въ лѣсахъ и норахъ, или толпами бѣжалъ на лѣвый берегъ Днѣпра и въ Запорожье [1]).

Въ то время, когда правобережная Украина предоставлена была на растерзаніе Орды и ляховъ, Запорожье не оставалось равнодушнымъ. Иванъ *Сѣрко*, отважный предводитель войска Запорожскаго и заклятый врагъ ислама и уніи, въ отищеніе, раззорялъ Крымъ, выжигалъ татарскіе города и улусы, не щадя ничего живаго, а вмѣстѣ съ этимъ освобождалъ изъ неволи тысячи народа плѣненнаго въ Украинѣ. Набѣги Запорожцевъ съ *Сѣркомъ* во главѣ и кошевого *Рога* производили въ Крыму такой переполохъ, что татары, а съ ними и Ханъ, оставляли на произволъ судьбы весь юртъ, скрывались въ горы или на судахъ уходили на азіятскій берегъ [2]). Но эти набѣги *Сѣрка* еще болѣе ожесточили татаръ и турокъ и вся месть послѣднихъ, благодаря безучастію гетмановъ, обрушивалась на беззащитную Украину западнаго берега. Долго пустѣла она! Въ немногихъ, но выразительныхъ словахъ обрисовываетъ состояніе заднѣпровской Украины послѣ руины московскій священникъ старообрядецъ *Лукьяновъ* въ своемъ путешествіи въ Святую Землю [3]). Описывая путь изъ Паволоты въ Немировъ и далѣе въ Цареградъ, *Лукьяновъ* говоритъ: „Февраля въ 6 день въ понедѣльникъ сырныя недѣли о полудни, ѣдши хлѣба и забравши всякой харчи себѣ и конемъ овса и сѣна, и поидохомъ въ степь глубокую; и бысть намъ сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше-бо видѣти ни града, ни села; аще бо и быша прежде сего грады красны и нарочиты села видѣніемъ—но нынѣ точію пусто мѣсто и не населяемо, не бѣ видѣти человѣка. Пустыня велія и звѣрей множество: козы дикія, и волци, лоси, медвѣди, нынѣ же все развоевано да разорено отъ Крымцевъ. А земля зѣло угодна и хлѣбородна, и овощу всякаго много; сады что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули, да все пустыня; не дадутъ собаки татары населиться; только населятся селы, а они собаки пришедъ и разорять, а всѣхъ людей въ полонъ поберутъ. Не погрѣшу эту

---

1) *Костомаровъ*, Руина 419, 420; *Бантышъ-Каменскій* Истор. Малой Россіи, II, 129; Лѣтопись самовидца 58, 59. *Ригельманъ*, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи II, 135; Исторія Руссовъ, 172.

2) *Костомаровъ*, Руина 171 и 172.

3) Въ напечатанной *Бартеневымъ* книжкѣ Лукьянова путешествіе отнесено къ 1710—1711 годамъ, что по свидѣтельству *Максимовича*, (сочин. I, 537) является неточнымъ и съ большею достовѣрностію можетъ быть отнесено къ 1701 и 1702 годамъ.

землю назвать златою, понеже всего много на ней родится. И идохомъ тою пустынею пять дней, ничто же видѣхомъ отъ человѣка" [1]).

Лѣтописецъ *Величко* въ 1705 году, проходя съ Малороссійскими казаками отъ Корсуни до Бѣлой-Церкви на Волынь, былъ также пораженъ запустѣніемъ и безлюдьемъ: „Поглянувши паки видѣхъ просторныя тогобочныя Украино-Малороссійскія поля и розлочныя долины, лѣсы и обширные садове, и красныя дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлыя, мхомъ тростіемъ и непотребною лядиною зарослыя. Видѣхъ же къ тому на розныхъ тамъ мѣсцяхъ много костей человѣческихъ сухихъ и нагихъ тилько небо покровъ себѣ имущихъ, рекохъ въ умѣ: *кто суть сія?* Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украино-Малороссійская во область пустынѣ Богомъ оставлена и поселенцы ея славные предки наши, безвѣстны явишася" [2]).

Во время руины запустѣлая Украина переходила то полякамъ, то туркамъ, то русскимъ, и попытка обратной колонизаціи замѣчается послѣ Бахчисарайскаго мира въ 1681 году. Турецкій султанъ, какъ свое завоеванное достояніе, отдалъ Украину Молдавскому господарю Іоанну *Дукѣ*. Послѣдній, вопреки статьямъ мирнаго трактата, началъ населять слободы на непозволенныхъ мѣстахъ, переманивалъ чрезъ своихъ осадчихъ народъ, бѣжавшій въ лѣвобережную Украину, обѣщая гарантію спокойствія. Но вскорѣ эта попытка въ зародышѣ была разрушена гетманомъ лѣваго берега *Самойловичемъ*. Затѣмъ послѣ 1686 года, когда состоялось условіе вѣчнаго мира Россіи съ Польшей, а вмѣстѣ и союзъ противъ Турціи и Крыма, когда западная Украина побережной частью осталась за Россіею и остальною за Польшею—прочными уже колонизаторами являются личности, пользующіяся народными симпатіями, каковы *Палій*, *Самусь*, *Искра* и *Абазинъ*, при чемъ изъ нихъ самымъ дѣятельнымъ въ возстановленіи казачества выдѣляется первый—Бѣлоцерковскій полковникъ Семенъ Ивановичъ *Палій*, безсмертное имя котораго живетъ въ народныхъ легендахъ и пѣсняхъ [3]).

Б.

У насъ паны найкращіи,
Пишутъ лысты найлучшіи,
Та посылаютъ у Сынату,
Шобъ насъ не забралы
У ти безсчастни уланы.

Срав. *Максимовичъ*, 1834 г. стр. 171.

---

[1]) Путешеств. въ Свят. Землю стр. 16.

[2]) Лѣтописи I, 4—5.

[3]) *Бантышъ-Каменскій*, Исторія Малой Россіи II, 169, 173, 174; *Антоновичъ*, Послѣдніе времена козач. на прав. сторонѣ Днѣпра 30, 31, 49, 50, 58, 59, 61. *Костомаровъ*, Руина 622, 649, 650.

8.

Бѣгство бурлакъ за Дунай.

Віють витры все буйніи,
Та идуть дощи все дрибніи,
Та землю орошають,
Та травою урощають,
И цвитами украшають.
Тамъ стоялы все курганы,
Де бурлаченьки проиэжали.
Та степы за степамы,
И луги зъ берегамы,
Тамъ чумаченькы проходилы,
И бурлаченькывъ провозылы,
А теперь не проходять,
И бурлакъ не провозять.
Все за вражимы панамы.
Наши бурлаченькы догадалысь,—
Черезъ Дунай-ричку перебралысь,
Та Дунай-ричка маты,
Та не дай погибаты,
Намъ безсчастнымъ сиромахамъ.

Агафья Саенкова, 46 л. Покровское,
Александр. у., 12 Января 1880 г.

9.

Овраменко.

Мать не пускаетъ сына въ дорогу.—Нежеланіе сына отстать отъ козаковъ.—Битва съ турками подъ Келебердою и смерть Овраменка.

Оврамыха стара маты
А три сыны мала,
Гей, въ дороженьку, та велыкую
На ничъ не пускала.
Тико пустыла сына Данила
Въ Тавань-городъ погулять.
—Прощай, прощай стара маты,
Бильше мене не выдаты.
—Ой сыну-жъ мій, сыну Даныло,
Зволькы-жъ мою волю,
Пересыдь, сыну, сю годыну,
Сей день середу въ господи зо
[мною.
—Ой якъ мени, стара маты,
Сей день середу ждаты,
Пьють козаки медъ, выно й пыво,
А мини-бъ-то не буваты?
Ой пье Овраменко, ой пье моло-
[денькій
Зъ щырозлотного кубка,
Увывается его стара маты,
Та якъ сыва голубка;
Ой пье Овраменко, ой пье моло-
[денькый,—
Ще й хустыною втреться,
Его маты, та старенькая
Якъ горлыця бьеться.
Ой въ городи у Тавани
Тры квиточкы сходыть,
По городу по Келеберди
Овраменко ходыть;
Ой въ городи у Тавани
Тры квиточкы вьется,
За городомъ Келебердою
Овраменко зъ туркомъ бьется;
Ой въ городи у Тавани
Тры квиточки звыто,
За городомъ за Келебердою

Тамъ Овраменко вбыто.
Ой не за велыки гроши вбыто,—
За жупанъ голубенькый,
Не потуравъ, вражый сынъ тур-
[чынъ,
Шо винъ козакъ молоденькый [1]).

Федоръ Мих. Кнырикъ, 60 лѣтъ. Д. Федоров (Языкова) Екатерин. уѣзда, 4 Августа 1887 г.

Сровн. *Антоновича* и *Драгоманова*, Историч. пѣсни малорусск. народа, т. I стр. 259 Кіевск. Старина 1886. XV, 760, *Сумцовъ*, Современ. малор. этногр. I 143.

10.

Гетманъ Богданко (Рожинскій). (1575—1576 г.).

Безчинство татаръ.—Плѣненіе жены Богданка.—Объясненіе пѣсни по историческим справкамъ.

Ой Лымане, Лымане [2])
Запорозькый атамане,
Ой чогожъ та смутный ходышь,
Та у чорному оксамыти?
— Ой якъ мени не ходыты
Та у чорному оксамыти,
Гей, шо булы у мене гости
Та все славни запорожци,
Шо воны пылы, та гулялы,
Та зо мною совитъ малы.
Гей, та булы у мене други.
Сыны вражи татарюгы,
Шо одну ничку ночувалы,
Отця, неньку зневажалы,
Другу ничку ночувалы,
Малыхъ дитокъ вырizалы,
Третю ничку ночувалы,
Мыленькую съ собою взялы.
Въ чыстимъ поли надъ ричкою [3])
Тамъ татары огонь кладуть,
Огонь кладуть—исты варять
А межъ нымы баша [4]) сыдыть
На колинахъ мылу держитъ.
— Ой видсунься, мыленькая,
Бо убью тебе зъ башенькою!
— Не видсунусь, мій мыленькій,
Бо башенька молоденькій!
— Гей згадай згадай моя мыла,
Съ кымъ ты дитокъ наплодыла?
— Ой съ тобою, мій Лымане,
Запорозькый отамане.

Андрей Иващенко, 60 лѣтъ. с. Ольгинское, Маріуп. уѣзда, 1876 г.

Пѣсню эту, въ молодости, Иващенко „переняль" въ с. Кальчикѣ (иначе Никольское на р. Кальчикѣ, въ народѣ же—Запорожье и Кальчикъ) отъ дряхлаго дѣда—запорожца. Надо сказать, что с. Кальчикъ основано

---

[1]) Въ варіантѣ, записаномъ въ с. Бѣленькомъ, того же уѣзда, послѣднее двустишие заканчивается нѣсколько иначе:

Ой не за велыки гроши его вбыто, за жупанъ голубенькій
Дывувався, вражій сынъ турчинъ, шо винъ козакъ молоденькый.

Макаръ Позюкъ 70 л. 16 Іюня 1887 г.

[2]) По другому не полному варіанту „Ой Богдане Богдане".

[3]) По другому варіанту „Надъ Дунаемъ".

[4]) Паша.

въ 1828—29 году послѣдними запорожцами *Азовскими козаками*, выведенными съ Дуная Осипомъ Гладкимъ. Пѣсня современна Богдану Михайловичу *Рожинскому*, гетману низовыхъ запорожскихъ казаковъ при Стефанѣ Баторіѣ, а вмѣстѣ одному изъ выдающихся вождей XVI вѣка. Рожинскій въ исторіи казачества упоминается чаще подъ именемъ *Богданка* [1]). Польскій лѣтописецъ Оржельскій, разсказывая о набѣгѣ многочисленной татарской орды на Украину въ 1575 году, при которомъ татарами уведено до 35000 плѣнныхъ, 40000 коней, до полумилліона рогатого скота и безъ счету овецъ, говоритъ что послѣ этого набѣга русскіе послы прибыли на сеймъ въ траурной одеждѣ.

Ой чего-жъ ты смутный ходышъ,
Та *у чорному оксамыти?*

Въ числѣ плѣнниковъ было много шляхты. Между прочими татарами захватили въ плѣнъ жену князя Богдана Рожинскаго, а мать убили. По словамъ историка Бѣльскаго и др., Рожинскій отплатилъ татарамъ за набѣгъ набѣгомъ, опустошилъ въ 1575 году Крымъ, разорилъ Синопъ, Трапезондъ и предмѣстья Царьграда. Наконецъ въ 1576 году, осаждая татарскую крѣпость на Днѣпрѣ Асланъ-городокъ, взлетѣлъ на воздухъ отъ неудачнаго подкопа.

Ср. *Антоновичъ и Драгомановъ*, Историч. пѣсни I стр. 167; *Бантышъ-Каменскій*, Исторія Маллороссіи 1843 г. I стр. 123—124; *Кулишъ*, Исторія возсоединенія Руси I стр. 85, 86, *Сумцовъ*, Современ. малор. этногр. I 142.

11.

Морозенко.

Дурное предчувствіе Морозихи.—Неудачная встрѣча съ Ордою подъ г. Келебердою.—Смерть Морозенка отъ турокъ.

А.

Ой Морозе, Морозенку,—ты славный козаче,
За тобою, Морозенко, вся Украина плаче.
Не такъ тая Украина, якъ гордее військо,
Заплакала Морозыха тай йдучи на мисто.
Не плачь, не плачь Морозыхо, не плачь не журыся.
Иды зъ нами, козакамы, меду вина напыйся.
Чогось мени, мыли братци, медъ вино не пьется,
За моимы воротами турокъ съ шведомъ бьется.
Изъ за горы Камьянои війско выступае,

---

[1]) *Бѣлозерскій*—Южно-русскія лѣтописи, стр. 54 и 110. *Костомаровъ*—Богданъ Хмѣльницкій 4-е изд. 1884 г. I стр. 20—21.

Попереду Морозенко сывымъ конемъ грае.
Ой грай коню, ой грай коню тыхою ходою,
Зостринемось изъ Ордою пидъ Келебердою.
А въ городи Келеберди покопани шанци,
Взялы, взялы Морозенка не въ вечери—вранци;
Взялы, взялы Морозенка на тры спысы вгору,
Та вдарылы Морозенка объ пень головою;
Посадылы Морозенка на дубови лавы,
Скыдай, скыдай Морозенко чоботы сапьяны;
Посадылы Морозенка на дубовимъ стильци,
Скыдай, скыдай Морозенко червони постильци,
Ой вывелы Морозенка на Савуръ могылу,—
Подывыся, Морозенко, на свою Украину.
— Та вже-жъ мени, мыли братци, Украина не мыла,
Шо побыла Морозенка лыхая годына.
Стойте, братци не бийтеся бо не наша воля,
Бо убыто пидъ Морозенкомъ конычeнька вороного;
Стойте, братци, не быйтеся, бо не наша сыла.
Бо вже вбыто Морозенка, Морозышыного сына.

Степанъ Власенко, 80 л. С. Вознесенка, Александр. у., 15 іюня 1884 г.

Б.

Ой Морозе, Морозенку, ты славный козаче,....
Вже піймалы Морозенка въ недиленьку вранци,
Яку-жъ тому Морозенку кароньку завдаты?
Нумо зъ его изъ живого, сорочку здійматы.
На тонкый, билый лубочокъ Морозенка клалы,
Изъ живого Морозенка серденько выймалы.
Лучше-бъ мени, моя маты, въ сырій земли тлиты,
А нижъ мени, козакови, таку мученьку терпиты;
Лучше-бъ мени, моя маты, въ сырій земли лежаты,
А нижъ мени, козакови, таку мученьку прейматы.

Иванъ Машталиръ, 78 лѣтъ. Кушугумовка, Александр. у., Екатер. г., 22 февраля 1891 г.

Сравни: *Метлинскій*, Народ. южно-русск. пѣсни стр. 408—412. *Кулишъ*, Записки о южной Руси II стр. 245. *Костомаровъ*, Исторія казачества, „Рус. Мысль“ 1880 г. февраль стр. 58—60. *Его-же*, Народ. пѣсни, напечат. въ Малорусск. Литературн. Сборникѣ Мордовцева. Саратовъ 1859 стр. 193—196. *Максимовичъ*, Украинск. народ. пѣсни. 1834 г. стр. 74—76. *Сумцовъ*, Соврем. малор. этногр. I 144.

12.

Супрунъ.

Битва съ Ордою.—Плѣнъ Супруна. – Обращеніе къ Кошевому о выкупѣ.—Отказъ Кошеваго.

Ой не знавъ козакъ, не знавъ Супрунъ де-бъ славы зажыты,
Та зибравъ військo, славне запоризьке, пишовъ Орду быты.
Ой въ суботоньку противъ недиленьки Супрунъ зъ Ордою стявся [1]),
А въ недилю, въ обидню годыну, въ неволю попався.
Сталы ему, прокляти турякы, назадъ рукы вьязаты,
Ой ставъ козакъ, ой ставъ Супрунъ всю правду казаты:
Не вьяжить мене, прокляти турякы, назадъ рученькамы,
Ой пустить мене въ чысте поле погуляты съ козакамы,
А хочъ выведить, хочъ вынесить на Савуръ [2]) могылу,
Ой я гляну подывлюся на свою Вкраину.
Савуръ могыла й шырока долына, сызый орелъ вылитае,
Въ чыстимъ поли славни запорожци—якъ макъ процвитае.
Ой вы запорожци, вы добри молодци, накажите кошовому:
Нехай же винъ Супрунове добро забезцинокъ збувае,
Ой нехай же винъ козака Супруна зъ неволи вызволяе.
—Лучче-жъ мини, козака Супруна въ вичи невыдаты,
А нижъ его козака Супруна добро забизцинокъ збуваты.

Семенъ Ткаченко, 45 лѣтъ. Краспокутовка,
Александр. уѣзда, 31 января 1888 г.

Ср. Кіев. Стар. XVIII, 584; *Метлинскій*, Народн. южно-русск. пѣсни стр. 429—30.

13.

Перебыйнисъ.

Побѣда надъ поляками въ 1648 году.

Ой, по надъ лугамы, по надъ берегамы похылылися лозы,
Ой, загадавъ же намъ, та панъ Перебыйнисъ, а шобъ булы перевозы.
Ой, по надъ лугамы, по надъ берегамы а густіи очереты,
Ой, загадавъ же намъ, панъ Перебыйнисъ, шобъ варылы вечеряты.
Ой, по надъ лугамы, по надъ берегамы, похылылыся виты,
Ой, бережыся, пане Перебыйнисъ, хотять тебе ляхы вбыты.
Ой, я жъ ляхивъ, а превражихъ сынивъ, я жъ ихъ не боюся,
Ой, есть у мене сорокъ тысячъ війска, я ще зъ нымы побьюся.
Ой, поставывъ же, а панъ Перебыйнисъ, а тры стороженькы вмисти,

---

[1]) Зійшовся. *Пѣвецъ.*
[2]) Могила Савуръ въ землѣ Войска Донскаго, между рѣками Міусомъ и Кринкой.

Ой, самъ пишовъ, та до кумасенькы, щукы-рыбы исты.
Ой, сыдыть же, панъ Перебыйнисъ, а не думае, й не гадае,
Ой, съ кумасею та съ Хмельныцькою, медъ горилочку кружае.
Ой, якъ глянувъ же, панъ Перебыйнисъ, а въ викно въ оболоню [1])
Ой, стоять ляхы, та прывражи сыны, а кругомъ его двору.
Ой, якъ глянувъ же, та панъ Перебыйнисъ, въ другую кватырьку [2]),
Ой, шатаются, превражи ляхы, якъ ти шашкы по рынку.
Ой, якъ крыкнувъ, та панъ Перебыйнисъ, на джуру [3]) малого:
—Ой, сидлай джуро, сидлай малый, коня вороного!
Ой бижы джуро, та бижы малый, отъ хаты до хаты,
Ой, давай джуро, та давай малый, всимъ козаченькамъ знаты.
—Ой, якъ же намъ, пане Перебыйнисъ, даваты имъ знаты,
Ой, шо воны вчора пылы, та гулялы, а теперъ лягглы спаты!
—Ой, сидлай хлопку, а сидлай малый, а коныка вороного,
Ой, пидъ мене, молодого, а чалого старого.
Ой, попидтягуй, хлопку, попидтягуй малый, пидпруженькы стуга,
Ой, буде, на твого коня вороного, прывелыка потуга.
Ой, не вспивъ же, той панъ Перебыйнисъ, а на коныка пасты;
Ой, зачавъ ляхивъ, превражихъ сынивъ, якъ снопыки класты,
Ой, не вспивъ же его хлопка малый, на коныка систы,
Ой, почавъ ляхивъ, превражихъ сынивъ на дробенъ макъ сикты;
Ой, оглянувсь же, а панъ Перебыйнисъ, позадъ коня вороного,
Ой, кладе хлопка, кладе малый, ще й лучше за его;
Ой, оглянувсь же, а панъ Перебыйнисъ, та на правую руку,
Ой, не выскоче его кинь чалый изъ лядського трупу;
Ой, оглянувсь, а панъ Перебыйнисъ, та на правее плече,
Ой, съ пидъ его коня чалого кривавая ричка тече.

Дѣдъ Авкс. Орелъ и баба Козлыха. Кушугумовка, Александр. у., 21 Января 1881 г.

Другой варіантъ, записанный тамъ же, заканчивается слѣдующими строками:

—Ой нумо (2), панъ Перебыйнисъ, отъ ляшенькивъ утикаты
Бо вже пидо мною кинь вороненькый та ставъ преставаты.
—Та не гараздъ джуро, та не гараздъ малый, видъ ляхивъ тикаты
Та не гараздъ джуро, та не гараздъ малый козацьку славу пакуваты.
Ой ставъ джура, ой ставъ малый отъ камзоля кгудзыкы рваты

---

[1]) По Шейковскому: оболоня—поле. См. словарь малорос. идіомовъ; стр. 422.
[2]) Викно, шо видсувается. *Пѣвецъ.*
[3]) Слуга, конюхъ.

Ой ставъ джура, ой ставъ малый карабына заряжаты.

. . . .

. . . .

—Ой я-жъ въ тоби вражый сыну, кохався, втишався,
Ой я-жъ видъ тебе цiи смерты тай не сподивався.
Тоди ляхы, вражи сыны, та славы зажылы
Якъ съ самого Перебыйноса съ плеча головоньку зиялы.

Иванъ Машталиръ, 78 л. 22 Февраля 1891 г.

Сравн. *Металинскій*, Народн. Южно-русскія пѣсни, стр. 399—403. *Антоновичъ* и *Драгомановъ*, Историч. пѣсни II, 42—46. А.—Г.; *Максимовичъ*, Укр. народ. пѣсни 1834, стр. 101. *Сумцовъ*, Соврем. малор. этногр. I 143.

Перебыйнисъ и Хмельницкій.

Преданіе.

За Хмельныцького, кажуть, жиды, тикалы зъ Украины. Отъ разъ идуть Перебыйнисъ съ Хмельницькымъ, колы въ степу кибитка, а отдаль—жыды пасуть коней. Воны до ихъ

— Здорови булы землякы!

— Здрастуйте вельмозни паны.

— А шо вы за люды?

— Цынци съ Поцаева.

— Колы вы ченцы,—де-жъ вашъ игуменъ?

— Насе мегунъ писло кони пасты.

— А кому-жъ вы вируете?

— Христови и Богови.

— А хто-жъ вашъ Хрыстосъ и Богъ?

— Перебыйнисъ—якъ Хрыстосъ, а Хмельницкій—якъ самъ Бохъ...

— Э, це вже брехня!... А берить ихъ хлопци въ торокы, та везить годувать ракы...

— Ой вей! помылуйте вельмозни паны: у насъ дитки маленьки.

— Дарма!... вы жиды, а ваши диты жыдынята... Берить хлопци, берить!

Повьязалы козакы, везуть щей прыслухаються, шобъ якый не здохъ, а якъ здохне—шобъ не завонявся.

Прокопенко, 67 л. Покровское,
Алекс. у., 19 ноября 1879 г.

Угнетеніе русскаго народа поляками, тиранства „жидовъ риндаривъ" (арендаторовъ имѣній и церквей), поруганіе надъ православными церквами, поборы на рыбныхъ рѣкахъ, проѣзжихъ дорогахъ, мостахъ и перевозахъ вызвали въ 1648 году поголовное народное возстаніе. Вооружившись саблями, ружьями, гакивницами, а за неимѣніемъ оружій—кіями, дубьемъ, косами и ножами, разъяренный народъ произвелъ страшныя опустошенія

въ правобережной польской Украинѣ и Подоліи. Масса возставшаго народа дѣлились на отряды, носившіе названіе *загоновъ*, каждый отрядъ имѣлъ своего предводителя. Къ числу извѣстныхъ предводителей загоновъ принадлежитъ и имя *Максима Перебыйноса*. По преданіямъ народа, Перебыйносъ обладалъ несокрушимой силой характерника, „его не брала пуля, не тонулъ въ водѣ, не горѣлъ въ огнѣ, не боялся чорта въ болотѣ". Истребивъ сначала евреевъ и поляковъ въ Переяславѣ, Перебыйносъ двинулся съ своимъ многочисленнымъ загономъ на правый берегъ Днѣпра къ Бугу, опустошилъ, выжегъ всѣ попадавшіеся на пути города и села, выбилъ, вырѣзалъ „жидовъ и ляховъ". Максимъ Перебыйносъ— современникъ Богдана Хмельницкаго; въ исторической литературѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ *Кривоноса*. Интересныя подробности о немъ желающіе могутъ найти въ монографіи Костомарова „Богданъ Хмельницкій".

14.

Нечай.

Побѣда надъ ляхами.—Смерть Нечая.

Въ темному лиси, въ зеленому гаи,... [1]).

Срав. *Метлинскій* Народ. южно-русск. пѣсни стр. 403—407, варіанты А—Д. *Антоновичъ* и *Драгомановъ*.—Историч. пѣсни малорусск. народ. II стр. 55—98. *Костомаровъ*—Исторія казачества „Русск. Мысль" 1883 г. Августъ стр. 118. *Закревскій*. Старосвѣтскій бандуриста I, стр. 111. „Екатеринославскій юбилейный Листокъ" 1887 г. стр. 140. *Максимовичъ* Украинскія народ. пѣсни 1834 г. стр. 97—100.

15.

Мазепа и Палій.

А.

А въ Полтави на Шведской могилы
Пье Мазепа, гуляе.
Медомъ, выномъ и явлецкымъ [2]) пы- [вомъ
А кубочкы наповняе.
Скоро Палій, скоро Семенъ
А скоро зьявывся,
Меду, вина и явлецкаго пива
Съ кубочкивъ напывся.
— Прошу тебе, Палію Семене,
Шобъ не зрадывъ ты мене,
Якъ буду я Шведа пидмовляты
У пень Москаля рубаты.
Не дождишь ты, псе-Мазепо,
Шобъ Шведа пидмовляты,
У пень Москаля рубаты,
А будешь ты, псе-Мазепо,
У катюги биль стовпа стояты...
Ой якъ крыкнувъ же, псе-Мазепа,
На свои гайдуки:
Берить, берить Палія Семена,
А тугенько въ руки!
Ой якъ крыкнувъ же, псе-Мазепа,
На свои скрыпыци:

[1]) Варіантъ, записанный въ Кушугумовкѣ отъ дѣда Машталира начинается такъ:
Ой зъ горы, та зъ за *Нетипанки* симъ сотъ ляхивъ выступае
Ой гукнулы, молоди казаченки, нумъ тикать Нечаю.

[2]) Въ вар.-аглецкимъ.

Берить, берить Палія Семена,
Закыдайте въ темныцю!
— Не дождешь ты, псе-Мазепо,
Мене закидаты въ темныцю,
А просыть, просыть тебе царь
Ажъ до себе въ столыцю.

Никита Джигирь (Слюсарь) 88 лѣтъ Кушугумовка
у Великаго Луга, Алексадр. у., 29 Декабря 1887 г.

Срав. *Костомаровъ*, Исторія казачества въ памятникахъ южно-руск. пѣсеннаго народ. ворчества „Русск. Мысль“ 1880 г. Іюнь стр. 46. Варьянтъ, правда, мало сходенъ. *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни 1834 г. стр. 58; Кіевск. Старина 1887, XVIII, 787; Политич. ѣсни украинск. народа ч. I, р. II 1—57.

Б.

Ой у поли, въ широкомъ раздольи....
Ой залыйте Семена Палія въ кайданы,
Та закыньте въ темныцю,
Я самъ сяду, я самъ поиду
А до царю у столыцю.
Три дни ихавъ, тай не доихавъ.
На четвертый день сталъ,
Винъ же того, Семена Палія,
Тай изминныкомъ назвавъ.
— Здрастуй, здрастуй царю возлюб-[ленный!
Та Семенъ Палій—змина,
Що винъ пье, та гуляе,
А ще й Шведа пидмовляе;
Въ пень Москаля рубаты.
Що брехавъ же, проклятый Мазепа,
Та у царя у столыци.
То все знавъ Семенъ Палій,
А сыдяче въ темныци.
Ой у лиси хмиль зелененькый
Ставъ изъ земли вытыкаться,
Ой ставъ Семенъ, ой ставъ Палій
Изъ темныци выбываться;
Ой у лиси хмиль зелененькый
Та землю устилае,
Уже жъ Семенъ, уже жъ Палій
На воронимъ кони грае;
Ой у лиси хмиль зелененькый
Та на тычыночци вьется,
Ой уже жъ Семенъ, уже жъ Палій
Та уже жъ зъ Шведомъ бьеться.
Та утикавъ король Шведскій
Та съ пидъ Полтавы лозамы,
Та не бачывъ свита, та не бачивъ [билого
А за дрибными слезами.
Ой якъ прыбигъ же, король Шведскій,
А до днистровихъ перевозивъ.
Ой якъ гукнувъ, та якъ крыкнувъ:
А подайте скоришъ, поронивъ!

Семенъ Ткаченко, по уличному Палій. Краснокутовка у Великаго Луга, Алекс. у., 31 января 1888 г.

Ткаченко, нося уличное прозваніе Палія, гордится этимъ и воспѣваетъ историческое имя славнаго *Семена Палія*. Эта пѣсня, говоритъ онъ, держится только въ его фамиліи и передается изъ рода въ родъ. Прадѣдъ его былъ запорожскій козакъ „зъ Великого Лугу“.

Семенъ Палій.

(Историческое преданіе).

Семенъ Палій бувъ лыцарь великій. Про его, було, богато де чого розсказують запорожцы нашымъ батькамъ, а батьки уже намъ.

Десь-то, кажуть, жылы козакы и мижъ ными бувъ молодый козакъ Семенъ. Разъ кошовый зибравъ 'військо и махнувъ воювать Орду и Ляхивъ, а Семенъ зостався глядить добра. Тоди ще хатъ було не дуже густо, бильше жылы куринямы. Отъ дохозяинувався той Семенъ, покы спалывъ кошового куринь. Шо его робыть?—дума винъ: прыидуть—буде мини. Взявъ рушныцю и подався. Довго винъ ишовъ байракамы и зайшовъ въ таки пущи, шо тико небо и выдно. Сивъ винъ и спочива. Ось насунула хмара, ставъ крапать дощъ, потимъ гримъ, блыскавка. Дывитця винъ на скелю, колы выскакуе лукавый. Якъ загремыть гримъ, винъ пидъ скелю, якъ затыхне—винъ вылизе и гнивыть Господа. Семенъ и дума: шо-жъ теперъ робыть? Або ему смерть, або мини. Тико шо выскочывъ винъ на скелю, Семенъ прыцилывсь и убывъ. „Ой бый ще, каже, разъ бый“ просе лукавый. „Буде съ тебе и разу“. Винъ знавъ, шо якъ выпалы вдруге, то побижыть. Зарядывъ Семенъ рушныцю и посунувся очеретамы въ пущу. Иде винъ, тай иде, а очеретъ густый та высокій и свита не выдно. Чуе винъ, трищыть очеретъ и шось суне прямо до его. Шо Богъ дасть, каже, та туды. Колы ось показався дидъ старый, старый та билый. Здоровъ, каже, сыну!—Здоровъ, дидусю!—Куды тебе Богъ несе?—Такъ и такъ каже диду: доли шукаю: або звирюка зъисть, або дійду до Велыкого Лугу въ Запорожжя. И ставъ ему Семенъ розсказувать: „Спалывъ, каже, куринь и боюся гнива козацького; або кіямы забьють, або на шыбыныцю“. Дидъ и каже: теперъ за тобою погоня—сорокъ чоловикъ; тико ты не бійся: пиды до кошевого, винъ простыть. Дали показуе дидъ свою рушныцю и каже: „тутъ таке цилке, тико наведешъ, такъ и е; давай, каже, поминяемось“. Вгори литала очеретянка. Дидъ прицилывся, бахнувъ, вона и упала. „Добра, каже, Семенъ, рушныця, а моя ще лучша. Я, каже, не такого звиря убивъ“. Отъ дидъ упьять и каже: ну, колы минять не хочешь то дарую я тоби цю рушныцю за те, шо убывъ сатану. Будешъ ты, каже, велыкій лыцарь и побиждатымешъ непрыятеля; будешъ ты, каже, минятьця якъ мисяць: мисяць зостаріетця—зостаріешся и ты, зійде молодыкъ—будешъ молодымъ и ты. Вертайся-жъ, сыну, до кошового“. Сказавъ це дидъ и Богъ зна де дився, бо не простый чоловикъ винъ бувъ, а святый апостолъ. Помолывся Семенъ и пишовъ до кошового. Прыйшовъ, та прямо въ куринь. А кошовый тико шо умывся, втераиться и молытву творе. Семенъ навколяшкы.—„А шо, каже, еретычый сыну, прыйшовъ“? „Не клады, каже, тату, велыкого гнива: то я спалывъ куринь“.—„Щастя-жъ твое, каже, шо не піймала погоня, заколола бъ“. Дали кошовый и каже: „за те, шо спалывъ куринь—будь же ты, еретычий сыну, *Паліемъ*“.

Ставъ винъ козакувать, ставъ такый сыльный, шо никто его не по-

дужа. Було якъ воюють козакы, то де Палій,—тамъ и удача. Выбралы его козацькимъ батьюмъ, тобъ-то копповымъ. Отъ прыихавъ Шведькій король до проклятого Мазепы и давай воны пыть. Пылы, пылы, а потимъ и клыкнулы до себе Семена Палія. Король и каже: „погуляймо, братци, та визьмемось рубаты въ пень [1]) Москаля".—Не диждешь!—каже Семенъ Палій". Якъ схопыться король, якъ схопыться проклятый Мазепа, та до Семена Палія. „Берить, вьяжыть, слугы, сякого такого"! Взялы Семена Палія, скувалы въ зализо рукы, ногы и замуровалы въ темныцю. Не богато якъ винъ тамъ сидивъ, не ивше и не пывше—двадцять годъ. Черезъ двадцять годъ пишовъ Шведъ войною на царя Петра, пишовъ съ нымъ и проклятый Мазепа. Сталы пидъ Полтавою. У царя сыла війська, а у Шведа и проклятаго Мазепы ще бильша. Ставъ Шведъ побывать Москаля, а Петро и каже: „дай мини Шведо хоть трохы отдыху". Той давъ. Петро пишовъ у свій станъ и пыта: чы нема, братци, мижъ вамы богатыря, „або характерныка"? Вызвався хлопець 16-ты литъ и каже: я бъ помигъ, та ше лита не выйшлы, а есть, каже, замурованный въ темныци, Семенъ Палій, той побидыть Шведа. Пославъ царь за Паліемъ. Одмуровалы его, глянулы, ажъ у его борода и коса по колина, вусы—по поясъ. Сорочка, штаны на ему опалы,—страшно и глянуть. Надилы одежу, пидвелы коня. Шо стане Семенъ Палій сидать,—кинь такъ и вгрузне по колина. Стико не пидводылы,—ни одынъ кинь не здыржавъ. Тоди прывелы царьского коня. Винъ сивъ и поихавъ. Прыижжае до царя. Царь посадывъ его за дубовый стилъ, угощае и правды пытае. „Шо каже, Семене Палію, чы своюемо Шведа"!—„Звоюемо, каже, тико дай тры дни хлиба святого поисты, та спочыть". У Шведа була баба хымородныця [2]). Отъ глянула вона на Петрове військо и каже: „ой, шось за напасть велыка буде на насъ". „Велы, каже, королю, кувать коней назадъ гамакы [3]), та нумо тикать". Покы Шведъ покувавъ коней,—ось уже и Семенъ Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу одежу, сивъ на коня и сунувъ за військомъ на Шведа. Чы довго винъ тамъ бывся, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта царя: „бачышъ Шведа"—„Бачу, каже подався черезъ гору". Выбигъ тоди Палій на кряжъ и пыта упьять: „а теперъ бачышъ"? „Бачу каже: одынъ другого черкае шаблямы". „А короля бачышъ"?—„Побигъ, каже, король степомъ, а за нымъ проклятый Мазепа, ажъ курява знялась". Якъ звоювавъ Палій Шведа, Петро и каже: „ну, Семене Палію, теперъ я дамъ тоби грошей стико схочешъ, дамъ я тоби и паньски области". „Ни, каже Палій, не треба мини ни грошей, ни паньскихъ областивъ: дай мини мылу Украину, за котору я двадцять литъ

---

[1]) Рубать въ пень—поголовно.

[2]) Колдунья, знахарка.

[3]) Переднеи частью подковы назадъ; собственно *гакы*—острые зубцы снизу у подковы.

страждавъ,—бильше у тебе не прошу ничого". Давъ Петро Паліеви Украину и ставъ винъ выжывать ворогивъ. Якъ вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъ зна де дився. Винъ, кажуть, и теперь десь жывый и, якъ Господь ему веливъ, миняеться якъ мисяць: старіе и молодіе.

Дѣдъ Евдокимъ Калій, 70 лѣтъ. Краснокутовка, Александ. уѣзд., 17 января 1888 г.

Подробная статья г. *Каллаша* о Мазепѣ и Паліѣ по пѣснямъ и сказаніямъ напечатана во II кн. Этнографич. Обозрѣнія 1889 г.

16.

Украинци на земляныхъ работахъ.

А.

Ой зъ загоры выступае хмара,
Тожъ не хмара—молоди солдаты,
Попереду—идуть все генералы,
А по заду—все бьють барабаны,
Насъ молодихъ тай развеселяють.
Ой чого жъ вы, братци, пожурылысь?
Отъ якъ же намъ, братци, не журыться,—
Молодымы въ солдаты забралы,
Въ чужый край тай позавдавалы...
Не дають намъ ни исты ни пыты
Заставляють роботу робыты,
Глыбоки канавы копаты...
Ой тутъ же намъ, братци, померáты.
Не знатеме ни батько, ни маты
Тико знатеме жена молодая,
Жена молодая, сестрица родная—
Шабелька гострая.

Ганна Шевченко, 15 лѣтъ. Дер. Письмачева, Екатеринослав. уѣзда, Іюнь 1887 г.

Б.

Ой зъ загоры, зъ за чорнои хмары (2)
Выступалы молоди гусары, (2)
А за ными былы барабаны (2)
Не журиться, молоди гусары. (2)
Ой якъ же намъ, братци не журыться, (2)
Шо насъ молодымы въ салдаты забралы, (2)
Въ далекый край—тай позагонялы, (2)
Не дають намъ ни исты, ни пыты, (2)
Заставляють работу робыты: (2)
Сыру землю на ровы копаты— (2)
Ой тутъ же намъ, братци, померáты. (2)
Не знатеме ни отецъ, ни маты, (2)
Та выросте шовкова травыця,—(2)
Не знатыме ни братъ, ни сестрыця; (2)
Ой нагорнуть высоку могылу,— (2)
Буде выдно ажъ на Украину. (2)

Приська Лисова. Кушугумовка, Алексардр. у. 30 Ноября 1887 г.

В.

Ой горе намъ въ свити жыть,
По надъ Синемъ моремъ ходячé,
Крути горы развертаюче,
Шляхъ-дориженьку ривняюче,
Жовтымъ пискомъ высыпаюче,
Генерала дожыдаюче.
Генеральскій сынъ полковничокъ
По надъ моремъ прохожае,
Козаченьковъ розвожае.
— Не журытесь ребятушкы:

Славной осени дождемъ,
Додомоньку жыть пойдемъ,
Некрутикивъ наберемъ,
Некрутикивъ молодцовъ,
Видъ матушокъ, видъ отцовъ.

Корней Прокофьевъ Дорогобѣдъ. Ново-Николаевка, Ал. у., 14 Января 1886 г.

Въ пѣснѣ говорится о рытьѣ *канавы* на чужой, далекой отъ Украины сторонѣ. На языкѣ малоросса канава одинаково означаетъ и ровъ и каналъ [1]). Не о рытьѣ ли Ладожскаго канала идетъ рѣчь? Въ 1721 году по приказанію Петра I, какъ извѣстно, Скоропадскій отправилъ на канальную работу къ Ладогѣ 12,000 казаковъ подъ начальствомъ 3-хъ полковниковъ. При суровыхъ условіяхъ, въ томъ же году умерло 2461 человѣкъ. Въ слѣдующемъ 1722 г. туда снова было отправлено 10,000 казаковъ.

Еще ранѣе, именно въ 1716 г., украинцы впервые участвовали при устроеніи *Царицынской линіи* и канала на р. Камышенкѣ (для соединенія Волги съ Дономъ) „отъ стороны Кубанской орды". Въ 1731—33 гг. при Даніилѣ Апостолѣ, употреблялись для земляныхъ работъ при сооруженіи „отъ границы татарской" *Украинской линіи* (отъ Днѣпра до Донца). Въ 1731 году ихъ участвовало 30,000 (20 т. козаковъ и 10 т. крестьянъ); въ 1732 г. на смѣну послѣднихъ послано столько же и наконецъ въ 1733 г. 20,000. Украинская линія, по словамъ Манштейна, исправлялась и отстраивалась послѣ Минихомъ и была окончена въ 1738 г. [2]).

17.

Орда и ляхи.

Бѣдствіе Украины. Голицынъ. Столкновеніе козака съ ляхомъ. Долголѣтняя война.

А.

Зажурылась Украина, шо нигде прожыты,
Вытаптала Орда киньмы маленькіи диты.
Шо маленькихъ вытоптала, старихъ вырубала,
Молодую челядоньку у полонъ зайняла.
Якъ зайняла, тай погнала ажъ пидъ пана Хана.
Служивъ же я пану Хану, служивъ бусурману,
А теперъ ще послужу я Восточному Царю.
Восточный Царь, милостивый, не діймае виры,

[1]) Каналы на Днѣпровскихъ порогахъ малороссы называютъ *канавами*.

[2]) Подробности о канальныхъ и линейныхъ работахъ интересующіеся найдутъ: *Бантышъ-Каменскій*. Истор. Малой Россіи 1842 г. III, 131, 137, 140, 164, 165; *Ригельманъ*, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи III, 113, 115, 116, 118, 137; Лѣтопись Самовидца, 1846 г. стр. 96, 104; *Бѣлозерскій*. Лѣтописи. 1856 г., стр. 91, 92, 93; *Манштейнъ*. Записки о Россіи 1875 г. стр. 67. *Рубанъ* Кратк. лѣтопись Малой Россіи. 1777 г., стр. 171, 175, 177, 195. „Кіевская Старина" 1884, VIII, 117 „Объясненіе полковника Черняка о работахъ козаковъ на Ладожскомъ каналѣ", X, 357. Дополнит. свѣдѣнія Д. И. Багалѣя.

Посылае Галыцына шобъ не було змины.
Иды, иды Галицыне тію стороною,
А я пиду зъ москалямы услидъ за тобою.
Ставай, ставай Голицыне все по крутихъ горахъ,
А я стану зъ москалямы по вельможнихъ панахъ.
Иде ляшокъ вулыцею—шаблею блыстае,
Стоить козакъ, не боиться, шапкы не здіймае.
Кынувсь ляшокъ до канчука, а козакъ до дрюка,
Отеперъ же, вражый ляше, съ тобою разлука.
Ишла шляхта на тры трахта, Москва на чотыри,
Наши славни Запорожци уси степы вкрылы.
Москалыкы-сударыкы, дорожкы пыталы:
Куда сяя, куда тая дориженька пала?
Вона пала, пролягала въ мистечко Краково.
Отъ Кракова до Ялова шаленихъ тры мили,
Пишлы наши козаченькы по сто щей чотыри.
Пидъ горою, пидъ крутою лежыть Понятовськый,
Къ нему пани прыходыла речи говорыла:
Годи, пане Понятовскій, зъ Москвою воюваты,
Бо Москвы ты не звоюешъ, а Польщу изгубешъ.
Розселылось руське військо по всій нашій Польши:
Есть у Вильни, есть у Гродни, есть и въ Билій Стайни,
А въ городы у Аршави постъ-караулъ знялы,
Пидъ мистечкомъ, пидъ Краковымъ, кватыри зайнялы.

Дѣдъ Никита Самарскій, д. Краснокутовка, Алекс. у., 28 Января 1880 г.

Б.

Наварылы ляхы пыва,—та не зшумувалы.
Гей, малы військо запоризьке,—та не шанувалы. (2)....

Ѳока Горянецъ, 78 лѣтъ, изъ с. Вознесенки. Островъ Хортица, 1 августа 1887 года.

Сравни: *Антоновичъ и Драгомановъ*, Историч. пѣсни малорусск. народа т. I стр. 274; *Костомаровъ*. Богданъ Хмельницкій 1884 г. т. III стр. 408; *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни 1834 года стр. 108; *Гатцукъ*. Ужинокъ ридного поля стр. 323, *Максимовичъ*, по изд. 1834 г. стр. 109.

Событіе, выраженное въ первыхъ строкахъ народной пѣсни, относится къ 1653 году. Богданъ Хмельницкій, соединившись съ многочисленными силами татарской орды, окружилъ лагерь польскаго короля Казиміра подъ Жванцемъ (между Каменецъ-Подольскимъ и Хотинымъ). Дѣло было зимою. Морозъ, голодъ, болѣзни породили страшную смертность въ лагерѣ осаждаемыхъ. Хмельницкій, тревожа поляковъ ничтожными нападеніями, ожи-

далъ отъ короля мира на выгодныхъ для козаковъ условіяхъ. Ожиданія гетмана, однако не оправдались, Казиміръ подкупилъ Крымскаго хана и вмѣсто войны, пагубной для Польши, состоялся Жванецкій договоръ о совершенномъ подчиненіи казаковъ Польшѣ. Казиміръ, говоритъ польскій историкъ Рудавскій, обязался выдать хану 100000 золотыхъ [1]). Кромѣ того польскіе коммиссары постановили сдѣлку: допустить татаръ въ продолженіе 40 дней грабить, раззорять и уводить въ плѣнъ русскихъ жителей, отнюдь не касаясь поляковъ. Поступки хана заставили Хмельницкаго отступить съ козаками и подумать о спасеніи семействъ и имущества отъ ожидаемой гибели. 16 декабря н. с. Казиміръ изъ подь Жванца уѣхалъ въ Львовъ, за нимъ на зимнія квартиры послѣдовала и оставшаяся часть польскаго войска. Изъ него болѣе 20000 оказалось погибшимъ подъ Жванцемъ.

„Тогда крымскія и нагайскія орды разсѣялись по Брацславскому и Подольскому воеводствамъ и весь край до самаго Люблина загорѣлся и задымился огнемъ и кровью. Это было слѣдствіе договора съ поляками! Но и поляки тогда же были наказаны за договоръ: хотя положено было раззорять однихъ русскихъ, однако своевольные нагайцы опустошили всю русскую страну по самую Припеть, не разбирая своихъ жертвъ, раззоряли и сожигали шляхетскіе домы и болѣе 5000 шляхтъ—мужей, женъ и дѣвицъ пошло на арканахъ въ Крымъ. Современники разсказываютъ, что подь Дубномъ отправлялась свадьба знатнаго пана, венденскаго каштеляна Кошевскаго (по Ригельману—Косовскаго); на свадьбѣ было много гостей. Вдругъ, когда началось свадебное пиршество, гости услышали крики народа: „татары! татары!“ Увидѣли пожаръ. Они считали невозможнымъ попасть въ руки невѣрныхъ, и въ то время, когда нѣкоторые схватились за оружіе, другіе смѣялись надъ испугомъ товарищей и опорожняли чаши: вѣроятно, надѣясь на договоръ, они полагали, что бѣда отъ татаръ грозитъ телько отверженнымъ хлопамъ. Но татары ворвались въ палацъ, зажгли все строеніе, и всѣхъ гостей, жениха, свадебныхъ дружекъ и поѣзжанъ погнали въ Крымъ на веревкахъ. Только полуживая мать и невѣста скрылись въ болотѣ [2]).

Такое же раззореніе постигло и казацкую украину. Ханъ, возвращаясь изъ подъ Жванца, позволилъ Крымцамъ поступать съ украинцами какъ угодно, и татары сожгли до основанія нѣсколько селеній и мѣстечекъ, а изъ другихъ увели въ плѣнъ всѣхъ жителей. Къ этому времени относятся строки пѣсни.

Зажурылась украина, шо нигде прожиты,
Вытоптала орда киньмы маленькіи диты. и т. д.

---

[1]) *Бантышъ-Каменскій*. Исторія Малой Россіи 1842 г. I, 295, примѣч. 311.
[2]) *Костомаровъ*. Богданъ Хмѣльницкій III, 120—121.

Много потерь, раззоренія и крови стоилъ украинѣ 6-ти лѣтній союзъ съ басурманами при Хмельницкомъ! Занося опустошительный огонь и мечь надъ Украйной, ханъ этимъ самымъ хотѣлъ склонить казаковъ совмѣстно дѣйствовать съ поляками и ордою противъ Россіи, имѣя въ виду порабощеніе послѣдней и отнятіе Астраханскаго царства. Однако, надежды его не осуществились: 8 января 1654 года Хмельницкій, казаки и вся украина на Переяславской радѣ принесли присягу Россіи и вступили подъ ея защиту [1]).

Опустошительные набѣги на Малороссію татаръ и турокъ въ 1653 году не были послѣдними, въ продолженіи болѣе 100 лѣтъ они повторялись десятки разъ до полнаго присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783 г.

Восточный Царь мылостывый не диймае виры,
Посылае Галычына, шобъ не було змины...

Въ этой годами сложенной пѣсни, если не ошибаемся, узнаемъ имя князя Василія Васильевича Голицына, любимца царевны Софіи Алексѣевны и извѣстнаго въ исторіи по неудачному походу въ Крымъ въ 1687—89 годахъ. Поводомъ недовѣрія Москвы къ Украинѣ послужило слѣдующее обстоятельство: По заключеніи Россіею союза противъ турокъ съ ненавистною для запорожцевъ Польшею (1686), сѣчевики дали о себѣ знать, что болѣе не желаютъ оставаться въ подданствѣ Россіи. Послѣдней стоило не дешево успокоить казаковъ и заручиться ихъ согласіемъ дѣйствовать противъ турокъ. Наконецъ, въ 1687 году была объявлена война Турціи и армія до 200000 человѣкъ, подъ главнымъ начальствомъ воеводы князя В. В. Голицына двинулась по пути въ Крымъ. Походъ, однако, не удался: Ханъ велѣлъ выжечь степь отъ рѣки Самары (по инымъ источникамъ отъ р. Конки) внизъ по Днѣпру на 200 верстъ. Не имѣя фуража и провіанта, Голицынъ черной степью провелъ армію за р. Конку (Александровскій у. Екатер. губ.), узналъ, что степь выжжена и далѣе до Кизикерменя (Бериславъ, Херс. губ.), со стыдомъ отступилъ обратно. Въ то время пущенъ былъ слухъ, что степь выжжена казаками по наущенію гетмана Самойловича и, по совѣту лукаваго Мазепы, Голицынъ всю вину сложилъ на него. Затѣмъ далѣе тотъже Мазепа подбилъ нѣкоторыхъ старшинъ подать доносъ Государю на Самойловича и оклеветанный гетманъ былъ арестованъ и смѣщенъ, уступивъ булаву Мазепѣ [2]).

Примѣчаніе. Возможно, что Галицынъ пѣсни не Вас. Вас. Голицынъ, а Мих. Мих., и въ пѣснѣ отразился пруткій походъ 1711 г.

---

[1]) *Костомаровъ.* Богданъ Хмельницкій. 1884 г. I, 118—122. *Ригельманъ.* Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. I, 172—173.

[2]) *Ригельманъ.* Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. II. 190, 191. *Бантышъ-Каменскій.* Исторія Малой Россіи. II. 176—177.

18.

Набѣгъ Бѣлгородской Орды на Донщину.

Ой збиралыся паны-генералы,—
Все Донскіи козаки,
Ой воны раду радылы
Куды суднамы ииты.
Ой пидемо мы суднамы
У чужую сторону,
А пидъ тую пидъ гряныченьку,
Та пидъ Турецькую,
Все пидъ тую добыченьку,
Та пидъ нимецькую.
Ой зъ за горы, зъ за крутои
Чорна хмара встае,
А зъ тіи, та чорнои хмари,
Дробенъ дощыкъ иде.
Ой слухайте, панове молодци,
Щось у хмари гуде,
Ыбонь намъ, панове молодци,
Та прыгодонька буде.
Ой съ пидъ города, та съ пидъ Билого
Та вставала Орда,
Вытоптала, выризала
Все Доньского козака.
Ой нумо, панове молодци,
Лыстъ бумагу пысать,
Та будемо, панове молодци,
Давать кошовому знать.
Пребудь, пребудь панъ кошовый,
А черезъ чотыри часа,
Самъ ты побачишъ; подывыся
Шо не сыла наша.
Ой походывъ панъ кошовый
По Донському трупи,
А прыложывъ до серденька
Прывелыкои тугы.
—Ой бодай же васъ, панове молодци,
Шо вы наробылы,
Чомъ крипкого каловуру
Не постановылы,
Темненькои ночи, та до пивночи
Чомъ не выстоялы,
А зъ яснои рушныченькы
Тай не выстрилылы?

Никита Джигирь, 88 лѣтъ. Кушугумовка, Александр. у., 5 Декабря 1887 г.

Примеч.: Пѣсня заимствов. изъ Донщины, о чемъ см. *Сумцова*, Соврем. малор. этногр. I 143.

19.

Взятіе Азова.

Ой якъ крыкнувъ, та гукнувъ самъ отаманъ полковой,
Собирайтесь, братци, все народъ майстеровой,
Та зробымо, братци, пивтораста возовъ,
Та купемо, братци, тры сотни воловъ,
Та наймымо, братци, по семи молодцовъ,
Та пидемо, братци, ажъ у городъ у Азовъ,
Та станемо, братци, сподовшъ улыцямы,
Та выйде да насъ, братци, найбагатшій купець,
Та стане насъ пытать, братци, шо за товаръ у возахъ,
Та будемо казать, братци, шо у насъ товаръ дорогой:
Все куныци и лысыци и чорніи соболи.

— Вы ребята, вы мои, прывертайте ко мни,
А я завтра поутру весь товаръ закуплю.
Не дождались мы утра—всю Орду зайнялы.

Поясняющее пѣсню преданіе.

Ще якъ бувъ Азовъ Турецькою столыцею, тамъ стояло богато військ Отъ козакы и схотилы взять его. Отаманъ и каже: знаете, братци, що сылою може и не визьмемо, бо крипость велыка, а характерствомъ, т хытрощами визьмемо скорише. Поробылы козакы возы, поклалы ружжя понаряжалысь самы чумакамы, а отаманъ купцемъ и махнулы. Якъ стал уже пидъизжять близько до Азова,—взялы тоди поховалы въ возы п симъ, по десять, або и бильше чоловикъ козакивъ, повшывалы возы шку рамы и гайда. Въихалы передъ заходомъ сонця въ Азовъ, и поставал вподовшъ улыцямы. Отъ найбагатшій купець турьскій и выходе.—Шо каже, братци, продаете въ возахъ?—Продаемо, кажуть, товаръ дорогый:

„И куныци, и лысыци и чорніи соболи“.

— Ну, каже, пидождить до ранку, я ввесь товаръ закуплю самъ Добре, кажуть. Полягалы туркы спать. Якъ повылазылы тоди куныци лысыци и чорніи соболи зъ возивъ, якъ мытнулысь по городу, такъ и п шовъ винъ дымомъ. Туркы схватылись тушыть, колы тутъ и палять і рижуть; воны тоди ходя навтикы. До сонця Орда убралась къ бисовій ма тери въ Турещыну, а козакамъ доставсь городъ и все добро.

Такъ колысь покойни диды и прадиды розсказувалы, такъ оце и я вамъ кажу.

Петръ Васильев. Стогній, 70 лѣтъ. Краснокутовк
у Великаго Луга, Александр. у., 17 Января 1888 г

Ср. „Кіев. Стар.“ 1882, III, 89—96. (О событіи XI в. А. Стоянова); тамъ же стр. 41 (О взятіи Торческа Ив. Новицкаго), Кіев. Стар. 1888 XII.

20.

Взятіе Измаила.

Ой пыше, пыше сотныкъ Поволоцькый
Та до кошового Харька листы:
Ой пребудь, пребудь, а кошовый Харьку,
Та до моеи господы въ гости.
Ой говорыла кошова Харчыха
Та своему кошовому Харьку:
Не идь, не идь въ тую Поволоку,
Бо покладешъ тамъ головку.
Ой пыше, пыше кошовый Харько
Та сотныку въ Поволоку:
Ой не буть мени въ гостяхъ у тебе,
Та не буть и не буваты,
А велю я, славнимъ запорожцямъ,
Та гарматы готуваты.
Готуйте вы, славни запорожци,
Гарматы на могыли,
Та чы не убьемъ въ Измаилови
А лядскои дытыны.
Ой ударылы, славни запорожци,
Зъ громкои гарматы,

Не зосталось въ Измайлови
Ни однии хаты;
Ой ударылы, славни запорожци,
Въ ризвои рушныци,
Не зосталось въ Измайлови
Ни однои свитлыци.
Говорыла кошова Харчыха:
Що впадуть морозы,
Та густіи лозы.
Ой побьють, побьють, тебе кошовый Харьку,
Та турецькии слезы.
Ой я тіи турецькии слезы
А хустынкою повтераю,
А де заглядю въ Измаилови турка,
То до ногы вырубаю.

Федоръ Кнырикъ. с. Языкова-Федоровка, Екатер. у., 29 Ноября 1888 г.

Кошова Харчыха була родомъ съ турещыны, того ій и жаль було своеи краины. Жаль ій було и Харька пускать въ Поволоку, бо знала, шо тамъ покладе голову. *Примѣчаніе пѣвца.*

Сравн. *Метлинскій*, Народн. южно-русск. пѣсни, стр. 425—427. Въ Малорусскомъ литературномъ сборникѣ Мордовцева 1859 г. стр. 191 встрѣчаемъ пѣсню о Харькѣ, правда, не сходную съ нашимъ варіантомъ. Пѣсня записана Н. И. Костомаровымъ, который въ примѣчаніи говоритъ „Сотникъ Харько взбунтовалъ противъ поляковъ въ 1765 г. Это было начало послѣдняго возстанія южно-русскаго народа противъ Польши, извѣстнаго подъ именемъ Колiевщины. Сотникъ Харько былъ обманомъ схваченъ въ Поволочи и казненъ въ Жаботинѣ въ 1766 г.“. Интересующіеся личностію жаботинскаго сотника Харька найдутъ нѣкоторыя подробности въ I т. сочиненій *Максимовича* (1876) стр. 595.

21.

Запорожцы въ лядской неволѣ. Коржъ.

Въ недиленьку якъ сонечко сходыть,
Панъ левентарь по рыночку ходыть,
За собою запорожцивъ водыть.
Запорожци левентаря просять:
— Ой пане нашъ, пане левентарю,
Не дай же насъ ляхамъ на поталу!
Бери у насъ кони вороніи,
А насъ пускай,—ще мы молодіи.
— Велю у васъ кони одибраты,
А васъ велю въ темныцю забраты...
— Ой пане нашъ, пане левентарю,
Не дай же насъ ляхамъ на поталу!
Беры жъ у насъ шабли та рушныци,
А насъ пускай съ темнои темныци.
— Велю жъ у васъ рушныци забраты
А васъ велю на пали [1]) сажаты.
Сталы Коржа на палю сажаты,
Ой ставъ же Коржъ всю правду [казаты:
— Запорожци, вы добри молодци,
Якъ будете зъ неволи тикаты,—
Не тикайте бытыми шляхамы,
Та тикайте темными лугамы,
А шобъ же васъ ляхи не нагналы,
Бо ляшенькы зрадлывіи люды,
Якъ наженуть—не гораздъ вамъ буде.

Никита Джигирь, 88 л. Кушугумовка, Александр. у., 5 декабря 1887 г.

Срав. *Головацкій*, I стр. 16 и 29.

[1]) Острый желѣзный колъ, на который сажали преступниковъ.

Преданіе, дополняющее варіанты.

Про Коржа колысь спивавъ и разсказувавъ дидъ Товстокорый; це бу[в] чоловикъ запорожского поколиння. Коржъ—казавъ Тостокорый—бувъ ва тажокъ и водывъ запорожцивъ въ Польщу. Оце, було, якъ бижыть погон[я] то винъ и приказуе запорожцямъ. „Оце ляхы добигають, розмахують ша блями... Воны пиднимуть вгору ратыща и зъидуться въ купу. Ляхамъ здаеть ся лисъ и пробижатъ мымо. Разъ вертався Коржъ съ Польщи, а за ны[м] погоня круля. Не послухалы его молоди запорожци и розбиглысь. Ляхи всих и половылы. Коржъ не своею смертію умеръ—его посадылы на палю, а от цего миста я тико и знаю писню.

Ой крыкнувъ Коржъ на пали сыдяче:
Вы запорожци, вы добри молодци
Не вганяйтесь въ Польщу за ляхамы
Не тикайте разными шляхамы
Бо ляшенькы зрадлывіи люды
Якъ піймаютъ—лышенко вамъ буде.—

Трофимъ Семеновичъ Ковбаса, 89 л. Д. Яз[ы]кова, Екатерин. у., 27 Сентября 1887 г.

22.

Понятовскій.

Годи, годи Понятовськый зъ Москвою воюваты,
Московське хвабре військо, ще й сылы богато.
Аршавыкы [1])-москалыкы калавуры знялы,
А поляківъ-гайдамакивъ въ потылыцю гналы.
Ишлы ляхы на три шляхи, Москаль—на чотыри,
Лежатъ ляхы побытіи де пьять, де чотыри.
Ой лежитъ самъ Понятовськый у билюго камня,
Прыижжала и до его жинка его паня.
— Чы я тоби не казала и не говорыла:
Годи, годи изъ Москвою тоби воюваты,
Бо Московське хвабре військо, ще й сылы богато.
— Ой вы ляхы гайдамакы,—дежъ вашъ розумъ дився.
У собакы пидъ хвостомъ въ ковтунъ завертився.

Дѣдъ Андрей Кравченко, 62 л. Алекса[н]дровскъ, Екатер., 6 Января 1894 г.

---

[1]) „Це москали, або козакы, шо довго стоялы пидъ Аршавою въ Польщи“... *Прим. [с]ам[ого]*

Гайдамацнія.—Разбойницнія.

22.

Марусенька-пани и три козака.

Пани узнаетъ коней своего мужа и догадывается о его смерти.

А.

Ой горе, горе, безщастная доля,....

Б.

Та же пàня и пàхолы.

Ой на гори, гори пшеныченка яра,
А по долононци-шовковіи травы,
Тамъ *пахолы* ходятъ, въ рукахъ коней водятъ,
Въ рукахъ коней водятъ,—Маруси пытаютъ.
— Марусенько пани, а чы дома панъ твій!....

Никита Джигирь, 88 лѣтъ Кушугумовка 29 Декабря 1887 г.

Срав. *Костомаровъ* Богданъ Хмельницкій 1884 г. т. III стр. 361. *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни М. 1834 стр. 172. *Чубинскій* Труды, V 963. *Закревскій*, Старосвѣт. бандур. I, 97. *Головацкій*, I 163.

23.

Левенецъ.

Ой снигъ иде и зима буде,
На тебе левенче, [1]) та бида буде,
На тебе, левенче, та паны встады,
Паны встады зъ громадою,
Хотять въ солдаты отдать не-
[правдою.
Ведуть левенця вулыцею,
Та звязалы руки сырыцею,
За нымъ иде ненька старенька,
Сестрыця ридненька,
Слизно, плаче, рыдае,
Своего сына вговоряе:
— Ой сыну мій, левенчику,
Ой сыну жъ мій, одынчыку!
Чы я жъ тоби сыну не казала,
Чы я тебе не навчала,
Шо не рубай лиса Лебедины,
Якъ нарубавъ—булобъ зволочиты,
И зволочивши—булобъ запалыты,
И спалывше—попилъ знесты,
И на Дунай знесты.
— Теперь мене, маты, вговоряешь,
Теперь мене, маты, научаешь,
Чомъ ты мене, маты, тоди неучыла,
Якъ укравъ я, маты, куцу чепелы-
[ну [2]),
Ты сказала, маты, гораздъ сынку;
Якъ укравъ я, маты, корову рябую,
Ты сказала, маты—украдь ще й
[другую;

---

[1]) Левень-це хороший сынъ, при здорови, бравый. *Пѣвецъ.*
[2]) Нижъ куценькый.

Якъ укравъ я, маты, коня вороного,
Ты сказала, маты—украдь ще й [другого.

А тепѐрь, маты, мене вговоряешь,
Теперь, маты, мене научаешъ,
Сердцю моему жалю завдаваешъ.

Федоръ Мих. Кнырикъ. 29 Ноябр 1888 г. Языкова, Екатеринославск. уѣзд

Срав. *Максимовичъ*, Украинск. народ. пѣсни 1834 г. стр. 148; *Чубинскій*, Труды экспедиціи, V. 882 (446-я), 988. (77).

24.

Янчуръ.

Ой снигъ иде (2) и зима буде,
А на тебѣ, левенце [1]) та бида [буде (2);
Ой въ Кіеви (2) та вси дзвоны [дзвонятъ,
Вже Янчура нимци ловлять (2);
Ой въ Кіеви (2) вжей передзвоныли,
Вже Янчура нимци уловылы (2)
Та ведуть (2) его вулыцею,
Извязалы рукы сырыцею [2]). (2)
Та вывевелы (2) въ чистое поле,
Та поставылы на могыли, (2)
Та дывысь. (2) Янчуре, въ чисте [поле:
Шо заглядеши—то все твое (2)!
Ой бачу жъ я (2) шибыныцю [3]),
Щей малевану кобылыцю: (2) [4])

— Та колыбъ я знавъ (2) шо смерти [моя,—
Веливъ бы талярамы обсыпаты, (2)
И шовкови стежкы (2) почепляты.
Ой хтобъ ишовъ—таляръ най- [шовъ, (2)
И левенця (2) спомняты,
Шо хорошъ парень Левенець бувъ; (2)
Хорошъ, парень, (2) уродлывый,
Уродлывый и справедлывый (2)
Прышло къ ему (2) дви дивчыны:
Одна каже—я буду сестрою (2),
Друга каже (2)—я буду женою.—
— Та тоби сестро—не буты се- [строю, (2)
А тоби, шеймо, (2) не буты женею.

Оксентій Федор. Орелъ, 65 л. Кущугумовка, Александр. у. 6 Декаб. 1887 г.

Поясненіе пѣвца. Нимци піймалы Янчура за те, шо винъ убывъ нимкеню. Вона чымсь пиддурыла его. Якъ велы его катувать (наказывать), назустричь выйшло дви дивчины. Одна каже: „будь братомъ, а я тоби сестрою“, а друга каже—„заберы мене—(женись) буду жинкою“. Подывывсь винъ на ихъ, ажъ, воны стари, таранкуваты та скверни. „Цурь вамъ—пекъ“, каже—тай пишовъ на шыбеныцю. Спрежду у Запорожцивъ бувъ звычай, шо якъ ведуть холостого на шибеныцю, то выходятъ дивки и объявляють, котра согласна замижъ. Якъ шо сподоба казакъ, жениться и его простять, якъ згербуе закатують (накажутъ палачи, „каты“).

---

[1]) Козакъ-гультяпака (гультай), здоровыло. *Пѣвецъ*.

[2]) Ремень не вычененый. *Пѣвецъ*. Теляча, лыноча або инча шкура не вычинена. *Дидъ Джигиръ*.

[3]) Висилица.

[4]) Эшафотъ. Также доска на коей сѣкли кнутомъ.

25.

А.

Джарменко и Кумпаненко.

Ой зъ за горы, изъ за Камьянои та чорноя хмара,
На Романа Джарменка, та на Кумпаненка поговоръ и слава.
Ой поихавъ та Джарменко съ Кумпаненкомъ на вловы,
Та ничего не піймалы тико жыда нагналы.
— А здоровъ, здоровъ вражый жыде, якъ ты пробуваешь,
Издалека гостей маешь—чимъ ихъ привытаешь?
— Ой е въ мене, медъ, горылка—не будете пыты,
Бо я знаю, наихалы, а шобъ жыда вбыты.
Ой якъ стрельнувъ Романъ Джарменко жыдюгу на кони,
Ой тикай, тикай брате Кумпаненку, бо будежъ въ неволи,
Ой въ Перекопи нагналы Джарменка превражи гетманци:
— Скыдай, скыдай Романе Джарменку, чоботы сапьянци.
Посадилы Романа Джарменка на жовтимъ писочку:
Скидай, скидай Романе Джарменку штаны, ще й сорочку.
Ой не быйте, катюгы гетманци, ведыть на могылу,
Ой я гляну, подывлюся на свою Вкраину.
Ой не вынне-жъ мое товарычество, а вынна моя маты,
Шо посылала рано въ недиленьку жыдивъ розбываты.

Никита Джигирь, 88 л. Кушугумовка,
Александр. у. 5 Декабря 1887 г.

Б.

Тополенко и Жолденко.

Варіянтъ той же пѣсни съ переиначенными фамиліями.

Ой по надъ яромъ, та по надъ Каланчакомъ а чорная хмара,
Ой на Тополенька, та на Жолденка не хороша слава.
Ой якъ поихавъ Иванъ Тополенко и Романъ Жолденко въ Перекопъ за долгамы,
Та зустрилы жыда, жыдовына а у Перекопи на канави,
Ой здоровъ, здоровъ жыде жыдовыну распрескурвый сыну,
Ой здалека пару гостей маешъ,—чымъ ихъ прывытаешь?
Ой есть у мене медъ горилка, та не будете пыты,
Ой того жъ вы наихалы, шо хочете жыда вбыты.
Ой якъ устрелывъ Иванъ Тополенко жыдовина на кони,
Ой тикаймо, Романе Жолденко, бо будемо въ неволи.
Ой у Перекопи, та на канави Романа Жолденка піймалы,
Ой тоди съ того Романа Жолденка допросъ здіймать сталы,
Ой якъ сталы Романа Жолденка на кобылу выводыты,

Ой тоди ставъ же а Романъ Жолденко до катюгы говорыты:
Ой беры, беры проклятый катюго, та выведы на могылу,
Ой нехай же я гляну, а подывлюся а на ридну Вкраину.
Ой якъ вывелы Романа Жолденка на кобылу роскладаты,
Ой тоди стала стара Романыха а крипко рыдаты.
— Ой булобъ тоби, маты, тай не научаты:
Ой якъ укравъ я, маты, чапелыну [1]),
А ты, маты, кажешь, гараздъ сыну;
Ой якъ укравъ я, маты, яловыцю чорну,—
А ты, маты, кажешь: поведы до дому;
Ой якъ укравъ я, маты, коня вороного,—
А ты, маты, кажешь: колыбъ щей другого.
Ой булобъ тоби, маты, тай не научаты,
У пьятынку жыдивъ быты, грабуваты.

Иванъ Михайловъ. Гетьманъ, 78 лѣтъ. Слободы предмѣстье г. Александровска, 18 Сентября 1887 г.

См. V т. *Сборника* Харьк. истор.-фил. общ. въ сборникѣ г-жи Чернявской, пѣсни про Джемберу Копаненка. *Чубинскій*, Труды т. V стр. 967.

26.

Мережа [2]).

Ой въ Кіеви на рынку,
Тамъ пье Мережа горилку.
Ой пье, Мережа, гуляе,
Та на тры шляхы поглядае.
Ой чы не иде погоня?
Ой иде погоня, тай стала,
Взяла Мережу піймала.
Стала Мережу вьязаты,
Стала Мережу пытаты:
Ой стико, Мережо, жынокъ маешъ?
Ой я жинокъ мавъ семнадцять,
А восимнадцяту попивну,
А девьятнадцату Вовкивну,
А двадцятую Марусю.
Шо за попивну—коня давъ,
А за Вовкивну—гришьмы давъ.
А за Марусю—дамъ душу,
Бо зъ Марусею—жыть мушу [3]).

Никита Джигирь 88 л. Кушугумовка. Александр. у. 29 Декабря 1887 г.

Примѣчаніе пѣвца. Мережа бувъ гайдамацькый ватажокъ; винъ все жинкамы менжувавъ (мѣнялъ). Съ двадцятою Марусею его и піймала погоня.

---

[1]) Чаплія.

[2]) Козакъ—гайдамака. *Пѣвецъ*.

[3]) Пѣсня поется съ повтореніями:

Ой въ Кіеви та на рынку
Ой въ Кіеви, серденько, та на рынку,
Ой тамъ пье Мережа горилку
Ой тамъ пье Мережа, серденько, горилку и т. д.

27.

Лебеденко.

Ой поихавъ та панъ Лебеденко у млынъ за мукою,...

Кузьма Лутай 73 лѣтъ. Вознесенка на Днѣпрѣ, Александр. у., 19 февраля 1885 года.

См. *Чубинскій*, Труды т. 5, стр. 962. *Костомаровъ*, Исторія козачества „Русск. Мысль“ 1880 г. Іюнь, стр. 57.

Въ настоящемъ Лебеденко не кроется ли имя извѣстнаго ватажка разбойнической шайки *Лебединà*, который въ 1707 г. былъ схваченъ за р. Самарою полтавскимъ полковникомъ Левенцемъ? [1])

28.

Сава Чалый.

Запорожцы паны въ Сичи все пьють, та гуляють,
Все про Саву молодого речи розмовляють.
— Ой хто жъ може, мыли братцы, Саву въ рукы взяты,
То той буде, мыли братцы, въ Сичи панувати.
Обизвався Гнатко Голый: „ой яжъ его знаю,
Ой я жъ Саву, молодого, у рукы піймаю.
Сидять паны-генералы—та зглядаються,
Та все зъ Гнатка Голенького та насмихаються.
А мижъ панъ-Кошовый умъ пры соби мае,
Скида зъ себе голубый каптанъ—Гнатка одягае,
Скида зъ себе сапьяны—Гнатка обувае,
Сидла коня вороного—та Гнатка сажае.
Ой сивъ Гнатко на коныка, гукнувъ до громады:
— Ой давайте брата Кравця мени на пораду...
— Беры, беры, брате-Гнате, Кравця на пораду,
Та прывезы у Сичъ Саву на велыку пораду.
Ой ставъ же Гнатъ, ой ставъ Голый, Кравчыни казаты,
Выслухавше Кравець Гната,—ставъ плакать, рыдаты.
— Ой шо це ты, брате Гнате, лизешь въ таки мукы?
Шо ты хочешъ пана Саву взяты въ свои рукы?
— Ой не бійся, братъ Кравче, не бійся ничого,
Мы пидемо на пораду до дида старого.
— Здоровъ, здоровъ старый, сидый, на прозвыще Чалый,
Выгодувавъ сына Саву ляшенькамъ на славу.
А чы бачешъ старый, сидый—шо твій Сава робыть,
Набирае ляхивъ стадо, та до Гарду водыть,
Шо все панамъ-генераламъ ногы й рукы лупыть,

[1]) *Бантышъ-Каменскій*, Исторія Малой Россіи 1842 г. т. III, 55.

Молоденькимъ Запорожцямъ та все лобы голыть?....
— Ой дежъ це ви, вражи хлопци, розуму дійшлы,
Шо до мече старенького на пораду прыйшлы?
Сидлайте-жъ вы, вражи хлопци, кони вороніи,
Та стромляйте густо терну по за-ярчакамы, [1])
Та вбувайте сапьяны назадъ носакамы,
Та идьте-жъ вы, вражи хлопци, по надъ берегамы.
Та ставайте за горамы, густыми тернамы.
Ой бувъ Сава въ Немырови, въ тестя на обиди,
Не знавъ Сава и не видавъ объ своій биди.
Ой прыихавъ, та панъ Сава, отъ тестя до дому,
Пытаеться челядонькы:—чы все гараздъ дома?
— За все гараздъ, за все гараздъ, тико за одно страшно,
Выглядають гайдамакы изъ за горы часто.
— Ой не бійтесь, мыли братци, не бійтесь ничого,
Бо ще воны за горамы, за густымы тернамы.
Ой сивъ Сава кинець столу, та лыстонькы пыше,
А Савыха молодая дытыну колыше:
— Ой ну люли, мале дытя, ой спы, мале блазне [2]),
Черезъ тебе, малый блазне, вся худоба брязне.
Ой сивъ Сава кинець столу, лыстонькы чытаты,
Колы гляне до порога, ажъ Гнатко вже въ хати.
— Здоровъ, здоровъ, пане Саво, чы жывъ ты буваешъ,
Издалека гостей маешъ, чымъ ты прывытаешъ?...
— Ой чымъ же васъ, мыли братци, я буду вытаты,
Жинка сына породыла—буду въ кумы браты.
Ой чымъ же васъ вытать, братци: медомъ горилкою?
— Ой не вытай, пане Саво, медомъ горилкою,
А прощайся, пане Саво, съ своею жинкою;
Прыихалы, пане Саво, та не кумоваты,
Прыихалы, пане Саво, тебе въ рукы взяты.
— Пиды, хлопку, пиды малый, та вточи горилкы,
Та выпьемо, мыли братци, за здоровье жинкы;
Пиды хлопку, пиды малый, та вточи пыва,
Та выпьемо, мыли братци, за малого сына;
Пиды, хлопку, пиды малый, та вточи меду,
Трудно, нудно, мыли братци, головы не зведу.

---

[1]) Деревянная часть сѣдла, возвышающаяся надъ подушкой спереди и сзади. *Поясненіе пѣвца.*

[2]) Баловень.

Ой узялы пана Саву та у свои рукы,
Извязалы пану Сави позадъ спыны рукы.
Прывьязалы пана Саву до коныка ззаду,
Тай повезлы его въ Сичу на велыку раду.
Теперъ тоби, пане Саво, тай не пануваты,
Теперъ панамъ-генераламъ ногъ, рукъ не лупыты,
Молоденькымъ запорожцямъ лобивъ не голыты;
Теперъ тоби, пане Саво, тай не пануваты
Теперъ тоби передъ Гнаткомъ шапку издийматы.
Ухватылы пана Саву на симъ спысивъ вгору,
Та вдарылы пана Саву объ суху дорогу.
Теперъ тоби, пане Саво, оттутъ погибаты
Теперъ тоби, пане Гнате, въ Сичи пануваты.

Федоръ Михайловичъ Кнырикъ. Языково, Екатеринославскаго уѣзда, 27 Января 1886 года.

Варіантъ этотъ богатъ оригинальными подробностями. Сравн. *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни 1834 г. стр. 90. *Чубинскій*, Труды, V 965. Екатеринославск. губ. вѣдомости 1865 г. № 22 (Два варьянта доставл. М. Комаровымъ).—*Скальковскій*. Наѣзды гайдамаковъ на западную Украину, 1845 г. стр. 159 и 169. *Закревскій*. Старосвѣтск. бандуриста—I, 13. Варіантъ записанъ имъ въ губерніи близкой къ Польшѣ, или подправленъ рукою поляка. *Костомаровъ*, Народн. пѣсни въ Малор. литер. сборникѣ Мордовцева (1859) стр. 197. *Головацкій*, I 18—20, III 9—12, *Kolberg*, Pokcie II 1—5, *Черняевская* въ V т. Сборн. Харьк. исп. фил. общ. 136.

Преданіе I.

Сава вырисъ въ Сичи и товарышувавъ зъ Запорожцями. Въ Велыкому Лузи и теперь есть *Савыно озеро*;—винъ тутъ, кажуть, жывъ, а потимъ перебрався на *Савуръ могылу*. Ставъ разбойничать, ставъ грабувать чумакивъ, такъ его Запорожци хотили піймать; винъ тоди продався ляхамъ и давай служыть имъ. Оце, було, кажуть, піймае запорожцивъ и позаковуе въ зализо; потимъ обриже ногы нижъ колинъ, рукы нижъ локтивъ, тай закоте шкуру; тоди упьять обчеркае ножемъ голову выще бривъ и потылыци и здере шкуру зъ волоссямъ. Помучыть, насміеться, тай пусте козака на погыбель. Того про его такъ и въ писни описывають. Винъ бувъ еретыкъ и душогубъ.

Орелъ.

Преданіе II.

Про Саву есть писня, тико я іи гараздъ не складу, а покойный дидъ було часто спива и розсказуе про его. Колысь, каже, жывъ въ Сичи старый козакъ Чалый, зъ роду не жонатый. Разъ ихавъ винъ и найшовъ хлопья: воно блудыло по степу. Оце и буде той самый Сава. Чалый взявъ его за сына. Другый разъ, саме въ жныва, Чалый найшовъ другого хлопчика, голого, якъ маты народыла; звалы его Гнаткомъ. Сава, кажуть, бувъ

задеракуватый, а Гнатко смырный и покирный. Якъ повыросталы хлопци, то сталы обыдва козакувать въ Запорожьи. Отъ Савка чы довго козакувавъ, чы ни, а тико взявъ и передався ляхамъ. Тамъ винъ оженывся и зробывъ соби хату въ такихъ пущахъ, шо мало хто и знавъ. Набравъ винъ соби шайку ляхивъ и давай издыть въ Запорожже грабувать церкви. Зъ запорожцямы воны тежъ обходылысь не гараздъ: оце піймають стико тамъ козакивъ и давай зъ живыхъ шкуры драть. Кошовый тоди клыкнувъ Гнатка Голого (це его въ Сичи прозвалы) и каже: ну, Голенькый, знаешъ ты норовы Савы; піймай его, разсякого-такого сына, та привезы въ Сичь. „Чи піймать, то й піймать, еретычого сына, а тико дай мини, тату, характерныкивъ“—одвича Голый кошовому. Той давъ. До схидъ сонця понасыпалы воны своеи земли въ чоботы, повтыкалы за сидла терну и поихалы.

Ой бувъ Сава въ Немырови въ ляха на обиди,
Та не знавъ винъ и не видавъ объ своій горькій биди.

Прыихавъ до дому, а у его була молода жинка Машка и баба-ворожка, на прозвище Наталочка-Куховарочка. Сава до ворожкы и каже: „а ну, кынь на карты: шось мени сны погани сняться“. Та кынула и каже: „сподивайся гайдамакивъ“.—„А дежъ воны теперъ“?—„Ще въ своій земли“. „Ничого, каже, не боюся я ихъ“. Кынувся лысты пысать въ Немыровъ, шобъ сбиралось військо, а Наталочка-Куховарочка сила колыхать дытыну и спива:

Ой ну люли, ой ну люли, ой ну люли спаты,
Бо найдуть гайдамакы до нашои хаты;
Ой ну люли, ой ну люли, засны малый блазне,
Черезъ тебе, малый блазне, вся худоба брязне.

— Шо ты, бабусю, кажешь! пыта Сава.—Та це, каже, прыспивую, шобъ спало. Винъ упьять: „кынь, бабусю, ще на карты, бо мени наче сумно“. Кынула вона вдруге: „бижать, каже, гайдамакы ще й доси въ своіи земли, та за лисамы“. Тико шо це сказала, ажъ ось Гнатко съ козакамы въ двери.

— Здоровъ, здоровъ, пане Саве, здоровъ тоби въ хату,
Зъ далека ты гостей маешъ—чымъ будешъ вытаты.
— А чымъ же васъ, мыли братци, буду я вытаты,
Ой давъ мени Господь сына,—буду въ кумы браты.
— Та було-бъ тоби, пане Саво, тоди въ кумы браты,
А якъ ходывъ ты до Гарду церквы руйнуваты.
Якъ пиднялы пана Саву на тры спысы вгору,
Та вдарылы объ помистъ,—облывся винъ кровью.

Прывьязалы тоди пана Саву коневи на спыну и повезлы до кошового.

Андрей Халена, 60 лѣтъ. С. Андреевка.
14 Января 1885 г.

Предание III.

Въ писни спиваютъ:

Ой бувъ въ Сичи старый казакъ на прозвище Чалый,
Выгодувавъ сына Саву ляшенькамъ на славу.

Сава не мавъ соби роду и змалку выгодувавъ его запорожецъ Чалый. Якъ уже вырисъ Сава, ставъ казакомъ на всю Сичъ. Отъ прыйшовъ часъ померати Чалому, винъ клыкнувъ Саву и каже:

Оце тоби кинь вороный, вся на его зброя,
Та служы, сыну, запорожцямъ по моему слову.

Не послухавъ Сава дида: якъ тико той померъ, винъ продався ляхамъ и ставъ ватажкомъ. Давай тоди разбой водить на запорожцивъ, давай обкрадать церквы. Въ Запорожьи бувъ прывелыкый знахуръ и характернықъ Гнатко-братко. „Стой-же, каже, Саво, я тебе піймаю". Змовывся винъ съ Кравчыною и Булатомъ ихать.

Ой ще не свитъ, ой ще не свитъ, ой ще не свитае,
А вже Гнатко съ Кравчиною кони посидлалы.

Посидлалы тай гайда. Сава тоди саме прыихавъ зъ гостей до дому, тай пыта: чы все гараздъ дома? Баба ворожка ему и каже:

За все гараздъ, за все гараздъ, тико за одно страшно,
Вылитаютъ изъ за горы чорни крюки часто.

„А ну, каже, бабусенько, кынь на карты". Вона кынула и каже: „це щось не добре выпада: якихсь зъ далека гостей сподивайся". — „А скоро? —„Та якъ тоби и сказать: выпада наче ще въ своій земли, за густымъ лисомъ, и наче близько". А Гнатко-братько, Булатъ и Кравчына якъ одьизжалы изъ Запорожья, то понасыпалы въ сапьяны своеи земли, понабывалы конямъ пидъ копыта и пообтыкалысь терномъ. Отъ воно и одводе очи: мовъ воны за лисамы, въ своій земли.

Догадався Сава зъ якого краю гости и пославъ за війскомъ. На той часъ у Савы булы родыны, треба було людей прыгостыть, и пославъ хлопця за пывомъ, горилкою.

Ой пиды, хлопче, до вынныци, та вточы горилкы,
Та выпьемо за здоровье Савинои жинкы;
Ой пиды, хлопку, до пывныци, тай вточы пыва,
Та выпьемо за здоровье Савыного сына.
Ой ще хлопка, ой ще малый не дійшовъ до вынныци,
А вже Гнатко съ Кравчиною въ Савыній свитлыци.
— Доровъ, доровъ, брате Саво, шо ты думаешъ, гадаешъ,
Ты зъ далека гостей маешъ, чымъ ихъ прывытаешъ?
— Ой чымъ же васъ, мыли братци, я буду вытаты?
Жинка сына спородыла, буду въ кумы браты.

— Ой вже-жъ тоби, брате Саво, зъ нами не куматься,
Просы Саво, а шобъ далы зъ жинкою попрощаться.
Годи тоби, брате Саво, ляшкамъ угождаты,
Пора тоби, скурвый сыну, за все одвичаты.
Якъ пиднялы пана Саву на тры спысы вгору,
Та вдарылы пана Саву объ пень головою.

Управылысь съ Савою и посидалы горилкы пить. Колы ось и ляхи бижать....

Ой ударылы два ляшенькы навхрестъ шабельками,—
Утикайте гайдамакы, проминжъ рученькамы.

Ляхивъ набигло привелыка сыла, а запорожцивъ мало. Давай воны на кони, та тикать.

На тимъ боци на толоци—будто орелъ кряче,
Колы глянувъ Гнатко-братко ажъ Кравчына плаче.

Нагналы ляхы Кравчину и хотилы зарубать, а Гнатко-братко обернувъ коня, махнувъ шаблею—воны сами себе и порубалы. Тоди Кравчина нагнавъ Гнатка-братка и подалыся въ Сичъ.

Наумъ Григорьевичъ Бабецъ 62 л. Михайловка (Лулашево). Алек. у. Ек. губ. 27 Октября 1888 г.

Сравн. Кіев. Стар. 1887, XIX, 194 (преданіе), 470.

29.

Желѣзнякъ и Гнида.

Въ недиленьку рано раненько якъ сонечко сходыть.
У городи Мутровычахъ [1]) панъ лементарь по садочку ходыть,
Свого пана, губернатира, за рученьку водыть.
Водыть его за рученьку, та стыхенька й каже:
„Не одного жыда й ляха голова поляже“.
Славный козакъ Максимъ Зализнякъ, славный зъ Запорожья,
Якъ выиде на Вкраину—якъ повная рожа.
Славный козакъ Максимъ Зализнякъ, славный козакъ и Гныда,
Не осталось на Вкраини ни ляха, ни жыда.
У городи Мутровычахъ—нова новына,
Породыла козаченькывъ шовкова трава.

Поясненіе пѣвца къ заключительнымъ словамъ пѣсни. „Нова новына— це таке дыво, шо зразу зибралось багато казаковъ, хто его зна и видкиль, мовъ народыла ихъ шовкова трава“.

Трофимъ Степановичъ Ковбаса, 95 л. Язикою (Федоровка), Екатер. у. 10 Сентября 1887 г.

Сравн. *Максимовичъ*, Украин. пѣсни, 1834 стр. 122.

[1]) Такого города мы не знаемъ; здѣсь скорѣе намекъ на Мотронинскій монастырь,—мѣсто освященія гайдамацкаго оружія.

Личность Максима Желѣзняка достаточно извѣстна въ исторіи; о Гнидѣ Демьянѣ вмѣстѣ съ другими гайдамаками см. интересное сообщеніе въ „Запискахъ о южной Руси“ Кулиша, I, 293.

30.

Кармалюкъ.

Герой Подоліи въ 30-хъ годахъ.

А.

А хто хоче на свити зажыться,
Нехай иде до Кармалюка вчыться.
За Сибиромъ сонце сходыть, хлопци не дримайте,
А на мене, Кармалюка, всю надію майте.
Бо Кармалюкъ, хлопець добрый, по всимъ свити ходыть,
Не одную дивчыноньку изъ розума зводыть,
Не одную удôву-русяву, биляву, та ще й чорнобрыву.
Гонятъ мене до Сибиру—самъ не знаю за що,
Прысягаютъ тры громады,—кажутъ що ледащо.
Я-жъ никого не вбываю, бо й самъ душу маю,
Багатого оббираю, а бидному даю,
Самъ я соби подумаю, що гриха не маю.
Маю жинку, маю диты,—та я ихъ не бачу,
Якъ згадаю про ихъ життя,—самъ гирко заплачу.
Зъ за Сибири я вернувся, тай не маю воли,
Ой здается не въ кайданахъ, а все у неволи.
Пишовъ бы я до базару, боюсь станового,
Ходыть соцкихъ, щей десятскихъ у слидъ за нымъ много.
Нехай ходятъ, нехай ходятъ—ихъ прывычка шляться,
Наши люды про ихъ знаютъ, якъ чортивъ боятся.
Горе житы Кармалюку на чужыни одному,
Винъ пиднявъ руки до неба и молыться Богу.
Устань батьку, устань ридный:—дай порядокъ сыну,
Лежыть батько въ сырій земли,—забувъ про дытыну.
Ой зберу-жъ я хлопцивъ добрихъ—шо-жъ кому до того.
Посидаемъ край дороги,—ждемъ подорожнего.
Ой хто не йде, хто не иде, то треба ихъ ждаты,
Якъ не маешъ прыстаныща—мусышъ пропадаты,
Ажъ иде отецъ владыка „здоровъ булы хлопци“!
Воны ему отказалы: „благословы отче!“
Ой давай, владыко, гроши, гирко пропадаемъ,
Та того-жъ мы пропадаемъ, що прыстанищи не маемъ.
Отець здыхнувъ, руки зложывъ,—отдавъ уси гроши,
Оглянувся назадъ себе—все хлопци хороши.

Елена Вишневская, Андреевка, Александр. уѣзда, 18 Марта 1887 года.

Б.

Славный хлопецъ Кармалюга
По свитлонци ходе.
Винъ одную чернявую за рученьку [воде;
А другую, русявую, изъ ума изводе.
Сидлай, Кармалюго, коня вороного,
Та поидемъ до кумонькы въ гости.
Доровъ, доровъ кумы мои, шось маю [казаты,
Та не знаю, кума моя, якъ тебе назваты.
Назвы мене, Кармалюго, туманъ-до- [лыною:
Моя хата надъ горою, по надъ до- [лыною;
Кулыками крыта, калыною вшыта.
Бережыся, дивчинонька, шобъ не [була быта.
Хоть бытеме мене батько, такъ зна- тыму за що,
Славный хлопецъ, Кармалюга, та [ще й не ледаще.
По бережку ходыла, щуку рыбу ила,
А чи луча щука рыба, а чы осетрына.
Бережыся дивчынонька, колыбъ не [дытына.

11 Ноября 1885 г. с. Веселое, Таврич. губ., Мелитоп. у. Записаны отъ Палажки Онищенковой (Смоливна по уличному).

Въ варіантѣ, записанномъ въ г. Александровскѣ отъ Вѣры Шевцовой, окончаніе нѣсколько иное:

„А чи лучша щука рыба, а чи осетрына,
Молы Бога чорнявая, а шобъ не дивчына,
А якъ буде хлопець—
Кармалюга ему отець.

Въ варіантѣ, записанномъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, дер. Письмачевкѣ, отъ Ганны Шевченко:

„Молы Бога дивчынонько,
Колыбъ не дытына.
Якъ буде въ тебе дивчына
Не моя причына,
А якъ буде въ тебе хлопецъ—
Кармалюга—отець...
Якъ выйду я на бытый шляхъ
Та гирко заплачу,
Маю жинку, маю дитокъ
По викъ не побачу.

Сравн. *Метлинскаю*, Народ. Южно-русск. пѣсни, стр. 6. *Гатцука*, Ужинокъ рідного поля стр. 270. „Кіевская Старина" 1882 г. т. IV стр. 183 и 187 (Звенигородскій варьянтъ). *Чубинскій*, Труды V, 412. *Черняевская*, въ V т. Сборн. Х. И. Ф. Общ. 137.

31.

Воръ Засоринъ.

А.

Ой чулы вы люды,
Шо есть воръ Засоринъ,
Въ городъ уизжае,
Лавкы розбывае, (2)
Хуры винъ наймае, (2)
На возы складае, (2)
Въ села одсылае, (2)

Б.

Ой у Хочевани
Засорынъ гуляе, (2)
Лавкы оббирае, (2)
На Донъ отправляе, (2)
Не доихавъ до города
Въ степу становывся, (2)
Росою умывся, (2)

Старцивъ собирае, (2)
Добромъ надиляе.

Осипъ Шуть, Вознесенка, Алекс. у., 15 Сентября 1888 г.

Богу помолывся, (2)
Зъ братамы простывся.

Агафья Саенко, с. Покровское, Алекс. у., 23 Іюня 1888 г.

„На цю писню, кажуть, есть запретъ". *Примѣч. пѣвца.*

32.

Турбаевская катастрофа.

Ой хотилы Базилевци весь свитъ пережыты,
Та не далы Трубоиды и вику дожыты.
Та въ недиленьку пораненько якъ стало свитаты,
Ой та сталы Базилевцы громаду збираты.
Ой зибралы Базилевци велыку громаду,
Выклыкають Маріяну соби на пораду.
Ой порадь насъ, Маріяно, якъ ридная маты:
Ой якъ же намъ Трубоидывъ тай завоюваты?
Ой я жъ васъ, браты мои, и ражу й не ражу,
Бо черезъ васъ, заневыно, головку положу.
Та одсунула Маріяна викно-оболони,—
Ой стоять тіи Трубоиды съ кіямы коло двору.
Та ище жъ тая Маріяна радыть не счынала,
Ой та уже-жъ іи головонька до долу упала.
А у тіи Маріяны риднесенька маты,
Ой куды неслы Маріяну—той стежечку знаты;
А у тіи Маріяни въ подолахъ мережка,
Куды неслы Маріяну—кривавая стежка.
Въ недиленьку пораненько уси дзвоны дзвонять,
Ой уже-жъ тую Маріяну тай у гробъ хоронятъ.

Баба Катерина Графская, 72 лѣтъ, д. Кушугумовка, Александр. у., 13 февраля 1892 г.

Эта любопытная оригинальная пѣсня воспроизводитъ дѣйствительное событіе, подробно описанное по архивнымъ документамъ г-жей *А. Я. Ефименко* въ Кіевской Стар. 1891, кн. III.

33.

Замыслы въ Москвѣ противъ Запорожцевъ.

А.

Ой подъ городомъ та пидъ Яла-
[саветомъ
Много горлыць пролитало.
А въ Москви городи, въ заси-
[дательномъ доми,
Зибрались вси сенаторы.
Ой зибрались воны вси вмисто,—
Сталы совитъ прекладаты:

Ой якъ бы намъ въ Запорожцивъ
Та вси области одибраты?
А одибравши у Запорожцивъ
[землю,—
Будемо сами владиты...
А Запорожци, добріи молодци,
Все те гораздъ зналы,

Посидлалы кони вороніи
Тай пидъ Турка втикалы.

Гей, мы пидемъ пидъ Турчина житы
Та будемо вирно служиты.

Агафья Саенкова, Покровское, Але
сандр. у. 12 Января 1886 г.

Б.

Пидъ городомъ Лебединомъ гавы вороны литалы,
А въ Москви-городи—Москаливъ збиралы.
Зибралыся въ одно мисто—сталы совитъ пребираты,
Якъ у славнихъ Запорожцивъ вси вольности одибраты.
А Запорожци, славни молодци, у ихъ ласкавости немае,
А воны-жъ панамъ, неправеднымъ судьямъ, почалы правду въ вич [казаты:
„Розсердывся жъ нашъ батько ридный, винъ за сынивъ насъ [не мае",
Ой ходимо, мыли братци, турецькаго салтана прохаты,
Винъ нашу тугу розвіе, винъ насъ до себе прыгорне.

Мало-Михайловка, Александр. у., 1884 г. Записалъ и с
общилъ рукопись нар. учит. Спирид. Алексѣев. *Потапов*

Сравн. *Кіевск. Старина* 1882 т. I стр. 436, Варіантъ Записанъ въ Александровско уѣздѣ Ив. Ив. Манджурой. *Костомаровъ*. Исторія казачества „Руск. Мысль" 1880 г. Август стр. 23—24, *Чернявская* въ V т. Сборн. Х. Ист. Фил. Общ. 132, *Эварницкій*, Запорожье, II, 16

34.

Дурное предчувствіе Запорожцевъ.

Ой прыслухайтесь хлопци,
Славни запорожци,
Шось у хмари гуде!
Ой шось на насъ, хлопци,
Славни Запорожци,
Запригодонька буде.

Ой заступайтесь, хлопци,
Славни Запорожци,
Плече позь-плече,
Та не даймо, хлопци,
Славни Запорожци,
Москалеви Сичи.

Иванъ Машталяръ, 78 л., Д. Куну
гуновка, Алек. у., 27 Февраля 1891 г.

35.

Руйнованния Сичи.

А.

По той бочокъ Базавлука лагери стоялы,
Молодіи Запорожци пылы та гулялы.
А мижъ нымы ихъ атаманъ—одынъ не гуляе,
А винъ свого Харька-батька во сни пробужае.
А встань, Харьку, а встань батьку, просятъ тебе люды,
Якъ выйдешь ты на грянщю [1]) по прежнему буде.
Якъ выйдешъ ты на грянщю, то просы Царыцю,

---

[1]) По другимъ варіантамъ: Якъ *поидешь на столицю*-по прежнему буде.

Нехай выддасть степы добри-по прежню гряныцю.
— Ты, Царыце, мылостыва, змылуйся надъ намы,
Верны степы, край веселый, съ темными лугамы!
— Не на те я, Харьку-батьку, полкы набирала,
Шобъ степъ добрый, край веселый, повертала.
Тече ричка-невелычка—пидмывае кручи,
Ой заплакавъ Харько-батько видъ Царицы йдучи... [1])
Пишовъ назадъ Харько-батько, темными лугамы,
Та умывся, Харько-батько, дрибными слезамы.
— Ой вы хлопци, Запорожци, що вы наробылы?
Степы добри, край веселый, тай занапастылы!...
Тече ричка, невелычка—кручи поробляе,
Уже Москаль Запорожья кругомъ облягае.
— Благословы, отамане, намъ на башти статы:
Москаль буде изъ мечамы, а мы съ кинжаламы,
Не выбьемо кинжаламы выбьемъ кулакамы,
А шобъ слава не пропала поминжъ казакамы.

Логвинъ Несватъ, Ново-Гупаловка,
Алекс. у. 1885 годъ.

Б.

Запорозьскый козарлюга винъ пье, та гуляе,...
Позволь Харьку, позволь батьку, намъ на башту статы,
Шобъ найстаршому генералу съ плечъ головоньку зняты.
Не позволю, Запорожци, вамъ на башту статы,
Бо грихъ отъ Бога, Запорожци, христіанску кровъ пролываты...

Сергій Петров. Волкъ, 65 л. Григорьевка
на р. Конкѣ Александр. у. 3 Ноября 1888 г.

Сравн. *Кулишъ*. Записки о Южной Руси I, 321, II, 254–256. „Кіевск. Старина“ 1882, т. II, 554. *Максимовичъ*. Украинск. пѣсни 1834 г., 127. *Костомаровъ*. „Русск. Мысль“ 1880, Августъ, стр. 23, *Сумцовъ*, Соврем. малор. этногр. I, 137—138.

36.

Калнышевскій, послѣдній кошовой войска Запорожскаго.

А.

Устань, батьку Калнышевскій, просятъ тебе люды,
Та поидемъ до столыци, по прежнему буде,
Та поидемъ до столыци, благаты Царыци,
Шобъ виддала нашу землю, царскіи клейноды.

---

[1]) Въ другомъ менѣе полномъ варіантѣ, записанномъ отъ 90 лѣтняго дѣда Дворецкаго въ Ново-Гупаловѣ, Царица, внимая слезамъ Харька, обращается къ сенаторамъ:

Сыны мои, сенатори, що-жъ вы наробылы,
Що степъ добрый, край веселый, тай занапастылы?!...

Не на те я, мыли братци, Сичу такувала,
Шобъ виддала тую землю и клейноды вертала.
Тече ричка-невелычка поробляе кручи,
Та заплакавъ Калнышевскій видъ матуси йдучы.
Велыкый свитъ, ридна маты, напускъ напустыла,
Славне військо Запоризьке тай занапастыла!
Ой занапастыла, у Сичь уступыла.
Въ недиленьку, ранесенько, лагерямы сталы,
А въ вивторокъ разивъ сорокъ Сичу такувалы.
Московскіи генералы церквы грабувалы,
Грабувалы срибло, злото й восковіи свичи,
Зоставайся Калнышевскій съ пысарямы въ Сичи.
Вже покрылось славне військо густымы лозамы,
Та заплакалъ Калнышевскій дрибнымы слезамы;
Вже покрылось славне військо за жовтіи пискы,
Та не взявся Калнышевскій ни пыты, ни исты.

Записана отъ компаніи стариковъ с. Вознесен[к] Ал. у. Степана Власенко 80 лѣтъ, Кузьмы Лута[...] 74 лѣтъ и Ѳоки Брянца 70, на рыбной ловлѣ [...] Днѣпрѣ у острова Хортицы, 15 Іюня 1884 г.

Б.

Устань, батьку Калнышевскій, просятъ тебе люды,...
Та вже-жъ наше, славне військо, скрылося за горы,
Та заплакавъ Калнышъ-батько зъ велыкого горя;
Та вже-жъ наше, славне військо, скрылося за хмару,
Та заплакавъ, Калнышевскій, зъ велыкого жалю;
Та вже-жъ наше, славне військо, скрылось тай не буде,
Плаче, туже Калнышевскій та бье себе въ груды..!

Василій Панасенко (Гончаренко) 68 [...]
Вознесенка, Александр. у., 1877 г.

Сравн. *Метлинскій*, Южно-русск. пѣсни, стр. 428; *Костомаровъ*, Исторія козачест[...] „Русск. Мысль“ 1880 г. Августъ стр. 27; *Кіевская Старина* 1882 г. т. I стр. 435; т. VII стр. 32[...] *Эварницкій*, Запорожье II 189.

37.

После „руйнования“ Сечи.

А.

Чорна хмара наступае, дробенъ дощыкъ зъ неба,
Збуйновалось військо Запорозьке,—чогось ему було треба.
Ой збуйновалось, славне Запорожжя, зъ велыкого жалю,
Та не знало кому прыхылыться, которому царю.
Ой прыхылылось військо Запорозьке, тому Турасови,
Шо у того, царя Турасева, буде добре жыты.

За все добре, за одно не прыятно,—шо иде братъ на брата быты.
Ой пыше Москаль та до кошового—идить до мене жыты,
Виддамъ землю по прежнему, по Днистръ по граныцю...
— Ой брешешъ ты, вражый Москалю, хочешь пиддурыты,
Якъ пидемо мы до тебе, будешъ лобы брыты.
Ой вы, Запорожци, вы добри молодци, не бийтесь ничого,
Дамъ я землю по прежнему, по Самарь-граныцю.
Ой пишлы наши, славни Запорожци, по надъ Богомъ рикамы,
По надъ тимы шырокымы, та по надъ Лыманамы.
Ой биля церквы, церквы Сичевои,—на калавуръ сталы.
Ой воны-жъ тому священныку, отцу Владымарю, й служыты не далы.
Ой летыть бомба видъ Москаля,—та середъ Сичи впала,
Гей, хочь пропало військо Запоризьке, та не пропала слава.

Кузьма Лутай 74 лѣтъ. Вознесенка, Александр. у. 29 Декабря 1884 г.

См. *Костомаровъ*, Историч. пѣсни 213, *Кулишъ*, Записки II, 256.

38.

Жалобы запорожцевъ на несправедливость.

й Боже нашъ, Боже мылостывый,
родылысь мы на свити несчаслыви.
лужылы мы въ поли и на мори,
сталыся боси и голи.
отилы мы воли заслужыты,
Iобъ у вольности намъ вику до- [жыты,
й былыся, рубалыся симъ годъ и [чотыри,
тбылы мы земли отъ Днистра до [Богу,
ряныцію по Бендерську дорогу.
Мы отбылы землю—панамъ оди- [бралы,
А намъ теперь Тамань обищалы.
Ой Боже нашъ, Боже мылостывый,
Не заслужылы у Царыци земли и [по десятыни.
Устань батьку, устань Грыцьку, ве- [лыкый гетмане,
Устань батьку, устань Грыцьку, [вельможный нашъ пане,
Устань батьку, устань Грыцьку, [промовъ до насъ слово,
Шо тепера Катерына а насъ об- [нажыла.

Федоръ Кнырикъ. Языково, Екатеринослав. уѣзда, 29 ноября 1888 г.

Сочиненіе этой пѣсни приписываютъ Антону Головатому. Сравн. *Чубинскій*, Труды, V, 36, варіантъ 6; „*Кіевск. Старина*“ 1883 г., VII, 207. 1887, XIX, 189.

39.

й Боже нашъ мылостывый!
Цо мы, братци, соби наробылы?
. . . .
. . . .
Царувала Катерына
А чотыри Лыманы,
Ой ловыть, хлопци, рыбу,
Та справляйте жупаны.
Мы-жъ думалы, мыли братця,
Що мы справемо жупаны,

Заробылы-жъ, мыли братця,
А на ниженькы кайданы....
Ой устанемъ рано, братця,
Та помолымось Богу,
Чы не дасть намъ Господь
А за Дунай дорогу.
Ой усталы, братця, рано,
Важенько здыхнулы,
Та пиднялы паруса вгору,
Тай за Дунай махнулы.
Ой прыплевлы, братця, рано
До бережка блызько,
Ой поклонемось Турасеви
Ажъ у ниженьки нызько.
Ой дай же намъ, Турокъ, землю,
Та свою бидность прожыты!
— А будете, запорожци,
Мини вирно служыты?
Та дарую я вамъ землю
Вашу бидность прожыты.
. . . .
. . . .
Ой пысала Катерына
Ажъ до Запорожцивъ лысты:
— Ой верныться, Запорожци,
На цей Лыманъ рыбы исты!
— Ой спасыби, Катерыно,
А за твою добрую ласку,
Що ты спекла намъ на Велыкдень
А гречаную паску.
Ой спасыби, Катерыно,
А за твою добрую волю,
Що ты намъ же показала
А за Дунай дорогу...

Мыкыта Явтушенко, лѣтъ 40. С. Капулика Екатериносл. уѣзда, Іюль 1888 г. Вар. этот сообщенъ Львомъ Вас. Падалкой.

40.

Послѣ взятія Очакова. Копаніе канавъ.

Хвалылыся Запорожци Очакивъ достаты,
Шобъ зъ мурованыхъ колодязивъ коней напуваты.
Очакивъ досталы и самъ Ханъ намъ здався,
Вже на нашихъ Запорожцивъ ввесь Москаль пиднявся.
Збиралыся генералы *ситку-ситкуваты*, [1])
— Яку будемъ Запорожцямъ одежу даваты:
Чы козацьку, чы гусарську, чы третю солдацьку?
-- Хочъ мы будемъ, братци, канавы копаты,
А не будемъ солдацькои одежи прыйматы;
Бо солдацькая одежа куца, ще й погана,
Нехай наша не загыне запорозька слава.

Трофимъ Семеновичъ Ковбаса 89 л. Язково, Екатер. у., 27 Сентября 1887 г.

41.

Скурви сыны Запорожци не добре зробылы,
Шо степъ добрый, край веселый тай занапастылы.
Шо вси кони позаймалы, а трое лишылы.

---

1) Совитъ прекладать, выдумувать хитрощи. *Пѣвецъ.*

Сидлай, хлопку, сидлай малый коня вороного,
Бижи, хлопку, бижи, малый, за нымы въ погоню.
Якъ прыбижышъ до Торговыци—вертайся до дому.
Скурви сыны Запорожци уси броды знaлы,
Черезъ тую та Сынявочку табунъ перегналы,
Перегнавши табунъ коней, та радыться сталы.
Бодай же ты, Сынявочка, та панею стала,
Та шобъ наша та козацька слава не пропала.
— Цимбалыстый, та бандурыстый—де ты забарывся?
— У Тавани, моя пани, горилкы напывся!

Никита Джигирь, 88 л. Кушугумовка,
Александр. у., 5 Декабря 1887 г.

42.

Ой крыкнула била лебедонька Дунай перепливше,
Заплакалы славни Запорожци та коныкы погубывше.
Иде Харько зъ Украйны,—писенькы спивае,
Доизжае до куреня—важенько вздыхае.
— Ой вы, хлопци, вы, молодци, що вы наробылы,
Що у цему краю веселому, та коныкы погубылы?
— Та ни вси, Харьку, та ни вси, батьку, мы коныкы погубылы,
Остается кинь вороненькый, а чаленькый на пидпомогу.
— Ой сидлай, хлопку, сидлай, малый, та коныка вороного,
Та бижы, хлопку, бижы, малый, за киньмы впогоню.
Якъ добижышъ до Сынявкы, не пытай тыхого броду,
Пускай коня, коня вороного, уплынь у воду;
Пускай коныченька уплынь и самъ плывы за нымъ.
Ой по той бикъ рички Сынявки, на крутому бережечку,
Тамъ косари сино косять, а витеръ-буря носыть,
А журавль на гуселькы грае, журавочка—дыбле,
Ой пье козакъ медъ, горилку, шинкарочка сыпле,
А его мыла стоить у порога, слизонькамы хлыпле.
— Не плачь, мыла, чорнобрыва, не плачь, молодая,
Есть у мене кварта пыва, горилкы—другая.
А отъ пыва—та болыть спына, отъ горилкы—впьюся,
А отъ твоихъ былихъ ручокъ,—якъ рыбонька вьюся.

Логвинъ Несватъ, 70 лѣтъ, Ново-Гупаловка, Александр. у., Января 1885 г.

Ср. *Метлинскій*, Народ. южно-русск. пѣсни, стр. 450; *Баллина*, Украински пісні, стр. 95.

43.

Лита, лита сызокрылый орелъ по шырокихъ долынахъ
Засылае нашъ Государь письма по всихъ Украинахъ.

— Ой жывить, жывить мои Украинци—не бійтесь никого,
Звоювавъ я Шведа, щей Запорожця много.
Ой Запорожци, вы добри молодци, вы хлопци молодіи,
Повдавалысь одынъ въ одного якъ братикы ридніи.
Ой повдавалысь, тай попарувалысь по два докупочкы,
Сыдять воны, зглядаются, якъ сыви голубочкы.
Ой на тому пану Крутовенку байковая юпка,
Провожае пани Жывотарька, его сестра Любка.
Ой здоровъ, здоровъ пане Крутовенку, здорово сестро Зализна,
Не выскоче моя душа съ тила,—бо далеко зализла.

Варнава Ересько, 50 лѣтъ. Дер. Юльевка,
Александр. у. 20 Апрѣля 1885 г.

Мы имѣемъ другой варіантъ этой пѣсни, записанной отъ 60-лѣтняго *Степана Крохмаля* въ Балабиню, Алекса́ндр. у., который заканчивается:

....А на тихъ же славнихъ Запорожцяхъ все байкови юпкы,
Выизжае зъ Жытомыря ихня сестра Любка.
Ой здорово, сестро Любко, сызая голубко,
Ой не выскоче твоя душа съ тила
Бо далеко зализла.

Поясненіе Крохмаля.

Повдавалысь, тай попарувалысь по два докупочкы,
Сыдять воны зглядаются одынъ на другого, якъ сыви голубочкы...

— Це противъ того, казалы колысь диды, шо якъ звоювалы Запорожцивъ, то звелилы ихъ попарувать,—тобъ-то позаковувать въ зализо. Воны тоди, сердешни, зглядаются одынъ на другого, шо имъ будуть робыть. Воны, кажуть, булы дуже похожы одынъ на другого одежею и облычаемъ; одынаково запускалы довги вусы, голыли головы, закручувалы за вухо чупрыну—мовъ „братики ридніи“, якъ спиваютъ въ писни.

44.

Та летивъ воронъ та изъ чужихъ сторонъ, та летяче кряче,
Сыдыть сиромаха надъ канавою, та жалибненько плаче (2).
Та летивъ воронъ та изъ чужихъ сторонъ, крылычкамы махае.
Сыдыть сиромаха надъ канавою та сорочку латае (2).
Дере полы, та дере рукава, а плечи латае,
Та все свого царя Костантына частенько спомынае.
Поздоровъ, боже, царя Костантына, сударыню Катерыну,
Шо вывелы наше Запорожжя изъ Умани на Вкраину.
Та заплакалы славни Запорожци изъ Умани йдучи.
Не будемо носыть чоботы-сапьянци, а съ кытаечкы онучи.

Никита Никитов. Самарскій, 61 года.
Краснокутовка, 29 Декабря 1889 г.

45.

Казацкая вирша.

А.—Б.

Къ исторіи запорожской живописи.

До 1860 годовъ, по разсказамъ стариковъ, въ селахъ Александровскаго уѣзда не рѣдко можно было встрѣтить картины запорожской кисти, украшавшія стѣны крестьянскихъ хатъ. Со вступленіемъ на должность окружнаго начальника Мин. Госуд. Имущ. Н. В. *Джаньева*, видимо любителя старины, всѣ такія картины и даже копіи позднѣйшаго времени перешли въ его распоряженіе, а за смертію исчезли безъ вѣсти. Изъ многочисленной коллекціи картинъ *Джаньева* намъ пришлось видѣть только одну, принадлежащую купцу Григорію Семеновичу *Боброву* въ г. Александровскѣ. Приведемъ краткое описаніе ея.

У подножія горы вѣковой, вѣтвистый дубъ. Краснощокій, усатый казакъ сидитъ подъ тѣнью. Бритый. Чуприна закинута за лѣвое ухо. Брянчитъ на бандурѣ, поетъ, не выпуская люльки, ноги поджаты по-турецки. Пазуха разстегнута; въ петлицу комира затянута червоная стежка. На плечи закинута богатая штофная шуба, обшитая темной мѣховой опушкой. Штаны синіе, широкіе. На ногахъ тѣлеснаго цвѣта сапьяны. Справа бѣлый конь, привязанный къ воткнутому въ землю ратищу. Около казака фляшка, чарка и шапка, послѣдняя сѣраго смушка съ краснымъ верхомъ. Слѣва повѣшены на сукъ дуба сабля и саква; на послѣдней крупная литера П.; такая же литера и на сѣдлѣ. Внизу картины пѣсня, которую запорожецъ поетъ подъ звуки бандуры:

Ой бандуро моя золотая,
Колыбъ до тебе жинка молодая!
Булабъ ій одъ мене гарна утиха,
Скакала бъ, та гуляла бъ до свого смиха.
Хочь дывыся на мене,—та ба не вгадаешъ,
Видкиль родомъ и якъ звуть,—ты не знаешъ.
Колы трапллялось кому у степахъ буваты,
Той може прозвыще мое угадаты.
Жыдъ изъ биды за риднаго батька почытае,
Мылостывымъ добродіемъ ляхва называе.
Якъ бувъ багатъ,
Тоди вси казалы „Иванъ братъ",
А теперь якъ ничого немае,
То нихто и не знае.
Нехай лишъ розживется голота, та загуляе,
То тоди до чорта роду явитьця и всякъ узнае,

Можна жыть; ото горе, якъ здумаю умераты,
Що никому буде поховаты:
Жыдъ боитьця, ляхъ не преступыть,
Хиба яка звиряка за ногу въ байракъ поцупыть.

Съ виршами въ такомъ родѣ можно видѣть картины въ с. Туркенови Александровскаго уѣзда у крестьянина Ив. *Сердюка* (плохая копія), в с. Перещепино[1] Новомосковскаго уѣзда у крестьянина *Яновскаю*, наконец въ Никополѣ Екатеринославскаго уѣзда у крестьян. *Даниленка* (Ферша ленко). Послѣдняя картина принадлежитъ кисти очень плохого маляра 50-х годовъ и, судя по надписи, изображаетъ *Мамая*, извѣстнаго въ народных преданіяхъ ватажка гайдамаковъ.

Невзирая на аляповатость, во всякомъ случаѣ, содержаніе никопол ской копіи не лишено интереса. Главный предметъ картины, козакъ, си дитъ въ полѣ поджавши ноги; въ рукахъ бандура. Справа воткнуто в землю ратище, а къ нему привязанъ конь; ближе—изрядная пляшка го рилки и чарки. Слѣва—три вѣтвистыхъ дуба, на которыхъ, въ красных кунтушахъ, розмѣстилось пять ляховъ; изъ за зеленой листвы высовыва ются стволы лядскихъ ружей, направленные на безпечнаго рыцаря степи Картина озаглавлена „Козакъ Мамай", хотя самое лицо этого „Мамая" н представляетъ ничего типичнаго; въ особенности неудачно наухрены усы Вниву картины вирша:

B.

Гей, гей бандуро моя золотая,
Колы-бъ до тебе жинка молодая,
Скакалабъ, плясалабъ до лыха,
Що не одынъ бы чумакъ цурався грошей миха.
Якъ заграю, то не оды(нъ) поскаче,
А пидождавши, съ того висилля не одынъ заплаче.
Козакъ душа правдывая—сорочкы не мае,
Колы не пье, такъ воши бье,—а все не гуляе.
Всякъ хоче прозвыще мое знаты,
Та нихто не може видгадаты.
Тико одна дивчына отгадала,
Шо лошака мени доброго подарувала.
Гай, гай якъ я молодъ бувъ,—шо то у мене була за сыла,
Ляхивъ борюче—и рука не млила,
А теперь сыльна воша одолила...
Не жаль, не жаль мени въ степу помераты,
Тилко жаль, що никому мене буде поховаты.
Жыдъ цураится, а ляхъ не преступыть,

Хиба яка звирюка въ байракъ попуныть.
Якъ хочъ называй—то все позволяю,
А якъ назвешь крамаремъ,—то за те полаю.

Г.

равда, ляхва угадала,
[о коня съ сидломъ подарувала;
равда, якъ кинь у поли,
То такъ и козакъ не безъ доли:
Куды схоче—туды й скаче,
За козакомъ нихто не заплаче....

Сравн. *Кулишъ*, Записки о южной Руси, I, 317; Записки Одесск. Общ. исторія и древн. , 543; *Марковичъ*, Обычаи, повѣрья и проч. 51. *Мордовцевъ*, Литературн. Сборникъ 60. *стомаровъ*, Исторія козачества „Русск. Мысль" 1880 г., Авг. 16—18, *Сумцовъ*, Соврем. лор. этногр. I, 141.

Исхода XVIII и начала XIX вѣка.

46.

Лопухинъ.

А.

о не пылъ съ поля летыть,
ороль армію валыть
ры долыни становыть,
ры долыни, пры лужку
тали арміи въ кружку.
тала армія въ кружку,
Лопушинъ у полку.
талы ружжя заряжать,
си ружжя цокотять;
талы быты, палыть,
ъ дымомъ сажа летыть.
ылысь воны, рубалысь,
жъ чотырнадцять часовъ,
а пьятнадцатомъ часу
талы дило розбирать (2),
Сталы армію считать (2):
Чы вся армія сполна?
Уся армія сполна,
— Лопушина нема,
Винъ прыбытый лежыть,
Таки речи говорыть:
„Ой подайте лыстъ бомагы,
„И чорныльныцю съ перомъ".
Ой лежыть винъ лысты пыше
Лысты пыше, тяжко дыше:
„Нашъ Потемкинъ генералъ"
„Много військa потерявъ"
„Съ французькимы королямы"
„Въ карты військо прогулявъ".

1885 г. с. Петровское-Балабина, Александр. уѣзда. Записана отъ Ивана Пелиха.

Б.

Іры долыни, пры лужку,
Іры крутому бережку,
Стоить вармія въ кружку, (2)
Іопухинъ гуля въ полку, (2)
Курыть трубку табаку.
Ой на шожъ винъ іи курыть?
Щобъ пьяному всегда быть, (2)
Посмѣлѣе подступыть, (2)
Съ генераламы говорыть:
Шо Потемкинъ генералъ
Много війська потерявъ;
Шо пропывъ, шо прогулявъ,
И шо въ карты програвъ:
За три бочонкы писку—

Пустывъ христуза въ Москву;
За два стакана вина—
Пиднималася война.
Якъ пишлы быть, рубыть,
Стовпомъ вгору дымъ валыть.
Зъ дыму слезы не капляться,
Съ плечь головушкы валяться.
Воны былысь и рубалысь
Симъ, чотырнадцать часовъ,
А въ пятнадцатомъ часу
Сталы дило разбирать, (2)
Сталы вармію считать.
Не вся вармія сполна
И Лопухина нема...
Лежыть Лопухинъ прыбытъ,
Только речи говоритъ:
— Ой, подайте мини, братци,
А чорныльницу съ перомъ,
Напышу я, намалюю
До государыни поклонъ:
Шо Потемкинъ генералъ
Много війська потерявъ.

29 Ноября 1887 г. с. Вознесенка на Днѣпрѣ Алексан
уѣзда. Записана отъ Анифата Дейны (Сидоренко).

Лопухинъ, Князь Владиміръ Ивановичъ, современникъ Потемкина (1705—1797).

47.

Платовъ.

А.

Ты Рассѣя, ты Рассѣя,
Ты Рассѣйская земля,
Про тебя слава улягла,
Про Бѣлаго царя,
Про Платова козака.
Платовъ козакъ хорошъ былъ
Усы, бороды не обрилъ,
Черезъ законъ поступилъ,
У француза въ гостяхъ былъ.
Французъ его не узналъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
На подносахъ пидносывъ,
Его мылости просывъ:
„Ой ты купчыкъ,
Ты голубчыкъ,
Выпый рюмку,
Выпый двѣ,
Скажи правдоньку минѣ:
Про Бѣлаго, про Царя,
Про Платова казака.
Когда-бъ мини кто сказавъ
Много бъ золота, казны давъ,
А съ Платова бъ кожу содравъ".
„Не надо казны терять,
Его и такъ можна взять,
Таки глаза й волоса,
И на рѣчи какъ бы й я".
А французская жена
Изъ за стола погляда:
„Ну ты купчикъ,
Ты голубчыкъ,
Покажи мнѣ свой патретъ".
Ставъ патретъ винъ вынимать.
Ставъ вороной называть,
Та на коныка сидать.
„Ну ворона жъ, ты ворона,
Французскій ты Панипартъ:
Не могъ ты ясного сокола
Въ своей клѣткѣ удержать".

„Це було въ французьску зиму (1812). Тоди якъ уже Платовъ показа
свій патретъ, Донци пидвелы ему коня, а винъ сивъ и поихавъ у свій станъ".

15 Іюня 1882 г. Остров. Хортица. Записана отъ р
бака Степ. Власенка. изъ с. Вознесенки. Пѣсня пер
дана молоросомъ ломанною русскою рѣчью.

Б.

Хорошъ казакъ Платовъ былъ,...
Изъ за *скани* [1]) погляда....

Юхимъ Шляховый, 100 лѣтній слѣпой старецъ. Григорьевка на р. Конкѣ, Александр. у., 13 Марта 1885 г.

Графъ Матвей Ивановичъ *Платовъ*, атаманъ Войска Донскаго, родился въ 1751 г., ѵръ въ 1818 г. Въ особенности отличался въ войнѣ съ французами 1812 г. Такъ преслѣ въ концѣ этого года, франц. армію, онъ разбилъ ее подъ Ковно и Вильно и отнялъ 546 векъ, 30 знаменъ, до 70,000 плѣнныхъ и все серебро награбленное въ Москвѣ.

48.

Александръ I и Наполеонъ.

Ой пыше, пыше король хранцузскій ажъ до Билого царя:
Отдай, отдай, Александро, землю по рѣчушку по Десну,
Якъ не дасы, Александро, земли, такъ я тебе раззорю,
И по твоихъ церквахъ по соборахъ конычренькивъ заведу.
Уляякнувся Александра Павловичъ, уляякнувся тай стоить:
Ой вы, купци, господа дворяне, а шо будемъ робыты,
Шо хоче король хранцузскій отъ насъ землю отбыты...
Обизвався генералъ Паскевичъ: шо не бійся Павловичъ:
Пышы письма на билій бомази, та давай въ сынатъ знать,
Та собирай війско со всего царства, та пидемо воювать.
Будемъ быться, будемъ воюваться, будемъ землю не давать.
Дурна, дурна право не разумна хранцузска голова,
Задумала, загадала противъ Билого царя.

26 Сентября 1887. С. Андреевка Александровскаго уѣзда, Екатер. Записана отъ Ив. Васильев. Штепы 43 лѣтъ.

49.

Смерть Александра I.

А.

Ой поихавъ Александра свое війско осмотрѣть,
Обищався Александра къ Рождеству домой прибыть.
Его матушка старая день и ночку не спала,
Александра дожыдала,
Но дванадцать охвецеривъ его коныкивъ ведуть,
А дванадцать архереевъ жалобно кныги поютъ,
Прочытайте архереи бо вже его въ свѣти нѣтъ.

26 Сентября 1887 г. С. Андреевка Александр. у., Екатер. губ. Записано Отъ Ив. Вас. Штепы, 43 лѣтъ.

---

[1]) Кимната (комната) мабуть. *Прим.* Σκηνή—комната, палатка, скинія.

Б.

Шось у нашимъ Петербурси, про щось не здоровы,
По всимъ церквамъ, по соборамъ хресты почорнилы,
Колоколы и вси дзвоны въ церквахъ задзвонылы
Померъ, померъ Александра, померъ Императоръ.
Ой изробылы гробныцю, гробныцю срибную,
А другую изробылы гробныцю золотую.
Впередъ идуть, свичи несуть папы, архереи,
Пидъ правый бикъ, пидъ рукою—его гарнадеры,
Пидъ ливый бикъ, пидъ рукою—его мушкатеры
Пидъ правый бикъ, пидъ рукою—его сенаторы.
Кудажъ ты нашъ батюшка, куда отъижжаишь:
Ой кому-жъ ты, Биле царство кому уручаешь?
— Отъижжаю, куда самъ знаю,—въ велику дорогу,
Уручаю Билее царство, другому такому,
Ой другому все такому—братику ридному.

29 Ноября 1887. с. Вознесенка на Днѣпр[illegible] Александровскаго уѣзда. Записана отъ А[illegible] фата Дейны (Сидоренко).

Чумацкія.

50.

Встрѣча чумаковъ съ гайдамаками.

Ой зъ за горы, горы Камьянои
Ясне сонечко сходыло,...

Сравн. ***Рудченко***, **Чумацкія пѣсни К. 1874 г. стр. 96—102;** ***Метлинскаго***, **Народн. юж[illegible] русскія пѣсни стр. 453.** ***Чубинскій***, **Труды, V, 1049—1052.**

51.

Ишовъ чумакъ дорогою, думае, гадае,
Ой якъ зайшовъ до шинкаркы—медъ, вино кружае;
Та оглядивсь на четвертый день—волыкивъ немае.
Ой прыйшовъ винъ до табора, та зробывъ тревогу:
Сидлай хлопку, сидлай малый коня вороного,
Та бижы хлопку, бижы малый—давай панамъ знаты,
Чы не дадуть громадонькы воливъ одшукаты.
Та побигъ хлопка, побигъ малый, тай не забарывся,
А черкесы, яретичны сыны, за Кубань подалыся.
А поляглы густи травы, куды воливъ гналы,
Ой погналы бусурманы разными шляхамы.
Ой разнымы все шляхамы, густымы тернамы,

Отеперь же, сири волы, на викы пропалы.
Иде чумакъ дорогою, тай сивъ соби къ речи
Дере полы и рукава, та латае плечи.
Чы тымъ тая Алтань славна, шо жовтіи пискы?
На Алтань йшлы по шисть паръ велы, а зъ Алтани пишкы.
Чы тымъ такъ Алтань славна, шо густіи лозы?
На Алтань ишлы у сапьянахъ, а зъ Алтани боси.
Чы тымъ тая Алтань славна, шо крутіи горы?
На Алтань ишлы у каптанахъ, а зъ Алтани голи.
Мыргородскій капытанъ винъ розумный чоловикъ,
Сыдыть же винъ письма пыше, та въ Крымъ засылае:
Годи вамъ, чумаченькы, сеи солы лупаты,
Прыганяйте волы, запрягайте въ возы, за башту тикайте.
Ой котріи чумаченькы та сее зачувалы,
Прыганялы волы, запрягалы въ возы, за башту втикалы,
Ой котріи та чумаченькы, та сего не чувалы,
Та пропалы волы, пропалы возы и паровышныкы самы.
Мыргородскій капытанъ винъ розумный чоловикъ,
Сыдыть же винъ письма пыше, та въ Перекопъ засылае:
Ой годи вамъ, салдатыкы, въ Перекопи стояты,
Бижить, бижить до ричкы Салгыри чумаченькивъ ратуваты.
Та не далеко до ричкы Салгыри—семъ сотъ щей чотыри,
А лежать наши славни чумаченькы, де пьять, де й чотыри.
По надъ ричкою Салгыромъ покопани шанци,
А стоятъ возы до горы ярма, та все чумацьки.

Анифатій Дейна, Вознесенка, Алекс.
уѣзда, 29 Ноября 1887 г.

Срав. *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни 1834 г. стр. 178.

52.

Казавъ, казавъ Довгорукъ [1]),....
По надъ ричкою Савгыря
Та турецькіи хаты,
Збунтовалысь чумаченькы,
Схотилы втикаты....

Федоръ Михаил. Кнырикъ. Язикова,
Екатеринос. уѣзда. 29 Ноября 1888 г.

„Це писня про погонцивъ; ихъ однаково звалы и казенными чумакамы". *Пѣвецъ.*

Сравн. *Рудченко*, Чумацкія народ. пѣсни 102—105. *Чубинскій*, Труды V, 1052—1053. *Основа*, 1862 г., V, 98—99. *Метлинскій*, Народ. южно-русск. пѣсни 1854 г. стр. 446.

53.

Ой за гаемъ зелененькымъ
Брала дивка ленъ дрибненькый,(2)
Вона брала, выбирала,
До лыченька все ривняла.

---

[1]) Вѣроятно Князь Долгорукій—Крымскій (1771).

Лычко-жъ мое, румнянее,
Ой кому-жъ ты доведеся:
Чы попови, чы дякови,
А чы тому чумакови!
Чумакъ дома не бувае,
Нови ярма нарывае (2),
Сири волы запрягае (2),
У Крымъ по силь погоняе (2),
Жинку дома покидае.
Зоставайся, жинко, дома,
Рубай дрова до порога,
А сосныну до ослона.
Соломою пече, варе,
Горшечкамы воду носе,
У сусида солы просе:
Сусидочкы, голубочкы,
Дайте солы дви дрибочкы,
Посолыты огирочкы.
Сусидочкы, голубочкы,
Научайте свои дочкы,
Шобъ по ночамъ не ходылы,
Бусурменивъ не любылы.

Дер. Письмачова, Екатер. у., Іюнь 1886 г. Записана отъ Ганны Уласов. Шевченко.

54.

Чумакъ выѣзжаетъ въ дорогу.—Жена догоняетъ и возвращаетъ домой.—Жалуется чумакъ на свое „безталання".

Ой свитъ, маты, ясный,
Свитъ, маты, прекрасный,
Ой чымъ я такый безсчастный?
Пишовъ чумакъ у дорогу,
За нымъ жинка чорнобрива:
Возы догоняе, волы выпрягае,
Щей мыленькымъ называе.
— Вернысь, мылый, до дому,
Плачутъ диты за тобою,
Отець, маты проклынае.
— Якъ бы ты, жинко добра,
То ты бъ жыла дома,
Недиленьку чтыла,
Пьятинку постыла,
Шобъ намъ хортуна служыла.
Ой выйду-жъ я на горочку,
Та гляну я у пидвалля,
Тамъ чумакы пьютъ, гуляютъ,
Тико мое безталання.

Никита Джигирь, 88 лѣтъ. Кушугумовка, Александр. у., 29 Декабря 1887 г.

55.

Смерть чумака Макара въ дорогѣ.

Вылетивъ пугачъ на могилу,
Ой якъ пугу! та пугу!
Прывертайте, славни чумаченькы,
А зимуваты до лугу.
А котріи молодіи, та проворніи,
То тіи преверталы,
А котріи немочно-старіи,
То ти въ степу зимовалы.
Ой заболивъ та чумакъ Макаръ,
А у недиленку вранци,
Ой вы чумаченькы,
Ои вы казаченькы,
Шо я вамъ хочу казаты:
Есть у мене висимъ паръ соливъ,
Висимъ возивъ солы,
Велю вамъ, братци, продаты.
Ой велю вамъ, мыли братци,
Четыре возы солы продаты,
И продаты и жинци гроши послаты.
Ой велю вамъ мыли братци,
Три пари воливъ,
И три возы солы продаты,

на церковъ гроши отдаты.
эстаеться одна пара воливъ,
цинъ визъ щей солы,
элю вамъ мыли братци
ти продаты,
ене поховаты.
й померъ, померъ чумакъ Макаръ,
ь недиленьку вранци.
й шо будемо, мыли братци,
Іо будемо гадаты,
й якъ будемо, чумака Макара хо-
[ваты?
й выгодыть, мыли братци,
обрую годыну,
а зробыте чумаку Макару,
Та хочъ зъ рогожи домовину.
Ой вы чумаченькы,
Ой вы козаченькы,
Вы зробите славу,
Выкопайте чумаку Макару,
А хочъ сокырою яму.
Та высыпте, мыли братци,
Высоку могылу,
А шобъ выдно іи було
На всю Украину.
Ой въ недиленьку, рано пораненько,
А въ недиленьку вранци,
Поховалы чумака Макара,
Въ зеленому байраци.

Федоръ Михайловъ. Кнырикъ. Языкова, Екатер. у. 29 Ноября 1888 г.

Сравн. ***Рудченко***, **Чумацкія народ. пѣсни, 105—106, 144.** ***Чубинскій***, **Труды, т. V, стр. 046, 1048, 1058.** ***Максимовичъ***, **Украинск. народ. пѣсни 1834 г. стр. 176.**

56.

Ой у поли крыныця—вода прибувае,

См. ***Чубинскаго***, **V 1043, № 170 А.**

57.

Ой чумаче, чумаче...

См. ***Рудченка***, **168, 169.**

58.

Смерть чумака въ дорогѣ.

Ой ходывъ чумакъ симъ годъ по Крыму....

Сравн. ***Рудченко***, **Чумацкія народ. пѣсни К. 1884 г. стр. 156—168;** ***Чубинскій***, **Труды, т. стр. 370, 1053—56.** ***Максимовичъ***, **Украинск. народ. пѣсни 1834 г., стр. 175.**

59.

Ой маты сына спородыла,
И вирненько кохала,
Вона-жъ его въ дороженьку
Сильно не пускала.
Ой не на те-жъ я, моя матинко,
Не на те вродывся,
Шобъ видъ своихъ товаришивъ
Тай застановывся.
Прыихалы до озера,
Сталы силь лупыты,
Ой ставъ же нашъ, чумаченько,
Важенько здыхаты.
— „Налупайте вы, мыли братци,
На мои возы самы"...—
Та облывся, чумаченько,
Дрибнимы слезамы.
Прыихалы до озера
Сталы у базари,
А вже жъ тому чумакови
Й головку звязалы.

Ой атаману—коня даю,
Осаулу—збрую,

Шобъ выгналы чотыре возы солы,
За тиломъ, за мною.

Анифатъ Дейна - Сидоренко. Вознесенка, Александр. у. 29 Ноября 1887 г.

Крепацкія.

60.

Та була Польша, була Польша, та стала Вкраина,....
Ой чого-жъ вы до сей поры снопивъ не носылы?
Ой того-жъ мы не носылы, що росяна нива,....
Добри паны, добри паны,—добре й наробылы,
Де булы степы й дибровы—то все подилылы;
Ой де булы степы добри—то все стада ходятъ,
А де горы, та долыны,—тамъ хлиба не родять.
Добри паны, добри паны, добри й до роботы,
Якъ выженуть въ понедилокъ—робымъ до суботы....

Никита Джигирь, 88 лѣтъ. Кушугумовка, Александр. у., 5 Декабря 1887 г.

Сравн. *Костомарова,* Исторія козачества. „Русск. Мысль", Іюль 1880 г. стр. 60—61. (Ссылка на „Основу" 1862 г. II 98—99). „Кіевская Старина" 1882, II, 357 (Ив. Ив. Манджуры), 1888, XXI 19 (отд. „Документы, извѣстія и замѣтки").

61.

Життя наше, (2)....

Ср. *Кіевская Старина* 1882, II, 360 (Сообщ. Ив. Ив. Манджуры).

62.

Въ недиленьку пораненько уси дзвоны дзвонять,
Приказчыкы зъ отоманомъ снопивъ носыть гонять.
Ой роди-жъ вамъ печи топыть,
Идить въ поле снопивъ носыть!
Ой отаманъ съ приказчикомъ огни залывають,
А всихъ дочокъ зъ матерямы въ поле посылають.
Осталыся мали диты, та источкы просять,
А матери зъ батькамы та снопыкы носять.
Ще снопыкивъ не зносылы,—обидаты силы,
Колы глянуть позадъ себе,—ажъ приказчыкъ иде.
Ой покыньмо обидаты, та пидемъ носыты,
Бо якъ прыиде приказчыкъ—буде винъ насъ быты.

Федоръ Мих. Кнырикъ, дер. Языково (бывш. помѣщичья) Екатер. у., 30 Ноября 1888 г.

Ср. „Кіевская Старина" 1882, II, 358 (Ив. Ив. Манджуры).

63.

Ой я бидный сырота,...

Никита Никитовичъ Самарскій, 60 л. д. Краснокутовка, Александр. у., 28 Января 1891 г.

Сравн. „Кіевская Старина“ 1882 г. II, 360 (Сообщ. Ив. Ив. Манджуры).

64.

Петруня.

Пани влюбляется въ крѣпостного.

А.

Ой чы чулы вы, люды, а про того Петруню,
Шо убыто Петруню на Яловій могыли.
Не за велыку выну Петруню вбыто,
Ой бувъ винъ на панщыни, молотывъ жыто.
Ой прыихала вельможна до новои клуни,
Пытаеться отомана: „а чы тутъ Петруня?“
— Годи серце, Петруню, жыта молотыты,
Та поидьмо зо мною медъ, горилку пыты.
А у того вельможного та бувъ вирный слуга,
Та не пожаливъ винъ свого дорогого коня,
Тай побигъ догоняты свого пана.
Нагнавъ свого вельможного на Калыновимъ мосту:
— Ой верныся, панъ вельможный, есть въ вельможнои гости!
Якъ прыихавъ, панъ вельможный, а до свого двору,
Тай поставывъ стороженьку для свого спокою.
Ой якъ выйшла вельможная на пальчыкахъ тыхо,
— Тикай, серце Петруню,—буде тоби лыхо.
Якъ кынувся Петруня въ виконце тикаты,
Колы стоить стороженька—не можно и пересчитаты.
Якъ ударывъ, панъ вельможный, зъ громкои рушныци,—
Раздайтеся, разступиться горнычки свитлыци;
Якъ ударывъ, панъ вельможный, зъ громкого пистоля,
Та улучивъ винъ Петруню противъ серденька, стоя.
— Оце-жъ тоби, Петруню, та велыка дяка,
Визьмить слугы, та вынесить, видсиль якъ собаку;
Оце-жъ тоби, Петруню, за хорошу вроду,—
Плывы, плывы по бережку,—пый холодну воду.
Петрунына ненька по бережку ходе,
Вона ходе и голосе, били ручкы ломе,
Молоденькихъ рыбалочокъ жалибненько просе.
— Ой нате вамъ, рыбалочкы, пивтора злотого,
Та вытягнитъ мени сына, а хоть не жывого,

Ой нате жъ вамъ, рыбалочкы, горилкы напыться,
Та вытягнить мени сына, а хоть подывиться;
Ой нате вамъ, рыбалочкы, а срибную копу,
Та вытягнить мого сына—хоть гляну на вроду.
Вельможная пани въ викно поглядае,
До Петруненои неньки стыха промовляе:
— Ой колыбъ ты, стара маты, другого Петруню мала,
То я-бъ тебе, стара маты, срибломъ, златомъ обсыпала.
Петрунына ненька все плаче, рыдае.
Вона паню вельможную кляне, проклынае:
— Бодай же ты, вельможная, цего не диждала,
Шо ты мого одынчыка изъ свита зигнала.
На панщыну выряжала,—я все нымъ кохалась,
Прыйшла звистка несчастина, -я й не сподивалась.

Секлета Проценкова, 45 л. Кушугумовка,
Александр. у., 29 Декабря 1887 г.

Б.

Якъ поихавъ панъ вельможный къ Билому царю служыты,
А за нымъ пани вольможна не стала тужыты.
Сила вона съ Петрунею медъ, выно пыты.
Та була одна слуга у пана вирна, та все тее знала,
Та кучерямъ вирнимъ все те доказала.
Та не пожаливъ кучерь свого коня вороного,
Нагнавъ же винъ пана на Калыновимъ мости.
— Заверныся, пане, бо е въ пани гости!
— Не можно сему статься,—пани роду не такого,
Ой не зробе по викъ стыда оттакого,
— Якъ не правда, пане, моя буде,
То вдарете, пане, стрилою у груды,
— Якъ правда, хлопку, буде—велю коня осидлаты,
Та въ нарядъ тоби даты.
Ой заихавъ панъ вельможный съ пидъ сонця,
Сыдыть вельможная съ Петрунею край виконця.
Прыихавъ вельможный до своеи господы,
Та поставывъ на викнахъ сторожу, на дверяхъ запору.
Ой якъ кынувсь Петруня до викна тикаты,
Ажъ тамъ стороженька стоить кругомъ хаты.
Ой якъ крыкнувъ панъ вельможный на свои гайдукы:
— А берить, берить Петруню пидъ бокы й пидъ рукы.
Ой взялы, взялы Петруню пидъ биліи бокы,

Та вкынулы Петруню у Дунай глыбокый.
Оце-жъ тоби, Петруню, шо хороший вродывся,
Плавай, плавай на Дунаи, щей воды напыйся.
Якъ побигла вельможная та очеретамы,
Поздырала лыченько, нижкы позбывала,
Та все за тымъ Петрунею, шо вирно кохала.
Тай зострила рыбалочокъ молоденькихъ
— Ой нате вамъ, рыбалочкы таляра, золотого,
Та вытягнить Петруню хорошого молодого!
Ой якъ вытяглы Петруню—вода зъ рота льеться,
Молодая вельможная якъ горлыця бьеться,
А Петруненька стара ненька слизонькамы хлыпле,
Молодая вельможная червинцямы сыпле:
— Не плачь, не плачь не журыся, старенькая маты,
Буду жъ тебе, стара маты, сриблом, златомъ обсыпаты,
Ще й до самои смерты хлибомъ, силью годуваты.
— Бодай же ты, суко, цего по викъ не диждала,
Якъ ты-жъ мого Петруню изъ свита зигнала.

Евтихій Дворецкій, 90 л. Ново-Гупаловка, Александр. у., 26 Декабря 1885 г.

Сравн. *Костомаровъ*, Народ. пѣсни въ Маллорусск. литератури. сборникѣ Мордовцова. Саратовъ 1859 г. стр. 201. *Чубинскій*, Труды, т. 5, стр. 1017 и 1069; „Кіевская Старина“ 1882 г. т. II стр. 362. (Варіантъ записанъ И. И. Манджурою въ Александровскомъ уѣздѣ), *Головацкій*, I, 62—64.

Рекрутскія.

65.

По за яромъ, яромъ
Пшеныченька ланомъ,
А шо тую пшеныченьку
Дивчиненька жала,
Вона тому парню
Всю правду сказала:
Оце-жъ тоби, парню
Тры дорогы ризно:
Шо перва дорожка—
Блызька до прыему,
Шо друга дорожка—
До Синего моря,
Шо третя дорожка
Орелъ воду носе.—
Орелъ воду носе,
Парень пана просе:
Пусты мене, пане,
Съ прыему до дому,
Не вручивъ дивчыны,
Не вручывъ никому;
А хоть и уручу—
Самъ за нею скучу:
Вона заговоре—
Якъ у дзвинъ задзвоне,
Вона засміеться—
Дунай разильеться.

Агафья Графская 17 лѣтъ. Д. Кушугумовка, Ал. у., 12 Сентября 1891 года.

66.

Шо вчора зъ вечера
Зійшовъ мисяць, щей зоря,
Прыйшовъ соцькый до двора,
Громадоньку зобира,
Некрутыкивъ вы́бира.
Та выбралы некрутця
Сиротыну молодця,
Та повезлы некрутця
Ажъ до панського дворця.

Выйшла пани, выйшовъ панъ:
— Здрастуй сырота коханъ!
— Ой здрастуйте вы паны,
Вы прискурвіи сыны! (2)
На що сыроту взялы, (2)
Чомъ не бралы богача?
Богачъ гроши постача,
А сырота отвича...

Записана отъ партіи рекрутъ. Конскіе раздоры, Александр. у. Ноябрь 1879 г.

67.

Ой зачула парня доля,
Що не буты парню дома,
А буть ему у неволи,
У некрутскому набори (2).
У зализахъ, у закови,
Молодому козакови.
Скоро парень догадався,
По вулыцямъ не шатався,
До дивчыны заховався.
Ой дивчыно, мое сердце,
Сховай мене пидъ ряденце;
Ой дивчино, моя душко,
Сховай мене пидъ подушку;
Ой дивчыно, моя галко,
Сховай мене колы жалко.
Дивчынонька заховала,
Та никому не сказала.
Сусидоньки якъ узналы
Отаману доказалы,

И громадоньку зибралы,
Кругомъ хату обступылы,
Дивци дверы разломылы,
И некрутыка вловылы,
И вловылы, закувалы,
Назадъ рученькы звъязалы,
Посадылы у задочокъ,
Самы силы въ передочокъ.
И коныкивъ поганяють,
На некрута поглядають;
Шобъ коныкивъ не втомыть,
Некрутыка не впустыты.
Якъ привезлы до пріему,
Тамъ сказалы шо „лобъ ему“!
— Ой кудри мои чорнявіи,
Васъ матуся выкохала,
А дивчына завывала,
До серденька пригортала.

Партія слобожанъ—рекрутъ. Александровскъ, 19 Ноября 1887 г.

Ср. *Чубинскій*, Труды, т. V, стр. 988. *Баллина*, Украінскі пісні, стр. 59. *Максимовичъ*. 1834 г., стр. 159.

68.

Выйду я на могылу,
Та гляну я на долыну,
А въ тій долыни
Сады зеленіи,

Помежъ тимы садамы,—
Дорижкы лежалы,
Помежъ тимы дорижкамы—
Все кузни стоялы,

А у тихъ же у кузныцяхъ
Ковали кувалы.
Воны кують и тортують—
Все биле зализо,
Воны кують и гартують
Кайданы готують.
Чы на вора, чы на злодія
А чы на разбойнычка,
Чы на того сыротыну,
Вдовыну дытыну?
Грошкы погодывше,
Ведуть уловывше,
Назадъ рученькы звязалы,
А ниженькы искувалы.
— И сюды гляну,
И туды гляну,—
Нихто не заплаче,
Тико плаче и рыдае
Шо ненька старенька,
Вона плаче и рыдае
И сусидовъ проклынае:
— Вы судиды, вы блызькіи,
Шо вы сее давно зналы,
А мени не сказалы,
Тико вы тоди сказалы,
Якъ у рукы взялы.
Назадъ рученькы звязалы,
Ниженькы скувалы;—
Та повелы передъ паны—
Кайданы опалы,
Ударылы, вражи паны
Объ полы рукамы.
Десь у тебе, козаченьку,
Отець, маты жыва,
Бога просять, а шобъ тоби
Хортуна служыла.
— Ой служыла, хортунонька,
Моему отцеви,
А теперъ нехай послуже
Й мени молодцеви.

6 Декабря 1887 г., д. Кушугумовка, Александр. уѣзда. Записана отъ Авксентія Орла.

69.

Стоить явиръ надъ водою....

Ср. *Чубинскій* Труды V, стр. 958, 992, 1018 г. варьянтъ А. и Б. *Закревскій*, I, стр. 43.

70.

Розвывайся сухый дубе....

Сравн. *Чубинскаго*, Труды т. V стр. 938, 994. 110 (239), 294 (581), 299 (591). *Метлинскій* 21—23. *Баллиной* Украінскія пісні Спб. 1863 г. стр. 29, 44: „Кіевская Старина" 1882, II, 361. (Изъ собр. Ив. Ив. Манджуры).

71.

Козакъ орлыка пытается
Ой чимъ поле украшается.
Чы горамы, чы долынамы,
Чы высокимы могиламы?
Черезъ гору шляхъ—дороженька [лежыть,
Шырокая прыубытая,
Чорнымъ шовкомъ перевытая,
Слизонькамы прыулытая.
Туды нихто не проходе, не пройде,
Тико ишовъ новобранный наборъ,
Попереду охвецеръ молодый...

3 Іюня 1886 г., д. Письмечева Екатеринослав. у. Записана отъ Ганны Уласов. Шевченко.

Ср. *Чубинскій*, Труды V, 975.

72,

Ой загувъ, загувъ голубонько рано на зори,...

Ср. *Чубинскій*, Труды V, ч. II стр. 499 (113 А.—Д.).

73.

Не жаль мени ни на кого,
Якъ на неньку старенькую,
Шо вона мене не ожынила,
Та на службу спорядыла
Не жаль мени ни на кого,
Якъ на братика ридного,
Шо купывъ коня вороного,
Та пидъ мене молодого.
Не жаль мени ни на кого,
Якъ на сестрыцю ридную,
Шо вона мене выряжала,
И солдатыкомъ назвала.
Не жаль мени ни на кого,
Якъ на сусидивъ блызькихъ,
Шовоны зналы якъ наборъ бралы.
А мени правды не сказалы.
Не жаль мени ни на кого,
Якъ на коня вороного,
Шо занисъ мою головоньку,
У чужый край-стороньку.

Аксинья Максимова Кнырычка, 50 л. Федоровка (Языкова), Екатер. у., 29 Ноября 188[illegible]

74.

Ой, ты зима, ты зима,...

Сравн. *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни 1834 г. стр. 157.

ЧАСТЬ II.

Любовь, доля.

1.

Козаку не спится—проситъ мѣсяца освѣтить дорогу до двора милой.

А.

Вар. А тожественъ съ напечатан. въ V т. „Трудовъ" *Чубинскаго*, с. 36 № 85.

Слѣдующіе затѣмъ варіанты разнятся окончаніемъ послѣдняго четырехстишья:

Б.

Свите мисяцъ, свите ясный,
А ще й ясная зоря,
Бидна жъ моя головонька
Чужа, дальня сторона.

„Писня стародавня.... Козакъ парубкуе на чужій сторони и могорыче товарыша, шобъ нараявъ дивчыну".

Лоцманъ Осипъ Шевченко, 65 л. С. Старые Кайдаки, Екатер. у., 31 Мая 1875 г.

В.

Свите мисяцъ, свите красный
Зійшла ясная зоря
Гуляй, гуляй козаченьку
Поки воленька твоя.

Дѣдъ Авксентій Орелъ, Кушугумовка, Александр. у., 14 Ноября 1891 г.

Г.

ійшовъ мисяць, зійшовъ красный
ійшла красная зоря
овго, довго козаченька (2)
Тай на улыцю нема (2)
Десь мій мылый чорнобривый
И зъ иншою розмовля.

Василиса Біантовская, 60 лѣтъ, с. Андреевка, Александр. уѣзда.

2.

ловей потерялъ голосъ черезъ „кохання". Козакъ проситъ атамана перевести коня, перести збрую, за что обѣщаетъ выдать за него сестру. Вопросъ дивчины и отвѣтъ козака, почему у него сорочка не бѣлая.

оловей маненькый,
олосокъ тоненькый,
ому не спиваешь,
ому не щебечешь
а зори раненько?
й якъ мини рано щебетаты—
олосу немае,
отерявъ я та свій голосочокъ
ерезъ розумочокъ,
ерезъ тее, враже кохання,}
ерезъ женыхання.
о сынему морю хвыля рыбу носе,
олоденькый, бравый козаченько,
тамана просе.
тамане, вирный товарышу,
вольны мою волю!
ереведы коня вороного,
Перенесы зброю (2),
Есть у мене сестра менша мене,—
Буде за тобою.
Ой вчора субота,
Сегодня—недиля,
Чомъ у тебе, молодый козаче,
Сорочка не била?
— Хочь била, не била—
Нема никому дила,
Та вже-жъ тому четверта недиля,
Якъ ненька надила.
— Перебреду Дунай быстру ричку,
Стану на писочку,
Та выперу тому козакови
Штаны ще й сорочку (2).
Сватай, сватай, молодый козаче,
Отецькую дочку.

Палажка Смоливна. С. Веселое на Конкѣ, 1885 года.

Сравн. *Мордовцевъ*, Малорусск. литер. сборн. стр. 252, *Чубинскаго*, V, 23, № 61, 938 № 11.

3.

Козакъ и конь.

А.

Мать не позволяетъ сыну жениться. Размова съ конемъ. Воспоминанія.

Дубъ на березу верхомъ похылывся,
А сынъ матусенци въ ногы поклонывся,
— Ой ненько-жъ моя, чомъ не женешъ мене?
— На шо тебе, сынку, молодымъ женыты,
Лучше тоби, сынку, коныка купыты.
— Купы-жъ мени, маты, коня вороного,

А на конычenька—збрую золотую,
Прыйде темна ничка—промовлю до его.
Ой коню-жъ мій, коню вороненькый,
Чого стоишъ въ станочку смутненькый?
— Шо ты куда идешъ—корчмы не мынаешъ,
Мене, вороного, до стовпа прывьяжешъ,
Я-жъ сырую землю по колина выбью,
Покы тебе, молодого, изъ корчомкы вызву.—
Козаченько спывся,—сыльно зажурывся,
Вороному коню на грыву схылывся.
— Ой коню-жъ мій, коню, запродамъ я тебе,
Запродамъ я тебе—далеко видъ себе,
Туркамъ, та татарамъ, молодій шынкарци,
За медъ, за горилку, за хорошу дивку.
— Ой пане-жъ мій, пане, не продавай мене,
Не продавай мене, подумай объ мене,
Якъ мы утикалы балкамы, ярамы,
Крутымы горамы по надъ берегамы,
По надъ берегамы, по подъ Синемъ моремъ,
Якъ я-жъ, пане, схочу—море перескочу,
Срибныи копыта въ водыцю не вмочу,
А ни копыточка, а ни стременочка,
Ни полы каптана, а ни тебе пана.

Василиса Біянтовская, Андреевка н
Днѣпрѣ, Александр. у. 24 Априля 1885 г

Б.

— Ой часъ пора маты сына оженыты,
Прыйде ничка темная,—ни съ кымъ говорыты.
— Та на тоби сынку рубля золотого,
Та пиды-жъ ты, сынку, до торгу нового,
Купы соби, сынку, коня вороного,
Поставъ у станочокъ—говоры до его.
— Та говорывъ я ничку, говорывъ я другу,
На третюю ничку—мій кинь не говоре,
До сырои земли—голивоньку клоне,
Ой коню-жъ мій, коню, чомъ ты не говорышъ
До сырои земли голивоньку клонышъ?
Чы я тоби тяжкый, чы я тоби важкый?
— Ты мени не тяжкый, ты мени не важкый,
Тяжкіи, важкіи вечерныци твои.

Черезъ поле идешъ—тай не попасаешъ,
Черезъ воду идешъ—тай не напуваешъ,
До шынку прыидешъ—до стовпа прывяжешъ,
Шо я сыру землю по колина выбью,
А поки жъ я тебе та изъ шынку вызву.
— Ой коню-жъ мій, коню, продамъ же я тебе,
Ой продамъ же тебе—далеко видъ себе,
Въ недиленьку вранци—молодій шынкарци.
— Ой пане-жъ мій, пане, не продавай мене,
Ой якъ же я схочу—Дунай перескочу,
Дунай перескочу—пидковокъ не вмочу,
А ни твого каптанця, ни чобота сапьянця.

Агафья Саенкова Покровское, Александр. у. 12 Января 1886 г.

В.

Та добре-жъ тоби, пане, сыдить съ чарочкамы,
Мени трудно, нудно брязчать уздечкамы,
Та добре-жъ тоби, пане, въ подушкахъ лежаты,
Мени трудно, нудно биля кола стояты.

Никита Джигирь, 88 л. Кушугумовка, Александр. у. 29 Декабря 1887 г.

Сравн. *Максимовичъ* 1834 г. стр. 160; *Антоновичъ* и *Драгомановъ* т. I стр. 271, 272; *Чубинскій*, V, 868—872.

4.

Козакъ заставляетъ шинкаркѣ коня. Розмова.

Ой за гаемъ, гаемъ зелененькимъ,
Тамъ ходе, гуляе козакъ молоденький,
Винъ крычыть, гукае:—подай перевозу,
Подай перевозу,—я перевезуся,
Пиду до шинкарькы горилкы напьюся.
Шинкарочка мыла, усыпъ меду, вына,
Усыпъ меду, вына—горилкы пивъ видра;
Беры на заставу коня вороного,
Коня вороного, всю збрую на его.
— Не велила маты заставонькы браты,
А велила маты тебе роспытаты:
А чы ты жонатый, чы ты не жонатый
А якъ ты жонатый,—одъижжай до дому,
А якъ не жонатый—то ночуй зо мною.
— Якъ мени, дивчыно, съ тобой ночуваты,
Есть у мене батько, щей ридная маты,
Есть у мене жинка, щей диточокъ двое,
Щей диточокъ двое—чорняви обое,
Тай не прыгорнеться серденько мое,
Хочъ ты и горныся,—такъ я не горнуся,
Хочъ ты поцилуешъ,—такъ я одвернуся.

Авдотья Быкова, 40 л. изъ с. Малой Михайловки, Александр. у. 22 Ноября 1888 г.

Сравн. *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни 1834 г. стр. 32,

5.

Орлы говорятъ о разлукѣ. Дивчина вспоминаетъ козака и ожидаетъ возвращенія изъ Запорожья.

Первыя 18 строкъ повторяютъ пѣсню *Чубинскаго* V стр. 1020—1021 № 133.

А у броду, броду,
Брала дивчына воду,
Вона стала й погадала,
Якый козакъ бувъ на вроду.
Чы винъ такый хорошый,
Чы винъ такый здався,
Ой якъ ишовъ въ Запорожжя—
Винъ зо мною не прощався.
Хоть винъ не прощався,
То винъ за те прощенъ буде,
Якъ живъ буде—въ осены прыйде
То винъ мене не забуде.

Дѣды Авксентій Орелъ и Никита Джигир
Кушугумовка, Александр. у., 29 Декабря 1887 г

Сравн. *Метлинскій*, стр. 364. Варьянтъ сходенъ только по началу. *Чубинскій*, V, 102

6.

Козакъ въ неволѣ. Паны дѣлять имущество козака.

Ой въ городи, та въ Катерынодари, въ велыкому замку,
Ой сыдыть козакъ, сыдыть на прыкови, за Галюту коханку.
Ой сыдыть козакъ, сыдыть на прыкови, важенько здыхае,
А биля его Галютонька бровамы моргае,
— Ой перестань, сердце Галютонько, бровамы моргаты,
Нехай же я перестану тяженько здыхаты.
— Ой ще жъ насъ, серденько козаче, тай не зловылы,
А вже-жъ нашу всю худобоньку тай на паны роздилылы:
Отаманови коня вороного, осаулови зброю.
— Мандруй, мандруй Галютонько, въ Варшаву зо мною.
— Ой рада-бъ я, серденько козаче, съ тобою мандруваты,
Есть у мене отець, ридна ненька, будуть проклынаты.
— Ой нехай лають, проклынають, воны-жъ мене не научать,
А съ тобою, серденько козаче, повикъ не розлучать.

Палагея Косьяненко, Мало-Михай-
ловка, Алекс. у. 1885 г.

См. Вар. въ *Сборн.* Харьк. истор. филол. общ. 1893, V 134.

7.

Дѣвушка посылаетъ козаку упрекъ въ невѣрности. Козакъ велитъ посадить у воротъ вербу и застлать „килимами“ дворъ. Дѣвушка выражаетъ обиду.

Ой за яромъ, яромъ пшеныченька ланомъ, въ долыни овесъ,
Не поправди, молодой козаче, зо мною живешъ.
Ой якъ прыйде вечеръ, вечеръ-вечерочокъ, до иншой йдешъ,
А до мене стыха-помаленьку голосъ подаешъ.
Ой посады мыла, голубонько сыва, край воротъ вербу,—

Куда я йтыму, куда ихатыму—до тебе зайду,
Та до тіи вербы, вербы зеленои, коня прывьяжу.
Уже-жъ я садыла, уже-жъ я полывала, не прыймается,
Кого я любыла, вирненько кохала—не прызнается.
Ой застелы мыла, голубонька сыва, кылымамы двиръ,
А шобъ не покалявъ я сапьяннихъ чобитъ, золотихъ пидкивъ.
Ой шобъ же ты, распревражый сыну, цего не диждавъ,
Шобъ ты мои червони кылимы пидъ ногы топтавъ.
Мени матинька наткала столы застелать,
А не тоби, распревражый сыну, пидъ ногы топтать.

Ганна Шевченко, 17 л. Д. Письмачевка,
Екатер. у., 3 Іюня 1886 г.

8.

Мать прокляла дочь „малою дытыною“.—Козакъ перестаетъ любить.—Обои заболѣваютъ.—Дѣвушка велитъ похоронить ее съ козакомъ.

Ой Боже, Боже, съ такою годыною,
Прокляла ненька малою дытыною,
Не буде жыття зъ вирною дружыною;
Занесы, Боже, кого я люблю дуже,
А хоть не его, хоть товариша его,
Роспытаюся про здоровьячко его.
„Дивчино моя, якъ до тебе ходыть
Черезъ облогы, черезъ густи ловы?“
Облылы дивку все дрибніи слезы.
Якъ мы любылысь—тры годы и тры [недили,
Теперь розійшлысь—обое похворилы.

Ой козакъ лежыть въ зеленій [диброви,
Дивчына его—у батька въ комори.
Ой якъ задзвонять вси звоны въ [собори,
Послухай маты, чы не по казакови;
Якъ по козакови, то давай маты, [знаты,
Якъ будуть несты—наряжай и [мене маты;
Та клады, маты, до купы головамы,
Шобъ нашу любовь та на тимъ [свити зналы.

Федора Балычина, Секрета Клименкова, Катря Костенкова, Самило Кыщенко и Федиръ Кужушный (замужнія и женатые), Кушугумовка, 14 Ноября 1891 года.

9.

Ласковый козакъ на слова, да иная думка... Раскаяніе и похвалки обманутой дѣвушки.

Ой ты дубе кучерявый,
Самъ лыстомъ кудрявый,
Славный козакъ дохожалый,
Словамы ласкавый.
Слова-жъ твои ласкавіи,
А иншая думка,
Покы тебе не любыла,—
Гула якъ голубка.
Гула, гула буркотила,
Знялась полетила.
Якъ летила—говорыла:
Горе мени, горе,
Утопыла головоньку
Въ безоднее море.
Утопыла, умочыла—
Треба росчесаты,
Съ кымъ любылась,
Розлучылась,—

Треба забуваты;
Съ кымъ не зналась,—
Повинчалась,
Треба прывыкаты,
Якъ пиду я въ чысте поле
Доленькы шукаты,
Та не найшла счастья, доли,
Найшла кубелечко.
Оце-жъ тее кубелечко,
Шо утка несеться,
Ой чула-жъ я черезъ люды—
Вражій сынъ сміеться,
Смійся, смійся вражый сыну,
За смихъ тоби буде,
Якъ дамъ тоби напытыся
Такъ смерти не буде.
Якъ дамъ тоби напытыся—
Люды не знатымуть,
Не я-жъ тоби даватему—
А дасть моя титка,
Изсохнешъ ты, изовьянешъ,
Якъ рожева квитка.

Дивчата—Зинька и Надежда Столяцкини
Д. Игнатьевка, Екатер. у., 2 Іюня 1886 г.

Второй, во всемъ сходный съ предыдущимъ варіантъ, заканчивается короче.

...Утопыла, умочыла
Треба росчесаты
Уже-жъ моій головонци
По викъ не зрынаты.

Авдотья и Палажка Самарскія, Д. Красно-кутовка, Александр. у., 15 Сентября 1889 г.

См. ***Чубинскій,*** **V, 13, № 34.**

10.

Козакъ шлется съ старостами и получаетъ отъ дивчыны совѣтъ заслужить „пару коней, ще й пару жупанивъ“.

Ой посіявъ козакъ жыто тай по надъ горамы,
Витеръ віе, сонце гріе, жыто половіе,
На козака худа слава—робыты не вміе.
Ни робыты, ни прыбыты, жаты не нагнеться,
А до тіи чорнявои съ старостамы шлеться.
— А хоть шлыся, хоть не шлыся--пиды въ сичь наймыся,
Та заслужы пару коней, щей пару жупанивъ,
Тоди шлыся до дивчыны, де шыти рукава.
Ще й рукава, рукавьята, у поляхъ мережка,
А до тіи чорнявои утоптана стежка.
Топтавъ, топтавъ козаченько, та взявъ запечатавъ,
Булы таки, вражи попы, тай роспечаталы.
Булы таки добры люды—дивку посваталы.
У козака ажъ дви мысли—блызька й далека.
Та шо блызько—ходыть нызько, де далеко—легко.
Богатая—губатая, а ше и къ тому й пышна,
Убогая—хорошая за ворота выйшла.

Палажка Онищенкова, 18 л. Дер. Веселы, Мелит. у., Таврич. г., 12 Мая 1885 г.

11.

Козакъ въ раздумьѣ поитъ коня и вспоминаетъ о милой. Писать ли листы, или ѣхать. Ѣдетъ и узнаетъ, что милая полюбила другого. Козакъ бросаетъ милую въ Дунай.

Ой у лиси, у лисочку,
На жовтимъ писочку,
Вода протикае,
Козакъ коня напувае,
Думае й гадае:
— А чы мени женытыся,
А чы мени журытыся,
Чы лысты пысаты,
До дивчыны слаты,
А чы коныка сидлаты,
Самому ихаты?
Ой прыихавъ мылый
До мылои въ гости,
А въ мылои, мыленькои
Весь двиръ на помости.
— Та доровъ, доровъ мыла,
Мыла чорнобрыва,
Ой для кого мыла,
А ци мосты намостыла?
— Ой для того, мылый,
Мосты намостыла,
Шо я его вирненько любыла.
Та взявъ мылый мылу
За биліи бокы,
Тай укынувъ мылу
У Дунай глыбокый.
Плывы, плывы мыла,
Уплынь за водою,
Та уже-жъ мени, мыла,
Не жыты съ тобою.
Якъ выплывешъ, мыла,
На жовтый писочокъ,
Подай, подай мыла,
Стыха голосочокъ;
Якъ выплывешъ, мыла,
На тыхіи лукы,
Та подасы, мыла,
Хоть правую руку.

Мокрина Берестенкова, 40 л. Кушугумовка,
Александр. у., 20 Апрѣля 1885 г.

12.

Козакъ пьетъ и жалуется, что родился безъ счастья—доли. Идетъ искать доли, находитъ море и потопаетъ. Милая проситъ рыбаковъ вытянуть и похоронить въ зеленомъ саду.

А чы моя недоленька, чы мое нещастя,
А чы мени поробыла шынкаронька Настя.
Шо сивъ запивъ, шо сивъ зажурывся,
Шо безъ щастя безъ доленьки козакъ уродывся.
Та уродыла мене маты въ зеленому жыти,
Та не дала щастя, доли якъ у свити жыты.
Уродыла мене маты въ зеленій диброви,
Та дала мени станъ хорошій щей чорніи бровы.
Та було-бъ тоби, моя маты, сихъ бривъ не даваты,
Та було-бъ тоби, моя маты, щастя, долю даты.
Пишовъ козакъ, пишовъ бурлакъ доленьки шукаты,
Та не найшовъ щастя,—доли, найшовъ Сине море.
Въ Синимъ мори бурунъ грае, козакъ потопае,
Червоною хустыною на берегъ махае.

Нихто его не ратуе, ни батько, ни маты,
Тико его мыленькая выйшла ратуваты.
Та пишла его мыленькая по надъ бережкамы,
Та зустрила рыбалочокъ съ тремя неводамы.
Рыбалочки, голубчыкы, ввольнить мою волю,
Та роскынте тонкій неводъ по Сынему морю,
Рыбалочкы, голубчыкы, нате копу грошей,
Та вытягнить мыленького, якый винъ хорошый;
Ой нате вамъ, рыбалочкы, та хоть золотого,
Та вытягнить мыленького, а хоть не жывого;
Ой нате вамъ, рыбалочкы, горилки напыться,
Та вытягнить мыленькаго, а хоть подывыться.
Тягнуть, тягнуть до берега,—вода зъ рота льеться,
А мылая по бережку якъ горлыця бьеться.
Ой нате вамъ, рыбалочкы, лянную сорочку,
Поховайте мыленького въ зеленимъ сядочку.

Дѣдъ Кузьма Лутай—Бойченко. с. Вознесенка, Александр. у. 18 Мая 1875.

Сравни *Метлинскій*. Народ. южно-рускія пѣсни, стр. 461. *Валлина* Украінскія пісні, стр. 17, *Чубинскій* V 267 № 524.

13.

Дѣвушка, желая выйдти за Сербина, отравляетъ брата.—Сербинъ отказывается. Дѣвушку берутъ въ острогъ.

Малорусскіе и др. сходные вар. см. въ статьѣ Н. Ѳ. *Сумцова* въ Кіев. Стар. 1893. № 11.

14.

Козакъ проситъ рейментаря отпустить домой. Рейментарь грозитъ кандалами. Козакъ проситъ заковать у шинкарьки въ хатѣ, гдѣ дивчина козака. Розмова съ дивчиною.

У недиленьку пораненько а сонечко сходыть....

См. *Головацкаго* I стр. 16 и 29; ср. № 21 (о Коржѣ).

15.

Козакъ и дѣвушка. Розмова. Потеря вѣнка (чести).

Ой у поли тры дорижкы ризно....

Сравн. *Чубинскій*. V, 150, 151, 413; *Мордовцевъ*. Малорусск. литературн. сборникъ, стр. 244 и 331. (Пѣсни собр. *Костомаровымъ*), *Сборн*. истор. филол. общ. 1893 V 153.

16.

Козакъ—обольститель. (Вдовинъ сынъ).

Тыхо, тыхо Дунай воду несе,....
— Теперь же я не дивка, не жинка,
Теперь же я безсчастна мандривка;
Теперь же я въ батка не дытына,—
Послухала вдовыного сына.
Теперь же я изъ мосту та въ воду,
Уповала на казацьку вроду.

Мокрина Берестенкова. Кушугумовка, Александр. у. 20 Апрѣля 1885 г.

Ср. *Чубинскій*. V, стр. 337 (661), 342 (669). *Метлинскій*. Народ. Южно-русск. пѣсни

стр. 14. *Записки* Юго-Запад. отд. И. Р. Географ. Общ. II, 425. *Мордовцевъ* Малоруск. литер. сборникъ, стр. 332. (Пѣсни собр. Костомаровымъ). *Сборн.* Харьк. ист. фил. общ. 1883 V 151.

17.

А.

Воспоминаніе о крѣпостномъ правѣ. Братъ покупаетъ сестру.

Ой ишовъ козакъ зъ Дону,
Та зъ Дону до дому,
Та до свого пана—дивкы купуваты;
Торгуе, купуе у пана дивчыну,
Дае винъ за неи—двадцять пьять [червонцивъ,
А за іи мову—коня вороного,
А за іи косу—всю збрую на его,
А за іи лычко—дае сиделечко,
А за іи вдачу—цилую тысячу.
Ой взявъ винъ дивчину за билую [руку,
Та повивъ винъ іи ажъ у Турещыну,
А изъ Турещыны та у Нимещину,
Та прививъ дивчыну до билои хаты,
Заставивъ винъ іи билу постиль [слаты.
Дивчынонька стеле, тай перебывае,
Тай перебывае—тяженько здыхае.
— Та чего-жъ, ты, дивчино, такъ важко здыхаешь,
Лыбонь ты, дивчино, родыноньку [маешъ?
Ой е въ мене роду—три братикы [зроду,
Одынъ въ Турещыни, другый въ Нимещыни,
А третего маю де—й сама не знаю.
— Ты-жъ мени, дивчыно, не вирна [дружына,
Ты-жъ мени, дивчыно—ридная родына.
— Булобъ тоби, брате, за ручень[ку не браты,
Булобъ тоби, брате, впередъ роспытаты.

Агафья Саенкова. Покровское, Александр. у. 12 Января 1886 г.

Б.

Ишовъ козакъ изъ Дону до дому...
Та взявъ винъ дивчыну за билу ру[чыну
Та повивъ дивчыну ажъ у Турщыну,
Та велыть дивчыни свитлечко сви[тыты,
Вечерять даваты билу постиль сла[ты,
Дивка постель стеле щей перебывае,
Дрибнымы слезамы постиль прылы[вае.
— Чогожъ ты, дивчыно, плачешъ и [рыдаешъ,
Хиба-жъ ты, дивчыно, родыны не [маешь?
— Тико у мене роду—два братикы [зроду,
Та и тихъ я не знаю де воны блу[кають.
Шо старшого брата—паны запро[далы,
А меньшого брата—въ салдаты от[далы,
— Хибажъ ты, дивчыно, та цего не[знаешь,
Шо якъ мене маты зъ дому выря[жала,
То тебе маненьку на рукахъ дер[жала,
На рукахъ держала, плакала й ка[зала:
„Иды, иды сынку въ чужу сторононьку,
Та не забудь, сынку, про цюю дытынку.

Елисавета Легезина. Вербова, Алекс. у., Декабрь 1885 г.

18.

Братья и сестра.

Братья идутъ въ разбойники.—Сестра блуждетъ въ лѣсу, встрѣчаетъ разбойниковъ и проситъ указать дорогу.—Братья оставляютъ ее въ лѣсу и послѣ разспросовъ узнаютъ.—И братья и сестра зацвѣли цвѣтами (кровосмѣшеніе).

А.

Жыла вдова на Подоли,....

Поясненіе. Колысь то диты не вжывалысь дома: було паны або ляхи заберуть, то воны повтикаютъ и пидуть въ разбой; до дому уже и не показуються. Такъ и у ціи вдовы: сыны булы въ разбои, а дочкы поросли безъ ихъ. Ото шо дивка найшла въ лису разбой—то іи ридни браты. Воны зъ нею малы грихъ.... Якъ роспыталысь посли,—пишлы воны и зацвилы квиточкамы: сестра сыненькымъ, а братикы жовтенькымъ. Цихъ квиточекъ и теперь есть богато по плавняхъ и степахъ; ихъ звуть у насъ „Браткы" (Viola tricolor).

Дидъ Арсеній Черноволъ, 97 л. Тамъ-же.

Б.

Тѣ же братья потуречились и та же встрѣча съ сестрою въ лѣсу.

Жыла вдова на Подоли...
Огонь горыть—туркы сыдять,
Туркы сыдять—кашу варять,
Кашу варять—дивку манятъ...

Поясненіе. Братывъ взяла видъ матери Орда, якъ ще булы маленькимы. Выpослы воны, потуречылысь, а потимъ змовылысь и повтикалы въ разбой. Въ лиси воны пизналы сестру, роспыталысь и вывелы на шляхъ. „Иды-жъ, кажуть, сестро, та не хвалыся никому, шо мы ховаемось".

Агафья Саенкова 52 л., с. Покровскаго,
Александр. у., 28 Іюня 1888 г.

Сравн. *Записки* Юго-запад. Отдѣла географическаго Общества. Кіевъ 1874 г. т. II, стр 543. *Zbiór Wiadomosci* do antrop. kraj. VIII, 166. *Kolberg*, Pokucie 32, 33, *Erben* 483.

19.

Братъ и сестра.

Братъ женится на сестрѣ. Родство обнаруживается послѣ брака.

Шинкарочка молода,
Усыпъ меду щей вина...

Сравн. *Антоновичъ* и *Драгомановъ*, т. I, стр. 275, 280, варіанты А—Д. *Чубинскій*, V, 201 (407); 888 (458), 917, варьянтъ 485, А—З; 921—927, А—К. *Мордовцевъ*, Малорусск. литер. сборникъ 1859, стр. 234. (Изъ собранія Н. И. Костомарова).

20.

Еще братъ и сестра.

Вдова относитъ дѣтей на Дунай и ихъ спасаетъ корабль. — Черезъ 20 лѣтъ братъ женится на сестрѣ.

Жыла, жыла удова....

См. *Чубинскій*, V, 201, 888—889; *Головацк.*, I, 45, 73; II, 577; *Kolberg*, Pokucie II, 29—37; *Антон. и Драг.*, I, 275; *Zbiór Wiadomosci*, VIII, 167; *Шеинъ*, (бѣлорусск. п.) 142, *Kolberg* Lud I, 217.

21.

Женатый козакъ влюбляется въ дивчину и убиваетъ жену; Дѣти сироты,—козакъ въ кандалахъ.

Ой ясненько сонечко сходе,
А хмарненько заходе. (2)
Що жонатый право до дивчины,
Що вечера ходе. (2)
Ой не ходы козаче до мене,
Бо уже-жъ ты жонатый: (2)
Есть у тебе, молодый козаче,
Щей жинка молодая, (2)
А ще къ тому, молодый козаче,
Щей дытына малая; (2)
Ой якъ будешъ до мене ходыты,
То убый свою жинку. (2)
Пріобнявши козакъ головоньку,
Тай пишовъ додомоньку, (2)
Пріобнявши свою сердешную,
Тай почавъ жинку быты: (2)
Годи тоби, моя мерзавая,
На цимъ свити жыты: (2)
Черезъ тебе, моя мерзавая,
Нельзя до дивкы ходыты. (2)
Якъ ударывъ у правее ухо—
Вона, молода, подалася, (2)
По всій хати, (2) ще й кимнати,
Кровъ горяча розлылася. (2)
Сусидочкы, мои голубочкы,
Ой вы добріи люды, (2)
Накажите моій матусенци
Хай до мене прыбуде. (2)
Прылынула а ненька старенька,
Стала стыха до виконця, (2)
Лежыть іи дочка, Галюточка,
Якъ яснее сонце. (2)
Дочко-жъ моя, дочко Галюточка,
Ой шо-жъ це ты наробыла, (2)
Ой усю-жъ хату, хату щей кимнату,
Щей усю-жъ искровыла; (2)
Своихъ дитокъ, дитокъ маненькихъ,
Всихъ посыротыла; (2)
Свого мужа, мужа ревнывого.
Въ кайданы забыла.

Челядь: Катря Костикова, Секрета Клименкова, Федора Балычина, Самило Кищенко и Федоръ Кожушный (замужнія и женатые). Д. Кушугумовка, 14 Ноября 1891 г.

22.

Мать женила сына противъ желанія, не полюбила невѣстки и научаетъ бить.—Сынъ убиваетъ жену.

По бережку витеръ хвылю гоне,
Маты сына женыться неволе,
Маты сына неволею оженыла,
И сусидамъ невисточку осудыла.
„Сонлывая, дримлывая невистка моя,
Та ще къ тому не вміе робыты,
До мого сына говорыты".
Ой ты маты, порадонця въ хати,
Та порадь же, маты, чымъ мылу катыраты?
Ой на, сынку, рубля золотого,
Пиды, сынку, до торгу нового,
Купы, сынку, коня вороного,
Дротяну нагайку, волосяни вижкы,
Зъяжы своій мылій и ручкы и нижкы.
И бый свою мылу зъ вечера до ранку.
Шо зъ вечера—нагайка шумила,
А въ пивночы—мыла голосыла,
А до свита—мыла околила.
Лежыть мыла—якъ бомага сыня,
Пидъ нею постиль—якъ калына,
Стоить мылый—якъ бомага била.

Ой ты маты, порадныця въ хати,
Порадыла же мене, чымъ мылу ка-
[раты,
Теперь порадь, маты, де мылу ди-
[ваты?
— Ой зирвы, сынку, въ комори
[мистынку,
И тамъ сховай, сынку, чужую ды-
[тынку.
Сидлай, сынку, коня вороного,
Та тикай сынку, въ чужу сторо-
[ньку.
— Ой не такъ, маты, чуже дитя
[ховаты
Треба, маты, громаду збираты,
Чуже дитя ховаты.
Ой уже жъ мини, моя маты,
Острога не мынаты.

Ганна Уласов. Шевченко, 17 л. Д. Писмачевка, Екатер. у., 3 Iюня 1886 г.

Ср. *Баллина*, Украiнски пiснii стр. 41, *Чубинскаю*, V, 425 № 815.

23.

Мать женила сына и не полюбила невѣстки.—Сына посылаетъ въ Крымъ, невѣстку въ поле.— Невѣстка стала калиной, потомъ тополею.— Сынъ возвращается и передаетъ матери неожиданное „диво“ въ полѣ.

Сравн. *Мордовцевъ*, Малорусск. литер. сборн. 1859 г. стр. 229, 236. (Пѣсни собр. Костомаровымъ), *Чубинскій*, V, 705—706, № 308 вар. Б.

24.

Козакъ и Донъ.—Розмова.

Ишовъ козакъ зъ Дону....

Ср. *Чубинскій*, V, 478 (67). *Закревскій*, Старосвѣт. бандур. I, 108, *Головацкій*, III, 170, *Максимовичъ*, 170.

25.

Козакъ горюетъ по родинѣ.

Летивъ орелъ по той бикъ моря,
Та давай зъ моря пыты,
Горе мени, сиромаси, въ чужимъ
[краю жыты.
Летивъ крячокъ по той бичокъ моря.
Та летяче кряче,
Сыдыть козакъ, сиромаха, та сы-
[дяче плаче.
Летивъ крячокъ та по той бикъ
[моря,
Тай сивъ на тычыни,—
Та заплакавъ, бидный сиромаха,
По своiй гиркiй прычыни.
Дере полы, а плечи латае,
Та на той край поглядае,
Де родыноньку мае.
Ой есть у мене родыночька,
Та далеко видъ мене,
Ой якъ прыйде пора,—время,
То не горяздъ буде безъ мене.

Евлампій Собакарь. Ново-Гупаловка, Александр. у., 26 Декабря 1885 г.

Сравн. *Метлинскій*, Южно-русск. народ. пѣсни, стр. 463, *Головац.*, I, 381.

26.

Милая тоскуетъ по миломъ.

Ой сама-жъ я не знаю
Де мій мылый дився:
А чы его вовкы зъилы,
Чы винъ утопывся.
Якъ бы его вовкы зъилы—
Тобѣ лугы шумилы,

Ой якъ бы винъ утопывся—
Тобъ Дунай розлывся,
Якъ бы бувъ винъ на рыночку—
Пывъ бы горилочку,
Якъ бы бувъ винъ на базари—
Тобъ люды сказалы.
Якъ бы бувъ винъ у шынкарькы—
То брязчалы-бъ чаркы.

Баба Катря Графская, 67 л., д. Кушугумовка, Александр. у., 13 Февраля 1892 г.

27.

Козакъ вспоминаетъ молодость и тоскуетъ о настоящемъ.

Ой лита, лита та соколонько
А по своихъ высокостяхъ,
Плаче козакъ, щей рыдае
А по своихъ молодостяхъ.
А шо молодости, не гордости,
На серденьку тугы много,
Чы всимъ людямъ журба, печаль,
А чы тико мени одному!
Та колы-бъ мини конықъ сывый,
Або мини жупанъ сыній,
Бувъ я-бъ въ Сичи отаманомъ,
Надъ своими козакамы.
Гей, вы хлопци молодіи,
Есть у васъ кони вороніи,
Есть у васъ сидла дорогіи,
И вуздечкы золотіи!
Сидай сами молодіи,
Будемъ турка воюваты,
Кругомъ землю отбираты;
Отберемо степы й луга,
Та зъ обома лыманамы,
Бо теперь намъ нигде прожыты
Все за вражимы панамы...

Авксентій Федоровичъ Орелъ, 60 л., Кушугумовка, Александр. у., 28 Декабря 1885 г.

Удаль, разгулъ, безпечность.

28.

Козакъ въ корчмѣ.

Козакъ входитъ въ корчму „якъ панська дытына“, а выходитъ голымъ.—Мать проклинаетъ корчму.

Ой хмелю-жъ мій, хмелю,
Та тонкая хмелыно,
Ой треба-жъ намъ, хмелю,
Та зъ розумомъ жыты,
Та не по повній чарци,
Та не по повній рюмци
Медъ, горилку пыты.
Медъ, горилочка тума—
Зведе парня зъ ума.
Та ишовъ козакъ зъ Дону,
Та зъ Дону до дому,
Та зайшовъ козакъ въ корчму,
Та зайшовъ козакъ въ нову,
Та якъ панська дытына;
Шо на ему боты—
Нимецькой роботы;
Шо на ему каптанъ—
Шо на ему чорный—
Все слидъ промитае;
Шо на ему поясъ,
Шо на ему красный—
Якъ макъ процвитае;
Шо на ему шапка,
Шо на ему сыва,—

Одъ мисяця сяе.
Та выпывъ козакъ рюмку,
Та выпывъ козакъ другу,—
Та якъ панська дытына,
Та выйшовъ козакъ зъ корчмы,
Та выйшовъ козакъ зъ новой,—
Та якъ маты народыла
Та выйшла его маты,
Та выйшла его стара,—
Та все плаче, рыдае,
Та все тую корчму,
Та все тую нову,—
Кляне, проклынае.
Та бодай ты корчмо,
Та бодай ты нова—
А сю ничъ згорила,
Та якъ ты мого сына,
Якъ ты молодого,
Та зъ сорочкы роздила.

Христя Самсыкивна: Балабино Александр. у., 1885 г.

29.

Козакъ пропойца.

Ой бре море, бре, сыпъ шинкарочка ще....

(Тожественная въ сборникѣ хоровыхъ пѣсенъ Лысенка).

30.

Забытый бѣднякъ испытываетъ богачей.

Якъ бувъ я богатъ,—
Всякъ мени бувъ радъ,
Всякъ у гости звавъ,
Братомъ называвъ,
А теперь при биди—
Не ради мени.
Визьму я пьятакъ,
Та пиду въ кабакъ,
А въ тимъ кабаци
Сыдять богачи,
Медъ горилку пьють,
Мене въ шыю бьють.
— Пыды ты, харпакъ, [1])
Пиды ты, дуракъ,
Пиды ты, проспысь,
Та зъ умомъ зберысь.
— Ой я ще не пывъ
И хлиба не ивъ,
Буду я такъ жыть
Якъ Господь презвивъ.
Якъ узявъ я зъ жарту
Горилочкы кварту,
Та сивъ за столомъ
Зъ большимъ стаканомъ,
А ти богачи—все зглядаються,
А до харпака—прысуваються.
— Ой вы богачи,
Вы давно легачи,
Мы у васъ беремо,—
Зъ вамы й пропьемо.

Никита Джигирь. Кушугумовка, Алекс. у. 5 Декрбря 1887 г.

31.

Козацкая голота и богачи дуки.

Пренебрежительное отношеніе богатыхъ къ голотѣ.—Атаманъ—заступникъ голоты и расплата съ богачами.

О у Лузи Базавлуци калына цвите,

---

[1]) Бѣдный, недалекій.

...вн. *Метлинский*, 449; *Чубинский*, V, 955—66; *Костомаров*, Исторія козачества „Русск. ...“ 1880 г. Августъ, стр. 12; *Лысенко*, вып. 4, № 6.

32.

Товарищъ пьетъ съ товарищемъ.

Ой якъ пыты, тай пыты
Дюю чарку до дна,
Ой якъ спаты, тай спаты
Зъ ранку до полудня.

А колы вирно любышъ,—
До рыбочкы збудышъ [1]),
Якъ вирный товарышъ,—
Борщу, каши наварышъ.

Иванъ Мих. Гетьманъ, 78 лѣтъ. Слободка, предмѣстье Александровска 18 Сентября 1887 г.

Це писня запорозьска. У ихъ бабъ не поводылось, исты варылы сами, го оце, було, прыиде одынъ до другого въ гости, пидопьють и спивае гость козяину, шобъ погодувавъ.

33.

Козаки съ Дорошенкомъ впереди, а позади „те ледащо, шо проминявъ жинку не знать за що“.

Ой на гори та женци жнуть....

Сравн. *Максимовичъ*. Украинск. народ. пѣсни 1834, стр. 105. *Чубинский*. V, 958. (Изъ собранія Кулиша). *Закревский*. Старосвѣт. бандур. 1, 65.

34.

Днѣпръ. Козакъ спрашиваетъ у батька-Днѣпра правды.

Разговоръ сокола съ орломъ. Одинокій козакъ тоскуетъ за братьями и спрашиваетъ у Днѣпра бродовъ и перевозовъ. Рѣчка Синявочка спрашиваетъ у Днѣпра правды. Жалоба Лимана на Днѣпръ.

А.

Первыя 15 строкъ тождественны съ пѣсн. у *Чубинскаго* V 946, № 22.

Я самъ молодъ по надъ Днипромъ [хожу,
Девьятеро коней вожу,
На десятому розьизжаю,
Днипра батькомъ называю.
— Ой ты Днипре, ридный батьку,
Скажи мени всю правдоньку:
Скажи мени броды свои,
Броды свои песчаніи [2]),
А переправы козацькіи?!
Зъ устья моря до вершыны,—
Симъ сотъ ричокъ щей чотыри,

Та вси жъ воны въ Днипръ упалы,
Днипра правды не пыталы.
Одна ричка Сынявочка,
Та и тая въ Днипръ упала,
Днипра правды роспытала:
— Ой ты, Днипре, ридный брате,
Скажи мени всю правдоньку,
Чымъ ты сыленъ, чымъ ты красенъ?
— Ой сыленъ я все ричкамы,
Та крутымы бережкамы,
Жовтенькымы писочкамы;

---

[1]) Якъ зваре рибы на снидання. *Певецъ*.
[2]) По другимъ неполнымъ варіянтамъ „Самарьскіи“, „Савраськіи“.

Воны мене звеселяють,
Воны зъ мене добичъ мають.
Ой красенъ я козакамы,
Молодымы рыбалкамы,
Жалуеться Лыманъ морю,
Шо Днипръ узявъ свою волю,
Шо свои ричкы прочыщае.
Лыманъ—море засыпае.

Яковъ Леонтьев. Шуть, 65 л. изъ с. Вознесенки, Ал. у. Остр. Хортица, въ куренѣ на бакшѣ. 4 Августа 1885 г.

Б.

. . . .
— Ой ты, Днипре, чымъ ты ясенъ,
Чымъ ты ясенъ, чымъ ты красенъ:
Чы своею довжынею,
Глыбынею, шырынею,
А чы жовтимы пискамы,
А чы темнимы лугамы?

В.

Пугачъ предвѣщаетъ опустошеніе края. Далѣе варьируютъ тѣже бесѣды казака съ Днѣпромъ, таже жалоба Лимана.

Не пугай ты пугаченьку.
Въ зеленомъ байраченьку.
— Ой якъ мени не пугаты,
Шо хотять байракъ вырубаты,
А вырубавши—тай заволочыты,
А заволочывши—запалыты.
Горе-жъ мени на чужыни....
Скажы правду вирнесеньку:
А де броды глыбокіи,
А де броды маленькіи?
— А де кручи высокіи—
То тамъ броды глубокіи,
А де кручи нызенькіи—
То тамъ броды маленькіи....
Одна ричка Кайнарочка....
Днипре, брате, робы добре,
И шыроко и глыбоко:
Де миленько—выбирай,
Де глыбоко—засыпай,
Шобъ нихто броду не узнавъ!

Авксентій Федоров. Орелъ, 60 л. Кушугумовка, Александр. у. 6 Ноября 1885 г.

Г.

Ой не пугай пугаченьку....
А третій Дейна-Дейныченько....
Одна ричка Савгырочка
И та зъ боку въ Днипро впала,
Днипру правду всю сказала:
„Жалуеться Лыманъ морю,
Шо Днипръ робе свою волю:
Уси ричкы прочыщае,
А мени устье засыпае (2)
Соби рыбу пидмовляе,
На вси рикы розсылае,
А назадъ іи не вертае“.
— Ой ты Днипре сывесенькый,
Ты нашъ батько риднесенькый!
Скажи, Днипре, броды свои,
Броды свои Савраськіи,
А перевозы казацькіи?
— Ой де кручи нызенькіи,—
То тамъ броды миленькіи,
А де кручи высокіи,—
То тамъ броды глыбокіи.—

Иванъ Маштамаръ (Самарскій) 78 л. Кушугумовка, Александр. у. 23 Февраля 1881 г.

Д.

- Ой не пугай, пугаченьку....
третій дейномъ,[1]) (2) дейныченькомъ,
Свои гырла прочыщае, (2)
А мои тони (2) засыпае.

Никита Джигирь. 88 л. Кушугумовка Ал. у. 29 Декабря 1887 г.

Сравн. *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни 1834 г. стр. 148, *Чубинскій*, V, 946.

Разлука, встрѣча.

35.

Выѣздъ козака на Украину.

Отецъ, мать просятъ вернуться. Сынъ не слушается и уѣзжаетъ. Встрѣча съ „ляхами" въ лѣсу. Козакъ попадаетъ въ неволю. Смерть отъ ляховъ между тремя могилами.

Ой зачувъ козакъ,
зачувъ молодый,
Худу славоньку на себе,
Винъ коня сидла,
Въ двору вызжа,
Иде на Украину;
А за нымъ, за нымъ
Отець матуся:
— Не идь, сынку,—верныся!
— Ой не вернуся,
Отець, матуся,
Поиду на Украину,
У мене кинь вороный,
Самъ я молодый,
То я й тамъ не загыну.
Золота грыва
Персы покрыла,
Коныку вороному,
Биле лыченько,
Чорніи бровы
Козаку молодому.
Ой ихавъ козакъ
Черезъ гай-байракъ,
Ставъ коня напуваты,
А за нымъ, за нымъ
Превражи ляхы,
Хотятъ козака взяты.
— Ой берить гаманъ,
Берить зъ грошыма,
Ще й коня вороного,
Тико не берить у неволеньку
Козака молодого.
Ой взялы, взялы
Гаманъ зъ грошыма,
Ще й коня вороного,
Ой взялы, взялы у неволеньку
Козака молодого.
Повелы горамы,
Ще й долынамы,
Та знялы, знялы,
Та головоньку
Мижъ трема могыламы.

Записана отъ Елизаветы Петровны Новицкой. Аулы, Екатеринославск. у., 1871 годъ.

36.

Сироты-бурлаки.

Говорять паны,
Говорять ляхы,
Ще й богатіи люды:
Ой забрать бурлакъ,

---

[1]) Тако війско було Запорожцивъ. „Служывъ, каже, въ дейнахъ". *Пѣвецъ*.

Забрать сиромахъ,
Бо зъ ихъ добра не буде!
Забралы бурлакъ,
Забралы сиромахъ,
Та забылы въ кайданы,
Ой теперъ же мы,
Мыліи братци,
Тай на викы пропалы.
Сидлае коня,
Зъизжае зъ двора,
На грыву схылывся,
А за нымъ, за нымъ
Стара матинка,....
А за нымъ, за нымъ
Соцькый зъ выборнымъ,
Хотять козака взяты.
— Ой берить сукна,...

Агафья Саенкова. Покровское Александр. у., 12 Января 1886 г.

Сравн. *Чубинскій*, V, стр. 973.

37.

Мать гонитъ сына изъ дому.

А.

Гоминъ, гоминъ по диброви,
Туманъ поле покрывае,
Маты сына выряжае,
— Иды, сынку, причъ одъ мене,
Нехай тебе турки убьють,
Нехай тебе огни спалять,
Нехай тебе звири зъидять,
Нехай тебе воды втоплять.
— Мене, маты, туркы знають.
Воны мене не зарубають,
Воны мени коня дадуть;
Мене, маты, огни знають,—
Якъ я иду—потухають;
Мене, маты, звири знають,
Якъ я иду—убигають;
Мене, маты, воды знають,
Якъ я иду—то втыхають.
Гоминъ, гоминъ по диброви,
Туманъ поле покрывае,
Маты сына завертае:
— Вернысь сынку, до домоньку,
Змыю, счешу головоньку,
Постелю тоби постеленьку.
— Змыють, маты, дрибни дощи,
А росчешуть густи терны,
Въ чыстимъ поли травыченька,—
То тожъ моя й постиленька.

Федор. Мих. Кнырикъ. Языково, Екатеринославскаго у. 29 Ноября 1888 г.

Б.

Туманъ поле покрывае,
Маты сына выряжае.
— Та иды сынку причь видъ мене,
Черезъ тебе буча у мене!
— Ой я дома тай не буду,
Есть у мене тры сестрыци,
Тры сестрыци жалибныци,
Шо найстарша—коня веде,
Середульша—сидло несе,
Найменьшая—гирько плаче.
Не плачь, сестро, не журыся,
Та до домоньку верныся,
Пиды сестро до Дунаю,
Та наберы писку жменю,
Посій его на каменю,
Вставай сестро ранесенько,

Полывай писокъ частесенько,
Ой якъ, сестро, писокъ зійде,
Годи братъ твій зъ війска прыйде.—
Нема дощу,—нема сходу,
Нема брата изъ походу.

Агафья Несторовна Графская, 17 л. Кушугумовка Александр. у. 15 Сентября 1891 г.

Ср. *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни 1834 г. стр. 137, *Чубинскій*, V, 890, 937 вар. 9-й, 976. вар. 67. *Закревскій*. Старосвѣт. бандур. I, 94. Баллина—Украінскі пісні стр. 39. Кіев. Стар. 1882, IV, 492 *Головацкій*, I 174, 173, 97, *Сумцовъ*, въ Этнограф. Обозр. 1893, кн. I.

38.

Мать ищетъ сына Запорожца, узнаетъ и зоветъ домой.

Зажурылась соколонька....

Сравн. *Максимовичъ*, Украинскія народ. пѣсни 1834 г. стр. 137, 138, *Рудченко*, Чумацкія пѣсни, стр. 227, *Чубинскій*. V 937 (9); 952 (36 А), *Баллина* Укр. пісні, 45.

Аллегорическія.

39.

Соколъ и Орелъ.

Соколъ братается съ орломъ, поручаетъ дѣтей и улетаетъ въ чужую сторону. Наѣзжаютъ паны, паненята и забираютъ соколятъ. Соколъ возвращается и клянетъ свою долю.

Побратався сокилъ съ сызокрылымъ орломъ...

Ср. *Чубинскій*. V, 851, варьянты А—Г.

40.

Чайка теряетъ чаенятъ при дорогѣ.

Ой горе тій чайци,
Горе тій небози,...

С. Вербова (Ново-Гупаловка), Александр. у Январь 1885. Сообщ. Евфимъ Пивень.

Сравни—*Рудченко* И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ, 1874 г. стр. 88, А—Б. *Закревскій*. Старосвѣтскій бандуристъ I—37. *Максимовичъ*. Украинск. народн. пѣсни 1834 г., стр. 108.

41.

Гибель турецкаго корабля и 40 т. войска.—Степной пожаръ и гибель соловьятъ.

А.

Чорна хмара наступае.
Дробенъ дощыкъ накрапае,
Сине море доповняе,
И турецькій кораблыкъ затопляе.
Вытопыло війська сорокъ тысячъ,
Сорокъ тысячъ щей чотыри.
Йшлы козаченькы зъ Украины,
Велы воны кони вороніи,
Повьязалы до ялыны,
Сталы спочываты край могылы,
Та зробылы губкы [1]) изъ рожыны [2]),
Выкрысалы огню съ пидпружыны,

---

[1]) Трутъ. [2]) Зъ листя рожи (Алтей дикій). *Примѣч. пѣвца.*

И пустылы пожаръ по долыни,
И комышъ-травка погорила,
Соловьине гниздо запалылы,
Старого соловейка ошмалылы,
Соловьини дитки погорилы.
Полетивъ соловей до зозули.
— Зозуленько, наша господыня,
Ой пропалы-жъ мои диты,
Ой пропавъ я, нигде дитысь!
— Хиба тоби, соловейку, не казала,
Шобъ не мостывъ гниздечка край лужечка,
Помосты гниздечко въ чыстимъ поли,
На высокимъ древи, на туполи,
Нихто того древа не зрубае,
Нихто соловейка не піймае.

Анифатъ Сидоров. Дейна, 50 лѣтъ. С. Вознесенка, Александр. у., 30 Ноября 1887 г.

Б.

Тоже.—Гибель соколятъ.

Сыня хмара наступае...
Йшлы изъ походу изъ Лыніи
Все козаченькы молодіи
Сталы ночуваты край долыны
Та выкрысалы огню зъ роговыны
Роспустылы огонь по долыни
Пошмалыли дитокъ соколовыхъ...

Арсеній Черноволъ, 97 лѣтъ. Кушугумовка, Алекс. у., 6 Ноября 1885 г.

Сравн. *Метлинскій*—Народн. южно-русскія пѣсни, стр. 446; *Антоновичъ* и *Драгомановъ* Историч. пѣсни, т. I стр. 99; тамъ же варьянтъ А, Б стр. 269; *Чубинскій*, V стр. 850 (415, вар. А и Б); 935, варьянтъ 3-й.

42.

Конь и орелъ.

Конь братается съ орломъ и бьются въ закладъ, кто кого перегонитъ.

А.

Складимось, братци, по таляру,
Та купымо коня отаману,
Складимось, братци, щей по другому,
Та купымъ коню усю зброю.
А кинь зъ орломъ побратався,
А кинь зъ орломъ закладався:
Хто вылетыть, хто выбижыть,
До Яръ могылы и въ Павлограды?
Ой кинь бижыть долыною,
Орелъ летыть все горою,
Кинь добигъ до Яръ могылы въ [Павлограды,
Воды напывся и покотывся;
Орелъ лежыть коня просыть:
Даруй, брате, крылычкамы,
Шобъ не ходыть нижечкамы:
Бо якъ тоби безъ нижечокъ,—
То такъ мени безъ крылечокъ.

Авксентій Орелъ 65 л. Кушугумовка, Ал. у., 28 Декабря 1887 г.

Поясненіе пѣвца: Це писня Запорозька, вона занесена зъ Великого Лугу ще нашими дидамы.

О пѣсняхъ про коня и орла см. у *Потебни*, Къ ист. звуковъ III 4—5, 123, *Сумцовъ*, Современ. малор. этногр. I 34.

Отчаяніе. Смерть.

43.

Козаки поджидають атамана подъ бѣлою березою.—Атаманъ заболѣваетъ и велитъ избрать другого.

Ой гукъ, маты, гукъ....

Ср. *Метлинскій*. Народ. южно-русскія пѣсни стр. 449; *Чубинскій*, V, 949.

44.

Продажа коня. Козакъ потопаетъ въ морѣ.—Отецъ видитъ и не даетъ помощи.

Ой въ саду, въ саду выноградy,
Стоявъ кинь вороный, пры всимъ [народи,
Нихто-жъ тому коню цины не по- [ложе.
Наихали купци, купци зъ Украины,
Взялы тому коню цину положылы,
Тай взялы коня съ путомъ, съ по- [водамы,
Тай повелы коня, коня городамы.
Ой зъ-загорки, горкы сокилъ вы- [литае,
На Синее море поглядае,
Шо Синее море быстро грае,
Середъ моря козакъ потопае,
На свого батенька гукае.
А батенько чуе,—чуе-й не ратуе,
По бережку ходе,—ходе тай дратуе:
— Охотонька, сыну, твоя охотонька,
Потопае въ мори твоя головонька,
Ой загынешъ, сынку, ой загынешъ,
Кого вирно любешъ—тай покинешъ!
— Не загыну, тату, не загыну
Кого вирно люблю—не покыну!

Агафья Графская 17 и Оксана Забарная 18 л. Кушугумовка, Александр. у. 16 Сентября 1891 г.

Ср. *Чубинскій* V стр. 778—782. Сходно одно начало.

45.

Козакъ потопаетъ въ морѣ и посылаетъ коня извѣстить родню.

Сады мои, сады процвитають.....
А скажы ты, коню, шо я оженывся,
Була у мене мыла—высока могыла,
Булы у мене дружкы—у мори калюжкы,
Булы у мене свашкы—въ мори черепашкы.

Авдотья Быкова, изъ с. Малой Михайловки, Александр. у., 22 Ноября 1888 г.

Ср. *Чубинскій*, Труды V, стр. 316 (624), 802 (373 варьянтъ Л.).

46.

Козакъ достаетъ вѣнокъ изъ моря, потопаетъ и велитъ коню дать знать отцу.

Якъ прыихавъ мій мыленкій зъ го- [родочка
Та прывьязавъ конычeнька до бе- [ресточка
А самъ пишовъ въ море шукаты [виночка.
Шо первый разъ побривъ—по ко- [линочка,

Другый разъ побривъ — по поясо-
[чокъ
Третій разъ побривъ—тай найшовъ
[виночокъ.
Ставъ повертаты—ставъ потопаты.
А на свого коныка гукаты
Ой коню жъ мій, коню!
А хочъ одирвыся, а хочъ одвьяжыся
Та побижы до батенька,
Та про мене похвалыся,
Та не бижы де лозы шумлять,
А бижы де дзвоны дзвонять;
Та не кажы, шо я утопывся
А кожы, шо я оженывся,
Моя молода—холодна вода,
Мои бояры—крутіи яры;
Мои свитылкы—на неби зиркы.

Андрей Игнатенко, Ольшанское, Маріуп. у. Январь 1876 г.

47.

Орелъ ищетъ сокола. Гуси и лебеди объявляютъ его убитымъ.

Та не пыль съ поля запыляеться,
То туманъ зъ моря пиднимаеться.
Пиднимаються гусочки сири,
А лебеди все биліи,
Сполохнулыся,— назадъ заверну-
[лыся.
Назустричь летыть сызокрылый
[орелъ.
Стойте, гусочки, не лякайтеся,
Я не быть васъ хочу—роспытаемося:
Чы не бачылы вы ясного сокола?
Хочъ и бачылы—винъ убытый ле-
[жыть,
Его рученькы—на чотыри шту-
[ченькы,
Его ниженькы—край дориженькы.

Демидъ Медвѣдскій. С. Ольгинское. Маріуп. у. Январь 1875 г.

48.

Соколъ и орелъ говорятъ объ убитомъ козакѣ. Плачъ родни.

Ой тамъ за яромъ
Вылитивъ орелъ,
А за нымъ соколъ:
— Постой, не тикай,
Я не буду быть,
Будемъ говорыть.
Ой дежъ ты литавъ,
Шо ты выдавъ?
— Шо тамъ за яромъ
Козака убыто,
Не схороныто,
Шо кризъ ребрушкы,—
Травка поросла,
Коло серденька—
Завывается,
Нихто до его
Не признаеться.
Де не взялося
А три ласточки,
Три палаточкы,
Перва ласточка,—
Ридна матинка
Друга ласточка,—
Ридна сестрыця
Третя ласточка,—
Жена молода.
Де маты плаче,—
Тамъ ричка тече,
Де сестрыця—
Тамъ крыныця,
Де мыла рыдала—
Травка повьяла.

Авдотья Быкова, 40 л. Изъ с. Малой-Михайловки, Александр. у. 22 Ноября 1888 г.

49.

Мужъ въ неволѣ. Плачъ жены.

Ишла вдова долыною
Ще зъ малою дытыною.
Сила вдова спочивать,
Мале дытя годувать,
Слизно плакать и рыдать.
Летыть орелъ сызокрылый,
Пытаеться—де твій мылый?
Ой мій мылый у неволи,
У зализахъ, у запори:
А де днюе—тамъ ночуе,
Якъ задзвонятъ—той не чуе,
Бере тупоръ тай майструе:
Тупоръ тупый—не рубае,
До билыхъ рукъ прыкипае.

Баба Мокрина Козловская с. Ольгинское, Маріуп. у. 1874.

50.

Плачъ вдовы. Орелъ передаетъ о смерти мужа.

Ишла вдова долыною....

Ср. *Чубинскій*, V, стр. 806 (376, вар. А.—Г.). *Метлинскій*, Народн. южно-русскія пѣсни стр. 283 (два варьянта).

51.

Плачъ вдовы. Козакъ умираетъ подъ яворомъ и жалѣетъ, что некому похоронить.

Шумыть, гуде дибривонька,
Плаче, туже удивонька,
Туже, плаче, ще й рыдае,
На диброву поглядае.
У диброви явиръ стоить,
Пидъ яворомъ козакъ лежыть,
Въ правой руци коня держыть,
А ливою росу бере
Та до свого серця кладе.
Серце мое, жывучее,
Лыце мое красющее,
Пора серцю померать,
Та никому поховать.
Поховають добри люды,
Якъ у мене за що буде.

26 Сентября 1887. С. Андреевка, Александровскаго уѣзда, Екатер. губ. Записана отъ Ив. Васильев. Штепы.

52.

Козакъ умираетъ отъ ранъ и посылаетъ коня извѣстить родныхъ.
(Смѣшаны двѣ пѣсни 1—6 и отъ 7 до конца).

Ой ремезе, ремезочку,
Не мосты гнизда надъ Десною,
Десна—весна—вода пребувае,
Вона твоихъ дитокъ вытопляе;
Помосты гнызденько въ степу [пры долыни,
Въ зеленій диброви на дубыни,
Де козакъ лежыть,
Кинь вороный стоить,
Сыру землю бье, выбывае,
Земли цилющой,
Воды жывущои досягае,
Помазаты раны порубани,
Порубани, постриляни,
Шо порубани—
То ти кровью зійшлы,
Шо постриляни—
Ти до серденька дійшлы.

Ой бижы жъ ты, коню,
Коню вороненькый,
До моего отця,
До риднои ненькы;
Та не хвалысь, коню,
Шо я съ туркомъ бывся,
Та похвалысь коню,
Шо я оженывся:
Узявъ соби жинку—паняночку,
Въ чыстимъ поли земляночку,
Узявъ жинку дружыночку,—
Въ чыстимъ поли могылочку.

Федоръ Михаил. Кнырикъ. Язикою,
Екатериносл. уѣзда. 29 Ноября 1888 г.

53.

(Передѣлка великорусской пѣсни того-же мотива).

Ой козаченько гулявъ,
Свого коня попасавъ, (2)
Комышъ травушку рвалъ,
На огонюшку клалъ, (2)
Свои раны больни,
Пересматрювавъ. (2)
Ой вы раны мои,
Ой вы больніи, (2)
Ой вы кровью зійшлы,
Вы до серця дійшлы. (2)
Ой сталъ козакъ померать,
Сталъ до коня промовлять:
Ой ты коню, ты мій, (2)
Одирвы-жъ ты мой конь,
А шовковый прыковъ. (2)
Ой бижи-жъ, ты мой конь,
А дорожкою одной
А до батенька родного. (2)
Передай же мій конь
Отцю й неньци поклонъ, (2)
А жени молодой
На рѣчахъ розскажы: (2)
Шо оженывся твой мужъ
У чужій у земли,
У чужій сторони. (2)
Оженыла его—
Гостра шабелька, (2)
Обручыла его—
Быстра кулюшка; (2)
Ой тожъ его та родня—
Шо новенька труна; (2)
Ой то жъ его та жена—
Шо сырая земля (2)
Ото жъ его отець—
Шо на головци винець.

Титъ Саенко, 55 лѣтъ, Краснокутовка,
Александр. у., 30 Января 1888 года.

54.

Козакъ умираетъ на могилѣ.—Конь проситъ показать дорогу.—Козакъ посылаетъ его къ отцу, матери.

(Варіантъ предшествовавшихъ).

Изъ за горы витеръ віе,
А въ долыни огонь горыть,
На могили козакъ лежыть....

55.

Козакъ умираетъ въ долинѣ и шлетъ коня къ роднымъ.

Ой зъ за горы снижокъ летыть,
А въ долыни козакъ лежыть,
Накрывъ очи муравкою,
А рученькы кытайкою.
У головахъ свича горыть,
А въ ниженькахъ конькъ стоить...

См. *Закревскій*, Старосвѣт. бандуристъ, I, 11 и 52 *Мордовцевъ*, Литер. сборникъ, 1859, р. 239, (изъ собранія Н. И. Костомарова), *Н. Сумцовъ*, въ I кн. Этногр. Обозр. 1893 г. одобраны варіанты малорусскіе и сходные).

56.

Лебедь разсказываетъ орлу о кровавой битвѣ въ Измайловѣ.—Орелъ летитъ на добычу, клюетъ козацкую руку и слышитъ просьбу—извѣстить родныхъ.

й по морю, морю Сынему,
лавле лебедь зъ лебедкою,
ь маленькимы лебедятами.
есь це взявся сызокрылый орелъ,
почалъ лебедку побываты.
гала лебедка орла прохаты:
е бый мене, сызокорылый орле,
кажу тоби всю щирую правду.
[о въ городи въ Измайлови
ьется турокъ съ козакамы,
етять бомбы тесовіи,
[умять пули свынцовіи.
[ежать тила убитіи,
ечуть ричкы кровьяніи.
[олетивъ орелъ—не довго й [барывся,
Летыть орелъ—уже й нажывывся,
Несе руку билу, казацькую,
Вылетивъ орелъ на высоку мо- [гылу,
Почавъ орелъ ту руку клюваты,
Стала рука орлу промовляты:
Не клюй мене сызокрылый орле,
Годи тоби вже клюваты,
А дай моему отцю, неньци знаты:
Якъ бы отець, ненька знали.
Воны бъ що суботы обиды справ- [ляли,
Воны бъ що недили молебны наймалы,
Воны бъ мене поховалы,
Воны бъ мене й помыналы...

Федоръ Михайлов. Кныринъ. Языкова, Екатер. у. 29 Ноября 1888 г.

Сравн. *Максимовичъ*, Украинск. народ. пѣсни 1834 г. стр. 116.

57.

Умирающій козакъ проситъ орла не выклевывать глазъ, пока живъ.

й ще козакъ, ой ще не вмеръ,
ико смерты бажае,
надъ нымъ сыдыть сызокры- [лый орелъ,
а очи зъ лоба выймае.
Ой орле брате, орле брате,
Ой брате, брате побратыме,
Ой не выймай мени очей зъ [лоба,
А покы я ще не згынувъ.

Баба Секлета Проценкова, Кушугумовка, Александр. уѣзда, 29 Декабря 1887 г.

58.

Атаманъ кошевой умираетъ подъ знаменемъ.—Джура плачетъ и спрашиваетъ, кому онъ вручаетъ богатство.

Ой у Лузи, у темному, [1]) (2)
Та надъ моремъ надъ глыбокымъ (2)
Та стоить верба похыльная, (2)
А пидъ вербою знаменъ стоить, (2)

---

[1]) По другому совершенно сходному варіанту:
Ой у Лузи Базавирци
Росте верба похильная.

Пидъ знаменомъ козакъ лежыть, (2)
Въ головонькахъ—свича горыть, (2)
А въ ниженькахъ—джура сыдыть,(2)
Слизно плаче, щей рыдае (2)
Отамана все пытае: (2)
— Та отамане, панъ кошевый, (2)
Ой уже-жъ ты помераешъ, (2)
Та кому добро уручаешъ?
— Ой уручаю добро свое (2)
Отаману Журавому, (2)
И тоби, джура, молодому. (2)

Грыцько Шутъ 72 л., Степанъ Власенко 80 л.
Вознесенка, Александр. у., 8 Августа 1885 г.

Сравн. *Метлинскій*, Народн. южно-русск. пѣсни, стр. 442, 443. *Максимовичъ*, Украинск. народн. пѣсни 1834 г. стр. 152.

Шутка, жартъ, насмѣшка.

59.

Пріемъ, оказанный тещей зятьямъ.

Стала да теща,
Стала да ридна
Своихъ зятивъ въ гости звать:
И Грышка прыйшовъ,
И Мыкышка прыйшовъ,
И Захарько прыйшовъ,
И Макарко прыйшовъ,
И Давыдко прыйшовъ,
И Демыдко прыйшовъ,
А Йванюша каретою прыихавъ.
Стала да теща,
Стала да ридна
Своихъ зятивъ садовыть:
И Грышку на лавку,
И Мыкышку на лавку, и т. д.
А Иванюшу на стульчикъ посадыла.
Стала да теща,
Стала да ридна
Своихъ зятивъ годувать:
И Грышци пампушку,
И Мыкытци пампушку,...
А Иванюшу зъ горошкомъ пиро-
[жокъ.
Стала да теща,
Стала да ридна
Своихъ зятивъ частувать:
И Грышци да чарку,
И Мыкышци да чарку...
А Иванюши стаканъ меду поднесла.
Стала да теща,
Стала да ридна
Своихъ зятивъ класты спать:
И Грышку пидъ лавку,
И Мыкышку пидъ лавку,...
А Иванюшу на кровать положыла.
Стала да теща,
Стала да ридна
Зъ своихъ зятивъ плату брать:
И зъ Грышкы да рубъ,
И зъ Мыкышкы да рубъ,...
А зъ Иванюши симъ сотъ рублив
[узяла.
Стала да теща,
Стала да ридна
Своихъ зятивъ выряжать:
И Грышку дрючкомъ,
И Мыкишку дручкомъ,...
А Иванюшу колякою потягла.

Дѣдъ Дуброва. С. Ольгинское, Маріуп. у., 1876 г.

60.

Иваненко, Василенко и козакъ Павло самъ Предыбайло.

(Запорожская).

русенько, серденько,
ажи мени правдоньку:
дкиль ты гостей мала,
ма ты безъ мене?
Иваненка—изъ Варшавы
сыленка—изъ Полтавы
козакъ Павло,
мъ Предыбайло—
славного Запорожжя.
русенько, серденько,
ажы мени правдоньку:
имъ ты ихъ напувала,
ма ты безъ мене?
ваненка—пывыщемъ,
асыленка—медыщемъ
козакъ Павло,
мъ Предыбайло
мною налывочку.
арусенько, серденько,
кажи мени правдоньку:
ымъ ты ихъ годувала,
ама ты безъ мене?
Іваненка—гусятыною,
Васыленка—курятыною,
А козакъ Павло,
Самъ Предыбайло,
Зо мною лебедыну.
Марусенько, серденько,
Скажи мени правдоньку:
Де ты ихъ спочывать клала,
Сама ты безъ мене?
Иваненка—у кимнати,
Васыленка—на кровати,
А козакъ Павло,
Самъ Предыбайло
Зо мною на перынахъ.
Марусенько, серденько,
Скажы мени правдоньку:
Якъ ты ихъ выряжала.
Сама ты безъ мене?
Иваненко—шапочку знявъ,
Васыленко—поцилувавъ,
А козакъ Павло,
Самъ Предыбайло
Обнявъ, тай заплакавъ.

Авксентій Федоров. Орелъ, Кушугумовка, Александр. у., 6 Декабря 1887 г.

61.

Запорожцы у шынкарьки Приськы.

Наихалы козакы
До шынкарьки Приськы.
Ой чы наша Приська,
Чы жыва, чы крипка?
А якъ вона вмерла—
Будемъ помынаты,
А якъ вона жыва—
Треба одвидаты!
— Запорожци, козакы,
Не завдайте сорома,
Шо до пупа пелена,
Бо девьята вже недиля,
Якъ сорочку надила.
Сюды хипъ, туды хипъ,
До смиттячка—висимъ кипъ...

Ив. Мих. Гетьманъ, 78 лѣтъ. Слободка, предмѣстье г. Александровска, 18 Сентября 1887 г.

Поясненіе. Це значыть верталыся козакы съ походу и заихалы д шынкарьки Прыськы. Идуть въ хату и спивають. Прыська не сподивалас ихъ, тай просе, шобъ выбачалы за безпечность. Кынулась вона вымитат колы смиття тико, шо и в默комъ не посуне (8 кипъ). Вона, мабуть, хату тоди вымитала, якъ надивала билу сорочку.

62.

(Плясовая).

Ой гопъ, та помалу... (изъ „Гопъ мои гречаныки").

62.

Ой гопъ сюды, туды,
Поверныся ты Тымошу,
Та съ того козака
Запорожця насміешся.
Винъ тебе не завгордывъ,
Винъ тебе не помнявъ,
А ты его, молодого,
Тай у Сичу одиславъ.
Молы Бога, вражый сыну,
Шо винъ зменшавъ свою сылу,
Покотылася-бъ въ долыну,
Головонька твоя сыва.

Трофимъ Ковбаса, 95 лѣтъ. Языко
Екатер. уѣзда, 1887 г.

64.

Ой що-жъ то за Мыкыта,
Шо на опашкы свыта,
Пидъ виконцемъ зигнувся,
Чы не выйде Маруся.
А Маруся регоче,
До Мыкыты не хоче.

Дѣдъ Яковъ Рыбалка. С. Андрее
Александр. у., 7 Марта 1885 г.

Тожест. у *Чубинскаго*, V, 67.

65.

Оттой мени не до души,
Шо прыходывъ у кожуси,
Оттой мени сподобався
Шо кгудзямы обтыкався.
Той мене пече, риже,
Шо не люблю, а винъ лизе,
Той мени допикае,
Шо я люблю—винъ тикае.

Секрета Клименкова. Кушугумов
14 Ноября 1891 года.

66.

Сыдиръ, Прохоръ та Борысъ
Полаялысь, побылысь,
За чупрыны побралысь;
Добре щулять кулакамы,
За носы взялысь рукамы...

Мій покойный дидъ бувъ маляръ, ще козацького заповиту. Було, намалюе трехъ запорожцивъ, и оцей пидпысъ зробе. Смиха було...

Баба Гапка Саенкова. Покровское,
Александр. у., 23 Іюня 1888 г.

Стихъ и разсказъ напоминаютъ картинку изъ коллекціи Н. А. Поля. См. *Эварницкій*—„Запорожье", I, 58—59.

ЧАСТЬ III.

1.

Старинная рождественская вирша.

ıстосъ народывся,
бъ мыръ звеселився
ıля Адамового гриха.
ывся въ стани,—
ıе въ хати—
› дыковына яка.
ъ и оселъ
ялы у яселъ,
и ти Хрыста пизналы.
ıышуть на его,
знаютъ на кого,
й и на колина упалы.
ıзда ясненька,
рна кругленька,
испишила надъ Ви-
[флеемомъ
тамъ стала,
сама знала,
витыла станъ кругомъ.
банци зъ степу
ыйшли къ вертепу,
по ягняти прынеслы.
ı дудкы гралы,
ıои зналы
опять до дому пишлы.
анголы святи,
ıдни крылати,
рылетили, такъ лепъско
[спивалы
ıо мы породылысь,
поженылысь,
далебы щей такъ и не
[чувалы.
три цари
ынеслы Хрысту дары,
ıъ отъ Востока,
ı тамъ поклалы,

И поздоровлялы
По письменски, зъ высо-
[ка.
Щежъ кланялысь ны-
[зенько,
И просылы довгенько:
Будь ласковъ,
Благословы насъ такъ,
Щобъ жыто родыло,
А вiйны не було,
Нехай бы мы пожылы
[всмакъ.
Исько старенькiй,
Имъ бувъ раденькiй
Гостынци прынявъ.
„Сядьте у насъ,
Почастуемъ Васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ“.
Пропущено 6 строкъ объ угощенiи царей.
А анголъ Божiй,
Ясный гожый,
Царямъ надъ вухо шеп-
[нувъ:
„Додому махайте,
Ирода обмынайте,
Шобъ винъ цего и не
[чувъ“.
Бо вы въ его булы,
И слово далы,
Ще разъ побуваты,
Про наши родыны,
И про други новыны.
Все-бъ ему розсказаты.
Цари схватылысь,
Водою вмылысь
Тай додому почухралы.
На ливо повернулы,

Якъ одъ ангола чулы.—
Отакъ Ирода обдулы.
Иродъ дожыдався,
Въ викно приглядався,
Думавъ шо й до его
Цари въ гости будуть.
А посли схаменувся,
Мовъ отъ сна проснувся,
И вгадавъ що кепкуютъ
[зъ его.
Винъ заразъ панотцивъ,
Духовныхъ отцивъ,
Iудейскихъ постягавъ,
Шобъ ему сказалы
Ростолкувалы,
Де Хрыстосъ родыться
[мавъ.
Духовни отци по правди,
При всiй громади,
Якъ въ око ему влипылы,
Въ Вифлiеми те родылось.
Винъ заразъ закрычавъ:
Вiйско наряжайте,
Въ Вифлiемъ махайте,
Тамъ дитей,
Отъ матерыныхъ грудей,
До шнура выбывайте.
А Марiи и Иську,
Такую извистку,
Анголъ во сни вищае:
Въ Египетъ утикайте,
И часу не гадайте,
Бо Иродъ дитей убывае.
Пропущено 7 строкъ.
А якъ у каждый двиръ.
Вiйска понабигалы,
То поколоды дитей,

От материныхъ грудей,
А де якихъ и порозде-
[ралы.
Усихъ избылы четыр-
[надцять тысячъ,
А вифліемскій крыкъ,
Такъ бувъ дуже велыкъ.
Шо ажъ до Саваофта
[дійшовъ.
Богъ пославъ кару,
На Иродову главу,
Шо на его и бисъ най-
[шовъ.
Ему стало нудно,
И въ жывоти трудно,
Ему очи покосыло,

Ротъ на бикъ скрывыло,
Дохтаривъ шукалы,
Лыхоманку вылывалы,
Силь до пупа клалы,
Мытусь на пилъ поло-
[жылы.
Казалы що живый буде
[винъ.
А винъ згынувъ,
И царство покынувъ,
Діавольскій гайдамака,
Невмивъ хлиба исты,
Пропавъ безъ висти,
Якъ у ярмарку собака.

А мы мыряны,
Божіи хрыстіаны,
Теперь веселымся
Хрыстову рождеству,
Его Божеству,
Вси поклонымся.
Винъ дасть намъ зъ неба,
Чого кому треба,
Бо винъ батько нескy-
[пый:
Хто до его,
Той винъ до того.
Будьте здоровы
Съ праздныкомъ.

Николай Шкребтанъ, Ново-Николаевка,
Александр. у., 12 Января 1883 г.

Старинная вирша эта сочинена, по всему вѣроятію, бурсаками. Она очень распростр[анена] въ селахъ и городахъ Екатеринославской губерніи.

2.

Любовныя и семейно-бытовыя.

Коло млына калына,
Тамъ дивчына ходыла,
Ходыла, ходыла, чубарыкы чубчики
ходыла [1])
Цвитъ калыну ламала,
Та въ пучечки вьязала.
Та понесла на базарь,
Та продала за шага,

Та купыла голубця,
Та прынесла до дому,
Та пустыла до дому,
Посыпала пшеныци,
Въ черепочокъ водыци,
Винъ пшеныци не клюе,
И водыци винъ не пье,
До дивчины воркуе.

Покровское, Александр. у., Екатер. г. 1885 г.

* * *

Ой ты, селезень,
Смутный, не веселый,
Шей не радисный.
Ой якъ, мени,
Радосному буть,
Шо вчора-жъ була,
Утыця моя,

Сегодня-жъ нема,
Застреленая.
Не жаль-бы мени,
Якъ-бы на води,
А то на гори,
Въ шовковій трави;
Писочокъ ила,

Водыцю пыла.
Шо вчора-жъ була,
Дивчына моя,
Сегодня нема,
Засватаная.
Не жаль бы мени,
Якъ бы въ сторони,

---

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго двухстишья.

то через двиръ,
ей товарышъ мій.
варышу мій,
городы двиръ,

Шобъ не ходыла
Мыла через двиръ.
По воду иде—

Добрый день дае,
Одъ воды иде—
Жалю завдае.

Баба Марчиха. С. Ольгинское,
Маріупольскаго уѣзда, 1874 года.

* * *

Шо по горахъ, по долынахъ,...

См. *Чубинскаго* V, стр. 42—44.

* * *

съ прыихавъ мій мыленькій съ [поля,
привязавъ коня до забора,
мъ заплакавъ край коныка стоя,
болила головонька зъ горя,
сватана дивчынонька моя.
дай Боже, суботы диждаты,
ошлю людей дивчины свататы,
самъ сяду пидъ викномъ слухаты,
Io буде дивчына казаты.
дивчына по свитлонци ходе,
а все свои били рукы ломе.
а все свою ридну неньку просе:
й ты маты, порядныця въ хати,
орядь мене, шо людямъ казаты:
чи мени хлибъ обминять,
и рушныки давать?
Продай, мылый, коня вороного,
Та не беры полотна лянного,
Та пошый мени лянную сорочку,
Сховай мене въ вышневимъ садочку,
На своему частому слидочку.
Туди будуть зозули считаты,
Воны будуть раненько куваты,
А мени легенько тамъ буде лежаты,
Ой яжъ буду думать, шо сонечко [сходе,
Ажъ то мылый по садочку ходе,
Та все свои били рученькы ломе.
Устань мыла бо плаче дытына,
А ще къ тому згынула скотына.
— Нехай гыне, погыбае,
Побачышь ты, милый, якъ друга [надбае.

Василій Сошенко. С. Ольгинское, Маріупольскаго уѣзда, Екатеринославск. губ., Январь 1875 г.

Срав. *Чубинскій* V стр. 261, № 512.

* * *

й, соловейко молоденькій,
олосокъ тоненькій
ай защебечы-жъ ты мени
ъ чужій дальній сторони,
Нема роду пры мени:
Нема роду, родыни,
Ни вирнои дружыны.
Та хиба пиду въ темный лисъ
Нехай мене звиръ иззисть,
А звиръ каже не займу,
Я сыроту обмыну.
Та хиба пиду лугамы,
Все чистыми полямы,
Тамъ у поли долына,
Тамъ стояла могыла,
Тамъ я ляжу припаду,
Свою неньку спомяну.
Ой встань, ненько, до мене,
Горе мени житы безъ тебе

Ой, не встану, не пиду.
Головоньки не зведу,
Насыпано землыци
На билiи ручыци.

Кузьма Ковиленко. С. Благодатное
Марiупол. уѣзда. 1875 г.

***

За тучамы, за хмарамы
Сонечко не сходыть,
А за вражими ворагамы
Мiй мылый не ходить.
Ой вы тучи, громовiи,
Розiйдиться ризно,
Пребудь, пребудь, мiй мыленькый,
Хоть не рано, пизно.
Бо я тебе дожыдала,
Всю ничку не спала,
Столы застылала.—
А столы жъ мои, та дубовiи,
А скатерти парчовiи
Очи-жъ мои, та кареньки,
Горе-жъ мени зъ вамы,
Шо не хочете, ночуваты
Ни ничеиькы сами.
Хоть хочете, не хочете,
Треба привыкаты,
Бо поихавъ, мiй мыленькiй,
У поле ораты.
Та оравъ день у царыни,
А тры дни въ толоци;
Выплакала кари очи,
За чотыри ночи.
Та вже-жъ мени ци чотыри.
Тай за висимъ сталы,
Бодай мого, миленькаго,
Волыки прысталы;
Бодай рало не орало,
А плугъ поломався,
Шобъ мiй мылый, чернобрывый,
До дому вертався.

Кузьма Лутай-Бойченко. С. Вознесенка
Александр. у. Екатеринослав. губ. 1879 г.

***

Ой гаю, мiй гаю,
На воронимъ кони граю,
Розсердылась дивчынонька,
Що я iи не займаю.
Того iи не займаю,
Що свататы думаю;
Того не горнуся,
Шо славы боюся.
— Чи ты гарный чи багатый,
Чы высоко несешься?
Чы ты мене вирно любишъ,
Чы зъ мене смiешся?
Ой пиду я до кимнаты,
Лежыть милый на кровати,
Винъ до мене не говоре.
И словечка не промове.
Ой якъ мени говориты,
Хотять мене оженыты,
То я зъ нею жыть не буду,
Тебе, мыла, не забуду.
Прокынувся опивночи,
Не сплять мои кари очи,
Не сплять воны, не дримають,
Миленькои дожидають.

Евфимъ Сошенко. Ольгинское,
Марiуп. у. 1874 г.

* * *

Посіяла гречку надъ водою,
Зродыла гречка зъ лободою,
А хто-жъ тую гречку тай про-
[поле,
То той мене, молоду, тай пригорне.

Обизвався старый дидъ зъ бородою:
Шо я жъ тую гречку тай прополю,
А тебе я, молоду, тай пригорну.
Не подоба, старый диду, не подоба,
Хиба на те поважуся, шо худоба.

Павло Назаренко, Вознесенка, Александр. уѣзда, Екатер. губ. 1877 г.

* * *

Ой у поли дви тополи,
Одна одну перехытуе,
У козака дви дивчыны
Одна одну перепытуе,
— Ой дружыно подруженько,
Чы була ты на улыци,
Чы бачыла женыха мого?

— Ой якъ же я не бачыла,
Шо зъ нымъ вечеръ простояла,
Все про тебе розмовляла.
— Бодай тоби, подруженько,
Комарь выивъ очи,
Шобъ ты билше не стояла
Зъ мылымъ до пивночи.

Игнатъ Вергунъ, Ольгинское, Маріупол. уѣзда 1876 г.

* * *

— Уляно, Уляно, чого въ лузи блу-
[дышъ,
Лыбонь ты, Уляно, мого сына лю-
[бышъ?
— Якъ бы не любыла, тобъ я й не
[ходыла,
Черезъ твого сына Дунай ричку
[брыла.
Ой за гаемъ гаемъ, Василь сино косе,
Васылю Уляна дытыну приносе.
— Васылю, Васылю на твою дытыну,
Не визьмешъ, Васылю, на покисъ
[покину,
Ой за гаемъ, гаемъ Васыль сино
[косе,
Васылева маты по полю голосе.
— Васылю, Васылю, иды-жъ ты до
[дому,
Забрала Уляна всю твою худобу!
— Не плачъ, стара маты, не такъ
[воно буде,

Нехай насъ розсудять старенькіи
[люды.
На тоби, Уляно, уси тры телыци,—
Не клады, Уляно, на моїй пшеныци;
На тоби, Уляно, корову рябую,—
Та годуй, Уляно, дытыну малую;
На тоби, Уляно, коробочку сыра,—
Та годуй, Уляно, отецького сына;
На тоби, Уляно, шей семеро овець,—
Не кажы, Уляно, шо я ему отець;
На тоби, Уляно, ше й семеро хлиба,—
Та скажи, Уляно, на старого дида;
На тоби, Уляно, коня вороного,—
Не уводь у славу парня молодого.
На тоби, Уляно, коня пры наряди,—
Не страмы, Уляно, мене пры гро-
[мади...
Визьму я, Васылю, коня пры наряди.
Выстрамлю, Васылю, при усій гро-
[мади,

Анифатъ Дейнега Сидоренко, с. Вознесенка, Александр. у., Екатер. г. 1874 г.

***

А пры лужку, пры крутому бережку,
Та плавалы сири гусы въ кружку,
Гыля, гыля сири гусы до дому,
Горе тому лебедычку самому,
Шо поросло биле пирьячко на ему,
Шо учора за недиленька була,
Шо дивчына на улыци не була?
Лыбонь въ дивкы не росчесана коса,
Лыбонь дивка не здоровая була,
Лыбонь дивка мале дытя родыла?
Изродывше въ кытаечку сповыла.
А сповывше—на тыхый Дунай пу-
[стыла.
Плевы, плевы мале дытя ривамы
А я пиду погуляю зъ дивкамы,
Плевы, плевы разбезсчастне дытя,
Черезъ тебе мене маты проклялa,
Шо я тебе дивчыною прывела.

30 Ноября 1887. Александровскъ. Записана отъ Кушугумовской дивчыны Приськи Лисовой.

***

Якъ выйду я за ворота,—зажурюся,
До кого я на чужыни прыхылюся.
Та прыхылюся на чужыни до ду-
[бочка,
Бидна моя, несчастлыва головочка,
На чужыни барабаны выбывають.
И котри охотныкы—вызывають.
Ой котрiи охотныкы та все скачуть,
А котрiи невольныкы—гирко пла-
[чуть.
Ой беруть, беруть у солдаты,
Та забула мыленького роспытаты:
А чи мени замижъ иты, чи гуляты?
— Гуляй, гуляй моя мыла,—якъ
[гуляла,
Наймай, наймай музыченькивъ, якъ
[наймала,
Топчы, топчы черевычкы, якъ топ-
[тала.

1885 г. с. Петровское-Балабино, Александр. у. Записана отъ дѣвицы Евдокiи Камныга М. С. Трудницкою.

***

Ой ты зирка та вечерня,
Чомъ не рано сходыла,
Якъ я молода выходыла.
Выходыла на гироньку,
Подывылась на зироньку,
Уже жъ мени надокучыло
Писокъ зъ моря выбираюче,
Та дорижку высыпаюче,
Тай мылого дожыдаюче.
Ой мiй мылый иде,
Другу мылую веде,
А мене, молодую, нихто не бере.
А ни купчыкъ, ни полковнычокъ,
А ни прежнiй полюбовнычокъ.

1885 г. Петровское-Балабино, Александр. у. Записана отъ Евдокiи Камныга М. С. Трудницкою.

***

Ой пидпалю куль соломы, горыть—не палае...
Ой бижы-жъ ты, козаченьку, дивчина вмырае [1]).
Ой пишовъ же, козаченько, тай ставъ у порози,

[1]) Дивчата часто переиначивають: „Ой бижи жъ ты Ѳедичка, Васька умырае“ и проч. Затѣмъ далѣе, гдѣ слѣдуетъ „козакъ“ и „дивчина“, вставляютъ имена по желанiю.

Тай вдарывся, козаченько, у дрибніи слезы.
— Ой не плачь же, козаченьку, я ще не вмираю,
То я съ тебе, молодого, ума вывиряю...
— Ой шобъ, тебе, вывиряла лыхая годына,
Якъ ты мени, молодому, страму наробыла...
Есть у мене нагаечка у тры дроты звыта,
Будешъ-же ты, дивчынонько, на день трычи быта.
Плыве човенъ, воды повенъ тай накрытый дубомъ,
Ой не хвастай, козаченьку, кучерявымъ чубомъ.
Ой якъ выйдешъ на вулыцю, твій чубъ розивьется,
А изъ тебе, молодого, дивчына сміется!...
Плыве човенъ, воды повенъ, та покрытый лыстомъ,
Ой не хвастай, дивчынонько, червонымъ намыстомъ!
Треба намысто збуваты, мини люльку куповаты.
А за люльку копіечку, а за табакъ гроша,
Подывыся, дивчынонько, якый я хорошый?

Іюнь 1887. Дер. Письмачева, Екатер. уѣзда.
Записана отъ Ганны Шевченко.

* * *

Ой выйду я тай гукну,
Ой вы хлопци, молодци,
Дарую вамъ по вивци,
Накажить дивчынонци,
Шо нехай вона не жде,
Нехай замижъ иде;
Бо я парень не богатый,
Симъ паръ воливъ у двори,
Стадо коней, табунивъ.
Скоро дивка зачула,
Изъ улыци майнула,
Не добигла до воритъ,
Ухватылась за живитъ.
Ой ненечко жъ, ненечко,
Болытъ живитъ, сердечко.
Ой чего жъ воно болыть?
Несхотивъ парень любыть!
Бижи, доню, до гаю,
Шукай зилля *розмаю*,
Я розмаю не знаю,
Хиба людей спытаю.
Накопала кориння,
Съ пидъ билого каминня,
Полоскала на ричци,
Заправляла въ горильци,
Одвернулась до печи,
Промовляла тры речи:
Кыпы, кыпы коринець,
Поки прыйде молодець.
Ще й коринець не вкыпивъ,
Вже й молодець прилетивъ.
Ой чего-жъ ты прилетивъ,
Тыжъ любыты не схотивъ?
Якъ до тебе не литать,
Шо ты вміешъ чарувать.
А шожъ тебе прынесло,
Чи човнычокъ, чи весло?
Прынисъ мене воронъ кинь
До мылои на спокій.

Предмѣстье г. Александровска, (Екатеринославской губ.)—Слободка. 25 Февраля 1885 г.
Записана отъ дѣвушки 19 л., Вѣры Шевцовой.

А сегодня субота,
Буде хлопцямъ робота,
Заносыты ворота.—
А въ суботу пораненько
Уси звоны ревуть,
Хлопци ворота несуть.
Зачепылы тонкымъ валомъ,
И потяглы крутымъ яромъ.
А въ суботу пораненько

***

Уси звоны побылы,
Хлопци ворота прычепыли,
А дивчыни все не спыться,
Про ворота усе сныться,
Батько ходе, суда просе,
Дивка ходе, та голосе:
— Не просы, тату, суда,
Не робы мини стыда.

1885 г. Балабино, Александр. у., Записан от Ивгы Орловой, М. С. Трудницкой.

По пидъ мостомъ, мостомъ
Росте трава зростомъ
Люблю того козаченька
Шо высокый ростомъ
Не сама я люблю его
Любыть его маты
Съ кимъ стояла, розмовляла
Пидкивочкы знаты.

***

Колыбъ мени Господы
Раньше ненькы встаты
Вырвать въ садку васылечекъ
Слидъ позамитаты,
Колы ненька старенькая
Раньше мене встала
Вырвала въ саду васылечекъ
Слидокъ позамитала.

25 Апрѣля 1885 г. Андреевка (Иваненково). Александр. у., Екатер. губ. Записана отъ дѣвушки Орины Фень.

***

Ой ты дубе, дубе,
Кучерявый дуже,
Шо на тоби буде,
Два голубы гуде?
Два голуба гуде,
Голубка боркоче,
А паринь говоре,
А дивчина плаче,
Не кыдай козаче.
Нехай покидае,
Я плакать не буду,
А я молодая, другого набуду,
За мной молодою,
Вси парамы ходять,
Коныченькы водять,
Ой выведить мини,
Коня вороного,
Та выберить мини,
Парня молодого.
Ой якъ бы я знала,
Шо ты моя пара,
То ябъ твое лычко
Тай измалювала,
А чорніи бровы,
Тай позолотыла,
На стини прыбыла,
Тай на тій стини,
Де сыдить мини,
На тій кровати,
Де спаты лягаты,
Дытя колыхаты.
Нихто не розлуче:
Ни отець, ни маты,
Ни пипъ, ни громада,
Тилко насъ розлуче
Заступъ, та лопата,
Та дубова хата,
Глыбокая яма,
Высока могыла,
Прощай моя мыла.
Жовтенькый писочокъ,
Прощай мій дружочокъ.

С. Петровское (Балабино), Алекс. у., Екатерин. г. Сообщила Өедора Козевіева. 26 Февраля 1885 г.

Сравн. *Чубинскій*, V, 13, № 34.

***

Чомъ соловей не спиваешъ?
Кажуть люды билый свитъ (2),
Стоить мылый край воритъ (2),
Клыче мылу на совитъ.
— А выйды, мыла,
Ты дивчыно молода,
А до мене на совитъ.
— Выжды, мылый, годыну,
Выжды мылый другую,
А покы своій ненци угожу,
Вечеряты наварю,
Билу постиль постелю,
А тоди тоби, парню молодому,
Усю правду розскажу.
— Добре тоби годячи,
По свитлонци ходячи,
А мини парню, молодому,
На́ морози стоячи (2),
Корець меду держачи (2).
А до корця рукы прыкыпають,
Снижкомъ билымъ очи засы-
[паеть (2).
Ой ходы колы ходышъ,
Ой любы колы любышъ,
А де сбереться челядонька,
То тамъ мене осудышъ.
Ты осудышь мене разъ
А я тебе два раза,
А де сбереться челядонька,
То заплюю тоби глаза.

9 Декабря 1887 г. г. Александровскъ. Записана отъ Кушугумовской дивчины Приськи Лисовки.

***

Якъ пиду я до млына
До новенького
Клыкаты вечеряты
Молоденького.

Якъ пиду я до млына
До дирявого
Клыкаты вечеряты
Кучерявого.

Якъ пиду я до млына
Не дозрубленого
Клыкаты вечеряты
Свого любленого.

С. Андреевка, Александр. у. Екатер. губ., 24 Апрѣля 1885 г. Записана отъ дѣвушки Орины Фень.

***

Та лечу, скачу, гирко плачу,
А кого люблю не побачу.
Та не бачивъ дивчины,
Та не бачивъ рыбчины,
Та тилко бачивъ якъ лынула,
Та крылычками стрепенула.
И крылечки роспустыла,
Жалю наробыла.
Ты дивчинонько вирнесенька,
Та спытай неньки стыхесенька,
Чи позволе ходыты,
Тебе вирно любыты.
Та ходы, ходы паринечку,
Та любы, любы мою дочку,
— А сусиды блызькіи
— Та вороги тяжкіи одобьють.
Ой вы сусидочкы голубочкы,
Вы збирайтеся докупочкы,
Та вы пыйте и гуляйте,
И мене не разлучайте съ молодцемъ.

С. Покровское, Александр. у., Екатер. г
Сообщ. Пелагея Сайенко 1885.

***

Та ходила дивка по надъ бережеч-
[комъ,
Якъ рожевый цвитъ,
Плаче и рыдае,

Шо доли не мае,
Заневоленый свитъ.
— Ой чого ты дивко плачешъ,
Та чого рыдаешъ: боишься отця?
Ой не бійся отця,
Бійся мене молодця,
Дивчино моя.
Та ходила дивчина по надъ береж-
[камы,
Якъ рожевый цвитъ,
Плаче и рыдае,
Шо доли не мае,
Заневоленый свитъ.
— Ой чого ты, дивко, плачешь,
Чого ты рыдаешъ: боишься ненькы?
Ой не бійся ненькы,
Бо я молоденькый,
Дивчино моя.

Та ходыла дивка по надъ бережеч-
[комъ,
Якъ рожевый цвитъ,
Плаче и рыдае,
Шо доли не мае,
Заневоленый свитъ.
— Ой чого ты, дивко, плачешъ,
Чого ты рыдаешъ,
Чи боишься сестры?
Ой не бійся сестры,
Бо я козакъ быстрый
Дивчино моя.
Та ходыла дивка по надъ бережеч-
[комъ. И т. д.
— Ой чого ты, дивко, плачешъ,
Чого ты рыдаешъ: боишься брата?
Ой не бійся брата,
Бо я гирше ката,
Дивчыно моя.

Ново-Гупаловка, Александр, у., Еп. Михайловскы.

***

Ой на мори дощь иде,
Ажъ буруны бьються,
У моеи родыноньки
Дрибни слезы льються.
Быйся, быйся мій ро-
[доньку,
Быйся побывайся,
Мене съ ціи краиноньки
Тай не сподивайся.
Ой буду я, буду
Недиленькы ждаты,
Чи не прыйде мій ба-
[тенько
Мене одвидаты.
Недиля мынае,
Батенька не мае,
Тоска, печаль на сер-
[деньку,
А нихто не знае.
Ой буду-жъ я, буду

Шей другои ждаты,
Чи не прыйде моя ненька
Мене одвидаты.
Недиля мынае,
Матинкы не мае и т. д.
Чы не прыйде мій брати-
[чокъ и т. д.
Чы не прыйде ридна
[сестра и т. д.
Якъ бы у мене крыла,
Знялась полетила-бъ,
До батька, до ненькы,
Ой сила-бъ я впала
У ненькы на порози,
Та облылы-бъ отця-
[неньку
Дрибненькіи слезы.
— Ой чого ты, доню,
Сію ничку тикала?
— Утикала, ненько моя,

Не ивше й не пывше.
Та вже-жъ мени доку-
[чило
На чужыни жывше.
Де я не ходыла,
Де я не блудыла,
Та не найшла тіи ненькы,
Шо мене вродыла;
Тико найшла поле,
Не то сине море,
Жалуй, жалуй мій ро-
[доньку,
Теперъ мени горе.
— Якъ тебе жалиты,
Якъ тебе кохаты,
Шо ты въ щасти роды-
[лася,
А въ роскоши зросла,
Ледачому попалась,—
Безъ щастя осталась.

— Пусты мене маты
На море купатысь:
Буду плаваты, порынаты,
Доленькы шукаты.
— Ой не пустю, донько,
Щобъ ты не втонула,
Уже твое щастя,—доля
Глыбоко пирнуло.
— Чы ты мене, мамо,
Въ горячимъ купала,
Купаюче проклынала,
Шобъ доли не мала?
— Ни, я тебе, моя доню,
Въ горячимъ не купала,
И не проклынала,
На гору йшла,
Тебе несла,
Водыци набрала.

Иванъ Кулибаба. Ольгинское, Маріуп. у., 1884 г.

Ср. *Чубинскій*, V, 465.

***

Журавко, журавко
Чого крычышь шо ранку?
Ой якъ мени не крычать,—
Ничимъ дитокъ годувать.
Ой далеко, далеко
Клынъ дерево одъ воды,
Ой далеко, далеко
Отець, ненька видъ мене.
Ой хоть вона далеко,
То згадають легко,
Не дай Боже померать,
То никому й поховать.
Якъ бы у мене сорокъ кипъ,—
Поховавъ бы старый пипъ;
Якъ бы у мене пьтакы,—
Поховалы-бъ и дякы;
Якъ бы у мене бувъ карманъ,—
Задзвонывъ бы паламарь.

Баба Гапка Пелепиха. С. Благодатное, Маріуп. у., 1874 г.

***

Изъ за горы, горы
Витеръ повивае (2),
Лозы росхыляе (2),
Де челядь гуляе (2),
Якъ макъ процвитае (2),
Маты дочку лае (2).
Гулять посылае (2).
Та гуляй, гуляй дочка,
Покы молоденька,
А якъ стара станешъ,
Гулять перестанешъ;
А якъ стара будешъ,
Гуляты забудешъ.
Та гуляла, гуляла,
Ненька не спыняла,
А теперъ зупыныла,
Чужая Вкраина (2),
Невирна дружына
И свитъ завьязала,
Гуляты заказала,
Рученькы звьязала
Малая дытына.

Д. Нескучное, Маріупольскаго у., Екатер. губ.
Записана отъ Евфиміи Новицкой. 1885 г. 24 Марта.

***

Ой у лузи, тай пры лужечку, червона калына,
Та пидъ тію калыною гуляла дивчына.
Вона ростомъ невелычка, сама молодая,
Руса коса до пояса, лента голубая.
Просылася молода дивчына зъ улыци до дому,
Ой хто-жъ мене, молодую одведе до дому!
Нехай тебе одведе сырая дубына,
Съ кымъ стояла, говорыла—мене осудыла.
Не я-жъ тебе осудыла, осудять насъ люды,
Шо зъ нашои полюбовы паронькы не буде.

Уродыла маты сына въ зеленому жыти,
Тай не дала щастя, доли, якъ на свити жыты.
Уродыла маты сына въ зеленій диброви,
Тай не дала счастья, доли,—дала чорни бровы.
Було-бъ тоби, моя ненька, цихъ бривъ не даваты,
Було-бъ тоби, моя ненько, счастья, долю даты.

1886 г. 3 Іюня. Дер. Августиновка, Екатеринослав. уѣзда. Записана отъ Васелисы Курта.

***

Черезъ мои ворота
Голубка летила,
Недавъ мене, мій батенько,
Куда я хотила;
Отдавъ мене, мій батенько—
Якъ кынувъ у воду,
Далеко видъ роду.
Ой вырву жъ я зъ рожи квитку,
Та вкыну у воду.
Плевы, плевы, зъ рожи квитка,
Ажъ до мого роду.
Якъ прыплевла зъ рожи квитка,
Та стала крутыться,
Выйшла маты воды браты
Тай стала журыться.
— Ой чого-жъ ця зъ рожи квитка,
На води завьяла,
Ой десь, моя дытыночка,
Тры годы лежала.
Не лежала, ненько моя,
Нигде ни мынуты,
Попалася въ добри рукы,
Набралася мукы.

Иванъ Домбровскій. С. Оссолонское, Маріупол. уѣзда, 1875 г.

***

Головонька моя бидная,
Въ мене ненька не ридная,
А дружына неймовирная:
Сама сида та вечеряе,
А мене, младу, посыла по воду.
Та йты мени черезъ батенькивъ двиръ,
Та йты мени черезъ матинчинъ двиръ,
Ще-жъ батенько на воротяхъ стоить,
А матинка у виконце глядыть:
— Ажось иде моя донечка,
Не зобута, не зодягнутая,
Тико збыта, та излаяная.
Ты дытятко, дытя риднее,
Яке тоби життя гиркее,
Чы померзлы въ тебе ниженькы?
— Спытай, тату, сирои утинкы,
Чы холодна у Самари вода,—
Тико мени та у свекра добра.
Не плачъ, дытя, ни на батенька,
Не плачъ, дытя, ни на матинку,
А плачъ, дытя, та на доленьку,
Шо попала у неволеньку.

Евфимъ Сошенко. С. Ольгинское, Маріупол. уѣзда 1875 г.

***

Коло млына вся калына, не калына—свекла,
Колы-бъ мени, Господы, отъ батька до свекра.

Колы-бъ мени, Господы, свекрухи диждаты,
Та заставлю, стару суку, халяндры скакаты,
Скакай, скакай, стара суко, хоть на одній нижци,
А шобъ знала якъ годыты молодій невистци,

30 Ноября 1887 г. Кушугумовка, Алекс. у.
Записана отъ Прыськы Лисовой.

* * *

Ой оравъ Семенъ, оравъ сирыми воламы....

См. *Чубинскій*, V, стр. 655—659.

* * *

Задумалы та рыбалочкы *рибоньку ловить* [1]),
Та не піймалы щукы рыбы, *піймалы лына*,
Та тяглы, тяглы, та до бережка, *ажъ мале дытя*.
Та узялы те мале дытя *на били рукы*,
Та понеслы те мале дытя *у казенный домъ*,
Та положылы те мале дытя *на тесовый столъ*.
Собирайтеся, вси красавыци, *буде переборъ*.
Которая, а красавыця, *дытя зродыла*,
Та изродывши, та изродывши, *въ Дунай пустыла*
Та въ недиленьку, та пораненько, *вси звоны гудуть*,
Та ужежъ тую, та красавыцю, *пидъ наказъ ведуть*.
А за нею иде отець, маты, *плачуть рыдають*,
Та не плачъ маты, та не плачъ *ридна, бо ще й дома дви*
Та не давай тіи воли *якъ дала мини*.
Та не плачъ, маты, не плачъ ридна, *бо ще дома пьять*.
Та не пускай же ты на улыцю, *нехай дома сплять*.

20 Апрѣля 1885 г. дер. Кушугумовка, Алекс. у.
Екатер. губ. Пѣли бабы Марья Чорноволова, Марина Берестенкова.

* * *

Маты сына недоросткомъ оженыла,
А яжъ того недоростка по викъ не любыла
Чотыри недили та й не говорыла,
А на пьяту недилю тай заговорыла:
Та запрягай, недоростку, коня вороного,
Та поидемъ, недоростку, до батенька въ гости.
Ихалы поле, ихалы друге,
На третье поле сталы повертаты
Стала я недоростка зъ воза испыхаты

---

[1]) Курсивныя слова при пѣніи повторяются два раза.

Ой уставай, недоростку, изъ воза до долу,
Та пидемо, недоростку, въ зелену диброву.
Привьязала недоростка до дуба плечима,
До батька очыма.
Ой стій же ты, недоростку, я въ гости поиду,
Я до тебе, недоростку, видтиль заиду.
Не богато гостювала—чотыри недили,
А на пьяту недиленьку до дому поиду.
Я до того недоростка въ диброву заиду,
Здоровъ тоби, недоростку, чи спышъ, чи дримаешъ
А чи може молодую зъ гостей выглядаешъ.
А я-жъ, моя мыла, не сплю й не дримаю,
Та я-жъ тебе молодои зъ гостей выглядаю,
Та скризь мои реберечки травка проростае,
Та изъ моихъ карихъ очей вода протикае,
Ой дай мини, моя мыла, хоть воды напыться.
Не дамъ тоби, недоростку, будешъ матери хвалыться.
Ой не буду, моя мыла, далеби не буду,
Та я-жъ цего гостювання по викъ не забуду.
Ой прыихавъ недоростокъ до своего двору.
Выйшла его ридна маты сына зостричаты:
Ой чого жъ ты, сынку, зъ лычка изминывся,
А хиба жъ ты въ тестя меду й вина перепывся.
Перепывся меду й вына перепывся,
За чотыри недиленькы водыци попывся
Ой визьмы жъ ты, сынку, ременнніи вижкы,
Звьяжы своій мылій ручкы били й нижкы.
Визьмы, сынку, дротяну нагайку,
Та давай своій мылій гостювання,
Щобъ же вона знала одъ ныни до вику,
Щобъ же вона знала колы, гостювала,
Колы тебе молодого до дуба вьязала.

С. Ново-Гуполовка, (Вербовн) Александр.
Екат. г. Сообщилъ Ефимъ Пивень. Январь 1885

* * *

Якъ булы въ мене волы,
Не цуралыся кумы,
  Эй, не цуралыся кумы.
Якъ пропывъ я волы,
Отцуралыся кумы,
  Эй, отцуралыся кумы.
А пьють кумы й гуляють,
Мою хату мынають,
  Эй, мою хату мынають,
А я маю надію,

Куплю волы въ недилю,
Эй, куплю волы въ недилю.
Якъ визьму я батижокъ,
Та пиду я на торжокъ,
Эй, та пиду я на торжокъ.
Трое сутокъ проходывъ,
Такы волыкивъ купывъ,
Эй, такы волыкы купывъ.
Иеду до дому волы,
Зостричаютъ и кумы,
Эй, зостричають и кумы.
Зостричають кумы,
Пытаються за волы,
Эй, пытаються за волы.
Де ты, куме, волы взявъ,
Чи выпросывъ, чи укравъ?
Эй, чи выпросывъ, чи укравъ?
Я не просывъ, я не кравъ,
Я сто рубливъ за ихъ давъ,
Эй, я сто рубливъ за ихъ давъ.
Годи, куме, цураться,
Давай, куме, родняться,
Эй, давай, куме, родняться.
Давай, куме, пыть, гулять,
Та до себе въ гости звать,
Эй, та до себе въ гости звать.
Теперь буду и я знать,
Съ кимъ я буду пыть гулять,
Эй, съ кимъ я буду пыть гулять.
Изъ вирною женою,
Изъ ридною сестрою.
Эй, изъ ридною сестрою.
Мене жинка не гуде,
А сестрица не суде,
Эй, а сестрыця не суде.

Петровское (Балабино), Алекс. у., Екатер. г., собщ. Θедора Козовіева. 26 Февраля 1885 г.

***

Якъ посіявъ козакъ гречку
На дубови на вершечку
Ой дубъ, дуба дуба
Раздубъ дуба зеленаго,
Якъ схватылась шуря буря,
Козакови гречку здула,
Ой дубъ, дуба дуба....
Ой гречка не полова,
А въ козака чорни брови.
Якъ устану раненько,
Та й умыюся биленько,
Якъ сяду я край виконця
Противъ яснаго сонця,
Противъ яснаго сонця,
Выглядаты черноморця,
Черноморець иде, иде
И семеро коней веде,
На восьмому вороному,
У жупани голубому
У жупани голубому,
Я жъ думала шо до дому,
Я жъ думала шо до дому,
Ажъ винъ поихавъ до Дону.
Ой ставъ коней напуваты,
Стала вода прыбуваты,
Стала вода прибуваты,
Чорноморець потопаты,
Черноморець потопае,
Тай на мылую гукае.
Ратуй, ратуй моя мыла,
Колы вирно любыла,
Ой радабъ я ратуваты,
Такъ не вмію плаваты,
Якъ бы човенъ та весельце,
Ратувала бъ мое сердце,
Якъ пиду я по люды,
Чы не жаль кому буде.
Покы люды изийшлыся,
Черноморець утопывся,
Покы люды изибралысь,

Чорноморця утерялы.
Плевы, плевы за водою
Остаюся удовою.
Плевы, плевы зъ плиточкамы
Остаюся зъ диточкамы.
Ой дубъ, дуба дуба
Раздубъ дуба зеленого.

14 Декабря 1887 г. Г. Александровскъ. Записана отъ дивчатокъ: Ольги, Маріи, Химочки, Маруси, Оксаны и мальчика Кости.

***

Гуляйте дивчата,
Въ кого ридна маты (2),
А у мене не ридна,
Головонька бидна (3),
Посылае до броду,
А рано поводу (2),
Та ще й прыказала,
Шобъ повненьки бра-
[ла (3),
Тай не розлывала.
Стала воду браты,
А Бога прохаты (2).
Ой дай мени Боже
Хоть малую смертю (3),
Шобъ тутъ мени вмер-
[ты (2),
Шобъ до дому не йты,
Водыци не несты (3).
Матуси не годыты (2).
Ой зъ за горы, горы,
Зъ за крутои балкы (2),
А де узялося,
А тры сирихъ вовка (2),
Одынъ вовчыкъ каже:
— Мини били руки;
Другый вовчыкъ каже:
— Мини били груды;
Третій вовчыкъ каже:
— Мини уся буде.
Взялы-жъ тую дивку
Пидъ билыи рукы,
Понеслы ту дивку
У ямы глыбоки
Ой дай мини, Боже,
Хочъ малу дытыну (2),
Батькови сказаты,
Шобъ мене не ждалы (3),
Обидъ исправлялы (3),
Мене помыналы.

6 Декабря 1887 г. Александровскъ. Записан отъ Приськи Лисовой, изъ д. Кушугумовки.

***

Чоловиче шо думаешъ,
Шо ты все пьешъ, та гуляешъ,
Шо все гульки, та гульки,
А объ смерти нема думкы?
— Я смерты не боюся,
Я отъ смерты откуплюся,
Хлибомъ, силью окрошуся,
И гостямы обсадюся.
Возьму чарку, пляшку въ рукы,
А объ смерти нема думкы.
А смерть двери отчиня.
Тоди козакъ острахнувся,
Передъ смертью схаменувся.
— Смерть же моя, маты моя,
Повремены времня мени.
— Уже жъ тоби временыла,
Временыла й говорыла.
Жинка:
— Я жъ тоби казала шо смерть
[грошей не прыймае,
И на вдатки не вдаряе:
Кого схоче Богу взяты
Не отсуде отець й маты,
Ни ридная родыночка,
Ни мылая дытыночка.

Ново-Гупаловка, Александр. у., Екатер. г. Записана отъ 72 л. старухи Маріи Дворецкой. 1885 г.

3.

Шутливыя.

***

Якъ поихавъ Савродымъ у поле ораты....

Ново-Гупаловка, Алекс. у., Екатер. г. Записана отъ Еп. Собякоревой 1886, 18 Января.

См. *Сборникъ*, Харьк. И. Ф. Общ. V, 146, № 87.

***

Ой кывнула молодыця бровамы на мене,
Кыдай, серце, возы мазать та ходы до мене.
Пидмовыла чумака на ничъ ночуваты,
Поставыла стороженьку щобъ мене пійматы.
А я чумачына, а я догадався,
Хымо, хымо по пидъ тынью та въ зилля сховався.
Ой якъ пишлы жиночкы та зиллячко рваты,
Та все жъ того чумака слиду слидуваты.
Ой це жъ той походывъ,
Що у поли не робывъ,
О це жъ того слидочокъ,
Що одбывъ жиночокъ.
Конопельки, пелькы, трава зелененька,
За хорошымъ чоловикомъ жинка молоденька.
Конопелькы, пелькы, трава посыхае,
За поганымъ чоловикомъ жинка помырае.

Покровское, Александр. у., Екатерин. губ. Отъ Маріи Сайенко. 1885 г.

***

[Н]а колоди стояла,
[Н]а хлопцивъ моргала,
[Х]оды хлопци до мене,
[Ч]орни брови у мене.
- Чортъ тебе беры зъ нымы,
[Т]ы давно манышъ нымы.
- Якъ бы я не маныла,
Тобъ я боса ходыла,
А то я шевчыка маню,
Въ черевыченькахъ ходю.
Одна пара чорная,
Другая червоная,
Третя сапьяновая,
Сама я чорноброваая.

Д. Нескучное, Маріуп. у., Екатер. г. Сообщ. Ефимія Новицкая. 1887 г. 11 Февраля.

***

[О]й дидъ мидный,
[А] баба securityзна,
[Д]идъ лигъ на печи,
А баба полизла.
Ой лигъ дидъ на печи,
Та зигнувся якъ ижакъ,
Бережыся вража бабо
Бо выскочу якъ ло-
[шакъ...

Баба Секлета. 29 Декабря 1887 г. Кушугумовка.

* * *

Полюбыла коваля,
Тай не доля моя,
Я-жъ думала кучерявый,
Ажъ и чуба нема.

Я-жъ думала обголывся,
Ажъ винъ въ кузни осмалывся,
Одна була волосына,
Та й ту гныда откусыла...

Петровка, Козелецкаго у., Черниговской губ.,
сообщ. Н. П. Иванова. 5 Мая 1885 г.

* * *

Ой напыймося
Якъ намъ хочеться,
Якъ стари станемъ

То й не схочется.
Твое скорчыться,
Мое зморщиться,

Тай обоимъ разомъ,
Тай не схочеться.

Баба Секлета Проценко. 29 Декабря
1887 г. д. Кушугумовка.

* * *

Теренъ, теренъ тай не хмиль,
Прыйшовъ мылый тай не мій;
А мый мылый не такый,
Зъ чорными бровамы.
Та поихавъ у дорогу

Сиримы воламы.
Теренъ, теренъ биля хаты,
Та никому обирваты,
Треба Грыця попросыты,
Шобъ той теренъ обтрусыты.

24 Апрѣля 1885 г. Андреевка, Александр. уѣзд.
Екатер. губ. Записана отъ Орины Фень 18 лѣтъ.

Ср. *Чубинскій* V 1137, № 105.

* * *

Навгороди шовковыця,
Чорни бровы въ поповыча,
А я свои въ сажу мажу,
Поповыча переважу.

Навгороди бурьяныка,
Чорни брови въ дворяныка,
А я свои въ сажу мажу,
Дворяныка переважу.

24 Апрѣля 1385 г. Андреевка, Александровск. уѣзд.
Екатер. губ. Записана отъ Орины Фень.

* * *

Ой учора изъ вечора трубочка курылась,
Якъ поклавъ я на полыцю,—впала тай розбилась,
Ой, уставъ я, рано зранку,—по трубци тужыты,
Трубка-жъ моя, черепьянка, де тебе нажыты?
Якъ пишовъ я, до торгу, трубки торгуваты,
Тамъ дивчына молодая пшоно продавала
Вона мени молодому трубку сторгувала.
Якъ пишовъ я у кабакъ выпыть за три гроши
А тамъ сыдять молодыци, черняви, хороши.
А я парень, а я добрый, на вси штукы вдався,
Сюды, туды помежъ ными, тай поженыхався.

Якъ плыгнувъ я, черезъ тынъ, тай не доторкнувся,
Якъ ударывъ мужикъ цыпомъ,—тико усмихнувся.
Ой здаеться не болило,—не можна робыты,
Таки-жъ бо я не покынувъ, молодыць любыты.

Михаилъ Маевскій. С. Ольгинское, Маріупол. у. 1875 г.

***

Ой такъ не було,
Пропыла помило,
Повернуся по хати,
Буде лыхо й лопати.

Ой такъ, тай байдуже,
Затипала хвартухъ дуже,
Чоловиче визьмы нижъ,
Покы мокре,—поты й рижъ.

Андрей Дмитр. Кравченко 62 л. Александровскъ, Екатер. губ., 6 Января 1894 г.

***

оя жинка не пьяныця,
игде-жъ вона не шляеться,
къ зачуе въ голови—
яже спать у рови.
рокынеться якъ та курка,
ема платка, ни капурка,
акрыеться рукавцемъ,
ай до дому манивцемъ.

Моя жинка знакомыта,
Задрыпана зъ заду свыта,
Захлепена пелена,—
Така жинка моя.
Шей на нижку шкандыбае,
Шей на спыни горбокъ мае,
Така гарна, така гожа,
Побый іи сыла Божа.

Компанія жинокъ. Ивановка, Александр. у. 1871 г.

***

ерезъ гребельку иду
І оснивучку несу,
за мною дитынята
Iесуть мои клубенята.

Оснивочку пропыла,
Клубкы на похмилля,
Нехай дома не лежыть
Погане бездилля.

Баба Марчыха. Ольгинское, Маріуп. у. 1774 г.

***

Iогось мени не прядеться
Iидо мною дныще гнеться
Веретено брыкаеться
Гонка пряжа щипаеться.

Якъ покыну вражу пряжу
Та полизу на пичъ ляжу,
Якъ покыну гребиныще
Та попарю жывотыще.

Степаныда Коваленкова. Д. Юльевка, Александр. у, Екатер. г., 1875 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Малорусскія сказки, преданія, пословицы и повѣрья, зап. И. И. Манжурой въ Екатериносл. губ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этнографическій Отдѣлъ Московскаго Общества Люб. Ест., Антр. и Этнографіи, извѣщенный о смерти своего сочлена Ив. Ив. Манжуры, почтилъ память покойнаго въ первомъ своемъ осеннемъ засѣданіи 28 сент. 1893 г. и въ томъ же засѣданіи подвергъ обсужденію внесенный секретаремъ Отдѣла вопросъ о судьбѣ этнографическихъ матеріаловъ И. И. Манжуры, хранящихся въ Отдѣлѣ. За невозможностью издать ихъ въ скоромъ времени цѣликомъ и не желая разбивать ихъ для печатанія по частямъ, Отдѣлъ пришелъ къ заключенію, что согласно предложенію секретаря лучше всего передать означенные матеріалы Харьковскому Историко-Филологическому Обществу, которое уже издало въ 2 т. Сборника часть матеріаловъ Манжуры—обширный сборникъ сказокъ и, можетъ быть, найдетъ возможность издать также и эти записи, составляющія дополненіе къ изданнымъ. Согласно съ таковымъ постановленіемъ Отдѣла, въ И.-Ф. Общество препровождена рукопись Ив. Ив. Манжуры (вмѣстѣ съ его письмомъ), подъ заглавіемъ: „Малорусскія сказки, разсказы, преданія, пословицы, повѣрья и т. п., записанныя въ Ново-Моск. уѣз. Екат. губ.

Харьковское Ист.-Фил. Общ., принявъ предложеніе моск. общ. Л.-Е., А. и Э., постановило напечатать сборникъ Манжуры въ ближайшемъ VI т. Сборника, исключивъ нѣсколько мелкихъ разсказовъ, неудобныхъ для печати и незначительныхъ по содержанію. Сокращенія эти предусмотрѣны самимъ собирателемъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма И. И. Манжуры въ редакцію Этнографическаго Обозрѣнія. „Посылаю небольшой сборникъ малорусскихъ сказокъ, разсказовъ и т. п., записанныхъ мною послѣ изданія Харьк. Истор.-Филолог. Обществомъ большого моего сборника подобнаго содержанія... Записанныя сказки, особенно мелочь, насколько я могу судить по памяти, кажется, новыя, или выдающіеся варіанты, по крайней мѣрѣ онѣ у Рудченка и Драгоманова не встрѣчаются. Пословицы я сличалъ со сборникомъ „Приказокъ“ Номиса и все совпадающее выбросилъ, а если и

встрѣтится какой десятокъ-два однородныхъ—не велика бѣда. Если что окажется нужнымъ, очень уже сходное съ напечатаннымъ, или неудобное по цензурнымъ условіямъ, какъ „Сердыта Богородыця“, „Передѣлъ земли“— редакція, само собою разумѣется, не стѣсняясь, можетъ выбросить“.

За устраненіемъ нѣсколькихъ небольшихъ анекдотовъ, все остальное издается безъ измѣненій и безъ сокращеній.

Н. Сумцовъ.

Край свиту, та тры царства: мидне, серебрене и золоте.

Бувъ соби чоловикъ та жинка, та бувъ у ихъ сынъ Ванько. Отъ слуха той Ванько, шо есть десь край свиту.—Пиду я, дума, найду, де воно. Пишовъ соби и не сказавъ никому. Иде та иде, иде та иде, и знайшовъ десь отару (стадо), та таку, шо и вивци мидни, и чабаны мидни и земля пидъ нымы мидна. Пыта ихъ: „А де тутъ край свита“?—Иды, кажуть, хлопче, дали, та буде тоби ще серебрене царство—то тамъ може скажуть. Пишовъ винъ; иде та иде, иде та иде, прыходе, ажъ друга отара—и сама серебрена, и чабаны серебрени, и земля серебрена, чисто усе серебрене. Спытавъ винъ ихъ про край свита, воны и кажуть: „иды десь дали, та буде тоби золоте царство, то може тамъ знають“.—Подякувавъ винъ имъ и пишовъ. Черезъ яке тамъ времья набривъ на третю отару—и сама золота, и чабаны коло неи золоти, и степъ увесь золотый. Просе винъ ихъ, чи не знають воны, де той край свиту.—„Иды, кажуть, такъ-то и такъ, та будуть тоби ворота таки здорови, шо ты ихъ не перелизешъ, такъ ты ихъ обмены у праву руку; буде тоби тамъ стежечка и стринуть тебе на той стежечци два вовкы, такъ ты ихъ не бійся и не займай, а ляжъ, то воны тебе посцять, тай побижать соби геть. Подякувавъ винъ имъ и пишовъ соби. Иде та иде, ажъ такъ: прыходе—ворота здорови прездорови; звернувъ винъ у праву ручь—и стежка есть; иде винъ по тій стежци—ажъ бижать два вовкы; винъ упавъ ныць, воны добиглы до его, понюхалы та сцыкъ-сцыкъ на его и побиглы соби. Винъ уставъ и пишовъ дали. Колы це прыходе—ажъ темно-темно скризь; полапавъ винъ— ажъ воно таке, якъ колодецъ, такъ и двыжится: то вже хмары тамъ на землю сидають. Роздывывсь винъ, ажъ стоить хатка на курячихъ лапкахъ. Винъ у ту хатку, ажъ тамъ баба; винъ и давай прохатысь переночуваты. „Я-бъ тебе каже, и пустыла та прылетыть мій сынъ-змій, винъ тебе забье“.— „Та я де небудь у спряти переночую“.—„Ну добре“.—Взяла вона его и заховала у будку пидъ бочку. Отъ прылита змій. Поставыла вона ему исты, винъ и каже:—„шо це, мамо, такъ руська кость пахне“?—„Та то ты по земли литавъ, такъ вона тоби и доси учувается“.—„А, може и такъ“. Отто повечерявъ, лигъ спаты, уранци уставъ и подавсь соби. Вона тоди

·ого Ванька выпустыла, дае ему бочоночокъ такъ якъ кулачокъ и каже: на тоби отцей бочонокъ: якъ схочешъ исты, або шо задумаешъ зробыты, илко махны имъ, такъ усе тоби тутъ и буде". Подякувавъ винъ йій и ишовъ соби. Отто прыходе уже золоте царство, до тыхъ золотыхъ чабаивъ, махнувъ тымъ бочоночкомъ—такъ де и узявся золотый шатеръ, а ему и пыткы (напитки) и найідкы усяки. Отъ нагодувавъ винъ ихъ, самъ айився, махнувъ тымъ бочоночкомъ, такъ уразъ де все те и подилось, и ишовъ соби. Колы це у слидъ ему бижать коляскою та пытають тыхъ абанивъ, чи не бачилы тутъ такого-то и такого. „Ни, кажуть ти, не бачилы".—Отъ прыходе винъ у серебрене царство и тамъ напоивъ и нагодувавъ чабанивъ, и йде соби дали. Колы и тутъ за имъ погонь.—„Не бачилы, ытають, такого-то"?—Ни, кажуть, не бачилы".—Дали нагодувавъ чабаивъ и у мидному царстви, и тутъ его та погонь не здогнала.

Прыходе винъ до дому и упрохавсь до батька та матери ночуваты. Ти его и не пизналы, бо де тоби! пишовъ, може ему годъ десять було, а е уже чоловикъ у середнихъ литахъ. Давай винъ ихъ роспытувать, якъ оны живуть, та чи есть у ихъ диты.—„Бувъ, кажуть, одынъ сынъ Ванько, а пишовъ краю свита шукать, та не ма его и висты.—„А подывиться, аже, може це винъ. Отъ и оставсь винъ зъ имы жыты. А у ихъ хатка була на край слободы, заразъ биля хаты толока починалась, а за толокою руча, а тамъ море, а за тымъ моремъ та жывъ змій. Отто винъ уставъ ранци, махнувъ тымъ бочоночкомъ—уразъ ему скризь по толоци и дома и авкы строються, за ранокъ цилый городъ выстроивсь. Давай винъ тоди арську дочку свататы. Царь ему и каже: якъ построишъ ты за ничь клянну церкву та одъ твоеи хаты до мене склянный мистъ, такъ оддамъ очку". Винъ тилко выйшовъ, махнувъ тымъ бочоночкомъ—уразъ усе те е и взялось. Забравъ винъ тоди ту царевну дочку и жыве соби. Та до иеи поры того бочоночка никому не дававъ, а це уже начавъ жинци доирять. Отъ разъ не було его дома, а той змій, шо проты его черезъ море кивъ, прылетивъ до его жинкы тай пыта: „чи ты мене любышь"?—„Люблю, аже".—„Ну такъ, беры бочоночокъ, сидай на мене та пойидемо на мою батькивщину". Отто и завизъ йіи. А Иванъ-Царевичъ [1]) вернувсь та якъ глянувъ—у его усе пообвалювалось, запустынило, а по тимъ боци моря аке строиться! Винъ тоди пишовъ до матери.—„Дайте, каже, мамо, мени сто рублывъ". Вона выняла и дала. Пишовъ винъ на базарь, дывытся—веде чоловикъ морську собаку та здорову-прездорову.—„Шо тоби за неи"? „Давай сто рублывъ". Винъ вынявъ и давъ. Прывивъ ту собаку до дому и укынувъ у погрибъ.—„Дайте, каже, мамо, ше сто рублывъ. Вона и ше ему дала.

[1]) Це винъ ставъ царевычемъ, бо царивну забравъ. *Прим. раз.*

Пишовъ винъ на базарь—ажъ веде чоловикъ морського кота.—„Шо то
за его“?—„Та давай, каже, сто рубливъ“. Винъ вынявъ и давъ. Отъ про
и у трете.—„Дайте, мамо, мени ше сто рубливъ“. Вона ше дала. Винъ пи
шовъ та купывъ ше и морську мышу. Отто, якъ скупывсь, забравъ усе т
прыйшовъ до моря, сивъ на собаку, китъ еи рота заткнувъ, а мыш
гузно, и попливъ на той бикъ моря до змія. Отъ прыпливъ, собака ж
побигла шукаты по березі то дохлои рыбы то се, а китъ та мыша д
того змія. Прыбиглы пидъ двери, а китъ:—нявъ! Пусты, каже змій, жин
цего кота у хату, це морській, добрый китъ.—Одчинила вона двери, кит
у хату, а мыша ему попидъ черевомъ и соби у хату. Китъ же ластытс
а мыша метнулась, шукала, шукала—нема того бочоночка. Похвалыла
вона котови а той изновъ:—нявъ!—„Дай, ёму, каже, булкы, та выпуст
его“. Одризала вона ему здоровый шматъ булкы, одчинила двери, китъ
булку та зъ хаты, а мыша попидъ котомъ и соби зъ хаты. Прыбиглы д
Ивана-Царевича. Отдавъ китъ ему ту булку.—Не найшлы, кажуть.—,
вы, каже, шукайте увъ одежи, бо вона его усе пры соби носе“. Подалы
воны знову. Отъ китъ пидъ дверми:—нявъ!—Его и пустылы, а мыша п
пидъ нымъ и соби у хату. На цей разъ давай шарыты, давай шарыт
знайшла такы. Тоди кота пидъ бикъ штовхъ, а той—нявъ!—„Та выже
его, каже змій,—усе ему то одчиняй, то зачиняй“. Выпустыла вона их
Прыбиглы воны до Ивана-Царевыча, оддалы той бочоночокъ.—„Ну тепер
каже, давайте тикаты, бо це винъ якъ прокынется та оглядытся, доже
насъ та забье. Зновъ китъ собаци рота заткнувъ, а мыша гузно. Си
Иванъ-Царевичъ и попливлы. Отто выйшлы на берегъ, пустывъ винъ и
на волю, а самъ якъ махне тымъ бочоночкомъ, такъ де то и берется: п
строивсь ему упьять городъ, а тамъ у змія, дывытся, усе валяется та раз
ряется. А змій якъ оглядивсь, прылита до его: „А шо, пыта, чы буде
быться, чы мыраться“?—„А вже-жъ, каже, шо быться“. Отъ змій я
ударе Ивана-Царевича, такъ по кисточкы и угнавъ у землю, а Иван
Царевичъ якъ ударе змія, то ажъ по колина угнавъ. Змій якъ ударе ше
угнавъ Ивана-Царевича по колина, а той его ажъ по поясъ.—„Ну тепер
каже змій, давай спочиньмо. Силы спочиваты. Отъ змій забалакуе его, з
балакуе, а це якъ ударе Ивана-Царевыча, а у Ивана-Царевыча була
кармани киска.—„А, ты, каже такъ“? Та й одризавъ зміеви тією киско
голову, тай ставъ уже тоди самъ безъ жинкы жыты, а вона тамъ де
и пропала. [1]).

(Запис. въ 1889 г. со словъ „хлопчика“ въ Мануйлов
Новомосковскаго у., Екатеринославской губ.).

[1]) Сказка эта встрѣчается у разныхъ народовъ; французскіе и др. западные варіан
отмѣчены у *Cosquin* въ Contes popul. de Lorraine II, № 75; кромѣ того близкія новогреч
ская у *Carnoy et Nicolaides*, Les Trad. pop. de l'Asie Mineur 70—74, болгарская въ IX к
Сборника *Шапкарева*. Прим. Н. С.

Мыколай Угоднык—сыроти помошнык.

Була соби удова и бувъ у неи хлопчикъ. Отъ разъ той хлопчикъ пишовъ на базарь, назбыравъ тамъ на смитныкахъ, то-що: гвиздочкивъ, запизячокъ, сивъ зъ ными пидъ лавкамы тай торгуе. И такъ ему пишлось у руку, шо до ёго люде зъ у сёго базарю йдуть, а у купцивъ нихто и не купуе. А у тыхъ купцивъ та высивъ пидъ лавкамы Мыколай-Угоднык. Отъ, бачуть купци—шо тому хлопцеви такъ похартуныло и кажуть своимъ прыкащикамъ:—зачепить цего Мыколая арканомъ, привьяжить коневи до хвоста тай волочить по базарю; чомъ винъ до насъ людей не наверта. —Ти прыкащикы такъ усе и зробылы: знялы того Мыколая, зачепылы арканомъ, волочуть по базарю та знущаются надъ нымъ. Ажъ ось иде той удовынъ хлопчикъ.—Шо це вы, каже, робыте?—А чомъ же винъ до нашихъ хозяинивъ людей не наверта?—кажуть ти. Ось продайте, каже той хлопчикъ, его мени.—Тай купы.—Стилько жъ вамъ дать?—Та давай коповыка (50 коп.).—Хлопчикъ и оддавъ имъ того коповыка,—уси то его гроши, шо винъ за той день уторгувавъ, узявъ того Мыколая, обчистывъ, обитеръ его и несе до дому. Колы це догоня его дидокъ, та такый уже старый, старый, шо тилко ему кулешыкъ исты... Поздоровкавсь той дидокъ зъ хлопцемъ и просытся до его переночуваты. Я, каже хлопчикъ, самъ ше не хозяинъ, а есть у мене дома маты, колы воны пустять такъ и ночуйте. Отъ прыйшлы до его—до дому, винъ матери и каже:—шо ось просытся якыйсь дидокъ на ночивью.—Та хай, каже маты, ночуе, миста не переleже. Отто найшла имъ маты и повечеряты; повечерялы воны и полягалы спаты. Та жъ удова зъ сыномъ сплять, а дидокъ уставъ тай пишовъ десь у лисъ, нарубавъ тамъципыльнивъ, бычивъ, рогачильнивъ, граблыщь, усякого такого, та покы ранокъ и прынисъ усе те до дому. Отъ у ранци и каже тому хлопцеви:—Понесы ты отце все на базарь та продай. Распродавъ хлопець усе те, вертается увечери до дому.—Ну, каже дидокъ, а то бувъ самъ Богъ, пиды ты та за ти гроши шо уторгувавъ—та наймы на усю ничъ брычку. —Пишовъ той, нанявъ.—Ну, теперь, каже дидокъ, сидай та поидемъ. Отто йидуть, тай йдуть... А чи далеко ше?—пыта хлопець.—А онъ дывысь, каже дидокъ, де зирка стоить надъ землею.—Дойихалы воны до тіеи зиркы, —ажъ тамъ погрибъ. Дидъ и пыта:—А яки тоби найлуччи гроши: чи мидни, чи срибни, чи золоти?—Усяки, каже хлопець, гарни, и усыхъ бы я по троху набравъ.--Ну такъ ходимъ.—каже дидокъ. Отъ пишлы воны у той погрибъ, ажъ тамъ бочкы та повни грошей и срибныхъ, и золотыхъ, и мидныхъ.—Набралы воны тыхъ грошей повну брычку, а на ранокъ и дома сталы.—Ну, каже дидокъ, теперь иды ты на прыстань та купуй найкращій корабель, та догаварюйсь такъ шобъ продавалы зъ увсымъ, якый тамъ есть товаръ.—А у того хлопця та булы дядьки та таки богати шо царе-

ви караблямы на салдатъ сукна поставлялы.—Отъ прыходе той хлопець до ныхъ тай пыта—чи нема у ныхъ якого продажнего корабля, та такъ якъ есть—зъ товарамы. Дядькы ти сміются зъ его:—бачь, якый купець! И самому йисты ничого, а винъ ше до себе якогось старця прынявъ, та ше и дурака строе—продажнего карабля зъ товаромъ пыта!—А той хлопець усе свое товче:—шо берить—то й берить, а продайте корабля.—Ти бачуть, шо винъ не шуткуе, согласылысь тай показалы ему само де не есть поганишаго, а заправылы и не знать шо. Пишовъ винъ до дида—шо якъ его дядькы налыгаты кораблемъ хотять.—Ничего, каже дидъ, купуй. Отъ той пишовъ, оддавъ дядькамъ гроши и давай зъ дидомъ того корабля у дорогу лагодыты. Покы воны налагодылы того карабля, ти дядькы вже геть далеко своимы кораблямы сталы. А якъ вже ци налагодылы та рушылы, за день за два и перегналы ихъ. Отто прыйихалы воны до царя, царь и объявля: —Шо есть у мене у церкви пидъ помостомъ заклята дочка, хто ии одчитае—такъ я тому половыну царства дамъ.—Той хлопець вернувсь на карабль тай хвалытся дидови—шо имъ царь загадавъ.—Берысь, каже дидъ, одчитуваты, я тоби поможу.—Той хлопець и объявывсь цареви:—шо ось я одчитаю дочку.—Царь такый ему радый.—Идыжъ, каже, та уберайсь, а въ вечери тебе зъ нею у церкви запру.—А ту закляту дочку—стилько вже людей не бралось одчитуваты, такъ вона у сякого у перву жъ ничъ и розирве у шмаття. Отто пишовъ винъ на свій корабель, каже дидови—шо вже поминывсь.—Ну, каже, дидъ, якъ вылизе вона до тебе опивночи, такъ ты не лякайся, а тилько усе отченашу чытай; и чимъ вже вона тоби тамъ не вздриватыметься, не бійсь, усе те—до тебе буде *витромъ пидходыты*.—Отъ заперлы его у тій церквы, шо винъ вже тамъ бачивъ, якъ читавъ—не звистно, тилько уранци царь и каже:—пидить та хочь его кисткы зъ церквы повыкыдайте.—Колы одперлы церкву,—а винъ жывый. Отъ и на другу ничъ заперлы его. И шо вже тамъ ему не було, шо не вздривалось, винъ усе отченашу чита... Выдержавъ и цю ничь.—Теперъ же, каже дидокъ на третю ничь, на тоби отци кресты, та якъ сикнется вона до тебѣ, такъ піймай іи за петелькы тай надинь на неи отци хресты. Отто заперлы его и на треттю ничь. Знову вона до его и такъ и сякъ, шо вже не робыла, а то перекынулась его матирью тай лизе цилуватысь... А винъ іи якось за петелькы тай надивъ на неи ти хресты... Отъ уранци попрыходылы и царь и причетныки его уси, дывлятся—ажъ воны удвохъ стоять навколюшкахъ та Богу молятся. Тоди царь оддавъ за его дочку та у своему царстви и поселывъ его [1]).

Новомосковскій уѣздъ, Екатеринослав. губ.

[1]) Смѣшано нѣсколько сказочныхъ и легендарныхъ мотивовъ. Конецъ—отчитываніе царевны болѣе подробно воспроизводится у *Иванова* въ 3 т. Сборн. Харьк. ист.-фил. Общ. [illegible]

Панъ биды шука.

Бувъ у пана кучерь, а у того кучеря, якъ було шо зробе недопуття, прыказка:—отце бида! Отъ панъ чуе, шо винъ усе на биду жалкуется и каже ему:—шо тамъ у тебе за бида, шо я іи николы не бачивъ, запрягай кони, пойидемъ биды шукать.—Отто запригъ кучерь кони, сивъ панъ и пойихалы. Тильки прыйиздять десь у таке пусте мисто, шо треба имъ середъ степу ночуваты. Отъ выпряглы кони, кучерь якъ узявъ же соби зъ дому хлиба, одризавъ шматокъ, зхылывсь надъ синомъ тай жуе, а панъ якъ напывсь, може, чаю дома—тай доси ничого не йивъ, а зъ собою не взявъ. Чуе винъ шо кучерь шама, зхотилось и ему йисты, винъ и пыта:—што ты тамъ йисы?—Та шо, пане, сино, каже. А дай и мени.—Той давъ ему стеблынъ зъ пьять, панъ пожувавъ, пожувавъ—тху, каже, трава такъ травою и буде!—Це колы бъ тутъ бувъ ярмарокъ, та хто хлибъ продававъ, я бъ добри гроши платывъ.—А давайте, пане, ось я одкрыю ярмарокъ?—Ну одкрывай.—Заразъ кучерь заходывсь, поризавъ той свій хлибъ якъ на сухари дрибненько,—идить, каже, пане, купуйте.—А шо тоби за цей шматочокъ?—Та двадцять пять рублывъ.—Шо такъ дорого?—А пидить, каже, на той край, може тамъ и дешевше продадуть.—Вертивсь панъ, вертивсь, треба давать.—Отъ и дае ему сторублеву бумажку.—Кучерь нахылывсь наче бъ то здачи шука, а панъ за ти шматочкы... хвата, хвата ихъ та у кышеню хова.—Оглянувсь кучерь,—шо це вы, пане, робыте, вы у мене хлибъ крадете.—Не зивай, каже, Хомка—на те ярмарка!—Самъ тильки одвернувсь, а кучерь за той шахваяжъ—де у пана гроши булы и потягъ.—Хватывсь панъ грошей—нема, та до кучеря:—ты не бравъ?—Ни, каже, та не зивайте, пане, на те ярмарка. Отъ пора имъ уже и спаты лягаты, панъ и каже:—гляды жъ, разбуды мене—якъ буде первый драчъ драть.—Полягалы, колы ось прыходе вовкъ, якъ ухвате перваго жеребця, тильки—брыкъ его, давай лупыты. А кучерь и буде пана:—уставайте, пане, вже первый драчъ дере.—Нехай, каже панъ, дере, мене саме сонъ бере.—Отъ прыйшовъ и другый вовкъ, задравъ и другого жеребця.—Ей, буде кучерь, уставайте, пане, бо вже и другый драчъ дере.—Хай, каже, дере, мене саме сонъ бере.—Отъ и третій вовкъ прыйшовъ и третего жеребця задравъ, тутъ уже и панъ уставъ.—Запрягай, гука, кони!—Та бида, пане, ничого запрягаты, бо

Манжуры, ib. II 136, *Чубинскаго*, Труды, I, 200, въ *Zbiór Wiadomosci* IV, (у Подберезскаго) и XI (у Карловича № 19), *Афанасьева* изд. 2, т. III № 208, *Добровольскаго*, Смолен. Этногр. Сборн. I, 130, *Kolberg* Lud. VIII, 138, *Kozlowski* Lud. 350, *Худяковъ* Великор. сказки, II, № 91, *Chelchowski*, I, 21. Подробности см. въ моей статьѣ „Параллели къ повѣсти Н. В. Гоголя Вій“ въ Кіев. Стар. 1892. III.

Первая легендарная часть встрѣчается во французскихъ сказкахъ; здѣсь глупый бьетъ статую святаго (*Cosquin*, II, № 58). Прим. Н. С.

драчъ уси кони подравъ.—Якъ саме?—Та такъ, каже, повале, загрызе та и йисть.—Та то жъ вовкъ, чомъ же ты мене не збудывъ?—Та я вамъ казавъ—шо вже драчъ дере... Дуракъ, то птыця така—драчъ.—Ну це ше не бида, вернемось и такъ якъ небудь. Скажы жъ теперъ—шо на коня важче усего?—Хомутъ та дуга то и уся коневи вага.—Ну такъ беры ты хомутъ та дугу, а я потягну брычку.—Отъ тягъ панъ, тягъ, колы баче—кучерь тилько брыкъ зъ нигъ и упавъ.—Чого ты?—пыта панъ.—Та прыставъ, пане, нездужаю усего несты.—Ну такъ поклады на брычку дугу.—Отъ идуть дали, кучерь тилько знову—брыкъ зъ нигъ.—Чого ты?—Та нездужаю, пане. Ну поклады мени и хомутъ. Отъ кучерь ишовъ, ишовъ та знову—брыкъ.—Чого ты?—Та не здужаю, пане, и просто иты.—Ну такъ сидай на брычку.—Сивъ кучерь та тилько панъ де стане, а винъ его батогомъ, батогомъ.—Шо це ты, сякый-такый робышъ?—Та я, пане, прывыкъ, якъ кони де стоять такъ батогомъ ихъ ихъ...—А цуръ тоби, це вже прямо бида—якъ вже наймытъ та хозяина бье! [1]).

Екатеринославъ.

Тры злодіи.

Було соби тры браты и уси тры злодіи, одынъ одного краще. Отъ, одынъ зъ ихъ отдилывсь, женывсь и жыве соби на хозяйстви. А ти двое ходылы, ходылы та:—ходимъ, кажуть, до брата у гости.—Ну, ходимъ то и ходимъ.—Прыходять, а его дома нема, сама жинка коло печи порается. Воны и разсказалы ій—шо ось-то воны іи чоловикови браты. Вона имъ рада, знайшла горилкы, дала закусыть. Выпылы воны, закусылы, сталы выходыть, одынъ и набачивъ у синяхъ на бантыни сало высыть. Моргнувъ винъ братови, глянувъ на те сало тай каже:—якъ-же й борода свербыть!—А самъ бороду чуха.—Ничого, каже другый, хай у вечери пидголымъ.—Перебалакалы отто и пишлы. Отъ вернувсь той ихъ братъ до дому, жинка заразъ ему и хвалытся—шо отъ-то его браты прыходылы.—Шо-жъ, пыта, воны казалы?—Та було, каже, балачкы богато.—Ну, а якъ выходылы?—Та у синяхъ, одынъ глянувъ на сало тай каже:—борода свербыть, а другый ему:—ничого, у вечери, каже, пидголымъ.—Ну, такъ полизь, каже чоловикъ, та знимы отте сало, а на то мисть повись сыто, бо то воны збераются наше сало украсты. Вона усе такъ поробыла, а якъ полягалы спаты—ажъ-ось прыходять ти двое. Заразъ одынъ на бантыну та лапъ, лапъ, ажъ нема сала.—Тутъ, гука другому саме сыто.—Та беры, каже, дарма шо сыте, зъ хлибомъ пойистся.—Та дурный, я кажу шо тутъ решето.—Такъ бы ты зразу и казавъ! Отъ злизъ той.—Догадавсь, каже, сякый-такый, та мы его ше одурымъ.—Отто пишлы, повыпускалы его скотъ зъ загоны, а тоди одынъ пишовъ тай гука пидъ викно:—куме, а

[1]) Срав. *Манжуру* во II т. Сборн. Х. И.-Ф. О. 82 и *Ястребова* въ I вып. Матер. по этногр. 167—168. Н. С.

куме, устань та свою скотыну зажены, бо вона тоби такои паталогы въ огороди наробе... Той хозяинъ думавъ шо то и справди кумъ сусида гука, а сирякъ та зъ хаты, а злодій перегодомъ у хату, а у хати поночи.—А де ты, пыта, жинко, сало сховала?—Та жъ думала шо це іи головикъ тай пыта:—На шо тоби?--Та скотына одна одну попробывала, такъ треба зашкварыты.—Та ты жъ самъ его у кошиль положывъ,—каже та. Злодій за те сало та лыгы. Отъ загнавъ чоловикъ скотыну, увійшовъ у хату, а жинка ему:—де жъ ты, чоловиче, сало дивъ?—Яке сало? А ты жъ це заразъ бравъ скотыни зашкварюваты.—А бодай тебе, каже, це жъ воны его тебе выдурылы.—Тай подавсь за нымы у погонь. А ти якъ тикалы зъ саломъ тай збылысь зъ дорогы. Отъ одынъ и каже:—стережы жъ ты тутъ сало, а я пиду дорогы пошукаю.—А той хозяинъ вже догнавъ ихъ и все е чуе. Отъ якъ той злодій пишовъ, а винъ черезъ яке тамъ уремня до того шо сало стеригъ пидийшовъ и говоре:—Не найду дорогы, ось пиды ты ще пошукай, а я сала постережу.—Злодій послухавъ, оддавъ ему сало, думавъ шо то братъ, и соби пишовъ, а той за сало та додому. Зійшлысь и браты до миста.--А де сало?—Пытають одынъ одного.—Та я жъ тоби отдавъ. Якъ такъ?—Та якъ роспыталысь:—э, кажуть, це жъ винъ насъ одурывъ, ходимъ перекрадаты. Отъ якъ подалысь воны та сталы коло его двору раньше нижъ винъ. Одынъ заразъ скынувъ штаны, роспатлавъ волосся, сивъ биля воритъ тай плаче. Ажъ ось и винъ зъ саломъ та думавъ шо то его жинка туже и пыта?—Чого ты?—Охъ, боже мій, та дежъ наше сало?—На дурна та не плачь, каже тай кынувъ злодіеви те сало, а самъ у хату пишовъ. Той тоди за сало та хода. Тилко той чоловикъ у хату, а жинка:—А шо, чоловиче, чи вернувъ сало?—Та я-жъ тоби заразъ оддавъ його биля воритъ.—Колы?:.. Э, каже, це-жъ воны! Тай подавсь знову за нымы. Якъ подавсь тай перегнавъ ихъ и забравсь у ихню землянку, де воны у лиси жылы. Улизъ тамъ у коминъ, убравсь у сажу тай выгляда зъ печи. Отъ ти злодии прыйшлы, заразъ одынъ черкъ сирныкъ, а той фиркъ зъ печи.—Якъ углядилы-жъ воны его.—Це, крычать, у насъ чортъ завивсь!—Покынулы же и сало та хода зъ хаты, а той забравъ сало тай соби до дому. Отъ уранци одсапалы воны, вернулысь у землянку—ажъ ничого нема та и сала Бигъ дасть.—Це-жъ, кажуть, винъ, ходимъ до его. Прыйшлы пидъ хату, а винъ нашкварывъ сала, постановывъ на викни и кватырьку видсунувъ. Одынъ заразъ почувъ сала та у кватырьку руку, хотивъ крышенычокъ узяти, а той его зъ хаты качалою по руци.—Ай, каже, тай гаряче!—Чорты батька зна чого та не озьме!—каже другый, тай соби туды руку. Той и цего огривъ.—Шо жъ ты не кажешъ, шо винъ бьеться?—Тай занялысь спорытысь. А братъ зъ хаты:—Та идить

вже, каже, у хату такъ дамъ сала, а то хотилы у мене украсты, цего вам и до вику не бачиты.—Отто війшлы ти у хату и давай тоди гулять.

Каменка, Новомосковскаго уѣзда.

Два злодіи, панъ та пипъ.

Пишлы до пана два злодіи кони красты. А у того пана та таки вз зли собакы, шо нiякъ имъ до конюшни пидийты. Отъ воны поумоту лысь у солому, пообъязувалысь—тай котятся дворомъ. Докотылысь до ко рыта, насыпалы горилкы, замишалы дертью, собакы попойилы, упылы тай поснулы. Воны позабыралы тоди кони, одынъ и каже:—А пиду я ш у пана гроши украду.—А той панъ та любывъ казкы слухаты; отце як прокынется у ночи—лакей и долженъ ему шо небудь брехаты. Тилько ти ночи, якъ панъ заснувъ, лакей кудысь и одвыхнувсь. Отъ той злодій вы равъ викно, улизъ у горныцю та ни якъ грошей ни найде. Колы це о панъ и прокыдается, думавъ шо то лакей та:—кажы казку!—каже. Той почавъ:—якъ бувъ соби панъ, а у его лакей, якъ-бы отце и я. И не знав той лакей де у его пана гроши лежать, якъ бы отце и у васъ... А хіб ты не знаешъ?—Тай не знаю, пане.—А тамъ, каже, де золота шабл стоить.—Сказавъ тай заснувъ. А той злодій за гроши та за ту зол шаблю и подавсь. Отъ гришмы-жъ злодіи подилылысь, а за шаблю и за велысь.—Пидожды, каже той шо шаблю вкравъ, я пиду пана спытаю кому вона упаде.—Зновъ полизъ у горныцю, ажъ-ось панъ прокыдается Кажи казку.—Такъ, отце, плеще той, укралы злодіи у пана гроши и зо лоту шаблю, гришмы-жъ подилылысь, а за шаблю распорылысь, такъ кому вона на вашу думку упада?—А вже-жъ тому, каже, хто вкравъ.—Сказавъ тай заснувъ. Вернувсь той до товарыша,—сказавъ панъ, каже, тому шабл хто вкравъ.—Отто подилылысь тай пишлы. А панъ уранци якъ розды вывсь чого винъ черезъ ти казкы наробывъ, тай пожаливсь попови. Пип и пиднявъ его на смихъ. Розсердывся панъ тай повища:—хто бъ того попа пидвивъ такъ, шобъ зъ его посміятысь, я бъ тому, каже, добри бъ грош давъ.—Отъ ти двое и объявылысь. Давъ имъ панъ грошей, убралысь воны якъ монахы, купылы два лантухы ракивъ та восковыхъ свичокъ и пишлы до попа у ночи. Отто запалять свичечку, прылиплять до рака тай пустять попови у двиръ. Та якъ пораспускалы вже всыхъ ракивъ, тоди и гукають пидъ викно:—а вставайте, батюшка, васъ Богъ до себе требуе. Пипъ бач шо воно у двори робытся, скризь свичкы горять, швыденько убравсь тай выйшовъ. А злодіи ему:—вамъ же, кажуть, не можна угору пиднятысь, ось лизте у лантухъ, а мы васъ повисымо на дрючокъ, озьмемо на плечи, самы пиднимемось тай васъ понесемо.—Пипъ зъ дуру у лантухъ, воны за вьязалы его тамъ, понеслы та биля церквы на ставни и повисылы шей напысъ зробылы:—хто пройде та не вдаре по цему лантуху—той буде

юртъ.—Отто иде дякъ, прочитавъ, заразъ того попа—бе-бехъ! Ажъ ось іде и панъ, прочитавъ тай соби за кій... Уси, хто не йшовъ—давалы тому юпови, а тамъ якъ разъязалы... Годи тоди пипъ панови сміятысь [1]).

Тамъ-же.

Невирна жинка.

Якъ нанявсь я до чужихъ людей пасты свыни, а мене ти люде попобылы, я и утикъ видъ ныхъ. Отто йшовъ, йишовъ, до дому ще далеко и ахватыла мене ничь. Добигъ я до якоись слободы и упросывсь у крайню ату ночуваты, а у тій хати та сама молодыця дома, чоловикъ десь пойихавъ. -Отъ пустыла вона мене, дала повечеряты.—Лягай, каже, на лави.—Я, кажу, титко, и пидъ лавою высплюсь.—Тай лигъ пидъ лавою.—Чую—ажъ рыбигае до нее кума.—Знаешь шо, каже, кумо, давай спечемо порося та усака, прынесимъ горилочкы та й дяка клыкнемо.—Отто заразъ заходыысь, порося закололы, гусака заризалы, напеклы, наварылы, горилкы прыеслы, ажъ ось и дякъ иде, а я лежу нидъ лавою. Тилко отто началы ыръ, ажъ ось на двори:—тпру!—Чоловикъ вернувсь. Бабы скоришь той втопъ у мысныкъ, гусака пидъ лаву, порося пидъ пичь, а дяка пидъ пилъ поховалы. Увйшовъ чоловикъ у хату, а жинка лягла на полу тай стоге.--Чи нема, пыта чоловикъ, чого попойисты?—Та тамъ, каже, булы на юмини сухарци, розмочи тай пойисы.—Доставъ винъ зъ комина ти сухари, ивъ, вечеря та жинкы и розпытуе—шо безъ его тутъ дома було.—Та по, каже, усе хворію та ниби чого боюсь, онъ уже хлопця пустыла ночуать, шобъ самій не такъ страшно було.—Якого хлопця?--Та онъ—пидъ авою спыть.—А уставай, каже чоловикъ на мене, та сидай вычеряты.— Спасыби, кажу, дядечку, я вже вечерявъ.—Та сидай, каже, бо бачишъ яка иени осуруга,—усе жинка хворіе та хворіе... Сидай, будешъ хоч шо небудь балакаты.—Отъ вылизъ я зъ пидъ лавы и сивъ биля его. И де жъ такы мини ти сухари пидуть, колы я знаю шо ажъ ось и горилка и гуса и порося есть. Почавъ мене чоловикъ розпытувать—хто я и видкиля. Я и розсказую—якъ я свыни ставъ пасты и якъ мене побыто.—За шо жъ тебе люде былы?—Та за шо, кажу; (а у мене у рукахъ и той кіекъ шо я свыни завертавъ якъ пасъ).—за те, кажу, що якъ стане сонечко такъ якъ штопъ у мысныку... (тай показую на мысныкъ кійкомъ),—а я стану такъ— якъ пидъ лавою гусакъ,—(та кійкомъ пидъ лаву...)—та якъ урижу такъ якъ пидъ пичью порося, такъ воно выскалыть зубы—якъ пидъ поломъ дякъ.—

[1]) Сказка эта проникла въ Малороссію съ Запада, гдѣ она издавна пользуется большой популярностью (см. *Cosquin*, II, № 70) Сходныя сказки были въ древней Индіи (см. Deslongschamps, стр. 39). Сказки объ убійствѣ попа подъ предлогомъ отправленія его въ рай ранѣе изданы у *Романова* (въ III т. Бѣлорусск. Сборника 410) и въ *Zbiór Wiadomosci* XI (литовская). Прим. Н. С.

Той чоловикъ туды зиркъ, сюды зиркъ... А беры, каже, хлопче, рогача а я озьму макогинъ! Давай мы того дяка почищаты!—А тамъ за горилку за гуску та за порося, та якъ заходылысь гуляты—та ажъ до свита гуляли. Стало свитаты я и пишовъ соби. Отъ якъ пишовъ я та ше день ишовъ—не дійшовъ, довелось у другій слободи на ничь прохатысь. Упрохавсь от-то, ажъ тамъ саме жинка родыты заходылась, а у хати никого нема, вона мени и каже:—Пиды, хлопче, у таку-то хату, та клыкны мени бабу.—Побигъ я.—Идить, кажу, бабо, васъ молодыця бабуваты просе, я васъ и доведу.—Э, каже, хлопче, мене не водять и не возять, а у рядни носять.—Ну такъ найдить, бабусю, ряденце, я васъ однесу. Найшла вона ряденце, угорнувъ я іи, понисъ. Нисъ, нисъ, дывлюсь колодець.—Постойте, кажу, бабо, я трохы, спочину.—Ставъ тай обперсь на цямрыну, а це кинець ряденця якъ вырвется у мене зъ рукъ, а баба тилько булькъ у колодезь... Шо его, головонька бидна робыть?—Прыбигъ до тіеи родылли,—не пишла, кажу.—А вона вже и сама разродылась, дытыну держе.—Ну такъ, погляды, каже, хлопче, дытыны, шобъ іи кошеня не зъйило, а я сама до бабы сходю. Отъ пишла вона, я граюсь зъ тіею дытыною, колы дывлюсь а кошеня лизе, лизе... Я узявъ тоди кіекъ та хотивъ кошеня вдарыты, та по дытыни. у разъ и убывъ. Давай я тоди тикать. Куды жъ его проты ночи пидешъ?—Я и зализъ десь пидъ повитку. Лапъ, лапъ ажъ кроват стоить.—Эге, думаю, та тутъ дивчина спыть.—Я узявъ та на кровати и лигъ. Колы це незабаромъ прыходе дивчина, прыносе вареныкивъ у макитри та горилкы. Ты тутъ, каже, Грыцько?—Тай оддай мени ту макитру и пляшку. Я горилку выпывъ, вареныкы поивъ, тай думаю:—Це жъ неймынуй якыйсь Грыцько сюды прыйде, якъ бы ци вареныки мени бокамы не выйшлы... Я тоди лапъ, лапъ—ажъ надъ кроватью дошкы лежать, я и зализъ туды. Ажъ-такъ, прыходе Грыцько, розибравсь тай лигъ, ажъ-ось скоро и дивчина... Полягалы, вона его и пыта:—чи добри вареныкы?—Яки вареныкы? Бачь, наче и не зна. Тай завелысь. Спорылы, спорылы а то помырылысь, вона ему и каже: шо жъ якъ будуть у насъ диты, а ты пидешъ у салдаты, хто ихъ буде годуваты? Я тоди:—а сяки-таки.—А воны въ ростичь. Я тоди злизъ, чоботы его взувъ, чумарку надивъ та якъ дернувъ та къ свитови и дома ставъ [1]).

Небылыцы.

Було соби тры браты та уси Кондраты, та пойихалы на Великдень ораты, та забулы вогню узяты. Сталы пидъ лисомъ, а у тому лиси та жывъ дидъ—у въ одного дуба ногамы уперся, а въ другого головою, та промежду

[1]) Сказка о невѣрной женѣ близко подходитъ къ разобраннымъ мной въ Этногр. Обозр. XII кн. съ доп. въ кн. XVIII и въ ст. проф. Н. П. Дашкевича въ Кіев. Стар 1898, III.
Прим. Н. С.

игъ у его огонь горыть. Отъ пишовъ старшый братъ вогню прохаты.— Дай, диду, вогню!—Дай ногу загну!—Такъ болитыме. —Ну скажи казкы.— Не знаю.—Скажи прыказкы.—Не смію.—Скажи небелыци.—Не вчивсь.—На що жъ ты на свитъ родывсь?—Взявъ знявъ ему зъ спыны ремиць, попиомъ натеръ тай прогнавъ.—Пишовъ другый братъ, и той тежъ. Пишовъ меньшый дуракъ.—Дайте, диду, вогню.—Дай ногу загну.—Такъ болитыме.— Такъ скажи казкы.—Не вмію.—Скажы прыказкы.—Не смію.—Скажы небылыци.—Добре, каже, тилько цуръ-цура, диду, шобъ брешешъ одынъ одному не казаты.—А ну, кажи.—Той и почавъ:—Иду я це, диду, до васъ а вырубавъ тры бычи: одынъ дубовый, другый вербовый, а третій той, що зъ его лыка деруть. Иду дали, дывлюсь бижыть тры козы на одній нози. Ударывъ я ихъ дубовымъ—ничого, ударывъ вербовымъ—тежъ ничого, ударывъ я тымъ, зъ якого лыке деруть—такъ и перебывъ ногу. Тоди шкуры познимавъ та отце кожушокъ пошывъ, а мнясо поварывъ та поивъ та такъ це пыты хочется! Дайте, диду, воды напытысь.—А тому дидови не блызько по воду ходыты, тай одказаты нельзя, бо перебье, треба идты. Покы дидъ заходывъ, прынисъ воды, дурень тымъ часомъ передохнувъ, ше шось прыдумавъ та зновъ и плете.—Пишовъ я отто дали, дывлюсь ажъ яръ глыбокый, глыбокый! А у тому яру два ведмиди чмиля давлють. Давылы, давылы тай надавылы повенъ яръ меду. Люде жъ то зъ мыскамы, то зъ ложкамы позбигалысь, а я набравъ у заполу тай найився, та теперъ такъ пыты хочется, дайте, диду, воды!—Покы дидъ прынисъ ему воды, а дурень одсапнувсь, напывсь та зновъ плеще:—Якъ пишовъ я отто дали, дывлюсь крыныця, а мени жъ то писля меду пыты.!!! Такъ набраты ничимъ. Отъ я взявъ, черепокъ зъ головы знявъ, набравъ тай напывся. Якъ напывсь, положивъ черепокъ биля себе тай забувъ тамъ. Иду отто дали, дывлюсь дванадцять братывъ на одному дубови горохъ молотять. Горохъ на дубови остается, а горошиння додолу сыплется. Я и кажу:— Стилько не живу, а зроду такого дыва не бачивъ шобъ дванадцать братывъ та на одному дубови горохъ молотылы.—Та и мы, кажуть, зроду не бачилы такого якъ ты.—Якъ саме?—Та безъ черепка.—Я тоди лапъ-лапъ себе за голову—ажъ черепка чортма. Побигъ я назадъ до крыныци, дывлюсь—ажъ у моему черепку качка крашанокъ нанесла. Якъ кыну жъ я быча, качку жъ убывъ, а крашанкы полетилы. Спикъ я ту качку, зъивъ та такъ пыты хочется, дайте, диду, воды.—Покы дидъ прынисъ, винъ зновъ вже надувъ, плете дали.—Узявъ я черепокъ, надивъ на голову та якъ пишовъ очеретамы та болотамы, очерета та болота трищать, раздывывсь я—ажъ то чорты душеньку тащать.—А дидъ: чію?—Самы догадайтесь, вы спалы, а я йшовъ. Отъ прыходю я до табунщика.—Дай, кажу, спасыби тоби мени коня.—Тай озьмы.—Якого-жъ?—А якый на тебе ды-

вытся.—Я взявъ очкура зъ очкурни вытягъ, зробывъ обротьку тай піймавъ коня. Хотивъ сидаты—ажъ штаны спадають. Взявъ я высякавсь, та соплякомъ и прыклеивъ, такъ мои штаны и прыкипилы. Отто йиду я, а у мене за поясомъ була сокырка. Конячка тюпъ-тюпъ, а сокырка цюкъ-цюкъ та одрубала моій конячци задъ. Оглянувсь я—ажъ бида! Пiймавъ я задка лозыною зшивъ та кинця не застромывъ, а зъ его и выросла верба аж до неба.—Якъ полизъ же я по тій верби на небо... ажъ тамъ вашъ батько та мого батька надвиръ возе...—Брешешь!—Я-жъ казавъ не перебывать давайте вогню.

Новомосковскъ.

Якъ мы зъ дидомъ богатилы, а батька ше на свити не було.

Якъ дидъ родывся, я женывся, а батька ше на свити не було—такъ мы зъ дидомъ богатилы. И було у насъ десять паръ воливъ: шисть наши, а чотыри чужи. А земли у насъ було—незходымо! Отце середъ хаты самы було оремо, а по-пидъ лавамы людимъ оддаемо—зъ копы. Тамъ вже просто не зходыть, хиба пидлизешъ! Отъ якъ посіялы жъ мы разъ просо та якъ уродыло жъ те просо, такъ мы зъ дидомъ тры стогы на комини урядъ наклалы. И завелася у нашому просови черва, а китъ за мышами и утрапывся до его, та разъ якъ метельхне хвостомъ—такъ и повалявъ наши стогы у помыйныцю.—Давай мы тоди те просо зъ помыйныци вытягать та по лиси на килкы стремлять та сушыть. И було у насъ тры клуни: у въ одній макъ, у другій такъ, а у третій та ситка, шоципы вишать. Отъ, якъ змолотылы-жъ мы те просо—та якъ вывезлы у базарь—тамъ набралы грошей такый здоровый капшукъ—якъ мышачій хвистъ та ше на четверть и не повенъ. Шо-жъ его робыть? Люде барышують, давай и мы. Дидъ же каже: купуймо яйця, а я кажу—сметану, сметана солодча. Отто накупылы мы тіеи сметаны, вертаемось та и зъйихалы десь на греблю. Глядь, ажъ загвиздокъ загубывся и колесо загорилось. А я и кажу дидови: глядить же вы тутъ товару, а я побижу загвиздка шукаты, бо мы зъ дидомъ таки булы дотепни майстри, шо винъ було загвиздка не затеше, а я и готового не встромлю. Отто побигъ я, и добигъ десь до ричкы, дывлюсь чоловикъ воламы йиде.—Перевезить мене, дядьку.—Сидай, каже. Отъ сталы воны пидъ той берегъ выходыты, ажъ тамъ и ручка, нияк не выйдуть на сухе. Той чоловикъ и каже:—полизь ты, хлопче, по війямъ, скочышъ тамъ на сухе, гейкнешъ на воливъ, воны и выйдуть.—Я заразъ полизъ, скочивъ на сухе та выхватывъ зъ ярма прытыку, та тоди на воливъ:—гей! Воны и выйшлы, а головикъ такъ у ричци на вози и зоставсь. Взявъ я тоди ту прытыку и побигъ.—Це-жъ, думаю, мени и загвиздокъ буде. Отто вже добигаю до дида, дывлюсь бижить панъ та на дида:—пади, пади,—крычить. А дидъ вернувъ, вернувъ, покы и обернувъ сметану

ставокъ, такъ наша сметана, якъ олія и разплывлась по води. Давай мы тоди зловлюваты разстылаты та проты сонця сушиты, такъ сякъ пересушилы ту сметану. Та тилько-то було тры дижечкы у щерть, а це одна же и не повна. Повезлы мы іи у базарь. Сталы у въ одному кинци, а имъ люде усе:—какъ да какъ, тай накакалы намъ и третю ущерть. Переїхалы мы у другый кинець, ажъ тамъ люде: што да што?—Та такъ вдови ремыкчу выще носа наштокалы!... Зъ тымы мы и до дому пойихалы. Прыйиздемо до дому—ажъ саме батько народывся шей не облызаный бига. Якъ ухватю я тоди видро безъ дна та якъ побижу до солоного дера люмъ по горилку. Покы дидъ людей позклыкавъ, я и горилкы прынисъ. Отто охрестылы мы батька, ни на кого намъ его дома кынуты, якъ йидемо у степъ—такъ и его беремо. Отто узялы его разъ та сталы у степу ночуваты, а ничь холодна, мы и розиклалы вогонь тай поснулы кругомъ и батько въ середыни. Прокыдаемось уранци—ажъ батько не ворушится. Роздывылысь—ажъ ему жарына у ротъ ускочила тай выпалыла усе у середыни: тилько самый толубъ. Дидъ и каже: отъ такъ добре угодья буде на сыплыще, шишка тры улизе.—А я кажу: добрый квасныкъ на квасныну. Та и наквасылы у ему бурякивъ.

Каменка, Новомосковскаго у.

Якъ цыганъ зъ кумомъ сонце засмыкалы.

(Цыганъ на роботѣ).

Бувъ у богатого мужика кумъ цыганъ. Отъ разъ тому богачеви занидолылось, а саме була синна косовыця, винъ и просе цыгана:—Пойдіте, каже, куме, спасыби вамъ, у степъ та доглянте за моимы косарямы.—Добре,—каже цыганъ. Отъ, на другый день—и заходывсь цыганъ порядкуваты. Вже сонце и высоченько, а винъ тилько робочихъ побудывъ, а якъ выіхалы у степъ, винъ имъ и каже:—А що братця, люде добри снидання варять, а мы хиба у бога теля зъйилы, захожуймось и мы варыты!... А робочимъ того тилько и треба. Покы наварылы та покы поснидалы, а дня вже геть-геть утекло.—Ну, теперъ, каже цыганъ, попойівши треба и спочиты!—А шо жъ, спочиты, такъ и спочиты, та якъ заляглы... Попрокыдалысь—ажъ сонце вже на полудень.—Отто повставалы, цыганъ и каже:—Шо жъ, братця, добри люде вже й побидалы, давайте и мы варыты. Покы то наварылы, та покы пообидалы, ажъ воно вже и вечиръ, пора и додому рушаты.—Ну, теперъ, каже цыганъ, треба намъ хочь шо небудь намъ та покосыты, а ну лышень братця за косы!—Шо-жъ, ихъ тамъ може чоловика десять, якъ метнулысь у махъ гарбу накосылы. Отто позабералы косы, запряглы и пойіхалы. Прыйиздять до дому—ажъ ось ихъ хозяинъ и перестрива.—А шо, пыта, куме, чи богато пиднялы?—Та стилько бачите. Каже цыганъ, а самъ сыдыть на гарби тай показуе на те сино.—Шо-жъ, дума

хозяинъ, десять чоловика шо небудь та допуття може и укосылы. Отто повечерялы той хозяинъ и каже цыганови:—Треба, каже, куме, мени за годыну зъ синомъ управытысь та якъ бы це такъ мени на косаривъ налягты шобъ увъ одынъ день та два убгаты?—Еге, куме, я знаю якъ, каже цыганъ.—Ось надиньте вы завтра иршани штаны, доброго кожуха та сыву шапку, та будете косарямъ передъ весты, а я напну на могыли шатро та буду сонце надержуваты—ажъ покы буде треба.—Ну такъ то й такъ. Отто умовылысь, убравсь той хозяинъ якъ ему цыганъ казавъ и поїхалы у степъ. Выйіхалы, роспряглы кони, цыганъ заразъ напьявъ шатро на могыли, züлизъ пидъ его тай хропе, а той хозяинъ якъ завивъ косаривъ, парытся сердега та ще попереду. Отъ пообидалы, косари жъ чи спочилы чи не спочилы, а цыганъ переставывъ шатро зза сонця та зновъ хропе. Ось сонечку вже и на вечиръ звертаты; той хозяинъ якъ тилко ногы волоче. Вже и кожуха знявъ и ти иршанкы та маха шапкою на цыгана:—пускай, мовъ, вже сонце!—А цыганъ побачивъ, вылизъ зъ шатра, узявъ якусь одъ шатра бычивку та такъ іи натяга та пнется; то такъ, бачъ сонце надержуе. Той хозяинъ маха:—пускай!—А цыганъ—одно держе. Не выдержавъ той хозяинъ та якъ крыкне:—пускай, куме сонце, а то оптомъ засмыкаемъ, пора шабашить!—А тутъ ось тоби и сонечко сило.—А шо пыта цыганъ, чи довгый день, куме, бувъ?—Та де тамъ не довгый, трохы не залывсь... А тутъ ше и сонце засмыкалы; я махаю:—пускай, а вы держете... (А де вже тамъ буде не довгый день якъ у Петривку та ше у кожуси!). Отто вернулысь, той хозяинъ и помитывъ шо це цыганъ усе его дуре.—Пидожды жъ ты, дума, я тебе провчу!—Тай наказуе жинци:—гляды, положи мени тамъ у гарбу, у задокъ маслечка та паляныцкы. А обидаты вынесешь самои гуцци зъ сыривцю, та и то якъ стане вже на полудень. Отъ уранци хозяинъ и каже:—тамъ, куме, осталось докосыты чоловика на двохъ, такъ пойідемте поможете мени—то мы и самы управымось.—А чомъ же. Каже цыганъ. Отъ пойіхалы, якъ запригъ же хозяинъ цыгана у косу, косе тай косе (2); одирвется трохы, побижить до гарбы начебъ то воды пыты; лызне тамъ того сего та зновъ за косу. Ось и снидання, пишлы до гарбы—ажъ нема ничого.—Хозяинъ лается:—и не бисова жинка! Людимъ цилый день косыты, а вона и снидаты не положила, тай же я іи провчу!—Ничого робыты, треба обида ждаты. Отто зновъ косять, хозяинъ же побижить до гарбы та перехвате, а цыганови вже и живитъ пидводе.—Вже и обидъ, а жинкы зъ обидомъ не чуты. Хозяинъ іи лае и сяка и така, та зновъ до гарбы, перекусе, ему и байдуже. Отъ такъ вже на полудень—углядили—несе хозяйка обидъ... Той хозяинъ якъ уздрив, якъ кыне косу та:—ось я ій дамъ, якъ робочихъ людей морозыты!—Тай побигъ жинци на зустричь, побывъ ти глечикы, шо обидъ бувъ, гуцци

оразлывавъ и жинку прогнавъ.—Эхъ, якъ побаче жъ це цыганъ та и соби уды.—Шо це ты, куме, наробывъ?—Та якъ же, вынесла чорты батька зна олы та ще и самои гущи зъ сыривцю!—А де жъ вона?—Та онъ я поазлывалъ?—Цыганъ до тіеи гущи та такъ збера іи та йисть, збера та йисть... якъ-такъ докосылы до вечера. Вернулысь до дому, той же хозяинъ тамъ они выпряга, то що, а цыганъ скорищь у хату.—Чи нема, кумо, попойисты?—а шо, куме, сякый-такый побывъ мене, охъ, оттамъ, каже, пидъ лавою ыроватка... Цыганъ до тіи сыроватки та такъ іи маха, маха... ажъ ось и озяинъ у хату.—А шо, чи нема чого вечеряты?—Та тамъ десь борщъ увъ.—Вытягъ хозяинъ той борщъ, пойиилы.—А ще нема чого?—Та тамъ есь ше и каша була.—Вытягъ хозяинъ и кашу, каша добра зъ вышкварамы—такъ цыгана сыроватка обдыма.—Управылы и кашу. Цыганъ уже и лагодарыть, а хозяинъ зновъ пыта:—а ще нема чого?—Та тамъ десь поося було печене.—Поставывъ хозяинъ порося на стилъ... Цыганъ якъ іянувъ, а его вже черезъ верхъ верне. Покывавъ винъ головою, поцилувъ те порося та:—А шобъ тебе, каже, кума, умила готовыты та не умила одаваты!

Новомосковскій у.

Цыганъ червей изъ сала выводитъ.

Завелысь у чоловика у салови червы, винъ и похвалысь цыганови:—о его робыты?—Э, каже цыганъ, я братику знаю шо; ось несы сюды ало.—Той чоловикъ унисъ,—цыганъ поставывъ его середъ хаты та и аже:—Ну, теперъ, братику, кажы за мною.—Добре, каже.—Кажы: салоаловына!—А той и соби: сало-саловына!—И цыганови половына!—И цыгаови половына!—Та впьять, изъ моеи половыны цыганови пьять!...—Цыгаови пьять!—А якъ донесе—такъ нехай и усе!...—Нехай и усе! Ну теперъ самъ, каже цыганъ, сказавъ шо якъ донесе—такъ нехай и усе! Та за сало та зъ хаты.

Тамъ-жъ.

Цыганъ та мисяць.

Замерза у цыгана въ зимку дытына, глянувъ винъ зъ шатра—ажъ исяць—ажъ вылыскуется. Отъ винъ вынисъ ту дытыну зъ шатра, розкуавъ тай выставывъ проты мисяця—наче бъ то гріе. А та дытына колыала, колывала на морози нижкамы покы тамъ и закацубла. Тоди цыганъ о мисяця: Бачь, якый яркый,—колы спикъ, такъ на жъ тоби іи зъижъ!—ай кынувъ ту сердешну дытыну у снигъ.

Тамъ-же.

ъ паномъ не дружы, жинци правды не кажы, а сыроты у прыймы не беры.

То разъ помера батько тай каже сынови:—гляды сыну, зъ паномъ не ружы, жинци правды не кажы, а сыроты у прыймы не беры.—Ото проазавъ тай померъ. А сынъ, якъ поховавъ батька, заразъ оженывсь, зъ па-

номъ подружывсь, а сироту за дытыну узявъ.—Теперъ, дума, довидаюсь—чи правду жъ то батько казавъ. А у того пана, шо винъ подружывсь, та бувъ сокилъ; винъ того сокола вкравъ тай заховавъ десь на горищи.—Це, дума, жинци правду скажу.—Отто и хвалытся ій:—Укравъ, я, каже, у пана сокола, такъ давай зарижемо та довидаймось якый у ёму смакъ.—Тай давай, каже та. Отъ пишовъ винъ, зарызавъ пивня, обпатравъ, приносе вже готового.—На жинко, жарь.—Жаре жинка того пивня,—ажъ ось сусида у хату. Увійшла тай загляда у пичь.—Шо це вы, пыта, жарыте?—Та це, голубочко, не хвалысь тилько никому, укравъ чоловикъ у пана сокола, такъ хочемо довидатьcя якый у ему смакъ.—Дай же и мени покуштуваты.—Та одкрутыла крыльце и дала ій. Отъ та сусида пишла заразъ до другой сусиды, увійшла въ хату тай пье воду.—Чого це ты, пыта, такъ зарани воду пьешъ, чи зъ похмилля, чи вже поснидала?—Та це, каже, мы у сусиды панського сокола йилы.—Якого сокола?—Та и разсказала—якъ той чоловикъ у пана сокола укравъ. И пишло одне по одному балачка про того сокола—ажъ покы и до пана досталась. Панъ, якъ довидавсь, заразъ каже того чоловика—вишаты.—Отто завтра ёго вишаты, винъ прощается зъ своимы тай диле гроши на тры купкы,—а сырота и пыта:—цежъ одна кому?—Та це, каже матери.—А друга?—А друга тоби.—А третя жъ?—А це тому хто мене зависыть.—Та знаете шо, тату, давайте я васъ зависю; нижъ мають ти гроши чужымъ людямъ идты, такъ хай воны у хазяйстви остаются,—каже прыймакъ.—Тоди чоловикъ самъ соби и дума: отъ же батько правду казавъ.—Та заразъ доставъ того сокола, оддавъ панови, жинку провчивъ добре, а сыроту прогнавъ [1]).

Мануйловка Новомоск. у.

Ворожбыта.

Укралы разъ у пана кучерь та дворныкъ гроши. Отто разъ и радятся: —треба, кажуть, намъ тамъ то ти гроши забрать, шо мы у пана укралы.—А якось гныла баба и пидслухала та до пана:—я, каже, пане, знаю де ваши гроши.—Якъ же ты знаешъ?—Та я, каже, ворожбыта.—А колы ты ворожбыта, такъ и угадай.—Та баба помымрыла, помымрыла соби пидъ нисъ тай каже:—От-тамъ то, пане, ваши гроши.—Пишлы туды—ажъ такъ и есть, найшлысь гроши.—Шо жъ ты, каже панъ, така добра ворожбыта, а таишъ себе, тоби треба людимъ помогать. А та баба вже и носа дере:—я, каже, усе можу взнать. Панъ и дума:—Дай такы я довидаюсь, чи такы жъ вона усе те и може—шо каже.—Та узявъ и укынувъ у колодязь каминь та косу, тоди поклыкавъ іи тай пыта:—А угадай шо у цему колодязи есть?

---

[1]) Сходныя французскія, италіанскія, восточныя (индійскія и авганскія) и мн. др. указаны у *Cosquin*, Contes peful. de Lorraine II 317-322, бѣлорусская у *Шейна* въ Матер. II 241, болгарская въ VIII кн. Сборн. *Шапкарева*. Н. С.

[Т]а баба мрыкала, мрыкала, ничого ій казаты, вона наче сама соби и го-оре:—отце, наскочыла коса на каминь!—А панъ думавъ, шо вона на ту осу та каминь натяка шо винъ укынувъ та: Такъ, каже, бабо, угадала.—[Д]ае винъ тоди ій повозку й коня, наклавъ ій у ту повозку усякого добра а благодарыть ій, а дали дума:—дай я ше іи спробую.—Тай поставывъ е ій саме сидаты кошолку зъ яйцямы.—Це, дума якъ угада вже то и прямо она ворожбыта. Ось и пыта іи; якъ та сила вже:—а на чому ты, бабо, ыдышъ?—Та на чому бъ тамъ, пане, не сила, а вже розсилась—якъ квочка а яйцяхъ.—Такъ, дума панъ, угадала и на цей разъ.

Мануйловка, Новомосковск. у.

Сословная характеристика.

Пыта разъ панъ кучеря:—А хто у насъ найдурнишій?—Та хто жъ, аже, якъ не панъ.—Якъ саме, кажуть же, шо паны найрозумниши люде? —Де тамъ найрозумниши? Розумнишій, каже, купець, бо винъ на сто руб-ивъ та ше и сто нажива. Мужыкъ—той не втикъ, не піймавъ, за те и амъ не голодный, и про чорный день худобу ма. А панъ шо, самый най-[д]урнишій, бо винъ и ґотоваго не вдерже: заразъ якъ попавъ гроши,—пи-повъ прогулявъ, прогайнувавъ усе...—Правда, каже панъ, твоя,—такъ во-ю и есть.

Тамъ-же.

Казённый баранъ.

Бувъ соби чоловикъ та жинка. И такъ воны соби любылысь, шо вона [й]му и каже:—давай, чоловиче, позпысуемъ зъ себе патреты, та я твій на [м]ыснику поставлю, а якъ поратымусь биля печи, такъ усе на тебе и гляну, [а] ты мій озьмешъ у степъ зъ собою та поставышъ пидъ возомъ, якъ прый-[д]ешъ отто чого до воза та на мене глянешъ.—Отъ поспысувалы воны ти патреты, вона-жъ десь его пидъ прыпичокъ закынула, а винъ іи вывизъ зъ собою у степъ, пидъ возомъ поставывъ, та отто якъ прийде ручку, пиде до воза тай подывытся на неи. Колы це иде салдатъ.—Дай пожалуста, каже, воды напыться.—Та тамъ, каже, озьмить служивый пидъ возомъ бак-лагъ тай напыйтесь. Напывсь той салдатъ, углядивъ той патретъ тай пыта: —Што это у тебя за *торба* (распутная женщина) подъ возомъ стоитъ.—Хиба то, каже, торба, то моя жинка.—Да она, такая-сякая зъ нашимъ солдатомъ тягается.—Якъ же такы це можно?—дывуется чоловикъ.—А вотъ хочешъ,—самъ очевидькы побачишъ, только дѣлай што я скажу.—Ну-ну,—каже той. Отъ салдатъ заразъ вывернувъ кожуха, зашывъ ёго туды, найшовъ десь баранячи рогы, прыправывъ ему до лоба.—Теперъ, каже, хо-димъ.—Отъ прыходе зъ тымъ бараномъ до его хаты та:—хозяйка, гука, пускай ночевать!—И де бъ такы я тебе пустыла?—чоловика дома нема, иды соби дали.—Та мнѣ што, крычить салдатъ, я гдѣ нибудь заночую, да вотъ у

меня казенный баранъ на рукахъ, какъ случится съ нимъ что—ты буд… отвѣчать.—Та барана, каже, можно пустыть и у хату.—А мнѣ больше… чего и не надо,—каже салдатъ. Увивъ того барана у хату, унисъ ему си… а самъ пишовъ та десь на двори и лигъ. Отъ уночи прыходе той іи са… датъ. Погулялы соби, повечерялы, той баранъ тилко очима на усе те лу… А якъ полягалы спать, той баранъ якъ схватытся та салдата рогамы пид… бока, пидъ бока, а жинка за качалку та его попыци, попыци, побыла ему къ ранку усю ремыку. Отъ уранци прыходе салдатъ, якъ побачивъ своего барана...—Што ты, крычить на жинку, зъ казеннымъ бараномъ сдѣлала?—Давай четверную, дакъ не скажу начальству.—Дала вона ему ту четвертну. винъ и повивъ своего барана. Вывивъ за слободу, розибравъ та:—А шо, каже, бачивъ?—Бачивъ,—каже. Та ше ёму четвертну давъ.

Одинковка, Новомоск. у.

Цыганъ на батигъ сина просе.

Бувъ десь такый скупый панъ—шо було отто сина, або соломы никому ни клаптыка а ни дасть, ни продасть. И забывсь до его разъ цыганъ, просе пана ему хочь оберемочекъ синця продаты:—Панъ ни за яки гроши, … прыступу до его нема.—Та батечку, просе цыганъ, хочь на батигъ дайте мени навьязать.—Не одстае отъ пана, набрыда ему.—Шо жъ, дума панъ, стилько винъ тамъ на батигъ навьяже?—А цыганъ же то до его жывою душою лизе... Ну, каже панъ, на батигъ вже наберы.—Отъ цыганъ якъ прывьязавъ батога за наконешныкъ до пояса, а нарушныкъ у руку взявъ та якъ почавъ тоди на батигъ сино класты, якъ почавъ, та наклавъ такъ, шо и самого вже зъ-пидъ сина не выдно, а тоди пидвыхнувъ, скынувъ вьязку на плечи й подавсь.

Тамъ-же.

Яка харчь—така и робота.

Посыла пипъ роботныка косыты тай дае ёму у торбыни на обидъ самый хлибъ. Отъ работныкъ выйшовъ у степъ, поклавъ ту торбу тай балака до неи:—Торбо, торбо, шо въ тоби есть?—Та самъ соби и отвича: Хлибъ. Ну такъ спать.—Тай залигъ на цилый день. Пишовъ у вечери пипъ подывытысь—ажъ роботныкъ и ручкы не прыймавъ.—Отъ на другый день зновъ дае ему пипъ ту торбу зъ самымъ хлибомъ, вырядывъ его, а самъ и пишовъ пид… глядаты—шо той робе. А роботныкъ выйшовъ, поклавъ торбу тай балака: Торбо, торбо, шо въ тоби есть?—Хлибъ, каже.—Ну такъ спать.—Та зновъ на цилый день и залигъ. А пипъ тоди мерщій додому та:—давай, каже, матушка, паляныцю та сала, понесу я роботныкови у степъ. Набравъ того усего, прыносе у степъ, та пидминывъ у торбыни той хлибъ, тай засивъ,—шо то, дума теперъ буде казаты работныкъ?—А той усе те и бачивъ та

въ и балака до торбы: торбо, торбо, шо въ тоби есть?—Паляныця та —отвича соби.—Ну такъ попойисты—тай косыть.—Сивъ, попойивъ, я якъ зайшовъ ручку—ажъ пипъ радуется.

Новомосковскій у.

Цыганъ та батюшка.

Бувъ соби одынъ такый батюшка, шо отто прыйдуть работныки снидаты, поснидають, винъ и каже:—сыпъ имъ заразомъ и обидаты.—Пойдять воны ище трохы.—Сыпъ имъ, каже, заразомъ и вечеряты.—А шо же воны тамъ зъидять? Отто пойидять заразомъ, винъ ихъ тоди цилый ень на роботи и мордуе, хиба якый воды одирвется напытыся. Отъ и наявсь до того батюшкы цыганъ. Уранци посидалы снидаты, поснидалы.—ыпъ, каже батюшка, теперъ ше имъ и обидать.—И пообидалы воны.—авай же имъ заразомъ и вечеряты.—Насыпала наймычка и вечеряты.—овечерялы воны.—Ну теперъ, каже пипъ, идить на роботу.—Э, каже цыанъ, добри люде якъ повечеряють такъ и спаты лягають. Лягайте хлопци!

Тамъ-же.

Якъ руськи нpropся на сидало прывчалы.

Захотилы руськи порося сидаты на куряче сидало прывчиты. Отто іймалы его тай пидсажують по драбынци:—чапай, чапай, дурашка, курочка вонъ какая маленькая да и то сама злѣтить, а ты большой дуракъ а не умѣишь.

Тамъ-же.

Де багато невистокъ—тамъ усе борщъ солоный.

То та було у матери дви невисткы. Отъ варять воны разъ борщъ. Іаты, якъ прыставляла ёго тай посолыла, а старша невистка не бачила ай соби. Ось убигла и меньша, одставляла той борщъ, не покуштувала ай соби добавыла. Отъ посидалы обидаты... Маты заразъ на старшу невистку:—ты солыла?—Та посолыла,—каже.—А шобъ тебе!—Та и я, мамо, олыла,—каже меньша.—А батько:—за вамы и борщу до дила не пойисы.

Тамъ-же.

Якъ хахлы у Москву йиздылы.

Ихалы наши у Москву тай сталы десь на перехрестній дорози ночуаты. Ажъ-ось иде руській.—А чи можна, пыта, возлѣ васъ переночуать?—А чомъ-же, кажуть, ночуй.—Отто разбалакалысь, чумакы и журяться по выйихалы на посередохрестну дорогу—та не знають—яка на Москву.—А вотъ, каже руській, завтра повстаете—такъ куда будутъ брычки дышломъ стоять—то вамъ на Москву и дорога. Отто полягалы, та якъ поснулы, а руській узявъ тай повернувъ уси брычкы передкамы назадъ, а наши якъ повставалы, та такъ и позапрягалы тай ну йихаты. И прыйихалы якъ есть

у свое село.—Дывысь, каже одынъ, мы думалы—якъ воно у Москви, ажъ воно такъ якъ и у насъ.—Та онъ, каже другый, такъ наче и моя хата.— Та може тутъ и наши е?—Дывысь, онъ и кумъ иде... Давай воны тоди того руського лаяты.

Тамъ-же.

Руськый у прыймахъ.

Пуставъ руськый до нашого у прыймы.—Отъ той и посыла его десь воламы, а той руськый не зна шо ему и робыты. Сивъ на воза та цабекавъ, цабекавъ, покы волы его у ричку не затаскалы, а тамъ зирвалысь зъ ярмомъ тай подалысь.—Отъ иде винъ, шука тихъ воливъ, ажъ-ось е чоловикъ на зустричъ.—А что братецъ, не видѣлъ ты тутъ чертей ро тыхъ?—Якыхъ тамъ чортивъ?—Да вашихъ-же воловъ.—Яки жъ воны масть?—Да чортъ ихъ знаетъ, только вотъ у нихъ на шеяхъ бревно житъ.—Шо то за бревно?—А вотъ што у ему восемъ дверей верченыхъ, одна долбеная.—Та це ярмо—каже той. А ему тилько це и у замитку а про масть и байдуже.

Новомосковскій у.

Чабанъ та пырігъ.

Напекла куховарька на заговыны чабанови пырогивъ зъ сыромъ, гараздъ сыру не оддавыла. Отто узявъ чабанъ одынъ, та гарячій, як кусне, а гаряча сыворотка тилько чвиркъ ему увъ очи. Якъ кыне винъ той пырігъ та кгырлыкгою его учеше... Та не улучивъ по середыни та рижкови, а пырігъ якъ пидскоче та ему на груды.—А, каже, ты такы шо ше и на груды скакаешъ?—А цю-цю, Рябко, озьмы его!

Тамъ-же.

Панъ Гусынській та панъ Постолынській.

Зберавсь чоловикъ у кума воливъ попрохаты тай каже жинци:—З жарь на завтра гусака та треба кума прыгостыты. Заходылась вона, тутъ саме до ихъ салдата поставылы, а солдатъ те все и баче. Отъ як обиснулы вже, винъ вытягъ того гусака, заховавъ у торбу, а на его мисто поклавъ постилъ. Колы це повставалы удосвита, чоловикъ згадавъ про гусака тай шуткуе зъ солдатомъ.—Чи ты служывый, у городи Сковородынському бувъ?—Бувъ, каже.—А шо, тамъ и доси губернаторемъ панъ Гусынській?—Э, каже солдатъ, панъ Гусынській переведеный уже въ Торбюнській, а у Сковородынському сыдыть теперъ панъ Постолынській.—Отъ развыднылось, солдатъ пишовъ соби, а той чоловикъ кума клыкнувъ. Посидалы, выпылы по чарци.—А ну, каже, чоловикъ, а давай жинко те! Та жинка у пичь, вытяга сковороду, ажъ тамъ постилъ.—Охъ мени лыхо, дывысь гусакъ та на постилъ перепикся.—Э, каже чоловикъ, це неймыну

алдатъ таку штуку удравъ; винъ же и казавъ: шо панъ Гусынськый изъ коворродынського вже переведеный у Торбынськії, а на его мисто сивъ анъ Постолынськії.—Мабуть же винъ его зъ сковороды та у свою торбу перевивъ—покы мы спалы.

Тамъ-же.

Полтавское мелкопомѣстье.

— Здоровы, каже, диты!—Мы, кажуть, не диты, а полтавськи паны-и.—Чого жъ вы на пичи?—Та нема матери дома.—Де жъ вона?—Пишла о слободи по пидъ виконню хлиба добуваты.

Тамъ же.

Осыкови дрова.

Казавъ жыдъ:—два годы була у мене работныця добра, а на третій, ікъ нанявъ та купывъ осыковыхъ дровъ, воны то не горять, вона усе дме та дме... дывлюсь уже и черево соби надула, а дали и сына соби выдула. Спортылы мени осыкови дрова роботныцю!

Тамъ же.

Лито не хозяйка.

Казала Зима Литови:—ты не хазяйка, а розтаскуха.—Якъ, каже Лито я не хазяйка;—шо у мене усе есть—якъ хлибъ якъ и шо друге?—А такъ, не хазяйка, каже Зима, шо у тебе той на двори ночуе, той на степу, а я усыхъ якъ ничь—такъ у хату и зберу.

Новомосковскій уѣздъ.

Мать и жена.

Напекла маты невдалого хлиба, сынъ и пита:—а хто це пикъ—Та маты, кажуть, пекла.—А бодай кативскихъ рукъ не втекла!—Отъ удруге вже жинка напекла та ше гиршого, сынъ зновъ пыта:—хто це пикъ?—Та жинка,—кажуть.—Ну хай, винъ захолоне—такъ добрый буде. (Ср. Номисъ № 7518).

Тамъ же.

Гречаныки.

Ставъ салдатъ на кватыри, баба ёго и пыта—чого ёму зварыты, може чого пухкенького та мнякенького?—Да, да, звари мнякенькаго.—Отъ вона и наварыла ему здоровенныхъ галушокъ, тай подала. Отъ салдатъ вытягъ одну, одкусывъ та якъ попре іи баби у спыну, а та:—чимъ це ты мене, служывый такъ здорово бухнувъ?—Да тѣмъ же, чортъ тебя дери, рыхлымъ да пухлымъ бухнулъ.

Тамъ же.

Цыганскій языкъ.

Увійшла цыганка зъ цыганчамъ у хату, а у хати никого нема, вона заразъ у пичь, а тамъ у борщи курка варылась. Вона ту курку выхватыла

та цыганчати за пазуху... Ажъ ось и хазяйка въ хату. А та курка якъ припекла цыганча, а воно:—ой мамеле, печереле. (пече)—Э, каже, дурню, розтопыреле та тикай до шатереле! (розтопирчь пазуху та тикай до шатра). Розсмыкала ему пазуху, цыганча и подалось. Пойилы у обидъ борщъ, кынулысь до курки... Э, каже хозяйка, такъ-то и такъ, пишла наша курка до шатереле.

Тамъ же.

Отчего цыганамъ негрѣхъ божиться.

Якъ жыды розпыналы Хрыста, такъ самы не насмилылысь гвиздкивъ забывать у Его пречисте тило, а нанялы цыгана шобъ винъ забывъ пьять гвиздкивъ: двое у ногы, двое у рукы, а пьятый у лобъ. Отъ цыганъ у ногы та у рукы позабывавъ, а пьятаго и самъ не насміе, побоявсь тай не забывъ. Давай его тоди триматы:—ты жъ, кажуть, на пьять гвиздкивъ договорявсь. Такъ цыганъ и забоживсь и запрысягсь—шо на чотыри тилько. Такъ отъ тыхъ пиръ Богъ цыганамъ и проща за те що воны по базарямъ дурно божаться.

Новомосковскій у.

Симеонъ Богопріимецъ.

Симиёнъ Богопрыимець—дуже велыкый у Бога святый. Апостолъ Петръ—ажъ пьять мисяцивъ сыдивъ у темныци, тай давай святого Мыколая прохаты, шобъ той его вывивъ.—Такъ святый Мыколай каже:—я не можу, а просы ты Симиёна Богопрыемця.—Ставъ Святый Петръ прохаты Симиёна, той его и вывивъ тай пославъ на Ахвонъ спасатысь, тамъ вже святый Петръ и пресвятывсь. Симиёна Богопрыемця—дуже гришный праздныкъ (для работы).

Тамъ же.

Мыхайлове Чудо. (6 сентября).

Мыхайлове чудо дуже гришный праздныкъ. Росказують — шо разъ пипъ у цей день работныкови и каже:—Пойидьмо, наймытку, та посіемо.—А сегодня жъ, каже той, Мыхайлове чудо.—Та буде чудо, якъ посіемъ.—пипъ ему. Отъ выйихалы у степъ, поставалы, пипъ хотивъ ссадыты борону, та якъ узявъ іи зъ брычкы на плечи—та носывъ, носывъ по ныви, покы й годи сказавъ.—Запрягай, каже, хлопче та давай додому йихаты.

Тамъ же.

Касьянъ, (29 февраля).

Человѣкъ съ именемъ Касьяна въ день своего святаго почитается „поганымъ на очи". Такъ на что онъ въ тотъ день ни взглянетъ, вышедши изъ хаты,—на то не будетъ въ томъ году воду. Даже дерево и земля не застрахованы отъ порчи его взгляда. Дерево начнетъ гнить или сгоритъ, а земля не уродитъ. Въ с. Мануиловкѣ Новомоск. у. былъ хорошій и бо-

атый родъ, въ которомъ былъ одинъ членъ съ именемъ Касьяна. Когда наступало 29 февр.,—отецъ съ вечера запиралъ его въ погребъ и держалъ до утра 30 февраля.

Полурыбка (Камбала).

Якъ прыйшлы до Божои Матери звистыты, шо вже Хрыстосъ воскресъ—такъ вона саме у ти поры рыбку йила и вже одынъ бичокъ обибрала.—Отто и не повирыла тымъ посламъ.—Колы, каже, справди мій сынъ воскресъ, такъ нехай и ця рыбка воскресне, тоди повирю. Тилько отто сказала, а рыбка и оживла.—Іи, кажуть, довго и запрещено було йисты, а це вже и вона стала по базарохъ [1]).

Новомоск. у.

Домовый.

Домовый, якъ новый домъ строится—такъ радуется, шо ему буде де жыть. То жъ винъ зъ радощивъ грается та каминня, то шо шпурля на новій постройци, тилько то винъ ляка, а улучиты не улуче. А якъ вже иде на несчастя—такъ винъ напаскуде тай самъ змандрує.

Лисовыкъ.

Лисовыкъ це ото самъ самъ соби смерти предасть. Ходе винъ поверхъ дерева—та все гука: ге-ей! Разъ косылы мы надъ озеромъ, колы це въ ночи шось якъ гукне по тимъ боци:—Но! Де не взялась *полоса* та такъ дубья ажъ до земли кладе, трохы у насъ и куреня не знесло. Отто жъ винъ и пойихавъ.

А то бувъ у насъ дидъ, такъ ёму разъ було. Чуе винъ шось у лиси крычить, такъ якъ наче клыче:—ге-ей! Винъ и пишовъ. Колы тамъ чоловикъ та й зчепывсь зъ йимъ. Такъ и дидъ бувъ калдунъ не зъ послиднихъ, не подается ёму. Поты отто вовтузылысь—покы й пивни заспивалы. Винъ такый, шо й чоловика задаве.

Той шо очи одводе.

Винъ не одведе тому—кого не баче. Разъ, розказують, заклавсь одынъ такый—шо кризь колоду пролизе. Люди оступылы его, дывуются—якъ винъ кризь колоду лизе, ажъ ось пидъйиздыть свижый чоловикъ зъ синомъ. —Та чого вы, каже, на его дывытесь, винъ по узъ колоду лизе. А той тоди якъ схватытся та:—дывысь, каже, онъ у тебе сино горыть. Той зиркъ —ажъ возъ увесь поломьямъ узявсь.

Лытвыны.

Лытвына и зачипать страшно. Це у насъ було. Хотилы дви наши бабы напытысь, ажъ Лытвынъ такый соплывый и поспишивсь попереду на-

[1]) Ср. *Чубинскаго* Труды I; множество варіантовъ собрано въ 1 т. соч. *Child* The engisch ballands т. I подъ № 22. Н. С.

пытысь. Бабы и кажуть:—бачъ, соплывый, попаскудывъ намъ воду.—Да, каже, Лытвынъ, ты то хороша!—Сказавъ тай пишовъ. Такъ шожъ, позадублювалысь наши жинки та такъ слободою и йдуть. Люде сміються, треба имъ було такъ и вертатысь та прохаты того Лытвына шобъ пелены одпустывъ.

А то одынъ узявъ разъ зеленый огирокъ, помьявъ, помьявъ его тай зробывъ репанокъ (старый огурецъ), а другый баче та и каже: а ну сделай, чтобы онъ опять зеленый былъ.—Той не може.—Ну коли не можешь и не берись, говоритъ. Та выскубъ его, и такъ узявъ той репанокъ, помнявъ, помнявъ его винъ и зробывсь якъ и бувъ зеленый.

Якъ грошей у чортивъ добуты.

Колы хочешъ добуты грошей—возьмы Божу Матирь та хлибъ и пиды у глупу ничь у плавни. Поклады те все, ливою ногою стань на Божу Матирь, а правою на хлибъ—тай глянь... Такъ воны тоби такого грошей нададуть, абы зъумивъ пожиты.

Бувъ одынъ такый. И хозяйство нажывъ и дитей поженывъ зъ тыхъ грошей. Отъ и прыйшлось ему помераты, винъ и наказуе дитимъ:—глядить, якъ умру я—такъ вы мене вынесить у другу хату, и поставте мени у головахъ лоеву свичку и не доглядайте мене, хочь и изъ двору сходьте. Отъ якъ вмеръ винъ, воны такъ те все изробылы, якъ винъ казавъ. А у ранци якъ пишлы у ту хату де винъ лежавъ—такъ нема ажъ ничогисенько, де яка краплына кровы упала—и тамъ земля ажъ у четвертъ выкручена, де на лаву упала и тамъ розверчено. Всылу, всылу де не де яке шмаття та кисткы позбералы, склалы тай поховалы.

Новомосковскій уѣздъ, Екатеринославской губ.

Жиды.

На прыканци свита жыды заберуть усю землю; хочь не на довге время—а заберуть. Воны бъ вже давно выселылысь у свою землю—такъ тамъ есть таке море, шо усе гра, а тилько у суботу и стоить, а у суботу жыдамъ йихаты не можна. Ихъ на новый годъ чортъ бере. Отце якъ одговіются такъ и идуть на воду; у жыда пивень, а у жыдивкы курка. Отто винъ вже выходе тай бере—якого ему тамъ треба.—Свыныны воны, кажуть, того нейидять, шо колысь то свыня жыденя зъйила.

Самоубійцы.

Самоубійство считается тяжкимъ грѣхомъ, здѣсь человѣкъ „пишовъ противъ Бога“, такъ какъ Богъ даетъ каждому человѣку свою судьбу—то и нужно ее терпѣть (нести крестъ свой). Самоубійцы же идутъ противъ предопредѣленія Божія,—а натаживаетъ ихъ на это дьяволъ. Самоубійца не достоинъ христіанскаго погребенія.

Самоубійцу не переносятъ на новое мѣсто съ мѣста смерти, т. к. онъ будетъ ходить на старое мѣсто—семь лѣтъ. Если же необходимо перенести—то переносятъ черезъ „перехрестну дорогу“. Въ такомъ случаѣ самоубійца, дойдя до перекрестка, сбивается съ дороги и нейдетъ дальше. „Печатать“ ихъ можно только черезъ 7 лѣтъ.

Утопленники и повѣсившіеся необычайно шибко бѣгаютъ. Если имъ на бѣгу попадутся лошади—они ржатъ, а если скотъ—ревутъ—чѣмъ и пугаютъ ихъ. Являются они на мѣсто смерти и домой.

У нашого Харька зависывсь парубокъ; его у кучугурахъ и заховалы. Довго писля того люде у ночи чулы, якъ винъ крычить:—дядына вареныкивъ наварылы, а мени не дала. Винъ отто видъ дядыны и повисывся.

Новомосковскій уѣздъ.

Якъ стари люде казалы.

1. На *Ганны зачатія* (9 дек.)—свитъ зачинався.

2. Тому хто *прычащався* грихъ у той день ськаться у голови.

3. Въ закормку для пчелъ непремѣнно кладутъ крошки *благовѣщенской* просфоры.

4. Якъ побачышъ по весни перву *гадюку*—покажы ій голе колино, такъ того году бильшъ вже не бачытымешъ и однieи.

5. Якъ де заведутся *гадюкы*—помажь яку дегтемъ—уси змандрують.

6. *У гадыны* есть скрытни ногы, вона ихъ выпуска—тилько тоди, якъ дуже тика. Ребятишки найдя змѣю облагаютъ ее огнемъ въ надеждѣ увидѣть эти скрытныя ноги.

7. *Жаба* въ криницѣ считается полезной, такъ какъ она „зловлюе на себе той ядъ шо бува гадына у крыныцю напусте“.

8. *Земляна жаба*—ядовита и кусается. Ядовита также *скракуля*—велыка зелена жаба—жыве бильшъ у болоти, бува и у ричци.

9. *Мертвякъ* усе чуе—ажъ покы пипъ не скаже „со святымы“.

10. Якъ выймаешъ зъ печи *хлибъ*—такъ грихъ у спидку стукаты (пробуютъ такъ—выпеченъ ли хлѣбъ), бо тоди анголы зъ хаты ажъ не потопляться та тикають.

11. По минованіи „*Зеленыхъ Святъ*“, т. е. въ воскресенье слѣдующей недѣли баба забираютъ „клечання“ и идутъ съ нимъ на воду, гдѣ и купаются—натираясь вялымъ клечаннямъ.

12. *Ящирокъ* два сорта: дивчача—зелена и хлопьяча—сира.

13. Якъ чоловикови *одрыгается*—такъ це у его кровъ на сердце капа.

14. Колы хочешъ яке *дерево вывесты*—такъ зрубай на третій кватыри.

15. *Одъ пожежи*. Нужно икону Спасителя освятить 12 разъ и во время пожара оббѣжать съ нею кругомъ горящей хаты девять разъ.

16. *Погане на очи* буде—якъ двичи цыцьку сце. Отце разъ одлучать а дали зновъ дадуть.

17. Когда *„скаженюка“* покачаетъ скотыну—нужно на перекинутой къ верху дномъ сковородѣ жарить муку непремѣнно на пламени и затѣмъ давать раненой скотинѣ эту муку черезъ „синешный“, если скотина на дворѣ, или „повитчатый“ порогъ, если скотина въ повиткѣ.

18. Не писля всякои *скаженюкы*, якъ покача, скотъ, а бо що казытся, якъ упаде волосъ у волосъ—такъ тилько тоди, а якъ не до масти—такъ байдуже (руда собака и руда скотыняка).

19. *На Илли* (20 Іюля) уся птыця збывается въ табуны.

20. Якъ *гримъ грымыть*—та хто йиде по дорози—звертають зъ дороги та перестоюють.

21. Якъ пиде дощь на *Мокрыны* (19 Іюля)—такъ на той рикъ буде урожайне лито.

22. Послѣ Спаса (Пречистои) *комари* сбиваются въ кучи и стоятъ по вечерамъ столбами надъ деревьями, послѣ чего изчезаютъ. „Це, кажуть, воны пишлы Бога позывать—шо винъ на ныхъ зиму попуска“.

23. *Вырій*—це десь такый островъ, увесь на высокыхъ кручахъ.

24. *Дядынивъ помынають*—во вторникъ на Ѳоминой.

25. Мука изъ новаго зерна до тѣхъ поръ будетъ хороша для „печива“, пока изъ того зерна не возьмешь хоть сколько нибудь для посѣва.

26. Если *хлѣбъ* въ печи *„репается“* — не долго будешь на томъ мѣстѣ жить.

27. *Мавъячій велыкдень*—въ четвергъ на зеленой недѣлѣ.

28. Если *перейти дорогу* когда несутъ *мертваго*—то иа перешедшаго нападутъ болячки и чирьи.

29. *Передъ заходомъ солнца* нельзя спать—нападетъ лихорадка.

30. Въ *десяту пьятныцю* (послѣ Св. Праздника) хорошо сѣять рѣдьку.

31. Колы *рій* до сколькихъ разивъ тика зъ пасикы—це его хтось зманюе.

32. *Куряча слипота* напада якъ уступышъ у ту золу, шо жинка вынесе до схидъ сонця, або по заходи.

33. *Вовчиця* несе стилько вовченятъ—стилько недиль мнясоиду, або яка того году упаде масна.

34. Колы у *крашанци* пусте мисто збоку—вылупытся пивень.

35. Не слидъ замитаты прыпичка в651ныкомъ, а треба крыльцемъ, бо чулы якъ разъ вогонь жаливсь комусь на хозяйку, шо яка то вона, шо ему що дня виныкомъ очи продера и пытонькы не дае.—Це вже проты того—якъ хто наничь пусту пичь кыда, не поставе литепла у пичь на ничь.

36. Якъ весною якои ночи *крюкають жабы*—то рыба трется.

37. Якъ раннею весною *крюкають* у ночи *жабы*—не бійсь тіи ночи морозу.

38. Колы *гадыну* зарубать косою—такъ коса порвется.

39. Если крестятъ мальчика такъ нужно,—чтобы кумъ былъ старше умы, или однолѣтки, для дѣвочки же это безразлично.

40. Дитя можно причащать только черезъ шесть недѣль (отъ причастія до причастія), но дѣлаютъ это гораздо чаще, полагая что отъ этого итя скорѣй растетъ.

41. У зайця—ажъ дванадцять шкурокъ.

42. Мартъ витры роде.

43. На Похвальнимъ тыждни птыця яйцемъ похвалытся та бува ше и морозе его.—Послѣ Похвальн. бываютъ морозы.

44. Якъ на *Сорокъ святыхъ* не буде морозу—буде ше сорокъ морозивъ.

45. *Молодыка* у той день якъ винъ народытся не може чоловикъ увыиты, хиба вже дуже та дуже достойный у Бога.

46. *На Явдокіи*—сокъ у дереви почина обертаться.

47. На *благовистнимъ тыждни*—щука трется.

48. Нельзя сажать *корнеплодовъ* въ среду и пятницу—будутъ трухлые, ельзя также въ эти дни и птицу подсыпать.

49. *Гнылый тыждень*—третья четверть мѣсяца. Въ это время нельзя ичего ни сажать, ни рубить. Посаженное не приймется, а отъ срубленаго не будетъ отростковъ.

50. *Сила заговора* теряется—если знахарь читалъ заговоръ жиду.

51. *Заговоръ* дѣйствуетъ до смерти заговорителя, послѣ же его смерти оль снова возвращается.

52. *У понедилокъ* въ степу ничого не починай; колы вже дуже треба акъ хочь снипъ нажны, або борозду прыйды у суботу. Не починай сива, той день у якый упада мученыка, бо будешъ зъ посивомъ мучитысь.

53. *Чужой ложкой*—не годится ѣсть, нападутъ заиды.

54. Видъ *грызи* (грыжа)—разкалываютъ молодой дубокъ съ корня чуть е до вершины (на корнѣ), затѣмъ сгибаютъ такъ, чтобы въ расколъ могъ ролѣзть больной, и заставляютъ его туда пролазить три раза. Послѣ чего убокъ связывается и когда онъ сростется—пропадетъ и грыжа.

55. Видъ *сухитъ*—купаютъ дитя вмѣстѣ съ чорнымъ котенкомъ, послѣ его сухоты переходятъ на котенка, онъ ссохнетъ и околѣетъ.

56. Въ недавнее еще время бросали при погребеніи въ могилу деньги. Этими деньгами „покупалась яма".

57. Якъ на Стритення капа—то ше довго зима капатыме.

58. Въ мертвыхъ пчелахъ купаютъ дѣтей. Если дитя выдержитъ это купаніе, то долго будетъ жить.

59. *На Новый годъ*—когда посыпаютъ, то зеренъ, упавшихъ на окно

не сметають, а дають имъ прорости и по этому выводять заключеніе на какой хлѣбъ—какой урожай будеть.

60. Якый день на *Новый Годъ* такый буде на Благовищення.

61. Обрѣзанные *ногти* прячуть запазуху, или въ карманъ, говорять что, если ихъ расбрасывать, то на томъ свѣтѣ не взлѣзешь на стеклянную гору.

62. *Волосы* послѣ стрижки сжигають—чтобы голова не болѣла.

63. На Юрья ходять на росу глаза промывать и умываться.

64. На девьятимъ тыждни гусакъ зъ вырія выходе, а на десятимъ и стадо выводе.

65. Воры заворовывають на счастя подъ „Мыколая".

66. На Кузьму-Демьяна прежде считалось нужнымъ укладывать пчелъ въ зиму.

67. На Благовѣщеніе знающіе люди набирають разсады запазуху и идуть съ нею въ церковь, вернувшися же домой разсаду высѣвають. Такую разсаду ни морозъ не тронеть, ни блоха.

68. Съ Юрья начинають обучаться вѣдьмы.

69. Якъ первого роя упустышъ зъ пасикы—такъ вже и пидуть тикать.

70. Одъ переминнои воды (разной) напада чоловика нужа.

71. О полой водѣ на Днѣпрѣ существуеть повѣрье (или наблюденіе?), что вода должна достигнуть такой же высоты—какой и нагроможденныя ею по веснѣ льдины.

72. Если послѣ борща у ѣвшаго болить животъ—значить стряпуха во время варки бзднула.

73. Якъ у зиму упаде тры иніи, а особлыве на Новый годъ—буде на хлибъ урожай.

74. Введення (22 ноября) вже чимсь себе та покаже; або дощь, або снигъ, або хлякоза—а хоть до обидъ, чи къ вечеру—а вже буде.

75. *Ремезяче гнездо.* Якъ вона у ёго перва—такъ и гниздо буде зъ одніею диркою, а якъ друга—такъ зъ двома. Зъ одніею диркою тилько и иде гниздо въ дило; его святять зъ паскамы та коровъ пидкурюють.

76 Мужикы кажуть—що Сава, Варвара (4, 5 дек.) ночи ввирвалы та дня доточилы, а письменни кажуть що на Свырыдона (12 дек.) прыбуде дня на макове зерно.

77. „Заець чуе снигъ". Передъ снигомъ онъ не уходить далеко отъ логова и умащивается „на взлобьи", избѣгая низинъ и балокъ.

78. Въ уси пыщить—буде якась звистка.

79. Шобъ *видьма* не ходыла до коровы—треба у глухимъ кинци воротъ, чи дверей, де ночуе корова круглый годъ держаты троицьке клечання.

80. Якъ хочешъ,—шобъ *видьма* до тебе прыйшла—насыпъ на сковороду

олока (воды), накыдай туды голокъ та и хай закыпыть. Видьму тоди буе якъ голкамы штрыкаты, отъ вона и прыйде у тебе просытысь.

81. Колы хочешъ шобъ твоя бджола найзлійща була—выйидь трычи глупу ничъ каюкомъ на середъ ричкы, або ставка и наберы трычи воы ротомъ та и злый іи у пляшку. Та якъ пляшка выдерже—у ту воду къ побачишъ перву гадюку, сплюндруй, зсуши, зтовчы, усыпъ у ту воду а нею бджолу и загодовуй.

82. Чихнувши говорятъ себѣ: „хтось честь воздасть, частуваты буде", частуваты=чествовать).

83. Майстеръ може закласты хату на шо зхоче. Якъ на скотъ—такъ котъ буде у хозяина пропадать, чи на кишку—кишокъ у хати не буде, то зробе, такъ, що и дитей небуде, тилко же вылупытся—такъ и вмре.

84. Отто якъ каменщикы кладуть постройку, то выставляють на шосыкахъ журавля та стрильця—це воны дощь одвертають.

85. *Зайчиха* трычи веде на лито.—Перви *мартята*—у марту, други—езнаю колы, а трети *пидкипчата* вже бигають якъ було копы берешъ.

86. У всякого дерева есть *винъ* и *вона*. Вона буде рожатысь за ёго, винъ инколы и оптомъ безплодный, якъ шовкунъ (мужск. особь шелковицы).

87. Три поминальныя субботы:—Дмытрова, Кузьмына и Мыхайлова (въ октябрѣ и ноябрѣ).

88. На весилли въ визныкы или поѣзжане могутъ ходить только тѣ, кто женатъ не болѣе трехъ лѣтъ.

89. Если „хрещеныкъ" за дальностію не принесетъ своему крестному на Святъ-Вечиръ вечери—то на первый день рождества относитъ ему паляныцю.

90. У году бува тры дни такыхъ—шо по усему свитови дощу нема.

91. *Падающія звѣзды*—не падаютъ, а только перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто. „Онъ зирочка побигла".

92. *Къ погребальному обряду*. Умершую дѣвушку кладутъ на разостланномъ рушникѣ, около правой руки—такой же рушникъ. Лежитъ она на лавѣ въ гранатахъ, лентахъ и дукачахъ, но когда кладутъ въ гробъ—все это снимаютъ, остается только красная лента, повязана выше погребальнаго вѣнчика.

93. *Канунъ*. Въ хатѣ послѣ умершаго полагается до шести недѣль держать канунъ; немногіе держатся этого, въ большинствѣ случаевъ канунъ стоитъ до 9 дней. Каждый вечеръ въ то время, когда слѣдуетъ звонить къ вечернѣ кануновая, свѣча зажигается и горитъ до солнечнаго захода, затѣмъ тушится. По истеченіи недѣли въ тотъ день—когда покойникъ умеръ „кануновый" калачь, ломается, отнюдь не рѣжется, куски его мажутся медомъ и раздаются присутствующимъ и сосѣдямъ, а на покуття кладется но-

вый калачъ. Черезъ шесть недѣль, а также и въ годъ „ставытся обидъ". Въ ночь передъ нимъ снова, „доглядають души", читаютъ псалтырь и не спятъ.

94. Не годытся *кроливъ* водыты тамъ де скотъ есть.

95. На похоронахъ принято брать „кануну"—не менѣе трехъ ложекъ.

96. Бува шо бджолы якъ хмара летять. Це ихъ хтось зсыла, такъ воны роивъ по трыдцяты у купу збываются и тоди ихъ не зупынышъ, не завернешъ, а нападуть на чоловика у смерть загрызуть.

97. На Дмытра (26 октября) спускаютъ барановъ.

98. Самымъ позднимъ и желательнымъ срокомъ для уборки пчелъ на зиму почитается Кузьма-Демьянъ (1 Ноября).

99. Чій коринь—того и плидъ, юридическое положеніе. Пользуются имъ посѣявшіе смежные баштаны, на которыхъ тыквенный „огудь" съ одного баштана перешелъ на сосѣдній. Тогда разбираютъ тыквы, пользуясь этимъ правиломъ.

Новомосковскій у.

Сны и ихъ значеніе.

1. *Весилля* снытся—лайка. 2. *Пужаръ, пожежа*—передъ споромъ. 3. *Лисъ темный*—скверни речи, а свитлый—добри. 4. *Быстра та чиста вода*—добрый сонъ. 5. *Рыба*—гроши. 6. *Потопать* во снѣ—нужно ждать болѣзни. 7. Рыбу ловить, или видѣть „рыбалокъ" во снѣ, особено умершихъ—дождь.

Крутыть горобця.

Если изъ играющихся на улицѣ дѣтей—кто п.... то услыхавшій товарищъ хватаетъ немного земли и травы и кричитъ:—*земля-трава драть!* Послѣ чего всѣ присутствующіе начинаютъ провинившемуся „крутыть горобця". Дѣлается это такъ: Каждый беретъ штрафованнаго за вихоръ и всѣ приговариваютъ:—„литавъ горобець, литавъ... та почавъ гниздо мостыты... Мостывъ, мостывъ!... и т. п. упоминаются все что могъ дѣлать воробей, стараясь при этомъ изобрѣсти какъ можно больше его дѣйствій. Въ заключеніе же пары дергаютъ виновника за чубъ въ разныя стороны съ крикомъ:—„той туды, той сюды" развертаются воробьята. Этимъ кара и кончается.—Если же провинившійся раньше другихъ—схвативши земли крикнетъ: „земля трава—не драть", проступокъ ему не ставится въ вину.

Липцы, Харьков. у.

О погодѣ.

1. *Сонце сило за стину*, т. е. въ тучи—нужно ждать ночью, или на другой день дождя. 2. Якъ бузокъ розивьется—такъ и соловьи прылетять. 3. Дзвоны ревуть—на годыну. 4. Зори на видлыгу, або на снигъ *надимаются*, т. е. кажутся тусклыми, какъ бы въ туманѣ. На морозъ же и вѣтеръ *обгорожуются*, т. е. около нихъ видѣнъ какъ бы кружокъ синій,

тоже и съ мѣсяцемъ. 5. На морозъ—кожухъ зробытся цупкымъ—ажъ лопотыть. 6. Сонце ставе стовпъ—на морозъ. 7. Зори горять—на витеръ. 8. Якъ сонце ставе *парусы* (столбы) пры сходи—такъ буде у день витеръ, а якъ зъ вечера—такъ у ночи. 9. Якъ молодыкъ *попуска черево*, т. е. его видно только рожокъ,—буде дождевый мисяць, а колы *закрутывся*, т. е. рожки какъ бы соединены—буде сухый мисяць. 10. Бджолы ревуть—на дощь, тоже самое если онѣ рано „рушаютъ" на роботу. 11. Замѣчай—откуда будетъ дуть на Покровъ вѣтеръ, съ той стороны и всю зиму будетъ большинство вѣтровъ.

Прысливья, прыказкы и т. п.

1. Здрастуйте, я ваша дядына.=Ни къ селу, ни къ городу. 2. Жарко—ажъ вуха горять (только въ хатѣ). 3. Такъ обпывсь якъ на Святъ-Вечиръ=какъ будто послѣ сладкой кутьи. 4. Годи, годи, не втрачайся, буде и грывни.=Не заносись. 5. Малай, пади на мерана пагляди!—Да краха въ ротѣ.=(а винъ запнувсь цилымъ окрайцемъ). 6. Казавъ цыганъ: шо якъ бы воно було—то чого бъ тилько и стоило. 7. Гора шумыть,=вѣтеръ шумитъ вершками лѣса (*Nb* въ колядкѣ „ой шумила (крутая) гора"). 8. Загляда—якъ сорока у маслакъ. 9. Перепався якъ щука. 10. Богъ не теля, баче и видтиля, дарма шо высоко. 11. Пишій ворони де не литаты то все г...о клюваты. (Ном. 8032). 12. Не бродяче—качка.=Неожиданно. (Ном. 1648). 13. Выпросыть—стыдно, заробыть—важко, свижче око украсты. 14. Казавъ цыганъ:—добре мужикови—оры. мелы, йиижъ, а тутъ-то, покы выпросышь та покы выдурышь! 15. Богъ не Мыкытка—ёму усе выдко. 16. Тутъ не твій батько хозяинъ.=Не твое дѣло. 17. Родына—якъ лыха годына.—18. Лыхо!—Отто лыхо—якъ у г..ни червы; самому не выдно, а показать стыдно. 19. Ставъ на ногы—якъ кишка.=При паденіи. 20. У нашого свата—безверха хата, дровъ ни полина, а *той* по колина. 21. Корова на двори, а вода на столи.=Корова есть, а молока нѣтъ. 22. Не мое засыпано, не мое и втовчется.=Не мое дѣло.—23. Пытала цыганка цыгана:—а де наша скороманда (сковорода)?—А той ій:—а де ты дила посморгачь? (рогачъ). 24. Мруть не стари, а поспили. 25. Всякъ царя зна=ясное дѣло, это извѣстно... та якъ до его дійты.—26. Такого—хочь бийся.=много. Богато—якъ гною, якъ смиття. 27. Верба била—бье до дила, верболизъ-бье до слизъ, ось недалечко—красне яечко.=Въ Вербное воскресенье. 28. Вовчои погыбыли спиваты=плакать. 29. Доброю душею (продае, дае и т. п.)—по своей охотѣ, самъ предлагаетъ. 30. Робылы каюка, а выйшовъ тилько войтыкъ до рижка. (Войтыкъ—донце въ нюхательномъ рожкѣ). 31. На тимъ свити ше тиснишь буде,=если кто скажетъ:—тисно. 32. Бый, жинко, цилу крашанку въ борщъ, хай люды дывуются якъ мы ласо имо.

33. Ничь матка—на все хватка.—34. Зъ Богомъ не быться—якъ жинка не слуха. 35. Правый якъ сокыра.—36. Робе—якъ за напасть, = лѣниво. 37. Озьмешь на маненького Петра,=не скоро. 38. Святее дило—до голого тила (?). 39. По сей день чернець *ту* бачивъ,=въ послѣдній разъ. 40. Сыть по голодному николы не вире. 41. Нема и ока,=говорятъ рыболовы, когда нѣтъ ничего. 42. Де гныда—и те куса,=чортзнаетъ-что и то... 43. Торгонувсь якъ свыня у двери.=Не добился. 44. Мастера:—двое с.. е, а третій розтера. 45. Середа якъ була молода—такъ и сама йiила.=О скоромномъ. 46. Жидъ не чумакъ, коза не худоба.—47. Смилывый—якъ жидъ у городи. 48. Знай край та не падай.—49. Не учиться—волочиться.=дѣло привычное. 50. Свитыты очима по за плечима,=чувствовать угрызенія совѣсти. 51. Крыку до самого сцыку. 52. Стрилець—набывъ коробку яець. 53. Хочь гриха ухопыла—такъ с.. ку закрасыла,=добыгливая распутница. 54. Просы—ажъ покы зъ земли вода выступе,=попокланяйся.—55. Це—не винчана бида, т. е. биду можно избыть, не то-что вѣнчанную жену. 56. Пиды ты медведеви въ г.. но.—57. Спасыби за обидъ—наiився дармоидъ. 58. Пидты на молотвы.=Пропасть. 59. Бида та ше за биду и зачепылась. 60. Оглядивсь—якъ свыщи въ борщи.=Поздно образумился. 61. Багатство дачасне, а щастя довишне.—62. Прыйшлось вузломъ до г.. на,=нужда налягла. 63. У щедрои—усе пелена мокра. 64. Гирше сырои кваши (отъ сырой кваши бываетъ разстройство желудка). 65. По цыганськи—хочь разъ та ласо,=поѣсть. 66. Семыхатній!- Семыхатній собака,=бродяга. 67. Самъ улизъ, а зъ батькомъ не вырвусь.=Затруднительное положеніе. 68. Найiивсь—якъ собака палыци. 69. Не надувшись не выс.... безъ усилія... 70. Копъ-караванъ=много. 71. Ни г.. на вихтя не стое. 72. Бида братця:—покрадено яйця; було двое, а стало трое. 73. Всымъ увъ одно г.. но и не вкачаться,=не всѣмъ однаково. 74. До лыхои воли,=много. 75. Хочь у ката—абы плата,=нѣтъ дѣла работнику до репутаціи хозяина. 76. Цего—якъ воды.=Это вѣрно будетъ. 77. Хай я у ридного батька не разговіюсь,=пародія на божбу. 78. Ни дзень, ни бовъ, ни за веревочку. 79. Чую у тучкахъ, шо цего не буде. 80. Хай его пале небесна сыла зъ усыхъ четырехъ сторонъ. 81. Горе натерло, нахылыло. 82. Витеръ зъ поля, а гисть зъ с.. кы. 83. Якъ той не батько, такъ и той не сватъ. 84. Тилько батька та матери и не можна нажить. 85. Була колысь правда та заржавила. 86. Не дывытся на мене шо я Самарськiй щвець, балакайте зо мною якъ и зъ простымъ чоловикомъ (Самарь-Новомосковскъ). 87. Якъ глянето и молоко кысне,=такая красавица. 88. Панська честь до порога,=т. е. у пановъ въ чести—пока на глазахъ. 89. Не рилля роде, а Богъ (Ном. 28). 90. Це—сорокъ зъ окомъ.=Штука! 91. Хай мене одуре на послидній дорози, если я тебя одурю. 92. Казавъ баштаннықъ: эхъ, якъ бы не жена

огудъ бувъ, и яки-бъ то кавуны—у мене булы. 93. Будь лыхымъ проклеnуть, будь добрымъ—проглынуть. 94. Нададуть: крыве й слипе, по двое ъ хаты,=черезъ-чуръ много. 95. Оглядивсь манахъ якъ х.. въ головахъ.)6. Хочь бы сказало тамъ: чорте, бисе, або якъ назвало. 97. И ворогу не кычу. 98. Твій батько паску носывъ у штаняхъ святыты. 99. Твоя маты ало у въ очипкови товкла. (Дразнятъ дѣтей). 100. Уперѳдъ не поспипайсь, ззаду не оставайсь, а въ середыни не мишайсь. (Н. 5862). 101. Кто мене проведе—той самъ трехъ день не проживе. 102. Це—якъ слово ючи—легко, нетрудно. 103. Хай иде Богу въ прыемъ=пускай пропадаетъ. 104. Це—поповы работныкы=лѣнивые. 105. Бодай тоби роса попойіла!—проклятіе. 106. Цего и добраго году не було. 107. И на тимъ свити хоять.—Говорятъ выплескивая остатки водки на землю. 108. Не тилько виту шо въ викни, за викномъ ще бильшь. 109. Помога—якъ *тій* вороося. 110. Таке шо й у вири не ведется. (?)=невѣроятное нѣчто. 111. Солянка (синица) по веснѣ кричить;—кырпычу, кырпычу (це, бачь, берить кому треба, а ій уже топлыва не треба). 112. Вирую . . . . —якъ прыйшла кобыла до яшного стога, стала думаты-гадаты видкиля того стога починаты. 113. Ридни — шо лапти одни. 114. Бабьячій ярмарокъ=оконаніе ярмарки, когда остаются только торговцы посудой и другой хозяйственной мелочью. 115. Ямкы закопувать,=(остався, пойіхавъ и т. п.) совершенный конецъ ярмарки, когда и балаганыснимаются и площадь заравнивается. 116. Пер . . . хахолъ, а руській ему:—и озывается глупакъ, отъ мы дакъ шипомъ на двѣ хаты нададимъ. 117. Ты жъ мени пальця не одкусышь?=не обманешь довѣрія? 118. Старый законъ — старинный обычай. 119. Заразъ нова свыточка на килочку. 120. Умомъ робы, кровью серы. 121. Самъ (одынъ) якъ бовдуръ. 122. Чор-зна шо не гроши, сами шагы. 123. Якъ будуть шанувать — такъ будемо и ночувать. 124. Купишь у крамарькы, якъ вона не дывытся, оддасы гроши—якъ не баче тай пидешь. 125. Хочь голый—такъ въ пидвязкахъ. 126. Хочь разъ батька по лоби ударь, хочь десять. (Ном. 8019). 126. Охъ-охъ, йився-бъ горохъ. 128. Умырай, мы и коржи пойимо. 129. Помогай бигъ, здоровъ тай назадъ,=поспѣшно. 130. Не купци, а щупци=не покупатели. 131. Такый шо зъ шага копійку украде. 132. Тамъ (тутъ) ему и хата. 133. Треба шматка дойидаты—шобъ за тобою не гонявсь. 134. Покынь живе та пиды шукать мертвого. 135. Договорывсь—якъ домолотывсь (?). 196. Тилько очи блищать—сильно худой. 137. Острословіе. Давайте нашимъ кизякамъ по с..ци. (Козакамъ по чарци). 138. Сухаривъ—якъ старця розбылы. 139. У нытку пишло — въ дѣло пошло. 140. Огонь усе очищае. 141. Хочь дрибненька та свиженька (рыба). 142. Сова не выведе сокола, а все совыня. 143. Хиба на довго старый женытся; колы не вмре такъ такъ про-

паде. 144. Тилько и выдно шо небо та земля та березове гилля. 145. Хочъ кровь зъ носа, а давай. 146. Тутъ и такъ бида, ажъ на тоби—чертъ ше десятину табаку посій. 147. Не моя шапка—не мени іи и надиваты. 148. Шіе на вивсяне зерно.—рѣдкій швъ. 149. Се дидъ зъ того попылу—шю чорты бздятъ. 150. Черезъ ладъ богато. 151. Такый—якъ не колется (скотъ напр.)—сытый. 152. Балакай шо хочь, а пидешь куды не схочь. 153. Хиба архырей—богъ, а прокуроръ сама правда. 154. Зъ одного вора тилько могорычь пьють. 155. Шобъ надъ нею земля тряслась—проклятіе умершей. 156. Якъ червякы йидять—часто, дѣти. 157. На свитъ наступыты (кому либо)—повредить. 158. Я бильшъ забувъ, нижъ винъ (ты) знае. 159. Якъ запье то й ворота забье. 160. Густо—такъ не буде пусто. 161. Разкачай горе—ухъ! 162. Бодай тебе свята чапля! 163. Чортъ его помынай!—чортъ съ нимъ. 164. Люба копійка. 165. Мжичка (?) теля, (лоша) зъйила. 166. Добри зубы шо хочь кисиль йидять. 167. Отъ же вамъ—не пывъ и не ивъ—божба. 168. Ледащо непритворенне=неисправимый лѣнтяй. 169. Ховается якъ рыба отъ кгавы. 170. Знаешь ты на чому орихы ростуть.= не знаешь. Поговорка эта напоминаетъ великорус. свадебный обрядъ, когда свахи спрашиваютъ свата, или кого то другого: а угадай, сватушка, на какомъ древѣ орѣхи рожаютъ?—На что сватъ говоритъ то на лопухѣ, то на крапивѣ и за третьимъ разомъ уже отгадываетъ. 171. Дурный—ажъ крутыця. 172. Шепотуха коло вуха—жинка. 173. На дыты пер . . . ,—абы батько бувъ. 174. Въ кулакъ дбаты—собирать деньги. 175. Кожушана латка дорогша за ридного батька. 176. Якъ ляжешь на земли—такъ рука и нога спыть. 177. Почухаешься—де и не свербыть. 178. Не будешь хозяйскаго жалить, не будешь и свого мать. 179. Якъ богъ умеравъ—истинная правда. 180. Не туды вже и млынъ мелется, куды моловсь. 181. Нема пры памьяты—нѣтъ толковаго. 182. Пидъ монастырь сц . . . подвесты—обмануть, провести. 183. Про бджолы не знаю, а шо медъ сладкый. 184. Не дай, не пиды,=не разумное, неспособное. 185. Середа поперъдъ вивторка не родытся. 186. Не сокырою дашъ соби голову одрубаты, а серпомъ одризаты—клятва. 187. Таке якъ сонце биле. 188. Недалеко до смерты—та ніякъ не доживешь. 189. Казавъ нимець: я на хати сяду, на хати и встану. Нѣмцы рѣдко ходятъ пѣшкомъ, больше ѣздятъ и при томъ въ дорогѣ не любятъ вставать. 190. Нема мочи, сама сыла. 191. Даты швабы= дать знать себя. 192. Ни свячене, ни печене. 193. Салдатъ свиту пройшовъ такъ усего бачивъ и *вушъ* и *кабешъ* (?). 194. Йижь—покы свижь, а якъ завьяне нихто не загляне. 195. Лоза якъ смоль—хорошая, одна въ одну. 196. Треба якъ на мертвого сорочка—поспѣшно. 197. Послидне спикъ—нужда, горе. 198. Зимы вовкъ не зъисть, вона свое возьме. 199. Казаному кинця нема. 200. Морозъ не велыкъ, та стоять не велыть. 201. Хто чиинъ

закусе, тай того покынуть не мусе. 202. Лышнего и свыни не йидять. 203. Чувъ де гримъ гримивъ—съ чужихъ словъ. 204. На зарвану пишло—нахватъ. 205. Довбается—якъ нимка въ г..но. 206. На птыцю ше бува жыдь.—Упадаетъ снѣгъ и послѣ того—какъ прилетятъ лѣтнія птицы. 207. Знаты *розрывкы*—имѣть опытъ, знаніе подробностей и т. п. 208. Робы панське—хочь и дурне. 209. Быйся, мотайся; добыйся—валяйся. 210. На-.... въ кутъ тай дали ступъ (?). 211. Панъ зъ паномъ знайсь, а намъ зась. 212. Шо голіють—то мудреніють—о современности. 213. А въ пана-пана собака пьяна—дражнятъ колядниковъ. 214. Ничимъ и пальця обвихнуты. 215. Якъ есть такъ и ср...и честь, а якъ скупо—такъ выбачь пани дупо. 216. Покы пани у губци—а кому вже и у дупци. 217. И опысу нема=нѣтъ и признака, слѣда. 218. Козы лыжуть—холодно, морозъ пробираетъ. 219. Кыпыть та ничего пыть. 220. Набравсь—якъ жаба калу. 221. Смылывый до порога—трусъ. 222. Казавъ руськый на обиди:—спасыби тебѣ хозяинъ—што вмеръ,—хорошо пообѣдалъ, а тому с. с. штобъ и паршивая кошка не здохла.—А той та его у хату непустывъ. 223. На тужъ с..ку систы—все постарому. 224. Хочь черезъ мои ногы, абы не въ мою дирку. 225. Якъ напекла я помпукъ—якъ мылый духъ, а прыйшовъ мій чортяка, та якъ уриже мене помпушкою межплечи—такъ наче каменюкою. 227. Разумный по пьяты. 227. Ничого казаты, такъ кажи—да. 228. За тобою (мною, нымъ) тамъ мала дирка—не очень то нуженъ. 229. Самъ бы соби йисты не давъ (колы бъ...). 230. Не для его паска пеклась та ему довелась. 231. Покы тепло—поты й добро. 232. Душа не сусида—зъ тила не выпрешь=(якъ сусиду зъ хаты). 233. Дасы рукамы, а не выходышь и ногамы=позыка.

Новомосковскій у.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Врачебное сословіе древняго Рима.

(Культурно-историческій очеркъ).

Литература.—Baas, Joh. Herm. „Grundriss der Geschichte der Medicin und des heilenden Standes", Stuttgart 1876.—„Der Stand der Aerzte", Unsere Zeit, 1875 I 285.—Becker W. A. und Marquardt, J. „Handbuch der römischen Alterthümer", Leipzig, 1867 V, 2.—Bernegar, Hieronymus „Excursio in antiquitates ad servi medici apud Graecos et Romanos conditionem eruendam", Hallae 1733.—Birkholz, A. M. „Cicero medicus", Lipsiae.—Bonnardiere, D-r La „Etudes hist. et économ. sur les institutions médicales dans leurs rapports avec les religions, les civilisations, les moeurs et les lois", Grenoble 1879.—Briau, René „L'Archiatrie Romaine ou la médecine officielle dans l'empire Romain", Paris 1877.—„L'Assistance médicale chez les Romains", Paris 1869.—„Du service de santé militaire chez les Romains" Paris 1866.—Daremberg, Ch. „Histoire des sciences médicales", 2 vol. Paris 1870.—„La médecine. Histoire et doctrines", Paris 1865.—Dignat, P. „Histoire de la médecine et des médecins a travers les ages", Paris 1888.—Duserm, Paul „Droit Romain de l'exercice de la médecine et de la pharmacie à Rome", Toulouse 1891.—Dupouy, Edmond D-r „Médecine et moeurs de l'ancienne Rome d'après les poètes latins", Paris 1885.—Eichstadius, H. C. „De honorariis doctorum", Jena 1838.—Friedlaender, D-r Ludw. Herm „Vorlesungen über die Geschiehte der Heilkunde", Leipzig 1838.—Galeni Claudii „Opera omnia ed. Kühn", Lips. 1824. Gaupp, Ern. Theod. „De professoribus et medicis eorumque privilegiis in jure romano dissertatio". Vratislaviae 1827. Goldhorn, C. J. „De archiatris romanis inde ab eorum origine usque ad finem imperii Romani occidentalis", Lipsiae.—Haeser, H. „Jahrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten", Iena 1875—82.—Harless „Die Verdienste der Frauen um Naturwissenschaft, Gesundheits—und Heilkunde", Göttingen 1830.—Hecker „Geschichte der Heilkunde", Berlin 1822-29.—I. F. L. D-r „Ueber die römische Medicinalverfassung" Journal der practischen Heilkunde von C. H. Hufeland 1824, N 11.—Hirschel, D-r Bernhard „Compendium der Geschichte der Medicin von den Urzeiten bis auf die Gegenwart", Wien 1862.—Hû „Etude histor. et jurid. sur la responsabilité du médecin", Chaumont 1880.—Jacquey Jules „Etude hist. et jurid. sur la condition des médecins et archiatres dans le droit romain et des médecins d'après le code civil français", Paris 1878.—Ковнеръ „Исторія медицины", Кіевъ 1878, 1883—1887. B. I, II, III.—Kuhn, Emil D-r „Die städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reiches bis auf die Zeit Justinians", Leipzig 1864 I, 83—122.—Lampe, H. „De honore, privilegiis et juribus singularibus medicorum", Groningae 1736.—Le Clerc, Daniel „Histoire de la médecine", Hage 1729.—Lessing, M. B. „Handbuch der Geschichte der Medecin", Berlin 1838.—Loewe, Aemilius „De Aesculapi figura diss"., Argentorati 1887.—Magnus, Hugo „Culturgeschichtliche Bilder aus der Entwickelung des ärztlichen Standes", Breslau, 1890.—Menière, P. „Etudes médicales sur les poètes latins", Paris 1858.—Moehsen C. W. „De medicis equestri dignitate ornatis", Berolini 1747.—Müller Jwan „Handbuch der classischen Alterthums-Wissenschaft" B. V, Abth. I Geschichte der antiken Naturwissenschaft und Philosophie, Nördlingen 1888.—Pinto, G. „Storia della medicina in Roma al tempo dei Re e

ella Republica", Roma 1879.—Plinius Cajus Secundus „Historia Naturalis".—Preschmann, Th. „Geschichte des med. Unterrichts von den aeltesten Zeiten bis zur Gegenwart", Leipzig 889.—Pyl, J. Th. „Repertorium für die öffentliche und gerichtliche Arzneiwissenschaft", Berin 1879, 91, 93.—Revillont, D-r „La profession médicale sous l'empire Romain", Séances de académie des sciences morales et politiques 1866 и 1867, V serie № 6, 8 и 11.—Rittershain, 'rof. Gottfried Ritter von „Die Heilkünstler des alten Roms und ihre bürgerliche Stellung", erlin 1875.—Rouyer, Jules „Etudes médicales sur l'ancienne Rome", Paris 1859.—Siebold, d. Casp. Jac. „Versuch einer Geschichte der Geburtshülfe" B. I, Berlin 1839.—Salomon Max. „Die ömische Archiatrie", Rohlf's Deutsches Archiv für Geschichte der Medicin und medicinische eographie, II Bd. Leipzig 1879.—Sprengel Kurt „Versuch einer pragmatischen Geschichte er Arzneikunde" 5 Thle, Halle 1800—1803.—Ib. IV Auflage. Mit Berichtigungen und Zusäten von D-r Julius Rosenbaum Bd. I, Leipzig 1846.—Стрѣльцовъ, А. А. „Къ исторіи медиины у древнихъ Римлянъ", Журн. Мин. Народ. Просв. 1877 XI, 103.—Стрѣльцовъ, А. А. Военно-санитарное дѣло у древнихъ Римлянъ", Журн. Мин. Народ. Просв. 1887, VI, 79.—chulzii „Historia medicinae", Lipsiae.—Velden Von den Friedrich „Die Ausübung der Ieilkunde durch die Frauen", Diss. Tübingen 1892.—Vercoutre A. D-r „La médecine publique lans l'antiquité Grecque", Revue archéologique t. 39, 1880.—Volz Robert „Der aerztliche eruf", Berlin, 1866.—Wunderlich, C. A. Geschichte der Medicin. Vorlesungen gehalten iu eipzig im Sommer-Semester 1858", Stuttgart, 1859.—Zimmermann C. A. „De militis curaione apud veteres", Berolini 1834.—Ackermann „Opuscula ad medicinae historiam pertinenia". Norimbergae 1797.—Pauly, August „Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenchaft".—Becker „Gallus" bearbeitet von Hermann Göll. Berlin 1880.—Eisenhart Joan. Frid. ,Ad Leg III. C. De profess. et medic. Dissertatio", Gottingae 1747.—Graegorovius Job. Adam ,Disputatio juridica de immunitatibus medicorum a muneribus", Regiomonti 1711.—Vogel, Frider. Geraudus „De medicorum dignitate et existimatione apud veteres Romanos", Lubeae 1757.—Meniére „P. Cicéron Médecin", Paris 1862.—Daremberg et Saglio.

Только при изученіи прошлаго становится понятнымъ настоящее, и является возможность приподнять хотя край непроницаемой завѣсы таинственнаго будущаго.

„Wer nicht von drei tausend Jahren
„Sich weiss Rechenschaft zu geben,
„Bleibt im Dunkeln, unerfahren,
„Mag von Tag zu Tage leben".
Goethe.

Исторія медицины есть только отрасль всеобщей исторіи культуры; медицина не есть нѣчто обособленное, изолированное; она находится въ самой тѣсной связи съ исторіею развитія другихъ наукъ и съ общимъ ходомъ цивилизаціи. Медицина, какъ и все существующее въ мірѣ, развивалась, двигалась къ возможному совершенству, переживала періоды застоя и полнаго упадка, изъ которыхъ геніальными умами выдвигалась снова на путь прогресса.

Судьбы нашей науки, какъ и всего, что составляетъ собою плодъ дѣятельности человѣческаго генія, тѣсно связаны съ исторіею его политической и соціальной жизни; съ судьбой же ея неразрывными узами скрѣп-

лена и участь ея жрецовъ—врачей. Наша наука имѣла не мало какъ своихъ мучениковъ, усиліями которыхъ она развивалась, такъ и авантюристовъ, низводившихъ ее на степень простого ремесла. На появленіе тѣхъ и другихъ имѣли громадное вліяніе общій уровень умственнаго развитія общества и законодательство, во всѣ времена стремившееся положить границы между первыми и вторыми, что, однако, не всегда увѣнчивалось успѣхомъ. Намъ казалось не безъинтереснымъ прослѣдить ходъ развитія законодательства относительно врачей и его вліяніе на ихъ бытовую жизнь. Мы выбрали предметомъ настоящаго очерка бытъ врачей и законодательство о нихъ у римлянъ, такъ какъ располагали относительно даннаго вопроса большимъ матеріаломъ, и такъ какъ оно послужило основаніемъ для всѣхъ послѣдовавшихъ европейскихъ законодательствъ.

Народная медицина, какъ и религія римлянъ, были заимствованы ими у этрусковъ [1]). Этрусскіе жрецы были и первыми врачами, лѣчившими больныхъ посредствомъ діэты, волхвованій и магическихъ чудесъ. Они обладали довольно солидными познаніями по грубой анатоміи человѣческаго тѣла, имъ была знакома преимущественно остеологія. Этрусскіе жрецы ввели въ Римѣ и инкубацію т. е. въ храмахъ помѣщались больные, которые въ сновидѣніяхъ получали указанія, въ чемъ они найдутъ исцѣленіе [2]).

Народная медицина въ Римѣ, какъ и всюду, была основана преимущественно на суевѣріи, которое къ тому же освящалось здѣсь государственнымъ закономъ и религіею; здѣсь, какъ и въ Греціи, она изобиловала суевѣрными предразсудками, которые въ Римѣ пустили очень глубокіе корни и достигли такой степени, что даже тѣлесные недуги возводились на степень божествъ, для умилостивленія которыхъ воздвигались храмы. Главною медицинскою богинею считалась Dea Salus, охранительница общественнаго благосостоянія и здравія; такое же значеніе имѣла, вѣроятно, и Valetudo. Первый храмъ ей былъ воздвигнутъ въ 450 г. до Р. Х., позже храмы богини Salus воздвигались въ особенно здоровыхъ и изобиловавшихъ источниками мѣстностяхъ [3]); далѣе Apollo-Medicus [4]), Mars, охранитель границъ,

---

[1]) Briau, René. Introduction de la médecine dans le Latium et à Rome. Rev. archéolog. 1885. T. I, 385. T. VI, p. 192.

[2]) Vercoutre. La médecine sacerdotale dans l'antiquité grecque. Rev. archéolog. 1885. T. VI p. 273; 1886. T. VII p. 106.

[3]) Naturalis autem decor sic erit, si primum omnibus templis saluberrimae regiones aquarumque fontes in his locis idonei eligentur, in quibus fana constituantur, deinde maxime Aesculapio, Saluti, quorum deorum plurimi medicinis aegri curari videntur. Vitruv. I.

[4]) Apollo-Medicus, Apollo-Paean почитался римлянами болѣе, чѣмъ греками и культъ этого бога былъ порученъ весталкамъ; въ 430 году до Р. Х. въ Римѣ воздвигнутъ ему храмъ, по-

е допускавшій вторженія эпидеміи, Carna, охранительница замкòвъ и запоовъ, патронесса комнатъ роженицъ и силы желудка; Silvanus, богъ луовъ и полей, заботился о здоровьи пастуховъ и паствы, онъ же (Faunus) ерзятель женщинъ и родильницъ, искавшихъ защиты отъ него у Pilumnus'a, Intercidon'ы и Dever'ы; покровителемъ мужской производительной силы считался Priapus. Существовало 3 храма Deae Febris [1]): одинъ на Палаціумѣ, другой во дворѣ монумента Марія (Esquilinus) и третій въ Vico longo Quirinalis); подъ вліяніемъ ужасныхъ бѣдствій, вызывавшихся испорченнымъ оздухомъ, обоготворялись Mephita и Cloacina; при крайнемъ упадкѣ силъ бращались къ помощи Fessoniae; существовали даже Dea Scabies и Angeona,—богиня чумы, особенно эпидемической ангины [2]). Безплодныя женщины праздновали Lupercalia [3]). Diana и Juno (Egeria, Sospita или Sispita Lucina), Dea Natio считались богинями покровительницами родовъ; въ есть ихъ, а также и богинь Carmentae (Prosa и Postverta), покровительницъ удачныхъ для родовъ плодоположеній, существовали особыя праздества Carmentalia. Intercidona и Ossipaga заботились о пупкѣ и костяхъ младенца, a Egeria и Fluonia объ очищеніяхъ, Uterina о маткѣ; Fascinus покровитель родильницъ и дѣтей. Позже проникли въ Римъ греческія и египетскія божества: Juno, Hygiea, Minerva fatidica или medica, Hercules, Mercurius, Isis [4]) Osiris, Serapis, загадочный богъ Endovellicus.

Заботы объ общественномъ здравіи лежали исключительно на авгурахъ и гаруспексахъ. При эпидеміяхъ старались смягчать гнѣвъ боговъ

бы, благодаря его заступничеству, избавиться отъ эпидеміи. Его считали основателемъ медицины:

Inventum medicina meum est, opiferque per orbem
Dicor et herbarum subiecta potentia nobis. Ov. Met. I. 151.
Te precor, o vates, adsit tua laurea nobis,
Carminis et medicae, Phoebe, repertor opis.
Tu pariter vati, pariter succurre medenti,
Utraque tutelae subita cura tuae. Ov. Rem.

См. Dr. Berhhard Nath. Gottlob. Schregerus, De Apolline medico, et medicorum deo, Lipsiae.

[1]) Febrem autem ad minus nocendum templis colebant, quorum adhuc unum in Palatio, alterum in area Marianorum monumentorum, tertium in summa parte Vico longo extat. Val. Maxim. II, 5, 6. Febri divae, febri sanctae, febri magnae, Camilla amato pro filio male affecto. Inscrip. ap. Grut. p. 97, № 1.

[2]) Julius Modestus ideo sacrificari huic deae dicit, quod populus Romanus morbo, qui angina dicitur, praemisso voto sit liberatus. Macr. Sat. 1, 10.

[3]) Праздникъ въ февралѣ въ честь ликейскаго Пана, котораго жрецы съ размалеванными лицами, только въ передникахъ, бѣгали по улицамъ и били встрѣчавшихся имъ женщинъ, вѣрившихъ, что отъ этого онѣ дѣлались беременными.

[4]) Храмъ Изиды существовалъ на Марсовомъ полѣ и былъ разрушенъ въ 50 г. до Р. Х.

Nunc Dea (Isis), nunc succurre mihi; nam posse mederi
Picta docet templis multa tabella tuis. Tib. 1, 3, 27.

тѣмъ, что по приказанію верховнаго жреца исполнялись предписанные обычаемъ обряды, Amburbalia sacra, lustrationes, supplicationes; децемвиры раскрывали священныя Сивиллинскія книги; совершались жертвоприношенія; воздвигались храмы и давались разные обѣты [1]); позже за совѣтомъ обращались къ высокочтимымъ греческимъ оракуламъ [2]). Во время чумы 270 г. до Р. Х., когда погибло очень много мужчинъ, прибѣгли къ такому жестокому средству, какъ казнь старыхъ женщинъ [3]). Это суевѣріе до того поработило умы римлянъ, что почти уничтожило у нихъ вѣру въ возможность врачебной помощи при болѣзняхъ.

Въ 294 году до Р. Х. въ Римѣ свирѣпствовала моровая язва; на вопросъ, что дѣлать, оракулъ приказалъ привести въ Римъ статую Эскулапа Эпидаврскаго. Немедленно приступили къ отправленію богослуженія въ честь этого бога и къ постройкѣ для него храма на одномъ изъ острововъ Тибра [4]). Черезъ годъ статуя Эскулапа [5]), вмѣстѣ со змѣею и, вѣроятно, греческимъ врачемъ, была доставлена въ Римъ [6]). Такъ возникъ въ Римѣ культъ Эскулапа [7]). Но эпидаврскіе Асклепіады стояли по своему медицин-

[1]) Въ особенности славились такъ называемыя lectisternia (впервые введенныя во время чумы 400 г. до Р. Х.), которыя состояли въ томъ, что передъ изображеніями боговъ разставлялись на подушкахъ при большой дорогѣ разнаго рода яства, приготовлявшіяся и затѣмъ поѣдавшіяся особаго рода жрецами (epulones), а также вколачиваніе гвоздя въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго, особо для сего назначеннымъ диктаторомъ. Liv. VII. 3.

[2]) При послѣднемъ Тарквиніи впервые за совѣтомъ въ Дельфы былъ посланъ Брутъ; оракулы даже во времена Плинія пользовались уваженіемъ. Nec non hodie multifariam ab oraculis medicina petitur. Plin. Hist. Natur. XXIX, 1.

[3]) Baas l. c. p. 100.

[4]) Мнѣніе Плинія, что храмъ Эскулапу былъ построенъ на островѣ Тибра, потому что римляне презирали медицину и не хотѣли имѣть храма ея божества въ чертѣ города,— несправедливо. Почти всегда и всюду храмы Эскулапа воздвигались за городомъ, среди роскошной природы, такъ что они были примитивными климатическими станціями. См. Hecker. l. c. B I, 56. Plutarch, Quaest. Roman. pag. 286. Между прочимъ не лишено интереса и то, что позже сюда присылались больные и зараженные рабы, которые по постановленію императора Клавдія въ случаѣ излѣченія дѣлались свободными. Cum quidam aegra et affecta mancipia in insulam Aesculapii taedio medendi exponerent, omnes qui exponerentur liberos esse sanxit (imperator) nec redire in ditionem domini, si convaluissent, quod si quis necare quem mallet, quam exponere, caedis crimine teneri. Suet. 25. Servus aegrotus, nisi ejus curam gerat dominus, sit liber. Cod. Just. VI. 4. 4. § 5.

[5]) См. Loewe l. c.

[6]) Существуетъ одно поэтическое описаніе этого событія у Овидія, въ его метаморфозахъ въ пер. Фета М. 1887 стр. 774 (Эскулапъ). См. также Der Aesculapiusdienst auf der Tiber-Insel. Medicinische Schlangen-Gaukeley von Böttiger in Kurt Sprengel's Beiträgen zur Geschichte der Medicin, Halle. 3 Thle 1794.

[7]) Въ 154 г. до Р. Х. было учреждено въ Римѣ Collegium Aesculapii et Hygieae. По свидѣтельству найденной въ саду Palais Palestine надписи, коллегія должна была состоять изъ 60 членовъ, получить со стороны города зданіе на Via Appia и 50.000 сестерцій и обязана была ежегодно въ извѣстные дни раздавать денежныя пособія, вино и хлѣбъ; но въ область ея дѣятельности не входило лѣченіе больныхъ. См. Sprengel-Rosenbaum l. c. pag. 210.

кому образованію гораздо ниже Книдскихъ и Косскихъ и не могли вызать у Римлянъ особаго уваженія къ медицинѣ, равно какъ и цѣлая масса аньше приходившихъ изъ Греціи гимнастовъ (массажистовъ), фармакопоовъ и т. п. Многіе изъ нихъ были рабами, которыхъ покупали богатые раждане; если же они были свободными людьми, то римляне отправляли ъ нимъ учиться своихъ рабовъ [1]). Такіе рабы, нося громкое названіе „meicus“, исполняли при своихъ господахъ камердинерскія обязанности, какъ, апр., натирали масломъ тѣло господина, очищали его отъ волосъ [2]). Въ рограмму ихъ дѣйствій входило также и вскрытіе кровеносныхъ сосудовъ приговоренныхъ къ смерти (между прочимъ у бѣжавшихъ съ поля сраженія). Они занимались иногда приготовленіемъ любовныхъ напитковъ и азличныхъ отравъ; и то и другое пользовалось большимъ кредитомъ у имлянъ. Одинъ подобнаго рода возмутительный случай приводитъ Цицеюнъ въ своей рѣчи за Cluentius'а.

На нихъ лежало также попеченіе о больныхъ рабахъ, которые для его помѣщались въ больницу, valetudinarium [3]). Columella говоритъ, что ъ больницу отправляли не только больныхъ, но и утомленныхъ непосильюю работою рабовъ [4]). Эти medici-servi по своему положенію ничѣмъ не тличались отъ остальныхъ рабовъ [5]): все зависѣло отъ личнаго благоволенія владѣльца. Если ихъ было много у какого нибудь милліонера, то бщій надзоръ надъ ними поручался—superpositus medicorum; иногда superpositus былъ тоже рабъ, иногда же вольноотпущенникъ. Такъ, у Goldlorn'а [6]) приведена слѣдующая надпись:

---

[1]) Coloni potius anniversarios habent vicinos, quibus imperant medicos, fluones, fabros, quam in villa suos habent. Varro r. r. 1, 16.

[2]) Alter se justo plus colit, alter se justo plus neglegit, ille et crura hic nec alas quidem vellit. Seneca Epist CXV. Очищеніе тѣла отъ волосъ называлось epilatio и составляло предметъ мужскаго кокетства. Марціалъ рисуетъ намъ такой портретъ представителя золотой молодежи современной ему эпохи:

Crine nitens, niger unguento, perlucidus ostro,
Ore tener, latus pectore, crure glaber. XII, 38.
Bellus homo est, flexos qui digerit ordine crines,
Balsama qui semper, cinnamo semper olet.
Cantica qui Nili, qui Gaditana susurrat,
Qui movet in varios brachia volsa modos. III, 63.

Объ эпиляціи см. Rouyer l. c. p. 131.

[3]) Valetudinaria vel si vacent ab imbecillis, identidem aperire, et immunditiis liberare, ut cum res exegerit, bene ordinata, et ornata, et salubria languentibus praebeantur. Colum. r. r. XI, 1—XIII, 3.

[4]) Sive quis, quod accidit plerumque, sauciatus in opere noxam ceperit, adhibeat fomenta, sive alter languidior est, in valetudinarium confestim deducat et convenientem et ceteram curationem adhiberi jubeat. Colum. r. r. XI, 1; XII, 3.

[5]) Servorum quidem una est condisio. Dig. I, 5, 5.

[6]) Goldhorn l. c. p. 7.

D. M.
T. Fl. Paederot.
Aug. Lib Alcimiano
Superposito. Medi.
Corum. Ex. Ratione.
Patrimonii etc.

Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о вольноотпущенникѣ—superposito medicorum.

Эти servi-medici всегда находились при своихъ господахъ, заботясь объ ихъ здоровьи, сопровождали ихъ во время путешествій, походовъ, лѣтняго пребыванія въ помѣстьяхъ [1]) и нерѣдко становились ихъ друзьями. Свой врачъ былъ у избалованныхъ и изнѣженныхъ римлянъ предметомъ роскоши, и имѣть своего врача составляло принадлежность хорошаго тона [2]).

Кромѣ этихъ врачей-рабовъ, отдѣльныхъ лицъ, существовали еще medici-servi publici; положеніе такихъ рабовъ-врачей было нѣсколько лучше, чѣмъ вышеупомянутыхъ: на нихъ лежала обязанность лѣчить преимущественно государственныхъ рабовъ въ случаѣ ихъ болѣзни. Servi publici вообще находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ остальные рабы: ихъ нерѣдко назначали надсмотрщиками надъ публичными работами, въ суды, регистраторами (tabelliones), иногда они исполняли даже обязанности жрецовъ. Кажется, что единственнымъ ограниченіемъ, которое могло стѣснять ихъ, было запрещеніе выѣзжать изъ города. Врачи—servi publici имѣли право пользоваться свободнымъ временемъ для личныхъ выгодъ и распоряжаться по своему усмотрѣнію по духовному завѣщанію большею частью своего состоянія. Отдѣльныя лица изъ нихъ зарабатывали громадныя состоянія и сверхъ того награждались за особыя заслуги дарованіемъ полной свободы, какъ, напр., вольноотпущенникъ Antonius Musa; нѣкоторые изъ вольноотпущенниковъ-врачей достигали званія лейбъ-медиковъ цезарей, удостоивались даже такой чести, какъ сооруженія памятниковъ въ честь ихъ; такъ, напр., Marcus Antonius Asclepiades. Какъ на особую ихъ привилегію, которой нынѣ лишено все врачебное сословіе, слѣдуетъ указать на запрещеніе закономъ безпокоить ихъ, или задерживать въ обѣден-

---

[1]) Plut. Vita Caton. 70.

[2]) La médecine eut à Rome les mêmes visissitudes que la grammaire. Dédaignee à l'origine par la grossière ignorance du Romain, elle fut bientôt recherchée de toutes les riches familles. On voulut avoir des médecins pour l'entretien du corps, comme des grammairiens ou des esclaves rapsodes pour l'instruction ou le délassement de l'esprit. La Grèce captive dut cultiver à leur service cette science de la médecine dont elle faisait jadis le privilège des hommes libres, et qui mettait à ses pieds les chefs des nations, art servile alors réduit à subordonner ses moyens au bon plaisir du maître. Wallon Hist. de l'esclav. dans l'ant. 2 vol. 1847, t. II p. 443.

юе время или заставлять ихъ во время послѣобѣденнаго отдыха отправляться лѣчить другихъ рабовъ [1]).

Будучи вольноотпущенниками, medici-liberti занимались своимъ ремесломъ на улицахъ и въ лавочкахъ, которыя назывались „tabernae medicae", или „medicinae". Въ нѣкоторыя изъ нихъ принимались больные, какъ напримѣръ, психическіе [2]); въ громадномъ же большинствѣ ихъ врачевалось все, что угодно, и продавались разныя лѣкарства собственной фабрикаціи [3]). Во времена Эпиктета (конецъ 1-го столѣтія) дѣло дошло до того, что врачи, стоя у дверей своихъ medicinae, зазывали къ себѣ мимопроходившихъ больныхъ. Эти medicinae ничѣмъ не отличались отъ цирюлень, tonstrinae, съ которыми онѣ часто сливались. И тамъ и здѣсь были свои завсегдатаи, праздношатавшіеся, собиравшіе и сообщавшіе послѣднія городскія новости и сплетни [4]). Не слѣдуетъ думать, что всѣ medicinae были такого низкаго разряда; вспомнимъ лишь medicin'у Галена. Одинъ изъ авторовъ Гиппократовскаго сборника тогда еще совѣтовалъ врачу выбирать себѣ medicin'у на бойкомъ здоровомъ мѣстѣ, имѣть подъ руками все необходимое для большихъ и малыхъ операцій, въ особенности машины, аппараты, бинты, отточенные инструменты, полотно, губки, стулья, скамьи и вообще все, необходимое для перевязки ранъ [5]). Галенъ говоритъ, что въ большинствѣ случаевъ medicinae помѣщались въ большихъ зданіяхъ, имѣли высокія двери, которыя пропускали большое количество свѣта и воздуха и были снабжены различными хирургическими инструментами и разными лѣкарствами. У нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію, самыхъ невѣжественныхъ врачей роскошь обстановки доходила до того, что у нихъ были кружки изъ слоновой кости, серебряные рожки для кровопусканія и ножи съ позолочен-

---

¹) Dig. XXXVIII, 1, 26.

²) Касательно душевно-больныхъ тоже было издано постановленіе: „Furiosis, si non possint per necessarios contineri, eo remedio per praesidem obviam eundum est, scilicet, ut carcere contineantur, et ita D. Pius rescripsit". Dig. I, 18, 13.

³) Лѣкарства продавались въ баночкахъ и коробочкахъ, снабженныхъ печатями и надписями. Въ числѣ лѣкарствъ были разные яды и противоядія и различныя шарлатанскія кашки. Въ Помпеѣ открыты двѣ medicinae; у одной изъ нихъ вывѣскою служило изображеніе змѣи Эскулапа, державшей въ пасти сосновую шишку. Въ этихъ лавкахъ найдено много лѣкарствъ, хранящихся теперь въ неаполитанскомъ музеѣ; между ними есть такія, которыя нѣкогда находились въ жидкомъ состояніи, а впослѣдствіи высохли. Кромѣ того, найдено здѣсь много хирургическихъ инструментовъ, изъ которыхъ нѣкоторые похожи на нынѣшніе: пинцеты, ланцеты, скальпели и т. п. См. М. М. Велишскій, Бытъ грековъ и римлянъ. Прага, 1878, стр. 361.

⁴) Nam omnis plateas perreptavi, gymnasia et myropolia,
Apud emporium atque in macello, in palaestra atque in foro,
In medicinis, in tonstrinis, apud omnis aedis sacras. Plaut. Amph. 1011.

⁵) Daremberg, La médecine etc pag. 22.

ными рукоятками [1]). Гимнасты же, фармакополы и въ особенности глазные врачи вели бродячій образъ жизни.

Неудивительно поэтому, что гордые и надменные римляне долго считали медицину низкимъ ремесломъ, которымъ неприлично заниматься свободному гражданину, и что такіе medici не могли пользоваться особымъ уваженіемъ. Катонъ, знаменитый ревнитель старины, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сконцентрировалась вся истинно-возвышенная римская virtus и всѣ чистонародные предразсудки, былъ глубоко убѣжденъ, что всѣ греческіе врачи составили заговоръ извести всѣхъ варваровъ, берутъ же за лѣченіе деньги только для того, чтобы скрыть свои гнусные планы и такимъ путемъ пріобрѣсти довѣріе. Доказательствомъ этому могло служить, по его мнѣнію, то обстоятельство, что даже самъ Гиппократъ не захотѣлъ поѣхать къ персидскому царю, не смотря на его лестное приглашеніе, лишь бы только не лѣчить варвара. Поэтому онъ проповѣдывалъ самую непримиримую ненависть къ греческимъ врачамъ и полагалъ, что, если римляне предоставятъ имъ свободный доступъ въ предѣлы государства, то они непремѣнно приведутъ его къ паденію. У него былъ собственный домашній лѣчебникъ, въ которомъ были поименованы всѣ болѣзни и средства противъ нихъ, вѣроятно, лишь тѣ, которыя знали народный опытъ и суевѣріе. Сенека мастерски характеризуетъ медицинскія познанія тогдашней эпохи, говоря „medicina quondam paucarum fuit scientia herbarum, quibus sisteretur fluens sanguis, vulnera coirent“ [2]). Сборникъ этотъ „Commentarium“ погибъ, и литература потеряла одно изъ блестящихъ доказательствъ того, что въ состояніи былъ создать даже трезвый, обширный умъ, забравшись въ мрачныя дебри неизвѣстнаго и блуждая по ложнымъ путямъ унаслѣдованныхъ вѣковыхъ предразсудковъ. Уцѣлѣвшій изъ него отрывокъ содержитъ діэтетику, перечисленіе простыхъ растительныхъ средствъ, какъ, напримѣръ, этрусской капусты, которую Катонъ наравнѣ съ виномъ считалъ могущественной панацеей, при наружномъ и внутреннемъ употребленіи, противъ всѣхъ недуговъ, и заключаетъ цѣлый рядъ безсмысленныхъ заговоровъ, напримѣръ, противъ вывиховъ, вродѣ слѣдующаго: Luxum si quod est hac cautione sanum fiet. Harundinem prende... incipe cantare in alio S. F. motas vaeta daries dardaries astataries: dissunapiter, usque dum coeant... vel hoc modo „Huat hanat huat ista, pista, sista domiabo damnaustra et luxato; vel hoc modo: huat haut huat ista sis tar sis ardannabon dunnaustra“ S. F. означаетъ Sanitas Fracta“ [3]).

---

[1]) Lucian. Adv. indoct., 29.

[2]) Epist. 95. Cujas (Comment. des Sent. de Paul. l. VII, 65) также говоритъ „Medici sunt hi, qui medicamenta conficiunt, vulnera curant, cucurbitas admovent; item qui circumcidunt aut castrant“.

[3]) Cato r. r. ed. Schneider c. 160 pag 112.

Все это, вмѣстѣ взятое, очевидно, не могло расположить римлянъ къ анятіямъ медициною, и они въ этой области знанія не создали почти ниего выдававшагося. Не многіе занимались ею, да и тѣ писали по гречески, акъ жалуется Celsus, ибо „латинскій языкъ не пригоденъ для истинноаучныхъ медицинскихъ трактатовъ“ [1]); такъ что исторія не можетъ указать намъ ни одного врача, который носилъ бы на себѣ отпечатокъ истинно римской своеобразности. Этотъ военный и политическій геній въ области едицинской науки не создалъ того, чего можно было бы ожидать отъ него, что достойно было бы его имени. Римляне въ области медицины никогда е достигали научной самостоятельности, и ихъ лучшія медицинскія сочиенія имѣютъ значеніе только какъ удачныя компиляціи, въ основу котоыхъ легли творенія греческаго генія; таковы, напр., сочиненія M. Terenius Varro, A. Cornelius Celsus и Plinius Sen. Плиній старается объяснить то тѣмъ, что не медицину, какъ таковую, презирали Римляне, а какъ рачебное искусство, представлявшее собою ремесло, которымъ занимались, тобы зарабатывать насущный хлѣбъ [2]).

Первый греческій врачъ, поселившійся въ Римѣ и пользовавшійся одно ремя большою извѣстностью, былъ, по свидѣтельству историковъ, Archaathus, сынъ Лизанія, изъ Пелопоннеса. Онъ прибылъ въ Римъ въ 218 г. до Р. Х. Сенатъ даровалъ ему „jus Quiritium“ и купилъ tabern'у на углѣ cilius вблизи Forum Marcelli на весьма бойкомъ мѣстѣ, гдѣ онъ могъ бы аняться своимъ дѣломъ, и все было полно ожиданія того благополучія, которое долженъ былъ распространить вокругъ себя этотъ пришлецъ. Онъ анимался, вѣроятно, преимущественно лѣченіемъ ранъ, что указываетъ его прозвище Vulnerarius. Сначала онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ; но скоро, вѣроятно, потому, что не могъ надлежащимъ образомъ удовлетвоэить всѣхъ своихъ многочисленныхъ паціентовъ, а можетъ быть, изъ за его страсти къ кровавымъ операціямъ и прижиганіямъ, отношенія между нимъ и публикою стали обостряться, и ему дали не совсѣмъ лестную кличку „Carnifex“ (палачъ) [3]). Прежнее чуть ли не обожаніе перешло въ презрѣніе и ненависть, и Архагатъ долженъ былъ возвратиться на родину. Слѣдуя не совсѣмъ мудрому правилу: „ab uno disce omnes“, римляне перенесли свое озлобленіе противъ Архагата и на остальныхъ врачей, такъ что, какъ увѣ-

---

[1]) Haecker, l. c. B. I, 363. Plin. hist. nat. XXIX 1. „Solam hanc artium Graecarum nondum exercet Romana gravitas in tanto fructu, paucissimi Quiritium attingere et ipsi statim ad Graecos transfugae“.

[2]) Plin. hist. nat. XXIX, 16, 17.—„Male habebit medicus, nemo si male habuerit“ говоритъ Publilius Syrus.

[3]) Mox a saevitia secandi, urendique transisse nomen in carnificem, et in taedinm artem omnesque medicos. Plin. hist. nat. XXIX, 22.

ряетъ Плиній, всѣ греческіе врачи были высланы за предѣлы государства. Предположеніе нѣкоторыхъ историковъ, что Архагатъ былъ первымъ греческимъ врачемъ, поселившимся въ Римѣ, совершенно ложно: и до него приходило въ Римъ не мало грековъ врачей, и онъ былъ только первымъ вступившимъ на службу города врачемъ; это видно изъ того, что taberna была пріобрѣтена ему publice (id est publico sumptu). Это было первою попыткою ввести въ Римѣ институтъ городскихъ врачей, существовавшій въ Греціи еще до Гиппократа. Какъ мы видѣли, эта попытка оказалась неудачною.

Вскорѣ однако въ Римѣ появились два врача, Асклепіадъ и Кратеръ. Асклепіадъ (90 г. до Р. Х.), отрывки изъ сочиненій котораго дошли до насъ [1]), изучалъ медицину въ Александріи у Клеофанта, жилъ сначала въ Аѳинахъ, гдѣ занимался риторикою и медициною, затѣмъ практиковалъ въ Parion, Propontis и въ Hellespontis; потомъ переселился въ Римъ, гдѣ сначала былъ учителемъ краснорѣчія (во времена Помпея); послѣ же въ виду того, что эта профессія была недостаточно выгодною, сталъ заниматься врачебною практикою. Своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и многочисленными удачными исходами своего лѣченія онъ пріобрѣлъ всеобщее вниманіе и удивленіе. Онъ старался по возможности удовлетворять всевозможныя прихоти своихъ паціентовъ, прибѣгая къ различнымъ средствамъ, чтобы снискать себѣ расположеніе и знати, и черни. Онъ поставилъ задачею для своей терапіи „ut tuto, ut celeriter, ut jucunde curet“; поэтому въ арсеналѣ его врачебныхъ средствъ было и вино, и души, и гимнастика (массажъ), и декламація, и смѣхъ, и пѣніе, и музыка. Больныхъ страдавшихъ безсонницею, онъ помѣщалъ въ гамаки и заставлялъ ихъ легко и однообразно укачиваться. На ряду съ такими раціональными терапевтическими пріемами, онъ прибѣгалъ и къ увѣренію, что обладаетъ травами, одаренными сверхестественными силами, пріему, которымъ пользовались и пользуются шарлатаны всѣхъ вѣковъ и народовъ. Онъ утверждалъ что трава Aethiopis (по многимъ Salvia argentea L.) обладаетъ силой осушать тѣ рѣки и болота, въ которыя ее бросаютъ, и открывать тѣ запоры, къ которымъ ею прикасаются; Achaemenis (персидская Euphorbia antiquorum L.), брошенная въ ряды непріятелей, приводитъ ихъ въ трепетъ и обращаетъ въ бѣгство; Latace доставляетъ въ изобиліи все желанное и т. п. Рѣдко кому удавалось производить такое обаяніе на грубыя, предубѣжденныя массы, въ особенности послѣ того, какъ ему удалось пробудить отъ летаргическаго сна мнимоумершаго, котораго уже собирались возложить на костеръ; его считали посланникомъ небесъ [2]). Слава его была такъ велика,

---

[1]) Ихъ собралъ и издалъ Ch. G. Gumpert въ Веймарѣ 1774 г.

[2]) Non alio modo, quam si coelo emissus advenisset. Plin. l. c. VII. c. 37 § 2.

го Митридатъ звалъ его къ себѣ, предлагая ему самыя заманчивыя усло-ія; онъ отклонилъ эти предложенія пославши царю свои сочиненія, въ которыхъ была изложена его лѣчебная система. Влiятельнѣйшие люди того времени: Крассъ, Маркъ Антоній, Цицеронъ [1]) и др., были въ дружбѣ съ нимъ. Онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, отрицая всякое значеніе Гиппократа, сочиненія, котораго называлъ studium mortis, и презрительно относясь къ своимъ предшественникамъ. Онъ утверждалъ, что человѣкъ, знающій медицину и умѣющій пользоваться своими познаніями, никогда не долженъ болѣть, и, какъ на примѣръ такого человѣка, указывалъ на самого себя. Дѣйствительно, счастье не измѣняло ему во всю его жизнь, и онъ умеръ среди величайшаго почета, оплакиваемый всѣми, упавши въ глубокой старости съ лѣстницы. Онъ былъ основателемъ особой медицинской системы, построенной въ сущности на атомистической теоріи эпикурейцевъ. Онъ училъ, что человѣческое тѣло состоитъ изъ безформенныхъ, находящихся въ постоянномъ движеніи и измѣненіи атомовъ, и изъ заложенныхъ между ними поръ, служащихъ для движенія соковъ и передачи впечатлѣній. Отъ состоянія и положенія атомовъ и ихъ отношенія къ порамъ зависитъ здоровье и болѣзнь. Человѣческая душа, по его мнѣнію, есть результатъ дѣятельности органовъ чувствъ. Она, подобно (эѳиру) воздуху, проникаетъ въ части тѣла и не находится ни въ одномъ опредѣленномъ органѣ.

Кратеръ былъ лишь практическимъ врачемъ; онъ ничего не писалъ, но имя его пользовалось большою извѣстностью не только среди современниковъ, но и у потомковъ, такъ что у позднѣйшихъ поэтовъ, напр., у Горація [2]), было такимъ же синонимомъ врача, какъ Эскулапъ. Благодаря этимъ двумъ врачамъ, взглядъ римлянъ на медицину и врачей настолько измѣнился къ лучшему, что явилось сознаніе необходимости имѣть ихъ, и поэтому во время голода въ Римѣ, когда Юлій Цезарь издалъ декретъ о высылкѣ 8000 чужестранцевъ, въ особенности же греческихъ авантюристовъ, онъ постановилъ, что это распоряженіе не простирается ни на врачей, ни на учителей свободныхъ искусствъ. Позднѣе же, когда многіе устремились искать счастія въ колоніяхъ, Юлій Цезарь даровалъ права гражданства ученымъ и врачамъ, чтобы такимъ образомъ удержать ихъ въ Римѣ и привлечь новыхъ [3]). Планъ Юлія Цезаря вполнѣ удался: многіе греческіе врачи прибыли въ Римъ. Съ этого времени началась полная эманципація вра-

---

[1]) Neque vero Asclepiades is, quo nos medico amicoque usi sumus, tum, cum eloquentia vincebat ceteros medicos, in eo ipso quod ornate dicebat, medicinae facultate utebatur, non eloquentiae. Cicero de orat. I, 44.

[2]) Non est cardiacus, Craterum dixisse putato, Hic aeger. Sat. II. 3. 161.

[3]) Omnes medicinam Romae professos et liberalium artium doctores, quo libentius et ipsi urbem incolerent et ceteri appeterent, civitate donavit. Suet. Caes. 42.

чей, и въ эту пору мы встрѣчаемъ уже предписанія, чтобы магистраты въ извѣстныхъ случаяхъ совѣщались съ врачами. Врачи, вѣроятно, давали и судебно-медицинскія заключенія; такъ, напр., Светоній передаетъ, что врачъ Антистій, осмотрѣвши раны Юлія Цезаря, призналъ только одну смертельною. Извѣстно также, что, когда императору Адріану пришлось рѣшать вопросъ, можетъ ли беременность продолжаться 10 мѣсяцевъ, онъ высказался requisitis medicorum sententiis [1]).

Рѣшающее вліяніе на бытъ врачей имѣло слѣдующее обстоятельство. Августъ былъ сильно боленъ; онъ и окружавшіе его отчаявались въ его выздоровленіи; но вольноотпущеннику Августа, Антонію Музѣ, удалось исцѣлить императора [2]). За это Августъ осыпалъ его своими милостями, подарилъ ему много золота; назначилъ ежегодное жалованье въ 250,000 сестерцій и разрѣшилъ ему носить золотыя кольца, что составляло одну изъ привилегій всадниковъ; сенатъ же на собственный счетъ воздвигъ Музѣ мѣдную статую въ храмѣ Эскулапа. Во времена Августа пользовался особою славою еще и Marcus Artorius, который, по дошедшей до насъ надгробной надписи, пользовался въ Смирнѣ со стороны народа и сената большимъ уваженіемъ за свою ученость. Это тотъ врачъ, который заставилъ Октавіана (Августа) во время битвы при Филиппахъ покинуть свой шатеръ, которымъ тотчасъ овладѣлъ Брутъ. Къ этому же времени относятся Cajus Claudius Acron, Cajus Stertinius Xenophon, Tiberius Claudius Antus Sabinianus. Свое благоволѣніе къ Антонію Музѣ Августъ простеръ на всѣхъ вообще врачей: они были освобождены отъ нѣкоторыхъ государственныхъ

---

[1]) Jacquey l. c. p. 58.

[2]) Августъ, считая себя безнадежно больнымъ, уже отдалъ свое кольцо Агриппѣ, утвердилъ роспись государственныхъ доходовъ и армій, сдѣлалъ свое завѣщаніе; всѣ оплакивали его. Но Музѣ удалось исцѣлить его холодными ваннами. Обаяніе Музы сильно пострадало послѣ того, какъ умеръ Marcellus, племянникъ Августа, при лѣченіи котораго онъ въ довольно широкихъ размѣрахъ примѣнилъ гидротерапію, употребляя холодное питье, обертываніе, ванны и души. Bianconni (K. Sprengel. l. c. B. II, 33) сомнѣвается въ достовѣрности вышесказаннаго и приводитъ нѣкоторыя доказательства, говорящія въ пользу того, что Marcellus умеръ въ Баяхъ. У Музы лѣчился также и Горацій (Epist. I, 15). Онъ былъ другомъ Виргилія, который посвятилъ ему слѣдующіе стихи:

Quocumque ire ferunt variae nos tempora vitae,
Tangere quas terras, quosque videre homines;
Dispeream, si te fuerit mihi carior alter!
Alter enim quis te dulcior esse potest?...
Cuncta, quibus gaudet Phoebus, chorus ipseque Phoebi,
Doctior o quis te, Musa, fuisse potest?
O quis te in terris loquitur jucundior uno?..
Quare illud satis est, si te permittis amari:
Non, contra ut sit amor mutuus inde mihi.

Братъ Музы Euphorbus былъ врачемъ Мавританскаго царя Юбы и такимъ же яримъ гидротерапевтомъ; см. Ackerman Opuscula p. 343—383.

налоговъ [1]). Въ законодательствѣ не разъ упоминается, что эта привилегія простирается на врачей, посѣщающихъ больныхъ (περιοδεύοντας) или обучающихъ медицинѣ [2]). Позже Августъ приказалъ удалить изъ Рима всѣхъ чужестранцевъ и рабовъ; только врачей онъ оставилъ въ городѣ [3]).

Всѣ эти льготы, а равно и то обстоятельство, что не требовалось никакихъ формальностей, въ родѣ провѣрочныхъ испытаній, отъ желавшихъ практиковать, такъ что каждый безъ всякихъ ограниченій и подраздѣленій могъ лѣчить, какъ и чѣмъ онъ желалъ, если онъ только, разумѣется находилъ себѣ паціентовъ [4]),—привлекли въ Римъ массу врачей—грековъ, евреевъ [5]), халдеевъ, египтянъ, особенно славившихся лѣченіемъ накожныхъ сыпей, эпидемическихъ въ Египтѣ [6]). Lucianus упоминаетъ о врачахъ изъ Дамаска, спеціалистахъ по перелою [7]); больше же всего появилось авантюристовъ, ничего общаго съ медициною не имѣвшихъ. Всѣ они ради наживы устремились въ Римъ, который въ эту эпоху достигъ кульминаціоннаго пункта если не своего могущества, то по крайней мѣрѣ славы и богатства и представлялъ подходящую почву для этого, для грековъ же—врачей былъ золотымъ дномъ, ибо роскошь въ это время достигла своего, апогея и, благодаря ей, и число больныхъ значительно увеличивалось; всеобщее же увлеченіе эллинизмомъ породило то, что лишь у греческихъ врачей искали спасенія отъ недуговъ. Плиній говоритъ, что врачи лѣчившіе по греческой методѣ или учившіеся въ Греціи, пользовались довѣріемъ и уваженіемъ, „и даже тѣ“, добавляетъ онъ, „которые не знаютъ греческаго языка, желаютъ лѣчиться лишь у нихъ, ибо менѣе довѣряютъ лѣчебнымъ средствамъ и предписаніямъ, если они понятны имъ“ [8]). Въ это время появляется цѣлая масса спеціалистовъ: „medici ocularii“, оперировавшіе катаракты, зубные врачи [9]), гинекологи, отіатры, врачи, лѣчившіе спеціально водянку, фистулы, накож-

---

1) Jacquey 30—34.

2) Kuhn, l. c. 34.

3) Exceptis medicis urbe expulit. Jacquey. l. c. p. 34.

4) A Rome s'ingerait dans la médicine qui voulait. Montesquieu, Esprit des lois XXIX, 14. Dans la Rome du temps de l'empire comme du temps de la république, le diplome médical n'existait pas. On y pratiquait la médicine comme on voulait, quand on voulait, sans être astreint à aucunes conditions d'études préalables ou d'examens. D-r Revillout, de la profession médicale dans l'empire Romain. Gazette des hôpitaux 1866 p. 285.

5) Они появились впервые вѣроятно во времена Цельза.

6) Plin. hist. nat. XXVI, 3.

7) Lucian. Tragodop. 265.

8) Immo vero auctoritas aliter, quam Graece eam tractantibus, etiam apud imperitos expertesque linguae non est. Ac minus credunt, quae ad salutem suam pertinent, si intelligunt. Plin. hist. nat XXIX, 1.

9) Уже въ XII таблицахъ упоминается о зубахъ укрѣпленныхъ золотомъ: Cui auro dentes juncti escunt, ast im cum illo sepeliet uretve, se fraude esto. Cicero, de leg. II, 24, 60.

ныя болѣзни; существовали особые спеціалисты для болѣзней дѣтскаго и старческаго возрастовъ, гидротерапевты, спеціалисты по грыжесѣченію, по лѣчебной гимнастикѣ, по молочному лѣченію, лѣченію травами и кореньями и т. д [1]). Были даже женщины врачи (feminae medicae), нѣкоторыя изъ нихъ занимались лѣченіемъ истеріи [2]), большинство же занималось акушерствомъ; тѣ изъ нихъ, которыя были свободными гражданками, составляли особый цехъ, впослѣдствіи получившій титулъ „nobilitas".

Врачи мужчины были въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ ними: нѣкоторыя изъ нихъ обладали весьма солидными медицинскими познаніями, какъ, напр., знаменитая Victoria, которой Theodorus Priscianus (въ 4-мъ вѣкѣ) посвятилъ свою „Gynaecia", и которую онъ въ предисловіи называетъ „artes meae dulce ministerium". На обязанности женщинъ-врачей лежало между прочимъ рѣшеніе вопроса, существуетъ ли въ извѣстныхъ случаяхъ беременность. Въ судебно-медицинскихъ случаяхъ во времена Сенеки для этого необходимо было свидѣтельство пяти акушерокъ [3]). Онѣ подвергались строгому взысканію, если участвовали въ подмѣнѣ дѣтей, что довольно часто бывало въ Римѣ. Между ниму иногда попадались женщины самыхъ низкихъ нравственныхъ качествъ, предававшіяся даже пьянству [4]). Назва-

---

[1])
Eximit aut reficit dentem Cascellius aegrum,
Infestos oculis uris, Hygine, pilos;
Non secat et tollit stillantem Fannius uvam,
Tristia servorum stigmata delet Eros;
Enterocelarum fertur Podalirius Hermes:
Qui sanet ruptos, dic mihi, Galle, quis est. Mart. X, 56.

Medicos fortassis quis accipiet etiam eos, qui alicujus partis corporis, vel certi doloris sanitatem pollicentur: ut puta si auricularius, si fistulae vel dentium. Digest. de extr. cogn. L, 13, 1, § 3.

Sunt praeterca, qui istis omnibus eam partem quae senes regit adnumerant quemadmodum alii eam partem quae infantum curam habet... alios dentarios medicos vocant, alios auricularios et eos etiam qui ani morbos curant... quamquam hujusce rei occasionem praestiterit oculariorum medicorum nomen... et praeterca suffusionum punctores, herniarumque ac calculorum incisores... qui tantum oculorum suffusiones pungerit etc: Galen. de part. art. med. cap. 11.— Hunc herniae dissectorem, illum calculi extractorem, alium punctorem nominant... aut ocularios, aut auricularios, aut dentarios nuncupant, aliis a materia imponunt, eosque aut diaeteticos, aut medicamentarios, aut etiam, si diis placet, herbarios nominant, quidam etiam medicos nonnulos vini datores, veratrique datores vocant. Galen. ad Thrasyl. cap. 24.

[2]) Dig. XXIV, 4: ibi tres obstetrices probatae et artis et fidei... eam inspiciant и т. д. et obstetricem audiant (praesides) quae utique medicinam exhibere videtur. L. 15. 1. 2.

[3]) Quoties de mulieris praegnatione dubitatur, quinque obstetrices, id est medicae, ventrem jubentur inspicere. Seneca, Epist. 66. Venter inspicitur per quinque obstetrices et quod maxima pars earum denuntiaverit, pro vero habetur. Paul. Sent. rec. II, 24, 5, 6.

[4])
Sane pol illa temulenta est mulier et temeraria
Nec satis digna cui committas primo partu mulierem.

Terent. Andr. I, 4.

ніе obstetrix впервые встрѣчается у Плавта [1]); иногда онѣ назывались iatromajae [2]). Soranus въ своемъ гинекологическомъ сочиненіи требуетъ, чтобы женщины, желающія заниматься родовспомогательнымъ искусствомъ „были бы грамотны, разумны, обладали бы хорошею памятью, были бы подвижны, приличны, имѣли бы нормальные органы чувствъ, были здоровы и сильны, имѣли бы длинные, тонкіе пальцы съ коротко-обрѣзанными ногтями". Отъ акушерокъ въ Римѣ не требовалось, какъ въ Греціи, чтобы онѣ хотя разъ сами рожали; но Soranus считаетъ за лучшее, если акушерка не особенно молода. Онъ рекомендуетъ имъ быть постоянно трезвыми, спокойными и молчаливыми, не быть корыстолюбивыми и суевѣрными; изъ корыстныхъ цѣлей не употреблять абортивныхъ средствъ, не отвлекаться отъ исполненія своихъ обязанностей подъ вліяніемъ сновъ предчувствій, мистерій или религіозныхъ обрядовъ. Онъ совѣтуетъ имъ особенно заботиться объ уходѣ за своими руками, часто натирать ихъ нѣжными мазями, не заниматься пряжею шерсти, ибо отъ этого кожа становится грубою и сухою [3]). Нѣкоторыя изъ женщинъ-врачей не ограничивались акушерствомъ; такъ, Scribonius Largus (cap. 16) упоминаетъ о „matrona honesta", которая въ его время успѣшно занималась лѣченіемъ эпилепсіи, для чего употребляла особое лѣкарство, главною составною частью котораго была кровь животныхъ; онъ же сообщаетъ (cap. 22) о „mulier medica ex Africa", которая исцѣляла колики галертою изъ роговъ сернъ и африканскихъ улитокъ съ виномъ въ смѣси съ небольшимъ количествомъ пряностей; при этомъ онъ присовокупляетъ, что рецептъ этого средства онъ за большія деньги пріобрѣлъ и потомъ самъ весьма успѣшно лѣчилъ колики [4]). Тоже говорятъ и Marcellus и знаменитый компиляторъ рецептовъ Nicolaus Myrepsus (вѣроятно, просто плагіатъ изъ Scribonius Largus) и великій Галенъ. Онѣ отвѣчали по суду, „si obstetrix medicamentum dedit inde et mulier perierit [5]).

Врачи имѣли право требовать гонораръ за свой трудъ на основаніи lex I pr. Dig. de extraordinariis cognitionibus § 1, гласящаго. Medicorum

---

[1]) Tum obstetrix expostulavit mecum parum missum sibi. Plaut. Mil. gl.

[2]) D. M. Valeriae Verecundae iatromeae regionis suae primae Valeria Vitalis filia matri. Pinto, l. c. p. 532.

[3]) Puschmann, l. c. 100.

[4]) До насъ дошло нѣсколько надгробныхъ надписей на могилахъ акушерокъ; какъ, напр.: „Juliae Saturniae ann. XXXXVI uxori, incomparabili medicae, optimae mulieri sanctissimae Cassius Philippus meritus obmeritis". На обратной сторонѣ могильной плиты изображенъ младенецъ въ пеленкахъ. „Cornelius Meliboeus sibi et Sentiae Elidi Medicae contubernali"... „Deis Manib Juliae Q. L. Sabinae medicae Q. Iulius Antimeius conjugi bene meritae"... „Secunda Livillae I. Medica"... см. Le Clerec l. c., 435 „Forella T. L. Melaniona medica a mammis (Harless l. c. p. 132). Галенъ упоминаетъ еще о „Fabulla Libuca". Theodorus Priscianus о „Victoria, Salviana и Leoparda" и т. д.

[5]) Dig. IX, 2, 9.

quoque eadem causa est, quae professorum, nisi quod justior, quum hi salutis hominum, illi studiorum curam agant. Далѣе добавляетъ онъ: sed et obstetricem audiant magistratus, quae utique medicinam exhibere videtur.

Особенно большую практику имѣли „medici ocularii", главное занятіе которыхъ состояло въ приготовленіи и продажѣ глазныхъ примочекъ и мазей (collyria). Каждый день изобрѣтались новыя чудодѣйственныя лѣкарства, а такъ какъ въ то время не существовало еще услужливой, быстро распространяющей славы письменной рекламы, то врачу-офтальмологу приходилось браться за страннический посохъ и, пѣшкомъ странствуя по городамъ и селамъ, прославлять собственныя изобрѣтенія и надѣлять ими довѣрчивый народъ. При сосудахъ, содержавшихъ эти лѣкарства, какъ при нашихъ туалетныхъ мылахъ, были прилагаемы печати, на которыхъ вытѣснялись имя врача, названіе лѣкарства и способъ примѣненія его. Эти печати представляли собою, въ большинствѣ случаевъ, квадратныя пластинки или дощечки изъ серпентина, нефрита, даже изъ черепицы [1]). Окулисты не были особенно разборчивы въ своей практикѣ; всякій случай былъ подходящимъ для ихъ терапіи: если не удавалось имъ достичь желаннаго исцѣленія примочками и мазями, они брались за прижиганіе; если и это не помогало, прибѣгали къ поясу, при чемъ, какъ увѣряетъ Галенъ, не особенно безпокоились и волновались, если по ошибкѣ оперировали и надъ здоровою частью глаза. О ихъ познаніяхъ можно судить по слѣдующему, сообщенному Галеномъ, факту. Знаменитый офталмологъ того времени, Iustus, излѣчивалъ абсцессы corneae тѣмъ, что обхватывалъ голову паціента своими руками и до тѣхъ поръ энергически трясъ ее, пока абсцессъ самопроизвольно не вскрывался, и гной не опускался на дно передней камеры [2]).

Кромѣ окулистовъ, существовалъ цѣлый рядъ ризотомовъ, унгвентаріевъ, фармакополовъ, продавцевъ лѣкарствъ и въ тоже время специалистовъ по наложенію повязокъ (во времена Галена), о которыхъ Плиній говоритъ, что „словамъ ихъ внимаютъ, да ни одинъ больной не довѣряетъ имъ; pharmacopoci—составители ядовъ; pigmentarii — продавцы красокъ, духовъ, мазей, вина и специалисты по бальзамированію; herbarii, продавцы травъ и кореньевъ въ сыромъ видѣ; pharmacotritae же продавали ихъ въ измельченномъ и обработанномъ видѣ; seplasiarii, продавцы разныхъ electuaria, emplastra, collyria и преимущественно косметиковъ и туалетныхъ принадлежностей. Названіе seplasiarii происходитъ отъ Seplasia, названія площади въ Капуѣ, на которой производилась продажа лѣкарственныхъ веществъ.

---

[1]) Kuehn Dr. C. G. Index medicorum oculariorum inter Graecos Romanosque (I—II) Lipsiae 1830. Grotefend. C. Z., Die stempel der römischen Augenärzte, gesammelt und erklärt, 1867. Здѣсь приведены надписи изъ 112 такихъ печатей.

[2]) Galen. Method. med. XIV.

Въ Римѣ эта торговля сосредоточивалась на Vicus Thurarius или Vicus Unguentarius, не далеко отъ Капитолія. Эти продавцы торговали не только врачебными средствами, но и косметиками, особенно духами; Галенъ называетъ ихъ „copproles, migmatopoles“. Плиній увѣряетъ, что „врачи, едва зная названія лѣкарственныхъ веществъ, довѣряютъ сеплазіаріямъ, всегда фальсифицирующимъ лѣкарства и продающимъ старые пластыри, глазныя мази и всякаго рода залежавшійся товаръ“. Онъ называетъ всѣхъ ихъ „medicamentarii“—„ядосмѣсителями“, такъ какъ на самомъ дѣлѣ они пользовались весьма плохою репутаціею и при случаѣ не брезгали и торговлею ядами [1]), различными презервативами и абортивными средствами. Кромѣ этого, лѣченіе секретныхъ болѣзней составляло, такъ сказать, ихъ монополію. Ежегодный доходъ нѣкоторыхъ изъ нихъ достигалъ до 25—50 тысячъ руб. сер. О тѣхъ отношеніяхъ, которыя должны были бы существовать между этими лицами и врачами, Галенъ говоритъ такъ: „Подобно тому, какъ архитекторъ господствуетъ надъ каменьщиками, плотниками и другими мастеровыми, такъ и врачъ долженъ возвышаться надъ своими слугами: ризотомами, приготовителями мазей, пластырей, обертываній, компрессовъ, клистировъ, пускающими кровь, и ставящими банки“. Поддѣлка лѣкарствъ въ то время была до того въ ходу, что даже самъ Галенъ въ молодости учился фальсифицировать бальзамы, лемнійскую глину, flores zinci. Добросовѣстные врачи всякими способами боролись съ этимъ зломъ. Галенъ, напр., ѣздилъ на Кипръ, въ Палестину, Лемносъ, чтобы достать металлическія средства, apobalsam и др. Особое вниманіе было обращено на то, чтобы снабжать семьи императоровъ настоящими цѣлебными веществами. Въ Сиріи, Египтѣ, Понтѣ, Каппадокіи, Испаніи и Африкѣ собирались подъ особымъ надзоромъ намѣстниковъ бывшіе тамъ въ ходу лѣкарственныя вещества. На Критѣ были спеціальные правительственные чиновники, которые укладывали мѣстныя лѣчебныя средства въ бумагу и корзины, отмѣчая ихъ названіе, мѣстонахожденіе, и отсылали ихъ частью въ императорскіе склады, частью въ Римъ для продажи.

Если вообще мужчины—лица низшаго медицинскаго персонала пользовались далеко не лестною репутаціею, то слава женщинъ—„medicae“ „sagae“ была самою темною. Всѣ онѣ были обыкновенно старыми проститутками, занимавшимися женскими болѣзнями, приготовлявшими любовныя и абортивныя напитки и посвященными во всѣ тайны алькова развратныхъ римлянокъ.

---

[1]) Хотя нужно замѣтить, что lex Cornelia гласила: Iubet ea lex, qua lege hacc quaestio constituta est, judicem quaestionis cum iis judiciis qui ei obvenerit quaerere de veneno. In quem quaerere? infinitum est. Quicumque fecerit, vendiderit, emerit, habuerit, dederit. Qui venenum malum fecit, fecerit, omnes viri, mulieres, liberi, servi in judicium vocantur. Cicero.

Вся эта обширная специализація медицинскихъ познаній не принесла наукѣ ровно никакой пользы, а лишь одинъ вредъ: всѣ эти специалисты за деревьями не видѣли лѣса и, посвящая себя одному какому-нибудь органу, забывали о цѣломъ организмѣ [1]). Каково-же было большинство врачей, свидѣтельствуетъ Плиній, сожалѣя о тѣхъ несчастныхъ, которые погибали отъ ихъ лѣченія, и скорбя о томъ, что нѣтъ закона, который былъ бы въ состояніи воспрепятствовать ихъ смертоносному врачеванію или ограничить его. Врачи, какъ и всѣ граждане тогда лишь подлежали наказанію, когда они умышленно или по наущенію отравляли кого-либо [2]). Поэтому то онъ и говоритъ: „Отсюда и происходитъ то, что всякій, кто выдаетъ себя за врача, находитъ довѣріе, и что нѣтъ закона, который за невѣжество каралъ бы врачей, учащихся изъ нашихъ опасностей и пріобрѣтающихъ практику вслѣдствіе частыхъ случаевъ смерти. Лишь одинъ врачъ остается не наказаннымъ, если убьетъ человѣка“ [3]).

Этотъ низкій уровень медицинскихъ познаній врачей тогдашней эпохи вполнѣ понятенъ, ибо даже лучшіе врачи того времени отодвинули теоретическія проблемы на второй планъ; если же порою и подымались quasi—научные споры, то они касались лишь ничтожныхъ гипотезъ и мнѣній. Направленіе данной эпохи было исключительно практическимъ, проявлявшимся въ самой грубой спекулятивной формѣ. Конечною цѣлью всякой медицинской полемики было восхваленія своихъ лѣкарствъ и методовъ лѣченія и проклятіе или глумленіе надъ терапіей противника. Кулинарное искусство, процвѣтавшее тогда въ Римѣ, отразилось и на лѣкарствахъ. Новыя, по возможности сложно составленныя лѣкарства, пріятныя на вкусъ, счи-

---

1) Unde mox, si ita liceat loqui, plures etiam sunt futuri medici, quam corporis particulae, pro unaquaque enim affectione erit unus medicus. Gal. l. c.

2) Si ex co medicamine, quod ad salutem hominis vel ad remedium datum erat, homo perierit, is, qui dederit, si honestior fuerit, in insulam relegatur, humilior autem capite punitur. Также существовало наказаніе тому, кто hominem libidinis vel promerci causa castraverit. Cig. ad. leg. Corn. de sic. XLVIII, 8, 3, 4. Relegari jussa ut ea, quae non quidem malo animo, sed malo exemplo. medicamentum ad conceptionem dedit, ex quo ea quae acceperat decesserit. Dig. ibid. § 2. Такое же наказаніе слѣдовало за дачу „poculum amatorium“, „poculum abortionis“. Что этимъ иногда занимались и врачи, видно изъ того, что Адріанъ, подтверждая этотъ законъ, прибавляетъ: si quis adversus edictum meum fecerit, medico quidem, qui exciderit, capitale erit. Cod. de eunuch. IV, 42, 1. Вообще абортивныя средства были въ большомъ ходу у римлянъ; но лучшіе люди протестовали противъ этого общественнаго недуга; такъ, Овидій:

Saepc, suas utero quae necat, ipsa perit;
Ipsa perit, ferturque toro resoluta capillos:
Et clamant, merito! qui modo cumque vident.

3) Nulla praeterea lex, qui puniat inscitiam capitalem, nullum exemplum vindictae. Discunt periculis nostris et experimenta per mortes agunt medicoque tantum hominem occidisse summa est. Plin. l. c. c. 8.

ались самымъ цѣннымъ изобрѣтеніемъ и быстро доставляли славу. Реклама разныхъ непогрѣшимыхъ, все исцѣляющихъ и все утоляющихъ средствахъ быстро достигла ужасающихъ размѣровъ, явились цѣлыя клаки, трубившія о славѣ врача и лѣкарства и находившія себѣ довѣрчивую публику. Нахальство и безнаказанность такихъ врачей дошли до того, что они позволяли себѣ рекламировать вѣрнодѣйствующія ядовитыя вещества [1]). Нѣкоторое исключеніе представляли собою городскіе врачи въ завоеванныхъ провинціяхъ, особенно въ греческихъ. Эти врачи въ самомъ дѣлѣ были людьми науки, и медицина многимъ обязана этимъ скромнымъ труженникамъ. Извѣстно, что великій Галенъ былъ такимъ же провинціальнымъ городскимъ врачемъ, служившимъ послѣ при школѣ гладіаторовъ. Императоры, предоставляя полную автономію общественной жизни провинцій, не только оставили въ полной неприкосновенности и это учрежденіе городскихъ общественныхъ врачей, но и въ высшей степени сочувственно относились къ нему, не разъ даруя имъ различныя льготы, простиравшіяся на всѣхъ вообще врачей; учрежденіе городскихъ врачей въ самомъ Римѣ возникло гораздо позже, около 368 г., когда была учреждена коллегія архіатровъ.

Въ виду отсутствія всякой регламентаціи большинство врачей, въ особенности греки, были авантюристами, бравшимися за все [2]) и, въ надеждѣ на легкую наживу, положительно наводнявшими собою Римъ, пользуясь разнаго рода льготами. Эти льготы состояли преимущественно въ освобожденіи отъ имущественныхъ налоговъ и отъ призыва въ низшія судебныя инстанціи. Немаловажною привилегіею было и то, что нѣкоторые врачи могли получать право гражданства за особыя заслуги или при помощи протекціи вліятельныхъ лицъ. Намъ извѣстны, напр., хлопоты Плинія о дарованіи права гражданства его врачу Posthumius Marinus и его массажисту Harpocras [3]). Какъ трудны были такія хлопоты, видно изъ письма Траяна къ Плинію, въ которомъ онъ говоритъ, что не особенно охотно даруетъ просимыя права гражданства [4]). Позже, Веспасіанъ (между 69 и 79 годами)

---

[1]) См. Wunderlich, l. c. p. 20.

Cur ego vivo? cur non morior? Quid mihi est invito boni?
Certum est: ibo ad medicum, atque me ibi toxico morti dabo. Plaut Merc.

Сулла, правда, въ 88 г. до Р. Х. издалъ законъ противъ ядосмѣсителей; см. Digest. XLVIII, 8, 3, 1.

[2]) Ede quid illum
Esse putes: quem vis hominem secum attulit ad nos,
Grammaticus, rhetor, geometres, pictor, aliptes,
Augur, schoenobates, medicus, magus, omnia novit.
Graeculus esuriens, in caelum, jusseris, ibit. Juv. III, 74.

[3]) Plin. Epist. lib. x, 4, 5, 6, 22.

[4]) Plin. Epist. X, 23.

и Адріанъ [1]) освободили (правильнѣе -- подтвердили) раньше дарованныя привилегіи дома врачей, грамматиковъ, философовъ и ораторовъ отъ постоя солдатъ, государственныхъ и общественныхъ чиновниковъ [2]). Папиніанъ выхлопоталъ имъ освобожденіе отъ обязанности быть по назначенію опекунами надъ сиротами и лицами, не могущими распоряжаться своею собственностью [3]), а также освобожденіе отъ личной государственной и общественной службы (munera corporalia sordida), если она даже сопровождалась денежными затратами. Но эта льгота не простиралась на философовъ, ибо, какъ сказано въ законодательствѣ, vere philosophantes pecuniam contemnunt, cuius retinendae cupidine fictam adseverationem detegunt [4]). Антонинъ Пій (благочестивый), будучи глубоко убѣжденъ, что „salus publica lex suprema esto“, по восшествіи на престолъ, подтвердилъ всѣ раньше дарованныя грамматикамъ, врачамъ и пр. льготы и сверхъ того освободилъ ихъ отъ покупки для государства хлѣба, вина, масла, освободилъ также отъ посольскихъ обязанностей, воинской повинности и личной явки въ низшія судебныя инстанціи [5]). Вслѣдствіе этого, число врачей стало еще болѣе увеличиваться, многіе стали заниматься врачеваніемъ, лишь бы воспользоваться льготами; съ увеличеніемъ же числа лицъ, освобождаемыхъ отъ различныхъ налоговъ, эти послѣдніе частью падали на граждань, и безъ того отягощенныхъ ими, частью же производили порядочный дефицитъ въ государвтвенныхъ и городскихъ доходахъ. Поэтому Антонинъ Пій во второй половинѣ своего царствованія постановилъ, чтобы государствомъ признавалось лишь ограниченное закономъ число врачей, имѣвшихъ право пользоваться присвоенными имъ льготами и правами; всѣ же остальные лишались всякихъ правъ и преимуществъ сравнительно съ обыкновенными гражданами. Императоръ Коммодъ подтвердилъ всѣ права, дарованныя Антоніемъ Благочестивымъ [6]). Эти узаконенные врачи назывались archiatri populares, archiatri, qui populo obsequebantur; прежніе же archiatri, врачи императоровъ, получили титулъ archiatri sancti Palatii, qui militabant intra

---

1) Dig. L. 4, 18, 30; XXVII, 1, 6, 8.

2) Digest. L, 4, 18, 30: medicis ne hospitem reciperent, a principibus fuisse immunitatem indultam.

3) Medici qui circulatores vocantur quemadmodum a reliquis muneribus, ita et a tutela et a cura requiem habent. Dig. XXVII, 1, 6, 1.

4) Dig. XXVII, 50, 8, 4.

5) l. c. Dig. XXVII, 1, 6, 8; ib. § 1, 2: Philosophos, rhetores, grammaticos, medicos mmunes esse gymnasiis sacerdotii stantes, et neque ad frumenti et vini et olei emptiones et praepositiones et neque judicare, neque legatos esse. neque in militia numerari nolentes. neque ad alium famulatum eos cogi.

6) Ibid. прибавлено лишь, что они immunes a ludorum publicorum regimine, ab aedilitate, a sacerdotio, a receptione militum etc.

palatium; всѣ остальные врачи назывались medici и могли заниматься практикою какъ и всѣ прочіе дилетанты—медики, жрецы, знахари и т. п.; ихъ занятія не признавались законными, но и не подвергались никакимъ взысканіямъ или наказаніямъ, если они даже причиняли своимъ кліентамъ вредъ; хотя они и привлекались къ отвѣтственности въ случаѣ отказа вести лѣченіе до конца; такъ, въ § 6 Inst. de leg. Aquil. IV, 3 сказано: „Si medicus, qui servum tuum secuit, deliquerit curationem atque ob id mortuus fuerit servus, culpae reus est“. Для всѣхъ этихъ „medici“ оставалась открытою довольно широкая арена, ибо въ Римѣ благодаря тогдашнему образу жизни и постояннымъ сношеніямъ съ востокомъ, откуда заносились разныя болѣзни, больныхъ была цѣлая масса [1]), а отъ врачей не требовалось особыхъ познаній. „Во врачебномъ лишь дѣлѣ довѣряютъ всякому, кто выдаетъ себя за врача, въ то время, какъ нигдѣ болѣе такъ опасна ложь, какъ здѣсь“, говоритъ Плиній, „если же порою раздаются упреки за неудачное лѣченіе, то вину сваливаютъ на погрѣшности въ діэтѣ и такимъ образомъ обвиняютъ умерщвленныхъ“ [2]). Больной искалъ лишь исцѣленія отъ своихъ недуговъ и не разсуждалъ о томъ, у кого и въ какомъ лѣкарствѣ онъ найдетъ его, почему бросался ко всякому, кто обѣщалъ ему спасеніе и безпрекословно исполнялъ все то, что ему предписывалось. Оттого то въ эту эпоху врачебная дѣятельность почти всѣхъ врачей, за рѣдкими исключеніями, состояла въ безсмысленномъ употребленіи многочисленныхъ, прославленныхъ своими цѣлебными силами лѣкарствъ и снадобій, даже экскрементовъ и мочи. Врачъ Ксенократъ рекомендовалъ даже при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ употребленіе человѣческаго мяса, что возбудило крайнее удивленіе Галена, „ибо въ Римской имперіи запрещено людоѣдство“ [3]). Другой какой то врачъ назначалъ сельскимъ жителямъ козій пометъ; на что Галенъ иронически замѣчаетъ, что это, пожалуй, въ порядкѣ вещей, ибо такое лѣкарство не подходитъ къ утонченно образованному горожанину, такъ какъ пометъ приноситъ пользу лишь селянамъ [4]). Паціенты въ вопросѣ о жизни и смерти оставляли въ сторонѣ не только гастрономію, но даже и простую брезгливость. Врачи руководились, вмѣсто опыта, эмпиризмомъ, лишь слѣпымъ подчиненіемъ разнаго рода суевѣріямъ и безсмыслицамъ,

---

[1]) Plurimus hic aeger moritur vigilando, sed ipsum
Languorem peperit cibus imperfectus et haerens
Ardenti stomacho. Iuv. III, 232.
Ille humero, hic lumbis, hic coxa debilis, ambos
Perdidit ille oculos et luscis invidet, hujus
Pallida labra cibum accipiunt digitis alienis. Ibid. 227.

[2]) Plin. l. c. VIII, 3.

[3]) Galen. Opera XII, 248.

[4]) Ibid. pag. 299.

прибѣгали и къ заклинанію болѣзней, и къ лѣченію ихъ посредствомъ разныхъ изреченій, магическихъ словъ, именъ, симпатическихъ средствъ, амулетовъ, волшебныхъ формулъ и т. п. [1]), потому что причиною различныхъ заболѣваній считались демоны [2]), а противъ нихъ были могущественны лишь вышеупомянутыя средства.

Особенно всеисцѣляющими считались арабскія, еврейскія и халдейскія имена и изреченія, какъ, напр., Sabaoth, Adonaj, и самыя обыкновенныя средства въ соединеніи съ таинственными нашептываніями пріобрѣтали цѣлебное значеніе. Часто эти волшебныя, чудотворныя слова принадлежали какому нибудь неизвѣстному или вовсе не существовавшему языку, что не мѣшало, однако, считать ихъ изгоняющими изъ тѣла недуги и оживотворяющими умиравшихъ; чѣмъ болѣе чужестраннымъ и непонятнымъ звучали эти слова, тѣмъ болѣе дѣйствительными и достойными довѣрія считались они. Многіе врачи поэтому употребляли лишь тѣ лѣкарственныя вещества, которыя имѣли египетское или вавилонское названіе. (Галенъ). Чѣмъ дороже было лѣкарство, тѣмъ болѣе цѣлебнымъ считали его; такъ что одинъ богачъ былъ возмущенъ тѣмъ, что Галенъ назначилъ ему тоже лѣкарство, которое было съ успѣхомъ примѣнено Галеномъ же у его раба. Когда онъ узналъ, что оно составлено только изъ дешевыхъ веществъ, то воскликнулъ: „Это ты можешь сохранить для нищихъ; я же желаю лѣкарства, которое стоитъ дороже“ [3]). Приготовленіе изысканныхъ медикаментовъ держалось въ тайнѣ. Scribonius Largus сообщаетъ рецептъ „удивительной микстуры“, противъ грудной боли. Эта микстура была уже извѣстна древнимъ, особенно Паккію Антіоху, который съ успѣхомъ употреблялъ ее въ самыхъ опасныхъ случаяхъ и пріобрѣталъ отъ нея большія выгоды. Онъ приготовлялъ ее не иначе, какъ при закрытыхъ дверяхъ, и, чтобы обмануть своихъ помощниковъ, приказывалъ имъ приготовлять больше ингредіентовъ,

---

[1]) До насъ дошла надпись:

Thallus. Medicus.
Mag
H. V.

Quae saga, quis te solvere Thessalis
Magus venenis, quis poterit deus. Hor. od. I, 27, 2, 1.
Sunt verba et voces, quibus hunc lenire dolorem
Possis et magnam morbi deponere partem. Hor. epist. I, 34.
Neque eum juvere in volnere cantus
Somniferi, et Marsis quaesita in montibus herbae. Verg. Aen. VII, 757.

[2]) Praeterea lateris vigili cum febre dolorem
Si coepere pati, missum ad sua corpora morbum
Infesto credunt a numine, saxa deorum
Haec et tela putant. Iuv. XIII, 229.

[3]) Galen., l. c. XIII, 136.

чѣмъ было надобно. Паккій Антіохъ передалъ рецептъ императору Тиверію, который приказалъ положить его въ публичную библіотеку [1]). Для каждаго симптома болѣзни существовало не только особое лѣкарство, но и спеціальное заклинаніе духовъ, и всякій вновь выступавшій на сцену шарлатанъ располагалъ цѣлымъ арсеналомъ собственныхъ, вновь изобрѣтенныхъ, средствъ, новыхъ знаковъ и формулъ. Это убило медицину, ибо, какъ говоритъ Плутархъ „суевѣріе гонитъ врача отъ больного", и, какъ добавляетъ Kurt Sprengel, „въ какомъ бы оно видѣ ни проявлялось, всегда служитъ могилой врачебной науки" [2]).

Отвѣтственность за подобную терапію, вытекавшую изъ господствовавшихъ тогда патологическихъ воззрѣній, не можетъ падать исключительно на врачей. Hecker и особенно Daremberg доказали, что взгляды врачей на сущность заболѣваній и на терапевтическіе пріемы всегда находились въ прямой зависимости отъ господствовавшихъ въ данное время воззрѣній на сущность жизни и жизненныхъ явленій. Эти же воззрѣнія въ древности имѣли характеръ совершенно произвольныхъ предположеній и находились въ тѣсной связи съ первобытными вѣрованіями, основанными иногда на крайне поверхностныхъ наблюденіяхъ, и имѣвшими чисто миѳическій характеръ.

Въ данную эпоху суевѣріе было сильно развито; вѣра въ сверхъестественное и чудесное достигла своего апогея; всякое явленіе природы, всякій фактъ въ жизни человѣка считался совершавшимся по волѣ добраго или злаго духа; весь обширный, окружавшій тогдашняго римлянина міръ былъ по ихъ представленіямъ переполненъ различными духами, созданными необузданною фантазіею древнихъ. Понятно, что съ чудеснымъ надо было вести борьбу только посредствомъ чудесъ: противъ духовъ могли имѣть силу лишь обѣты и заклинанія. Этотъ взглядъ до того поработилъ умы всѣхъ, что даже передовые люди того времени, для которыхъ явленія жизни и природы представляли собою не tabula rasa, не рядъ хаотическихъ явленій, а цѣпь совершающихся съ извѣстною законосообразностью фактовъ,—должны были считаться съ нимъ. Только этимъ можно объяснить то, что рядомъ съ вѣрно подмѣченными фактами мы встрѣчаемъ у нихъ крайне фантастическіе вымыслы.

Чтобы рельефнѣе очертить направленіе, существовавшее въ то время въ медицинѣ, мы остановимся на трехъ врачахъ, представителяхъ трехъ главныхъ господствовавшихъ тогда терапевтическихъ теченій.

1. Thessalus изъ Траллеса, жившій во времена Нерона, которому онъ и посвятилъ свои сочиненія, будучи его лейбъ-медикомъ. Это былъ

[1]) Scrib. Larg. 23, 97.

[2]) Kurt-Sprengel, l. c. II, 209.

грубый, неуживавшійся ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей, человѣкъ, нелишенный однако образованія. Онъ поставилъ себѣ задачею добиться популярности и практики и достигъ того и другаго довольно не благороднымъ образомъ. Онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ рѣзкимъ обращеніемъ съ коллегами, своею уступчивостью всевозможнымъ капризамъ своихъ больныхъ, своею чисто лакейскою предупредительностью и заискиваніемъ у знатныхъ и сильныхъ царедворцевъ; называлъ себя великимъ реформаторомъ въ медицинѣ, ἰατρονίκης,—побѣдителемъ врачей (это названіе украшало и его надгробный памятникъ); презрительно отзывался о всѣхъ предшественникахъ и современникахъ-врачахъ и увѣрялъ, что для изученія медицины не нужны никакія предварительныя и подготовительныя познанія, и что онъ въ полгода изъ любаго неуча сдѣлаетъ хорошаго медика. Афоризмы Гиппократа онъ называлъ лживыми бреднями: до него самого никто не сдѣлалъ ничего путнаго. Плиній называетъ его: „delentem cuncta majorum placita, et rabie quadam in omnis aevi medicos perorantem“. Галенъ иронически величаетъ его „σοφώτατος“ (велемудрый). Ни одинъ актеръ, ни одинъ побѣдитель на ристалищахъ не появлялись на улицахъ въ сопровожденіи болѣе многочисленной свиты [1]). Его ученики состояли изъ людей самаго низшаго разряда (ткачи, повара, мясники, кожевники и т. п.) и, посѣщая съ нимъ его паціентовъ, восторгались чудесами своего учителя и повсюду трубили о его познаніяхъ, чѣмъ доставляли ему популярность и деньги. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что Thessalus первый ввелъ правильный амбулаторно-клиническій, или поликлиническій методъ преподаванія и высказалъ новый взглядъ на опухоли, по которому, если онѣ по удаленіи рецидивируютъ, то это указываетъ, что опухоль есть лишь симптомъ общаго пораженія организма, противъ чего и должно быть направлено лѣченіе.

2. Krinas изъ Массиліи предписывалъ по особому астрономическому календарю, въ какомъ часу какую пищу слѣдуетъ принимать, чтобы не болѣть [2]), и этимъ методомъ лѣченія пріобрѣлъ себѣ громадное состояніе, будучи постоянно осаждаемъ паціентами. Онъ оставилъ около 10 милліоновъ сестерцій (около 541 тысячъ руб.), истративъ почти столько же на постройку крѣпостныхъ и другихъ зданій въ своемъ родномъ городѣ.

3. Charmis изъ Массиліи былъ ярымъ гидротерапевтомъ. Онъ видѣлъ въ холодной водѣ панацею и до того пропагандировалъ свой методъ лѣче-

---

[1]) Знаменитыхъ актеровъ и гладіаторовъ всегда сопровождала на улицахъ большая толпа, чтобы этимъ выразить имъ свое удивленіе и уваженіе. См. Tac. Ann. I, 77; Sen. quaest nat. VII, 32; epist. 47.

[2]) Aegra licet jaceat, capiendo nulla videtur,
Aptior hora cibo, nisi quam dederit Petosiris. Iuv. VI, 580.

ія, что создалъ положительную моду на гидротерапію, которой предавался очти весь состоятельный классъ Рима.

Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Плиній, что всѣ эти врачи хотѣли братить на себя вниманіе различнаго рода нововведеніями и потому не адили жизни своихъ паціентовъ. По этой то причинѣ у постели больыхъ велись постоянные споры, ибо никто не соглащался съ мнѣніемъ ругаго, чтобы такимъ образомъ не показаться чьимъ либо приверженцемъ послѣдователемъ; поэтому то и имѣла мѣсто та несчастная надгробная адпись: „умеръ отъ большого количества врачей" („turba se medicorum eriisse [1]). Если у постели больного встрѣчались противники, то происхоили весьма энергичныя столкновенія, такъ какъ одинъ изъ нихъ неминуемо олженъ былъ потерпѣть пораженіе. Больной былъ для нихъ лишь предлоомъ, поводомъ, а очень часто и искупительною жертвою. Въ подобныхъ лучаяхъ врачи зондировали тѣ раны, которыя получало ихъ самолюбіе, и, сли чувствовали себя глубоко обиженными, то утѣшались надеждою, что мъ удастся при первомъ же случаѣ блестящимъ образомъ отмстить за то своему врагу. Theodorus Priscianus описываетъ намъ подобный консиіумъ такъ; „въ то время, какъ больной, терзаемый болями, мечется на остели, вторгается кучка врачей, изъ которыхъ каждый думаетъ о томъ, акъ бы ему обратить на себя вниманіе всѣхъ остальныхъ, и вовсе не нтересуется состояніемъ больного. Какъ въ циркѣ или на бѣгахъ одинъ келаетъ пожать необыкновенную славу своимъ краснорѣчіемъ или діалектиюй, другой искуснымъ построеніемъ положеній, которыя его противникъ овершенно разрушаетъ [2]). Нѣкоторые на консиліумахъ доходили до того, то не только спорили у постели больного, но даже ругались, показывали ругъ другу языки и нерѣдко вступали въ драку [3]). Что еще печальнѣе сего, такъ это то, что свидѣтелями подобнаго рода консиліумовъ были юдственники и знакомые больныхъ, а также друзья-пріятели врачей. Врачъ являлся окруженный толпой своихъ поклонниковъ и учениковъ. Да но и понятно, для чего; вѣдь каждый врачъ зналъ, что за нимъ подматриваютъ и слѣдятъ сторонники его соперника, присутствующіе здѣсь ке у постели больного, предлагающіе ему разные вопросы, лишь бы смуцать его, жаждутъ возможности, случая подхватить что нибудь, якобы несообразно сказанное имъ, чтобы потомъ разнести то по всему городу. Врачу приходилось объяснять значеніе каждаго симптома, вліяніе всякаго

---

[1]) Увѣряютъ, что эта фраза была сказана на смертномъ одрѣ императоромъ Hardian'омъ: „Turba medicorum pereo" многіе приписываютъ ее комику Менандру („Πολλῶν ἰατρῶν εἴσοδος μ' ἀπώλεσεν") см. *Gaups*, l. c. 27.

[2]) Puschmann, l. c. p. 104.

[3]) Galen, l. c. VIII, 357, 495.

терапевтическаго пріема, и, если эмпирикъ легко отдѣлывался общими фразами, что „это сомнѣніе основано на многочисленныхъ наблюденіяхъ и многолѣтнемъ опытѣ“, если методикъ, не зная, что сказать, искалъ спасенія въ своемъ грубомъ дихотомизмѣ, то догматику, эклектику это давалось не такъ легко. Имъ нужно было обладать значительною долею терпѣнія и присутствіемъ духа, чтобы спокойно разъяснять, напр., причину сна отъ опія, или весь процессъ лихорадки и т. п. Онъ былъ убѣжденъ, что кто нибудь изъ его конкурентовъ, врачъ ли самъ или кто нибудь изъ его помощниковъ или учениковъ прячется за дверьми, подслушиваетъ, готовый каждую минуту или ворваться въ комнату и всею силою своего остроумія и злословія обрушиться на приведенные имъ аргументы, или, подождавъ его у хода, поднять на смѣхъ все высказанное имъ. При такихъ условіяхъ врачъ, понятно, стремился группировать вокругъ себя людей симпатировавшихъ ему: онъ нуждался въ друзьяхъ, которые были бы свидѣтелями его успѣховъ и могли бы повсюду трубить о нихъ, противодѣйствуя такимъ образомъ сплетнямъ и клеветѣ, которыя ловко распространяли его враги. Всякій врачъ испытывалъ у постели больного тоже, что солдатъ, идущій на штурмъ, т. е. нѣкоторое нервное возбужденіе, дрожа за свой успѣхъ и свое доброе имя. У Галена мы находимъ цѣлый рядъ описаній подобныхъ консиліумовъ, при которыхъ онъ самъ не разъ, поймавъ, такъ сказать, въ ловушку своихъ противниковъ, заперши всѣ выходы для нихъ [1]), читалъ имъ цѣлые трактаты о разницѣ и преимуществахъ его метода лѣченія предъ методами ихъ. Не думаемъ, чтобы эти насильно навязанныя, при закрытыхъ дверяхъ, лекціи могли принести его противникамъ или ихъ ученикамъ пользу, тѣмъ болѣе, что они бывали уснащены далеко не научными и приличными эпитетами и выраженіями по адресу его враговъ, а какъ себя чувствовали его враги, онъ самъ характеризуетъ, говоря „pallidiores frigidioresque quam ipse aeger, consilium quoddam fugae captabant“. Послѣ этого понятна озлобленность Плинія противъ врачей и высказанное имъ положеніе, что „это искусство ежедневно мѣняется, наряжаясь все въ новыя и новыя побрякушки, и мы колеблемся въ разныя стороны. сообразно прихоти греческихъ талантовъ. Несомнѣнно что, если кто нибудь изъ нихъ обладаетъ извѣстною долею краснорѣчія, то сейчасъ же становится повелителемъ надъ нашею жизнью и смертью, какъ будто бы тысячи народовъ не жили безъ врачей, хотя и не безъ медицины—(fuisse sine medicis, non tamen sine medicina“. Cato), какъ и римляне, существовавшіе такъ болѣе 600 лѣтъ, въ то время, какъ они были способны къ

[1]) Aulae ostium observari jusseram, et simul amico cuidam clavem servare. Galen. method. med. op. VIII, 2; X, 3; XIII, 15.

восприятію и усвоенію наукъ и искусствъ и особенно интересовались ею и лишь изъ горькаго опыта научились презирать ее [1]).

Ни внѣшнія обстоятельства, ни внутренній идеалъ врачей тогдашней эпохи не были такого рода, чтобы могли сплотить ихъ во едино. Это было не то, что въ Египтѣ, Индіи, Персіи и древней Греціи, гдѣ врачебное сословіе составляло касту, имѣвшую опредѣленный идеалъ, извѣстныя традиціи и свою врачебную этику. Здѣсь были люди разныхъ классовъ общества, лишенные общихъ традицій, не имѣвшіе научнаго или нравственнаго идеала. Въ эту эпоху не было научныхъ авторитетовъ: всякій считалъ себя таковымъ. Каждый создавалъ свой собственный методъ лѣченія, свою собственную школу. Методы лѣченія не создавались на основаніи какихъ либо теоретическихъ соображеній или выводовъ практическаго опыта, а создавались лишь для того, чтобы они хотя чѣмъ нибудь отличались отъ уже существовавшихъ. Это была гоньба и вѣчные поиски не раціональнаго и вѣрнаго, а лишь новаго и оригинальнаго, при чемъ каждый стремился создать моду на себя и быть ея рабомъ. „Поэтому ни у кого не было потребности изучать врачебную науку, нѣкоторые же врачи не только не знакомы съ древними писателями, на которыхъ, однако, зиждется вся наука, но и осмѣливаются еще приписывать имъ ложное. Ибо тамъ, гдѣ при выборѣ врача никто не думаетъ о различіи, а плохіе и хорошіе считаются равными между собою, тамъ всякій имѣетъ въ виду лишь то, что онъ можетъ безъ труда пріобрѣсти, и что при томъ даетъ ему надежду на значеніе и барышъ. Такимъ образомъ, каждый по желанію врачуетъ. Ибо нѣкоторыхъ нельзя разубѣдить въ ихъ извращенныхъ понятіяхъ, такъ какъ, конечно, обширный объемъ врачебнаго искусства даетъ полную свободу произволу. Поэтому то нерѣдко встрѣчаешь людей, имѣю-

---

[1]) Plin. l. c. По вопросу, не было ли въ самомъ дѣлѣ въ Римѣ въ теченіи 600 лѣтъ врачей, весьма интересна диссертація Aug. Gottl. Richter. Dissertatio de prisca Roma in medicos suos haud ingrato, Goettingae 1764. Въ древности consuetudo erat, ut desperati ante januas suas collocarentur, vel ut extremum spiritum redderent terrae, vel ut possent a transeuntibus forte curari, qui aliquando simili laboraverunt morbo. Menière, l. c. p. 17. Кромѣ того Діонисій Галикарнасскій (X, 53), говоря объ эпидеміи 454 до Р. X. (300 ab urb. Cond.) упоминаетъ о врачахъ: Exacto anno ab urbis trecentesimo pestilentia Romam invasit quanta nunquam antea: quae servitia absumpsit paene omnia, civiumque circiter dimidium, nec medicis in tanto multitudine aegrotantium sufficientibus, nec domesticorum atque amicorum misteriis; онъ же говоритъ, что бывшая раньше эпидемія (282 a. u. c.) была такъ сильна, quod contra medicamenta, aliaque morborum levamina, contumnate fuerit. Плутархъ упоминаетъ (Cato Major c. 9) также о посольствѣ въ Виеинію, въ составѣ котораго находился римлянинъ, перенесшій трепанацію черепа, наконецъ Lex Aquilia, по которой врачъ отвѣчаетъ за плохо веденное послѣдовательное лѣченіе оперированнаго имъ раба; Diodor. X. 58. Все это указываетъ на то, что за 400 лѣтъ до Р. X. въ Римѣ были уже врачи. См. также Ptoin, l. c

щихъ лишь скудное понятіе объ одной только частичкѣ врачебной науки, а величающихся полнымъ именемъ врача [1]). Если ближе познакомиться съ этою печальною эпохою, то приходишь къ тому заключенію, что, едва ли полное отсутствіе научныхъ авторитетовъ не принесло еще большаго вреда для науки и врачебнаго сословія, чѣмъ мертвящее „magister dixit" среднихъ вѣковъ, когда „magister" для философіи былъ Аристотель, а въ области медицины—Галенъ.

Это отсутствіе научнаго авторитета, отсутствіе нравственныхъ идеаловъ и общности среди врачей создало то, что врачи составляли не сословіе или корпорацію, а какую то шайку, поставившую себѣ идеаломъ наибольшій заработокъ, прибѣгавшую ко всевозможнымъ средствамъ, рекламамъ [2]), лишь бы достичь своей цѣли, не останавливаясь даже передъ собственнымъ униженіемъ и не стѣсняясь опороченіемъ чужаго добраго имени. „Кто занимается науками, кажется безумцемъ", говоритъ Галенъ. „Лишь тѣ имѣютъ значеніе, кто утромъ разыскиваетъ своихъ патроновъ, чтобы вечеромъ быть приглашеннымъ къ столу. Публика обращается за помощью не къ лучшему врачу, а къ исполняющимъ ея капризы. Не на науку, а только на необходимые рецепты направлено вниманіе большинства врачей. Низкая жадность дѣлаетъ ихъ способными къ всякому постыдному дѣйствію. Между разбойниками и врачами нѣтъ другой разницы, кромѣ той, что первые въ горахъ, а вторые въ Римѣ совершаютъ свои позорныя дѣйствія" [3]). „Не самый дѣльный врачъ, а лишь умѣющій лучше льстить и потакать своимъ больнымъ пользуется уваженіемъ толпы; все легко ему достается, ему настежь открыты всѣ двери; достаются почести и богатства, къ нему со всѣхъ сторонъ стекаются ученики" [4]). „Когда заболѣетъ богатый, то онъ приглашаетъ не самыхъ лучшихъ врачей, а наиболѣе пріятныхъ ему, болѣе же всего угождающихъ ему. Эти врачи разрѣшаютъ ему пользоваться и гидропатіей, если только онъ пожелаетъ, и банями, если это угодно ему, и даже преподносятъ ему снѣгъ и вино" [5]). „Такіе врачи не подаютъ совѣтовъ, а сами слушаются: они не распоряжаются, а прислуживаютъ, поэтому современники говорятъ о нихъ „obediebant, serviebant, imperati erant" [6]). „Да, наконецъ, въ чемъ имъ повиноваться, вѣдь

[1]) Haeser, l. c. 425. Scrib. Larg.

[2]) Какъ иронію на врачебныя рекламы можно привести увѣренія врача въ „Menaechmi" Плавта, (V, 889), что онъ только что вправилъ вывихъ бедра Эскулапу и плеча Аполлону: Ait se obligasse crus fractum Aesculapio Apolliniantem brachium.

[3]) Haec que solo a latronibus differunt, quod hi in urbe, illi in montibus mortales grassuntur. Galenus, de praec. ad Posth. IV.

[4]) Galen. op. X, 4.

[5]) Galen. meth. med. 1, 1.

[6]) См. Dig. XXVI, de operis lib. Medicus libertus quod putaret, si liberti sui medicinam non facerent, multo plures imperantes sibi habiturum etc.

ни ведутъ себя, какъ купцы, противоположно тому, какъ поступали древніе врачи, потомки Эскулапа, желавшіе повелѣвать больными, какъ вожди солдатами, цари подданными, но ни въ какомъ случаѣ не прислуживать и покорно угождать имъ, подобно Либойскимъ, Гетскимъ, Фригійскимъ и Ѳраійскимъ скупщикамъ [1]). Одни изъ врачей были презираемы за свое низкопоклонство, другіе ненавидимы за свою грубость [2]). Отвѣты нѣкоторыхъ врачей на вопросы ихъ паціентовъ до того грубы и жестокосерды, что положительно становится жаль несчастныхъ больныхъ. Такъ, Галенъ разсказываетъ: Js enim cum ei aeger quidam dixisset: „moriar"? Hic illi carmen fertur cecinisse „Pulchra proele parens nite Lutona creasset". Cumque alter idem ei dixisset, tradunt eum ita respondisse: „Te periit multo praestantior, ipse Patrocles". Поэтому былъ правъ Oribus, утверждая, что только немногіе дѣйствительно врачи, большинство же просто толпа, величающая себя такимъ именемъ и мнящая, что она знаетъ медицину, способная по приказу приготовить какое угодно лѣкарство. Эта толпа переполнила не только города, но и деревни". „Многіе заботятся лишь о пріобрѣтеніи расположенія богатыхъ и вліятельныхъ лицъ, гордятся этимъ, шляясь съ ними по улицамъ, участвуя въ оргіяхъ, корча изъ себя шутовъ. Другіе стараются ослѣпить неспособную къ оцѣнкѣ толпу великолѣпіемъ своихъ одеждъ, драгоцѣнными кольцами и другими предметами роскоши [3]). Какъ во всѣ времена, такъ и тогда, невѣжды и шарлатаны любили внѣшнимъ блескомъ прикрывать внутреннія пустоту и ничтожество. Врачи же, обладавшіе большею дозою ума и знанія, устраивали публичныя чтенія, диспуты со своими коллегами, превращавшіеся въ озлобленныя словопрепирательства, и служили лишь для развлеченія, а не для поученія публики; нерѣдко они производили операціи въ театрѣ, циркѣ и другихъ публичныхъ мѣстахъ [4]). Что публичныя чтенія тогда были однимъ изъ надежныхъ и въ тоже время благородныхъ видовъ рекламы, можно судить по тому, что даже самъ Галенъ, глубоко и искренно возмущавшійся безнравственными поступками врачей, прибывши въ Римъ, чтобы добиться популярности, устроилъ въ храмѣ Мира и въ другихъ мѣстахъ публичныя чтенія о строеніи и отправленіяхъ человѣческаго тѣла. Всеобщій интересъ къ этому предмету, глубокія познанія лектора скоро привлекли многочисленную публику изъ лучшихъ слоевъ общества столицы міра. Среди его слушателей были вліятельныя лица, какъ напр., философъ Eudemus и Александръ изъ Дамаска, префектъ Sergius, консулъ Boëthus, Severus, вступившій позже на престолъ, и

---

1) Galen. meth. med. I.

2) Galen. in VI, lib. Hipp. de vulg. morb. IV.

3) Galen. XIV, 600.

4) Plut. de adultore et amico c. 32.

Barbarus, дядя императора Люція. Такимъ путемъ Галену удалось пріобрѣсти значительную практику [1]). Но Галенъ же сообщаетъ о случаѣ, когда врачи прибѣгали и къ другому способу борьбы съ конкурентами; они изъ зависти и опасенія сильной конкуренціи отравили одного греческаго врача, имѣвшаго громадную практику, и двухъ его помощниковъ [2]). Онъ клеймитъ позоромъ попытки своихъ современниковъ-коллегъ снискать себѣ расположеніе публики предложеніемъ косметическихъ средствъ для ращенія волосъ, нѣжности кожи, красоты бюста и вѣрнодѣйствующихъ ядовъ [3]). Онъ негодуетъ на ихъ алчность и корыстолюбіе [4]). Что за люди были среди нихъ видно изъ того, что иногда ихъ обвиняли въ кражѣ вещей [5]), въ любовныхъ интригахъ съ женами паціентовъ [6]), и что Галенъ считалъ нужнымъ совѣтовать нѣкоторымъ изъ своихъ учениковъ, входя въ комнату больного не топать ногами, не кричать, чтобы такимъ образомъ не пробуждать и не раздражать его. Онъ рекомендуетъ имъ обращать особое вниманіе на платье, манеры и разговоры, которые они ведутъ съ паціентами, на опрятность, чистоту и прическу; онъ строго запрещаетъ имъ безпокоить своихъ больныхъ дыханіемъ съ запахомъ чеснока, лука и вина. Нѣкоторымъ изъ своихъ коллегъ Галенъ не совѣтуетъ вступать въ бесѣды со своими образованными паціентами, дабы не обнаружить своей безграмотности [7]). Нѣкоторыя изъ лицъ, посвящавшихъ себя изученію медицины, не умѣли даже читать [8]).

„Причина всѣхъ этихъ печальныхъ явленій коренилась не въ медицинѣ, а въ ея представителяхъ“, замѣчаетъ Плиній [9]).

---

[1]) Puschmann, l. c. p. 80.

[2]) Kurt Sprengel, l. c. II, 133.

[3]) Ibid. p. 163. Въ то уже время были извѣстны искусственные зубы, привязныя косы и окрашиваніе волосъ и рѣсницъ: См. Mart. XII. 23. Mart. VI. 12. Tib. I. 8, 43. Iuv. II, 93.

[4]) Cum non desint, quostam pecuniarum cupidos saepe videamus, ut venefici non medici sint. Galen. Quod optim. sit phil.

[5]) Clinicus Herodes trullam subduxerat aegro:
Deprensus dixit: „Stulte, quid ergo bibis?“ Mart. IX. 96.

[6]) Uxorem, Charideme, tuam scis ipse, sinisque
A medico futui; vissine febre mori. Mart. VI. 31.

Не слѣдуетъ забывать, что многое, въ этихъ словахъ вѣроятно, преувеличено, и сказано лишь для краснаго словца; врачи ужъ тогда, какъ и позже, не разъ служили благодарной мишенью для остротъ досужихъ сатириковъ. Что здѣсь много правды, съ этимъ нельзя спорить; но все же не мѣшаетъ „cum grano salis“ относиться ко всему этому.

[7]) Galen. Op. XVII, 2 pag. 146.

[8]) Ibid. XIX, 9.

[9]) Почти тоже говоритъ Quintil. Just. orat. II, 16: Quo quidem modo nec duces erunt utiles, nec magistratus, nec medicina, nec ipsa denique sapientia; nam et dux Flaminius, et Gracchi, Saturnini, Glauci magistratus, et in medicina venena, etc.

Не нужно забывать, что это была та эпоха, о которой сказалъ Ювеалъ (XV, 70):

Terra malos homines nunc educat atque pusillos
Ergo deus, quicunque aspexit, ridet et odit.

Правда, среди врачебнаго сословія появлялись и блестящія исключеія, вносившія и свою недюжинную лепту въ сокровищницу нашей науки; спомнимъ только Галена, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ нераздѣльно цаившаго въ медицинѣ, вспомнимъ Scribonius Largus, Soranus и другихъ, оторые и доселѣ не лишены значенія; но это, повторяемъ, были рѣдкія сключенія, далеко не пользовавшіеся симпатіями своихъ коллегъ и не огшіе, не смотря на свой горячій протестъ, оказать вліянія ни на сотояніе медицинскихъ познаній своихъ коллегъ, ни на ихъ профессіональую этику. Лучшіе врачи той эпохи не разъ клеймятъ позоромъ въ своихъ сочиненіяхъ не только поведеніе врачей у постелей больныхъ и ихъ нтиколлегіальныя отношенія, но и ихъ полное научное невѣжество, ихъ тремленіе своею специализаціею низвести медицину на степень ремесла. Лишь лучшіе врачи занимались изученіемъ медицины во всемъ ея объемѣ, отдавая правда въ практикѣ жизни предпочтеніе той или другой ея части, такъ, напр., Галенъ былъ преимущественно терапевтомъ: „Я полагаю“, говоритъ Цельсъ, „что возможно изучить всѣ отдѣлы врачебной науки; если же ихъ отдѣлять другъ отъ друга, то все же я хвалю врача, знающаго бо́льшую часть ихъ“. Между нѣкоторыми терапевтами и хирургами существовали самыя дружественныя отношенія: „они поддерживаютъ и рекомендуютъ другъ друга“, говоритъ Плутархъ. Среди образованныхъ и ученыхъ лицъ тогдашняго времени было не мало диллетантовъ медиковъ, какъ, напр., Цельсъ, Плиній и др.; многіе считали необходимымъ изученіе этой науки, хотя бы въ самомъ популярномъ видѣ. Такъ, извѣстно, что Виргилій, живя въ Неаполѣ, „ubi quum litteris graecis, latinis vehementissimam operam dedisset, tandem omni cura omnique studio indulsit medicinae et mathematicis“ [1]). „Я полагаю“, пишетъ Gellius, „что не только врачу, но и каждому развитому человѣку, получившему хорошія воспитаніе и образованіе, должно быть стыдно, если онъ ничего не знаетъ о вещахъ, касающихся человѣческаго тѣла, и о средствахъ для поддержанія здоровья, которыя природа такъ явно помѣстила предъ нашими глазами. Поэтому-то я весь мой досугъ посвящалъ изученію медицинскихъ сочиненій, ибо я разсчитывалъ найти въ нихъ много поучительнаго“ [2]). Плу-

[1]) Menière, l. c. p. 116.
[2]) Gell. XVIII. 10.

тархъ также былъ того мнѣнія, что „каждый долженъ знать свой пульсъ и то, что ему полезно и вредно“ [1]).

Не только на медицину, но и на врачей и ихъ дѣятельность существовалъ чисто этическій взглядъ. Такъ, Lucian говоритъ: „врачъ не долженъ быть принуждаемъ къ посѣщенію больныхъ; его не должно вести къ нимъ подъ вліяніемъ страха или принужденія; онъ долженъ самъ добровольно и охотно отправляться къ нимъ [2]). Такихъ то врачей имѣетъ въ виду Сенека, говоря въ различныхъ мѣстахъ: Medicorum apud nos magna caritas, magna reverentia est (benefic. VI, 18); Medicinae apud aergos usus, apud sanos honor est (elem. 1, 2); Medico pretium operae solvitur, animi debetur... Emis a medico rem inaestimabilem, vitam ac valetudinem bonam... Itaque his non rei pretium, sed operae solvitur: quod deserviunt, qnod a rebus suis advocati nobis vacant; mercedem non meriti, sed occupationis suae ferunt (benef. VI, 15). Gubernatoris ars alienum bonum est: adeos, quos vehit, pertinet, quomodo medici ad eos, quos curat“ (Ep. XII, 3). Medico in majus gratia referri non potest, solet enim medicus vitam dare (benef. III, 35). Галенъ разсказываетъ о бѣднякахъ врачахъ, лѣчившихъ лишь бѣдныхъ [3]); о массѣ же всѣ отзываются, какъ о самыхъ низкихъ людяхъ (humillimos), которые заботились лишь о наживѣ. „Gravissima infamia est medici opus quaerere; multiquos auxerant morbos et invitaverant ut majore gloria sanarent, non potuerunt discutere aut cum magna miserorum vexatione vicerunt“ (benef. VI, 36). In gramatice et in arte medendi aut gubernandi videmus humillimis quibusque bona contingere (Ep. XIII, c. 2).

Врачи, признаваемые государствомъ, archiatri populares, пользовались слѣдующими правами:

I. Archiatri populares составляли особую коллегію, которая существовала сначала лишь въ Римѣ. Эта коллегія, подобно другимъ „Artifices“, считала своею покровительницею Минерву и устраивала празднества въ честь ея Quinquatrus, продолжавшійся сперва лишь одинъ день (19 февраля), а позже 5 дней; она была учреждена въ 368 г. Валентиніаномъ I по предложенію Praetextatus, городского префекта.

II. Число ихъ въ Римѣ было равно числу его участковъ, т. е. 14. Сверхъ того Portus Syxti,—мѣстожительство гладіаторовъ, и весталки имѣли своихъ архіатровъ. Театры, цирки, общественные сады, библіотеки и т. п. имѣли впослѣдствіи своихъ врачей. Всѣ же остальные боль-

---

1) Plutarch. de sanitate tuenda praec c. 24, 25.

2) Lucian Abdic. c. 23.

3) Satis enim scio, non solum multos pauperes esse medicos, sed et qui ab ipsis curantur Galen. de comp. pharm. LVI; ib. LVII. 3.

ніе города имѣли ихъ не болѣе 10, средніе 7, а малые 5; въ тѣхъ же ородахъ, гдѣ не было судовъ (forum causarum vel loca judiciorum), ихъ овсе не полагалось. Число ихъ, смотря по состоянію общественной и государственной кассы, могло быть уменьшаемо.

III. Сперва архіатры назначались декретомъ сената и ихъ имена должны ыли быть внесены въ списокъ лицъ, пользующихся льготами; позже ни выбирались гражданами, имѣвшими право голоса (ordo), и домовладѣльцами, „дабы", какъ говоритъ Ulpianus, „граждане сами назначали челоѣка, хорошаго поведенія и знающаго свое дѣло, которому они могли бы о время болѣзни довѣрить себя и своихъ дѣтей". По постановленію же алентиніана I, архіатровъ, избранныхъ уже гражданами, должна была твerждать коллегія, равно какъ и замѣщать выбывшихъ своихъ членовъ овыми. Выборы рѣшались по большинству голосовъ, такъ что избранный олженъ былъ имѣть minimum 7 голосовъ. Вновь избранный занималъ не ѣсто выбывшаго члена, а лишь низшее въ коллегіи „Ordo Archiatrorum", акъ что есть основаніе предполагать, что они подраздѣлялись между собою по степенямъ, смотря по количеству прослуженныхъ ими лѣтъ; вѣоятно, въ зависимости отъ этого и жалованье ихъ было различно [1]). Зыборы должны были, какъ неоднократно предписывалось, производиться ъ возможною тщательностью и добросовѣстностью, при нихъ строго запрещалось руководиться протекціей знатныхъ, расположеніемъ начальствующихъ лицъ, нельзя было выбирать человѣка, не вполнѣ достойнаго коллеіи, званія архіатра и одобренія императора.

Не смотря на ясность и опредѣленность этого указа онъ вскорѣ юслѣ изданія своего былъ нарушенъ властью императоровъ, которые при омъ не имѣли физической возможности знать всей массы деталей въ запуанной и сложной администраціи своей имперіи. Симахъ передаетъ намъ [2]), то одинъ врачъ патриціанскаго рода, по имени Іоаннъ, избранный въ арxіатры на мѣсто нѣкоего Эпиктета, не довольствуясь своимъ законнымъ ѣстомъ (14-мъ), пожелалъ имѣть то мѣсто въ коллегіи, которое занималъ Эпиктетъ, и тѣмъ возбудилъ оживленный протестъ всей коллегіи. При своихъ домогательствахъ онъ опирался на преимущества, которыми пользовалась militia palatina, гдѣ онъ служилъ врачемъ, и на согласіе императора, юлученное имъ заранѣе. Протестъ не привелъ ни къ чему, такъ какъ ему противопоставлены были слова, подобныя слѣдующимъ: „Sacrilegii instar est lubitare, an is dignus sit, quem elegerit imperator" [3]) [4]).

---

[1]) Cod. Theod. LXIII, tit. 3 de med. et profess. Cod Iustin. LX. tit. 53 de profes. et med.

[2]) Symmach, Epist X, 40.

[3]) Cod. Iust. IX, 29, 2.

[4]) Стрѣльцовъ, l. c. стр. 125.

Врачи же, которые учили медицинѣ или практиковали на мѣстѣ своей родины, безъ выборовъ получали титулъ и права архіатра, но утрачивали его при перемѣнѣ мѣстожительства. Исключеніе составляли лишь врачи, пользовавшіеся особенно большою извѣстностью; имъ дозволялось безпрепятственно мѣнять свое мѣстопребываніе, не соображаясь съ тѣмъ, существуетъ ли тамъ, или нѣтъ, узаконенное число архіатровъ [1]).

IV. Избранный гражданами и одобренный коллегіей архіатръ врачъ, если онъ не исполнялъ своихъ обязанностей, могъ лишаться правительствомъ правъ и льготъ [2]).

V. Относительно же рабовъ и рабынь (особенно повивальныхъ бабокъ), опытныхъ во врачебномъ дѣлѣ, Юстиніанъ постановилъ, чтобы за нихъ при продажѣ требовалось 60 золотыхъ (solidos). (Евнухи, высоко цѣнившіеся въ это время, стоили 50). Понятно, что отдѣльные рабы-врачи цѣнились иногда значительно дороже. Вообще же нужно замѣтить, что ихъ весьма неохотно продавали или отпускали на свободу. Торговать ихъ трудомъ могли лишь хозяева-врачи. Хозяева не врачи могли посылать ихъ для лѣченія своихъ родныхъ и друзей. Если же они становились вольноотпущенниками, то, по отношенію къ своимъ прежнимъ хозяевамъ-врачамъ, были обязаны безплатно лѣчить друзей и знакомыхъ своихъ патроновъ. Патроны же имѣли право принуждать вольноотпущенниковъ, если тѣ представляли сильныхъ и опасныхъ конкурентовъ сопровождать себя при своихъ визитаціяхъ, и тѣмъ существенно препятствовали имъ въ ихъ собственной практикѣ [3]). Если вольноотпущенникъ настойчиво желалъ выкупиться, то выкупъ опредѣлялся по тому доходу, который онъ доставлялъ своему патрону, а не по той выгодѣ, которую онъ получалъ, устраняя конкуренцію вольноотпущенника [4]).

Ихъ преимущества состояли въ слѣдующемъ:

---

[1]) Cad. Theod LYI, § 9, 10.

[2]) Dig. XXVII, 1, 4. VI § 6; 4. XI, § 3. Sed et reprobari potest medicus a republica, quamvis semel probatus sit, si circa operationem se negligenter habeat.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что даже вольноотпущенники не всегда съ Manumissio получали полные права гражданства и полную личную независимость. До Юстиніана для этого необходимо было еще объявленіе его ingenuus, совершенно свободнымъ. Libertus оставался къ своему прежнему господину въ отношеніяхъ, сильно напоминавшихъ крѣпостное право. Онъ оставался кліентомъ своего патрона, обязывался относиться къ нему, какъ сынъ къ родителямъ; если этотъ патронъ впадалъ въ нужду; то при нѣкоторыхъ условіяхъ, напр., если libertus имѣлъ состояніе болѣе чѣмъ въ 100 тысячъ сестерцій, онъ бывшій его владѣтель имѣлъ право наслѣдовать часть его состоянія, не обращая вниманія, оставлялъ ли libertus духовное завѣщаніе, или нѣтъ. Libertus неисполнившій своего долга передъ патрономъ, непочтительно и неблагодарно относившійся къ нему,—подвергался строгому взысканію.

[4]) Dig. XXXVIII. 1. 1. 26, 1; Dig. XL. 5. 41. 6.

I. Недвижимая собственность архіатровъ была освобождена отъ налоговъ [1]).

II. Дома ихъ были свободны отъ всякаго постоя солдатъ, императорскихъ слугъ, государственныхъ и общественныхъ чиновниковъ [2]).

III. Они могли занимать высшія, почетныя должности (сенаторовъ, преторовъ, судей, народныхъ трибуновъ, эдиловъ, децемвировъ, жрецовъ и др.), если при выборахъ получали необходимое для этого число голосовъ; при этомъ они пользовались исключительнымъ правомъ отказываться отъ однѣхъ изъ этихъ должностей, если не хотѣли нести сопряженныхъ съ ними расходовъ (benificium adlectionis); другія же они могли исполнять, не платя установленныхъ налоговъ. Въ томъ и другомъ случаяхъ они сохраняли за собою присвоенные этимъ должностямъ титулъ и званіе [3]).

IV. Они не могли быть судимы въ нисшихъ судебныхъ инстанціяхъ и вызываемы въ судъ безъ законнаго на то основанія; кромѣ того, ихъ нельзя было сажать въ тюрьму [4]).

V. Они освобождались отъ нѣкоторыхъ гражданскихъ обязанностей и отъ всѣхъ тѣхъ, которыя входили въ понятіе „sordida munera" (т. е. защита города, собираніе налоговъ, надзоръ надъ городскимъ имуществомъ и общественными учрежденіями, какъ-то: банями, водопроводами; заботы о печеніи хлѣбовъ, о лошадяхъ для ристалищъ и т. п. [5]).

VII. Всѣ вышепоименованныя льготы наслѣдовались женою и дѣтьми архіатровъ [6]).

VII. Архіатры не должны были сдавать дѣтей въ солдаты, ни нанимать вмѣсто нихъ рекрутъ или платить слѣдуемый за это налогъ [7]).

VIII. Лицо, оскорбившее дѣйствіемъ архіатра, платило штрафъ въ 10 тысячъ сестерцій, который дуумвиры должны были взыскать подъ угрозой, что сами заплатятъ его, если не взыщутъ [8]). Если оскорбившій былъ рабъ, то онъ подвергался тѣлесному наказанію; если же онъ дѣйствовалъ по наущенію своего господина, то послѣдній платилъ штрафъ, а рабъ оставался у архіатра въ качествѣ должника [9]).

---

1) L. I, 16 Cod. Theod. de med. et profess. См. также de muneribus L. VI, § 2 etc.

2) Cod. Theod. de metatis L. 3, 4, 5. Dig. de muno et honor L. 18, § 30.

3) Cod. Theod. de med. et profes. L. VII.

4) Cod. Iustin. X, 61, de profes. et med. L. XI.

5) Cod. Theodos. de prof. et med. L. VI, § 8. D. de excusation.

6) Cod. Theodos. de profes. et med. L. II, III, 10, 12, 16.

7) Dig. XXVII, 6, 8. Cod. Theod. l. c. 3, 10.

8) Это законъ 321 года: Cod. Theodos. de prof. et med. L. I.

9) Что это было не маловажною привилегіею видно изъ того, что Ювеналъ, перечисляя преимущества воина, говоритъ:

Commoda tractemus primum communia, quorum
Haud minimum illuderit, ne te pulsare togatus

IX. Городъ снабжалъ архіатровъ съѣстными припасами, необходимыми для 2, 3 человѣкъ, а иногда и 26, смотря по предписанію. Сверхъ того они, по закону Валентиніана и Валента, получали еще денежное вознагражденіе, „дабы они честно оказывали помощь бѣднымъ, вмѣсто того, чтобы позорно ползать передъ богатыми [1]). Эти salaria должны были постоянно выдаваться имъ полугодично, въ предписаніяхъ и нѣсколько разъ повторялось, что лишать salari'й людей, занимающихся свободными науками, и врачей, нельзя ни при какихъ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ города [2]).

За всѣ эти льготы и salaria архіатры были обязаны:

I. Гуманно обращаться съ бѣдными больными и безвозмездно оказывать имъ медицинскую помощь [3]). Законъ Валентиніана и Валента разрѣшалъ имъ принимать вознагражденіе отъ ихъ состоятельныхъ выздоровѣвшихъ паціентовъ, но строжайше запрещалъ требовать гонораръ, о которомъ они условливались съ больными во время болѣзни, или который тѣ имъ тогда обѣщали. Дарственныя записи и всѣ купчія, совершенныя во время болѣзни, по принужденію (contra fidem bonam) съ больными, считались не дѣйствительными [4]). Всѣ же остальные врачи не архіатры, если они были вольноотпущенниками, имѣли право даже по суду требовать слѣдующій имъ за лѣченіе гонораръ [5]). Нѣкоторые изъ вольноотпущенниковъ пріобрѣтали практикой громадныя суммы [6]). Гонорара не могли требовать лишь

Audeat, immo et si pulsetur, dissimulet nec
Audeat excussos praetori ostendere dentes
Et nigram in facie tumidis livoribus offam
Atque oculum medico nil promitente relictum. Iuv. XVI, 7 sqq.

1) Archiatri scientes annonaria sibi commoda populi commodis mimistrari, honeste obsequ tenuioribus malint, quam turpiter servire divitibus. Cod. Theod. de med. et praf.

2) Cod. Theodos. de prof. et med. L. 8, 9, 10, de annon. civil. et pane gradili L. 5; L. 1. Dig. de decretis ob ord. faciend. L. 16, § 1. Dig. de aliment. Cod. Iust. X, 53, 6.

3) Cod. Theodos. de medic. et profes. l. c. l. 6.

4) Интересенъ слѣдующій случай изъ массы подобныхъ. Врачъ лѣчилъ больного глазами; ему хотѣлось пріобрѣсти прекрасное помѣстье послѣдняго; но больной не желалъ продать его. Тогда врачъ своимъ лѣченіемъ ухудшаетъ состояніе глазъ паціента, но обѣщаетъ исцѣлить ихъ, если тотъ дешево уступитъ ему свое имѣніе. Больной по неволѣ согласился, но по выздоровленіи возбудилъ противъ архіатра дѣло, и судъ призналъ эту сдѣлку недѣйствительною. D. de excusation. L. VI § 4. Въ пандектахъ упоминается о завѣщаніи, по которому послѣ смерти паціента должно было врачу дальше выплачивать ежегодное жалованье. Male secum agit aeger, medicum qui heredem facit. (Publilius Surus) какъ видно раздѣлялось не всѣми.

5) Digest. L. XXXIV, T. I. De aliment. vel cibor legot 1. 16. § 1. L. XXXVIII, T. 1. De aper. libertor 1. 26. Prodicus изъ Selymbi'и, ученикъ Aesculap'а, основатель іатролептической школы впервые ввелъ гонораръ въ пользу помощниковъ и слугъ врача. Plin. l. c. 45.

6) Какъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ ниже слѣдующая надпись (Gruter p. cccc 7 „P. Decimus P. S. Spublicus libertus) Eros, Merula medicus, clinicus, chirurgicus, ocularius. VI,

гѣчившіе сверхестественными средствами, заговорами и заклинаніями, ибо они не признавались врачами [1]). Позже занимавшіеся магіей предавались даже смертной казни [2]). Обыкновенный гонораръ былъ около nummus 1—1½ франка); но гонорары, получавшіеся знаменитыми врачами, были баснословны. Я не желаю говорить о страсти къ наживѣ врачей, о ихъ напоминавшихъ грабежъ торгахъ, о томъ, что они за страданія требуютъ гонораръ и за смерть берутъ задатокъ... Не чувство приличія, а требованія конкуренціи понижаютъ цѣну. Такъ, извѣстно, что Charnius лѣчилъ больного изъ провинціи, получивши 200,000 сестерцій, и что императоръ Клавдій отобралъ на основаніи судебнаго рѣшенія отъ врача Алкона [3]) 10 милліоновъ сестерцій, который, возвратясь изъ Галліи, мѣста своего изгнанія, очень скоро вновь нажилъ ихъ [4]). Когда при Тиберіи изъ Азіи въ Римъ была завезена заразительная сыпь, то прибыли врачи изъ Египта, мѣста родины такихъ болѣзней, занимавшіеся лишь лѣченіемъ этого недуга. Они зарабатывали массу денегъ, по крайней мѣрѣ говорятъ, что преторъ Manilius Comutus за исцѣленіе отъ подобной болѣзни заплатилъ 200,000 сестерцій [5]). Галенъ получилъ отъ консула Boëthus 400 солидовъ за лѣченіе его жены. Нѣкоторые изъ врачей получали отъ разныхъ семействъ, будучи ихъ домашними врачами, опредѣленное годовое жалованье, которое выплачивалось 1-го января [6]). Отдѣльные изъ нихъ были до того въ модѣ, имѣли такую обширную практику, что уже въ то время Плавтъ (Menaechmi V, 882-884) говоритъ:

„Lundí sedendo, oculi spectando dolent,
„Manendo medicum, dum se ex opere recipiat
„Odiosus tandem vix ab aegrotis venit“.

Большинство-же кое-какъ существовало; по словамъ Галена „medicina

---

vir, hic. pro libertate. dedit... hic. pro. seviratu. in. remp. dedit... (10.000 sest.). Hic. in. statuas ponendos in. aedem Herculis dedid... (30.000 sest.?). Hic. in vias. sternendas. in. publicum dedit... (30 000 sest.?). Hic. pridiè quam mortuus. est. reliquit. patrimonii“. См также Inscript. Orelli, 33, 34 etc.

[1]) Non tamensi incantavit, si imprecatus est, si ut vulgari verbo impostorum utor exorcizavit... Non sunt ista medicinae genera, tametsi sunt qui hos sibi profuisse cum praedicatione affirment. Dig. L. 13, 1, 1, 3. Fragm Ulpian.

[2]) Paul. Sentent. L. V, t. XXI et XXIII § 1 et 3. Magicae artis conscios summo supplicio affici placuit, id est bestiis objeci, aut cruci suffigi, ipsi autem magi vivi exuruntur.

[3]) Mitius implicitas Alcon secat enterocelas
Fractaque fabrili dedolat ossa manu. Mart. XI, 84. 3.

[4]) Plinius l. c. XXIX, 8.

[5]) Plin., l. c. XXVI, 4.

[6]) Pompon I, 21 ad Sabin.: quod kalendis (Ianuariis) dari solet medicis et artificibus, non est merces... См. также Dig. XXXIII, 1, 10, § 1: Medico Sempranio quae viva praestabam, dari volo: ea videntur relicta quae certam formam erogotinis annuae, non incertam liberalitatis voluntatem habuerunt.

brevi efficitur dives“ [1]). Было не мало положительно бѣдствовавшихъ по неимѣнію практики врачей, такъ что нѣкоторые изъ нихъ были вынуждены изъ-за борьбы за существованіе идти въ гладіаторы [2]), носильщики мертвыхъ тѣлъ (преимущественно бѣдняковъ [3]). Это печальное положеніе было создано преимущественно безграничною конкуренціею, переполненіемъ сословія громаднымъ числомъ недостойныхъ членовъ, низведеніемъ науки на степень простаго ремесла.

II. Архіатры обязаны были обучать медицинѣ желавшихъ знать ее. Преподаваніе велось сначала на дому, позже ученики сопровождали врача во время его визитацій, при чемъ имъ объяснялся данный случай, симптомы и лѣченіе его, ихъ знакомили съ распознаваніемъ болѣзненныхъ измѣненій посредствомъ осмотра и ощупыванія больнаго [4]). Во времена Нерона и Гадріана для сего существовали Gymnasium и Athaeneum. При Траянѣ говорится о Schola medicorum на Mons Esquilinus у подошвы Авентина, при храмѣ Минервы; біографы императора Севера въ сущности впервые упоминаютъ объ основаніи медицинской школы, сообщая, что императоръ наравнѣ съ риторами, грамматиками и др. назначилъ врачамъ годовое содержаніе, аудиторіи и учениковъ изъ дѣтей свободныхъ гражданъ, которые въ случаѣ бѣдности получали отъ государства вспомоществованіе, вѣроятно, подобно стипендіатамъ нашихъ дней. О томъ-же, чтобы врачи имѣли учениковъ, заботилось само правительство, прибѣгая къ различнымъ мѣрамъ. Такъ въ 370 году Валентиніаномъ былъ изданъ указъ, по которому всѣмъ, достигшимъ 20 лѣтняго возраста, и не окончившимъ начатаго образованія, угрожала высылка изъ Рима и Константинополя; подъ страхомъ тяжкаго наказанія запрещалось молодымъ людямъ часто посѣщать разныя зрѣлища, пирушки и водить знакомства съ неблагонадежными людьми [5]).

III. Архіатръ, провинившійся въ чемъ-либо, особенно недобросовѣстно исполнявшій свои обязанности, лишался всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ. Если оказывалось, что онъ приноситъ своимъ паціентамъ лишь вредъ, то муниципія имѣла право отрѣшить его отъ должности; но при

---

1) Galen Method- med. I.

2) Hoplomachus nunc es fucias ophtholmicusante:
Fecisti medicus, quod facis hoplamachus Mart. VIII. 74.

3) Nuper erat medicus, nunc est vespillo Diaulus:
Quod vespillo facit, fecerat et medicus Mart. I, 47.
Chirurgus fuerat, nunc est vespillo Diaulus.
Coepit quo poterat clinicus esse modo, ibid. I. 30.

4) Когда былъ боленъ Philiscus, то лѣчившіе его врачи Seleucus и Stratocles, привели съ собою болѣе 30 учениковъ, см. Puschmann, l. c. 95.

5) Cod. Iustin, l. c. l. 5; Cod. Theodes. XIV, 1, 9.

этомъ должна была заручиться на это согласіемъ коллегіи архіатровъ. Хотя врачу и не ставилась въ вину смерть его паціента, но за всякую ошибку, происшедшую вслѣдствіе его незнанія, онъ подвергался строгому порицанію со стороны коллегіи [1]).

Совершенно отдѣльную группу составляли военные врачи. Впервые они появляются при римскихъ войскахъ во времена Цезаря, находясь вначалѣ въ свитѣ военоначальниковъ; такъ, намъ извѣстно, что при Цезарѣ находился врачъ вольноотпущенникъ; Катона изъ Утики сопровождалъ Kleanthes, консула Вибія Pansta-Glycon; императора Клавдія въ его походѣ въ Британію Scribonius Largus. Первыя свѣдѣнія о военныхъ врачахъ мы находимъ у платоника Onesander'а, который не признаетъ за ними особаго значенія, полагая, что слова одобренія со стороны полководца придаютъ больнымъ солдатамъ болѣе мужества и терпѣнія, а потому и будутъ болѣе цѣлебны, чѣмъ всевозможныя лѣчебныя мѣры врачей. Во времена первыхъ императоровъ появилось вполнѣ организованное военно-санитарное учрежденіе. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ каждая когорта (420 человѣкъ) имѣла 4-хъ врачей (medici cohortis), по другимъ же каждый легіонъ, состоявшій изъ 10 когортъ, имѣлъ врача легіона (medicus legionum) и 10 врачей когортъ [2]). При конницѣ со временъ императора Mauritius (582-602), кромѣ того, былъ еще родъ санитаровъ διάποται (diputati), позже называвшіеся scribones. Это были невооруженные солдаты, слѣдовавшіе въ числѣ 8—10 человѣкъ за каждымъ отрядомъ въ 200—400 солдатъ на разстояніи около 200 шаговъ отъ сражавшихся. Съ лѣвой стороны ихъ сѣделъ было прикрѣплено двое стремянъ для болѣе быстраго и легкаго взлѣзанія на лошадь. Diputati имѣли при себѣ бутылки съ водой для приведенія въ чувство обмершихъ солдатъ. За каждаго спасеннаго во время битвы они получали золотую монету. Кромѣ того, въ кругъ ихъ дѣйствій входила обязанность собирать оружіе раненыхъ и убитыхъ съ мѣста первыхъ стычекъ, какъ только сражавшіеся мѣняли мѣсто битвы; это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы воины не слѣвали съ лошадей для мародерства. За этотъ трудъ они получали часть этой добычи; поэтому нерѣдко эта прибыльная должность заставляла по долгу ихъ оставлять несчастныхъ раненыхъ безо всякой помощи. Съ давнихъ поръ каждый солдатъ имѣлъ при

---

[1]) Digest L. 4. 2. XXVII, 1. 6. 6.

[2]) По Brian и Hecker'у въ Римѣ были во 1-хъ, Vigiles—ночной караулъ общественныхъ зданій и охрана драгоцѣнностей отъ воровъ и пожаровъ. Они составляли 7 когортъ, по одной на 2 участка, каждая имѣла 4 врачей,—medici cohortisi; во 2-хъ, cohortes urbanae (императорская гвардія, преторіанцы), пѣхота и кавалерія (equites singulares) имѣли тоже по 4 врача на когорту. Тоже было и во всѣхъ линейныхъ войскахъ, врачи которыхъ назылись „medici legionum" и во вспомогательныхъ.

себѣ всѣ необходимыя перевязочныя средства. Такъ, Діонисій Галикарнаскій [1]) разсказываетъ, что солдаты Антонія Клавдія въ 469 г. до Р. X., не желая сражаться противъ Вольсковъ, притворились ранеными, наложивъ повязки на здоровые члены (κατεθήσαντο ιάς αυτῶν οἱ πολλοὶ τοὺς ὑγιεῖς χρῶτας, ὡς τραυματίας). Какъ плохо тогда лѣчили раны, свидѣтельствуетъ Ливій [2]), говоря, что въ сраженіи при Сутріумѣ въ 309 г. до Р. X. „apud Romanos tantum vulnerum fuit, ut plures post proelium saucii decesserint quam ceciderant in acie“. Во времена императоровъ появился родъ военно-полевыхъ лазаретовъ, — Valetudinarium. Это были въ началѣ лагерныя палатки, предназначенныя для тяжело раненныхъ и больныхъ солдатъ; позже при постоянныхъ лагеряхъ стали воздвигаться болѣе прочныя постройки. Valetudinarium было устраиваемо, какъ только въ какомъ нибудь мѣстѣ собиралось 5—6 легіоновъ: тутъ же воздвигалось и Veterinarium, — родъ барака для больныхъ лошадей. Оба устраивались на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы работа на кузнѣ, находившейся подлѣ Veterinarium, не могла безпокоить больныхъ солдатъ. Оба зданія были 60-ти футовъ длиною и столько же шириною и были приспособлены къ помѣщенію 200 человѣкъ. Врачи, работавшіе при valetudinarium, назывались „medici a valetudinario“: туже миссію исполняли, вѣроятно, и „medici elinici“ и „medici castrenses“ [3]). Существовали также „Optiones valetudinarii“, — смотрители за хозяйствомъ, т. е. надъ бѣльемъ, провизіей и т. п. „Curator operisarmarii“ имѣлъ попеченіе объ инструментахъ, перевязочныхъ средствахъ, медикаментахъ и т. п. Были и врачи-ветеринары [4]). Все военно-санитарное дѣло находилось въ рукахъ особаго интендантскаго чиновника, „Praefaectus castrorum“ (tribunus, comes). Во флотѣ, заведенномъ при Августѣ, на каждую трирему назначался врачъ, на нѣкоторыхъ сверхъ того находился еще и окулистъ.

Всѣ военные и флотскіе врачи были изъ вольноотпущенниковъ, или иностранцевъ, пріобрѣвшихъ право гражданства, ибо только римскіе граждане могли находиться на государственной службѣ. Они пользовались вообще всѣми привелегіями врачей и, находясь на дѣйствительной службѣ, освобождались еще отъ нѣкоторыхъ всеобщихъ, всесословныхъ повинностей [5]): они имѣли также то преимущество, что составленное ими на войнѣ завѣщаніе, даже будучи не вполнѣ формальнымъ, признавалось законнымъ, при-

---

1) Autiquit. Roman. IX, 50.

2) Liv. IX, 32.

3) Brian, l. c. p. 27.

4) Herophilus equarius medicus Marium septies consulem avum sibi vindicando ita se extulit, ut coloniae veteranorum complures, et municipia splendida, collegia fere omnia patronum adoptarent. Val. Max. IX, 15.

5) Cod. Iust. X. 52. 1.

вилегія, дарованная всѣмъ военнымъ [1]). Кажется, имъ было, предоставлено спеціальное право требовать „in integrum restitutio" [2]); жалованье они получали частью деньгами, частью съѣстными припасами; нѣкоторые изъ нихъ въ особую награду или послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы получали двойной окладъ (medici duplarii). Всѣ они были въ числѣ унтеръ-офицеровъ; между ними не существовало никакихъ іерархическихъ степеней, и они были вооружены, какъ и остальные воины. На колоннѣ Траяна изображены двое вооруженныхъ военныхъ врачей, перевязывающихъ раны и извлекающихъ стрѣлы [3]); нѣкоторые изъ врачей достигали особыхъ почестей, такъ, Stertinius Xenophon за свою военно-врачебную дѣятельность удостоился полученія отъ императора Клавдія „coronam auream" и „hostam puram"; будучи назначенъ лейбъ-медикомъ, онъ пользовался такимъ вліяніемъ, что былъ назначенъ статсъ-секретаремъ по греческимъ дѣламъ. Его родина преимущественно благодаря ему была освобождена отъ податей; онъ былъ правителемъ священнаго острова, на которомъ находился храмъ Эскулапа, и все это не помѣшало ему отравить своего благодѣтеля Клавдія, въ угоду императрицѣ Агриппинѣ. Нѣкоторые изъ военныхъ врачей переходили иногда въ гражданское вѣдомство, занимая должности городскихъ врачей [4]).

Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что институтъ военныхъ врачей встрѣчалъ не совсѣмъ дружелюбное отношеніе со стороны многихъ закаленныхъ въ бояхъ военоначальниковъ, ибо rei militaris periti plus quotidiana exercitia ad sanitatem putaverunt prodesse quam medici [5]).

Перейдемъ теперь къ врачамъ императоровъ,—archiatr'амъ Sacr. Palatii.

Первымъ придворнымъ врачемъ былъ Андромахъ, получившій при Неронѣ званіе архіатра, затѣмъ Александръ Северъ далъ его всѣмъ своимъ лейбъ-медикамъ; Деоклетіанъ уже выработалъ законоположеніе о нихъ.

Говорятъ, что Неронъ возвелъ своего врача Андромаха въ новоучрежденное званіе архіатра, чтобы тѣмъ отличить его отъ остальныхъ врачей, а такъ какъ Андромахъ былъ не только прекраснымъ практикомъ, но и хорошо преподавалъ медицину, то императоръ и поручилъ ему надзоръ за другими врачами. (Галенъ). Нѣкоторые производятъ слово архіатръ отъ ἀρχὸς τῶν ἰατρῶν, другіе отъ ἰατρὸς τοῦ ἄρχοντος. Первое правдоподобнѣй [6]),

---

[1]) Ulp. XXVII. 13. Dig. de bonor. posses. ex testam mil. lib. Dig. XXX de test. mil.

[2]) Militum medici, quoniam officium quod gerunt et publico prodest, et fraudem eis adferre non debet, restitutionis auxilium implorare possunt. Dig. IV. 7. 38. 2.

[3]) Puschmann, l. c. 112.

[4]) См. напр. надпись у Orelli № 3507.

[5]) Vegetius de re militari III, 2.

[6]) Hecker, l. c. II, 4 и Pyl., l. c. Heft. II, 194.

ибо безспорно лучшій изъ врачей назначался лейбъ-медикомъ и тѣмъ самымъ являлся уже высшею инстанціею для остальныхъ врачей. Многіе утверждаютъ, что archiatri существовали даже въ такихъ городахъ, гдѣ вовсе никогда не жили императоры, а что этотъ титулъ относился ко всякому, болѣе или менѣе выдававшемуся врачу, особенно къ находившемуся на государственной или общественной службѣ [1]). Этотъ титулъ вошелъ въ общее употребленіе лишь при Константинѣ В. по эдикту 326 года [2]). До насъ дошло нѣсколько надгробныхъ надписей на могилахъ врачей императоровъ [3]).

Oribasius разсказываетъ, что по повелѣнію Юліана были собраны со всего государства архіатры, изъ которыхъ были избраны для императорскаго двора 72 лучшихъ, въ тотъ числѣ и онъ.

Archiatri Sacri Palatii:

I. Состовляли особую коллегію.

II. Число ихъ зависѣло отъ благоусмотрѣнія императора [4]).

III. Они пользовались всѣми льготами archiatr'овъ populorum.

IV. Они получали жалованіе, которое самъ императоръ имъ назначалъ изъ своей кассы. Такъ, напр., Александръ Северъ имѣлъ 7 архіатровъ; одинъ изъ нихъ получалъ деньги и провіантъ, а остальные съѣстные припасы (по 2 порціи на человѣка). При другихъ императорахъ лейбъ-медики Cassius, Colpelanus, Albutius и др. получали до 25,000 сестерцій жалованья. Stertinius же при Клавдіи требовалъ жалованья не менѣе 50,000 сестерцій, показывая, что его частная практика давала ему до 60,000; столько же получалъ и младшій братъ его Arruntius. Не смотря на то, что оба брата большую часть своего состоянія истратили на постройки и украшенія Неаполя, они все таки оставили наслѣдство въ 30 милліоновъ каждый [5]).

V. Они не имѣли ничего общаго съ archiatri populares: если кто нибудь изъ нихъ желаль перейти въ число вторыхъ, то баллотировался, какъ и всякій другой кандидатъ, безъ всякихъ преимуществъ.

Какъ видимъ, матеріально городскіе врачи были лучше поставлены, поэтому очень часто лейбъ-медики переходили въ ихъ коллегію. Въ виду этого позже стали архіатрамъ Sancti Palatii давать особые титулы, чтобы хотя внѣш-

---

1) Gaup. l. c

2) Briau, le Clerc, Goldhorn l. c.

3) Goldhorn, l. c. p. 4.

4) При Тиберіи придворными врачами были Menekrates, изобрѣтатель Empl. Diachylon Endemus и Chariebus при Клавдіи I: Menecrates, Cajus Sterninius Henophon, Vectius Valens при Неронѣ: Thessabus и Andromachus, при Домиціанѣ Lucius Arruntius Sempronius Asclepiades, котораго Плиній называетъ извѣстнѣйшимъ и богатѣйшимъ врачемъ своего времени; при Коммодѣ—Галенъ.

5) Plin., XXIX, 5.

нимъ блескомъ вознаградить ихъ за матеріальныя потери, которыя они несли, не занимаясь частною практикою. Сначала ихъ награждали титуломъ Vir perfectissimus, благодаря которому ихъ судьей былъ лишь Vicarius Praefecti; о нихъ говорилось и писалось не иначе, какъ съ прибавленіемъ V. P. Этотъ титулъ давалъ нѣкоторыя преимущества, которыя наслѣдовались дѣтьми и внуками такихъ врачей. Всѣ же остальныя лица, желавшія пріобрѣсти его, должны были быть по своему рожденію свободными и не заниматься низкимъ ремесломъ, при чемъ должны были вносить за титулъ довольно значительную сумму. Даромъ онъ давался, кромѣ лейбъ-медиковъ, только ученымъ и за особыя государственныя заслуги [1]). Еще болѣе почетнымъ былъ титулъ Comes, которыхъ было 3 класса; comes тоже, что нашъ свитскій. Сперва только лица, ближайшія къ императору, назывались comites; затѣмъ этотъ титулъ могли получать всѣ жившие во дворцѣ; съ нимъ не была сопряжена какая нибудь опредѣленная должность или обязанность. Comes primi ordinis титуловался первый лейбъ-медикъ, который въ то же время былъ и Praesul Archiatrorum; остальные же врачи, смотря по расположенію императора, получали титулъ Comes II et III ordinis—и назывались Comes et archiatrus Santci Palatii, comes или archiater. До насъ дошла формула, по которой производилось возведеніе въ этотъ санъ; она между прочимъ гласила: „Мы потому украшаемъ тебя съ сего часа титуломъ Comitis Archiatri, дабы ты среди повелителей здоровья занималъ почетное положеніе и дабы спорящіе подчинялись твоему рѣшенію... Почетное положеніе, при которомъ сознаешь, что мудрецы твои подчиненные, и что ты высоко чтишься тѣми, которыхъ всѣ остальные очень уважаютъ... Опытному архіатру пульсъ долженъ говорить, что природа внутри терпитъ. Моча должна быть показываема ему, дабы, обладая этимъ симптомомъ, онъ не былъ бы вынужденъ руководствоваться лишь стенаніями больного... тебѣ даруется право ослаблять насъ постомъ, тебѣ даруется право противостоять нашимъ желаніямъ“ и т. д. Brion [2]) говоритъ: „la charge de Praesul Archiatrorum ne dura pas longtemps“. Кромѣ перваго лейбъ-медика, титулъ Comes primi ordinis получали правители провинцій, знаменитые и заслуженные художники и лица, успѣшно занимавшіяся болѣе 20 лѣтъ преподаваніемъ наукъ и искусствъ въ Константинопольской академіи. Ко всѣмъ comites обращались не иначе, какъ называя ихъ Praesul Spectabiles. Позже этотъ титулъ могъ пріобрѣтаться или за большую цѣну или по расположенію императоровъ (aut praetio aut gratia [3]). Въ V сто-

---

[1]) Cod. Justin. de nataral. liberis l. 1, Cod. Theodos. de perfectitum. dignitate l. 1.

[2]) Brian l'archiatrie p. 86.

[3]) L. I. Cod. Theodos. de quaestorb. mag. off. comitis et R. p. L. 1.

лѣтіи придворные врачи были уравнены въ своихъ правахъ съ vicariis и ducibus [1]).

Обязанности всѣхъ титулованныхъ архіатровъ Sacri Palatii состояли въ томъ, что они должны были intra palatium militare во всеоружіи своего знанія и тѣхъ средствъ, которыми располагала современная имъ наука, противъ тѣлесныхъ недуговъ императора и его двора. Имъ предписывалось прилежно изучать сочиненія знаменитыхъ предшественниковъ; но нѣкоторые изъ нихъ предпочитали заниматься политическими интригами. Какъ, напр., Vectius Valeus, лейбъ-медикъ Клавдія, который, благодаря своему соучастію въ преступной связи императрицы Месалины съ Суліемъ, а позже въ ввиду личной любовной связи съ нею, былъ всесильнымъ царедворцемъ; его самолюбію сильно льстило, что къ нему очень часто прибѣгали сильные имперіи, чтобы у него найти помощь въ минуты когда страдало ихъ честолюбіе или положеніе [2]). Большое политическое вліяніе имѣлъ также Eudemus, служившій повѣреннымъ въ преступной связи Ливіи, жены Цезаря—Друза, (сына Тиберія) съ Сеяномъ. Онъ участвовалъ въ заговорѣ на жизнь Друза и позже самъ сошелся съ Ливіей, пользуясь своимъ положеніемъ врача, которому было дозволено безпрепятственно навѣщать ее. На пыткѣ онъ сознался въ своемъ преступленіи и былъ казненъ [3]).

Отдѣльныя лица, благодаря расположенію императоровъ, занимали высокіе посты; такъ, Vindicianus, лейбъ-медикъ Валентиніана, былъ проконсуломъ Африки; Antonius—префектомъ Иллиріи.

Archiatri populorum et Sacri palatii, по выходѣ въ отставку, назывались exarchiatri и пользовались всѣми раньше пріобрѣтенными правами и преимуществами.

Всѣ эти постановленія имѣли силу во все время существованія Западной Римской Имперіи, и даже Готы удержали ихъ. Одно лишь измѣнилось съ теченіемъ времени, именно, льготами стали пользоваться всѣ безъ исключенія врачи—medici.

Всѣ эти законы, при установленіи которыхъ руководились самыми искренними благожеланіями, не достигли той цѣли, для которой они создавались. Они улучшили бытъ, общественное и матеріальное положеніе врачей, но не въ состояніи были поднять уровень ихъ медицинскаго образованія; они не могли поднять на прежнюю высоту медицину, которая со

[1]) Cod. Theod. VI, 16.

[2]) Tac. Ann. XI, 31, 35. До насъ дошли отрывки изъ его сочиненій; лучшій—это классификація воспаленій горла, которая у древнихъ пользовалась извѣстностью.

[3]) Tac. Ann. IV, 3, 11: Онъ былъ ученикомъ Темисана. Отъ него дошло до насъ нѣсколько наблюденій надъ собачьимъ бѣшенствомъ у людей, между прочимъ онъ видѣлъ случай, въ которомъ припадки гидрофобіи наступали при видѣ слезъ.

ременъ Галена переживала періодъ упадка и приближалась къ моменту юлнаго паденія. Законы создали лишь титулованныхъ врачей, всѣ помыслы которыхъ были направлены на наживу и на пріобрѣтеніе титуловъ. Наука іе можетъ развиваться такъ, какъ ей предписываютъ; она не открываетъ ама неизсякаемыхъ родниковъ своихъ богатствъ предъ высокотитулованными крецами ея и не надѣляетъ ими каждаго изъ нихъ сообразно табели о ранахъ; она требуетъ неутомимыхъ тружениковъ, которые сами пытливо разраатывали-бы ея чудный кладъ, легко дающійся лишь избраннымъ, владѣющимъ волшебнымъ талисманомъ,—терпѣніемъ, любовью и уваженіемъ къ наукѣ. Такихъ людей не было въ ту эпоху. Античный міръ съ его культурою, зыческою религіею, безумною роскошью и полною разнузданностью нравовъ разлагался; на арену исторіи выдвигались новые молодые народы съ инымъ умственнымъ складомъ, съ другими идеалами. Всходила заря новой, христіанской вѣры съ ея высоконравственными принципами, смиреніемъ и аскетизмомъ. Вслѣдствіе столкновенія этихъ двухъ міровъ, мракъ суевѣрія и невѣжества сгустился еще болѣе, свѣточъ науки сталъ меркнуть. Умы всѣхъ въ это время были заняты другими вопросами, политическими, соціальными и религіозными. И наша наука, зародившаяся въ египетскихъ храмахъ, полныхъ мистицизма, гдѣ она окружала жрецовъ ореоломъ сверхъестественности и служила имъ орудіемъ для порабощенія народныхъ массъ, должна была оставить въ сторонѣ титулованныхъ архіатровъ, которые наружнымъ блескомъ прикрывали внутреннюю пустоту и пользовались ею, какъ средствомъ для наживы и интриги; она должна была снова возвратиться въ свою колыбель, во храмъ. Теперь медицина нашла себѣ убѣжище за мрачными монастырскими стѣнами, въ непривѣтныхъ кельяхъ аскетовъ монаховъ, которые занялись ею во имя науки и любви къ ближнему и сдѣлали ее орудіемъ высокаго христіанскаго благочестія.

Ф. Л. Германъ.

Къ исторіи низшихъ духовныхъ и общественныхъ школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ.

Высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Бѣлгородской епархіи для образованія духовенства (а также—дворянства и другихъ сословій) былъ, какъ извѣстно, Харьковскій Коллегіумъ, основанный въ 1726 году Бѣлгородскимъ епископомъ Епифаніемъ (1722--1731), при содѣйствіи князя М. М. Голицына, управлявшаго въ то время Слободской Украйной. Но представлять всѣхъ духовныхъ дѣтей, со всей епархіи, прямо въ это училище оказывалось крайне неудобнымъ какъ по отдаленности Харькова отъ многихъ мѣстъ въ епархіи, такъ и по причинѣ стѣсненія въ квартирахъ и дороговизны содержанія, вслѣдствіе безпрестаннаго квартированія въ Харьковѣ воинскихъ людей. Поэтому архіепископъ Петръ Смѣличъ озаботился (указомъ 1 апрѣля 1737 г.) открыть, въ качествѣ приготовительныхъ къ коллегіуму. нисшія славяно-латинскія школы, соотвѣтствующія нисшимъ классамъ коллегіума, въ городахъ: *Бѣлгородѣ*, причисляя къ нему ближайшіе города—Хотмыжскъ, Карповъ, Нежегольскъ, Корочу, Яблоновъ; *Курскѣ*, причисляя къ нему Обоянь, Судьжу, Мирополье; *Старомъ Осколѣ*, причисляя къ нему Новый Осколъ, Валуйки, Усердъ, Ольшанскъ, Верхососенскъ. Прочіе же города, посредственною близостію состоящіе къ Харькову, а иные въ такомъ же разстояніи отъ него, какъ и отъ Бѣлгорода, причислялись къ Харькову.

Исторія этихъ школъ мало извѣстна. „Нѣкоторыя свѣдѣнія" о нихъ сообщены, на основаніи архивныхъ документовъ Курской Духовной Консисторіи, г. Чистяковымъ въ Курск. епарх. вѣдом. 1873 г. №№ 14, 17 и 18. Пользуясь этими свѣдѣніями, я пополняю ихъ по другимъ документамъ, извлеченнымъ частію изъ архива той же Курской Консисторіи, а частію и изъ другихъ архивовъ—Харьковской Духовной Консисторіи, Бѣлгородскаго Николаевскаго и Курскаго Знаменскаго монастырей; но и въ этомъ восполненномъ видѣ свѣдѣнія остаются, къ сожалѣнію, все-таки краткими, скудными, отрывочными, и только интересъ предмета (по крайней мѣрѣ—мѣстный) побуждаетъ не пренебрегать и такимъ восполненіемъ.

Бѣлгородская школа учреждена была при Бѣлгородскомъ Николаевскомъ монастырѣ; въ монастырѣ жили и учители школы, а также и бѣднѣйшіе изъ учениковъ, пользуясь полнымъ содержаніемъ отъ монастыря, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго, посланнаго изъ Казеннаго Приказа архіепископа Петра Смѣлича къ намѣстнику Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря, указа отъ 14 сентября 1739 года:

„Сего года Сентября 6 дня бѣлоградскаго уѣзда, Кореннаго, села Лозоваго, Николаевской церкви пономарь Кондратъ Черняевъ просилъ объ опредѣленіи дѣтей его, Антона да Никиту, въ тотъ монастырь для пропитанія, понеже онъ, за совершенною своею скудостію, оныхъ дѣтей своихъ пропитать не можетъ, а оные дѣти его обучаются бѣлоградскаго *гимназіума* въ славяно-латинскихъ школахъ, того ради, по силѣ саморучно подписаннаго Его Преосвященствомъ прошлаго 1738 года Мая 5 дня опредѣленія, велѣно тебѣ Намѣснику оныхъ дѣтей его, Антона да Никиту, въ тотъ Николаевскій монастырь принять и содержать противъ прочихъ, имѣющихся въ томъ монастырѣ, неимущихъ школьниковъ на пропитаніи монастырскомъ между братіею... А что имѣющимся въ томъ монастырѣ кому имянно неимущимъ школьникамъ на одежду и обувь и на прочее издержано денегъ, такожь всѣ ли оные по прежнему указу въ томъ монастырѣ имѣются, или кто куда отбылъ, о томъ въ казенный приказъ прислать вѣдомость въ самой скорости“.

Каковъ былъ составъ преподаванія въ этомъ „гимназіумѣ“ и каковы были (или, по крайней мѣрѣ, должны были бы быть, по предписанію начальства) дисциплинарные порядки въ школѣ, — объ этомъ нѣкоторое понятіе можетъ дать указъ того же архіепископа Петра (отъ 30 Генв. 1738 года) на имя директора школы, іеромонаха Авксентія, гдѣ между прочимъ, значится:

„По увѣдомленію объ обученіи въ бѣлгородскомъ гимназіумѣ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, къ обученію оныхъ находятся: славяно-латинской наукѣ—Романъ Мокренскій, пѣнію—изъ пѣвчихъ тенористъ Ѳома Горубаровскій, живописному—Иванъ Денисовъ, писанію—консисторскій копіистъ Яковъ Леонтьевъ, изъ которыхъ вышеупомянутый учитель Романъ Мокренскій находится первымъ, а подъ командою и вѣдѣніемъ всѣ они состоятъ опредѣленнаго духовника іеромонаха Авксентія, которому надлежитъ за тѣми учителями смотрѣть накрѣпко, чтобы дѣтей обучали всетщательно безъ всякаго оныхъ затрудненія и напраснаго, паче же неосмотрительнаго наказанія; того ради, по указу Ея И. В., Петръ архіепископъ бѣлоградскій и обоянскій приказалъ: въ бытность оныхъ учителей при обученіи, самимъ имъ дѣтей жестоко ни за что не наказывать, а обучать при надсматриваніи директора духовника іеромонаха Авксентія и сла-

вяно-латинской науки магистра Романа Мокренскаго всетщательно и выучивать, елико возможно, понятно, чего имъ, духовнику и магистру, самимъ надлежитъ смотрѣть накрѣпко и притомъ же всячески примѣчать, чтобы никакихъ школьнымъ правамъ противностей ни отъ кого отнюдь не происходило; ежели же что явится отъ кого либо противнаго, такихъ, смотря по винѣ, директору наказывать, а въ сумнительствѣ доносы чинить Его Преосвященству". Указъ велѣно объявить въ собраніи учителей и учащихся „съ прочетомъ", а учителямъ и съ подпискою.

Учебная программа Бѣлгородскаго „гимназіума", при архіепископѣ Петрѣ Смѣличѣ, обнимала, такимъ образомъ, слѣдующіе предметы: русское письмо, пѣніе, рисованіе и латинскій языкъ (конечно въ начаткахъ). Какъ шло учебное дѣло далѣе,—свѣдѣній не имѣется; изъ документовъ видно только, что въ 60-хъ годахъ бѣлгородскій гимназіумъ почему то закрылся. и въ 1769 г. Бѣлгородское духовенство, не желая отправлять своихъ малолѣтнихъ дѣтей для обученія въ Харьковъ, подало Преосвященному Самуилу прошеніе объ открытии вновь въ Бѣлгородѣ школы, притомъ—не латинскаго только, но и греческаго языковъ. Указавъ на то, что въ домѣ Его Преосвященства имѣется студентъ коллегіума Иванъ Петровъ Ильинскій, который славяно-латинскому языку нѣкоторыхъ уже и обучаетъ и которому желали бы и другіе отдать своихъ дѣтей для обученія съ таковымъ пристойнымъ награжденіемъ, какъ благоугодно будетъ указать его Преосвященству, просители всепокорнѣйше просили Преосвященнаго Самуила объ учрежденіи при домѣ Его Преосвященства славяно-греко-латинской школы; а пока оная будетъ учреждена, повелѣть упомянутому Студенту Ильинскому дѣтей ихъ, просителей, для обученія славяно-латинскому языку принять и о томъ милостивую архипастырскую резолюцію учинить.

Резолюція 11 авг. 1769 г. учинена таковая:

Первое. Дѣтямъ священно и церковно-служителей города Бѣлгорода дозволить здѣсь въ Бѣлгородѣ первымъ основаніямъ латинскаго языка учиться и по тѣхъ точію поръ, пока они способными сдѣлаются къ высшимъ латинскимъ школамъ. А послѣ того непремѣнно отсылать въ Харьковъ.

Второе. Оной школѣ быть при домѣ нашемъ, почему и отвесть одну келлію пустую ненужную, и о томъ изъ консисторіи къ эконому дому нашего послать указъ. *Точію для топленія оной келліи должны просители доставлять дрова.*

Третье. Обучать оныхъ дѣтей дозволить студенту Ильинскому, здѣсь въ Бѣлгородѣ находящемуся, въ опредѣленные часы за вознагражденіе такое, о каковомъ сами они между собою добровольно договоръ учинять.

Четвертое. Оной школѣ быть подъ вѣдомствомъ и смотрѣніемъ и управленіемъ бѣлгородскаго собора Смоленскаго протопопа Кирилла Са-

вурскаго, яко учительнаго человѣка и къ оному дѣлу по своимъ качествамъ способнаго, который долженъ и порядокъ ученія сдѣлать и намъ доложить письменно.

При слѣдующемъ Преосвященномъ Аггеѣ (1774—1786), Бѣлгородское духовенство просило о преобразованіи этой славяно-латинской школы въ „Малую Семинарію „до піитическаго класса“ и получило, въ отвѣтъ на эту просьбу, въ указѣ Преосвященнаго отъ 16 Октября 1775 года такое рѣшеніе: 1) для обученія начальнымъ основаніямъ и правиламъ латинскаго языка всѣхъ Бѣлгорода уѣздныхъ и другихъ ближайшихъ къ Бѣлгороду, нежели къ Харькову, мѣстъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей быть въ Бѣлѣградѣ до піитическаго класса семинаріи, которую завесть въ здѣшнемъ Бѣлоградскомъ Николаевскомъ монастырѣ, гдѣ и отвесть для классовъ усмотренные нами весьма къ тому способные состоящіе тамъ праздные покои. 2) Учителемъ въ оныхъ классахъ быть Каѳедральнаго нашего собора священнику Іоанну Пономареву, яко способному къ тому человѣку, съ полученіемъ таковаго за трудъ отъ родителей и родственниковъ учениковъ тѣхъ награжденія, о каковомъ они добровольно между собою общественно учинятъ договоръ, 3) оному учителю сочинивъ согласный духовному регламенту о расположеніи ученія и времени планъ представить на аппробацію, и по аппробаціи не иначе поступать въ своей должности, какъ по точной силѣ и содержанію изображенныхъ въ ономъ правилъ. 4) во оныхъ училищахъ чрезъ нынѣшній годъ, въ разсужденіи новаго оныхъ начатія, быть одному токмо нисшему грамматическому классу, а по окончаніи онаго и должномъ пріуготовленіи учениковъ, учредить другой высшій грамматическій или такъ просто называемый синтаксическій классъ, въ который, по усмотрѣнію и достоинству, и перевесть достойныхъ учениковъ на слѣдующій годъ. 5) по окончаніи синтаксическаго класса, всѣхъ достойныхъ учениковъ отсылать на третій годъ въ Харьковскую коллегію непремѣнно, гдѣ, по обыкновенномъ экзаменѣ, и переводить ихъ прямо въ піитическій классъ, 6) со всѣмъ тѣмъ, если кто пожелаетъ дѣтей своихъ прямо отсылать въ Харьковскую коллегію и въ самомъ началѣ, оное оставляется на ихъ волѣ; но Консисторія и подвѣдомственныя ей духовныя правленія недремлющимъ окомъ имѣютъ наблюдать и принять всѣвозможныя мѣры, чтобы отнюдь ни подъ какимъ видомъ нигдѣ никакого и ни отъ кого не было священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ отъ училищъ укрывательства, но по силѣ инструкціи всѣ они въ Бѣлоградскую семинарію или въ Харьковскую коллегію непремѣнно были бы въ подлежащее время посылаемы, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неопустительнаго оштрафанія. 7) Что принадлежитъ до дровъ для топленія тѣхъ покоевъ, разныхъ случающихся мелкихъ починокъ, также и человѣка для

топленія, содержанія въ покояхъ должной чистоты и другихъ нуждъ, о всемъ томъ должны просители и другіе, чьи дѣти въ классахъ, сами въ духовномъ правленіи учинить надлежащее расположеніе, чтобы ни въ чемъ никакого не было упущенія и чрезъ то не послѣдовало бы въ ученіи остановки.

А Проосвященный Θеоктистъ, преемникъ Аггея, предвидя скорое раздѣленіе Бѣлогородской епархіи на Харьковскую (Слободо-Украинскую) и Курскую, которое при немъ дѣйствительно и состоялось (онъ былъ послѣднимъ изъ Бѣлогородскихъ и первымъ—съ 1799 г.—изъ Курскихъ архіереевъ), позаботился, въ видахъ приготовленія для будущей Курской епархіи высшаго духовно-учебнаго заведенія, возвести малую въ Бѣлгородѣ Семинарію на степень полной Семинаріи; съ этою цѣлію постепенно открывалъ въ ней, одинъ за другимъ, слѣдующіе за піитыкой классы до богословія включительно,—и съ 1790 года въ Бѣлгородской Семинаріи сталъ преподаваться уже полный курсъ наукъ тогдашней Семинарской программы.

Иная судьба была двухъ другихъ училищъ, открытыхъ при архіепископѣ Петрѣ Смѣличѣ—Старо-Оскольскаго и Курскаго.

Въ 1741 году указомъ изъ казеннаго архіерейскаго дома (отъ 17 окт. того года при преосвященномъ Антоніѣ) Старо-Оскольская славяно-латинская школа была закрыта. Священно-церковно-служительскихъ дѣтей, обучавшихся въ ней, велѣно перевести въ Курскую славяно-латинскую школу: а болѣе подготовленыхъ въ Бѣлгородъ; по закрытіи же Славяно-латинской школы въ Курскѣ (о чемъ рѣчь ниже) духовенство бывшаго Старо-Оскольскаго учебнаго Округа (по крайней мѣрѣ—городовъ Корочи, Усерда и Полатова съ уѣздами) должно было представлять своихъ дѣтей для обученія въ Дмитріевскую или Яблоновскую Семинарію, учрежденную преосвященнымъ Іоасафомъ Миткевичемъ (1758—1763 г.) въ Слободѣ Дмитріевкѣ Яблоновскаго уѣзда. А когда и эта Семинарія была закрыта указомъ Преосв. Порфирія—отъ 18 Марта 1764 г. (по тому, значащемуся въ указѣ мотиву, что „оная семинарія опредѣлена не въ силѣ указовъ и находится подъ присмотромъ одного директора, въ коей учениковъ находится сто пятьдесятъ человѣкъ, и одному наблюдать за оными учениками не безъ трудности, почему успѣха добраго въ ученіи ожидать не надежно, а въ Харьковскомъ Коллегіумѣ школы поручены въ вѣдѣніе архимандрита и ректора и смотрѣніе префекта, подъ коимъ смотрѣніемъ дѣти безъ потерянія времени ученіе препровождать будутъ, а потому и коштъ на содержаніе оной семинаріи употребляется излишній“...), духовенству означеннаго округа предписано было представлять своихъ дѣтей прямо въ Харьковъ. Тяготясь этою отсылкой своихъ дѣтей въ отдаленный и дорогой для жизни Харьковъ, духовенство Стараго-Оскола и Старооскольскаго уѣзда подало преосвященному

Самуилу, 7 сент. 1769 года, просьбу о возстановленіи въ Старомъ Осколѣ славяно-латинской школы противъ прежняго обыкновенія, „куда мы въ ученіе съ охотою своихъ дѣтей отдавать должны“. Подъ прошеніемъ подписалось 16 человѣкъ священниковъ и причетниковъ. Но въ просьбѣ было отказано резолюціей такого содержанія: „для такого малого числа нельзя утверждать школы тамъ, а велѣть непремѣнно имъ въ Харьковъ, или въ Бѣлгородъ отдавать, и о томъ въ Старый Осколъ къ духовному управителю послать указъ“.—Старо-Оскольское училище было возстановлено уже потомъ—при упомянутомъ преосвященномъ Ѳеоктистѣ, который заботливо открывалъ для будущей Курской епархіи и другія училища—въ Путивлѣ, Рыльскѣ, въ помощь заводимой имъ въ Бѣлгородѣ семинаріи.

Курское училище, подобно Бѣлгородскому, было учреждено также въ монастырѣ—Курскомъ Знаменскомъ, гдѣ принято однакожъ было, по крайней мѣрѣ по началу, совсѣмъ негостепріимно; келья, отведенная для училища, была и тѣсна, и ветха; наружная стѣна раскололась сверху до самаго фундамента, кирпичи со стѣнъ падали, въ келью подъ часъ дождь зѣло текъ, (такъ значится въ жалобѣ учителя школы Кондратовича—отъ 14 сент. 1738 г.).

Съ переходомъ въ 1742 г. въ Курскъ учениковъ Старо-Оскольскаго училища, Курское училище увеличилось и по числу учениковъ и по составу наставниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно расширилось и въ помѣщеніи, но улучшилось ли помѣщеніе въ качественномъ отношеніи, неизвѣстно. Училище было раздѣлено на 4 класса, изъ которыхъ въ первыхъ двухъ изучали русскую граммату—чтеніе и письмо, катихизисъ и церковное пѣніе (послѣдніе два предмета продолжали изучать и въ слѣдующихъ классахъ); въ послѣднихъ двухъ главнымъ образомъ—латинскую грамматику; всѣхъ учениковъ въ четырехъ классахъ было отъ 180 до 200 человѣкъ. Но и это училище было, также неизвѣстно—почему, въ 1757 г. закрыто и открыто вновь только въ 1770 г. по просьбѣ Курскаго духовенства къ преосвященному Самуилу—слѣдующаго содержанія.

„Въ прошлыхъ годѣхъ при жизни Антецессора Вашего Преосвященства покойнаго Преосвященнаго Петра. Архіепископа Бѣлоградскаго и Обоянскаго, имѣлась въ Курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ учрежденная для обученія священно и церковно-служительскихъ дѣтей россійской грамотѣ и латынскаго языка, школа, гдѣ и обучались оныя священно и церковно-служительскія дѣти, какъ города Курска и Курскаго уѣзда, такъ и другихъ бѣлоградской епархіи городовъ, яко-то: Обояни, Мирополья и Суджи до четвертой школы; точію оныя школы оставлены. А нынѣ учреждена въ городѣ Курскѣ россійская школа, въ коей священно и церковно-служительскія дѣти и обучаются, а латинской школы еще не учреждено.

почему изъ дѣтей нашихъ, изучившихся россійской граммотѣ, выслано нѣсколько для обученія латинскаго языка въ Бѣлгородъ, гдѣ и опредѣлены въ учрежденную латинскую школу на нашемъ нижайшимъ коштѣ, куда и другихъ дѣтей, по изученію ими россійской грамоты, высылать велѣно, точію намъ нижайшимъ во ономъ Бѣлгородѣ дѣтей своихъ во ученіи содержать крайне невозможно, за тѣмъ, что въ томъ городѣ для пристанища дѣтямъ нашимъ къ найму способныхъ квартиръ, за недавнимъ у многихъ бѣлгородскихъ жителей дворовъ отъ бывшихъ пожаровъ сгорѣніемъ, не имѣется, и кому бъ за оными дѣтьми, по малолѣтству ихъ, призрѣніе имѣть не находится; а хотя изъ тѣхъ, отъ пожару мало-оставшихся, для найма нѣкоторыя квартиры и поступаютъ, точію за весьма дорогую цѣну, по которой цѣнѣ нанимать намъ очень несносно; ктомуже оный Бѣлгородъ состоитъ отъ города Курска въ немаломъ разстояніи, дѣтямъ привозить запасу, за неимѣніемъ у насъ нижайшихъ градскихъ священно и церковнослужителей ни людей, ни лошадей, крайне неначѣмъ, и содержать намъ отъ своего кошту своихъ дѣией въ Бѣлгородѣ находимся мы нижайшіе въ крайнемъ несостояніи, ибо за имѣющеюся въ городѣ Курскѣ не малою дороговизною хлѣбнаго и прочаго съѣттнаго припаса, а наипаче дровъ, и сами мы нижайшіе съ домашними своими пропитаніе имѣемъ по недостатку своему небезнуждное, а отъ таковаго въ другомъ городѣ дѣтей своихъ на своемъ коштѣ содержанія придти можемъ въ крайнее убожество и лишимся послѣднѣйшаго своего пропитанія; курскаго-жъ уѣзду многія селы находятся отъ Бѣлгорода еще далѣе Курска, откуда намъ нижайшимъ туда къ дѣтямъ своимъ для снабдѣнія ихъ въ надлежащихъ нуждахъ, за необходимыми церковными требами, также за домовою и въ лѣтнее время полевою работою, отчего только почти и пропитаніе имѣемъ, отлучиться весьма съ трудностію, ибо чрезъ таковыя въ рабочее время отлучки можемъ понести великіе убытки и лишить себя пропитанія, да изъ нашихъ-же, дѣтей многіе взяты въ военную службу и по взятіи снабжены нами одеждою и обувью и прочими нужными на первый случай и на путевое содержаніе принадлежностями, отчего пришли мы помалоимуществу нашему, въ наибольшій недостатокъ, за которымъ недостаткомъ оставшихся дѣтей своихъ, доспѣвающихъ къ объявленному ученію, содержать въ предписанномъ Бѣлгородѣ крайне нечѣмъ.—Того ради Вашего Преосвященства со всенижайшею нашею покорностію просимъ о учрежденіи вышеписанной латинской школы для обученія нашихъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей, коихъ имѣетъ быть не малое число, въ Курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ, какъ и прежде имѣлось, на что въ томъ монастырѣ и келлій праздныхъ довольно имѣется, и о опредѣленіи на нашъ коштъ изъ учителей по Вашему архипастырскому благоразсмотрѣнію для обученія до пятой и

лестой школы, пока кто изъ нихъ къ дальнѣйшему ученію явится пособнымъ".

Резолюція послѣдовала такая: 1) „Учредить латинскую школу въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ для священно и церковно-служительскихъ дѣтей дозволяется, чего ради и отвесть въ ономъ монастырѣ просторную келью и содержать оную всѣмъ къ ней потребнымъ коштомъ тамошнихъ священно и церковно-служителей; 2) въ оной школѣ учить только первымъ основаніямъ латинскаго языка и латинской грамматикѣ, а не болѣе; послѣ же способныхъ и латинскую грамматику хорошо разумѣющихъ высылать въ Харьковъ, точію не принимать въ ту школу, кои еще по русски читать и писать хорошо не обучились; 3) оной школѣ быть подъ вѣдомствомъ, смотрѣніемъ и управленіемъ Курскаго Знаменскаго монастыря архимандрита ова, и безъ него ничего не дѣйствовать; 4) въ оной школѣ быть учителемъ на коштѣ тамошнихъ священно и церковно-служителей по добровольному договору Курскаго уѣзду, усожскаго стану, села Рышкова, Архангельской церкви священнику Максиму Солнцеву, бывшему предъ симъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ Элоквенціи учителемъ; 5) кромѣ грамматики латинской, обучать также учениковъ въ субботу каждой седмицы чрезъ цѣлый день катехизису по напечатанной маленькой книжицѣ, называемой „Краткій катихизисъ для обученія малыхъ дѣтей Православному христіанскому Закону", сочиненной учителемъ Его Императорскаго Высочества архимандритомъ Платономъ, и о томъ, куда надлежитъ, послать изъ Консисторіи Указы, и притомъ велѣть при окончаніи каждаго года въ Декабрѣ мѣсяцѣ присылать о тѣхъ ученикахъ указную по формѣ вѣдомость".

Но Куряне, какъ оказалось, просили такъ слезно объ учрежденіи у нихъ славяно-латинской школы вовсе не изъ ревности къ просвѣщенію. Доношеніемъ въ Консисторію отъ 18 Октября 1773 года архимандритъ Курскаго Знаменскаго монастыря Викторъ о состояніи ученія въ сей школѣ изъяснялъ, что „ученики будучи по близости домовъ и по согласію на то отцовъ своихъ отъ той школы отлучаются и въ оную не являются, да и впредь чтобы явились ненадежно, потому что хотя тѣхъ учениковъ отцы за неявку дѣтей ихъ въ школу, по представленію его архимандрита, прошлаго 1772 года указомъ въ Консисторіи требованы и впредь къ отправкѣ сыновъ своихъ въ школу подписками обязаны, однако, не боясь того, дѣтей своихъ отъ школы отлучаютъ и въ домахъ своихъ укрываютъ, почему нынѣ ни одного ученика въ школѣ нѣтъ, о чемъ въ Духовное Правленіе хотя и неоднократно словесно даваемо было знать, но и оное Правленіе, по упрямству священниковъ, успѣха имѣть не можетъ, изъ чего безъ сомнѣнія заключить можно, что Курскіе и Курскаго уѣзда священники испросили себѣ латинскую школу въ Курскѣ не ради обученія дѣтей

своихъ, а ради единаго только укрывательства отъ онаго и ухищреннаго проведенія дѣтемъ своимъ до неуказныхъ къ ученію лѣтъ времени, и въ прекращеніе таковыхъ означенныхъ учениковъ самовольствъ, а отцамъ ихъ за штрафъ, означенную латинскую школу надлежитъ перевесть въ Харьковское училище вовсе, откуда ученикамъ за дальностію домовъ ихъ отлучаться и бѣгать, а отцамъ ихъ часто съ ними видаться и развращать и въ домы отъ училищъ увозить, не такъ будетъ удобно". Согласно этому мнѣнію архимандрита Виктора, Консисторія (новый епископъ, за выбытіемъ преосвящ. Самуила, еще не былъ назначенъ) указомъ отъ 1 Ноября 1773 года приказала: „въ Курскѣ славяно-латинской школѣ нынѣ не быть, а перевесть оную въ Харьковское училище. При Преосвященномъ Агеѣ Курскіе и нѣкоторые Курскаго уѣзда священно-церковно-служители хлопотали было опять о возстановленіи въ г. Курскѣ славяно-латинскаго училища и представили объ этомъ на имя Его Преосвященства прошеніе (1-го Февраля 1775 года) въ Духовное Правленіе, но Правленіе „за малоприкладствомъ рукъ и за неположеніемъ на оную Семинарію точнаго числа кошта сдѣлать по оному прошенію представленія Его Преосвященству не посмѣло". Возстановлено было училище уже при Преосвященномъ Ѳеоктистѣ.

Въ 1769 г., послѣ разрѣшенія, даннаго Преосвященнымъ Самуиломъ открыть въ Бѣлгородѣ славяно-латинскую школу, и духовенство Валуйской протопопіи обратились къ тому же Преосвященному съ просьбой такого содержанія:

„По силѣ Ея И. В. указовъ дѣти наши должны обучаться славяно-латинскому языку и прочимъ наукамъ, понеже они достигли уже до такихъ лѣтъ, а яко въ Бѣлогородѣ Вашимъ Преосвященствомъ учреждена школа, въ коей уже и обучаться священно и церковно-служительскія дѣти начали оному языку, то и мы нижайшіе на такомъ точно основаніи дѣтей своихъ тому языку обучать желаемъ, для чего и Студента изъ Харьковскаго Коллегіума ученика богословія Ивана Федорова сына Пономарева опредѣлить, а для надлежащаго въ томъ ученіи смотрѣнія препоручить Валуйской протопопіи Намѣстнику іерею Григорію Ясинскому всенижайше просимъ; оной же школѣ за способно и весьма сходственно какъ для нашихъ, такъ и другихъ околичныхъ городовъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей почитаемъ быть въ городѣ Валуйкахъ, и какъ подлежащія къ тому книги искупить, такъ и содержать онаго учителя по добровольному нашему съ нимъ договору на своемъ коштѣ обязуемся. Того ради Вашего Преосвященства всенижайше просимъ о дозволеніи дѣтей нашихъ для изученія славяно-латинскаго языка вышеписаннымъ Намѣстнику Григорію и Студенту Ивану Пономареву и о невысылкѣ въ Харьковскій Коллегіумъ милостивое архипастырское учинить благоразсмотрѣніе. Сентября дня 1769 года". Подъ

рошеніемъ подписались 13 человѣкъ (священники, дьяконы, дьячки, понофари). Резолюція: „учинить немедленно по сему прошенію". Но о дальнѣйшей судьбѣ этой школы, долго ли и какъ она существовала, свѣдѣній не имѣется.

Не всегда удовлетворяя просьбы духовенства объ учрежденіи, для той или другой мѣстности, школъ славяно-латинскихъ, иногда даже, какъ мы видѣли, и закрывая ихъ, епархіальное начальство, напротивъ, настоятельно требовало отъ духовенства заведенія школъ славяно-россійскихъ. Преосвященный Іоасафъ Миткевичъ (1758—1763), сколько можно судить по документамъ, первый предписалъ всѣмъ духовнымъ правленіямъ въ епархіи заводить такія школы на коштѣ самихъ священно-церковно-служителей, дозволивъ однако отцамъ, если пожелаютъ, учить своихъ дѣтей и на дому, съ такимъ письменнымъ обязательствомъ, чтобы, обучивъ ихъ въ извѣстные сроки россійской грамотѣ, отсылали потомъ для дальнѣйшаго обученія въ Харьковскій Коллегіумъ. Но это предписаніе, повидимому, надлежащаго дѣйствія не имѣло. Поэтому Преосвященный Самуилъ, заботясь о заведеніи въ епархіи славяно-россійскихъ школъ, нашелъ нужнымъ дать на этотъ счетъ болѣе рѣшительное предписаніе—въ указѣ отъ 13 Іюля 1769 года такого содержанія:

„По высылкѣ въ школы дѣтей, славянороссійской грамотѣ обучившихся, безъ сомнѣнія великое число останется еще въ домахъ такихъ, кои россійской грамотѣ, такомъ пѣніи и письму не минуемо должны обучаться; не безъизвѣстно же изъ повседневнаго опыта, что отцы ихъ о скорѣйшемъ научении дѣтей своихъ россійской граматѣ крайне не радятъ и по большей части допущаютъ самыя способныя къ наукамъ ихъ лѣта единственно препровождать въ праздности, извиняясь тѣмъ, что по причинѣ своей экономіи и за исправленіемъ въ приходахъ своихъ христіанскихъ требъ, не могутъ сами ихъ грамотѣ обучать, а къ тому другаго средства сыскать якобы не могутъ. Въ отвращеніе сего непорядка и въ пресѣченіе таковаго неправильнаго извиненія предписывается учредить по способности во всѣхъ городахъ, гдѣ духовныя правленія состоятъ, россійскія школы на коштъ священно и церковно-служителей, въ которыя съ перваго числа слѣдующаго Сентября сего года и впредь, собравъ дѣтей, не обучившихся еще россійской грамотѣ, опредѣлить имъ изъ діаконовъ или церковно-причетниковъ учителя, умнаго, честнаго, а паче всего трезвеннаго и добродѣтелями наполненнаго человѣка, который бы дѣтей училъ во первыхъ чисто и ясно читать по россійски, особливо съ разумомъ, по точкамъ, по оксіямъ, вперяя въ мысли и сердца ихъ страхъ Божій, вкореняя въ нихъ добрые нравы, честное, скромное и добродѣтельное обхожденіе, потомъ писать, и въ письмѣ наблюдать красоту и самый лучшій почеркъ, къ чему могутъ

служить печатныя прописи, коихъ по числу протопопій, искупивъ въ Москвѣ на ихъ коштъ, разослать въ оныя Правленія, а деньги велѣть взыскать, наконецъ—и пѣть, но только тѣхъ, кои по природѣ имѣютъ къ тому способность и хорошій голосъ. Дабы же оныя школы въ хорошемъ порядкѣ и съ указами сходственномъ содержаны были, то въ томъ попеченіе возлагается на протопоповъ, яко довѣренныхъ людей; они долгъ имѣютъ каждый день посѣщать свою школу, и взыскивать отъ учителя и учениковъ всего того, чему они учатся и что сохранять долженствуютъ. Если же сами исправиться въ томъ не возмогутъ, то дозволить имъ по разсмотрѣнію своему выбрать изъ священниковъ градскихъ къ тому способнаго и достойнаго человѣка для неусыпнаго наблюденія за оными дѣтьми. Сколько же россійской грамотѣ каждому учителю въ каждомъ мѣстѣ должны за труды священники и церковно-служители платить, и гдѣ и какъ къ тому мѣста назначить и въ прочихъ къ тому потребныхъ обстоятельствахъ учинить протопопамъ свое мнѣніе, не упуская къ тому ничего потребнаго, а паче времени, которое всего дороже есть, и представить Его Преосвященству на благоразсмотрѣніе. А сколько еще такихъ дѣтей, кои по малымъ лѣтамъ не могутъ и россійской грамотѣ обучаться, и коликихъ они лѣтъ и чьи именно, такожъ сколько въ россійскія школы ихъ опредѣлено будетъ, и какія они черезъ годъ успѣхи получатъ, такожъ сколько негодныхъ вовсе къ ученію и нерадивыхъ окажется, о томъ для опредѣленія таковыхъ въ военную службу или на поселеніе или въ подушный окладъ, протопопы обязаны ежегодно, въ генварѣ мѣсяцѣ послѣднихъ чиселъ репортовать; а чтобъ иногда протопопы въ томъ священно и церковно-служителямъ непоманули и въ указномъ повелѣнномъ дѣлѣ не сдѣлали какого упущенія и безпорядка, для того изъ духовныхъ персонъ назначены быть имѣютъ особливые фискалы, кои будутъ о томъ пристойнымъ образомъ развѣдывать, а послѣ и публично свидѣтельствовать и Его Преосвященству письменно доносить. О чемъ для вѣдома и самоскорѣйшаго исполненія послать изъ консисторіи какъ въ контору харьковскаго училищнаго коллегіума, такъ и во всѣ духовныя правленія Ея Императорскаго Величества указы".

Узнавъ потомъ, что духовенство не особенно спѣшитъ пріобрѣтеніемъ для своихъ дѣтей прописей, Преосвященный предписывалъ (указомъ отъ 5 марта 1770 г.): „каждому духовному Правленію, гдѣ россійскія школы учреждены, а оныхъ прописей для обученія школьниковъ не имѣется, а неминуемо окажутся къ тому потребны, приложить стараніе, по числу учениковъ, которымъ время приспѣло обучаться по русски писать, искупить потребное число въ Москвѣ печатныхъ прописей, или чрезъ купцовъ выписать и раздать ихъ съ росписками, деньги-же за тѣ прописи взыскивать съ отцовъ и родственниковъ безъ всякаго излишества и отягощенія, подъ

ıпасеніемъ за неисполненіе по указамъ неупущаемаго штрафа; колико-же ıаковыхъ прописей куплено, по какой цѣнѣ, и коликому числу учениковъ юздано будетъ, изъ каждаго правленія въ консисторію въ подлежащее ремя репортовать. По раздачѣ-же прописей, имѣть непремѣнно учителямъ а учениками прилежное смотрѣніе, дабы они противъ тѣхъ прописей всеѣрно исправно писать учиться старались".

Такими указами и распоряженіями Преосвященный Самуилъ много пособствовалъ распространенію славяно-россійскихъ школъ. Изъ докуентовъ этого и послѣдующаго времени видно, что такія школы сущетвовали:

Въ Курскѣ, какъ это видно изъ упомянутаго прошенія Курянъ къ Преосвященному Самуилу въ 1770 г.;

Въ Бѣлгородѣ, гдѣ, согласно указу Преосвященнаго Самуила, 1769 г., ı заведеніи при духовныхъ правленіяхъ россійскихъ школъ, требуемая школа, какъ видно изъ донесенія Бѣлгородскаго духовнаго правленія Преосв. Самуилу отъ 24 авг. 1769 г., тогда-же было учреждена, и въ ней для обученія священно-церковно-служительскихъ дѣтей учитель опредѣленъ третьяго Святоуспенскаго Собора діаконъ Иванъ Ильинскій, который житія честнаго, а паче всего трезвенъ, и добродѣтельски наполненъ, который оныхъ священно-служительскихъ дѣтей во первыхъ чисто и ясно читать по россійски, ı особливо съ разумомъ, по точкамъ и по оксіямъ учить можетъ, и оныя школы быть имѣютъ у него діакона въ домѣ, и для того ему діакону должно получать за труды отъ букваря съ толкованіемъ десяти заповѣдей 50 коп., отъ псалтыря рубль, отъ письма два рубля, да на дрова отъ каждаго человѣка по 15 копѣекъ на зиму". А по рапорту тогоже Бѣлгородскаго правленія въ Консисторію, въ 1780 г., въ означенной школѣ значились учители: Бѣлоградскаго Архіерео-престольнаго Троицкаго собора псаломщикъ Димитрій Крамаревъ, да Жиловскаго Успенскаго собора дьячекъ Василій Ильинскій, „и въ ней учениковъ изъ священно-служительскихъ дѣтей находится 65 человѣкъ, съ платежемъ подлежащаго за ихъ труды по добровольному отъ дачниковъ договору награжденію".

Въ Обояни. Здѣсь духовенство, по объявленіи ему указа о заведеніи по епархіи россійскихь школъ, сначала на отрѣзъ отказалось было учредить въ своемъ городѣ такую школу, ссылаясь на недостатокъ средствъ, о чемъ игуменъ Обоянскаго монастыря Сильвестръ и доносилъ (рапортомъ отъ 2 окт. 1770 г.) Преосвященному Самуилу. А когда Преосвященный положилъ на этомъ доношеніи строгую резолюцію: „велѣть или школу въ Обояни построить непремѣнно, или всѣхъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей выслать въ Бѣлгородъ въ россійскую школу, а способныхъ къ высшимъ школамъ въ латинскую—и о томъ изъ консисторіи послать въ

духовное Обоянское правленіе указъ",—духовенство сдалось, и духовное правленіе рапортомъ отъ 23 генв. 1771 г. доносило, что „россійская школа въ Обояни открыта и „чрезъ нарочныхъ къ ученію россійской грамоты священно-церковно-служительскія дѣти сысканы".

Въ Ахтыркѣ и Боромлѣ. Ахтырское духовное правленіе рапортомъ въ Консисторію отъ 6 апрѣля 1777 года доносило, что,—„въ силу данной изъ оной Консисторіи инструкціи учредить при томъ правленіи славянскую школу и собравъ въ оную отъ 7 до 15 лѣтъ священно и церковно причетническихъ дѣтей опредѣлить къ нимъ надежнаго и искуснаго учителя, и каковаго кто будетъ оказываться въ ученіи успѣха и поведенія, присылать о всѣхъ, за руками духовныхъ управителей и опредѣленнаго учителя, по третямъ года въ Консисторію вѣдомости,—таковая школа при Ахтырскомъ духовномъ правленіи учреждена и въ оную опредѣленъ учитель Николаевской церкви рукоположенный дьячекъ Демьянъ Дмитренко, да другая, за дальнимъ разстояніемъ, въ слободѣ Боромлѣ при соборной церкви, въ которую также опредѣленъ учитель, тояжь слободы Боромли Рождественской церкви рукоположенный дьячекъ Михайло Полтавскій". При этомъ правленіе сообщало однако, что, „многихъ, опредѣленныхъ въ оныя школы священно и церковно-причетническихъ дѣтей на лицо не имѣется, и за оными хотя часто-кратныя отъ того правленія наряжаемы были посылки, токмо по крайнему упрямству и ослушности никакими мѣрами оныхъ для подлежащаго ученія собрать было отнюдь невозможно, и для того Ахтырское духовное правленіе, о таковыхъ прилагая вѣдомость, проситъ сыскать оныхъ чрезъ нарочнаго въ Консисторію къ отвѣтамъ, дабы и прочимъ не было повадно и въ основаніи славянской школы не послѣдовало бъ никакого препятствія".

Въ Валкахъ. Десятоначальникъ города Валокъ Преображенской церкви священникъ Илья Ольховскій рапортомъ отъ 9 окт. 1783 года въ Харьковское Духовное Правленіе доносилъ, что, согласно данному предписанію учредить для священно-церковно-служительскихъ дѣтей Валковской округи на коштѣ отцовъ ихъ школу, для ученія прописанныхъ дѣтей въ городѣ Валкахъ домъ съ согласія священно-церковно-служителей нанятъ и многія дѣти по реэстру представлены, а другія за ослушностію и по сіе время не явились.

Были такія школы, нужно думать, и въ другихъ мѣстахъ.

Обученіе въ этихъ школахъ считалось обязательнымъ для всѣхъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей извѣстнаго возраста.—Разрѣшеніе обучать на дому давалось лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ и по особенно уважительнымъ причинамъ. Въ 1769 году вдовая дьячиха Прасковья, въ городѣ Бѣлгородѣ, вошла къ Преосвященному Самуилу прошеніемъ такого содержанія: „Имѣется у меня нижайшей сынъ Иванъ семи лѣтъ, ко-

торый учитъ часословъ и обучалъ его города Бѣлгорода Архангельской церкви священникъ Никифоръ. Точію оный сынъ мой отъ показаннаго священника Никифора Бѣлградскими духовными правителями взятъ и опредѣленъ въ учрежденную Бѣлгородскую россійскую школу, которая отъ дому моего разстояніемъ версты полторы, и ходя въ оную школу въ бывшее дождливое время понесъ, по малолѣтству своему, не малую нужду, да и впредь въ зимнее холодное время, ходя въ оную школу, имѣетъ терпѣть, за дальностію, крайнюю нужду. Того ради всепокорнѣйше прошу дозволить мнѣ онаго сына моего Ивана славянской грамотѣ доучить у прежняго учителя, священника Никифора, который поблизу моего дома жительство имѣетъ, и въ хожденіи къ нему оный сынъ мой по малолѣтству нужды имѣть не будетъ". Преосвященный положилъ резолюцію: „дозволить по прежнему обучаться чрезъ одинъ годъ, а по прошествіи года взять непремѣнно въ Бѣлгородскую школу".—Въ 1777 году, при Преосвященномъ Аггеѣ, Хотмыжское духовное Правленіе въ представленной въ Консисторію вѣдомости о находящихся въ Грайворонской русской школѣ священно-церковно-служительскихъ дѣтяхъ показало ихъ всего 11 человѣкъ, и на спросъ Консисторіи, почему учениковъ въ школѣ мало, изъяснило, что изъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей девяносто четыре отданы для обученія отцамъ ихъ, ненаходящимся въ сумнительствѣ. Консисторія опредѣлила: „о вышеписанныхъ девяносто четырехъ человѣкахъ для чего по указу исполненія не учинено, то-есть для чего оныя дѣти въ училища не высланы, о томъ оному Правленію прислать въ Консисторію для надлежащаго разсмотрѣнія отвѣтъ".

Къ этимъ замѣткамъ о духовныхъ школахъ считаю не лишнимъ присоединить нѣкоторыя, встрѣченныя мною въ документахъ Курской Духовной Консисторіи, указанія и относительно школъ общественныхъ, въ которыхъ принимало участіе духовенство.—1780 года Мая 6 дня графъ Петръ Александровичъ Задунайскій сообщеніемъ Преосвященному Аггею о заведеніи на первый случай въ Бѣлгородской епархіи въ Курскомъ намѣстничествѣ во всякомъ приходѣ при церквахъ школъ для обученія въ оныхъ поселянскихъ дѣтей (неимущихъ—безъ платежа, а имущихъ—за умѣренную плату) греко-россійскаго исповѣданія катихизису для познанія основаній православной вѣры, толкованіямъ десяти заповѣдямъ Божіихъ для вкорененія нравоученія всеобщаго и о прочемъ, просилъ со стороны его Преосвященства въ семъ дѣлѣ пособія. Преосвященный опредѣлилъ: „всѣмъ, находящимся въ Курскомъ намѣстничествѣ, духовнымъ Правленіямъ предписать изъ Консисторіи указами, дабы какъ священники, согласно оному сообщенію, по субботамъ ради свидѣтельствованія учениковъ всегда

безотложно въ школы приходили и въ томъ всѣ обязаны были бы надлежащими въ Правленіяхъ подписками, такъ и дьячки способные опредѣлены были на прописанномъ основаніи учителями, кои могли бы учить катихизису, и кто гдѣ именно опредѣленъ будетъ учителемъ, также и обо всемъ по этому дѣлу репортовать немедленно".—1782 г. Генваря 29 дня бригадиръ и Бѣлгородскій комендантъ Фричъ вошелъ въ Консисторію промеморіею, въ которой изъяснялъ, что Курскаго намѣстничества Приказъ Общественнаго Призрѣнія, препроводивши къ нему (согласно предложенію правителя должностью Курскаго и Орловскаго Генералъ-Губернатора князя Александра Александровича Прозоровскаго) пятнадцать экземпляровъ напечатанной по Высочайшему Ея И. В. повелѣнію, для обученія юношества чтенію, россійской азбуки, возложизъ на него бригадира попеченіе о заведеніи въ Бѣлгородѣ общественной школы: а такъ какъ первая и главнѣйшая нужда къ сему состоитъ въ томъ, чтобы сыскать учителей способныхъ и трезваго поведенія, то онъ, не имѣя таковыхъ изъ свободныхъ людей, въ семъ городѣ жительствующихъ, испрашиваетъ, дабы благоволено было изъ священниковъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ, избравъ достойныхъ сей повѣренности, отрядить къ нему для соглашенія, на какомъ основаніи могутъ учить и какою за обученіе могутъ быть довольны платою.—*Приказали:* въ требуемую учительскую должность опредѣлить учителей рукоположеннаго священническаго сына Никиту Ковалевскаго, да Бѣлгородскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря дьячка Ивана Агулкова, коихъ къ принятію на себя той должности, равно и для договора за обученіе учениковъ безобидной платы, при промеморіи отправить къ оному господину бригадиру и Бѣлгородскому коменданту Фричу.—Такимъ образомъ, каково бы ни было собственное образованіе духовенства, оно во всякомъ случаѣ является, даже и въ это относительно позднее уже время, важнымъ, а подъ-часъ даже и незамѣнимымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Амфіанъ Лебедевъ.

Стародубскаго магистрата книга справъ поточныхъ (1690—1722 гг.)

Вопросъ о судьбахъ магистратскаго управленія и суда въ городахъ лѣвобережной Украйны—вопросъ очень мало обслѣдованный. Изъ относящихся сюда научныхъ работъ мы можемъ указать лишь на статью проф. Д. И Багалѣя „Магдебургское право въ лѣвобережной Украйнѣ“, помѣщенную въ мартовской книжкѣ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1892 г. Главнымъ препятствіемъ къ изслѣдованіямъ въ этой области является недостатокъ печатнаго матеріала. Въ то время какъ документы, касающіеся западно-русскихъ городовъ, нашли себѣ помѣщеніе въ такомъ капитальномъ изданіи, какъ „Акты“ Виленской коммиссіи, историческій матеріалъ, относящійся къ городамъ лѣвобережной Украйны, и до сихъ поръ остается подъ спудомъ. Количество доселѣ изданныхъ документовъ очень незначительно—всего 3—4 тоненькихъ брошюры. Таковы изданный въ 1852 г. М. Н. Бѣлозерскимъ „Протокулъ до записованя справъ поточныхъ на рокъ 1690“; затѣмъ помѣщенный въ №№ 21—34 „Черниговъ. Губ. Вѣд.“ за 1857 г. „Протокулъ“ того же Стародубскаго магистрата за 1683 г.; далѣе „Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ 1657—1671 г.“, изданные А. М. Лазаревскимъ, и, наконецъ, „Мѣстечко Борисполье въ XVII в.“, издан. „Кіевской Старины“ 1892 г. Если прибавимъ къ этому нѣсколько отдѣльныхъ актовъ, случайно попавшихъ въ другія изданія (хотя бы, напримѣръ, въ X томъ „Актовъ Южной и Западной Россіи“ или въ „Обозрѣніе Румянц. описи“), то и получимъ какъ разъ весь печатный матеріалъ по исторіи самоуправленія и суда „упривиліованныхъ“ городовъ Южной Руси. Этого очень не много, а потому и издаваемая теперь „Книга справъ поточныхъ“ будетъ, думается намъ, не лишнею. Помимо данныхъ, касающихся Магдебургскаго права и, въ частности, магистратскаго суда, она можетъ доставить нѣсколько и иныхъ указаній, не безъинтересныхъ для лицъ, занимающихся внутренней исторіей старой гетманщины. Изъ перечисленныхъ только что нами изданій въ ближайшемъ родствѣ находится она съ „Протокуломъ справъ поточныхъ на рокъ 1690“, изданнымъ Бѣлозерскимъ.

Предлагаемые документы извлечены изъ рукописи Харьковскаго историческаго Архива, носящей заглавіе „Книга справъ поточныхъ на рокъ 1690“ [1]), какъ видно, нѣкогда принадлежавшей Стародубскому магистрату. Заглавіе не совсѣмъ точное, на самомъ дѣлѣ „справы“, въ ней записанныя. относятся ко времени между 1690 и 1722 гг. Ихъ очень не много (въ рукописи большая часть листовъ остались чистыми), и мы издаемъ ихъ въ томъ самомъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ онѣ помѣщены въ рукописи. Пропускаемъ только начальный листъ, на которомъ почему то выписанъ полный титулъ князя А. Д. Меньшикова, раскрываемъ титла и разставляемъ знаки препинанія.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ выразить искреннюю признательность Харьковскому Историко-Филологическому Обществу, любезно согласившемуся помѣстить „Книгу справъ поточныхъ“ на страницахъ своего Сборника.

Д. Миллеръ.
М. Плохинскій.

Року 1690 мѣсяця мая 23 дня.

На майстратѣ Ихъ Царского Пресвѣтлого Величества Стародубовскомъ перед нами: з войскового уряду Миколаемъ Чорнолузкимъ, сотникомъ полковымъ Стародубовскимъ, Спиридономъ Яковлевичомъ Шираемъ, войтомъ, Борисомъ Карповичомъ и Стефаномъ Тимофѣевичомъ, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми в майстратѣ засѣлими радними, приточилася справа з реестру судового в тотъ способъ: же Васко Пиліокъ, жител Погарский. шукаючи забитого на смерть своего сина зими прошлоѣ, іменемъ Тимоха, а найшовши тѣло оного межи селами Кистромъ и Борщовомъ, шляковалъ, яко отецъ, з жалемъ часъ от часу забойци, о которомъ взявши поводъ от сел околичнихъ и. пойшовши до села Азаровки, познал там коня своего власного, при замордованомъ сину взятого, у Васка Скакуна, который купилъ у нѣякогось Яреми Азаровца, а тот Ярема далъ з себе виводъ, же купилъ у Васка Михайлова, чоловѣка московского зайшлого з за Дону гдесь в тутейшые краѣ, который Васко, не могучи дати слушного виводу, пред всеею Азаровскою козаковъ и посполитыхъ громадою, именно перед атаманомъ Вакулою Федоровичомъ а войтомъ Романомъ на тотъ часъ будучимъ, повѣдалъ, же того коня на Орлѣ купилъ и знаю де заводцу, становил свое горло, еслибы не моглъ вивестися. З яких мѣръ, же оразъ не моглъ вивестися, а іле же в дому его перед часы найдено казанъ украдений Устиновъ и под свѣдомомъ тоѣжъ громады Азаровскоѣ, якъ злодѣя, по лѣлскому (сѣлскому?) обычаю водили его за шию, теды приведенъ зосталъ на тихъ же часехъ до города в Стародубовъ ку вязеню, з которого числа нинешнего пред насъ, особъ засѣлихъ, припроваженъ будучи на ратушъ, а не могучи

[1]) Дѣла Мал. Кол. № 1921.

о томъ подати виводу, питаный былъ, где того коня взялъ и от кого оного маетъ, на що отповѣдалъ: купилемъ правѣ того коня у Тишка москаля, а притомъ нѣкого на торгу не было, бо той чоловѣкъ правѣ, почувши, же шлякуютъ забойци в Азаровце, утеклъ гдесь. Тутъ подвоилъ рѣчъ, першей бо кавалъ, же на Орлѣ купилъ, а теперъ кажетъ, же в Тишка купилъ якогось. Противъ которое рѣчи Демянковскій атаманъ Вакула и войтъ Азаровскій Федоръ говорили: уже правѣ на тотъ часъ, якъ стала о забойстве прочутка, Тишка того не було в селѣ и жадное рѣчи Васко о томъ Тишку не мѣлъ тогды. Тыежъ азаровци, атаманъ и войтъ з мужами, повѣдали, же з притомностю Васка Пиліока, отца забитого чоловѣка, в тогожъ Москаля задонского Васки позналъ хомутъ власный замордованого, который хомутъ перетятъ противко гужи до половины бартишемъ, и кгды на тотъ час мы, громада Азаровская, питали его Васки, где тот хомутъ взялъ, повѣдалъ намъ: не мой то хомутъ, але обменяный лечъ Яромбка, который коня купилъ; тогды жъ крѣпко ставилъся, же з тимъ власне хомутомъ купилъ у его Васки коня того. Противъ которое рѣчи от насъ ураду засѣлого питаный Васко, где хомутъ тотъ взялъ, повѣдалъ, же то правѣ тотъ власний хомутъ, з которымъ я и коня купилъ. И тутъ тотъ Васко подвоилъ речъ: пред громадою Азаровскою повѣдалъ, же не тотъ хомутъ, а теперъ повѣдаетъ, же з тимъ и купилъ хомутомъ коня. А поневажъ за питанемъ лагоднимъ тотъ Васко виводу не далъ и ку своему злому учинку, знать по рѣчахъ Азаровскихъ жителей и своей подвоеной мовѣ, не знался, теды подлугъ права посполитого зостал вказаний на пробу до слупа, бы былъ презъ мистра для виявленя злого его мордерства и подобнихъ ему злого дѣла печенъ роспаленою потрикрот з легкости шиною, поневажъ всѣ жители Азаровские згодними голосами твердили, же через все его мешъканъе жадного по немъ не вѣдили статку и овшемъ над теперешнее лице частокротные злие о запаленяхъ выходили похвалки. И потрикротъ тотъ Васко москаль будучи на тартурахъ питанъ легко роспаленою шиною, еднакъ перся своего злого учинку, повѣдаючи, же того коня от Тишка мает, а самому забойству не привиненъ. Тогожъ числа ставши всѣ азаровци громадою, а прекладачи его Васка ужасніе похвалки на себе и непевную его в себе маючи особу шкодливую, просили прилѣжно, абы з ними в едномъ селѣ не мешкалъ.

Пошляковане на невѣрного жида Іршу с так недобрих межи християнами промисловъ [1]).

Року 1690 мѣсяца Ноеврия 20 дня.

Передо мною, Их Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорозкого полковникомъ Стародубовскимъ Михаиломъ Миклашевскимъ, Лаврентиемъ

[1]) См. „Протокулъ до записованя справъ поточныхъ на рокъ 1690", стр. 162—168.

Борозною, товаришомъ старынимъ войсковымъ знатнимъ, Спиридономъ Яковлевичомъ Шираемъ, войтомъ, Борисомъ Карповичомъ, бурмистрами, и многими з товариства, справы нижеменованой притомними, приточилася справа з повѣсти и визнававаня двохъ перекрещенихъ жыдковъ, которые именно единъ Израилъ Юдовичъ, а другый Гавриилъ Іцковичъ, мешкаючы в дворѣ в жыда, іменемъ Ірша Якубовича, захожого в Стародубовъ з Народычъ, а присмотрѣвшися недобрымъ самого и дѣтей его поступкомъ, християнскому мешканю шкодливымъ, што есть и противу старозаконныхъ замѣренныхъ предѣловъ в приказаняхъ Божиихъ погрѣшително и тимъ жыдамъ молодымъ сомнително, отверглися овые помянутые жыдки еврейского невѣрия и ихъ каменносердечия, где оразъ узаконенними в новомъ ласки Божой тестаменту зоставшы по прилѣжныхъ желанияхъ и прошенияхъ окрещенними, в которомъ от рожденѣ тотъ, которого званно Іэраилемъ, зоставши Романомъ, а которого Гавриломъ—заставшы Михаиломъ, вызнавали доброволне на обличение злого жыдовского промишления, же онъ народицкий тутъ захожый жыдъ мененений Ірша и сынъ его непрестанною через килка лѣтъ бавитъся коней кражкою и иншими тому подобними христианомъ шкодливими промислами такъ сами собою, яко и через нѣкоторихъ переводнихъ людей породы нашоѣ. А на доводъ тоего своего висвѣдченя помянутии новокрещенниѣ Романъ и Гаврило посочили и вряду показали самого з жыдами переводню маючого шкодцу, іменемъ Петра Кондратовича, повѣдаючогося з Стеблова, которого кгди зимано и передъ насъ припроважено, теды оный на пытане за пострахомъ посторонковымъ без жадныхъ затоновъ твердилъ то покилкокротными словами: же, мовитъ, жыдъ Ірша Якубовичъ з сынами своми подмовили мене красти имъ на переводню конѣ, которыхъ укравшы южъ на розныхъ мѣсцахъ з десятеро, безцѣнне имъ же попродалемъ помятутымъ жидамъ. Тоее рѣчы притомними новоокрещенниѣ будучы, посвѣтчали, же у тогожъ злочинцы Петра онъ же жыдъ Ірша, в которого оны мешковали, и казаны покупилъ горѣлчаныѣ краденыѣ. Питаный онъ Петро, шкодца самовыявленый, где бы тыѣ казаны мѣлъ покрасти, незналъся ку тому, жебы красти ихъ мѣлъ, але повѣдалъ: купилемъ правѣ оные в Носовце. Потымъ за пострахомъ постронковымъ о правдивое вызнане для жыдовское хабрыки, который збивалъ новоокрещеннимъ свѣдоцство, мовячи, же они чинятъ то ему з якоесь ненавѣсти, признати мусилъ онъ Петро Кондратовъ, помянутый шкодца: укралемъ, мовитъ, тыѣ казаны в Хвашхи и продалемъ жыдомъ, што неотмѣнно твердилъ покилкокротне. Всему сему жидъ Ірша будучи притомнымъ, прѣлъся: не знаю, мовитъ, того, ни вѣдаю, хиба сыны мои тое чинити важилися. На тые его слова новокрещенный Михайло, по старозаконному Гаврыѣлъ, зезнавалъ: же едучы в семъ же року 1690 з Почеповского ярмарку о празнице Вознесения Господня, взяли

коня краденымъ способомъ под Почепомъ ведле горы Бабкѣ, которого коня тому отдалъ, хто познал оного, а взяли того коня з жыдомъ Іршовымъ сыновымъ, который, будучы того притомнымъ, незналъся, а повѣдалъ, же купилъ былъ того коня и мусилъ его отдати, хто познал его. Противъ тыхъ словъ тойже новокрещеный отзываючыся Михайло повѣдалъ, ижъ, едучы з Почепова, станули протико цегелнѣ з умыслу для крадежы коней, по которые Мошко Іршовичъ жыдъ пойшолъ былъ в початку ночи, але брехали собаки—мусилъ вернутися; потомъ, пошедши поранкомъ под туманъ, украли двое коней, з которыхъ едного познал Заруцкий, а другого онъ Мошко жыдъ мнѣ отдал Михайлови, а я променявъ его на діоготь чоловѣкови. По имены старозаконному Ізраилъ, а в крещенье святом Романъ, тожъ новокрещенный, вызнавалъ на жыда Копеля Іршовыча, который правѣ, едного часу звѣрывшыся мнѣ, повѣдалъ доводне: мы правѣ, то есть з слепымъ моимъ братомъ и з коропскимъ жыдкомъ докторчыкомъ, за Хрыстиновкою за рекою Ушею згубили хрестянына Микиту, купца Киевского, таковымъ способомъ: перше ему всыпали з отрутою килишокъ горѣлки, потымъ вожками задавили оного на смерть. Тотже новокрещенный Романъ признавалъ на Ірша, же и на сихъ дняхъ отъ чысла вышейменованого купилъ жыдъ Ірша в стебліовского Петра четверо коней и перевилъ оные, яко ему ся подобало. Михайло новокрещенный признавалъ на того жъ жыда, же в Яремѣ нѣякогось злодѣя на самый празникъ Рождества Пресвятой Богородицы сего року купилъ четверо коней. Якиѣ рѣчи росказалисмо записати.

Року 1691 мѣсяця Априля 11 дня.

Предъ нами, урядомъ мѣсцкимъ И. Ц. П. В. Стародубовскомъ, ставши очевисте, присланий от его милости пана Михайла Микълашевского, полковника нашого Стародубовъского, чоловекъ Гришко Сморгуненко, жител Кривошиевъский лiозный, для даня о себе справи, за которую по число вишъменованное седѣлъ недѣлъ килконадцетъ у вязеню, не маючы жадного інстикгатора, тую своего вязеня прикладалъ причыну: кгдим правѣ в семъ же року едного часу, ездивъши у дрова, пойшолъ до едного сусѣда, іменемъ Сомка, где седѣлъ на лавци подпилий чоловѣкъ Давыдъ Косило, якъ би зліогши на столъ спячый, которого мъ кгди хотѣлъ обудитити и принялся рукою, теди оний чоловѣкъ южъ не живъ былъ,—умеръ з горѣлки, о чом и сусѣда тамошная шинкуючая есть свѣдома; теды селяне тамошнии, повѣдаючы, якобы я того человѣка мѣлъ забити, оскаржили и дали мене до вязеня. Урядъ, видячи свята близко наступаючии и не видячи жадного на него, Сморгуненка, инстикгатора, велѣлъ его на свята близко наступаючиі по указу е. м. пана полковника з секвестру уволнити, до учиненя о томъ призвоитое от инстикующихъ інквѣзицѣ, якъ в той справѣ криминалной

пополнилъся ексцесъ, што про память до суду о томъ точити маючогося на урядѣ нинешномъ росказалисмо записати и есть записано.

Року 1691 мѣсяця Мая 8 дня.

Перед нами, урадомъ мѣскимъ И. Ц. П. В. Стародубовскимъ, перед нами: Самойломъ Івановичомъ, судею, а Миколаемъ Чорнолузкимъ, сотникомъ, полковими Стародубовскими, Спиридономъ Яковлевичомъ Шираемъ, войтомъ, и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто Михайло Самойловъ, рудник Руднѣ Вихолской, заносил скаргу о кгвалтъ в справѣ кримѣналной на Дмитра Момотенка, рудника, которий то Момотенко, в недѣлю сего мѣсяця мая числа 3 ночовавши в дому его Михайловомъ, пополнил в ночѣ надъ сестрою егожъ Михайла, дѣвчиною невеликою, іменемъ Крисею, кгвалтъ, о которомъ любо и чули тоѣ дѣвчини плачъ в ночѣ, мнѣмаючи еднак, жебы не зо сну то кричала, нейшли в хату, а кгды на день завтрошнѣй пойшолъ онъ Момотенко до своего тестя, теды дѣвчина Крися стала голосити о пополненю над собою кгвалту, же Момотенко затикавъ ей ротъ шапкою и зкгватилъ оную в ночи, о чомъ недаючи она дѣвчина ему братови своему знати, починала южъ у кошулѣ знаки квалту предвѣдчаючие заполосковати, кгды б ей незборонили невѣсты. О чомъ ускаржаючий Михайло довѣдавшися и ужаливши безчестия и кгвалту, пойшолъ за рудникомъ Момотенкомъ в погоню, которого нагналъ в Бобовичахъ и освѣдчилъ тамошнему урядникови монастирскому, ручачи ему Момотенку, жебы конечне станулъ на правѣ ку усправедливеню. Теды оный тамъ ку тому не знался, а потимъ пришовши ку домови его Михайлова, просил вчинити згоду при людех тамошних сусѣдах, в чомъ она сторона поводовая, Михайло Самойловъ, маючи собѣ притомную и дѣвчину сестру свою, презентовали кошулю, знаки кгвалту призначаючую, которая ачколвекъ была заполоскована, того еднакъ за осмотренемъ невѣстъ знаки на собѣ мѣла. Припозванъ будучи, Момотенко знался ку тому, же ночовалъ в господѣ Михайловой, але кгвалту, борони Боже, не чинилемъ, а что его едналемъ, даючи дѣвчини чоботи и плахту, то за тое чинилемъ, ижъ уживалемъ хлѣбъ и сол его. Якое теды жалобы стороны поводовое и отповеды объжалованного урядъ выслухавши, а уважаючи, ижъ есть справа криминалная, росказалъ до учиненя о томъ виразное инъквизицие в книги записати.

Року 1691 мѣсяця іюня 8 дня.

На майстратѣ И. Ц. П. В. Стародубовскомъ перед нами: Самойломъ Івановичомъ, судею, а Миколаемъ Чорнолузкимъ, сотникомъ, полковими Стародубовскими, Спиридономъ Яковлевичомъ Шираем, войтомъ Стародубовскимъ, Ісаакомъ Ярмоловичемъ Деревянкою, а Трофимомъ Кунковичомъ, бурмистрами, рацами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними для суженя

равъ, на приличнихъ мѣсцахъ записаних, засѣлими, за слушними, явними ясними доводами на злочинцовъ такий карности феровался декретъ:

Тимохъ Родимовъ з села Урядицовъ, подданый пана Пучковского, который покралъ нѣкоторые рѣчы в Кузмѣ, жителя тогож села Урядицовъ, о которыхъ з товаришом доброволне знался, всказанъ есть на выгнане з мѣста не цехованный, же першый разъ кралъ и в молодих лѣтех.

Васко Івановъ, его товаришъ, тож з Уряцовъ, прыличный злодѣй, есть всказанъ, абы былъ у пранги немилостиво битъ и вигнанъ з мѣста.

Іванъ Москал, Стародубовский жител, двадцетъ лѣтъ тут мешкаючый, знался доброволне, же покралъ коней двое за Новгородкомъ, которые, поймавши, люде побрали, всказанъ есть, абы былъ взглядом старости бит и выгнанъ з мѣста.

Року Божого 1691 мѣсяця іюля 5 дня.

На майстратѣ И. Ц. П. В. Стародубовскомъ, за вѣдомомъ и злеценемъ ихъ же Ц. П. В. войска Запорозкого полковника Стародубовского его милости пана Михайла Миклашевского, перед нами: Самойломъ Івановичом, судею, а Миколаемъ Чарнолузкимъ, сотникомъ, полковими Стародубовскими, Спиридономъ Яковлевичомъ Шираемъ, войтомъ, Ісаакомъ Ермоловичомъ Деревянкою, а Трофимомъ Конковичомъ, бурмистрами, райцами, лавниками, приточиласе справа криминалная межы Самойломъ Даниловичомъ а Михайломъ, его Самойловымъ сыномъ, рудниками, яко стороною поводовою, а Дмитромъ Момотенкомъ, тожъ рудникомъ, яко позваннымъ, в тотъ способъ: ижъ в семже 1691 году мѣсяця мая дня 8 перед нами, тымже випiсменованнимъ урядомъ, предречоная сторона поводовая самъ Михайло Самойловъ рудникъ жалосное чинилъ оповѣдане и заносилъ скаргу на его Дмитра рудника жъ, который правѣ ночовавши въ дому его дня недѣлного тогожъ мѣсяця мая числа 3, а препомневши боязнь Божую и срокгость права посполитого, пополнилъ кгвалтъ над дѣвчиною невеликою, іменемъ Крисею, его Михайловою родною сестрою, а Самойловою, отца Михайлова, дочкою, которая правѣ кгды спала в хатѣ той, где ночовалъ рудникъ Момотенко, а Михайло Самойловъ, братъ ее, давши гостеви покой, опочивалъ в коморѣ, теды онъ Момотенко, злою, маестат Божий ображаючи, роспалившись похотю, прийшолъ межи дѣти спячие, где нападши тую оповѣдаючую дѣвчину и заткнувшы оной ротъ, кгалтовный паненства пополнилъ учинокъ, по которомъ ачъ колвекъ овая дѣвчина про плач голосомъ отзивалася, што чулъ спячий братъ ее в коморѣ, неотзивался еднакъ на тотъ голосъ, разумѣючи, же то або зо сну плачетъ, албо меншиѣ докучаютъ ей дѣти, около ее спячиѣ, з якихъ мѣръ нейшолъ того часу до хати, респектуючи звлаща на спокойность, полѣценную гостевѣ, помянутому Момотенкови; а кгды сталъ свѣтъ, пойшолъ Момотенко до своего тестя; теды тая дѣвчина, се-

стра Михайлова, ачъ колвекъ неовшеки дорослыхъ будучи лѣтъ, прирожоною однакъ будучи знята жалостю, голосила вслухъ, то инимъ тамошнимъ руднянскимъ повѣдаючи сусѣдамъ, а не братови, в которого мешкала, под страхомъ, и почала была правѣ кошулю, знаки кгвалту предсвѣчаючую, заполосковати, еслибы не околичние же зборонили ей того сусѣди, чого и братъ оной же Михайло Самойловъ на тотъ часъ ужалившись, пойшолъ за Момотенкомъ рудникомъ въ погоню, которого нагналъ в Бобовичахъ и освѣдчилъ тамошнему монастирскому урядникови, ручачи ему Момотенкови, жебы конечне станулъ на правѣ ку усправедливеню, где згола незналъся оный рудникъ Момотенко до такъ тяжкого кгвалтовного учинку, а потимъ вернувшися и пришовши ку домови его Михайла Самойлова, просилъ вчинити згоду при людехъ тамошнихъ сусѣдахъ околичнихъ, на што оная сторона поводовая, Михайло Самойловъ, маючы собѣ притомную и дѣвчину сестру свою, презентовали кошулю знаки кгвалту предсвѣчаючую, котрая ачъ колвекъ, яко сторона поводовая твердила, была заполоскована, за осмотренемъ еднакъ невѣстъ, з росказаня нашого урядового о свѣдоцтво и приличное зпрошенихъ, знаки паненства на собѣ мѣла, што все таковымъ же способомъ в оповѣданю стороны жалосное сегожъ року, якося намѣнило в мѣсяцу маю, поступкомъ правнимъ до книгъ мѣскихъ стародубовскихъ есть записано, которого оповѣданя и запису будучи притомнимъ [1], зналася ку тому, же былъ и ночовалъ въ господѣ Михайловой рудниковой, а кгвалту правѣ жадною мѣрою не чинилемъ надъ помененою дѣвчиною, а что правѣ его едналемъ, то чинилемъ з людкости, же уживалемъ хлѣбъ и соль его Михайла Самойлова. За вычитанемъ теды записанного оповѣданя, ведлугъ которого по число вишъ написанное же сторона поводовая Самойло Данилович, з притомностю сина своего и дочъки о кгвалтъ предреченный дожидаючийся суду часъ немалый, аиле самый робочый, в своихъ ремесницкихъ дѣлехъ зваковали, просили неотволочное учиненя святое справедливости. Судъ нинешний, вислухавши обохъ сторонъ контроверсий, а уважаючи, же то справа есть криминалная, ексекуциѣ в учинѣню святое справедливости за кгвалтъ паненский ораз потребуючая, аиле на жалобу сторонъ поводовыхъ, которие, черезъ часъ немалый вакуючи, до немалих мусили прийти убытку, а досыть з ясними показалися того доводами черезъ людей сторонныхъ, оповѣданя того кгвалту на горачомъ часѣ свѣдомыхъ, звлаща же тотъ рудникъ Момотенко ведлугъ своего свѣдоцтва приступовалъ Михайла в дому его еднати, наслѣдуетъ права посполитого, в Статутѣ Князства Литовского въ роздѣли одинадцетомъ артикулѣ двадцатомъ такъ статне написанного: уставуемъ: если бы хто девку албо учтивую невѣсту якого колвекъ стану усилствомъ зкгвалтилъ, а оная дѣвка

[1] Очевидно пропущено: сторона позваная

лбо невѣста за учинкомъ волала кгвалту, за которимъ воланемъ люде бы рибегли на оный кгвалтъ, а она бы знаки кгвалту указовала, а потомъ бы ного ку праву притягнула и двема албо трома свѣдками знаки кгвалту редсвѣдчила, а к тому при тыхъ свѣдкахъ на томъ кгвалтѣ своемъ над ого сама присягнула, тогды таковый маетъ быти горломъ каранъ, а наэзка маетъ быти з именя водле стану, подлугъ которого зданя правного аетъ сторона жалобная, то есть Самойло Даниловичъ з сыномъ своимъ ихайломъ и дочкою Крисею, в соборной церкви Рождества Христова вионати на томъ кгвалтѣ юраментъ, а Дмитро Момотенко маетъ быти горомъ каранъ.

Оповедане пана войта противъ Хомкы фактора.

Року 1701 ноеврия 15 дня.

На майстратѣ Е. Ц. П. В. Стародубовскомъ перед нами, Прокопомъ иленъкомъ, сотъникомъ полковимъ Стародубовскимъ и полковникомъ наазнимъ Стародубовском, ставши очевисто, Федоръ Івановичъ, мещанинъ тародубовскый, ясне и доброволне, а не примушоне зознал в тые слова пенцѣ пана войта, черезъ Хомку Гулевича в Ризѣ проданой, іжъ самовидемъ тамъ былъ того, яко пенка незамокла вся, яко Хомка правитъ, лечъ ылко мало воды вплиснуло было у вѣрцѣну близко уже Риги, з которой ылко Хомка бунтовъ з кылка перевязалъ правѣ, а взявши на кунтушъ укна, а кгды припровадилъ до Риги пенку для обѣрницѣ собѣ на кунушъ сукна, всю вцелѣ продалъ, яко и иные купцѣ ценою, а не такъ, якъ нъ Хвомка повѣдает, што много пенкы замоченои и погнилой повкыдалъ воду бунтовъ, якого свѣдителства вислухавши, казалисмо записать. А омка правилъ в первом своемъ роспросѣ, што 30 бунтовъ тоей пенки и воду вкинул, Феско зась, приданный до него, правит, што ни бунта той пенки не покинулъ.

Посочене злочинци при лици, найденом в него.

Року 1692 Януария 15 дня.

На майстратѣ И. Ц. П. В. Стародубовскомъ перед нами: Спирыдономъ Яковлевичомъ Шираемъ, войтомъ, Никитою Потаповичомъ, Малахом Фоминичомъ, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очивисте, Васко Михайловичъ, ковакъ сотнѣ Стародубовскоѣ, за припроваженемъ злочинци своего Романа Терехова боднара з лицемъ, то есть з шкатулкою, через него вкраденною, чинилъ ку записаню до книгъ черныхъ на посоченного и пойманного а на уряд приведенного злочинцу тими словы оповѣдане: же кгды вкраденна в него шкатулка, маючая в собѣ грошей копъ десять, теди за винайденем помененного злочинцы знайшлося тилко золотыхъ десять. О чомъ кды питанъ былъ урядовне тотъ

злочинца, до болшыхъ шкодъ незнался, тилко мовит: тое з шкатулкою помененою, в мене найденною, самъ собою зашкодилъ, што при мнѣ знайдено, то есть золотыхъ десяток грошей. Урядъ, тое чуючы доброволное ся того злочинцы знане, росказалъ в книгы записати.

Каранъе злочинцовъ, приличнихъ до злихъ учинковъ злодѣйскихъ знаючихся доброволне, которымъ ведлугъ права на пострахъ инимъ такое сталося каранъе.

Року 1692 мца февруария 22 дня.

Васко Михайлович з села Борознина доходилъ шкоды на Роману Терехову о викраденю через него шкатулки копъ з десятъ з лишкомъ, который за припозванемъ з секвестру знался доброволне, же, отбивши окно, влѣзъ в комору и вкралъ шкатулку з грошми самъ одинъ, и повѣдал, же южъ покилкокротнимъ на розниxъ мѣстцахъ чинилъ людямъ злодѣйскимъ способомъ шкоды. Якого за такий злый учинокъ его явный подлугъ правныхъ артикуловъ велено мыстру, бючи інструментами катовскими, выгнати з мѣста, што про память и записано.

Тогожъ дня.

Кондрата Микитина, который жону Ширедову Овчиню отмовилъ з Азаровки, пополняючи спросные з нею учинки, до чого самъ доброволне зналъся и признавалъ тут, же оставивши жону свою, подмовилъ еще одну з слободы Михалкини вдову и другую з Погару, тожъ вдову, тилко жъ з тими правѣ двома не чинилъ злого учинку, а з третею чинилъ, за який проступокъ и его Кондрата казано мистру бити и з мѣста выгнати, што есть и записано.

Декъретъ на Івана Тарасова, страчоного за зкгвалчене дочки своей.

Року 1693 мѣсяця марта 6 дня [1]).

На майстратѣ И. Ц. П. В. Стародубовскомъ, за вѣдомомъ и злеценемъ его милости пана Михайла Миклашевского, полковника войска И. Ц. П. В. Запорозкого Стародубовского, перед нами: Дмитромъ Бурманомъ, обозномъ, а Самойломъ Івановичомъ, судею полковимъ, Стародубовскими, Спиридономъ Яковлевичомъ Шыраемъ, войтомъ, Борисомъ Карповичомъ, Стефаномъ Тимофѣевичомъ и Трофимомъ Кунковичомъ, бурмистрами, а притомностю е. м. п. Івана Бистрицкого, дозорци добръ панскихъ шептаковскихъ, а п. Карпа Манковъского, сотника Шептаковского, для прислуханя декретови нижей виражаючомуся в Стародубовъ зехалими, приточилас справа: ижъ Іванъ Тарасовъ, родомъ поведаючийся з Коклева, а жителъ теперъ Шепта-

---

1) Въ рукописи 1623: очевидная описка.

овскій, маетности панскои ясне велможного добродѣя е. м. п. гетмана, зи-
зний будучы на зломъ Богу мерзкомъ содомскомъ учинку, то есть на
кгвалченю родной дочки своей, и припроваженый за знанемся доброволымъ до Стародубовского секвестру в числехъ мимошедшихъ, поколкократне
ведлугъ записаня до протокуловъ зналъся до такъ тяжкого противъ прироженя виступку, маестатъ Божий ображаючого, а на остатокъ мѣсяця
дня вишъписаного ведлугъ волѣ реиментарскои ясне велможного добродѣя е. м. п. гетмана за прибытемъ на судъ пана Яна Бистрицкого, старости Шептаковъского, и п. Карпа Манковского, сотника Шептаковского, тотъ
ималый дочки своей родной кгвалтовникъ, на судъ припроважоный з секвестру Стародубовского, на питане урядовое достовѣрнѣйшое о его томъ
зломъ виступку зналъся, же тое дочцѣ своей насилие таковим пополнил
способомъ: пришовъши з винъници и мало напившись горѣлки, лежалъ черезъ увесь день дома, потомъ уставшы а видячы жону мою з дочкою моею
лежачихъ на ложку, пойшолемъ к нимъ, а гдыжъ послѣ жоны моее зкгвалилъ и дочку мою, которая, отъ мене втекъшы, дала знати крестному отцу своему Степану Вдодове и чуючы который, прийшовши з людми самотретъ в домъ мой и учувши то, жемъ такъ злому призналъся учинку, взяли
мене и припровадили до е. м. п. старости Шептаковского, где яко повторе
доброволне зналемся, такъ и теперъ знаюся, жемъ такъ учинилъ насилие
дочцѣ моей. Судъ нинешъний, вислухавши зезнаня такъ тяжкого грѣху,
противъ прироженю пополненного, з давнихъ вѣковъ многонароднимъ упадкамъ причиною будучого и срокгого караня достойного, гнѣвъ Божий того
зады и на невинныхъ подвигаючого, любо долженъ былъ прихилитися до
права посполитого, спаленемъ с огня таковихъ карати росказуючого, однакъ, уважаючи доброволное знанеся, феруетъ декретъ з тогожъ права
посполитого, жеби при зобраню народа под часъ ярмарковий на пострахъ
инимъ билъ оний казиродникъ сегожъ числа мечемъ стятий, што, якъ ся
сточило, казалисмо записати и есть записано.

Зезнане Ходосѣ Ліовчихи, жытелкы Стародуб., на кожню, лежачую в
Еленцы, урочищемъ межи пожнями Іванови Андриянови и трубачови, проданую на вѣчностъ Степановѣ Гавриловичовѣ, жителевѣ Стар., року 1702
февруал. 25 за золот 10 за копъ осмъ.

Уволние людей великороссійскихъ черезъ е. м п. полковника в справѣ ихъ о пропалых гроших в Іліи Калужанина Афанасовича.

Року 1702 февруалия 23.

Уволнил теди его милость панъ полковникъ Евдокима Алексѣевича,
Никипора Алексѣевича и Михаила Алексѣевича, Григория Лукяновича, Івана
Микитина, Григорія Микитина, Андрея Гаврилова и Івана Максимова, Ігна-

та Павлова, Дениса Андрѣева, Фоми Тимофѣева, калузскихъ посадкихъ людей, которие стояли на той господѣ, где стала шкода пятдесят шест рублей в Ілии Афаносовича Калужанина зичимъ, что есть записано.

Року 1702 февруалия 25.

Перед нами, Владимером Завадным, висланым справи ярмарковие судити, ставши очевисто Ярмакъ Савелевъ, Калужанинъ, о пропажѣ денегъ Ілѣныхъ Афанасовичовых против Андрея Гавриловича такое на доводъ далъ свѣдителство: іжъ року 1690 онъ, Андрей Гавриловичъ, з хажаиномъ своимъ виберался з города Стародубова в Калугу з едной господы, в которой его Ярмака лежалъ воскъ, той взявши воскъ, Андрей в свою скриню замкнулъ; того воску, где би ся подѣлъ, Ярмакъ самого хажаина Андреева питался, а потомъ и его Андрея кгди запиталъ о воску, я правѣ сховалъ правѣ в скриню, и такъ з скринѣ Андрей отдалъ воскъ Ярмаковѣ, що естъ записано. Андрей Гавриловичъ о тых денгах такъ отводился, іжъ тыхъ денегъ з рукъ Побожиевих до себе не приймалъ, але онъ Побожѣй самому Іллѣ за пазуху вложилъ и заразъ з нимъ Побожиемъ ходилъ я правѣ до Макарихи и там сидѣлисмо.

Зезнане Евдокыи Юрковны, першого малженства Прокоповое, а второго Івановои Капиносовой, и сина еи Хведора Прокоповича, яко поссесора на кгрунтъ, прозиваемий Бурдаковщина, проданый е. м. п. полковниковѣ за сумму золот. 1560 золотыхъ року 1702 априля 8.

Оповедане Гостинной сотнѣ Гавриила Яковлевича Чорного.

Записано року 1702 мѣсяця декаврия 21 дня и нижей.

На майстратѣ Е. Ц. П. В. Стародубовскомъ, за вѣдомомъ и злеценемъ урожоного его милости пана Михаила Миклашевскаго, полковника войска Е. Ц. П. В. Запорозкого Стародубовского, передъ нами: Яковомъ Завадовскым, судіею полковимъ Стародубовскымъ, а Спиридономъ Яковлевичомъ Шираемъ, войтомъ, Микытою Потаповичомъ и Малахиемъ Фоминичомъ и бурмистрами Иваномъ Шираемъ и Иваномъ Кононовичемъ, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними постановившися очевисто, гостинной сотнѣ Гавриилъ Яковлевичъ Чорный чинилъ явку и оповедалъ урадовѣ, что купилъ пенки берковцовъ тисячу у рожнихъ людей ценою берковецъ по талярей шесть и тая пенка залежала для зопсованой зимней дороги на рокъ тисяча семсотный третѣй и не выпроваженая в путь найдуется въ Стародубове, якую явку и оповедане его пана Гаврили Яковлева вислухавши, казалисмо в кныги мѣскые стародубовские записати и есть записано. Гаврило Яковлевъ Чорной.

Вписованне отколъ хто едетъ и за якимъ указомъ.

Року 1718.

23 Августа за листомъ его милости пана судии енералного Івану Сацкому контентъ давался.

24 Августа за подорожною отъ бор криксъ комисара Плещѣева, з орзна писаною 21 Августа, Астраханского драгунского полку каптенарусъ Василій Андрѣевъ Кашперевъ ехалъ до Рословя; дани ему подвода, роводникъ и контентъ.

27 Августа за того ж Плѣщѣева подорожною капралу Петру Козакову.

3 Септеврія за подорожною каменданта черниговского Івана Ушакова калъ прапорщикъ Андрей Тимоновъ; дано ему подводъ 2.

4 Септеврія за подорожною маіора Опухтина вахмистру Івану Хвостову.

Подорожная о провоженю припасовъ Сави Рагозинского.

По указу Великого Государа Цара и Великого князя Петра Алексѣевича, самодержца Всеросиского, отъ Москви до Калуги и до Болхова и до ѣвска и до малоросиских городовъ и до Кіева по емамъ давать надворного совитника Сави Владисовича Рагузинского служителю его Павлу Матѣеву с товарищи шесть подводъ, а назадъ подъ запаси десят подводъ съ проводники безъ всякого задержанія, имая за тѣ подводы поверстніе денги ю Его Царского Величества указу декабра третяго дня 1720 году. У тоей подорожной подписъ руки тими слови: Ивас Ваековъ. Посланъ оний служителъ з с товарищи из Москвѣ из дому Его Царского Величества надворного совитника и ковалера графа Сави Владисовича Рагозинского въ алоросиские городи въ тамошніе его Рагозинского маетности для отправленія в продомовой ево обиходъ якіе и протчихъ припасовъ на скоро. 1720 году декабра во 4 день Киевской губернѣ въ городехъ даван подводъ, имае за те подводи поверстніе денги по Его Царского Величества указу. Каммисаръ Мансуровъ. Поданъ сей указъ року 1721 февраля 1 дня. Въ сем вижей писанномъ указѣ Государственномъ подводъ десятъ давати, а в рейментарской подорожной подскробано не согласно вижей писанному указу, приписано подводъ десятъ, якожъ и онъ посланный Семенъ уступилъ пяти подводъ, а пятнадцати требовалъ и кгвалтовне на тое настоявалъ, абы ему тотъ часъ видано.

Списокъ указу монаршого о подводах господину капитану Маврину.

Поданъ року 1721 Ноеврія 23.

По указу Пресвѣтлѣйшого и великодержавнѣйшого Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексѣевича, Самодержца Всероссійского и прочая и прочая, отъ Новой Ладоги до Нова города по селамъ и по дерев-

нямъ, а отъ Новагорода до Смоленска, а отъ Смоленска до Стародуба и назадъ возвращающомуся до Москви и до Санктпетербурху по ямамъ емщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, по селамъ и по деревнямъ давать посланному изъ Новой Ладоги до козацкихъ полковъ капитану господину Маврину тры подводы вездѣ без задержаніе, имае съ него поверстніе денги по указу, а імено отъ Новой Ладоги до Нова Города по денги на версту, а отъ Нова Города до Смоленска и до Стародуба по четиры денги на десят верстъ. Понеже тому капитану велено мнѣ подорожную дать по указу изъ високо правительствующаго сената, а в том указе пишет: для осмотренія над старшиною, даби казаковъ велилъ здоволствомъ, и для протчего послани афицеры четиры человика и в присилке ихъ в сенатъ посланъ указъ въ военную коллегію, на которой ис той коллегіи в доношеніи написанно, чтобъ военная коллегіи приговорила при вышеупомянутихъ козацкихъ полкахъ послать своихъ офицеровъ четирехъ человѣкъ из каменди генерала маіора графа Кэнтакузина, а онимъ афицеромъ по рангамъ ихъ въ даче по трактомъ подводъ подорожніе и на тѣ подводи прогони велено выдать мнѣ из суммы каналнихъ денегъ. А подписъ руки таковый: Григорій Скорняковъ.

Да в томъ же указѣ нѣже тамъ на подписаню: октября во 14 записавъ сказку въ книгу подводи отправя за прогони . . . . . . князь Хилковъ по сей подорожной в Смоленску кгуберніи, по якому емщикамъ ввишеписанному капитану господину Маврину давать три емскіе подводы со взятемъ указнихъ прогоннихъ денегъ. Полковникъ Пасникъ. Ноебря 18 дня року 1721.

Копие пашпорту Кузми Немилова бурмистра з орломъ.

По указу Его Величества Петра Великаго, Імператора и Самодержце Всероссійскаго и протчая и протчая и протчая.

Выслани из держави Володимерови пришліе люде Кирило Лукяновъ да Іванъ Яковлевъ с женами и з детми в Стародубовской уездъ, а именно в слободу Кнежую, где оніе прежъ сего изстари живали, отцы ихъ и деды, для того что по Его Імператорского Величества указу прышлыхъ людей повелено отсылат в старіе их места и по городамъ господамъ воеводамъ и комисарамъ и бурмистромъ, а на заставахъ обретающимся офицерамъ и салдатомъ, а по селамъ и по деревнямъ прыкащикамъ и старостамъ и всякихъ чиновъ людемъ, где кому о томъ ведат повелено. Оныхъ вышеписанныхъ Кирилу да Іване съ женами и зъ детми до вышепомянутого уезду пропущат вездѣ без задержаніе, для того и данъ имъ сей поншпортъ. У сего поншпорту прыпись земскихъ делъ бурмистра Леона Кузмича Немилова. Бурмистръ Леонъ Немиловъ. 1722 году Марта въ 3 день. Сей пашпортъ въ книгу записанъ.

Року 1704 мѣсяця Августа 11 дня.

На майстратѣ Царского Пресвѣтлого Величества Стародубовскомъ передъ нами: Станѣславомъ Полубѣнскимъ, атаманомъ городовимъ и полковникомъ на сей часъ наказнимъ Стародубовскимъ, Микитою Потаповичомъ, бурмистромъ и войтовское мѣстце засѣдаючимъ, Малахиемъ Фоминичомъ, бурмистромъ вторимъ, и всѣми рочне засѣлими радними особами постановившися очевисто, панъ Яковъ Ширай, райцевичъ, при битности его милости пана Прокопа, обозного полкового Стародубовского, подалъ ку записаню до книг право вечистое на кгрунта, в немъ виражении, вѣчностю собѣ служачое, которое такъ ся в собѣ мѣетъ: я, Пилипъ Хромчонокъ, товарышъ войсковый, жител села Соловы, уезду Стародубовского, чиню вѣдомо тимъ моимъ вечистимъ записомъ, кому о томъ вѣдатиналижатиметъ, въ кождого суду, права и уряду тепер и в потомние часи, іжъ я, мѣючи правомъ прирожонимъ в поссесии пожню свою власную, нѣкому нѣ в чомъ не пенную и нѣякимъ правомъ нѣкому незаведенную, в вершинѣ Соловы речки лежачую, з едной сторони отъ Івана Хромченка, меншого брата моего, пожнѣ, а з другой—от его милости пана Михайла Миклашевского, небожчика полковника Стародубовского, сѣножатного кгрунту, ку тому теж и отчину дерево бортное з пчолми и безъ пчолъ новодѣтъ и зо всѣмъ залазнимъ деревомъ, прозываемую Семковскую отчину, почавши отъ вершини Соловы речки болотомъ Иржавцемъ в Еленку речку, отъ Еленки речки до выжейписаной речки Соловы открестность свою ведучую, з дубровою, до тоей ж отчини належною, там же и займище млиновое, урочищемъ на рукавцю, у верхъ Соловского млина найдуючоеся, мое власное з дворомъ, в Соловѣ стоячимъ, все тое угодя, яко ся вишей изобразило, въ особливости отъ братовъ моихъ на мене выдѣленое и правомъ отчистимъ приналежачое, я же мѣлемъ, уживалемъ и держалемъ в своей поссесии, жадному з братовъ моихъ, потомковъ и всѣхъ покревнихъ моихъ жадного права, приступу и акцѣи до пречечонихъ моихъ власнихъ кгрунтовъ не зоставляючи и найменшой части з тихъ невиймуючи, записую, подаю и поступаю в вечистую поссесию пану Якову Шираю, райцевичу майстрату Стародубовского, малжонце и потомкамъ его владѣти спокойне во вѣчное время за сумму, власними руками моими одобраную, золотихъ осмъ сотъ личби литовской монети доброй, в которой одобраня и квитую симъ вечистимъ записомъ пана Якова Ширая, волно теди пану Якову Шираю, малжонце и потомкамъ пречечоними кгрунтами пожнею, отчиною спокойне владѣти и вшелякие пожитки привлащати, дати, продати, даровати, заменяти, на займищи помененомъ за выправленемъ рейментарского фундушу греблю засипати, млинъ строити и як хотя ку найлѣпшому пожиткове своему оборочати вѣчними часи, а я самъ,

жона, потомки мои и нѣхто з братовъ родних моихъ и покревнихъ до проданихъ мною выжей помянутихъ кгрунтовъ интересоватися, перешкоди и найменшой шкоди в спокойномъ держаню пану Шираю и потомкомъ его чинити не мѣютъ и повѣнны не будутъ и о вшемъ в кождого права, суду и уряду отъ кождого в тих кгрунтахъ, проданихъ пану Якову Шираю, перешкоду чинячого самъ своимъ коштомъ заступати, очищати и боронити мѣю и повиненъ буду подъ закладомъ заруки золотихъ осми сот и нагороженемъ шкоди голимъ словомъ менованой; для лѣпшой теди имѣвѣрности и крепчайшой в потомний часъ твердости и сей записъ вечистий далемъ пану Якову Шираю з подписомъ імени моего рукою власною и подписомъ вѣри рукъ достойнихъ нижей выражонихъ особъ, о подписъ упрошонихъ. Въ Стародубѣ, року тисяча сѣмъсотъ четвертого мѣсяця мая первого дня. В того вечистого запису подписъ руки его власной и отъ него упрошонихъ особъ в тие слова: Филипъ Хромчонокъ рукою власною, притомъ будучий упрошоный о подписѣ руки отъ продаючой особи, яко не умѣетного писма, Филипа Хромчонка, до сего запису записуюся Максимъ Федоровичъ, жител старопочепский. Устне упрошоный отъ Филипа Павловича Хромчонка, до того вечистого запису его будучи притомный на той часъ, подписалемся Каленикъ Ивановъ, священникъ Св. Вознесенский, рукою. За вѣдомомъ моимъ и позволенемъ спровованый и предо мною вычитованый сей вечистый записъ при печати и подписомъ руки моей ствержаю. Прокопъ Силенокъ, обозный полковый и полковникъ наказный стародубовский. Якого запису на урядѣ читаного и за слушный узнаного выслухавши, казали до кныгъ мѣскихъ стародубовскихъ записати и есть записано.

Року 1706 мѣсяця Ноемврія 21 дня.

На маѣстратѣ Его Царского Пресвѣтлого Величества Стародубовскомъ ставши очевѣсто Екатерина Якимовна Василиха, жителка Стародубовская, въ справѣ сина своего Евфима Василевича Русука въ тотъ способъ: еже онъ былъ в Івана Анисковича якобы на рокъ в добрий способъ на рокъ, а потимъ, не дослуживши, не знаю з якой причины или з наущеня злих людей, онъ, у Івана Анисковича гдеякіе речи позабравши, уішолъ былъ; теди тепер проз прозбу родителки своей за порукою еи мѣлъ вѣрне и правдиве мае пану своему служити одъ сего року 1706 мѣсяца ноемврія 8 дня, то есть отъ святого Христова Михала, ажъ до прийдучого святого Михаила в року 1707, а еже бы мой синъ Евхимъ не малъ дослужити, тоди его милости пана за все втрити части еднати под вѣною на вряд золотихъ 100. В тимъ записалемся до книгъ и естъ записано.

Важнѣйшія опечатки и пропуски въ сборникѣ пѣсенъ Я. П. Новицкаго.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
51	20 столб. 2	сукно крое	сукно крае
53	7 — 1	витры буйніи,	витры все буйніи
—	30 текстъ	и не перейдешъ	и не перендешъ
55	22 —	изъ Паволоты	изъ Паволочи
67	11 —	скували въ зализо	скуваты въ зализо
70	36 —	Хмельницкій, соедившись	Хмельницкій, соединившись
74	20 —	тоди ходя навтикы	тоди—хода навтикы
76	5 —	приказуе запорожцямъ. „Оце	приказуе запорожцямъ: „Не розбигайтесь, братци: держиться купы“. Воны его и слухають. Оце и т. д.
77	7 —	а по долононци—	а по долынонци—
78	14 столб. 1	Та вывелы въ чистое	Та вывелы въ чисте
—	11 — 2	И левенця спомняты,	И левенця спомнянувъ,—
—	26 текстъ	стари, таракуваты	стари, таранкувати
—	32 выноска	Телята, лыноча	Телята, лошача
79	18 стихъ	товарычество	товарыство
80	3 —	а подывлюся а на ридну	а подывлюся на ридну
81	19 —	А мижъ панъ-Кошовый	А мижъ нымы панъ кошовый
—	31 —	Ой не бійся братъ Кравче	Ой не бійся брате Кравче
83	33	и въ писни описывають	и въ писни спивають
88	7 столб. 1	доровъ кумы мои,	доровъ кума моя,
89	17	викно-оболони	викно-оболоню
91	5	край веселый повертала	край веселый назадъ повертала
92	2 снизу	тому Турасови.	тому Турасеви,
95	28	А журавль	А журавель
98	16	чарки.	чарка.
103	30	ричкою Савгыря	ричкою Савгырью
108	14	несчастина	нестастлыва
109	12	А Петруненька	А Петрунена
112	12 столб. 2	край-стороньку	край-сторононьку
114	9	спывся	впывся
—	19	по пидъ Синемъ моремъ	по надъ Синемъ моремъ
118	5 столб. 1	Якъ пиду	Якъ пишла
—	34	дви мысли	дви мыли
—	35	ходыть низько,	ходить слызько
123	3 снизу 1	порадонця въ хати	порадныця въ хати
125	7 столб. 1	высокостяхъ	высокостахъ
—	12 — 2	Сидай сами	Сидайте сами

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
128	1—4 столб. 1	Воны мене звеселяють, Воны зъ мене добичъ мають. Ой красенъ я козакамы, Молодымы рыбалкамы,	Ой красенъ я козакамы, Молодымы рыбалкамы: Воны мене звеселяють, Воны зъ мене добичъ мають.
134	5 столб. 2	А кожы,	А скажы,
—	9	Ольшанское	Ольгинское
137	9 — 1	Десь це взявся	Десь не взявся
—	6 — 2	уже й нажывывся	уже й пожывывся
—	2 снизу	Базавирци	Базавлуци
142	21 столб. 2	до дому	додолу
143	19 — 1	порядныця	порадныця
—	20 — 1	порядь	порадъ
—	12 — 2	зозули считаты	зозули литаты
146	4 — 2	ривамы	рикамы
148	20 — 1	тоби буде	тоби дубе
—	29 — 1	набуду,	добуду,
152	25 — 1	младу,	молоду,
153	17	Та изродывши, та изродывши	Та изродывше, исповивше
154	7	гостювала	гостюватему
—	25	водыци попывся	водыци напывся
156	9 столб. 1	посылае	посылала
—	3 сн. — 2	Ни мылая	Ни малая
157	11	Хымо, хымо	Хылю, хылю
—	17	Шо одбывъ	Шо одбыва

Примѣчаніе. Въ началѣ библіографическихъ замѣтокъ вмѣсто ср. (сравни) должно быть вездѣ см. (смотри).

Добавленіе и опечатки къ статьѣ Врачебное сословіе древняго Рима Ф. Л. Германа.

Въ литературѣ стр. 2 пропущены:

Daremberg et Saglio. Dictionaire.

Bégin, Emile. „Lettres sur l'histoire medicale du nord—est de la France“ въ „Mémoires de l'academie royale de Metz“. 1840.

Bruner, Conrad, D-r Med. „Die Spuren der römischen Aerzte auf dem Boden der Schweiz“. Zürich. 1894.

Fröhlich, D-r H. „Ueber die Kriegschirurgie der alten Römer“. въ Archiv für Klin. Chirurgie. Bd. XXV pag. 285.

Loewenfeld, Theodor „Jnaestimabilität und Honorirung der Artes liberales nach römischem Recht“ въ „Festgabe der Münchener Juristenfacultät zum Doctorjubiläum des Herrn Geheimen Rats und Professors D-r. Joh. Jul. Wilh. v. Planck“. München. 1887.

Stumpf, K. „Das Medicinalwesen in dem römischen Heere“. S A. 1894.

Verwaest, Paul „De la condition des medecins privés a Rome“ Paris 1892.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣд. чит.*
214	19 сверху	поясу	ножу
218	1 „	освободили (правильнѣе—подтвердили) раньше дарованныя привилегіи	освободили (правильнѣе и т. д. привилегіи)
223	5 снизу	Hardian'омъ	Hadrian'омъ
224	2 сверху	сомнѣніе	мнѣніе
—	12 „	у хода	ухода
227	10 „	Lutona	Latona
—	12 „	Oribus	Oribas
229	18 „	въ практикѣ жизни	въ практической жизни
230	9 „	aergos	aegros
234	7 снизу	Publilius Surus	Publius Syrus
237	6 „	Brian	Briau
239	5 сверху	въ числѣ	въ чинѣ
241	11 снизу	Brion	Briau
242	9 сверху	Vectius Valeus	Vectius Valens
—	3 снизу	Темисана	Темисона

Списокъ Харьковской полковой старшины и сотниковъ, составленный по требованію подполковника Пассека.

Промеморія Изюмскаго полковника Данилевскаго въ Харьковск. полков. канцелярію о присылкѣ въ Изюмъ изъ Харьковск. полка 66 человѣкъ козаковъ для содержанія карауловъ у опасныхъ по Донцу мѣстъ.

Ордеръ объ исполненіи указовъ: о привозѣ провіанта, о заготовленіи сѣна драгунскимъ полкамъ, о выступленіи козаковъ въ походъ и о командировкѣ ихъ въ извѣстныя мѣста.

Доношеніе Люботинскаго атамана Мартина Гиренка о томъ, что въ Люботинской сотнѣ за раскомандированіемъ козаковъ въ команду подпрапорнаго Геевскаго выбрать некого.

Письмо Кошелева въ Харьков. полков. канцелярію о присылкѣ списка подпрапорныхъ и отставного сотника Жукова.

Реестръ оставшихся при Харьков. полку прапорныхъ и отставныхъ сотенныхъ и полковыхъ старшинъ.

Письмо Кошелева о представленіи къ нему отставныхъ старшинъ: Романа Квѣтки, Андрея Авксентьева, Якова Денисевича, Ѳанасія Протопопова и Никиты Ковалевскаго, какъ „не обрѣтающихся ни у какихъ дѣлъ".

Сообщеніе о побѣдѣ Калмыцкаго хана Дундукъ Амбы надъ Кубанскими татарами.

О высылкѣ козаковъ для содержанія патрулей по р. Донцу.

Указъ о появленіи за линіей непріятелей и объ отгонѣ съ острова Дубоваго запорожскихъ лошадей и воловъ.

Указы о намѣреніи Кубанскихъ татаръ, а съ ними и Некрасовскихъ козаковъ напасть на донскія земли, на калмыцкіе улусы и на Азовъ.

Вѣдомость о старшинахъ и подпрапорныхъ, оставшихся отъ похода съ обозначеніемъ, кому какое поручено дѣло.

Указъ о высылкѣ къ кригсъ комисару кн. Трубецкому въ Переволочную козаковъ „въ полной исправности".

Доношеніе подпрапорнаго Андрея Тихоцкаго о томъ, что онъ находится при Липецкомъ Магазинѣ при покупкѣ провіанта и фуража и поэтому не можетъ быть отправленъ къ Трубецкому въ Переволочную.

Доношеніе Салтовскаго сотника Ѳеодора Картавова о томъ, что нѣтъ козаковъ въ Салтовской сотнѣ, помимо стоящихъ на караулѣ по случаю опасной болѣзни въ м. Хотомлѣ и Салтовѣ.

Указъ о принятіи мѣръ предосторожности (укрѣпить границы, поколоть ледъ на Днѣпрѣ и пр.), такъ какъ ханъ Крымскій намѣренъ сдѣлать нападеніе на Украину.

Указъ о выступленіи козаковъ противъ непріятеля.

Письмо подпрапорнаго Жукова къ Харьков. полковнику съ прось-

бой о защитѣ Соколовскаго жителя, обвиняемаго драгунами въ покражѣ лошади.

Доношеніе гр. Дукласу о выступленіи Харьков. полковника съ полкомъ къ Балаклѣѣ.

Реестръ выступившихъ въ походъ.

Вѣдомость о числѣ козаковъ въ каждой сотнѣ Харьков. полка.

Реестръ козаковъ и старшинъ Харьков. полка, числящихся по списку.

Реестръ козаковъ и старшинъ, выступившихъ въ походъ.

Доношеніе Харьковскаго полковника гр. Дукласу о томъ, что „за малолюдною командою и за худостью лошадей" онъ не можетъ догнать команды Дукласа.

Списокъ подпрапорныхъ Харьковскаго полка.

Реестръ козаковъ, отправленныхъ изъ Салтовской сотни въ Бѣлики, Новыя Санжары и Бѣленькое.

Доношеніе Угольчанскаго сотника Ивана Ковалевскаго о томъ, что проходящіе полки причиняютъ обиды и „разоренія" обывателямъ и нѣкоторые изъ козаковъ бѣжали.

Указъ о поимкѣ бѣжавшихъ изъ Курска плѣнныхъ Турокъ и Татаръ.

Указы о готовности обывателей къ отпору непріятеля, который находится вблизи линіи.

Извѣстія о движеніи непріятеля.

Письмо Дунина къ полковой старшинѣ Харьковскаго полка о движеніи крымской орды отъ Черкаска вверхъ по Донцу.

Письмо Девица о томъ, что непріятель находится у Днѣпра.

Рапортъ Харьковск. полковника о томъ, что некого послать на линію, ибо всѣ козаки раскомандированы.

Доношеніе Салтовскаго сотника Картавого о томъ, что изъ г. Салтова и Мартового нельзя выслать къ линіи козаковъ по причинѣ опасной болѣзни.

Доношеніе Тишковскаго сотника Аксентіева о раскомандированіи всѣхъ козаковъ Тишковской сотни.

Указъ о готовности слободскихъ полковъ къ отпору непріятеля, который показался у Дона противъ Мелеховской станицы.

Письмо подполковника Пассека о томъ, что Кубанскіе татары переправляются по сю сторону Дона между Золотовскою и Бавскою станицами.

Указы о высылкѣ козаковъ на линію для отпора Кубанцевъ и Крымцевъ.

Доношеніе Харьков. полковой канцеляріи о томъ, что выслать на линію некого.

Указы о движеніяхъ непріятеля.

Требованіе вѣстей о намѣреніяхъ непріятеля у плѣнныхъ татаръ.

Инструкція, данная обывателямъ въ ожиданіи нападенія непріятеля.

Указъ всѣмъ владѣльцамъ и атаманамъ о вооруженіи обывателей и отправкѣ ихъ на линію.

Письмо Ласси къ Харьков. полковнику о томъ, что генералъ-маіору Аракчееву велѣно осмотрѣть Харьковскій полкъ.

Рапортъ о числѣ старшинъ и козаковъ въ Харьков. полку.

Письмо Ласси о командированіи по 150 козаковъ отъ Харьковск. и Изюмскаго полковъ для конвоя воловыхъ подводъ.

Реляція посланника Ланчинскаго изъ Вѣны объ успѣхахъ австрійцевъ въ войнѣ съ Турками.

Выписка о томъ же изъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей.

Копія съ реляціи гр. Миниха о побѣдѣ надъ непріятелемъ 30 іюня.

Указъ о командированіи къ Азову 1000 козаковъ изъ Слободскихъ полковъ.

Реестръ козаковъ, командированныхъ въ Азовъ.

Списокъ козаковъ, отправленныхъ въ Азовъ.

Доношеніе въ Харьков. полковую канцелярію о томъ, что въ сотняхъ Тишковской, Липецкой и Салтовской не оказывается ни одного коннаго козака для командированія въ Азовъ.

Вѣдомость о пѣшихъ козакахъ, взятыхъ съ Липецкой и Салтовской сотенъ.

Указы, письма и пр. о командировкѣ 1000 козаковъ изъ Слободскихъ полковъ въ Азовъ.

Указъ о высылкѣ наряженныхъ козаковъ въ команды гр. Миниха и гр. Ласси, также въ Очаковъ и Кинбурнъ и пр.

О командированіи козаковъ въ Усть-Самару.

Указы о командированіи козаковъ въ назначенныя мѣста.

№ 20-й 1738 г. (на 50 листахъ).

Промеморія въ Харьковскую полковую канцелярію, инженера Сацперова (?) о томъ, чтобы его извѣстили о прибытіи работниковъ для починки Харьковской крѣпости.

Указъ о починкѣ крѣпостей.

Доношеніе изъ Харьковской полковой канцеляріи о томъ, что всѣ крѣпости починены.

О починкѣ Валковской крѣпости.

О приготовленіи деркачевскимъ жителемъ Рябчинскимъ близъ Золочева селитры.

Доношеніе перекопскаго сотника Федора Пащинскаго о томъ, что перекопская крѣпость не починена.

Письмо бригадира Дремонта Голенищева-Кутузова Харьковскому полковнику о состояніи Харьковской крѣпости и о числѣ пушекъ въ крѣпости.

Доношеніе о состояніи крѣпостей Харьковск., Золочевской, Ольшанской. Соколовской, Валковской и о числѣ находящихся въ нихъ пушекъ.

Письмо Дугласа Харьковскому полковнику съ публикаціей, не захочетъ-ли кто отвезть на своихъ судахъ изъ Изюма въ кр. Св. Анны пушки и пр.

№ 21-й 1738 г. (на 165 листахъ).

Указъ о предосторожности отъ нападеній со стороны кубанцевъ и черкесовъ и пр. непріятелей, которые находятся подъ Черкаскомъ.

Указъ о томъ, что непріятель, перешедъ р. Аксай и отогнавши скотъ изъ подъ Черкаска, направился къ Донскимъ и донецкимъ крѣпостямъ.

Указъ о томъ, что крымскіе татары переправились черезъ р. Бугъ при урочищѣ Козацкомъ Бродѣ и черезъ р. Днѣпръ выше Кодака, а Кубанскіе пробираются къ Донцу. (См. также ст. 32).

Указъ о томъ, чтобы козаки съ старшиною собрались у Чугуева, Изюма и у Донца къ отпору непріятеля, ибо, какъ донесено изъ Бахмута, по степи „шатаются не малыя татарскія партіи".

Указъ изъ Харьковской полковой канцеляріи о томъ, чтобы всѣ сотники съ козаками при полномъ вооруженіи собрались въ Пѣсочинѣ.

Дополненіе Пересѣчанскаго сотника Андрея Головашича о томъ, что ему отлучиться нельзя, такъ какъ ему поручено Фонъ Лессіемъ смотрѣть за государевыми лошадьми.

Указъ Румянцова о готовности къ отпору непріятеля: козакамъ не отлучаться далеко отъ мѣстожительства, имѣть при себѣ всегда лошадей. которыхъ хорошо откармливать, имѣть въ запасѣ сѣно и пр.

Указъ объ укрѣпленіи пограничныхъ мѣстъ рогатками, о починкѣ мостовъ и объ исправленіи верстовыхъ столбовъ.

Извѣстіе о томъ, что татары взяли въ плѣнъ нѣсколько Бахмутскихъ солеваровъ.

Указъ Миниха о готовности запорожскихъ козаковъ, находящихся въ Малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ къ отпору непріятеля.

Указъ Миниха о высылкѣ запорожцевъ изъ Слободскихъ полковъ къ линіи.

Указъ А. Румянцова о высылкѣ на линію изъ Слобод. полковъ 1000 человѣкъ къ генер. Девицу для защиты границъ.

Письмо П. П. Ласси къ Харьковскому полковнику о томъ, что Крымскій ханъ вмѣстѣ съ бендерскимъ Сераскиромъ и Буджацкимъ султаномъ намѣренъ напасть на границы Россіи.

Письмо Ласси къ Харьковск. полковнику о томъ, что непріятель напалъ на Усть-Самару, и чтобы посему обыватели имѣли предосторожность —попрятались въ укрѣпленныя мѣстечки.

Указъ, какъ поступать при нападеніи непріятеля на Россійскія границы.

Инструкція подпрапорному Николаю Сухомлину, отправленному для по-уждeнія сотенной старшины о приходѣ съ козаками въ с. Гавриловку.

Указъ о явкѣ всѣмъ сотникамъ и сотенной старшинѣ съ козаками въ ъ с. Гавриловку для похода противъ непріятеля.

Вѣдомость козаковъ сотенъ Харьковскаго полка.

Вѣдомость о козакахъ, находящихся при Харьковскихъ караулахъ именная).

Вѣдомость о козакахъ, находящихся въ дистанціи капитана Титова тъ р. Лопани и Песокъ до р. Харькова.

Указы и письма о приготовленіяхъ къ отпору непріятеля.

Указъ о смѣнѣ козаковъ стоящихъ около Спеваковки и Изюма по р. Донцу и о назначеніи у г. Харькова карауловъ.

Письма Дунина о посылкѣ козаковъ въ 1000-ое число на линію.

Письмо Дугласа къ Харьковскому полковнику о томъ, какъ поступать при ожидаемомъ отъ непріятеля нападеніи.

Экстрактъ изъ письма, полученнаго изъ пограничья о намѣреніяхъ хана крымскаго.

Рапортъ о числѣ людей Харьковскаго полка, выступившихъ въ походъ.

Письмо А. П. Девица Харьковскому полковнику о дѣйствіяхъ непріятеля.

Письмо Дремонта Голенищева-Кутузова о содержаніи крѣпости въ порядкѣ въ виду нападенія непріятеля и объ осмотрѣ Харьков. крѣпости бригадиромъ Нѣмцевымъ.

Указъ о выступленіи слободскихъ полковъ къ отпору непріятеля.

Указъ о содержаніи обывателей и йхъ имущества въ закрытыхъ и безопасныхъ мѣстахъ, въ виду ожидаемаго нападенія отъ татаръ.

Доношеніе атамана Епифана Асмолова о томъ, что изъ Тишковской сотни некого выслать въ Гавриловку за раскомандированіемъ козаковъ.

№ 22-й 1738 г. (на 304 листахъ).

Доношеніе липецкаго сотника Авксентіева въ Харьков. полковую канцелярію о томъ, что козакъ Прокофій Сененко ушелъ со всѣмъ семействомъ и имуществомъ въ сл. Сонцову.

Доношеніе его же объ уходѣ въ сл. Венгереву козака Сипченка.

Письмо Ласси Харьковскому полковнику объ объявленіи помѣщикамъ, чтобы они не принимали въ свои слободы бѣглецовъ.

О бѣжавшихъ козакахъ Перекопской сотни въ хуторъ ген. Кейта.

О козакахъ, ушедшихъ изъ Мерефы въ разныя мѣста.

Указъ о возвращеніи изъ вотчины кн. Крапоткина бѣглыхъ ямщиковъ Зимнегорскаго стана на прежнее жительство.

Инструкція Липецкому писарю Донцу, отправленному для приведенія въ исполненіе вышеупомянутаго указа (1740 г.).

Вѣдомость „сходцевъ“ вышедшихъ изъ сл. Рокитной (маіора Куликовскаго) въ сл. Воскресенскую (1740 г.), здѣсь же вѣдомость о количествѣ засѣяннаго этими сходцами хлѣба (1740 г.).

Доношеніе Перекопскаго сотника Пащинскаго о томъ, что приказчикъ хут. генер. Кейта не выдаетъ бѣглыхъ козаковъ.

Письмо ген. Кейта къ этому сотнику о томъ, что бѣглые козаки просили его о разрѣшеніи имъ владѣть своими прежними землями.

Доношеніе Харьков. полков. канцеляріи въ канцелярію Коммиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ по поводу бѣглыхъ въ хут. Кейта.

О козакахъ и подпомощникахъ г. Валокъ, ушедшихъ въ хуторъ кн. Кантакузина.

О бѣгствѣ поручика регулярныхъ ротъ Квѣтки (письма Петра Кошелева къ присутствующимъ въ Харьков. полков. канцеляріи).

О неотдачѣ помѣщиками Еремѣ Штифоненку и Михайлѣ Кузьменку ихъ пожитковъ и о захватѣ у нихъ лошадей и пр.

Доношеніе полковаго асаула Высочина о совершеніи переписи въ сл. Артемовкѣ живущимъ тамъ подданнымъ Черкасамъ.

Указъ о возвращеніи бѣглыхъ на прежнія мѣста (о бѣглыхъ изъ сл. Гнилицы и др. мѣстъ).

Вѣдомость, составленная маіоромъ Хрущевымъ, о сл. графа Дукласа Ново-Володимеркѣ.

Доношеніе писаря м. Волчьихъ водъ о высылкѣ изъ Волчьихъ Водъ обратно въ дер. Березовку бѣжавшихъ малороссіянъ Петра Бѣлика съ братьями.

Письмо писаря Волчьихъ Водъ Лнявскаго Хар. полковнику о томъ же (1740 г.).

Доношеніе поручика Мухина въ Харьков. полк. канцелярію о томъ же (1740 г.).

Вѣдомость о высланныхъ въ разныя мѣста людей.

Указъ о непринятіи бѣглыхъ.

Доношеніе изъ Салтовской сотни въ Харьков. полков. канцелярію о невыдачѣ приказчикомъ Воскресенской слободы бѣглыхъ.

О бѣжавшихъ въ сл. Кейта, которая находится въ полуверстѣ отъ м. Перекопца.

Реестръ бѣглецовъ регулярныхъ ротъ Харьков. полка.

Доношеніе Валковскаго сотника Багревскаго въ Харьков. полк. канцелярію о бѣжавшихъ отъ него.

Письмо Петра Кошелева къ Харьковскому полковнику о сыскѣ бѣглыхъ изъ регулярныхъ ротъ и о доставкѣ ихъ къ маіору Бульскому.

Инструкція отправляющемуся въ сотни за поисками бѣглыхъ.

Указъ Миниха о сыскѣ бѣглыхъ регулярныхъ служителей.

Регистръ бѣглыхъ рядовыхъ регулярныхъ ротъ Харьков. слободскаго полка.

Письмо Петра Кошелева къ присутствующимъ Харьковской полковой канцеляріи о сыскѣ бѣжавшихъ 6 капраловъ и 40 рядовыхъ регулярныхъ ротъ.

Реестръ подпрапорныхъ Харьковскаго полка.

Реестръ бѣжавшихъ служителей „третьяго шwадрона регулярныхъ ротъ".

Указъ о непріемѣ владѣльцами бѣглыхъ регулярныхъ козаковъ.

Доношеніе Харьков. полковой канцеляріи въ канцелярію Комиссіи Учрежденія слободскихъ полковъ объ исполненіи указовъ о командировкѣ козаковъ и пр.

Письма Дунина къ Харьковскому полковому судьѣ съ изслѣдованіемъ о переходѣ козаковъ изъ м. Перекопца въ хут. Кейта.

Инструкція отставному сотнику Протопопову, отправленному для изслѣдованія о козакахъ хут. Кейта и о побояхъ атамана с. Ковягъ.

Указъ Андрея Дунина по поводу разслѣдованія о хуторѣ ген. Кейта.

Указы о разслѣдованіи и составленіи описей новопоселенныхъ слободъ и хуторовъ.

О побѣгѣ Черногузенковъ изъ с. Основы въ с. Уды.

Ордеръ Пассека въ Харьков. полк. канцелярію о приведеніи въ исполненіе указовъ.

Доношеніе Перекопскаго сотника о побояхъ атамана с. Ковяговъ Харина надсмотрщикомъ хут. ген. Кейта Микулинымъ.

Указы о сыскѣ бѣглыхъ и о непріемѣ ихъ владѣльцами.

Письмо маіора Бульскаго къ Харьковск. полков. судьѣ объ отсылкѣ бѣжавшихъ изъ регулярныхъ ротъ къ Переволочной и Мишурину Рогу.

Списокъ сысканныхъ бѣглыхъ изъ регулярныхъ ротъ.

Доношеніе Ольшанскаго атамана Лушкаренка о томъ, что въ патрульныя команды Данилевскаго изъ Ольшанск. сотни назначить некого, за раскомандированіемъ козаковъ и за сходомъ ихъ въ слободы и села (напр. въ с. Волоскій Кутъ).

Инструкція изъ Харьковской полковой канцеляріи подпрапорному Осипу Ковалевскому, отправленному въ Волоскій Кутъ для возвращенія сходцевъ.

Объ удаленіи Соколовскихъ подпомощниковъ въ сл. Борки и въ дер. Гниловку.

Объ отдачѣ засѣяннаго хлѣба козакамъ, возвратившимся изъ с. Лубенки (изъ подъ владѣнія прапорщицы Головиной) на прежнее мѣсто жительства въ м. Волчье.

Доношеніе Золочевскаго наказнаго сотника Лукьянова о поселеніи Бѣлгородскимъ архіереемъ слободы на Золочевскихъ дачахъ.

Письмо Петра Кошелева присутствующимъ въ Харьков. полковой канцеляріи объ освобожденіи съ поруками изъ подъ караула взятыхъ за побѣгъ ихъ дѣтей Клочка и Калиты съ товарищами для уборки хлѣба и сѣна. Поручныя Клочка и Калиты съ товарищами.

Рапортъ Безлюдовскаго атамана Василья Бутка о высылкѣ бѣглыхъ съ указаніемъ мѣстъ, откуда высланы и откуда нѣтъ.

Указъ о досылкѣ въ 4000 число недостающихъ, а также о присылкѣ вмѣсто престарѣлыхъ и малолѣтнихъ людей требуемаго возраста.

Реестръ бѣжавшихъ съ Украинской линіи, малолѣтнихъ и престарѣлыхъ.

Письмо кн. Трубецкаго къ полковой и сотенной старшинѣ о побѣгѣ его гайдуковъ Аѳанасьева и Евстафьева.

Реестръ бѣглыхъ съ украинской линіи.

Указъ о сыскѣ бѣжавшихъ изъ наряженныхъ въ Усть-Самару.

Реестръ бѣжавшимъ.

Доношеніе Валковскаго сотника Богаевскаго о побѣгѣ съ кр. Св. Михаила 89 человѣкъ (при этомъ приложена вѣдомость).

О бѣглыхъ съ линіи.

О высылкѣ до полнаго комплекта командированныхъ для заготовленія сѣна въ Изюмскомъ полку.

О бѣгствѣ Пересѣчанскаго жителя Крупы, находящагося въ караулахъ по р. Харькову.

О непропускѣ чрезъ пограничные форпосты на линію козаковъ.

Указъ о производствѣ сотникомъ Ахтыр. полка Линникомъ слѣдствія въ Харьковскомъ, Ахтырскомъ и Сумскомъ п. п. объ убыли владѣльческихъ подданныхъ и подпомощниковъ.

Указъ о возвращеніи бѣглыхъ на прежнія мѣста.

Указъ о переходѣ съ мѣста на мѣсто обывателей и о не переѣздѣ драгунскихъ и офицерскихъ женъ безъ паспорта.

Вѣдомость козаковъ Ольшанской сотни (о убыли ихъ и прибыли).

Указъ о высылкѣ бѣглыхъ на линію.

Вѣдомость о бѣжавшихъ съ линіи.

Доношеніе Степана Хоменка съ товарищами, возвратившимися въ Люботинъ на прежнія мѣста, о возвращеніи имъ сѣна и овса приказчикомъ Копитовымъ (сл. Люботинки).

Доношеніе Соколовскаго сотника Жукова о томъ, что Соколовскіе козаки не въ состояніи доставить провіанта и фуража на Пермскій полкъ, оставленный на винтеръ квартиры въ м. м. Тарановкѣ и Соколовѣ.

Доношеніе сотника Павла Ковалевскаго о продажѣ Золочевскими жи-
елями земли золочевскихъ дачъ въ частныя руки.

Указъ о высылкѣ изъ Малой Россіи слобожанъ, бѣжавшихъ туда изъ
лободскихъ полковъ.

Указъ о высылкѣ бѣжавшихъ съ патрульныхъ разъѣздовъ, назначен-
ыхъ для охраненія границъ отъ нападенія непріятелей.

Указъ объ исполненіи ордеровъ объ опасной болѣзни.

Указъ о поимкѣ бѣжавшихъ плѣнныхъ турокъ двухъ человѣкъ.

Реестръ бѣжавшихъ съ линіи козаковъ Харьковскаго полка.

О колодникахъ, бѣжавшихъ съ крѣпости Св. Параскевы.

№ 23-й 1738 г. (на 159 листахъ).

Указы объ укрѣпленіи пограничныхъ мѣстъ, о починкѣ мостовъ и га-
ей и о постановкѣ верстовыхъ столбовъ.

Указы объ укрѣпленіи всѣхъ населенныхъ пунктовъ, въ ожиданіи на-
аденія непріятеля.

Инструкція изъ Харьков. полковой канцеляріи ротмистру Абазѣ, от-
равляемому для осмотра, исполнено ли все по указу.

Рапортъ ротмистра Абазы съ требованіемъ бумаги и писаря для ос-
мотра крѣпостей.

Доношеніе Золочевской сотни объ исполненіи указа объ укрѣпленіи
рѣпости и постановкѣ верстовыхъ столбовъ; здѣсь же и о селитреномъ
аводчикѣ Алексѣѣ Рябчинскомъ.

Указъ о содержаніи городовъ и мѣстечекъ въ чистотѣ, согласно губер-
аторской инструкціи (17 октября).

Доношеніе перекопскаго сотника Пащинскаго о невыполненіи уголь-
анскими работниками своей работы.

Подписка обывателей м. Новыхъ Водолагъ, Тарановки, Соколова, Ме-
ефы, с. Березоваго, Гуляй-поля, Борокъ, Песочокъ, д. Рубановки и Замо-
каго кута, с. Ивановки, Черняковой, хут. кн. Кантакузина, с. Ковягъ,
ут. ген. Кейта, с. Мерчика, с. Вертѣевки, м. Перекопца, вотчины брига-
ира Дунина (сл. Старой Водолаги), м. Валокъ въ томъ, что указъ объ ук-
рѣпленіи населенныхъ мѣстъ ротмистръ Абаза имъ объявилъ и они обя-
уются все исполнить согласно указу.

Доношеніе подпрапорнаго Филонова о вспомоществованіи Харьковской
сотней Деркачевской сотнѣ въ постройкѣ Деркачевской крѣпостцы.

Письмо полковника Юр. Петр. Лесси Филонову объ укрѣпленіи Дер-
качей и о постройкѣ острога для полковаго обоза.

Рапортъ рот. Абазы о томъ, что Золочевскіе обыватели не дѣлаютъ
надолбъ и рогатокъ и шлагбаумовъ за неимѣніемъ лѣса.

Подписка обывателей м. Ольшанаго, с. Полеваго, с. Григоровки, с. Рогозянки, с. Сосновки, с. Березовки, с. Мироновки, м. Золочева, с. Орѣшенки, с. Ряснаго, с. Калница, д. Лютовки, с. Ивановки, д. Ивановской, с. Ивановской, с. Протопоповки, д. Ярошевки, сотни Люботинской, с. Черемушнаго и с. Брашки въ томъ, что Абаза сообщилъ имъ указъ объ укрѣпленіи ихъ деревень и селъ.

Доношеніе іеромонаха Іоанникія о порубкѣ лѣса, принадлежащаго Преображенскому монастырю для постройки Деркачевской крѣпости.

Указъ о приведеніи переправъ въ надлежащій видъ.

Указы о починкѣ старыхъ мостовъ и о постройкѣ новыхъ чрезъ рѣчки, ручьи, топи и грязи для удобнаго перевоза артиллеріи и припасовъ.

Инструкція отъ Харьковск. полковой канцеляріи о починкѣ мостовъ и гатей съ указаніемъ мѣстъ, откуда брать работниковъ и подводы.

О починкѣ мостовъ и гатей и о разстановкѣ верстовыхъ столбовъ.

№ 24-й 1738 г. (на 64 листахъ).

Указъ о высылкѣ изъ Харьков. полка 66 человѣкъ козаковъ для содержанія патрулей отъ Спѣваковки до Лугани и въ Бахмутъ.

Указъ о невысылкѣ на соляные Бахмутскіе заводы работниковъ изъ Слободскихъ полковъ по случаю опасной болѣзни.

Указъ о высылкѣ работниковъ изъ Слободскихъ полковъ на Бахмутскіе заводы.

Промеморія Бахмутской заводской конторы о томъ, что изъ Слободскихъ полковъ не высылаются работники отчего прекратилась выварка соли.

Реестръ лицъ, высланныхъ на Бахмутскіе заводы изъ Золочевской и Липецкой сотенъ.

Указы о высылкѣ работниковъ на соляные Бахмутскіе заводы и о присылкѣ рапортовъ, почему не высланы эти работники.

Дополненіе Тишковской сотни о томъ, что работникъ изъ Тишковской сотни посланъ на Бахмутскіе заводы.

Промеморія Бахмутской заводской конторы о высылкѣ полнаго числа работниковъ, такъ какъ нужно заготовить для арміи большое количество соли.

Инструкція отправленному въ сотни Хар. полка для понужденія къ скорѣйшей высылкѣ работниковъ на Бахмутскіе заводы.

Именной списокъ работниковъ, собранныхъ при Харьковѣ для отсылки въ Бахмутъ.

Указъ о невысылкѣ конныхъ на Бахмутскіе соляные заводы, и объ употребленіи ихъ для содержанія патрулей возлѣ Харькова, по случаю опасной болѣзни.

Промеморіи изъ Бахмутской заводской канцеляріи о присылкѣ работниковъ на Бахмутскіе и Торскіе заводы.

№ 25-й 1738 г. (на 148 листахъ).

Доношеніе сотника Данилевскаго о высылкѣ ему изъ Харьковскаго полка двухъ подпрапорныхъ да посыльныхъ и пр. для учрежденія почтъ отъ Харькова до Бѣленькаго или до Изюма и внизъ по Донцу до Лугани и до Усть-Донецкой станицы.

Вѣдомость о числѣ лошадей, расположенныхъ по почтовымъ станамъ Харьковск. полка, съ указаніемъ селъ и деревень, приписанныхъ для содержанія этихъ лошадей.

Указъ объ устройствѣ почтъ и о содержаніи ихъ и о дачѣ подводъ для проѣзжихъ курьеровъ.

Письмо Дугласа Харьковскому полковнику о наказаніи почтоваго писаря батожьемъ за пропажу конверта на почтѣ.

Доношеніе сотника Григорія Данилевскаго въ Харьков. полковую канцелярію о неприсылкѣ людей для почтовыхъ становъ.

Вѣдомость о подводахъ, назначенныхъ изъ Острогожскаго полка на почтовые станы въ г. Харьковѣ и м. Безлюдовкѣ.

Вѣдомость, съ какихъ мѣстъ Старо-Оскольскаго уѣзда сколько нужно на почту въ Харьковъ выслать лошадей.

Вѣдомость о томъ же.

Инструкція объ учрежденіи почты отъ Харькова до Бѣленькаго, и по Донцу до Лугани и до Усть-Донецкой станицы и о содержаніи этихъ становъ.

Доношеніе сотника Головашича о содержаніи надсмотрщикомъ Ольшанской почты пересѣчанскаго жителя Ворожбита подъ карауломъ.

Доношеніе въ Харьков. полк. канцелярію Липецкаго сотника Ивана Авксентіева о не дачѣ приказчикомъ деревень Шидловскаго Мерчика и Кремяннаго лошадей на Липецкую почту.

Письмо изъ Новыхъ Водолагъ къ Харьковскому полковнику о томъ, что водолажцы не въ состояніи доставлять фуража находящимся на винтерквартирахъ полкамъ, ибо на содержаніе почты израсходовано все сѣно.

Росписка о полученіи изъ Новыхъ Водолагъ телѣгъ и саней для отправки въ Очаковъ и Кинбурнъ.

Письмо Харьков. полковника въ Водолаги о числѣ душъ, положенныхъ на содержаніе лошадей на почтѣ.

Указъ Ласси объ учрежденіи почты въ с. Даниловкѣ.

Доношеніе Мельникова въ Харьковскую полков. канцелярію о числѣ лошадей Харьковской кабинетной почты.

Указы и инструкція, объ учрежденіи почты вблизи Харькова въ Даниловкѣ и въ др. мѣстахъ.

Указъ о заготовленіи десяти подводъ для оберштеръ-кригсъ-комиссара Ртищева, отправляющагося въ Изюмъ, Торъ и Бахмутъ.

Указъ о задержаніи курьеровъ въ Москвѣ, ѣдущихъ изъ Украины, гдѣ имѣется опасная болѣзнь, и объ окуриваніи доставляемыхъ ими пакетовъ.

Копія указа Миниху о томъ же.

Доношеніе мерефянскихъ козаковъ Харьковскому полковнику о томъ, что курьеры ежедневно берутъ лошадей, отъ чего многія лошади попадали, а другія загнаны. и потому козаки просятъ о передачѣ почты владѣльцамъ.

Доношеніе Липецкаго сотника Авксентіева о томъ, что липецкая сотня безъ угольчанской не въ состояніи содержать почты въ Липцахъ.

Доношеніе того же сотника о не желаніи приказчика с. Мерчика доставлять на почту лошадей и людей.

Указъ объ отсылкѣ чрезъ Безлюдовскую почту писемъ на линію, такъ какъ наказной сотникъ Степанъ Ковалевскій адресованныя на линію письма изъ Безлюдовки возвращалъ обратно.

Доношеніе подпрапорнаго Жукова въ Харьковскую канцелярію о томъ, что управитель Новыхъ Водолагъ и дозорца въ с. Гуляй-полѣ отказали въ поставкѣ лошадей на почту въ м. Соколовѣ.

Доношеніе Перекопскаго сотника Пащинскаго о томъ, что почта въ м. Перекопѣ отбывается только козацкими лошадьми, а приказчики и атаманы владѣльцевъ отказываются.

Указъ о незадержаніи курьеровъ, отправляемыхъ съ письмами въ кабинетъ.

Промеморія въ Харьковскую полков. канцелярію изъ Лантмилицкой канцеляріи о неотягощеніи жителей Водолагъ почтой.

Доношеніе Липецкаго сотника Авксентіева о томъ, чтобы для содержанія Липецкой почты вмѣсто с. Мерчика были опредѣлены сл. Веселая, сотня Тишковская и хуторъ Вялой капитана Шадокирскаго.

Письмо къ полковнику Тевяшову о неимѣніи на Валковской почтѣ лошадей.

О дачѣ андреевскому жителю Прокопу Науменку подорожной.

Письмо Ласси Тевяшову о неисправности отъ Изюма до Харькова и отъ Харькова до Бѣлгорода кабинетской почты.

Промеморіи объ отягощеніи Водолажскихъ жителей почтой, такъ какъ сосѣднія мѣстечки небрежно содержатъ почты.

Указъ о высылкѣ десяти козаковъ въ Мерефу для посылки.

О высылкѣ 20 козаковъ туда же.

Указъ о высылкѣ въ село Бабаи подпрапорному Трофиму Гаевскому и находящимся при немъ козакамъ провіанта и фуража.

Доношеніе Валковск. сотника Богаевскаго о томъ, что Валковскіе обыватели не въ состояніи содержать почты за неимѣніемъ лошадей.

О смѣнѣ Ольшанскими Пересѣчанскихъ козаковъ, находящихся на почѣ при гр. Лесси.

№ 26-й 1739 года (на 41 листѣ).

Указъ о высылкѣ къ ген. маіору Девицу портныхъ изъ Слободскихъ полковъ по 50 человѣкъ изъ каждаго для шитья парусинныхъ сюртуковъ для лантмилицкихъ полковъ.

Доношеніе сотника Тишковскаго Авксентьева о томъ, что въ Тишков. сотнѣ нѣтъ ни одного портнаго.

Письма Ив. Шипова о скорѣйшемъ приготовленіи попонъ.

Письмо полковника Квитки, которому поручено надсматривать за приготовленіемъ попонъ, къ полковнику Тевяшову о томъ, что многіе изъ мастеровъ взяли деньги, но работы не исполняютъ. (При письмѣ приложенъ реестръ мастеровъ).

№ 27-й 1739 года (на 689 листахъ).

О высылкѣ козаковъ изъ Харьковскаго полка для содержанія патрулей.

Промеморія о бѣжавшихъ козакахъ съ Монасавенаго и Богородицкаго бродовъ (приложенъ реестръ бѣжавшихъ).

Промеморіи изъ канцеляріи Изюмскихъ комендантскихъ дѣлъ о бѣжавшихъ.

Доношенія лицъ, отправленныхъ для сыска бѣглыхъ.

Доношеніе сотника Пащинскаго и подпрапорнаго Петровскаго о смѣнѣ козаковъ, стоящихъ въ м. Торѣ.

Указъ о высылкѣ козаковъ для патрулей по р. Донцу.

Рядъ указовъ о томъ же. (См. также листы 127, 128 и пр.).

О высылкѣ козаковъ для содержанія патрулей къ Бахмуту, Тору и Изюму (промеморіи, реестръ, инструкціи и пр.).

Подписки атамановъ с. Борокъ (маетности Куликовскихъ), с. Гуляйполя, Старыхъ Водолагъ, дер. Каравана, сл. Хорошевскаго дѣвичьяго монастыря, с. Бабаевъ, с. Основы, дер. Верещаковки, м. Новой Водолаги, м. Мерефы, Ракитянскаго приказчика и пр. о высылкѣ козаковъ для патрулей.

Реестры о числѣ высланныхъ козаковъ на патрули и о числѣ бѣжавшихъ оттуда.

Реестры о числѣ высланныхъ на патрули съ владѣльческихъ поселеній.

Промеморіи о высылкѣ козаковъ на патрули.

О бѣглыхъ съ Торской крѣпости (также листъ 146).

Реестръ высланныхъ на патрули.

Объ отправленныхъ на патрули козакахъ изъ м. Новой Водолаги.

О сыскѣ бѣглыхъ Харьковскаго полка.

Реестръ козаковъ, прибывшихъ въ с. Безлюдовку и наряженныхъ для содержанія патрулей.

Реестръ отправленныхъ на патрули.

Указъ о томъ, чтобы козаки высылались въ полной исправности: на хорошихъ лошадяхъ, и въ полномъ воруженіи съ запасомъ свинца и пороху.

О числѣ козаковъ, высланныхъ для патрулей изъ Бѣлгородскаго и Нижегольскаго уѣздовъ (стр. 171).

О движеніи непріятеля на русскія границы и объ отраженіи его (указы). (См. также стр. 182).

Объ опасной болѣзни въ Харьковскомъ полку (стр. 180, 181).

Свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля на русскія границы.

Указъ о присматриваніи за сомнительными людьми (не скрываются ли шпіоны).

О готовности къ походу (196 стр. и др.).

Промеморіи объ отдачѣ изъ м. Купянки Вятскому полку понтонныхъ роспусковъ и окованныхъ становъ. (стр. 208, 209).

Указы о командировніи козаковъ (210, 211 и т. д.).

Письма Тевяшова Черноглазову о присылкѣ недосланныхъ козаковъ и о перемѣнѣ малолѣтнихъ.

Вѣдомость о казакахъ Харьковскаго полка, находящихся на лицо.

Указы о высылкѣ въ Азовъ козаковъ для патрулей и воловъ съ погонщиками. (225).

Рапортъ о командированныхъ козакахъ.

Письмо Ласси къ полковнику о смотрѣ полка.

О состояніи Харьковскаго полка, находящагося въ командировкѣ.

Доношеніе изъ Угольчанской сотни о томъ, что не кого болѣе выслать въ походъ.

Указы о высылкѣ козаковъ для патрулей (стр. 253—256) (261—266).

О дачѣ паспорта малороссійскимъ жителямъ, отправляющимся домой (стр. 257).

О вспомоществованіи посланнымъ на патрули изъ маетностей Дунайки и Ивановки. (стр. 258, 259).

Указъ о высылкѣ работниковъ для починки пограничныхъ крѣпостей.

Промеморія изъ Ахтырской полковой канцеляріи въ Харьковскую полковую канцелярію о невысылкѣ въ другой разъ Хотмыжскимъ Знаменскимъ монастыремъ для содержанія патрулей.

Реестръ о бѣжавшихъ работныхъ людяхъ Харьковскаго полка.

Реестръ издержанныхъ Харьковскими обывателями на козака, наряженнаго къ патрулямъ, денегъ.

О высылкѣ козаковъ къ патрулямъ къ Изюму. (стр. 290 и т. д.).

Указъ Румянцева о приготовленіи козаковъ къ отпору непріятеля (стр. 300—303) (309).

Указъ о записи старшинскихъ дѣтей на службу (стр. 315).

Объ отдачѣ Низовскому полку воловъ и лошадей, взятыхъ подъ росписку сотникомъ Головашевымъ.

Промеморія въ Харьковскую полковую канцелярію опредѣленнаго къ понужденію къ укомплектованію козаковъ и воловъ въ Харьковскомъ полку. (стр. 328).

Реестръ подпрапорныхъ (стр. 334).

Инструкція о сборѣ козаковъ къ походу. (См. также стр. 360).

Реестръ подпрапорныхъ, не явившихся къ полку въ походъ.

Реестръ сотниковъ и рядовыхъ козаковъ, не явившихся къ полку въ походъ.

Реестръ козаковъ, отправленныхъ въ походъ.

Требованіе маіора Полтева объ исполненіи полков. Харьков. канцеляріей указовъ о нарядѣ козаковъ.

Объ отправленіи козаковъ Харьковск. полка внизъ по Донцу для отпора врага.

Рапортъ о командированіи полковой и сотенной старшины и подпрапорныхъ Харьковск. полка.

Письмо барона фонъ Спигеля о готовности козаковъ къ походу и собраніи ихъ въ одно мѣсто.

Реестръ козаковъ Харьковскаго полка, полагающихся по штату и раскомандированныхъ.

Реестръ высланныхъ на почту въ с. Бабаи.

Указы о предосторожности отъ нападенія врага, о готовности къ отпору его, о высылкѣ полнаго комплекта козаковъ.

Указъ о выступленіи запорожскихъ козаковъ въ походъ.

Доношеніе Липецкаго сотника Авксентьева о скудости липецкихъ козаковъ и объ уменьшеніи доставляемаго Липецкой сотнею числа козаковъ, а объ увеличеніи доставляемаго Тишковскою сотнею козаковъ.

Указъ Румянцова объ исполненіи полковой старшиной указовъ.

Ордера Пассека объ опасной болѣзни (въ Кременчугѣ).

Письмо Румянцева къ Пассеку о раскомандированіи козаковъ и объ ихъ исправности во время смотра.

Письма о незаготовленіи въ Острогожскомъ полку нужнаго числа телѣгъ, о бѣглыхъ погонщикахъ, о высылкѣ козаковъ въ Азовъ для содержанія патрулей.

О выходѣ шести человѣкъ козаковъ въ подпомощники за Куликовскаго и Земборскаго.

Реестръ козаковъ, находящихся въ сборѣ, высланныхъ въ Азовъ (бѣглыхъ, малолѣтнихъ и пр.).

Реестръ укомплектованныхъ асауломъ Височинымъ въ Соколовской сотни козаковъ.

Списокъ козаковъ первой сотни, наряженныхъ въ семисотное число.

Вѣдомость о командированіи Харьковской старшины.

Рапортъ Харьков. полковой канцеляріи о командированіи козаковъ.

Ордеръ Пассека о высылкѣ изъ Харьк. полка полнаго числа козаковъ.

Указъ оыскѣ бѣжавшихъ сотника Калинина и подпрапорнаго Кондратьева.

Указъ о выступленіи всей старшины въ походъ.

Указы о высылкѣ полнаго числа козаковъ въ Азовъ и др. мѣста.

Реестръ старшины и козаковъ (имяной), отправившихся въ походъ.

О сыскѣ бѣглыхъ Харьковскаго полка.

О козакѣ Гнипѣ, продавшемъ свой грунтъ кн. Крапоткину.

Указъ о высылкѣ въ походъ подпрапорнаго Андрея Тихоцкаго.

Указы о присылкѣ вѣдомостей о состояніи слободскихъ полковъ.

Указъ о командированіи сотниковъ Ивана Ковалевскаго и Авксентіева въ походъ.

Вѣдомость изъ деркачевской сотни о возвратившихся съ походу козакахъ.

Указъ о имѣніи въ войскахъ жерноковъ и ступъ для толченія проса.

О исправленіи мостовъ и гатей и о постройкѣ новыхъ отъ с. Бабаевъ къ м. Ольшаной.

Указъ о милости Ея Имп. Величества къ Миргородскому полковнику Капнисту и старшинѣ, бывшей при немъ, за отраженіе непріятеля.

О тяжеломъ положеніи Сумскаго полка по случаю опасной болѣзни.

Вѣдомости о числѣ козаковъ второй полковой и Тишковской, Ольшанской, Люботинской, Угольчанской, Липецкой, Валковской, Перекопской, Золочевской, Деркачевской, Салтовской, Хорошевской, Соколовской, Мерефянской, первой полковой и Пересѣчанской сотенъ.

О количествѣ положенныхъ по штату козаковъ въ Харьков. полку.

О бѣглыхъ Харьков. полка (изъ командированныхъ въ Азовъ).

О количествѣ высланныхъ изъ Харьковскаго полка сверхъ штата.

О выступленіи козаковъ въ походъ къ 1 мая и о высылкѣ необходимаго числа воловъ въ Азовъ, Бахмутъ, Изюмъ и др. мѣста.

Указъ о вспомоществованіи Харьковской полковой канцеляріей при укомплектованіи „регулярныхъ ротъ шквадроновъ Харьковскаго полку".

О заготовленіи лошадей на станціяхъ до Изюма для мундировъ и амуниціи, доставляемыхъ въ арміи Лесси.

Указъ о передачѣ коллегіи экономіи изъ вѣдомства ген. Волкова въ вѣдомство Мусина-Пушкина.

Указъ о высылкѣ требуемаго числа козаковъ для закрытія границъ.

Реестръ козаковъ Валковской сотни, бывшихъ въ Крымскомъ походѣ 1739 года.

То же Салтовской сотни.

Доношенія о состояніи козаковъ, бывшихъ въ Крымскомъ походѣ (о убыли людей и лошадей) сотенъ Мерефянской, Хорошевской, первой полковой, Перекопской, Липецкой, Угольчанской и Соколовской.

Указъ о назначеніи въ канцелярію коммиссіи учрежденія Слободскихъ полковъ козаковъ для посылокъ.

№ 28-й 1739 г. (на 153 листахъ).

Указъ объ осмотрѣ мѣста въ Валковскихъ дачахъ для устройства пороховаго завода.

Указъ о дачѣ поручику Кусакову, отправленному въ Изюмскій полкъ для взвѣшиванія селитры, вѣсовъ и гирь, взятыхъ у Тульскихъ торговцевъ г. Харькова.

Указъ о томъ, чтобы хозяева селитренныхъ заводовъ, не связанные контрактами, явились въ канцелярію коммиссіи учрежденія Слободскихъ полковъ на торги по поставкѣ селитры.

Росписки козаковъ м. Перекопа, Валокъ и Ольшаной въ полученіи пороха.

О мѣстѣ поставки селитры харьковскими заводчиками.

Доношеніе городничаго Голуховича объ уничтоженіи караула при пушкахъ.

Доношеніе сотника Романовича о томъ, что некого назначить въ караулъ къ пороховому погребу за раскомандированіемъ козаковъ.

О количествѣ получаемаго Харьковскимъ полкомъ пороха.

О количествѣ находящагося въ наличности въ Харьковскомъ полку пороха (вѣдомость).

Указы объ отправкѣ изъ Харьковскаго полка въ Москву селитры.

Указы по поводу устройства въ Харьковск. полку пороховаго завода.

Инструкція изъ канцеляріи коммиссіи учрежденія Слободскихъ полковъ отправленному для сопровожденія доставляемой въ Москву селитры.

О доставкѣ селитры изъ Слободскихъ полковъ въ Москву.

Доставка вѣдомостей о количествѣ селитры, вываренной въ Харьковскомъ полку.

Доношеніе сотниковъ Харьковскаго полка о количествѣ пушечнаго и мушкетнаго пороху.

Объ устройствѣ въ Харьковѣ пороховаго завода.

О селитренныхъ заводахъ: о количествѣ вывариваемой селитры, и о поставкѣ ея.

О сдѣланіи саней для перевозки артиллеріи.

О количествѣ пороху, расходуемаго ежегодно крѣпостями Харьковскаго полка.

№ 29-й 1739 года (на 57 листахъ).

Указъ о непропускѣ чрезъ слободскіе полки бѣглыхъ съ линіи и о возвращеніи ихъ обратно на свои мѣста (см. также стр. 15; 30; 50).

Доношеніе изъ Угольчанской сотни о поимкѣ бѣглаго Валабуева.

Указъ о поимкѣ безпашпортныхъ или съ сомнительными паспортами людей (изъ боязни шпіоновъ) (см. также стр. 24).

Доношенія сотенъ Харьков. полка о полученіи указа.

Реестръ бѣжавшихъ съ линіи, пойманныхъ въ Харьковскомъ полку.

№ 30-й 1739 г. (на 215 листахъ).

Указы, извѣщающіе о намѣреніи Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ съ турецкими войсками напасть на южныя окраины Россіи (см. стр. 16).

Письмо Ласси къ Харьковскому полковнику о томъ же (о переходѣ татаръ чрезъ Днѣпръ).

Экстрактъ изъ Именнаго Е. И. В. указа о заключеніи съ Турціей мира, о предосторожности отъ татаръ и о посылкѣ въ Крымъ къ хану офицера для переговоровъ.

Указы, извѣщающіе о движеніи татаръ къ границамъ Россіи (о переправѣ чрезъ Бугъ, о появленіи у Переволочной, у Мишурина Рога).

Ордеръ отъ полковника Кутузова о движеніяхъ непріятеля.

О нападеніи Крымцевъ на Новую Калитвинскую станицу. (См. также стр. 91 и др.).

О нахожденіи непріятеля при гор. Лисенкѣ, Чигринѣ, Медвѣдовкѣ и близъ Чернаго лѣса.

Извѣстіе отъ хорунжаго Ивана Шебелскаго, стоящаго при редутѣ Кривомъ Торцѣ, о непріятелѣ.

Доношеніе отставнаго сотника Жукова о нарядѣ 12 козаковъ въ Азовъ изъ сотенъ Хорошевской, Соколовской и Мерефянской.

Росписаніе: кто изъ посадскихъ людей можетъ поставить козаковъ въ полномъ вооруженіи на случай нападенія непріятеля.

Списокъ именной козаковъ города Харькова, подпомощниковъ и разночинцевъ, опредѣленныхъ для высылки къ отпору непріятеля.

Объ отпорѣ непріятеля и извѣстія о движеніи его.

Доношеніе Тишковскаго атамана Байбакова о раскомандированіи козаковъ Тишковской сотни.

Вѣдомость о козакахъ, посылаемыхъ въ Харьковъ изъ Липецкой сотни.

Вѣдомость о томъ же изъ Салтовской сотни.

Письмо сотника Ивана Ковалевскаго къ Тевяшову о бѣжавшихъ съ полка 17 козакахъ Угольчанской сотни.

О числѣ козаковъ, собранныхъ у м. Хорошева.

О появленіи непріятеля у Тора.

Рапортъ о числѣ раскомандированныхъ козаковъ Харьковскаго полка.

О высылкѣ патрулей къ Изюму.

О намѣреніи Кубанскихъ татаръ сдѣлать нападеніе на русскія границы.

О допросѣ выходца изъ Крыма мерефянскаго жителя Степана Тараченка. (Подробное слѣдствіе).

№ 31-й 1739 и 1740 г.г. (на 52 листахъ).

Указъ о присылкѣ въ сенатскую контору извѣстій о скотскомъ падежѣ.

Доношеніе о скотскомъ падежѣ въ Липецкой сотнѣ.

Доношеніе о томъ же въ Золочевской и Мерефянской сотняхъ.

Указы, какъ поступать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть падежъ скота.

О появленіи скотскаго падежа въ м. Боромлѣ и въ с. Ямномъ.

Письмо подполк. Пассека полковнику Харьков. Слободскаго полка о падежѣ скота въ Изюмскомъ полку и о предосторожности отъ этого.

Указъ объ отгонѣ въ Ахтырку воловъ, принятыхъ отъ Пермскаго пѣхотнаго полка.

О скотскомъ падежѣ въ сл. Грайворонѣ и въ м. Деркачахъ.

О скотскомъ падежѣ въ м. Золочевѣ, въ с. Мерчикѣ въ маетности полковницы Шидловской.

№ 32-й 1739 и 1740 г.г. (на 236 листахъ).

Доношеніе Липецкаго сотника о высылкѣ изъ сл. маіора Куликовскаго обратно въ с. Липцы козаковъ и козачьихъ подпомощниковъ (при этомъ приложенъ реестръ).

Указъ о высылкѣ козаковъ Слободскихъ полковъ, сшедшихъ къ владѣльцамъ на прежнее мѣстожительство.

Промеморія изъ ахтырской полк. канцеляріи о возвращеніи сшедшихъ подданныхъ Новопечерскаго Сенянскаго Покровскаго монастыря на прежнее жительство (приложенъ реестръ).

Указъ о томъ же о подданныхъ подпрапорнаго Карпова.

Указъ о томъ же о козакахъ Валковской сотни.

Вѣдомость изъ сотни Валковской о высланныхъ на прежнее мѣстожительство козакахъ и обывателяхъ и не высланныхъ.

О подпомощникахъ Липецкой сотни, вышедшихъ въ хуторъ Харьковскаго Покровскаго монастыря.

Указъ объ изслѣдованіи пор. Поляковымъ дѣла подпрапорнаго Зеборскаго: обращеніи козаковъ въ подданныхъ, о невыдачѣ бѣглыхъ и пр. и пр.

Указъ о доставленіи Харьков. полков. канцеляріей свѣдѣній о прибылыхъ и убылыхъ козакахъ, о вышедшихъ и вновь принятыхъ въ каждую сотню.

Указы о назначеніи пор. Полякова по дѣлу о возвращеніи владѣльцами на прежнее мѣстожительство бѣглыхъ.

Реестръ бѣглыхъ служителей „шквадроновъ" регулярнаго слободскаго полка.

Указы о сыскѣ бѣглыхъ и укрывающихся отъ службы.

Указы о недержаніи у себя бѣглыхъ.

О причинахъ побѣговъ козаковъ.

О подпомощникахъ и подсусѣдкахъ, ушедшихъ со своихъ мѣстъ, и о количествѣ числящагося на нихъ окладнаго сбора.

Вѣдомость о козакахъ и посполитыхъ, явившихся въ ново-поселенную слободу полковника кн. Кантакузина.

О подпомощникахъ, пришедшихъ въ новопоселенную слободку полковника кн. Кантакузина.

О грабежѣ подданными Преображенскаго монастыря сѣна у козаковъ Пересѣчанской сотни.

Доношеніе Ольховскаго о томъ, что новопоселенные въ сл. кн. Кантакузина не даютъ слѣдуемыхъ съ нихъ оброчныхъ денегъ.

Указъ о высылкѣ бѣглыхъ на прежнія жилища.

Реестръ подданныхъ малороссіянъ, ушедшихъ отъ бывшаго полковника Шидловскаго.

Указъ о наказаніи оказавшихъ сопротивленіе собиравшимъ окладъ.

Рапортъ сотника Картаваго о назначеніи въ Салтовскую сотню наказнымъ сотникомъ подпрапорнаго Картаваго за отъѣздомъ настоящаго сотника въ Москву.

Объ обидахъ козаковъ с. Волчьяго, нанесенныхъ обывателями новопоселенной слободы Воскресенской.

Реестръ сходцевъ, возвратившихся обратно въ м. Соколовъ.

О возвратившемся обратно въ Слободчину изъ Казанской губерніи Скрипниковѣ.

О тишковскихъ козакахъ, находящихся во владѣніи Шадокирскаго, Апушкина и Протопопова.

Вѣдомость о вышедшихъ съ своего мѣстожительства подданныхъ вдовы бригадирши Дуниной.

Указъ о высылкѣ въ слѣдственную коммиссію Полупана, Бута и Запорожца.

О вышедшихъ изъ с. Борокъ и сл. Ракитной (съ присоединеніемъ реестра).

О невыдачѣ прикащикомъ сл. Карабановой сходцевъ изъ с. Ракитнаго.

Реестръ подпрапорныхъ, не находящихся ни при какихъ дѣлахъ.

О невозвращеніи изъ Острогожскаго полка вышедшихъ изъ м. Ольшанаго.

Реестры крестьянъ, ушедшихъ изъ вотчины кн. Крапоткина (Бабаевкаго вѣдомства).

Вѣдомость о высланныхъ обратно въ Золочевскую сотню сходцахъ козакахъ и обывателяхъ).

О томъ же въ м. Валки.

О вышедшихъ изъ подъ владѣнія маіора Полубояринова.

Вѣдомость о высланыхъ въ Липецкую сотню сходцахъ.

О вышедшихъ въ Харьковскій полкъ изъ вотчинъ бригадира Лесевицкаго.

О грабежѣ помѣщикомъ Иваномъ Абазою возвращающихся на прежнее мѣстожительство въ м. Ольшаное сходцевъ.

О невысылкѣ изъ Новыхъ и Малыхъ Водолагъ сходцевъ въ м. Соколовъ.

№ 33-й 1739 и 1740 г.г. (на 164 листахъ).

Указы о нечиненіи обидъ регулярнымъ и нерегулярнымъ козакамъ, о невзиманіи съ нихъ лишнихъ поборовъ и вообще о неотягощеніи ихъ.

Письмо капитана Шидловскаго объ укомплектованіи третьяго эскадрона Слободскаго регулярнаго полка.

Вѣдомость о томъ, что потребно для укомплектованія упомянутаго эскадрона (пороху, свинцу, патронъ и пр.).

Указъ о наименованіи Слободскаго регулярнаго полка Слободскимъ драгунскимъ (стр. 28).

О выборѣ въ помощь Слободскому драгунскому полку разныхъ лицъ не изъ настоящихъ козаковъ, а изъ подпомощниковъ.

О неправильномъ наборѣ капитаномъ Шидловскимъ въ третью роту Слоб. драгун. полка въ сотняхъ I и II харьковскихъ.

О неназначеніи сына Деркачевскаго обывателя Краснокутскаго въ служители Драгунскаго полка.

Письмо прапорщика Кузьмича къ полковнику Тевяшову о неприсылкѣ плотниковъ и кузнецовъ изъ Пересѣчанской, Ольшанской, Люботинской, Угольчанской и Валковской сотенъ.

Указъ о назначеніи бригадира Лесевицкаго попрежнему командиромъ Драгунскаго Слободскаго полка.

Указъ о службѣ козака Евдокима Назаренка.

О доставленіи въ драгунскій Слободской полкъ лошадей, гранатъ, пороху и припасовъ, а также мастеровыхъ людей.

Вѣдомость изъ третьей роты Слоб. драг. полка о поборахъ, взятыхъ сотенными старшинами у служителей роты за 1739 годъ.

Слѣдствіе объ обидахъ рядовыхъ служителей III роты Слоб. драг. полка.

О неуплатѣ ротному писарю Гвоздикову за службу его писаремъ въ м. Ольшаной.

Письмо Бульскаго къ Тевяшову о томъ, что драгуны, имѣющіе жительство въ Ольшанской сотнѣ не могутъ нести службы безъ „подпомоги“.

О бѣглыхъ и умершихъ третьей роты драгун. Слобод. полка.

О взысканіи съ сотниковъ и козаковъ денегъ, данныхъ имъ заимообразно для покупки провіанта и прочаго.

Вѣдомость объ издержанныхъ на покупку аммуничныхъ вещей для регулярной роты деньгахъ (присоединены счеты).

№ 34-й 1739 г. (на 498 листахъ).

Указы о предосторожностяхъ при появленіи опасной болѣзни.

„Экстрактъ — въ какихъ мѣстахъ опасная болѣзнь продолжается и утихаетъ“.

Указъ объ устройствѣ на зимнее время для больныхъ теплыхъ казармъ и объ употребленіи средствъ, предохраняющихъ отъ опасной болѣзни.

Указъ о присылкѣ рапортовъ объ опасной болѣзни.

Указъ объ окуриваніи и обмачиваніи писемъ въ уксусѣ.

О появленіи опасной болѣзни въ Азовѣ.

О наказаніи сотника Левенца кіями, а козака Суботенка повѣшеніемъ за тайный проѣздъ мимо заставъ, учрежденныхъ по случаю опасной болѣзни.

О скорѣйшей присылкѣ исправныхъ вѣдомостей для составленія окладныхъ книгъ.

О дезинфекціи при помощи огня могилъ, гдѣ похоронены умершіе отъ опасной болѣзни.

Объ истребленіи бѣжавшихъ съ опасныхъ мѣстъ.

Объ учрежденіи въ Хорошевѣ и въ другихъ мѣстахъ карауловъ въ виду появленія въ Зміевѣ опасной болѣзни.

Объ офицерскихъ женахъ, находящихся въ Моякахъ.

Рапортъ маіору Еропкину о порученіи команды фон-Спигелю, о высылкѣ изъ Острогожскаго полка сѣна на ихъ нужды и пр.

Объ отправкѣ сѣна и овса на гренадерскую роту въ Бѣленькое.

О доставкѣ въ Бѣленькое сѣна, овса и соли.

О выдачѣ подпоручику Нехорошеву требуемыхъ имъ денегъ на жалованье команды.

О покражѣ капитаномъ Нечаевымъ у капитана Чиркова книгъ изъ коморы (экономіи, лечебника и др.).

Запросъ, на какомъ основанiи кап. Нечаевъ продавалъ солдатскiе плащи съ публичнаго торга въ своемъ обозѣ въ лагерѣ на Кривомъ Торцѣ.

О взятомъ у кап. Нечаева капитаномъ Чирковымъ желѣзѣ.

О доставкѣ воеводой кн. Кекуатовымъ подводъ при доставкѣ провiанта изъ Валуйскаго уѣзда въ м. Бѣленькое.

Вѣдомость о бѣглыхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ.

О побояхъ, нанесенныхъ вахмистромъ Обернибесовымъ своему проводнику козаку Шелгунову.

Указъ объ опасной болѣзни, какъ поступать съ зачумленными домами, которыхъ сжечь нельзя.

Копiя рескрипта фонъ-Лессiю объ опасной болѣзни.

О бѣжавшихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствуетъ чума.

Объ отправкѣ въ слѣдственную коммиссiю подполковника Пассека бумаги, сургуча, сальныхъ свѣчей.

О снятiи съ гор. Харькова карантина по случаю прекращенiя опасной болѣзни.

О появленiи опасной болѣзни въ м. Купянкѣ Изюмскаго уѣзда (указъ).

Указъ о неотягощенiи слоб. Грайворонъ излишними сборами и постоями.

Указъ о повѣшенiи козака Джулая за покражу зачумленныхъ вещей, солдата Дудукина за тайное посѣщенiе Кобелякъ, когда тамъ была опасная болѣзнь.

Указы о предосторожности отъ опасной болѣзни.

Реестръ бѣглыхъ изъ Мишурина рога.

Указы объ опасной болѣзни, о выдержавшихъ карантинъ Водолажцахъ.

Копiя пунктовъ разсужденiя медицинской канцелярiи къ воронежскому вице-губернатору Лукину объ опасной болѣзни (см. также стр. 297).

Объ окуриванiи и о дезинфекцiи домовъ по прекращенiи моровой язвы.

Указы о предосторожности отъ опасной болѣзни.

О появленiи опасной болѣзни въ Кременчугѣ и въ Моякахъ на солдатѣ.

О возвращенiи жителю с. Деркачей Бокуменку приказчикомъ с. Хатняго заграбленной коровы.

О запрещенiи въ г. Харьковѣ ярмарки.

О появленiи опасной болѣзни въ Кременчугѣ и Мишурномъ рогѣ.

О предосторожности въ виду возможнаго появленiя опасной болѣзни.

Указъ о сыскѣ и поимкѣ бѣглыхъ людей изъ Бахмута.

Переписка о содержанiи находящагося въ Харьковѣ лѣкаря фонъ-Галтера (см. также стр. 248 и др.).

Письмо А. Баскакова къ Пассеку объ опасной болѣзни и о мѣрахъ предосторожности.

Письмо И. Шипова о слѣдованіи козаковъ на мѣсто командировокъ и объ отправленіи воловъ въ назначенныя мѣста.

О появленіи въ г. Тополяхъ опасной болѣзни.

О появленіи опасной болѣзни на Пѣщаномъ островѣ, въ г. Тополяхъ (Воронежской губ.) и близъ деревни Ясная Поляна. (См. стр. 276, 287 и др.).

Указъ о заплатѣ за волы, взятые у населенія для продовольствія арміи.

Указъ о присылкѣ рапортовъ изъ сотенъ объ опасной болѣзни.

Рядъ указовъ объ опасной болѣзни и о мѣрахъ предосторожности противъ нея.

Указъ о возвращеніи въ Харьковскій провіантскій магазинъ взятыхъ во время чумы для продовольствія населенія муки и крупъ (муки 1712 чет. крупъ 265 чет.).

Экстрактъ писемъ маіора Фонъ-Братке, бриг. Апочинина, Гамфа, Горонескуля о бѣжавшихъ съ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовала чума.

О появленіи опасной болѣзни въ м. Сеньковѣ и Лиманѣ, въ гг. Моякахъ и Тополяхъ.

О больныхъ въ Борисоглѣбской крѣпости и въ Каменскомъ ретраншаментѣ.

О доставкѣ козакамъ Харьковскаго полка, выдерживающимъ при Китайгородской заставѣ карантинъ, одежды и обуви.

О появленіи опасной болѣзни въ г. Курскѣ, въ с. Гостомлѣ Курскаго уѣзда и въ дер. Прилѣпахъ Яблоновскаго уѣзда, въ крѣпостяхъ Св. Параскевы и Св. Феодора.

Реестръ бѣжавшихъ съ линіи, съ крѣпостей, гдѣ опасная болѣзнь.

Объ увеличеніи карауловъ, по случаю появленія опасной болѣзни на Украинской линіи.

Вѣдомость о томъ, сколько находится карауловъ и въ какомъ мѣстѣ Харьковскаго полка.

О появленіи чумы въ деревнѣ Ливенской Новооскольскаго уѣзда.

О появленіи чумы въ гор. Курскѣ.

О двухъ лицахъ, прибѣжавшихъ изъ крѣп. Св. Параскевы къ караулу дер. Березовки.

О принятіи мѣръ предосторожности противъ появившейся въ разныхъ мѣстахъ опасной болѣзни (указы) (см. также стр. 434 и др.).

О задержаніи въ карантинѣ бѣглыхъ изъ опасныхъ мѣстъ (изъ крѣп. Св. Параскевы, Св. Ѳеодора и пр.).

Объ учрежденіи около Харькова карауловъ.

О пріѣздѣ съ линіи капитанши Ильиной въ село Пересѣчное возлѣ караула.

О запрещеніи ярмарокъ и торговъ впредь до полнаго прекращенія чумы.

О появленіи чумы въ Моячкѣ Полтавскаго полка и въ Царичанкѣ.

Указъ о непропускѣ бѣглыхъ безъ выдержанія карантина и о наблюденіи за караулами, чтобы они не пропускали бѣглыхъ.

Вѣдомость о числѣ караульныхъ въ Харьков. полку, опредѣленныхъ по случаю опасной болѣзни.

О появленіи опасной болѣзни въ м. Моячкахъ и Царичанскѣ Полтавскаго полка.

Реестръ мѣстечекъ Харьков. полка, гдѣ поставлены караулы и патрули.

№ 35-й 1739 г. (на 94 листахъ).

Указъ о нарядѣ 20000 работниковъ изъ Малороссійскихъ и Слободскихъ полковъ для укрѣпленія Василькова, лѣтнихъ бродовъ на Днѣпрѣ и др. постовъ.

Указъ о высылкѣ изъ Харьковскаго полка слѣдуемаго по распредѣленію числа работниковъ со всѣми инструментами для укрѣпленія постовъ (на украинской линіи). Рапортъ о высылкѣ работниковъ изъ сс. Основы, Верещаковки, Сосновки, Оксютовки. Доношеніе полковой Харьков. канцеляріи о невысылкѣ работниковъ къ Изюму, а объ оставленіи ихъ для починки Харькова.

Инструкція отправленному для набора работниковъ.

Росписаніе работниковъ, высланныхъ для укрѣпленія пограничныхъ мѣстечекъ.

Доношеніе Соколовскаго наказнаго сотника Ивана Торохтѣева о томъ, что бѣглаго работника Юска Морозенка замѣнить некѣмъ. Реестръ работниковъ, отправленныхъ изъ Новой Водолаги въ Харьковъ и Изюмъ.

О невысылкѣ работниковъ изъ сл. Егоріевки, Бѣлой Ивановки, Бибиковой, Шибекиной и Титовки. Вѣдомость о высланныхъ работникахъ изъ сс. Бабаевъ, Жихорева, Березоваго, Удъ, Коротичъ, Ржавца, Алексѣевки.

Рапортъ о работникахъ, высланныхъ изъ Соколовской сотни.

О невысылкѣ работниковъ съ хутора Полубояринова, сотника Щербины и подпрапорнаго Бугаевскаго. Именной списокъ рабочихъ, отправленныхъ для починки крѣпостей. Реестръ работниковъ, высланныхъ изъ с. Гуляй-Поля и хут. Посвяченаго. Подписка лицъ, отводившихъ въ г. Изюмъ рабочихъ, въ томъ, что они всѣхъ доставятъ въ исправности. Доношеніе Золочевскаго сотника о высылкѣ поручикомъ Земборскимъ и женою сотника Дробицкой изъ своихъ хуторовъ работниковъ. Реестръ высланныхъ работниковъ. О высылкѣ изъ слободки Хорошевскаго дѣвичьяго монастыря работниковъ (рапортъ).

О назначеніи сторожей къ Липецкому магазину, въ которомъ сложенъ

провіантъ. О невысылкѣ изъ сс. Основы и Верещаковки и изъ сс. Удъ, Бабаевъ, Жихора и Березоваго работниковъ. Реестръ работниковъ, высланныхъ изъ сл. Старой Водолаги. Росписки Мерефянскаго атамана и атамана Старой Водолаги по поводу высылки работниковъ.

№ 36-й 1738 и 1739 г.г. (на 280 листахъ).

Указъ о выступленіи въ походъ полковой старшины съ козаками для отпора врага.

Указы о высылкѣ на линію изъ Харьков. полка 200 коза́ковъ, (1738 г.). О возвращеніи на прежнее мѣстожительство козаковъ и подпомощниковъ, бѣжавшихъ въ Волошскій кутъ и живущихъ у помѣщиковъ Абазы (есть и реестръ бѣжавшихъ). Доношеніе Золочевскаго наказнаго сотника Лукьянова о томъ, что бѣглыхъ козаковъ возвратить нельзя, ибо ихъ лошади пали, а новыхъ „за скудостью" они купить не могутъ.

Указъ о томъ, чтобы Пассекъ не дѣлалъ нарядовъ безъ сношенія съ коммиссіей учрежденія Слободскихъ полковъ, а „полковымъ канцеляріямъ подчиняться указамъ оной коммиссіи, а не—Пассека". Реестръ козаковъ, бѣжавшихъ изъ кр. Св. Ѳеодора и Св. Параскевы.

Реестръ старыхъ, малолѣтнихъ и бѣглыхъ козаковъ Харьковскаго полка. Указъ о взысканіи „прочетныхъ" денегъ 9 рублей съ счетчика Дедика. О невысылкѣ на линію 200 козаковъ.

Реестръ конныхъ и пѣшихъ Харвковскаго полка козаковъ.

Росписаніе Харьковской полковой канцеляріи, какое число изъ онаго полка съ подпомощниковъ и подданныхъ по числу душъ наряжено на линію къ закрытію оной и работъ".

Рапорты о лицахъ, высланныхъ на линію изъ м. Тарановки, изъ сотни Соколовской и изъ сс. Березоваго, Бабаевъ, Коротича, Жихорева, Алексѣевки и Удъ.

Доношеніе подпрапорнаго Смородскаго о томъ, что нарядить козаковъ конныхъ, за скудостью, не изъ кого.

Указъ изъ Харьков. полковой канцеляріи Смородскому со внушеніемъ за непорядочныя отговорки.

Доношеніе изъ сотни Соколовской о высылкѣ на линію вмѣсто конныхъ пѣшихъ за скудостью.

Рапортъ Ковалевскаго о томъ, что въ Даниловкѣ задержаны двое бѣглыхъ съ линіи и выдерживаютъ карантинъ.

Указы о высылкѣ изъ Харьк. полка 338 человѣкъ для закрытія линіи. Списокъ наряженныхъ къ линіи съ мѣстечка Новой Водолаги.

Рапортъ Смородскаго о невозможности изъ Ольшанской сотни нарядить козаковъ.

Письмо Евстафія Куликовскаго полковому Судьѣ съ просьбой о взятіи изъ с. Рясного вмѣсто пяти человѣкъ трехъ.

Переписка Харьковской полковой канцеляріи съ канцеляріей Харьковскихъ провіантскихъ дѣлъ о нарядѣ козаковъ на линію.

Указъ подпрапорному Панкратьеву о нарядѣ его на линію.

Доношеніе писаря м. Волчьихъ водъ Лнявскаго о томъ, что владѣльцы Бѣлгородскаго и Нижегольскаго уѣзд. на основаніи писемъ Б. Пассека не высылаютъ на линію работниковъ.

Реестры высланныхъ на линію козаковъ изъ разныхъ сотенъ Харьковскаго полка.

Доношенія о высылкѣ изъ разныхъ мѣстъ козаковъ (Деркачевская сотня).

О замѣнѣ малолѣтнихъ и вообще негодныхъ козаковъ годными (указы объ этомъ, инструкціи и реестры).

О высылкѣ собранныхъ у г. Харькова козаковъ на линію съ подпрапорнымъ Гаевскимъ.

Подписка подпр. Ивана Гаевскаго въ принятіи козаковъ для отвода ихъ на линію.

Переписка по поводу недосланныхъ малолѣтнихъ и престарѣлыхъ козаковъ.

Рапортъ полковой канцеляріи ген. А. П. Девицу о невозможности изъ Харьковскаго полка дослать недостающихъ козаковъ.

О невысылкѣ изъ сл. Шибекиной, Бибиковой и Георгіевки на украинскую линію людей на основаніи ордеровъ Пассека.

Реестры высланныхъ изъ Валковской, Люботинской и Угольчанской сотенъ.

Письмо капитана Веревкина полковому судьѣ о квитанціяхъ за взятый марширующими полками у водолажскихъ обывателей провіантъ.

Письмо маіора Шармаметева къ полковому писарю о присылкѣ вѣдомости объ отправленныхъ на линію.

Реестръ бѣглыхъ изъ команды Гаевскаго.

Реестръ розданнаго пороха.

Подписка подпрапорнаго Чигиринскаго о принятіи 60 человѣкъ для отвода ихъ въ кр. Св. Параскевы.

Именной списокъ этихъ 60 человѣкъ.

Указы о высылкѣ на украинскую линію.

Письмо ген. Девица полковому судьѣ о высылкѣ на линію недосланныхъ 50 козаковъ.

Вѣдомость о козакахъ, высланныхъ изъ Тишковской и Липецкой сотенъ.

Реестры козаковъ, высланныхъ съ разныхъ мѣстъ Харьковск. полка.

Письмо Девица полковому судьѣ о высылкѣ бѣглыхъ.

Указы о высылкѣ бѣглыхъ.

Реестръ бѣглыхъ.

Указъ о высылкѣ бѣглыхъ и о замѣнѣ малолѣтнихъ.

Вѣдомость о малолѣтнихъ и бѣглыхъ козакахъ Харьковскаго полка.

Реестръ бѣжавшихъ съ линіи козаковъ Харьковскаго полка.

Инструкція отправленнымъ для сыска бѣглыхъ.

№ 37-й 1765 г. (на 302 листахъ).

Указъ о назначеніи комиссаровъ для повѣрки израсходованной сотенными старшинами безъ согласія обывателей суммы (1764 г.).

Экстрактъ, составленный на основаніи присланныхъ при указѣ изъ коммиссіи о слободскихъ полкахъ сотенныхъ счетовъ, которые произведены старшинами, посланными отъ сержанта Гринева.

Справка о недоимкахъ, числящихся на сотняхъ Харьков. губ.

О взысканіи съ полк. Матвѣя Куликовскаго денегъ, затраченныхъ по его приказу въ первой Харьков. сотнѣ.

О взысканіи денегъ съ обознаго Ковалевскаго, писарей полковыхъ Острогожскаго, Рамановскаго, сотника Черноглазова, атамана Старикова и др.

О взысканіи съ сержанта бѣлгородскаго гарнизоннаго полка Семена Ильинскаго денегъ.

Объ отпускѣ полк. Куликовскаго въ С.-Петербургъ.

Доношеніе сборщика Гармаша о расходѣ казацкой суммы.

О томъ же сборщиковъ Василія Сененко и Василія Картавцова.

О взысканіи денегъ съ Липецкихъ сотенныхъ старшинъ и доставленіи ихъ самихъ въ Харьковъ.

Доношеніе Люботинскихъ сборщиковъ о требуемой съ нихъ суммѣ; Брюховецкаго о томъ же, Гребенника о томъ же, Андрускаго писаря Ольшанской сотни о томъ же.

О доставленіи въ Харьковъ изъ Мерефянской сотни разныхъ лицъ, за которыми числятся потраченныя ими деньги.

Доношеніе сотнички Маріи Ровневой о требуемой съ нея суммы.

Росписка жителей (нѣсколькихъ человѣкъ) Тишковской и Ольшанской сотни о доставкѣ ими суммы, числящейся на нихъ по сотеннымъ счетамъ.

Рапорты, подписки, доношенія и пр. сборщиковъ и сотенныхъ старшинъ о требуемой съ нихъ по сотеннымъ счетамъ суммѣ.

Объ отпускѣ полковника Куликовскаго на 4 мѣсяца въ Петербургъ.

О взысканіи денегъ съ обознаго Валевскаго, асаула Горленскаго, ротмистра Нестерова и писарей Острожскаго и Романовскаго.

О взысканіи денегъ съ разныхъ лицъ (сборщиковъ и сотниковъ) и по этому поводу рапорты, подписки, доношенія, квитанціи и пр.

О притѣсненіи сотникомъ Черноглазовымъ Якова Чернаго (неуплата ему за работу).

Указъ о принятіи денегъ, взыскиваемыхъ по сотеннымъ счетамъ, Бондаревскимъ вмѣсто Андреевскаго, командированнаго для письма въ Харьк. гусарскій полкъ.

Вѣдомость о взысканныхъ и слѣдуемыхъ ко взысканію деньгахъ.

№ 38-й 1740 г. (на 64 листахъ).

Письмо Ласси къ Харьковскому полковнику о томъ, что татарамъ приказано кормить лошадей и готовиться къ походу.

О готовности козаковъ къ походу.

О прибытіи козаковъ въ с. Даниловку.

Доношеніе изъ Валковской сотни о посылкѣ въ Харьковъ двухъ козаковъ для караула.

Доношеніе той же сотни о количествѣ козаковъ въ ней.

Письмо бар. Спигеля о приближеніи непріятеля къ линіи.

Указы о предосторожности противъ непріятеля.

Реестръ козаковъ Мерефянской сотни, находящихся въ командировкѣ.

Указъ о высылкѣ козаковъ для отпора врага и высылкѣ патрулей.

Подписка сотенной старшины о немедленномъ выступленіи въ походъ по первому требованію.

Указы о заключеніи мира съ Турціей и переводѣ двухъ драгун. полк. изъ Харьков., Изюмскаго и Острогожскаго полковъ въ Ахтырскій и Сумской.

Требованіе пор. Полякова о высылкѣ 200 козаковъ на патрули и на случай внезапнаго нападенія татаръ.

Объ отправленіи изъ Перекопской сотни козаковъ въ Харьковъ (приложенъ именной списокъ).

О томъ же изъ Золочевской сотни.

Указъ о „сикурсованіи дистанціи фонъ-Лессія“ малороссійскими и слободскими полками.

Письмо Миниха фонъ-Лессія о томъ же.

Письмо обознаго Борзаковскаго Харьков. полковнику объ отводѣ квартиръ въ Ольшаной, Люботинѣ и Деркачахъ для 1000 козаковъ Малороссійскихъ полковъ.

Объ аттакованіи кр. Тора непріятелемъ.

О содержаніи семи крымскихъ татаръ въ г. Харьковѣ.

№ 39-й 1740 г. (на 35 листахъ).

Указъ о присылкѣ въ Москву въ Бергъ—контору селитренными заводчиками вѣдомости о вываркѣ селитры за 1736—1739 г.г.

Указъ о высылкѣ заводчиковъ или ихъ повѣренныхъ въ Глуховъ для договора о поставкѣ селитры въ казну.

Доношеніе Якима Баляснаго Харьков. полков. канцеляріи о дозволеніи ему, Балясному, варить селитру на Липецкомъ заводѣ.

Указъ, разрѣшающій Балясному производить селитровареніе въ с. Липцахъ.

Вѣдомость вываренной селитры въ 1736—1739 гг. въ Харьков. полку.

О явкѣ заводчиковъ въ Глуховъ (инструкціи, доношенія и пр.).

Вѣдомости о вываренной селитрѣ за 1736—1739 гг., присланныя отъ заводчиковъ Краснокутскаго, Шидловской и Баляснаго.

№ 40-й 1740 г. (на 55 листахъ).

Указы о высылкѣ на прежнее мѣстожительство бѣглыхъ козаковъ и обывателей слободскихъ полковъ; здѣсь же о непріемѣ бѣглыхъ.

Указъ о возвращеніи на прежнее мѣстожительство вышедшихъ съ хуторовъ Угольчанской сотни Гриневки и Любовки (приложенъ реестръ сшедшихъ).

Указъ о возвращеніи заграбленнаго атаманами и дворовыми слободъ Сонцевой и Венгеровой у возвращающихся на прежне мѣстожительство въ Липецкую сотню.

О невысылкѣ атаманомъ Хотомлянскимъ Шулгою находящихся въ с. Хотомлѣ Печенѣжскихъ козаковъ.

О водвореніи на прежнее мѣстожительство торскихъ обывателей ушедшихъ въ Харьковъ.

О возвращеніи на прежнее мѣстожительство подданныхъ маіора Куликовскаго, капитана Ивана Заруднаго, обывателей слободки Кантакузиной.

Реестръ малороссіянъ, записанныхъ по переписи 1732 г. за полковникомъ Сонцовымъ.

Реестръ малороссіянъ вышедшихъ изъ маетностей ахтырскаго полка полковника Осипова въ Харьковскій полкъ.

Реестръ вышедшихъ изъ маетностей капитана Заруднаго.

Указъ о высылкѣ изъ сл. гр. Дукласа Володимерки пришедшихъ послѣ переписи 1732 г. малороссіянъ.

О возвращеніи бѣжавшаго изъ Тора въ гор. Харьковъ козака обратно.

Указъ о назначеніи старшинъ и офицеровъ для наблюденія за высылкой вышедшихъ изъ слободскихъ полковъ обывателей на прежнее мѣстожительство и о дачѣ назначеннымъ инструкціи для руководства.

Указъ объ отнятыхъ пор. Поляковымъ у Протопопова подданныхъ.

Реестръ подданныхъ, вышедшихъ изъ маетности маіора Шадокирскаго и отнятыхъ старшинами.

№ 41-й 1740 г. (на 178 листахъ).

Цѣны съѣстныхъ припасовъ, провіанта и фуража въ г. Харьковѣ за январь мѣсяцъ. То же въ с. Липцахъ. То же въ м. Золочевѣ. То же въ с. Липцахъ, въ г. Харьковѣ и въ м. Золочевѣ за февраль мѣсяцъ.

Письмо Девица къ Харьковскому полковнику о присылкѣ цѣнъ на овесъ и сѣно во время зимнихъ мѣсяцевъ.

Цѣны на сѣно и овесъ въ г. Харьковѣ за октябрь, ноябрь и декабрь 1739 г., январь, февраль 1740 г.

Указы о присылкѣ цѣнъ на провіантъ и фуражъ.

Вѣдомость о цѣнахъ въ Харьковскомъ полку на сѣно и овесъ въ 1738 и 1739 г.г. съ октября по апрѣль мѣсяцы.

Цѣны муки, овса, соли и пр. въ сотнѣ Валковской за мартъ мѣсяцъ 1740 г. То же въ м. Золочевѣ. То же въ Липецкой сотнѣ. То же въ Липецкой сотнѣ за апрѣль мѣсяцъ.

Письмо Девица къ Харьков. полковнику о цѣнахъ на овесъ и сѣно за 1738 и 1739 г. въ близъ лежащихъ къ Украинской линіи мѣстечкахъ.

Цѣны на овесъ и сѣно въ Харьковѣ за 1738 и 1739 г.г.

Доношеніе Харьков. полковника ген. Девицу о томъ, что въ Харьковѣ въ 1738 и 1739 г.г. торговъ не было по случаю опасной болѣзни.

Цѣны съѣстныхъ припасовъ въ Валкахъ за апрѣль мѣсяцъ. То же въ Харьковской таможнѣ.

Цѣны на съѣстные припасы въ Харьковскомъ полку за апрѣль мѣсяцъ. То же за май мѣсяцъ въ Липецкой сотнѣ и въ Харьковской таможнѣ.

Цѣны провіанта и фуража за мартъ мѣсяцъ въ Харьковскомъ полку. То же въ м. Золочевѣ съ 1 по 15 іюля. То же въ м. Валкахъ, Золочевѣ и Липцахъ за іюнь мѣсяцъ. То же въ м. Валкахъ, Золочевѣ и въ Липцахъ за іюль мѣсяцъ. То же въ г. Харьковѣ.

Промеморія Ахтырской полковой канцеляріи въ Харьковскую канцелярію съ присылкой квитанцій, по которымъ стоящіе на квартирахъ армейскіе полки забирали безденежно у обывателей провіантъ и фуражъ.

Опись этихъ квитанцій.

Цѣны на провіантъ и фуражъ въ Харьковѣ за 1736—39 г.г.

Цѣны на муку, просо, овесъ, гречиху и пр. въ Липецкой сотнѣ въ м. Золочевѣ и въ г. Харьковѣ за августъ мѣсяцъ. То же въ м. Валкахъ и Золочевѣ, въ Липецкой сотнѣ и въ г. Харьковѣ за сентябрь мѣсяцъ. То же въ г. Харьковѣ, м.м. Валкахъ и Золочевѣ и въ Липецкой сотнѣ за октябрь, ноябрь и декабрь.

№ 42-й 1740 г. (на 292 листахъ).

Указъ о предосторожности противъ опасной болѣзни во время наступающей весны.

Указъ о томъ же и о снятіи карантина съ деревень Прилѣпы и Ливенской и съ Гостомли и Малиновки.

О появленіи въ Царьградѣ опасной болѣзни и о непропускѣ безъ карантина идущихъ съ Турецкой и Крымской стороны.

О починкѣ дома Квѣтки, находящагося въ г. Харьковѣ, работниками отъ полка за пользованіе обывателями лѣсомъ Квѣтки во время моровой язвы.

Доношенія сотника Ковалевскаго объ отсутствіи опасной болѣзни.

О доставленіи въ военный судъ сотника Ковалевскаго по дѣлу о побояхъ бахмутскаго бурмистра Брянченинова полковникомъ кн. Мещерскимъ.

Доношенія объ отсутствіи опасной болѣзни въ Харьковскихъ сотняхъ и другихъ мѣстахъ.

О побояхъ, нанесенныхъ іеромонахомъ Өеофиломъ, экономомъ Покровскаго монастыря, десятнику высылавшему на караулы Харьковскихъ обывателей.

Доношеніе Харьков. полковой канцеляріи въ канцелярію министерскаго правленія о мѣрахъ предосторожности, принятыхъ противъ опасной болѣзни.

Просьба ротмистра Абазы объ отпускѣ его въ Глуховъ по своимъ дѣламъ.

Рапорты о состояніи карауловъ, поставленныхъ по случаю опасной болѣзни.

О предосторожности противъ опасной болѣзни.

Доношенія объ отсутствіи опасной болѣзни въ Харьковскомъ полку.

Рапортъ сотника Якова Ковалевскаго о принятіи карауловъ отъ сотника Павла Ковалевскаго.

Указъ Баскакова о вывозѣ навоза далеко въ поле и закапываніи его въ глубокія ямы.

Рапортъ сотника Романовича о томъ, что подданные бриг. Дуниной, полк. Авксентіева и Покровскаго монастыря на караулы ходить не хотятъ.

Доношеніе козаковъ м. Тарановки о томъ, что они, козаки, только одни содержитъ караулы, а подпомощники и люди русской команды отказываются.

Доношеніе тѣхъ же козаковъ о томъ, что кожи павшаго скота (498 штукъ), оставленныя въ м. Тарановкѣ, могутъ заразить воздухъ.

О непропускѣ никого въ г. Харьковъ безъ письменнаго вида.

О предосторожности отъ опасной болѣзни.

О свободномъ сообщеніи съ кр. Св. Өеодора, гдѣ опасная болѣзнь прекратилась.

О пріемѣ Ольшанскимъ сотникомъ Иваномъ Ковалевскимъ отъ ротмистра Абазы наблюденія за караулами.

ТРУДЫ

ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ХАРЬКОВСКАГО

Историко-Филологическаго Общества.

ВЫПУСКЪ II.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 16-й.
1894.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 4 апрѣля 1894 г.
Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УСТАВЪ

Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества, состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ университетѣ.

(Утвержденъ г. Министромъ народнаго просвѣщенія 25 Февраля 1892 года).

§ 1.

Цѣль Педагогическаго Отдѣла—обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ историко-филологическихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 2.

Педагогическій Отдѣлъ состоитъ изъ лицъ, преподающихъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Харьковскаго учебнаго округа и вообще изъ лицъ, интересующихся спеціально педагогическими и научно-методологическими вопросами.

§ 3.

Члены Педагогическаго Отдѣла избираются по рекомендаціи одного или нѣсколькихъ членовъ Историко-филологическаго Общества или Педагогическаго Отдѣла закрытой баллотировкой по большинству голосовъ.

§ 4.

Члены Историко-филологическаго Общества состоятъ eo ipso и членами Педагогическаго Отдѣла.

§ 5.

При переходѣ изъ Педагогическаго Отдѣла въ Историко-филологическое Общество соблюдаются §§ 7 и 18 Устава Общества, т. е. баллотировка и 5-ти рублевый членскій годовой взносъ.

§ 6.

Предсѣдатель Педагогическаго Отдѣла избирается Отдѣломъ исключительно изъ членовъ Историко-филологическаго Общества, а секретарь изъ наличнаго состава Отдѣла.

§ 7.

Годовой членскій взносъ для члена Педагогическаго Отдѣла опредѣляется въ три рубля.

§ 8.

О времени засѣданій Педагогическаго Отдѣла и предстоящихъ сообщеніяхъ дѣлается предварительное увѣдомленіе въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ. Засѣданіе считается состоявшимся, если явится 1/3 общаго числа членовъ, проживающихъ въ городѣ.

§ 9.

Параграфы 9, 11, 12 и 17, Устава Историко-филологическаго Общества примѣняются и къ его Отдѣлу.

§ 10.

Изъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію по §§ 13, 14 и 15, вопросы по печатанію трудовъ Педагогическаго Отдѣла, по обсужденіи въ Отдѣлѣ, окончательное рѣшеніе получаютъ въ Историко-филологическомъ Обществѣ.

§ 11.

Годовой отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Отдѣла разсматривается въ Историко-филологическомъ Обществѣ, печатается въ его изданіяхъ или отдѣльно и представляется попечителю Харьковскаго учебнаго округа.

§ 12.

Взносы и пожертвованія въ пользу Педагогическаго Отдѣла поступаютъ въ кассу Историко-филологическаго Общества.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Отдѣла за $18\frac{93}{94}$ акад. годъ.

Прерванныя на время каникулъ собранія членовъ Педагогическаго Отдѣла возобновлены были засѣданіемъ 1-го октября. Прочитано было сообщеніе Министерства Нар. Просв., по поводу ходатайства Ист.-фил. общества о передачѣ части библіотеки Краснослободской прогимназіи въ библіотеку Педагогическаго Отдѣла, что просьба Общества будетъ принята во вниманіе при окончательномъ закрытіи прогимназіи.

Вниманію гг. членовъ Отдѣла предложены были условія составленія книжки для исправительныхъ пріютовъ на премію, выдаваемую управленіемъ московскаго Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта.

Н. Ѳ. Сумцовъ доложилъ собранію о полученіи отъ фирмы Гашета около 40 №№ школьныхъ изданій французскихъ классиковъ, нѣсколькихъ сборниковъ законоположеній о начальныхъ школахъ, книгъ общаго педагогическаго характера, хрестоматій и 3-хъ учебниковъ: французскаго языка, ариѳметики и исторіи, изящно изданныхъ и дешевыхъ по цѣнѣ.

В. П. Бузескулъ, просмотрѣвъ учебникъ исторіи и цивилизаціи Франціи Дюкудре, познакомилъ гг. членовъ съ внѣшними и внутренними достоинствами этой книжки. Сжатое изложеніе, точность и выразительность, строгій подборъ и умѣлое распредѣленіе матеріала, при обиліи рисунковъ въ текстѣ, отдѣльныхъ гравюръ и географическихъ картъ, съ обозначеніемъ територіальнаго измѣненія государства, краткіе резюме въ концѣ каждаго параграфа—все это ставитъ французское руководство выше нашихъ русскихъ учебниковъ. Полное безпристрастіе къ историческимъ событіямъ, отсутствіе партійныхъ взглядовъ, стремленіе воспитать въ учащихся горячую любовь къ Франціи указаніями на то, что ведетъ къ славѣ и могуществу отечества, не скрывая и несчастій, составляютъ общій характеръ учебника. Уроки очень коротки (въ одну страничку), при сравнительной полнотѣ изложенія.

Затѣмъ прочитанъ былъ *Н. Ѳ. Сумцовымъ* разборъ стихотворенія Пушкина „Сонетъ", представляющаго цѣльную и выразительную исторію сонета. Стихотвореніе это замѣчательно, какъ образчикъ самостоятельнаго творчества при наружной формѣ подражанія англійскому поэту Вордсворту. Упус-

каемое изъ виду въ педагогической практикѣ, стихотвореніе это можетъ служить прекраснымъ объяснительнымъ пособіемъ для цѣлаго ряда историко-литературныхъ фактовъ. Этотъ рефератъ напечатанъ въ 1 кн. „Рус. Фил. Вѣст.“ 1894.

Слѣдовавшее за тѣмъ сообщеніе *Д. И. Багалѣя* посвящено было книгѣ Фримана „Методы изученія исторіи“ (8 лекцій, перев. съ англ., изд. Солдатенкова). Референтъ познакомилъ гг. членовъ съ основными взглядами автора на исторію, ея отношеніе къ другимъ наукамъ, способы изученія исторіи и ея источники, попутно указалъ на нѣкоторые другіе труды по методологіи исторіи, между прочимъ, на переводъ книжки Тардифа „Элементы критики исторіи“, сдѣланный харьковскимъ студентомъ М. Агѣевымъ, рекомендуя эту книгу вниманію учителей гимназіи и даже учениковъ старшихъ классовъ, и обѣщалъ въ ближайшемъ засѣданіи остановиться на методикѣ исторіи, отношеніи элементарной методики къ научной и на преподаваніи этой дисциплины въ университетѣ.

Въ бесѣдѣ по поводу прочитаннаго реферата приняли участіе Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, В. П. Бузескулъ, М. С. Дриновъ и нѣкоторые др. члены Отдѣла.

Въ засѣданіи педагогическаго отдѣла истор.-фил. общества 31 октября, по прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, *Н. Ѳ. Сумцовъ* сказалъ слѣдующую рѣчь: „Мм. гг.! настоящее наше засѣданіе случайно совпало со днемъ пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Д. В. Григоровича. Имя это не можетъ быть чужимъ для педагоговъ. Повѣсти и разсказы Григоровича, вызвавшіе въ свое время большую похвалу со стороны Бѣлинскаго и съ восторгомъ прочитанные всей интеллигентной Россіей 40, 50 и 60 годовъ, не потеряли до настоящаго времени своей привлекательности и нынѣ составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній ученическихъ библіотекъ. Наибольшей и вполнѣ заслуженной извѣстностью пользуются „Рыбаки“, „Антонъ Горемыка“, „Смедовская долина“, „Свѣтлое Христово Воскресеніе“, „Пахарь“ и „Прохожій“. Въ литературѣ Григоровичъ является живописцемъ—этнографомъ. Во всѣхъ его произведеніяхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ картины русской природы, внѣшняго крестьянскаго быта, промысловъ. Эта этнографическая живопись сообщаетъ произведеніямъ Григоровича значительную педагогическую цѣнность. Другимъ крупнымъ достоинствомъ ихъ является доброжелательное отношеніе автора къ простому народу, въ особенности къ земледѣльческому быту. Мѣстами у Григоровича обнаруживается сентиментальная прикраска; но этотъ недостатокъ, крупный для взрослаго читателя съ научно-объективной точки зрѣнія, представляется достоинствомъ для молодежи съ педагогической точки зрѣнія. Какъ-бы велики и основательны ни были требованія современнаго реализма въ об-

ласти науки, нѣтъ основанія проводить ихъ всецѣло въ искусствѣ и въ особенности неудобно строить на нихъ гуманистическое зданіе педагогики. Здѣсь „насъ возвышающій обманъ" бываетъ иногда дороже „тьмы истинъ", если такой обманъ ведетъ къ облагороженію духа и къ развитію чувства доброжелательства, а тьма истинъ ведетъ къ переутомленію и повергаетъ въ бездну недовольства и пессимизма. Повѣсти Григоровича, проникнутыя любовью къ народу, мягкія и доброжелательныя, обращаются въ обществѣ съ сороковыхъ годовъ, содѣйствуя пробужденію и укрѣпленію добрыхъ чувствъ, какъ они выразились въ началѣ 60 годовъ, какъ проявляются они и нынѣ въ заботахъ объ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ подъемѣ народа. Гуманистическіе проценты, данные произведеніями Григоровича, не поддаются учету; общество не мало уже пользовалось ими и долго будетъ еще пользоваться; и за то почтенный юбиляръ сегодня навѣрно услышитъ много искреннихъ привѣтствій и добрыхъ пожеланій".

По предложенію нѣкоторыхъ членовъ отдѣла Д. В. Григоровичу была послана поздравительная телеграмма, которая въ засѣданіи и была редактирована въ такой формѣ: „Педагогическій отдѣлъ харьковскаго истор.-фил. общества въ общемъ собраніи своихъ членовъ, по высокой оцѣнкѣ вашихъ литературныхъ заслугъ, шлетъ вамъ пожеланія многихъ лѣтъ здоровья и продолженія вашей дѣятельности".

Затѣмъ прочитанъ былъ рефератъ *Н. Е. Шевченка*, посвященный памяти Я. К. Грота, скончавшагося 24-го мая 1893 года. Обрисовавъ въ общихъ чертахъ служебную и литературно-научную дѣятельность покойнаго академика, референтъ въ ряду прочихъ изслѣдованій отмѣтилъ его научныя заслуги по вопросу объ установленіи единства русскаго правописанія и изложилъ главнѣйшія начала, положенныя въ основу составленнаго имъ по порученію втораго отдѣленія академіи наукъ руководства.

Память покойнаго почтена была вставаніемъ.

Д. И. Багалѣй сдѣлалъ сообщеніе „О методахъ исторіи", которое напечатано въ настоящемъ II выпускѣ Трудовъ вполнѣ. Въ обсужденіи реферата приняли участіе Н. И. Алякритскій, А. В. Ордынскій и В. П. Бузескулъ.

Засѣданіе окончилось выборами предсѣдателя и секретаря. Вновь избраны предсѣдателемъ Н. Ѳ. Сумцовъ, въ секретари В. И. Харціевъ.

Въ засѣданіи членовъ педагогическаго отдѣла ист.-фил. общества, 5 декабря, постановлено собрать свѣдѣнія при повѣсткахъ, разсылаемыхъ передъ каждымъ засѣданіемъ, о времени наиболѣе удобномъ для преподавателей.

Затѣмъ избраны были въ члены педагогическаго отдѣла *М. И. Демковъ*, *И. А. Виноградовъ* и *Н. А. Чекановъ*.

Н. И. Алякритскій прочелъ рефератъ: „О классномъ и внѣклассномъ чтеніи". Рефератъ этотъ напечатанъ ниже.

С. А. Новицкій по поводу этого реферата указалъ на лишній грамматизмъ преподаванія русскаго языка, какъ на явленіе вредное, и привелъ изъ своей практики примѣръ хорошаго усвоенія литературнаго языка средствами, аналогичными тѣмъ, какія рекомендованы были Н. А. Алякритскимъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ замѣтилъ, что виноватъ не столько грамматизмъ, сколько схоластика, частнымъ проявленіемъ которой является и лишній грамматизмъ, схоластика, проявляемая иногда въ увлеченіи древней русской литературой въ ущербъ ознакомленія учащихся съ произведеніями лучшихъ новыхъ писателей. Что же касается организаціи указанныхъ Н. И. Алякритскимъ литературныхъ бесѣдъ и публичныхъ чтеній для учащихся, то осуществленіе этой идеи весьма желательно, лишь бы иниціатива шла со стороны г.г. преподавателей гимназій. Педагогическій отдѣлъ могъ бы оказать имъ всяческое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, собрать пособія, выбрать подготовительную коммиссію, выработать планъ и пр.

Н. И. Алякритскій въ дополненіе къ сказанному сообщилъ, что въ Москвѣ такія публичныя чтенія возникли главнымъ образомъ изъ желанія пополнить пробѣлъ въ курсахъ предметовъ, изучаемыхъ въ гимназіи. Программа ихъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) чтеній по исторіи, географіи, физикѣ и др. предметамъ, съ туманными картинами и 2) чтеній поэтическихъ произведеній съ необходимыми поясненіями. Возвращаясь къ вопросу о диктовкѣ, референтъ высказалъ мнѣніе, что диктовка можетъ быть съ большей пользой замѣнена письменнымъ изложеніемъ, а образованію правильнаго навыка въ орѳографіи можетъ способствовать нѣсколько иная постановка уроковъ чистописанія.

Ѳ. А. Павловскій, по поводу устройства литературныхъ бесѣдъ и чтеній по воскреснымъ днямъ, указалъ, какъ на препятствіе къ ихъ осуществленію, на обремененіе учащихся уроками, въ особенности по воскреснымъ днямъ.

На это Н. И. Алякритскій возразилъ, что обремененіе учащихся зависитъ съ одной стороны отъ неравномѣрнаго распредѣленія задаваемыхъ уроковъ, устраненіе чего лежитъ на обязанности классныхъ наставниковъ, а съ другой—отъ практикуемой обыкновенно методы преподаванія, при которой преобладаетъ спрашиваніе, а не объясненіе, не разучиваніе предлагаемаго матеріала.

Вообще рефератъ вызвалъ весьма оживленную бесѣду, въ которой принимали участіе и другіе члены отдѣла.

Въ засѣданіи Педагогическаго Отдѣла 9 января, *М. П. Знаменскій* прочелъ рефератъ: опытъ преподаванія въ IV классѣ греческаго оптатива (переводъ съ нѣмецкаго „образцоваго урока греческаго языка“ Густ. Рихтера, съ примѣчаніями отъ переводчика).

Образцовый урокъ Рихтера построенъ на слѣдующихъ соображені-
хъ. Учитель предварительно взвѣшиваетъ матеріалъ, который онъ намѣ-
енъ предложить, расчисляетъ на группы, опредѣляетъ, сколько за разъ
ченики могутъ усвоить и съ чего начать. Сосредоточивая все свое вни-
аніе на томъ, чтобы *созерцающую* мысль учащихся довести до степени
онимания, онъ наглядно вводитъ въ сознаніе ихъ только такія представле-
ія изъ пройденнаго, которыя необходимы для воспріятія новаго, заставляя
овыя представленія нѣкоторое время господствовать въ мысли учениковъ,
аботясь такимъ образомъ о развитіи способности усваивать новое и при-
ѣнять на практикѣ.

Отмѣчая главнѣйшія особенности преподаванія нѣмецкаго педагога,
еферентъ, кромѣ прекрасной методологической обработки, указалъ, на его
умѣнье festinare lente (медленно спѣшить) и въ особенности на глубокое
примѣненіе психологическихъ принциповъ гербартовской школы. Взвѣсивъ
всѣ условія пониманія, г. Рихтеръ имѣетъ въ виду не только объектъ
преподаванія, но и личность ученика и главной цѣлью урока не одно
усвоеніе знаній, но и образованіе воли, возбужденіе интереса къ знанію и
умственной самодѣятельности. Не то бываетъ, по мнѣнію референта, тамъ,
гдѣ урокъ проходитъ въ вѣчномъ спрашиваніи, гдѣ не умѣютъ спѣшить
медленно, и, не разучивъ хорошенько одного, переходятъ къ другому,
прибѣгая потомъ къ повтореніямъ, гдѣ вся надежда возлагается на со-
ставленіе хорошаго учебника. Этотъ поучительный примѣръ преподаванія
вызвалъ нѣкоторыя замѣчанія и дополненія со стороны членовъ отдѣла:
Г. Ф. Шульца, А. Г. Левандовскаго и Д. Е. Архангельскаго. Рефератъ по-
становлено напечатать въ II-мъ выпускѣ трудовъ педагогическаго отдѣла.

Засѣданіе педагогическаго отдѣла 13 февраля открыто было разсмот-
рѣніемъ текущихъ дѣлъ, причемъ въ видѣ опыта постановлено было пе-
ренести педагогическія засѣданія съ воскресенья на пятницу, 7 час. вече-
ра. Затѣмъ А. В. Ветуховъ прочелъ рецензію на книгу Д. Аверкіева „о Дра-
мѣ", удостоенную половинной пушкинской преміи и почти обойденную въ
нашей критической библіографіи. Въ обсужденіи рецензіи принимали уча-
стіе Н. Ф. Одарченко, В. И. Харціевъ, А. С. Илларіоновъ, С. А. Новицкій,
М. А. Масловъ и Н. И. Алякритскій, представившіе рядъ возраженій по по-
воду нѣкоторыхъ опредѣленій автора, его отношенія къ традиціи и взгля-
довъ на сущность драматическаго искусства.

В. И. Харціевъ сдѣлалъ докладъ о преподаваніи грамматики русскаго
языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Референтъ отмѣтилъ неумѣстность
и вредъ пренебрежительнаго отношенія къ грамматикѣ, какъ научной
дисциплинѣ, вредъ выразившійся на практикѣ въ смѣшеніи и отожествле-
ніи логическихъ понятій съ грамматическими; этимологія и синтаксисъ не-

справедливо противополагаются другъ другу, и части рѣчи опредѣляются не по синтактическому ихъ употребленію. Грамматика русскаго языка, занимая лишь служебное отношеніе къ другимъ дисциплинамъ, сводится на безплодный логическій разборъ ради разбора и прочія побочныя упражненія, а преподаватель вмѣсто объясненій того или другого явленія языка, принужденъ нерѣдко голословно одобрять или осуждать то или другое рѣшеніе грамматической задачи. Въ обсужденіи реферата принимали участіе Н. Ф. Одарченко, С. А. Новицкій и Н. И. Алякритскій.

Между прочимъ Н. Ф. Одарченкомъ выражено было желаніе, чтобы въ преподаваніи грамматики родного языка установлено было единство. Н. И. Алякритскій указалъ на трудность ввести въ школьную практику систему А. А. Потебни.

С. А. Новицкій прочелъ программу ближайшаго реферата, которую предложилъ напечатать и разослать членамъ отдѣла и затѣмъ сдѣлалъ краткое сообщеніе о вышедшей въ Харьковѣ брошюрѣ г. Кузина „Первые уроки по церковно-славянскому языку, для народныхъ школъ". Въ члены педагогическаго отдѣла избраны Никодимъ Петр. *Грековъ* и Надежда Мих. *Залѣсская*.

Въ засѣданіи педагогическаго отдѣла ист.-фил. Общества, 4 марта *Н. Ѳ. Сумцовъ* доложилъ собранію о второмъ изданіи „Маленькой русской хрестоматіи для дѣтей" П. Смирновскаго (1—111 стр.) съ 32 рисунками въ текстѣ, которое по хорошей внѣшности, дешевизнѣ (15 коп.) и подбору статей представляетъ прекрасное пособіе для низшихъ и приготовительныхъ школъ средне-учебныхъ заведеній.

Затѣмъ прочитаны были рефераты иногороднихъ членовъ: *М. И. Демкова* „О задачахъ серьезной педагогической литературы" и *И. Н. Стефановскаго* „Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ на урокахъ русскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ". Эти рефераты напечатаны въ II вып. Трудовъ П. О. И.-Ф. О.

Н. И. Алякритскій замѣтилъ по поводу реферата г. Демкова, что авторъ повидимому смѣшиваетъ исторію педагогики съ исторіей просвѣщенія, слишкомъ широко ставитъ вопросъ объ изслѣдованіяхъ въ этой научной области, возлагаетъ черезчуръ большія надежды на педагогическую хрестоматію, и наконецъ нѣсколько преувеличиваетъ бѣдность нашей сравнительно очень еще молодой, педагогической литературы. Учрежденіе при университетахъ особой каѳедры педагогики было бы весьма желательно для правильной постановки учебнаго дѣла и образованія опытныхъ преподавателей.

Н. Ѳ. Сумцовъ, указавъ на главное достоинство реферата—возбужденіе серьезнаго вниманія къ историко-педагогическимъ вопросамъ, выразилъ сомнѣніе относительно важности историко-педагогическаго значенія древнерусскихъ сборниковъ.

Въ обсужденіи реферата г. Стефановскаго принимали участіе С. А. овицкій, М. Г. Халанскій, А. В. Ордынскій, Д. Е. Архангельскій и В. И. арцiевъ.

Оба реферата постановлено помѣстить во II-мъ выпускѣ Трудовъ пе- агогическаго отдѣла.

По баллотировкѣ избраны въ члены педагогическаго отдѣла *Мих. Ив. Тишкинъ, Неон. Андр. Бокій, Валер. Алексан. О'Коноръ, Влад. Степ. Поковскій* и *Ив. Ник. Стефановскій.*

Въ Собраніи Педагогическаго Отдѣла 1 апрѣля, по прочтеніи протоола засѣданія 4 марта, избранъ былъ въ члены Отдѣла Иванъ Павловичъ *Осиповъ.*

Профессоръ *И. М. Собѣстіанскій* прочелъ извлеченіе изъ отчета о состояніи 1-й Тифлисской гимназіи къ 1-му Сентября 1892 г.

С. А. Новицкій прочелъ свой докладъ подъ заглавіемъ „Путь къ обновленію школьной грамматики“.

Оба доклада постановлено напечатать во II вып. „Трудовъ П. О.“.

При обсужденіи послѣдняго реферата были сдѣланы слѣдующія замѣчанія:

Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на симпатичную черту доклада—стремленіе популяризовать научные труды А. А. Потебни.

В. И. Харцiевъ замѣтилъ, что референтъ дѣлаетъ неясное разграниченіе между указанными имъ старой и новой грамматическими школами, усматривая всю разницу въ томъ, что послѣдняя изучаетъ *формы* рѣчи, тогда какъ и первая занималась тѣмъ же, отличаясь только взглядомъ на формы рѣчи и ихъ опредѣленіями. Что касается развитія *чувства рѣчи*, то оно, въ указанномъ авторомъ смыслѣ, врядъ-ли достигается чтеніемъ и разборомъ отрывковъ Остр. Евангелія и грамматическимъ разборомъ классическихъ писателей. Скорѣе тутъ окажутъ помощь тѣ пріемы, какіе практикуются во франц. учебникѣ Duplessis, Grammaire lexique (developpement de l'idée), состоящіе въ развитіи какого нибудь частнаго понятія, составленіи разсказовъ, по извѣстной системѣ вопросовъ, напередъ выработанной канвѣ и т. п. Съ этой цѣлью желательно было бы имѣть въ числѣ учебниковъ по русскому языку нѣчто въ родѣ Grammaire lexique, заслуживающей особаго разсмотрѣнія.

И. Ф. Одарченко не согласился съ мнѣніемъ референта о развитіи чувства рѣчи путемъ разбора классическихъ писателей, указывая на то, что, если задача грамматики состоитъ въ изученіи формъ, то чувство рѣчи, въ смыслѣ способности свободно пользоваться разнообразными оборотами рѣчи, составляетъ задачу стилистики.

Общій выводъ: Въ отчетномъ году Педагогическій Отдѣлъ имѣлъ 7 засѣданій, на которыхъ было прочитано 16 рефератовъ: 7 о преподаваніи рус. языка и литературы, 6 библіографическаго характера и по одному о методикѣ исторіи, о преподаваніи греческаго языка и о главныхъ задачахъ педагогической литературы. Реферировали 12 членовъ, изъ нихъ 10 мѣстныхъ и 2 иногороднихъ, 4 профессора университета и 8 преподавателей средне-учебныхъ заведеній. Три доклада посвящены были вопросамъ о практическомъ примѣненіи научныхъ трудовъ А. А. Потебни въ преподаваніи рус. языка въ сред.-учеб. заведеніяхъ. Въ составѣ П. О. произошли такія перемѣны: скончался одинъ членъ (Д. Н. Правдинъ) и вновь прибыло 11 членовъ (И. А. Виноградовъ, Н. А. Чекановъ, Н. М. Залѣсская, Н. А. Бокій, В. А. Оконоръ, М. И. Шишкинъ, проф. И. П. Осиповъ, М. И. Дейковъ, Н. П. Грековъ, И. Н. Стефановскій и В. С. Покровскій). Библіотека П. О., составленная исключительно изъ пожертвованій, имѣетъ около 250 названій. Ближайшее завѣдываніе библіотекой приняли на себя члены П. О. Ольга Ник. Соколовская и М. И. Шитковская. О. Н. Соколовская и А. В. Ветуховъ внесли въ матеріальную книгу всѣ книги и занумеровали ихъ въ порядкѣ ихъ поступленія. Выдачей книгъ завѣдываетъ М. М. Плохинскій (ежедневно отъ 12 до 2 час.). Къ печати приготовленъ и изданъ II выпускъ Трудовъ П. О., куда вошла большая часть рефератовъ. Отдѣлъ принималъ участіе въ чествованіи Д. В. Григоровича (рѣчь предсѣдателя и привѣтственная телеграмма) и почтилъ память покойнаго Я. К. Грота (докладъ Н. Е. Шевченка).

Нѣсколько словъ объ элементарной методикѣ исторіи.

Едва ли можетъ вызвать возраженіе мысль, что знаніе извѣстной науч-
ой дисциплины еще не предполагаетъ вполнѣ удовлетворительнаго изло-
енія ея: хорошее изложеніе, конечно, немыслимо безъ знанія предмета, но
е всякое знаніе соединяется съ *искусствомъ* изложенія; это послѣднее тре-
уетъ еще кое чего другаго, что не лежитъ въ самомъ содержаніи предме-
а и что относится къ области педагогіи, дидактики, методики.

И замѣчательно, что необходимость методики дѣлается все болѣе и бо-
ѣе осязательной по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся изъ научныхъ вершинъ
ъ низшія области элементарнаго преподаванія. Преподаватели разныхъ
аукъ въ университетахъ и вообще въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на
рактикѣ обходятся безъ методики; для того чтобы открыть чтеніе лекцій, тре-
уется только знаніе избранной спеціалистомъ науки, выражаемое экзаменомъ
диссертаціей; единственнымъ доказательствомъ его умѣнья излагать предметъ
лужатъ пробныя лекціи; но для того чтобы прочесть болѣе или менѣе удов-
етворительно эти лекціи, не нужно особыхъ педагогическихъ пріемовъ: тре-
уется опять таки главнымъ образомъ *знаніе* предмета и умѣнье критиче-
ки относиться къ матеріалу; искусство изложенія стоитъ на второмъ пла-
нѣ. Дальнѣйшія лекціи университетскаго преподавателя отличаются такимъ
ке характеромъ. И это понятно. Профессору приходится имѣть дѣло со
зрослыми, развитыми, „зрѣлыми" слушателями, могущими усвоить научныя
положенія съ цѣлой системой относящихся къ нимъ доказательствъ. Если
кому либо изъ его слушателей не по силамъ университетская наука, тотъ
должень самъ употребить извѣстныя средства, чтобы понять излагаемый
предметъ. Извѣстно, что на математическомъ факультетѣ студенты часто
сами предварительно прочитываютъ тѣ лекціи, которыя имъ излагаютъ про-
фессора; кто же не можетъ одолѣть курсовъ, тотъ уйдетъ изъ универси-
тета, какъ не обладающій должною степенью развитія и подготовки.

Совсѣмъ иное дѣло въ среднихъ школахъ. Тутъ отъ преподавателя
требуется въ равной степени и знаніе предмета, и умѣнье излагать его; и
это потому, что приходится приспособлять предметы преподаванія къ ум-

ственному развитію учащихся—мальчиковъ и подростковъ; тутъ педагогія и методика пріобрѣтаютъ уже огромное практическое значеніе.

Если спустимся еще ниже—въ область элементарнаго народнаго образованія, то окажется, что тамъ способы изложенія предмета пріобрѣтаютъ еще большую важность. Молодой человѣкъ, только что окончившій университетъ, гдѣ онъ получилъ солидныя знанія, но откуда не вынесъ никакихъ педагогическихъ и методическихъ свѣдѣній, можетъ кое какъ, болѣе или менѣе сносно, начать свою преподавательскую дѣятельность въ гимназіи, но въ низшей школѣ безъ теоретической или практической методики заниматься невозможно; тутъ уровень знаній не великъ—и все дѣло сводится къ умѣнью разумно орудовать ими для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ народная школа. Въ какомъ же соотвѣтствіи находятся *запросы* на методику со *средствами* удовлетворенія ихъ?

Учителя и учительницы низшихъ элементарныхъ школъ—сельскихъ и городскихъ—приступаютъ къ своимъ занятіямъ, уже получивъ нѣкоторое понятіе о методахъ обученія; въ программахъ учительскихъ институтовъ и семинарій, въ педагогическомъ классѣ женскихъ гимназій имъ отводится видное мѣсто; тамъ занимаются и теоретическимъ изученіемъ этого вопроса, и примѣненіемъ усвоенныхъ такимъ образомъ правилъ на практикѣ; для поддержанія интереса къ этимъ вопросамъ среди учительскаго персонала важное значеніе имѣютъ спеціальные педагогическіе журналы, учительскіе съѣзды и т. п. Лица, готовящіяся къ профессорскому званію, съ одной стороны въ гораздо меньшей степени нуждаются въ методическихъ указаніяхъ, а съ другой могутъ легко получить ихъ во время своихъ самостоятельныхъ научныхъ занятій или заграничныхъ командировокъ, посѣщая лекціи, практическія занятія и семинаріи опытныхъ западноевропейскихъ профессоровъ. Однимъ словомъ, на двухъ полюсахъ преподаванія дѣло въ этомъ отношеніи обстоитъ благополучно. Совсѣмъ иное мы должны сказать относительно *средней* школы.

Почти всѣ учителя нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ выходятъ изъ университетовъ; но въ программы университета вовсе не входятъ ни методика, ни даже вообще педагогія. Такимъ образомъ, молодой кандидатъ историко-филологическаго или физико-математическаго факультета, получивъ учительское мѣсто въ среднемъ учебномъ заведеніи, долженъ браться за трудное и отвѣтственное занятіе преподавателя безъ всякой теоретической и практической подготовки по части преподаванія своего предмета и нерѣдко только впослѣдствіи узнаетъ о существованіи пригодныхъ для него руководствъ по методикѣ. Иногда бываетъ и такъ, что молодой, неопытный въ педагогіи кандидатъ попадаетъ въ преподаватели учительскаго института или семинаріи, гдѣ долженъ читать своимъ ученикамъ теоретическую

етодику, руководить ихъ практическими занятіями въ элементарной школѣ. Конечно, это ненормальное положеніе дѣла и оно вредно отражается а успѣхахъ преподаванія въ средней школѣ. Правда, передъ назначеніемъ а учительское мѣсто, кандидатъ долженъ былъ читать еще *пробные уроки* ъ гимназіи—въ присутствіи директора и профессора спеціалиста. Но едва-и нужно говорить, что мѣра эта не имѣла никакого практическаго значенія и превратилась въ простую формальность, неудобную для гимназій, дѣ отнималось у преподавателей время, столь необходимое имъ для прохожденія курсовъ, и непріятную для профессоровъ, затруднявшихся предъявлять мало-мальски серьезныя требованія къ молодымъ людямъ, только что оставившимъ студенческія скамьи. Извѣстно, что большею частью профессорамъ приходилось выслушивать на этихъ пробныхъ гимназическихъ урокахъ свои собственныя лекціи, воспроизводимыя съ большою акуратностью ихъ бывшими слушателями. Понятно, слѣдовательно, въ какой мѣрѣ эти уроки удовлетворяли требованіямъ раціональной педагогіи.

А между тѣмъ молодому преподавателю сразу же приходится натолкнуться на цѣлый рядъ вопросовъ, недоумѣній и затрудненій, относительно способовъ своего преподаванія, идти ощупью и доходить путемъ собственнаго горькаго опыта и ошибокъ доправильныхъ заключеній. Въ такомъ положеніи находятся преподаватели всѣхъ предметовъ нашихъ среднихъ школъ; но можетъ быть, особенно тяжело положеніе начинающаго учителя исторіи, что объясняется главнымъ образомъ свойствами самого предмета.

Математика, преподаваемая въ средней школѣ, (ариѳметика, алгебра, геометрія) имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленное содержаніе; ея выводы или законы устойчивы и неизмѣнны. Совсѣмъ иное дѣло съ исторіей: изъ безпредѣльной, при томъ постоянно возрастающей массы фактовъ, составляющихъ науку исторіи, для школы нужно выбрать очень небольшой запасъ, который былъ бы доступенъ для воспріятія, далъ бы понятіе о прошлой жизни культурныхъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ умственному и нравственному развитію учащихся. Если мы вспомнимъ при этомъ, что исторія не даетъ намъ математическихъ истинъ и что многое въ ней гадательно, то этимъ самимъ укажемъ и на причину особенной трудности въ преподаваніи исторіи. Никто еще, кажется, не ратовалъ за уничтоженіе низшей математики въ средней школѣ; а между тѣмъ мы можемъ указать на авторитетные голоса, доказывавшіе безполезность исторіи, какъ предмета школьнаго преподаванія.

Такія именно мнѣнія высказаны были извѣстнымъ англійскимъ ученымъ Герб. Спенсеромъ и нашимъ педагогомъ историкомъ г. Беллярминовымъ.

На исторію Спенсеръ смотритъ какъ на науку, подготовляющую къ роли гражданина и съ этой точки зрѣнія считаетъ нынѣшнее школьное пре-

подаваніе ея безполезнымъ. „Едва ли который нибудь изъ фактовъ, изложенныхъ въ нашихъ школьныхъ учебникахъ и весьма немногіе изъ напечатанныхъ въ болѣе пространныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ для взрослыхъ, выясняютъ дѣйствительныя причины политическихъ событій. Біографіи монарховъ (а наши дѣти только это и заучиваютъ наизусть) не даютъ почти никакой идеи о современномъ состояніи общества; всѣ эти придворныя интриги, заговоры, похищенія престоловъ и тому подобное, равно какъ описаніе личностей, участвовавшихъ въ этомъ, очень мало выясняютъ причины національнаго прогресса... Положимъ даже, что вы внимательно прочли не только сочиненіе *пятнадцать* рѣшительныхъ міровыхъ битвъ, но и описаніе всѣхъ прочихъ битвъ, о которыхъ упоминается въ исторіи—научило ли бы васъ это чтеніе разсудительнѣе подать свой голосъ на ближайшихъ выборахъ?... То, что собственно составляетъ *исторію*, по большей части выпускается изъ историческихъ сочиненій... Предметъ, дѣйствительно стоющій изученія—это соціологія; намъ нужно знать всѣ факты, могущіе объяснить, какъ нація организовалась и какъ она развивалась. Дайте намъ, во-первыхъ, понятіе о правительствѣ страны, затѣмъ дайте какъ можно менѣе пустыхъ подробностей о личностяхъ, составлявшихъ это правительство и какъ можно болѣе подробностей о томъ, что совершено при немъ: какія учрежденія оно установило, какихъ методовъ придерживалось въ дѣлѣ администраціи, какими предразсудками руководилось, какой вредъ нанесло странѣ и т. п.; опишите намъ характеръ и дѣйствія не только центральнаго правительства, но и всѣхъ мѣстныхъ, до мельчайшихъ ихъ развѣтвленій; параллельно съ этимъ дайте намъ также понятіе о духовномъ управленіи, объ его составѣ, образѣ жизни, силѣ власти и отношеніяхъ къ государству; прибавьте къ этому свѣдѣнія объ обрядахъ, вѣроисповѣданіи, религіозныхъ идеяхъ, не только номинально принятыхъ, но и искренно исповѣдуемыхъ и служащихъ основой народной жизни; разскажите намъ о взаимномъ вліяніи сословій одного на другое, выражаемомъ въ общественныхъ законахъ приличія, титулахъ, привѣтствіяхъ и формѣ разговора; познакомьте насъ со всѣми обычаями народной жизни дома и внѣ дома, включивъ сюда взаимное отношеніе половъ и отношеніе родителей къ дѣтямъ; укажите образцы народнаго суевѣрія, начиная съ древнихъ миѳовъ до простаго колдовства; затѣмъ разверните передъ нами картину промышленной системы страны, чтобы показать, до какихъ размѣровъ было доведено раздѣленіе труда, какъ распредѣлились ремесла—по кастамъ, гильдіямъ или иначе; каковы были отношенія между хозяевами и рабочими; посредствомъ кого и чего разсылались товары, каковы были пути сообщенія, какія деньги ходили въ обращеніи. Слѣдовало-бы также дать отчетъ о промышленныхъ искусствахъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія техники, указать какія производства были болѣе

въ ходу и каково было качество продуктовъ. Далѣе нужно было-бы обрисовать умственное и нравственное состояніе общества, его домашній бытъ и степень эстетическаго развитія... Вотъ единственный родъ свѣдѣній, касающихся прошедшихъ временъ, которыя могутъ служить гражданину руководствомъ при выполненіи имъ его обязанностей. Единственная исторія, имѣющая практическую цѣнность, есть, такъ называемая, *описательная соціологія* [1]).

Подвергнувъ критическому анализу систему преподаванія всеобщей исторіи въ нашихъ гимназіяхъ, г. Беллярминовъ пришелъ, подобно Спенсеру, къ убѣжденію въ безполезности исторіи, какъ учебнаго предмета: вмѣсто нее онъ предлагалъ ввести чтеніе первоисточниковъ и историческихъ пособій. „Изученіе исторіи въ системѣ, говоритъ онъ, несовмѣстимо съ гимназическимъ курсомъ. Этотъ предметъ можетъ быть по силамъ только молодымъ людямъ болѣе зрѣлымъ, оставлять же его въ гимназіяхъ значитъ насиловать природу учащихся, напрасно истощать молодыя силы, притуплять ихъ способности. И мы совершенно не видимъ никакого препятствія къ устраненію отъ учениковъ этой сизифовской работы. Реальнаго приложенія къ жизни исторія въ системѣ никакого не имѣетъ и слѣдовательно для молодыхъ людей не будетъ никакой потери, если они выйдутъ изъ гимназіи безъ систематическаго знанія (впрочемъ мнимаго) исторіи. Главная же цѣль, съ которой изучается исторія въ гимназіяхъ, формальное развитіе и образованіе нравственнаго чувства въ ученикахъ, можетъ быть достигнута другими средствами, болѣе примѣнимыми въ гимназіяхъ. Этого можно достигнуть чрезъ изученіе нѣсколькихъ болѣе подробныхъ историческихъ сочиненій, что будетъ гораздо легче и, мы полагаемъ, полезнѣе для учениковъ. Историческія сочиненія, которыя можно предложить учащимся, сообразно двумъ цѣлямъ, не лишне было-бы раздѣлить на два отдѣла. Изъ нихъ одни, знакомя съ прежней жизнію, по преимуществу должны дѣйствовать на формальное развитіе учащихся, другія—на ихъ чувства, сердце. Одни будутъ изучаемы, другія только читаемы. Одни будутъ предлагаемы по преимуществу въ высшихъ классахъ, гдѣ ученики бываютъ болѣе развиты, другія въ низшихъ, когда у учениковъ бываетъ еще мягко сердце и живо воображеніе“ [2]).

Мы не будемъ останавливаться на этихъ двухъ мнѣніяхъ и доказывать ихъ несостоятельности, ибо въ этомъ едва-ли есть какая-либо надобность. То, что предлагаетъ Спенсеръ, взамѣнъ элементарной исторіи (описательная соціологія), конечно, совершенно недоступно усвоенію въ средней школѣ;

---

[1]) Спенсеръ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое 3-е изд. СПБ. 1889, стр. 38—42.

[2]) Настоящее преподаваніе всеобщей исторіи въ гимназіяхъ и планъ измѣненія его (Жур. Мин. Нар. Просв. 1863, мартъ, стр. 393).

тоже самое почти можно сказать и относительно класснаго изученія исторіи по первоисточникамъ и наиболѣе выдающимся ученымъ трудамъ: основательное изученіе тѣхъ и другихъ должно отличаться научнымъ характеромъ (сюда нужно ввести научную критику) или иначе ученики должны будутъ на вѣру принимать мнѣніе своего учителя, что едва-ли можно допустить съ педагогической точки зрѣнія; но научная критика не доступна ученикамъ. Оба автора правы (до нѣкоторой степени) въ опредѣленіи недостатковъ историческаго обученія, но они дѣлаютъ изъ своей посылки слишкомъ широкое заключеніе; если система имѣетъ недостатки, ихъ нужно исправить, но зачѣмъ же совсѣмъ уничтожать ее, когда нѣтъ возможности поставить на мѣсто ея другой, болѣе цѣлесообразной и практичной.

Повторяю—для насъ эти два мнѣнія интересны не по существу, а по своему радикальному характеру, какъ свидѣтельство неустойчивости воззрѣній по основному вопросу элементарной методики исторіи; они, какъ мы видимъ, совершенно упраздняютъ необходимость преподаванія исторіи, какъ особаго предмета средней школы, упраздняютъ и самую элементарную методику. [1]) Въ послѣднее время сходное съ этимъ мнѣніе выдвинулъ въ засѣданіи Петерб. Истор. Общ. Ю. Ю. Цвѣтковскій [2]) онъ также вмѣсто изученія систематическаго учебника исторіи предлагаетъ читать въ классѣ отрывки изъ классическихъ историческихъ сочиненій, собранныхъ въ одну книгу и приспособленныхъ къ пониманію учащихся.

Другіе, правда, не заходятъ такъ далеко въ дѣлѣ отрицанія, но все таки существуетъ сильное разногласіе по многимъ важнымъ, существеннымъ вопросамъ методики исторіи, въ томъ числѣ, и по такому капитальному, какъ цѣль и характеръ преподаванія исторіи въ средней школѣ.

Въ послѣднее время, вопросъ этотъ подвергся внимательному обсужденію въ Петерб. истор. обществѣ въ цѣломъ рядѣ докладовъ и рефератовъ, въ которыхъ можно ясно замѣтить два противоположныхъ теченія. Одни думаютъ, что цѣли элементарнаго и научнаго преподаванія исторіи не совпадаютъ (г. Гуревичъ), другіе (г. Гревсъ) наоборотъ, не видятъ существенной разницы между той и другой.

Г. Гуревичъ развивалъ въ своемъ рефератѣ [3]) тѣже самыя положенія, которыя онъ высказалъ еще въ 70-хъ годахъ (въ своей Методикѣ исторіи, напечатанной въ Педагогическомъ Сборникѣ за 1877 г., № 4—8), „Исторія какъ наука, и по цѣли, и по выбору матеріала, и по критической оцѣнкѣ

---

[1]) Говоря о крайностяхъ, не могу кстати не отмѣтить здѣсь по истинѣ удивительнаго предложенія о класномъ чтеніи газетъ и журналовъ съ необходимыми коментаріями учителя (см. Воспитаніе, 1862, № 1, ст. г. Шестакова. Знакомство съ соврем. исторіей въ гимназіяхъ)

[2]) См. Истор. Обозр., т. 2-й, II, стр. 31—32.

[3]) См. тезисы его въ Истор. Обозр., I, II-й отд., стр. 35—36.

его представляетъ, говоритъ онъ, существенныя различія отъ исторіи какъ предмета преподаванія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ... Исторія какъ наука, имѣетъ постоянно одну цѣль, вытекающую изъ сущности предмета; исторія же какъ предметъ преподаванія, преслѣдуя воспитательные задачи, видоизмѣняетъ свою цѣль, примѣняясь къ различному возрасту учащихся, къ степени ихъ умственнаго развитія, выдвигая то одну, то другую сторону предмета, сообразно съ данными условіями преподаванія". Исторія, какъ наука, имѣетъ цѣлью раскрытіе историческаго процесса; а какъ предметъ школьнаго преподаванія даетъ понятіе о *важнѣйшихъ* событіяхъ прошлаго для уясненія настоящаго, чтобы влiять этимъ на умственное и нравственное развитіе учащихся. Исторія, какъ наука, представляетъ критическое изслѣдованіе матеріала, почерпаемаго изъ первоисточниковъ; исторія же, какъ предметъ преподаванія, знакомитъ съ результатами изслѣдованія — да и то только въ высшихъ классахъ; первая занимается всѣми сферами человѣческой жизни и культуры (умственной, нравственной, эстетической), а вторая знакомитъ съ ними только въ предѣлахъ, допускаемыхъ развитіемъ учениковъ".

Г. Гревсъ, возражая г. Гуревичу, заявлялъ на оборотъ, что между исторіей, какъ наукой, и исторіей, какъ учебнымъ предметомъ, нѣтъ существенной разницы. „Исторія, гдѣ бы она ни преподавалась, для кого бы она ни писалась, имѣетъ одну цѣль—*изученіе всемірноисторическаго процесса;* различіе между той и другой не принципіальное, а количественное и должно выражаться въ выборѣ подходящаго матеріала и въ спеціальныхъ пріемахъ его изложенія, сообразно съ развитіемъ учащихся и вообще воспитательными задачами. Только *научное* изложеніе въ школѣ можетъ имѣть и *педагогическое значеніе:* только оно даетъ матеріалъ для развитія міровоззрѣнія и формальныхъ способностей — памяти, воображенія, мышленія, облагородитъ чувства. Такая постановка дѣла, конечно, потребуетъ отъ преподавателя основательныхъ научныхъ познаній, которыя при этомъ должны постоянно освѣжаться. Такимъ образомъ, необходимо возможно близкое общеніе между наукой и преподавателями исторіи: при коллективныхъ усиліяхъ ученыхъ историковъ и педагоговъ возможно будетъ усовершенствовать элементарныя методы преподаванія".

Спрашивается, кто же правъ въ этомъ коренномъ вопросѣ? Намъ кажется, что истина лежитъ по серединѣ и что эти два воззрѣнія, несмотря на кажущуюся непримиримость, возможно до нѣкоторой степени согласить. Въ сущности споръ здѣсь идетъ о словахъ, о значеніи понятій: въ одномъ случаѣ научное преподаваніе противополагается гимназическому, въ другомъ отождествляется, но только въ *идеѣ* и съ важными оговорками съ обѣихъ сторонъ. Г. Гуревичъ говоритъ, что „всѣ данные и взгляды, сообщаемые

въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній, отнюдь не должны противорѣчить даннымъ и взглядамъ, выработаннымъ историческою наукою, а напротивъ должны совпадать съ ними". [1]) Г. Гревсъ хочетъ, чтобы для средней школы выбирался матеріалъ, доступный развитію учащихся и чтобы онъ излагался сообразно требованіямъ педагогіи. Ясное дѣло, что, благодаря этимъ оговоркамъ, далекія другъ отъ друга въ теоріи воззрѣнія Гуревича и Гревса, на практикѣ, близко подойдутъ одно къ другому. Разъ мы допустили (а не допустить невозможно) необходимость примѣняться къ возрасту и развитію учащихся, мы тѣмъ самимъ создаемъ и *особое содержаніе,* и особое *изложеніе* исторіи, какъ учебнаго предмета. Она не должна стоять въ *противорѣчіи* съ данными и выводами исторіи, какъ науки, но между той и другой будетъ все таки огромная, существенная и далеко не одна только количественная разница и въ матеріалѣ, и въ способѣ его изложенія. А если это такъ, то имѣетъ полное право гражданства и *элементарная методика исторіи.* И нужно отмѣтить тотъ отрадный фактъ, что въ послѣднее время вышли въ свѣтъ 2 такихъ руководства на русскомъ языкѣ—„Методика исторіи по Кригеру" Виноградова и Никольскаго (1885 г.) и „Опытъ методики элементарнаго курса исторіи" Кролюницкаго (1890 г.). Правда и одно, и другое сочиненіе не могутъ быть названы оригинальными, самостоятельными въ точномъ смыслѣ этого слова (1-е составлено гл. образомъ по Кригеру, 2-е представляетъ родъ хрестоматіи заключающей сборникъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ изъ разныхъ авторовъ), но книга г. Кролюницкаго все же можетъ быть рекомендована, какъ полезное пособіе для учителей и даже отчасти какъ руководство для учениковъ учительскихъ семинарій и институтовъ.

Но что же мы видимъ, разсматривая содержаніе этихъ учебниковъ? Они трактуютъ между прочимъ и о такихъ вопросахъ, которые не могутъ не интересовать и историковъ спеціалистовъ; можно даже сказать, что большинство вопросовъ, которыми занимается элементарная методика исторіи находится въ связи съ исторіей, какъ наукой; таковъ первый основной вопросъ о значеніи исторіи въ практическомъ и воспитательномъ отношеніяхъ, объ отношеніи ея къ другимъ предметамъ, въ особенности къ географіи, объ отношеніи между политическимъ и культурнымъ элементами въ исторіи, объ отношеніи исторіи къ устной народной словесности, объ учебныхъ и вообще наглядныхъ пособіяхъ для преподаванія исторіи — историческихъ и картинахъ, историческихъ хрестоматіяхъ и историческихъ учебникахъ, о чтеніи отрывковъ изъ первоисточниковъ и новѣйшихъ историческихъ сочиненій. Въ особенности это нужно сказать объ историческихъ

[1]) Истор. обозр., т. I-й, II, стр. 36.

хрестоматіяхъ и классномъ чтеніи историческихъ отрывковъ. Здѣсь при выборѣ того или иного писателя, мнѣніе спеціалиста историка можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Едва ли также удобно спеціалистамъ историкамъ игнорировать и учебную историческую литературу; нельзя не пожелать появленія такихъ статей, какъ рецензія проф. Бережкова на учебникъ русской исторіи проф. Трачевскаго. Впрочемъ спеціалисты историки и сами не мало потрудились надъ составленіемъ учебниковъ исторіи; стоитъ только вспомнить русскую исторію Устрялова, учебную книгу рус. исторіи С. М. Соловьева, учебники всеобщей исторіи Шульгина, таковые же Трачевскаго; недавно вышедшій курсъ исторіи проф. Виноградова; наконецъ, и общепринятые теперь учебники по исторіи принадлежатъ извѣстному историку Россіи Иловайскому. Конечно, для составленія такихъ учебниковъ требуется педагогическій талантъ, который присущъ далеко не всякому спеціалисту; но за то, съ другой стороны, спеціалистъ обладаетъ такой обширной подготовкой по своему предмету, какая дастъ ему возможность сдѣлать выборъ наиболѣе цѣннаго историческаго матеріала и устранить всякія сомнительныя утвержденія.

И такъ, разработку методики исторіи должны принять на себя не только одни педагоги практики, а и спеціалисты историки, тѣмъ болѣе что и у этихъ послѣднихъ есть большая научная область, близко подходящая къ элементарной методикѣ—научная историческал методологія. Общимъ органомъ для тѣхъ и другихъ трудовъ могутъ служить историческія общества съ имѣющимися при нихъ педагогическими секціями и педагогическіе журналы. Петербургское историческое общество уже начало работу въ этомъ направленіи—тамъ прочитанъ былъ цѣлый рядъ рефератовъ по методикѣ исторіи, съ одной стороны спеціалистами педагогами, а съ другой—учеными историками. Въ Москвѣ въ 1890 г. образовалась историческая секція при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній, которая заявила себя уже цѣлымъ рядомъ любопытныхъ сообщеній, въ особенности по вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Англіи, Франціи. Желательно, чтобы этому примѣру послѣдовало и харьковское историко-филологическое общество и въ особенности его педагогическій отдѣлъ; среди членовъ этого послѣдняго не мало преподавателей исторіи—и они могли бы внести на обсужденіе общества много вопросовъ теоретической и практической методики, среди коихъ видное мѣсто должны-бы занять и отзывы о новыхъ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ по исторіи.

Затѣмъ вообще для подъема педагогическаго развитія въ средѣ преподавателей этого предмета въ гимназіяхъ желательны были бы двѣ слѣдующія мѣры: 1) устройство педагогическаго семинарія на историкофилологическомъ факультетѣ нашего университета и 2-е возрожденіе педагогиче-

скаго института при одномъ ли изъ учебныхъ заведеній г. Харькова или въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія.

Ни для кого не секретъ, что наши кандидаты историческихъ наукъ начинаютъ свою педагогическую дѣятельность безъ всякой теоретической и практической подготовки. Въ университетѣ они не слушаютъ ни исторической методологіи, ни элементарной методики, ни даже педагогіи; между тѣмъ учрежденіе педагогическаго семинарія, въ которомъ будутъ излагаться эти предметы и читаться студентами примѣрные уроки по исторіи, принесло бы значительную пользу слушателямъ — оно натолкнуло бы ихъ на эти вопросы, заинтересовало и дало бы первоначальныя теоретическія свѣдѣнія изъ этой сферы. Естественнымъ продолженіемъ этихъ семинарій и, такъ сказать, первоначальною практическою школою педагогіи могъ бы служить потомъ *педагогическій институтъ*, гдѣ руководителями молодыхъ кандидатовъ, были бы уже практики педагоги — директора, опытные учителя, подъ руководствомъ которыхъ молодые кандидаты начинали бы здѣсь свою практическую педагогическую дѣятельность. Само собою разумѣется, что подобный Педагогическій институтъ могъ бы обнимать *всѣ* предметы гимназическаго курса. При такомъ положеніи дѣла дѣятели университетскаго преподаванія и средней школы дружно работали бы для одного общаго и дорогаго имъ дѣла—народнаго просвѣщенія. Не вхожу въ детальное изложеніе дѣла—это не входитъ въ задачу моего нынѣшняго сообщенія. Я хотѣлъ только намѣтить вопросъ, обратить на него вниманіе гг. членовъ отдѣла.

Относительно практической осуществимости предпріятія замѣчу, что и теперь уже я читаю на историко-филологическомъ факультетѣ элементарный курсъ методики исторіи и русской исторіографіи, но желательно было бы къ этому присоединить еще научную историческую методологію и всеобщую исторіографію съ педагогіей. Что же касается педагогическаго института, то, какъ извѣстно, проэктъ устройства его въ Петербургѣ въ настоящее время разсматривается въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Дм. Багалѣй.

О классномъ и внѣклассномъ чтенiи.

Въ истекшемъ учебномъ году вопросъ о чтенiи впервые былъ затронутъ здѣсь въ рефератѣ подъ заглавiемъ: „Къ вопросу о сочиненiяхъ". Отчасти въ виду возраженiй, вызванныхъ этимъ рефератомъ, а главнымъ образомъ въ виду огромной важности правильной и серьезной постановки чтенiя въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ, я позволяю себѣ вновь остановить ваше вниманiе на этомъ предметѣ.

Не благоволитъ какъ-то къ нему судьба за послѣднее время, хотя это послѣднее время обнимаетъ не много не мало лѣтъ 30-ть.

Откройте, напримѣръ, книжку подъ заглавiемъ: „Съѣздъ преподавателей русскаго языка въ гимназiяхъ Харьковскаго Учебнаго Округа, бывшiй въ 1867 г." и вы найдете здѣсь точную и ясную формулировку занимающаго насъ вопроса. Здѣсь правильно намѣчена цѣль чтенiя съ учениками— „развитiе художественнаго *вкуса* и *любви* къ родному слову; указано, что для чтенiя должны быть выбираемы только цѣлыя и законченныя произведенiя; обращено вниманiе на то, чтобы при устной передачѣ прочитаннаго преподаватели заботились о выработкѣ въ ученикахъ навыка выражаться точно, связно, свободно и, по возможности, изящно" (34—38 стр.). Домашнее чтенiе съѣздъ призналъ необходимымъ, а для побужденiя учениковъ къ домашнему чтенiю призналъ полезнымъ — замѣчательные и на дѣлѣ доказанные успѣхи въ этомъ отношенiи награждать, по усмотрѣнiю учителя, увеличенiемъ балла на экзаменѣ (67 стр.).

„Можетъ ли преподаватель русской словесности",—говорилъ на этомъ съѣздѣ одинъ изъ извѣстныхъ въ свое время учителей русскаго языка въ г. Харьковѣ--успѣшнымъ образомъ заниматься со своими учениками, если въ ученикахъ его напередъ извѣстнымъ образомъ не развито эстетическое чувство или, точнѣе говоря, чувство вкуса и любви къ поэтическимъ произведенiямъ? (115 стр.). Я позволяю себѣ обратить вниманiе молодыхъ преподавателей русскаго языка на протоколы съѣздовъ, бывшихъ въ 60-хъ годахъ въ Москвѣ, Харьковѣ, Казани и другихъ городахъ: тамъ найдутъ они не мало полезныхъ для себя указанiй, имѣющихъ значенiе и въ настояще время.

И вотъ начиная съ 60-хъ годовъ и до настоящаго времени въ длинномъ рядѣ педагогическихъ статей, помѣщенныхъ въ Филологическихъ Запискахъ, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, въ Педагогическомъ Сборникѣ военно-учебныхъ заведеній и въ другихъ журналахъ, а также въ отдѣльныхъ брошюрахъ трактуется вопросъ о классномъ и внѣклассномъ чтеніи, но, кажется, *безъ особенно рельефно выраженнаго результата на практикѣ*. Но, быть можетъ, я ошибаюсь; можетъ быть съ того времени литературное образованіе учащихся стало выше, начитанность больше, слогъ ихъ сочиненій, какъ результатъ *общаго духовнаго развитія*, правильнѣе, чище, изящнѣе? Чтобы не быть голословнымъ, я буду говорить словами извѣстныхъ и опытныхъ педагоговъ и устами лицъ, составлявшихъ отчеты о письменныхъ работахъ учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ.

„Въ старые годы"—говоритъ В. Острогорскій въ своихъ „Бесѣдахъ о преподаваніи словесности"—литературное образованіе, развитіе дара слова, начитанность, знаніе наизусть и хорошее произнесеніе цѣлой массы поэтическихъ образцовъ справедливо считалось мѣриломъ вообще образованности человѣка, и отсутствіе этого литературнаго образованія у современной намъ молодежи *есть одна изъ очень вѣскихъ причинъ современной юношеской малограмотности въ широкомъ смыслѣ слова,* весьма ощутительнаго литературнаго невѣжества и даже нѣкоторой апатіи къ самой наукѣ и искусству вообще". (2 стр. Изд. 1885 г.).

А вотъ что говоритъ другой, маститый педагогъ В. Шереметевскій въ своей брошюрѣ—„Слово въ защиту живого слова": „Слогъ въ такъ называемыхъ сочиненіяхъ юношей 17—18 лѣтъ, за немногими счастливыми исключеніями, поражаетъ васъ прежде всего отсутствіемъ выдержанности, смѣшеніемъ правильности съ неправильностью, съ какою-то даже дикостью и въ выборѣ словъ и въ построеніи фразъ. Если бы кому либо изъ учителей словесности, видавшихъ на своемъ вѣку не мало стилистическихъ курьезовъ, пришла въ голову мысль составить изъ этихъ курьезовъ сборникъ хоть подъ такимъ заглавіемъ: „Листочки, цвѣточки и ягодки школьнаго краснорѣчія", то вышелъ бы сборникъ, любопытный и поучительный, гораздо болѣе поучительный, чѣмъ всевозможные учебники по теоріи слога, коротко, но неясно проповѣдующіе о ясности, точности и чистотѣ слога; такой сборникъ представилъ бы прекрасный матерьялъ для упражненій въ стилистическомъ разборѣ и исправленіи на основаніи разбора какографическихъ образчиковъ стиля. („Слово въ защиту живого слова" стр. 51 изд. 1886 г.).

Л. И. Поливановъ, въ предисловіи къ 3-му тому своей хрестоматіи, указываетъ на необходимость дать почувствовать учащимся удовольствіе отъ серьезнаго чтенія и тѣмъ помочь имъ сдѣлать значительный шагъ къ образованію, *тотъ шагъ, необходимость котораго такъ сильно чувствуется въ на-*

ихъ ученикахъ, готовящихъ себя къ университетскому курсу, и далѣе присовокупляетъ: „по законамъ душевной организаціи самый слогъ учащихся находится въ неразрывной связи съ ихъ умственнымъ и нравственнымъ складомъ. Варварскій слогъ всегда бываетъ слѣдствіемъ варварства, въ которомъ коснѣютъ учащіеся. Никакія ухищренія практическаго разсудка, на который такъ разсчитываютъ реторическія правила, не сдернутъ съ учащихся звѣриной шерсти невѣжества, если умъ ихъ и сердце не будутъ задѣты за живое идеями представителей просвѣщенія, создавшихъ и просвѣщенный языкъ для своего народа (IX).

Таковы свидѣтельства извѣстныхъ педагоговъ-практиковъ. Теперь перейдемъ къ оффиціальнымъ документамъ. Въ прибавленіи къ № 6 циркуляровъ по Харьковскому учебному округу за 1893 г. напечатанъ отчетъ о письменныхъ работахъ учениковъ гимназій за 1887 г. Я позволю себѣ сдѣлать изъ него нѣкоторыя выписки.

О работахъ одной гимназіи говорится: „Много погрѣшностей стилистическихъ. Общее литературное развитіе учениковъ весьма слабое, что обнаружилось главнымъ образомъ въ изложеніи, неясномъ и тяжеломъ“.

О работахъ другой гимназіи сказано: „Изложеніе сухое и вялое“.

О третьей—„Въ стилистическомъ отношеніи работы плохи. Изложеніе крайне тяжелое, за исключеніемъ одного сочиненія. Выраженія неправильныя, противныя духу русскаго языка, встрѣчаются сплошь и рядомъ“.

О четвертой—„Въ стилистическомъ и логическомъ отношеніи сочиненія очень слабы. Часто попадаются неточныя выраженія. Общее литературное развитіе учениковъ неудовлетворительно“.

О пятой—„Относительно слога, изложенія и содержательности сочиненія весьма слабы. Выраженія неточныя и тяжелыя. Общій уровень литературнаго образованія весьма неудовлетворительный“.

Таковы отзывы о пяти гимназіяхъ; всего же разсматривались сочиненія 15 гимназій. При этомъ нужно замѣтить, что данная на выпускномъ экзаменѣ тема вовсе не можетъ считаться трудной:

Сильна-ли Русь?—Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите-жъ: все стоитъ она!

Пушкинъ. *Бородинская годовщина.*

Не менѣе интересный матерьялъ представляютъ краткія выдержки изъ отчета по испытаніямъ зрѣлости въ 1892 г. въ гимназіяхъ Петербургскаго округа, напечатанныя въ № 11 циркуляра по Спб. учеб. окр. за текущій годъ. (Я пользуюсь извлеченіемъ изъ этого циркуляра въ № 328 Русскихъ Вѣдомостей отъ 28 ноября сего года). Была предложена тема: „Личность

Карамзина по его Письмамъ Русскаго путешественника". Въ большинствѣ случаевъ абитуріенты были достаточно знакомы съ матеріаломъ, но, не смотря иа это, *большая* часть сочиненій оказалась малоудовлетворительною. Планы сочиненій очень часто составлены неудачно. Нерѣдко встрѣчаются ненужныя отступленія. Недостатки плановъ должны были вызвать несвязность изложенія.

Мало пріучены ученики вдумываться въ темы, *мало пріучены и заботиться о качествахъ собственной рѣчи*. Неправильность противъ этимологіи и синтаксиса не составляютъ рѣдкости; стилистика страдаетъ очень часто.

Даже правописаніе далеко не всегда удовлетворительно, нерѣдко вполнѣ слабо. Въ большинствѣ гимназій на каждаго ученика приходится среднимъ числомъ по три ошибки, но въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ приходится по 4, по 5, по 6, а въ четырехъ гимназіяхъ число это доходитъ до 7, 4".

За неимѣніемъ оффиціальныхъ данныхъ, мы не можемъ, къ сожалѣнію, указать, какія мѣры были принимаемы для подъема общаго уровня литературнаго образованія въ указанныхъ гимназіяхъ.

Изъ отчетовъ по письменнымъ работамъ оканчивающихъ курсъ въ Кавказскомъ учебномъ округѣ видно, что тамъ однимъ изъ лучшихъ средствъ къ подъему уровня развитія воспитанниковъ признается правильная постановка чтенія.

При оцѣнкѣ работъ учениковъ VII кл. реальныхъ училищъ за 1886 г. рецензентъ, указывая на одинъ изъ недостатковъ этихъ работъ, а именно на малосодержательность, (даны были темы: 1) При какихъ условіяхъ чтеніе полезно? 2) Никто болѣе насъ не виновенъ въ нашихъ несчастіяхъ), замѣчаетъ: „недостатокъ этотъ указываетъ на неправильную постановку вопроса о чтеніи учениками книгъ": (Приложеніе къ циркулярамъ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1886 г. стр. 29).

Циркуляромъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа отъ 10 сентября 1886 года рекомендуется, чтобы въ протоколахъ педагогическихъ совѣтовъ указывалось, какія сочиненія прочитывались въ томъ или другомъ классѣ за истекшую четверть, какъ провѣрялось это внѣклассное чтеніе и какъ имъ пользовались преподаватели.

Въ 1889 году, когда сочиненія учениковъ 1-й Тифлисской гимназіи на тему: „Историко-географическое значеніе Волги" оказались не вполнѣ удовлетворительными, испытательная коммиссія, въ виду желательности поднять стиль учениковъ, постановила: а) увеличить на будущее время въ VII—VIII классахъ число устныхъ сочиненій, какъ упражненій, развивающихъ языкъ; б) увеличить число литературныхъ бесѣдъ, практикуемыхъ въ настоящее время въ гимназіи; в) предлагать ученикамъ для заучиванія во всѣхъ классахъ наизусть возможно большаго количества прозаическихъ

трывковъ изъ Пушкина, Гоголя, Гончарова, Тургенева; г) установить боlе строгій контроль надъ приватнымъ чтеніемъ учениковъ, требуя отъ ремени до времени письменный отчетъ въ прочитанномъ". (Приложеніе къ иркуляру Кавказскаго учебнаго округа за 1890 г. стр. 13).

Сравнительно значительная успѣшность письменныхъ работъ по русскому языку въ 1891 г., не смотря на то, что инородный элементъ,—армяе и грузины,—составлялъ 42% общаго числа учащихся, ставится отчетомъ зависимость отъ правильной постановки чтенія: „Чтеніе, веденное систематически, было одной изъ самыхъ положительныхъ мѣръ не только для мственнаго, но и для нравственнаго развитія" (стр. 26).

Тамъ-же, по поводу ссылки коммиссіи Елизаветпольской гимназіи на елюбовь къ чтенію воспитанниковъ, чѣмъ та объясняла непосильность данной темы (Кавказъ въ произведеніяхъ Лермонтова), рецензентъ замѣчаетъ: коммиссія поступила-бы правильнѣе, если бы указала, какія мѣры она приняла для борьбы съ этою нелюбовью къ чтенію и почему такая существуетъ ъ средѣ учениковъ Елизаветпольской гимназіи" (стр. 12).

Все это справедливо, скажутъ мнѣ, но гдѣ же въ самомъ дѣлѣ взять ремя для чтенія, когда ученики и безъ того обременены работой? Къ изысканію его мы и приступимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь мнѣ не придется сказать ничего новаго, лишь повторить то, что, быть можетъ, десятки разъ высказывалось въ едагогической литературѣ.

Въ видахъ большаго удобства я буду говорить въ отдѣльности о чтеніи въ младшихъ и старшихъ классахъ, разумѣя подъ первыми 4 кл. реальыхъ училищъ и классическихъ гимназій.

На мой взглядъ въ низшихъ классахъ болѣе развита любознательность, болѣе замѣтна любовь къ чтенію, и эта любознательность, это стремленіе къ чтенію какъ бы прогрессивно падаетъ по переходѣ воспитанниковъ въ старшіе классы.

Не знаю, приходилось ли другимъ преподавателямъ наблюдать это явленіе, но мнѣ оно нерѣдко бросалось въ глаза. На нѣкоторыя причины этого явленія я укажу въ заключеніи.

Въ виду присущей уже дѣтскому возрасту любознательности слѣдуетъ лишь пользоваться ею, умѣло ее поддерживать и давать ей правильное направленіе. Лучшимъ средствомъ для этого служитъ чтеніе классное и внѣклассное.

Для перваго, т. е. для класснаго чтенія, найдется достаточно времени, если его поменьше будетъ затрачиваться на сухія грамматическія занятія и на излюбленную, но далеко не оправдывающую возлагаемыхъ на нее надеждъ, постоянную диктовку.

„Погоня за правописаніемъ, за формальнымъ знаніемъ замораживающихъ и отупляющихъ дѣтскую душу грамматическихъ схемъ, совсѣмъ заѣдаютъ у насъ съ дѣтскихъ лѣтъ мысль, чувство, воображеніе, говоритъ г. Острогорскій въ „Бесѣдахъ о словесности“ (2 стр.).

„И какъ не надоѣстъ наконецъ вѣчно диктовать, вѣчно читать, да считать ошибки и наконецъ вѣчно карать за оныя, не задумываясь ни на минуту о томъ, кто виноватъ. А виноватъ, конечно, тотъ, кто вмѣсто того, чтобы обучать, вѣчно экзаменуетъ изъ того, чему не обучилъ, да и обучить не можетъ, упражняя какъ разъ въ противоположномъ—въ дѣланіи, такъ сказать *культивированіи* ошибокъ, говоритъ г. Шереметевскій („Объ ороографіи вообще и о письмѣ подъ диктовку, какъ упражненіи элементарномъ въ особенности“).

„Нѣтъ ничего вреднѣе въ педагогическомъ отношеніи, какъ чрезмѣрное преобладаніе утомительнаго для ума и памяти безплоднаго заучиванія наизусть грамматическихъ правилъ, отрѣшенныхъ отъ живой, осмысленной рѣчи, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ въ своей статьѣ: „Общій планъ и программы обученія языкамъ и литературѣ въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ“ (Пантеонъ литер. за 1889 г.). А ужъ Буслаева никакъ, конечно, нельзя упрекнуть въ пренебрежительномъ отношеніи къ русской грамматикѣ. „Все грамматическое ученіе, говоритъ тотъ же ученый, должно быть основано на чтеніи писателя. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы дѣти ясно понимали прочтенное и умѣли правильно выражаться словесно и письменно. Грамматика должна быть только прибавленіемъ къ чтенію, къ письменнымъ и словеснымъ упражненіямъ“. (О преподаваніи отечественнаго языка. Ѳ. И. Буслаевъ. Изд. 2-е стр. 79).

Интересно сопоставить съ этимъ мнѣніемъ слова покойнаго А. А. Потебни: „Если впослѣдствіи меня не пугала грамматика, то это, я думаю потому, что смолоду не зналъ никакихъ грамматическихъ учебниковъ“. (Сборн. Харьковскаго Филологическаго Общества т. V. Труды педагогическаго отдѣла стр. 68, Прим. 1)

Однимъ словомъ, съ самыхъ низшихъ классовъ, должно преобладать „живое слово“ и въ этой школѣ должно воспитывать съ самыхъ юныхъ лѣтъ. При такой постановкѣ дѣла, безъ ущерба для формальнаго грамматическаго обученія и съ большой выгодой для развитія слова, живой рѣчи, можетъ быть изучено, какъ свидѣтсльствуетъ Мартыновскій въ предисловіи къ своей хрестоматіи: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ“—въ 1-мъ классѣ около 60 басенъ Крылова и нѣсколько стихотвореній Кольцова. Въ моей личной педагогической практикѣ, при сравнительно плохомъ общемъ составѣ классовъ частнаго учебнаго заведенія, куда поступали далеко не съ надлежащей подготовкой, я успѣвалъ прочитывать и

разучивать въ 4-хъ классахъ болѣе 120 произведеній (басенъ, стихотвореній, описательныхъ и повѣствовательныхъ отрывковъ).

При этомъ считаю необходимымъ замѣтить, что выразительное чтеніе должно быть поставлено во главу угла и на него нужно обращать самое серьезное вниманіе съ низшихъ классовъ, начиная съ приготовительнаго. Дѣти крайне этимъ интересуются, наперерывъ другъ передъ другомъ конкурируютъ въ выразительности чтенія, и эти занятія въ значительной степени содѣйствуютъ развитію любви къ чтенію. Конечно, прежде всего учитель долженъ самъ хорошо читать, conditio sine qua non.

Разъ учитель овладѣлъ вниманіемъ учениковъ, возбудилъ въ нихъ интересъ — дальнѣйшій успѣхъ обезпеченъ: ученики будутъ охотно читать и дома, и сами найдутъ время; дѣло учителя будетъ указать только, что читать и время отъ времени контролировать чтеніе.

Пользуясь указаніями В. Острогорскаго въ неоднократно цитированной мною его брошюрѣ: „Бесѣды о словесности", а также и изданной имъ книжкой „Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матерьялъ для занятій съ дѣтьми", я, между прочимъ, практиковалъ такой методъ.

Въ началѣ учебнаго года я давалъ въ каждомъ классѣ списокъ сочиненій, которыя должны быть прочитаны въ теченіе года, предоставляя самимъ ученикамъ порядокъ чтенія, при чемъ указывалъ, что при общей оцѣнкѣ познаній въ концѣ года буду принимать во вниманіе отношеніе ихъ къ чтенію указанныхъ произведеній. Время отъ времени, когда оставалось нѣсколько свободныхъ минутъ отъ урока, я спрашивалъ, кто и что прочелъ, задавалъ нѣсколько вопросовъ, на основаніи которыхъ могъ убѣдиться, что ученикъ дѣйствительно говорилъ правду. При окончаніи трети, предъ самымъ выводомъ средняго балла, когда приходится только спрашивать, контролировать пройденное, а не объяснять, я уже удѣлялъ иногда на провѣрку цѣлый часъ, въ который могъ достаточно убѣдиться, что̀ и ка̀къ прочитано. Конечно, здѣсь нужно быть очень осторожнымъ и только поощрять, а никакъ не карать, не быть взыскательнымъ: повышеніе средняго балла за чтеніе — одно изъ весьма дѣйствительныхъ практическихъ средствъ для развитія любви къ чтенію.

Въ первомъ и второмъ классѣ я ограничился лишь краткими устными отвѣтами; въ третьемъ же и четвертомъ задавалъ иногда краткое изложеніе. Большею частію, чтобы не обременять учащихся излишней работой въ теченіе учебнаго времени, я задавалъ изложенія на Рождество, на Пасху и на каникулы. Вообще въ младшихъ классахъ надо обращать большее вниманіе на устное изложеніе и стараться развивать въ учащихся способность выражаться легко, благозвучно, памятуя слова Ѳ. И. Буслаева: „Мы слу-

шаемъ говорящаго сто разъ, прежде нежели однажды прочтемъ имъ написанное“ (О препод. отеч. яз., стр. 56).

Въ старшихъ классахъ тотъ-же методъ прилагается при ознакомленіи съ теоріей прозы и поэзіи и при изученіи исторіи литературы. И въ данномъ случаѣ личный опытъ убѣдилъ меня, что, при условіи развитія любви къ чтенію съ младшихъ классовъ, можно количество прочитываемыхъ произведеній значительно увеличить, безъ ущерба, конечно, основательности ихъ изученія.

Для контроля внѣкласснаго чтенія и для поддержанія интереса къ классической литературѣ какъ русской, такъ и иностранной, въ старшихъ классахъ лучше всего могутъ служить литературныя бесѣды. О нихъ писано достаточно: и способъ ихъ веденія, и матерьялъ для нихъ указанъ въ педагогической литературѣ, такъ что я не считаю нужнымъ на нихъ останавливаться. Желающіе болѣе подробно ознакомиться съ этимъ вопросомъ могутъ обратиться къ статьямъ Преображенскаго, Истомина и др., помѣщенныхъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ за 1885, 1887, 1888 годы, а также могутъ найти полезныя указанія у Балталона въ его „Пособіи для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ“.

Литературныя бесѣды, кажется, были особенно рекомендованы и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, но какъ-то мало гдѣ привились. А не мѣшало бы ихъ организовать, какъ слѣдуетъ: не малую долю пользы принесли-бы онѣ въ дѣлѣ общаго развитія и направленія учащейся молодежи!

Въ теченіе 4 лѣтъ (V—VIII), говоритъ Истоминъ, учащіеся во время *еженедѣльныхъ* литературныхъ бесѣдъ, могутъ, *какъ показываетъ практика*. вполнѣ основательно ознакомиться съ содержаніемъ и особенностями не менѣе 40 произведеній литературы русской и иностранной, что, безспорно, окажетъ существенное вліяніе на умственное развитіе и нравственно-эстетическое воспитаніе учащихся на твердыхъ началахъ религіи и нравственности, на идеалахъ истинно великаго, добраго и прекраснаго“. (Рус. Фил. Вѣстн. 1892 г. № 1 стр. 12).

Наконецъ, отчего бы не устроить публичныя чтенія для учащихся по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, на подобіе того, какъ это практикуется, напримѣръ, въ Москвѣ. Такія чтенія посѣщаются очень охотно и несомнѣнно развиваютъ интересъ къ серьезному чтенію.

Если на такія сравнительно спеціальныя чтенія, какъ, напримѣръ, по химіи, которыя происходятъ въ нашемъ университетѣ, набирается масса учащейся молодежи обоего пола въ дни учебныя, то тѣмъ больше успѣха надо ожидать отъ чтеній по исторіи, по литературѣ, по географіи и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ въ дни воскресные или празднич-

ные. Мнѣ кажется, объ этомъ стоитъ подумать! Я полагаю, найдутся Гг. преподаватели, которые не сочтутъ для себя обременительнымъ прочесть что-нибудь, хотя одинъ разъ въ полугодіе. Смѣю надѣяться, что и многіе Гг. профессоры университета не откажутъ въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи.

Я указалъ, по возможности, на всѣ средства, которыми, на мой взглядъ, *должна* пользоваться школа, чтобы содѣйствовать развитію въ учащихся любви къ родному слову, къ основательному знакомству съ выдающимися произведеніями ума человѣческаго, помня завѣтъ великаго исторіографа: „авторы помогаютъ согражданамъ лучше мыслить и говорить“.

А что выше свѣтлой мысли, сильнѣе мѣткаго, выразительнаго слова?

„И если бы большинство кончающихъ свое образованіе,—говоритъ Шереметевскій,—послѣ 7—8 годовъ ученія тремъ—четыремъ различнымъ языкамъ уносило бы съ собой между прочимъ и прочную основу умѣнья владѣть живымъ роднымъ словомъ, умѣнья ковать слово, пока мысль горяча, на сколько бы могъ тогда увеличиться процентъ хорошихъ, дѣльныхъ мыслей, приростъ умственнаго капитала, обращающагося въ интеллигентномъ обществѣ“. (Слово въ защиту живаго слова. 11 стр.).

Въ заключеніе не могу, между прочимъ, не упомянуть о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ методахъ преподаванія въ современной школѣ, отъ которыхъ, по мнѣнію многихъ, зависитъ упадокъ интереса къ литературѣ и вообще къ серьезному чтенію—это черезъ-чуръ усердное комментированіе изучаемаго произведенія.

Еще Дистервегъ предостерегалъ отъ педагогическаго грѣха, все болѣе и болѣе распространяющагося въ школѣ,—отъ разчлененія и раздергиванія поэтическихъ произведеній.

На злоупотребленіе этимъ указываетъ и А. Незеленовъ въ брошюрѣ: „О преподаваніи словесности“.

„Одинъ педагогъ, говоритъ онъ, раздѣлилъ повѣсть „Старосвѣтскіе помѣщики“ на мелкія части, соотвѣтствующія отдѣльнымъ предложеніямъ;—такая работа была по истинѣ ужасна, и легко себѣ представить, — какъ возненавидѣли произведшіе ее ученики совершенно неповинную во всемъ этомъ знаменитую повѣсть Гоголя. Какой блестящій результатъ ученія!“ (16 стр.).

Разбирая явившуюся у насъ въ 1875 году въ переводѣ Максимова и Острогорскаго книгу Эккардта „Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій“ и указавъ, что въ немъ для уразумѣнія лирическаго стихотворенія предлагается до 32 группъ вопросовъ, для пониманія драмы 100—онъ заключаетъ: „Въ этой массѣ словоизверженія *по поводу* произведенія, разу-

мѣется, исчезнетъ безслѣдно всякое произведеніе, какъ бы велико по объему оно ни было".

На злоупотребленіе объяснительнымъ чтеніемъ своевременно было указано Шереметевскимъ, въ его „Словѣ въ защиту живаго слова". Между прочимъ тамъ найдется не мало педагогическихъ курьезовъ, въ родѣ того, что при разборѣ стихотворенія Кольцова: „Краснымъ полымемъ заря вспыхнула" предлагается такой вопросъ—какая разница между выраженіемъ: „дрова вспыхнули и дрова загорѣлись?" Прочли о зарѣ, иронически замѣчаетъ Шереметевскій, а спрашиваютъ о дровахъ! Что подобнаго рода уклоненія въ сторону отъ разбираемаго произведенія, вредящія цѣлостности впечатлѣнія, возможны и въ настоящее время, лучшимъ доказательствомъ служитъ, напримѣръ, разборъ басни Крылова: „Лисица и виноградъ", помѣщенный въ 3-мъ выпускѣ Фил. Зап. за 1892 г.

Я позволю себѣ остановиться только на конечномъ выводѣ изъ разбора этой басни.

„И такъ лисица, потерпѣвъ неудачу, поддалась чувству досады, которое и нашло себѣ исходъ въ злорѣчіи". Въ самомъ дѣлѣ, злорѣчивый не утѣшенія, не умиротворенія возмущенной душѣ своей ищетъ въ своемъ злорѣчіи, потому что отлично знаетъ, что слова его ложь или, по крайней мѣрѣ, преувеличеніе. Досадою и злобою вызывается злорѣчіе, а основывается на вѣрѣ въ силу слова. Слово человѣческое имѣетъ могучую силу: великія дѣла вызываются къ осуществленію словомъ, и человѣчество давно увѣровало въ эту великую силу. Теперь мы, конечно, не вѣримъ въ чудодѣйственную силу заговоровъ,—но если кто въ досадѣ называетъ своего ближняго, напримѣръ, „собакой" то почему онъ это дѣлаетъ? Вѣдь онъ знаетъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, а не съ собакой, и если все таки называетъ его „собакой", то очевидно потому, что хотѣлъ бы, не сознавая ясно своего хотѣнія, обратить его въ собаку, сравнивая его съ нею. Подобная брань впервые явилась, надо полагать, при вѣрѣ въ возможность превращеній по одному слову: безъ такой вѣры было невозможно появленіе такой брани. Современный ругатель, конечно, не ожидаетъ, что его ближній по одному его слову обратится въ собаку, но все же несомнѣнно, его брань—остатокъ стариннаго злобнаго колдовства. Ругатель дѣлаетъ все отъ него зависящее для обращенія своего ближняго въ собаку—именно произноситъ слово; обращается ли въ дѣйствительности въ собаку тотъ, кого такъ называютъ—это уже не дѣло ругателя, онъ съ своей стороны сдѣлалъ что могъ. Что такое объясненіе вѣрно, видно уже изъ того, что вѣдь невозможно собаку обругать собакой" (126—127 стр.).

Многое можно сказать *по поводу* извѣстнаго произведенія, но тогда, пожалуй, изъ-за деревьевъ и лѣсу не увидишь.

Признаюсь, чѣмъ-то схоластическимъ вѣетъ и отъ нѣкоторыхъ мѣстъ „Живого слова“ помѣщеннаго въ выпускѣ IV Фил. Зап. за тотъ же годъ.

Разбирается „Нива“ Майкова. Въ §§ III, озаглавленномъ: члены статьи, находимъ такіе вопросы: Quis? авторъ (подлежащее статьи): когда подлежащее самъ авторъ, произведеніе лирическое. Se habet (вм. quomodo se habet, греч. πως ἔχει) молитъ Бога о духовномъ хлѣбѣ Quando—cur.? увидѣвъ хорошій урожай (обст. врем.) Quid? для внуковъ (дополненіе къ сказуемому „молитъ“) Cur? Чтобы и мы могли въ старости утѣшиться. (стр. 7).

Невольно припоминается мнѣніе Бѣлинскаго о дѣтскомъ чтеніи, мнѣніе, конечно, нѣсколько одностороннее, но все же полное глубокаго смысла: „Не заботьтесь о томъ, что дѣти мало тутъ поймутъ (рѣчь идетъ о басняхъ Крылова, объ Юріѣ Милославскомъ Загоскина, объ Овсяномъ киселѣ Жукова.), но именно и старайтесь, чтобы они какъ можно менѣе понимали, по больше чувствовали. Пусть ухо ихъ пріучается къ гармоніи русскаго слова, сердца преисполняются чувствомъ изящнаго; пусть и поэзія дѣйствуетъ на нихъ, какъ и музыка, прямо черезъ сердце, помимо головы, для которой еще настанетъ свое время, свой чередъ“. (Т. III. 517 стр.).

Ту же самую мысль проводитъ и Ѳ. И. Буслаевъ: „Пусть говоритъ онъ, учитель отечественнаго языка дастъ въ руки своимъ питомцамъ такую книгу, чтеніе которой оставитъ въ ихъ душѣ слѣды на всю жизнь. Мысли классическаго писателя плодотворнымъ сѣменемъ лягутъ въ нѣжной душѣ ихъ, сначала еще не развитыя. Конечно, дѣти не все поймутъ въ этихъ мысляхъ, ибо и взрослые различно понимаютъ прочитанное; но довольно уже и того, что они узнаютъ ихъ хотя съ одной внѣшней стороны, запечатлѣвъ ихъ своимъ дѣтскимъ сознаніемъ. Пройдутъ годы—и вмѣстѣ съ возрастаніемъ дѣтей, возрастутъ и окрѣпнутъ въ нихъ и тѣ истины, которыя вычитали они нѣкогда въ любимомъ писателѣ (О преподаваніи отеч. яз. стр. 41).

Эти указанія слѣдуетъ имѣть въ виду въ особенности теперь, когда по новымъ программамъ Мин. Нар. Просв. требуется при чтеніи указанныхъ этою программою произведеній—разборы грамматическій, стилистическій, литературный, и когда, слѣдовательно, вновь возможны указанныя выше увлеченія.

Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, не лишнимъ вспомнить и наставленіе Яна Амоса Коменскаго; высказанное имъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ въ Великой Дидактикѣ: „Погрѣшаютъ учителя, которые думаютъ закончить образованіе ввѣреннаго имъ юношества тѣмъ, что много диктуютъ; погрѣшаютъ также и тѣ, которые, желая все разъяснить, не соблюдаютъ мѣры. При такомъ образѣ дѣйствій, они терзаютъ своихъ учениковъ подобно тому, какъ если бы кто-нибудь для того, чтобы сдѣлать надрѣзъ въ растеніи употребилъ вмѣсто ножика дубину или колотушку“ (гл. XVI въ § 36. Пер. Адольфа).

Ко всему мною сказанному считаю нужнымъ присовокупить, что забота о развитіи любви къ чтенію должна одинаково лежать на преподавателяхъ всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ: всѣ съ одинаковымъ рвеніемъ и настойчивостью должны стремиться къ тому, чтобы въ средней школѣ образовались своего рода традиціи, по которымъ малая начитанность считалась бы дѣломъ постыднымъ.

Н. Алякритскій.

Греческій optativ.

Опытъ преподаванія въ IV классѣ Густава Рихтера.

(Изъ журнала „Lehrproben und Lehrgänge aus der Praxis der Gymnasien und Realschulen". 1893 г., вып. 34, стр. 62—68).

Предварительныя соображенія.

1. На какія группы распадается матеріалъ? Сообразно глагольной системѣ, получаются слѣдующія группы:

1) Activum	2 группы:	a)	соединит. гласн.	οι (praes. fut., prf.).
		b)	„ „	αι (aor.).
2) Passivum	„	a)	„ „	οι (praes., fut.).
		b)	„ „	ει (aor.).
3) Medium	„	a)	„ „	οι (praes., fut.).
		b)	„ „	αι (aor).

Чрезъ сопоставленіе однородныхъ членовъ пріобрѣтается въ дидактическомъ отношеніи слѣдующее упрощеніе:

1) Соединительная гласная	οι	a)	pr., fut. prf. activi.
		b)	pr., fut. pass. med.
2) „ „	αι	a)	aor. activ.
		b)	aor. med.
3) „ „	ει		aor. passiv.

2. Сколько должно быть взято изъ всѣхъ формъ optativ'a на одинъ разъ? Нельзя сразу вводить въ сознаніе учениковъ много представленій: надо имѣть въ виду ограниченность сознанія. Если воспринятыя представленія должны занять устойчивое положеніе, то они должны выступать во всей силѣ и должны господствовать нѣкоторое время только они одни, съ тѣмъ, чтобы только что пріобрѣтенная ясность не была затемнена новыми, быстро слѣдующими представленіями. Отсюда слѣдуетъ продолжительная остановка на первой группѣ и обстоятельное ея изученіе. *Дальнѣйшее соображеніе:* первая группа, именно первый членъ ея, содержитъ въ себѣ всѣ

почти основные элементы новаго матеріала (значеніе и образовательные элементы); что изучено здѣсь, то идетъ на пользу и при изученіи остальныхъ группъ; такимъ образомъ здѣсь прежде всего должна имѣть мѣсто глубокая и широкая работа. Сюда подходитъ и то, что элементы новаго матеріала: значеніе, соединительная гласная и новыя окончанія довольно многочисленны въ первой части группы и даютъ въ соединеніи съ различными глагольными основами достаточное количество новыхъ образованій. Наконецъ, чтобы новыя формы съ самаго же начала выступали предъ учениками какъ нѣчто живое, необходимо употребленіе ихъ въ предложеніяхъ. Такимъ образомъ мы вводимъ упражненіе въ составленіи предложеній, при чемъ, чтобы избѣжать однообразія, слѣдуетъ присоединить отрицаніе и частицы желанія [1]. *Выводъ:* съ увѣренностію за успѣхъ, для перваго урока можетъ быть назначена только первая часть группы: optativ. praes. activi.

Первый урокъ:

I. Подготовительная работа.

Мы будемъ сегодня изучать новое наклоненіе. Какія наклоненія вы уже знаете? Indicativ и Conjunctiv. Въ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ вы изучили еще третье, какое? Imperativ. Въ греческомъ языкѣ имѣется еще четвертое наклоненіе, modus optativus, optativ. Что значитъ optare? Желать. Какую, слѣдовательно, форму рѣчи (выраженія) будетъ обозначать optativ? Проще,—что будетъ выражать optativ? Онъ будетъ обозначать форму желанія, будетъ выражать желаніе. Слѣдовательно, optativ есть форма рѣчи, выражающая желаніе. Повторите! Въ нѣмецкомъ и другихъ извѣстныхъ вамъ языкахъ нѣтъ особой формы для выраженія желанія. Какъ говорится по-нѣмецки, если человѣкъ нездоровъ и желалъ бы быть здоровымъ? Möchte ich doch gesund sein, wenn ich doch gesund wäre: желалъ бы я быть здоровымъ, о если бы я былъ здоровъ! Такимъ образомъ, мы употребляемъ 4 или 5 словъ, тогда какъ греческій языкъ можетъ выразить тоже самое въ одной словесной формѣ. Развѣ это не очень удобно? Не обладаетъ ли греческій языкъ въ этомъ случаѣ преимуществомъ предъ другими языками, которые такой способности не имѣютъ? *Объединеніе:* сколько залоговъ въ нѣмецкомъ языкѣ, латинскомъ, французскомъ? Какъ они называются? Сколько въ греческомъ? Пересчитайте! Что обозначаетъ optativ?. Онъ выражаетъ желаніе. Теперь мы посмотримъ, какъ образуется эта форма рѣчи, выражающая желаніе. (Опредѣлена цѣль урока и возбуждено чувство ожиданія).

---

[1]) Употребленіе potent. съ ἄν вначалѣ не рекомендуется: лучше на первыхъ порахъ ограничиться изученіемъ наклоненія въ основномъ значеніи.

II. Изложеніе матеріала и его обработка.

(Здѣсь мы не отдѣляемъ созерцанія отъ мысли, такъ какъ то и другое въ принятомъ здѣсь аналитическомъ пріемѣ идутъ рука объ руку).

Что значитъ ἀκούω? Я слушаю. Ἀκούομεν? Мы слушаемъ. Составныя части этой формы? Основа, соединительная гласная и личное окончаніе. Произнесите форму раздѣльно! Ἀκού-ο-μεν. Если я вмѣсто ο поставлю ω, то что получаю? Ἀκού-ω-μεν. Какое наклоненіе? Conjunctiv. Значеніе? Будемъ-те слушать! Чѣмъ, слѣдовательно, различаются между собой обѣ эти формы? Соединительной гласной. Въ чемъ сходны? Въ основѣ и окончаніи. Чѣмъ будетъ отличаться отъ этихъ двухъ формъ optativ? Соединительной гласной.

Соединительная гласная въ optativ'ѣ οι (omikron, jota). Образуй теперь форму: желали бы мы слушать! Ἀκού-οι-μεν. Въ чемъ различіе? Въ чемъ сходство? Во 2 лицѣ множеств. числа тоже самое. Образуйте: о если бы вы слушали! Ἀκού-οι-τε. Также и здѣсь: что сходно? Что различно?

Мы образуемъ 2-ое и 3-ье лица единственнаго числа, и здѣсь тоже самое. О если бы ты слушалъ! о если бы онъ слушалъ!—ἀκούοις, ἀκούοι. Поставьте indicativ и conjunctiv рядомъ съ optativ'омъ!

Ἀκού-ει-ς-ты слушаешь, ἀκού-ῃ-ς-да слушаешь ты!
ἀκού-οι-ς-о если бы ты слушалъ!
Ἀκού-ει-онъ слушаетъ, ἀκού-ῃ-да слушаетъ онъ!
ἀκού-οι о если бы онъ слушалъ!

Чего недостаетъ во всѣхъ третьихъ лицахъ? Обозначенія лицъ. Что вамъ бросается въ глаза относительно ударенія въ ἀκού-οι? Не обозначаютъ развѣ слова οἶκοι, νῆσοι облеченнымъ удареніемъ? Не слѣдуетъ ли сообразно съ этимъ написать ἀκοῦοι? Нѣтъ! Οι—двугласная, а всѣ двугласныя долги. Только во множеств. числѣ втораго склоненія οι, какъ и αι во множеств. числѣ перваго склоненія, употребляются, въ видѣ исключенія, въ качествѣ краткихъ. Для глагола эти исключенія не имѣютъ никакого значенія.

Сколько формъ praes. activi вы имѣете теперь? Какія? 2 и 3 лица единственнаго числа и 1 и 2 множественнаго. Поставьте ихъ еще разъ вмѣстѣ! (Произносятъ ученики хоромъ, вмѣстѣ съ значеніемъ на родномъ языкѣ):

ἀκούοις-о еслибы ты слушалъ!
ἀκούοι-о еслибы онъ слушалъ!
ἀκούοιμεν-о еслибы мы слушали!
ἀκούοιτε-о еслибы вы слушали!

Въ этихъ 4 формахъ чѣмъ отличается образованіе optativ'а отъ образованія indicativ'а и conjunctiv'а? Только соединительной гласной. Что было вездѣ одинаково? Основа и личное окончаніе. Какія формы остаются? 1 лицо единств. числа и 3 множеств. Здѣсь нѣсколько иначе: основа и соединит.

гласная остаются тѣже самыя, но окончанія другія: 1 лицо единств. μι, 3 множеств. εν. Повторите! Слѣдовательно, отъ ἀκούω?

Одинъ ученикъ:

ἀκού-οι-μι-о еслибы я слушалъ!
ἀκού-οι-εν-о еслибы они слушали!

Скажите всѣ вмѣстѣ!

Мы соединяемъ теперь вмѣстѣ весь рядъ окончаній: οιμι, οις и проч. Громко произнесите ихъ! Мы еще разъ ставимъ эти окончанія рядомъ съ окончаніями indicativ'a и conjunctiv'a и сравниваемъ. (Постепенное занесеніе на доску даетъ уже для глазъ учениковъ требуемую картину. Учитель заранѣе приготовилъ схему:

		Indicativ.	Conjunctiv.	Optativ.
Ед.	1	ἀκού-ω-	ἀκού-ω-	ἀκού-οι-μι
	2	ἀκού-ει-ς	ἀκού-ῃ-ς	ἀκού-οι-ς
	3	ἀκού-ει-	ἀκού-ῃ-	ἀκού-οι-
Мн.	1	ἀκού-ο-μεν	ἀκού-ω-μεν	ἀκού-οι-μεν
	2	ἀκού-ε-τε	ἀκού-η-τε	ἀκού-οι-τε
	3	ἀκού-ου-σι	ἀκού-ω-σι	ἀκού-οι-εν

Встрѣчавшіеся до сихъ поръ формы постоянно были вносимы на свои мѣста, такъ что теперь остается прибавить тѣ формы indicativ'a и conjunctiv'a, которыя еще не были упомянуты).

Что даетъ сравненіе: 1) относительно основы? Она остается вездѣ одна и та же; 2) относительно соединительной гласной? Соединит. гласная въ каждомъ наклоненіи особая и измѣняется въ indicativ'ѣ и conjunctiv'ѣ, но въ optativ'ѣ постоянно остается одна и та же; 3) относительно окончаній? Всѣ три наклоненія имѣютъ во 2 и 3 лицахъ единств. числа и 1 и 2 лицахъ множеств. одни и тѣ же окончанія Первое лицо единствен. числа въ indicativ'ѣ и conjunctiv'ѣ—безъ личнаго обозначенія (оно здѣсь утратилось, и взамѣнъ этого послѣдняя гласная основа въ indicativ'ѣ удлиненна), и только въ optativ'ѣ древнее личное окончаніе удержалось. (Въ нѣкоторыхъ глаголахъ оно сохранилось и въ indicativ'ѣ. Кто знаетъ? εἰμί). Взглядъ на процессъ образованія языка. Возникновеніе и исчезновеніе. Языкъ-организмъ.

III. Усвоеніе и примѣненіе.

Займемся теперь продолжительнымъ упражненіемъ въ образованіи формъ optativ'a! Прежде всего скажите хоромъ одни только окончанія! Затѣмъ—вмѣстѣ съ примѣромъ и значеніемъ на родномъ языкѣ! Далѣе—въ обратномъ порядкѣ! Одни первыя лица, вторыя, третьи! Каждое въ отдѣльности! О еслибы онъ слушалъ, о еслибы вы слушали! и т. д. (Должно быть по-

стоянное выдѣленіе отдѣльныхъ формъ или цѣлыхъ группъ! Значеніе на родномъ языкѣ то впереди. то позади).

Соединеніе съ глагольными основами. Начнемъ теперь составлять формы optativ'а отъ новыхъ глагольныхъ основъ. Назовите мнѣ глаголы, какіе вамъ извѣстны! (Учитель между тѣмъ стеръ доску и пишетъ названные учениками глаголы, располагая ихъ сейчасъ же по классамъ; на нѣкоторые глаголы наводитъ учениковъ; нѣтъ надобности писать на доскѣ тѣ глаголы, которые, въ качествѣ примѣровъ, неудобны для употребленія въ предложеніяхъ). Получились приблизительно слѣдующіе глаголы:

ἀγορεύω	διατρίβω	φεύγω	σπεύδω
δακρύω	πέμπω	λέγω	νομίζω
λύω	(ἀποπ.)	ἔχω	ἐλπίζω
βουλεύω		(πλέκω)	
πιστεύω			

Сначала приводятся нѣкоторые optativ'ы, вмѣстѣ съ значеніемъ на родномъ языкѣ (λύω, ἔχω, ἐλπίζω). Затѣмъ съ присоединеніемъ отрицанія (желаніе постоянно отрицается посредствомъ μή): μὴ φεύγοιμι—желалъ бы я не бѣжать и т. д. Далѣе отдѣльныя формы, и сначала въ небольшомъ кругу глаголовъ, которыми уже раньше пользовались, и сначала въ извѣстномъ порядкѣ, а потомъ уже вперемежку:

о если бы вы надѣялись!

о если бы они не спѣшили, не бѣжали! и т. п.

Можно также сказать: εὖ (καλῶς) ἔχω значитъ: я нахожусь въ хорошемъ состояніи, и тогда спросить: желалъ бы я находиться въ хорошемъ состояніи и т. д.

Затѣмъ постепенный переходъ къ небольшимъ предложеніямъ:

διατρίβοιμεν ἐν πατρίδι,
φεύγοιεν οἱ πολέμοι,
καλῶς ἔχοις, ὦ ἄδελφε,
πιστεύοιτε τοῖς τῶν διδασκάλων λόγοις,
σώζοιεν οἱ θεοὶ τὴν πόλιν,
ἀποπέμποι ὁ στρατηγός τούς πονηροὺς στρατιώτας.

Варіаціи съ участіемъ отрицанія и присоединеніемъ частицъ желанія

εἰ γάρ, εἴθε,
εἰ γὰρ μή,
εἴθε μή:
εἰ γὰρ ἀεὶ καλῶς ἔχοιτε,
εἴθε μὴ κακῶς ἔχοις и т. д.

Урокъ: письменно образовать изученныя формы отъ различныхъ глагольныхъ основъ. Составленіе небольшихъ предложеній съ формами optativ'а.

Если работа подвигается впередъ гладко, то въ этомъ случаѣ позволительно взять еще futurum и perfectum activi. Теперь уже только легкое примѣненіе выученнаго: изученныя окончанія прямо присоединяются къ временной основѣ. Берется теперь другой примѣръ. Окончанія произносятся съ присоединеніемъ характера времени (σοιμι, ϰοιμι и т. д.).

IV. Слѣдствіе.

Пріобрѣтено пониманіе значенія и образованія optativ'а вообще (знаніе) и дано мѣсто упражненіямъ въ образованіи формъ optativ'а въ praes. activi и примѣненію этихъ формъ на практикѣ (способность). Возбужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ какъ эмпирическій, такъ и спекулятивный. (Взглядъ на построеніе и исторію языка).

Второй урокъ.

(Какъ этотъ урокъ, такъ и слѣдующіе въ краткомъ изложеніи).

Цѣль: окончаніе первой группы: praes. passiv. (medii)
futur. medii
futur. passivi.

I. *Предложеніе матеріала:* писаніе на доскѣ и произношеніе хоромъ.

II. *Обозрѣніе:* сравненіе окончаній optativ'а съ indic. и conjunct. Выводъ: optativ въ страдательномъ залогѣ имѣетъ окончанія историческихъ временъ.

III. *Упражненіе:* a) формы сами по себѣ и различныя варіаціи; b) сопоставленіе съ формами дѣйствительнаго залога; c) употребленіе ихъ въ предложеніяхъ.

Третій урокъ.

IV. *Примѣненіе:* небольшое extemporale.

Вторая группа: aor. activi и medii.

I. Изложеніе.

II. Обозрѣніе.

III. Усвоеніе.

Четвертый урокъ.

Широкое и глубокое изученіе послѣдней группы. Optat. aor. какъ наклоненіе косвенной рѣчи.

Объясненіе автора къ первому уроку.

1) Съ точки зрѣнія пониманія наклоненія слѣдуетъ, какъ въ подготовительной работѣ, такъ и при исполненіи урока, сосредоточить вниманіе на томъ, чтобы нагляднымъ путемъ ввести въ сознаніе учениковъ представленіе о существенномъ значеніи optativ'a (естественно, на первыхъ порахъ онъ долженъ быть разсматриваемъ только какъ форма желанія). Однако и здѣсь можно идти и далѣе, разумѣется въ области доступной пониманію, лишь была бы увѣренность, что предшествующимъ обученіемъ подготовлено въ достаточной мѣрѣ, какъ то и должно быть, ясное пониманіе наклоненія. Уже въ V классѣ (даже въ VI) возможно наглядно представить разницу между рѣчью о дѣйствительномъ и только представляемомъ: „я пятиклассникъ, желалъ бы быть четвертоклассникомъ; я боленъ, желалъ бы быть здоровымъ". Здѣсь я высказываю, съ одной стороны, нѣчто такое, что дѣйствительно существуетъ, и нѣчто такое, чего въ дѣйствительности нѣтъ, но что я однако представляю (и именно въ формѣ желанія). „Мы учимся, чтобы стать разумными". Ученіе—дѣйствительный фактъ, но разумности еще нѣтъ въ дѣйствительности; она должна только стать дѣйствительнымъ фактомъ, который составляетъ цѣль нашу и представляется нами какъ нѣчто ожидаемое. Такимъ образомъ, ученики скоро увидятъ, что существуютъ различные роды и виды представленій. „Будьте внимательны"! призываетъ учитель своихъ учениковъ, если они невнимательны, но должны быть таковыми. Здѣсь—выраженіе (форма выраженія) того, чего нѣтъ въ дѣйствительности, здѣсь—только приказаніе, которое должно привести къ дѣйствительности. Уже при помощи такихъ малыхъ средствъ возможно достигнуть слѣдующаго положенія: всякая рѣчь выражаетъ или нѣчто дѣйствительное, или нѣчто представляемое. Способы представленія различны. Итакъ, что такое наклоненіе? Каждое наклоненіе служитъ для выраженія рѣчи и имѣетъ цѣлію обозначить видъ (форму) этого выраженія. Наклоненіе есть форма выраженія рѣчи. Сколько главныхъ видовъ выраженія рѣчи? Два. Выраженіе рѣчи о дѣйствительномъ и выраженіе рѣчи о представляемомъ.

(Какъ легко теперь будетъ понять, что οὐ отрицаетъ дѣйствительный фактъ, μή представляемый, что optativ, какъ форма желанія, долженъ имѣть μή, какъ potent. οὐ, такъ какъ послѣдній есть только смягченная форма выраженія дѣйствительности).

Виды представленій могутъ быть различны. Какую форму (видъ) представленія мы имѣли въ предложеніи: желалъ бы я быть здоровымъ? Форму желанія. Въ предложеніи: мы учимся, чтобы быть разумными? Форму намѣренія, т. е. выражающую намѣреніе или ожиданіе. Въ предложеніи: будьте внимательны? Форму приказанія. Теперь ясно, что для каждой изъ этихъ формъ имѣется особое наклоненіе, по крайней мѣрѣ полностію въ греческомъ языкѣ.

Мы получаемъ схему, подобную слѣдующей:

Формы (виды) выраженія рѣчи:

А. Дѣйствительность.	В. Представленіе.
Indicativ	1. Ожиданіе (conjunctiv)
	2. Желаніе (optativ)
	3. Приказаніе (imperativ)

Теперь мы имѣемъ вразумительное опредѣленіе наклоненій, насколько оно возможно на основаніи данныхъ до сихъ поръ объясненій:

Indicativ форма дѣйствительности,
Conj. „ ожиданія,
Opt. „ желанія,
Imp. „ приказанія.

Хотя такое представленіе дѣла не можетъ быть признано строго научнымъ, но оно подготовляетъ почву для дальнѣйшаго правильнаго и тонкаго пониманія.

При такомъ способѣ обученія вниманіе должно быть постоянно сосредоточено на томъ, чтобы созерцающую мысль привести до степени пониманія, отъ частнаго къ общему, отъ опыта къ умозрѣнію.

2) На первый взглядъ представляется ближе лежащимъ къ цѣли: отдѣлить созерцаніе отъ логической обработки, слѣдовательно, прямо предложить ряды окончаній и затѣмъ уже сравнивать. Схема была бы нагляднѣе и, повидимому, было бы выиграно больше времени. Въ этотъ смыслѣ и я также въ самомъ началѣ намѣтилъ схему, но предпочелъ аналитическій пріемъ по слѣдующимъ соображеніямъ: каждая форма есть новое представленіе (и притомъ сложное), каждая форма должна получить силу, твердость и чистоту. Эта цѣль достигается тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше я буду 1) изолировать ее, 2) чѣмъ разнообразнѣе буду ее соединять; а это выполняется съ помощію аналитическаго пріема, гдѣ каждая форма изучается сама по себѣ, и именно чрезъ разложеніе на составныя части и чрезъ сравненіе съ наиболѣе родственными образованіями въ отношеніи сходства и различія. Такимъ образомъ, новая форма выступаетъ уже прочно утвержденной въ сознаніи (какъ членъ ряда представленій). Теперь только ассоціируются разнообразные элементы, приведенные уже къ ясности. Члены теперь прочно соединены, но благодаря такой предварительной работѣ они стали легче отдѣлимыми и болѣе подвижными для дальнѣйшаго употребленія.

3) Писаніе на доскѣ и произношеніе хоромъ являются двумя средствами къ увеличенію чувствами воспринимаемаго впечатлѣнія. Здѣсь дѣйствуютъ вмѣстѣ чувство зрѣнія и чувство слуха.

Примѣчанія переводчика.

Представленный вниманію почтеннаго собранія примѣръ школьнаго бученія греческому языку заключаетъ въ себѣ весьма много поучительнао не только для преподавателей греческаго языка, но и для преподаватеей всѣхъ предметовъ школьнаго обученія. Преподаваніе нѣмецкаго педаога г. Рихтера характеризуется такими особенностями и достоинствами, акія не составляютъ принадлежности всѣхъ и каждаго изъ школьныхъ чителей не только русскихъ, но и заграничныхъ.

Нельзя отвергать, что образцовое преподаваніе нѣмецкаго педагога не вободно въ нѣкоторыхъ частностяхъ отъ педантизма; но допустимо и такое явленіе, что тотъ или другой учитель, любящій указывать на свойтвенный характеру нѣмцевъ педантизмъ, какъ въ другихъ дѣлахъ, такъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія юношества, можетъ въ то же время оставаться непоколебимо твердымъ въ школьной рутинѣ, въ тѣхъ пріемахъ способахъ обученія, которые неизмѣнно практикуются какъ въ старшихъ лассахъ, такъ и младшихъ, въ преподаваніи предметовъ какъ раціональныхъ, такъ и положительныхъ. Само собой понятно, что слѣдуетъ учиться нѣмцевъ тому, что заслуживаетъ изученія, и подражать тому, что достойно подражанія, и нѣтъ надобности принимать то, что, будучи несогласно съ духомъ и характеромъ русскаго человѣка, не содѣйствуетъ въ то же время успѣшности и основательности обученія. Никто, конечно, не заставляетъ насъ слѣпо и буквально слѣдовать нѣмецкому педагогу во всѣхъ подробностяхъ его урока: мы можемъ, напр., вмѣсто того, чтобы ставить нижеслѣдующіе вопросы, представляющіеся намъ лишними и безцѣльными: „какія наклоненія уже извѣстны вамъ“; въ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ вы изучили еще третье наклоненіе, какое?“, и вмѣсто того, чтобы тратить время на ожиданіе отвѣтовъ на эти вопросы отъ учениковъ, или самимъ отвѣчать на нихъ, мы можемъ прямо сказать ученикамъ, что кромѣ изученныхъ ими двухъ наклоненій,—изъявительнаго и сослагательнаго, въ греческомъ языкѣ, и третьяго,—повелительнаго, въ латинскомъ, нѣмецкомъ (или французскомъ) и русскомъ, въ греческомъ языкѣ имѣется еще четвертое наклоненіе,—желательное.

Но обратимся къ прямой нашей задачѣ: къ указанію въ преподаваніи нѣмецкаго педагога тѣхъ выдающихся достоинствъ и отличительныхъ особенностей, благодаря которымъ это преподаваніе представляется намъ вполнѣ образцовымъ, весьма поучительнымъ, достойнымъ изученія и подражанія.

Обычный пріемъ изученія глагольныхъ формъ состоитъ въ томъ, что сначала изучаются всѣ формы дѣйствительнаго залога, потомъ общаго и наконецъ страдательнаго, при чемъ въ каждомъ залогѣ проходится сначала одна временная форма по всѣмъ наклоненіямъ, затѣмъ — другая, третья

и т. д. Въ этомъ случаѣ родовыми понятіями являются залоги, видовыми—времена, а наклоненія относятся какъ видовыя понятія къ временамъ и какъ подвидовыя—къ залогамъ. Отсюда ясно, что формы желательнаго наклоненія изучаются какъ составныя части многихъ и притомъ неоднородныхъ цѣлыхъ. Не то мы находимъ у нѣмецкаго педагога, который выдѣляетъ, какъ мы видѣли, желательное наклоненіе во всѣхъ временахъ и залогахъ изъ всей массы глагольныхъ формъ и, распредѣливъ всѣ формы этого наклоненія, по различію соединительныхъ гласныхъ, входящихъ въ составъ образованія этихъ формъ, на три группы, занятъ изученіемъ только одного желательнаго наклоненія. Преимущество такого способа изученія глагольныхъ формъ данной категоріи передъ тѣмъ, какой обыкновенно примѣняется на практикѣ, представляется очевиднымъ и неоспоримымъ. Всѣ формы желательнаго наклоненія суть составныя части отдѣльнаго цѣлаго, отдѣльнаго предмета, образуемаго единствомъ основного значенія всѣхъ этихъ формъ, которыя поэтому должны быть изучаемы вмѣстѣ и въ одно время. Такое изученіе названныхъ формъ тѣмъ болѣе необходимо, что желательное наклоненіе, хотя и отдѣльный предметъ, но предметъ отвлеченный, существующій не самъ по себѣ, не внѣ насъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ сознаніи. Матеріальные предметы, какъ въ цѣломъ, такъ и въ составныхъ своихъ частяхь, даются нашему сознанію готовыми, между тѣмъ какъ отвлеченные предметы открываются и создаются нами самими, путемъ мышленія, совершаемаго нами или самостоятельно, или подъ руководствомъ другихъ. Безъ сомнѣнія, взрослый и развитой человѣкъ легко соединяетъ многочисленные элементы въ одно цѣльное и полное представленіе и въ томъ случаѣ, если эти элементы восприняты имъ въ разное время и наряду съ массой другихъ и даже разнородныхъ впечатлѣній. Но нельзя ожидать такой способности къ творчеству, къ правильному наблюденію, отвлеченію и обобщенію отъ дѣтей и юношей, которые только еще учатся понимать и творить отвлеченные предметы подъ руководствомъ своихъ учителей. Такимъ образомъ, представляется нераціональнымъ и нецѣлесообразнымъ изучать формы желательнаго наклоненія наряду и вперемежку съ формами другихъ несродныхъ категорій и такимъ образомъ отдѣлять одну форму этого наклоненія, одну часть одного и того же цѣлаго, одного и того же предмета, отъ другой значительными промежутками пространства и времени. Въ противномъ случаѣ не можетъ образоваться въ сознаніи учениковъ цѣльнаго и полнаго представленія о формахъ желательнаго наклоненія, какъ о составныхъ частяхъ одного и того же цѣлаго, а потому не можетъ получиться и правильнаго пониманія смысла и значенія этихъ формъ.

Намъ могутъ замѣтить, что установившійся способъ изученія формъ желательнаго наклоненія зиждется на извѣстномъ принципѣ, на достаточ-

юмъ основаніи, заключающемся въ единствѣ временной основы, отъ кото-
рой образуются формы всѣхъ наклоненій того или другого залога. Отвѣтъ на это замѣчаніе приводитъ насъ къ выясненію другой особенности въ преподаваніи нѣмецкаго педагога, которая состоитъ въ томъ, что формы желательнаго наклоненія изучаются имъ одновременно, какъ со стороны формы, такъ и со стороны идеи,—какъ со стороны матеріальной, такъ и логической,—какъ со стороны звуковыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ ихъ образованія, такъ и со стороны значенія. Словомъ, синтаксическое изученіе глагольныхъ формъ не отдѣляется отъ этимологическаго. И мы видѣли, что нѣмецкій педагогъ, пользуясь такимъ пріемомъ изученія желательнаго наклоненія, идетъ къ цѣли путемъ вѣрнымъ и потому достигаетъ полныхъ результатовъ: твердо и прочно усваиваютъ его ученики формы даннаго наклоненія со стороны внѣшней, матеріальной и въ то же время приводятся путемъ аналитическимъ къ ясному пониманію этихъ формъ и со стороны внутренней, со стороны ихъ значенія. Нельзя разсчитывать на полный успѣхъ при изученіи глагольныхъ формъ съ одной только стороны, со стороны этимологической, какъ то бываетъ при обычномъ способѣ изученія этихъ формъ. Въ этомъ случаѣ составные элементы изучаемаго предмета даются ученикамъ неосвѣщенными внутреннимъ ихъ смысломъ, объединяющей ихъ идеей, и такимъ образомъ вводятся въ сознаніе учащихся насильственно и усвояются ими механически. Идея желательнаго наклоненія, основной и существенный признакъ, составляющій его природу, лежитъ не въ звуковыхъ элементахъ, изъ которыхъ состоятъ формы даннаго наклоненія, а въ смыслѣ и значеніи, въ какомъ онѣ употребляются въ языкѣ: форма аориста, напр., въ изъявительномъ наклоненіи не имѣетъ ничего общаго по своему временному значенію съ формой того же времени желательнаго наклоненія: (въ основномъ значеніи сего наклоненія) εἶπες ты сказалъ, εἴποις-о если бы ты сказалъ! желательно, чтобы ты сказалъ; форма аориста въ изъявительномъ наклоненіи указываетъ на дѣйствительный фактъ, имѣвшій мѣсто въ прошедшемъ, тогда какъ форма желательнаго наклоненія выражаетъ не дѣйствительный фактъ, а только представляемый, исполненіе котораго желательно въ будущемъ. Такимъ образомъ, полнаго успѣха мы не достигнемъ, при всѣхъ стараніяхъ и трудахъ, если зададимся цѣлію образовать органически-цѣлое изъ частей разнородныхъ, каковыми являются, какъ мы видѣли, формы аориста въ наклоненіи изъявительномъ, съ одной стороны, и въ желательномъ, съ другой. Вотъ гдѣ скрывается причина того явленія, почему нерѣдко и учениковъ старшихъ классовъ приходится убѣждать, что формы желательнаго или сослагательнаго наклоненія не имѣютъ того значенія, въ какомъ употребляются соотвѣтственныя формы изъявительнаго наклоненія. Дѣло въ томъ, что если при изученіи глаголь-

ныхъ формъ, при распредѣленіи ихъ по категоріямъ, полагается въ основаніе только одинъ этимологическій принципъ, то въ сознаніи учениковъ образуются ложныя представленія о значеніи и употребленіи этихъ формъ: изучая въ IV классѣ формы аориста въ желательномъ наклоненіи на ряду и вперемежку съ формами того же времени въ изъявительномъ наклоненіи, ученики пріобрѣтаютъ твердое убѣжденіе, что всѣ эти формы совершенно тождественны и въ синтаксическомъ отношеніи и съ такимъ убѣжденіемъ переходятъ и въ старшіе классы.

Отличительною особенностію въ преподаваніи нѣмецкаго педагога является и то, что онъ преподаетъ и рекомендуетъ преподавать въ полномъ и постоянномъ согласіи съ требованіемъ латинскаго изреченія—„festina lente“. Медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ идетъ онъ къ цѣли, заранѣе и ясно намѣченной. Обдуманы и соображены съ цѣлію и средства, съ помощію которыхъ онъ медленно, но съ полнымъ успѣхомъ совершаетъ работу. Заранѣе разсмотрѣнъ и матеріалъ, предназначенный для сооруженія зданія: заранѣе опредѣлено, какія части этого матеріала должны пойти въ фундаментъ, какія въ средину постройки и какія на крышу. Приступивъ къ постройкѣ, онъ всего больше времени, труда и вниманія посвящаетъ сооруженію фундамента. Принявъ за фундаментъ постройки твердое и основательное усвоеніе учениками настоящаго времени дѣйствительнаго залога, и совершенно правильно, онъ цѣлый часъ занятъ изученіемъ шести совершенно однородныхъ формъ, отличающихся другъ отъ друга одними только окончаніями, изъ которыхъ четыре притомъ усвоены были учениками раньше. Медленность поистинѣ изумительная и можетъ показаться, пожалуй, не только излишней, но вредной и недопустимой: вредной потому, что можетъ поселить въ учащихся отвращеніе къ предмету, и недопустимой потому, что при такомъ медленномъ веденіи дѣла нельзя, повидимому, пройти положеннаго программой учебнаго матеріала. Что преподаваніе нѣмецкаго педагога разнообразно, интересно для учениковъ и въ то же время плодотворно, видитъ и понимаетъ всякій, но вѣрно и то, что не можетъ учитель разсчитывать на успѣхъ дѣла, если онъ не умѣетъ спѣшить медленно. Если одинъ изъ преподавателей греческаго языка считаетъ достаточнымъ, для упражненія учениковъ во всѣхъ глагольныхъ формахъ, перевести не болѣе пятидесяти предложеній, изъ которыхъ большая при томъ половина переводится учениками дома,—если другой находитъ возможнымъ за одинъ часъ пройти какую либо временную форму по всѣмъ наклоненіямъ и не сопровождаетъ каждую отдѣльную часть этой формы практическими упражненіями, то оба такіе преподавателя спѣшать быстро. Въ самомъ дѣлѣ, если учитель, прочитавъ по учебнику или написавъ на доскѣ личныя формы настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, съ указаніемъ, конечно, на со-

ставные элементы каждой формы, и заставивъ двоихъ—троихъ учениковъ прочитать написанное, немедленно переходитъ къ изученію повелительнаго наклоненія, затѣмъ желательнаго, сослагательнаго, неопредѣленнаго и причастія и изучаетъ всѣ эти наклоненія указаннымъ выше способомъ, то, безъ сомнѣнія, мало что останется въ головѣ учениковъ изъ того, что они видѣли и слышали на урокѣ. Понятно само собой, что не могутъ ученики IV класса, въ преобладающемъ большинствѣ дѣти, усвоить за одинъ часъ тридцать формъ, различныхъ притомъ по своимъ окончаніямъ и соединительнымъ гласнымъ: они лишены возможности останавливаться вниманіемъ на каждой формѣ столько времени, сколько то потребно для твердаго и основательнаго ея усвоенія. Точно также не умѣетъ festinare lente преподаватель всякаго другого раціональнаго предмета, если онъ пользуется въ преподаваніи тѣми способами и пріемами, которые имѣютъ мѣсто при изученіи наукъ положительныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если учитель геометріи, напр., знакомитъ учениковъ съ новымъ матеріаломъ путемъ непрерывныхъ объясненій, могущихъ иногда продолжаться цѣлые полчаса, то не говоря уже объ ученикахъ IV и V классовъ, изъ которыхъ развѣ самые способнѣйшіе вынесутъ что-либо изъ класса, но и ученики старшихъ классовъ, поставленные въ необходимость бѣжать вниманіемъ за быстро удаляющимися отъ нихъ объясненіями учителя, не получатъ отъ такихъ объясненій ожидаемой пользы. Намъ могутъ замѣтить: объяснивъ ученикамъ новый матеріалъ и убѣдившись на слѣдующемъ урокѣ, что они не усвоили надлежащимъ образомъ данныхъ имъ объясненій, развѣ учитель не можетъ не проходить новаго матеріала и весь слѣдующій часъ употребить на выспрашиваніе и выясненіе стараго урока? Можетъ, конечно, и можетъ посвятить своему дѣлу не одинъ только часъ, а два и три. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было тратить дорогое время на мало полезныя толкованія? Почему нельзя было прямо приступить къ дѣйствительному разучиванію урока? Въ данномъ случаѣ учитель медлитъ, но зато и не спѣшитъ, а между тѣмъ для успѣха дѣла слѣдуетъ медлить и спѣшить въ одно и тоже время. Дѣйствительно, слишкомъ медлятъ и мало двигаются впередъ тѣ учители, которые поставлены въ горькую необходимость постоянно возвращаться назадъ: на урокахъ они обучаютъ всему и ничему въ частности; цѣлую массу представленій и понятій стараются они ввести въ сознаніе учениковъ. Правда, большинство этихъ представленій и понятій, а иногда и вся масса, касается объясненнаго уже учебнаго матеріала, а потому учитель полагаетъ, что онъ въ этомъ случаѣ строго держится дидактическаго правила, вытекающаго изъ латинскаго изреченія—„repetitio est mater studiorum“. Но такъ какъ, съ одной стороны. эти представленія и понятія не были въ свое время твердо и основательно усвоены, и такъ какъ, съ другой стороны, твердаго и основательнаго усво-

енія быть не можетъ, если учитель за одинъ часъ сообщаетъ ученикамъ цѣлую массу свѣдѣній, то становится понятнымъ, почему всѣ эти представленія и понятія, признаваемыя учителемъ за старыя, должны являться для учениковъ каждый разъ новыми, или почти новыми. „Ни одного шага впередъ,—говоритъ другой нѣмецкій педагогъ Фризъ, прежде чѣмъ прочно не будетъ утвержденъ въ сознаніи учениковъ предложенный матеріалъ! Ничего не можетъ быть ошибочнѣе, какъ довольствоваться половиннымъ результатомъ и утѣшать себя будущими дополненіями и повтореніями. Въ этотъ именно пунктѣ отличается серьезный и понимающій дѣло учитель отъ непонимающаго и поверхностнаго". (Lehrproben und Lehrgänge, 1892 г., тетр. 33, стр. 70).

Здѣсь самъ собою возникаетъ вопросъ: если всякій понимаетъ всю обязательность и элементарность требованія дидактики, вытекающаго изъ латинскаго изреченія (festina lente), то почему на практикѣ далеко не всѣ преподаватели спѣшатъ медленно? Отвѣтъ на этотъ вопросъ приводитъ насъ къ указанію слѣдующей особенности въ преподаваніи г. Рихтера. Мы видѣли, что въ его преподаваніи и тѣни нѣтъ того, что называется экзаменованіемъ: онъ только учитъ своихъ учениковъ и занятъ исключительно разучиваніемъ даннаго матеріала. Онъ занимается съ цѣлымъ классомъ: всѣ его ученики не только слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ и полнымъ интересомъ за ходомъ работы, но и сами принимаютъ въ ней самое живое и дѣятельное участіе. Иначе и быть не можетъ: только такимъ веденіемъ дѣла обезпечивается успѣхъ школьнаго преподаванія. Совершенно въ другомъ видѣ представляется дѣло въ томъ случаѣ, если школьный учитель отдѣляетъ объясненіе уроковъ отъ выслушиванія ихъ, посвящая тому и другому особое время, и занимается не съ цѣлымъ классомъ, а съ отдѣльными учениками. Очевидно, нельзя назвать такое преподаваніе истиннымъ и дѣйствительнымъ обученіемъ: въ этомъ случаѣ преподаватель является, съ одной стороны, лекторомъ, а съ другой—экзаминаторомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что лекторство характеризуется способомъ чтенія или объясненія, а не количествомъ времени, посвящаемаго объясненію: если учитель въ I или II классѣ непрерывно объясняетъ только 15 или 20 минутъ, то онъ въ этомъ случаѣ лекторъ, а не учитель въ собственномъ смыслѣ. Всякому понятно, что лекторство, или академическое преподаваніе, не можетъ и не должно имѣть мѣста въ школѣ. „Непрерывный разсказъ, говоритъ извѣстный педагогъ Шрадеръ, принадлежитъ университету, въ школѣ же, даже въ высшихъ классахъ, не только ученіе и повтореніе должны чередоваться, но и самый разсказъ долженъ быть прерываемъ и оживляемъ вопросами, или тѣсно примыкающими къ предмету или соотвѣтствующими потребности учениковъ". Для всякаго также очевидно и то, что и экзаменованіемъ многому не научишь школьниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если учитель находитъ

возможнымъ заниматься вразумленіемъ одного ученика, а всѣхъ остальныхъ предоставляетъ самимъ себѣ, такъ что школьники получаютъ свободу заниматься, чѣмъ каждому угодно, и совсѣмъ забываютъ и объ учителѣ и о наукѣ, то очевидно, что такой учитель въ самомъ лучшемъ случаѣ за цѣлый часъ можетъ научить чему-либо только тѣхъ троихъ-четверыхъ учениковъ, экзаменованію которымъ онъ посвящаетъ время, назначенное для обученія всего класса. Вотъ почему разговоры, шалости всякаго рода, занятіе посторонними вещами, невозможныя на урокахъ преподавателей, умѣющихъ заниматься съ цѣлымъ классомъ, обыкновенны и постоянны на урокахъ учителей, такимъ умѣньемъ не обладающихъ. Возможно, конечно, посредствомъ строгихъ наказаній заставить школьниковъ сидѣть въ классѣ смирно, но для дѣла мало пользы отъ такого смирнаго и неподвижнаго сидѣнья, которое одинъ русскій педагогъ называетъ лакейскимъ препровожденіемъ времени, когда человѣкъ остается безъ работы въ рукахъ, безъ мысли въ головѣ. Изъ сказаннаго явствуетъ, почему преподаватели разсматриваемой категоріи не умѣютъ festinare lente, а также и то, почему такіе учители должны обременять своихъ учениковъ непосильными домашними работами и возлагать слишкомъ большія надежды на родителей, родственниковъ, воспитателей и репетиторовъ, которые и помогаютъ имъ обучать школьниковъ школьнымъ наукамъ, а также и на учебники и учебныя пособія. Тотъ же педагогъ Шрадеръ говоритъ: „если неумѣлые или лѣнивые учители на урокахъ больше ничего не дѣлаютъ, какъ только задаютъ и спрашиваютъ, то домашнія работы являются у нихъ главнымъ дѣломъ, а школа только мѣстомъ испытанія и контроля. Результатомъ этого способа является слишкомъ большое напряженіе для домашнихъ работъ. Не только здоровье воспитанниковъ страдаетъ отъ этого обремененія, чего одного уже достаточно для осужденія этого способа, но также опытомъ доказано, что раннее обремененіе учениковъ производитъ вялость послѣ и потребуетъ двойного времени для достиженія цѣли образованія въ послѣдующемъ классѣ“. —„За учебниками и хрестоматіями, говоритъ тотъ же г. Фризъ, находятъ защиту въ своей робости неподготовленные, начинающіе учители, на нихъ же успокаиваются и учители лѣнивые“. (Lehrpr. n. Lehrg., 1892 г. вып. 33, стр. 68). Представляется умѣстнымъ отмѣтить слѣдующій общеизвѣстный фактъ: масса учебниковъ и учебныхъ пособій всякаго достоинства и по всѣмъ предметамъ школьнаго преподаванія выходитъ въ настоящее время. Нельзя отвергать того, что въ этомъ дѣлѣ играютъ нѣкоторую роль интересы коммерческіе. Нельзя также безъ благодарности относиться къ тѣмъ преподавателямъ, которые посвящаютъ свой досугъ составленію лучшихъ сравнительно съ прежними учебныхъ книгъ. Важно для дѣла, чтобы въ рукахъ у учениковъ были учебники несомнѣнно доброкачественные. Однако

и самыя идеальныя учебныя книги не дадутъ ученикамъ не только идеальныхъ знаній, но и посредственныхъ, если не будутъ соблюдаемы другія, болѣе существенныя въ школьномъ преподаваніи, условія. Во всякомъ случаѣ, слишкомъ большія надежды на хорошія пособія свидѣтельствуютъ о томъ, что мало разсчитываютъ на свои собственныя силы тѣ учители, которымъ принадлежатъ эти надежды. Очевидно и то, что эти послѣдніе интересуются главнымъ образомъ внѣшней стороной дѣла, объектомъ ученія, а не субъектомъ, долженствующимъ воспріять ученіе. Сила въ томъ, что далеко недостаточно, для успѣшности и основательности школьнаго обученія, строго систематическаго изложенія науки, при которомъ имѣется въ виду главнымъ образомъ не развитіе учащихся, а строгая логичность и послѣдовательность въ группировкѣ научныхъ истинъ. Для школы требуется главнѣйше система психологическая, строгая послѣдовательность въ знаніи и развитіи учениковъ. Изъ того, что въ рукахъ учениковъ безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ учебникъ, изъ того, что у учителя все въ головѣ ясно, изъ того даже, что онъ излагаетъ уроки вполнѣ логично и вразумительно, еще не слѣдуетъ, что и у учениковъ непремѣнно явится такое же ясное и послѣдовательное представленіе преподанныхъ имъ научныхъ истинъ.

Существеннѣйшая и самая выдающаяся особенность въ преподаваніи г. Рихтера состоитъ въ томъ, что въ основаніи воздвигаемаго имъ зданія онъ полагаетъ ясно сознанныя и потому прочныя психологическія начала. Постоянно имѣя въ виду, какъ въ приготовленіи къ уроку, такъ и при исполненіи его, внутренній міръ своихъ учениковъ, количество и качество пріобрѣтенныхъ ими прежде знаній, степень ихъ умственнаго развитія и силу ихъ способностей, онъ сообразуетъ свое преподаваніе съ дидактическими требованіями, основанными на научныхъ истинахъ и положеніяхъ науки о душѣ. Существеннѣйшее изъ этихъ требованій состоитъ въ томъ, чтобы учитель, какъ на всемъ протяженіи обученія, такъ и на каждомъ урокѣ, на первомъ планѣ ставилъ постоянно не учебный матеріалъ, не объектъ, назначенный для воспріятія, а личность ученика, субъектъ воспринимающій. Въ связи съ указаннымъ требованіемъ находятся и многія другія дидактическія положенія, которыя принадлежатъ педагогамъ школы Гербарта, Стоя и Циллера, полагающимъ въ основаніе педагогики и дидактики изученіе человѣческой природы на различныхъ ступеняхъ ея развитія и въ различныхъ, общихъ и частныхъ, ея проявленіяхъ.

Не знаніе, а интересъ составляютъ по Гербарту цѣль всякаго обученія. Обыкновенно стремятся возбудить въ ученикахъ интересъ, чтобы они учились, но въ педагогическомъ отношеніи правильно обратное положеніе: слѣдуетъ учиться, чтобы пріобрѣсть интересъ для позднѣйшаго времени. Подъ интересомъ разумѣется возбужденіе духовныхъ силъ, развитіе самодѣ-

ятельности духа во всемъ объемѣ его существа; интересъ—это сила, которая направлена на удержаніе и распространеніе нашего духовнаго пріобрѣтенія; интересъ—рычагъ внутренней жизни, живой союзъ между знаніемъ и волей, между представленіемъ и дѣйствіемъ. Учебный матеріалъ долженъ быть приведенъ въ порядокъ и раздѣленъ на многія группы или части; непедагогично излагать его въ непрерывной послѣдовательности; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ матеріалъ не долженъ быть соединяемъ въ массу и энциклопедически; необходимо, чтобы предложенный ученику матеріалъ не подавлялъ его. Въ началѣ каждаго урока должна быть установлена цѣль предстоящей работы и возбуждено плодотворное ожиданіе, интересъ къ предмету этой работы; сила каждаго дѣйствующаго человѣка укрѣпляется достиженіемъ недалеко поставленной цѣли; недостаточно, чтобы шаги были направляемы къ извѣстной цѣли: каждый шагъ долженъ быть самъ по себѣ цѣлію; въ началѣ же урока, при исполненіи подготовительной работы уже извѣстныя ученикамъ представленія должны быть воспроизведены и исправлены посредствомъ предварительнаго объясненія (анализъ), опредѣляемаго предметомъ цѣли; всегда слѣдуетъ рѣзко отдѣлять обработку стараго матеріала отъ объясненія новаго; должно быть установлено правильное отношеніе между индивидуальными особенностями ученика и степенью его образованія, съ одной стороны, и объектомъ обученія, съ другой. За аналитической подготовительной работой должно слѣдовать изученіе новаго матеріала (синтезъ), который (матеріалъ) долженъ быть ясно созерцаемъ и ясно представляемъ учениками, такъ чтобы они въ концѣ урока могли пріобрѣсть духовное господство надъ объектомъ изученія. Цѣль синтетической работы—созданіе новыхъ созерцаній и новыхъ представленій; эта цѣль достигается посредствомъ апперцепціи и ассоціаціи представленій. Отъ апперцепціи, подъ которой разумѣется принятіе какого-либо изъ данныхъ извнѣ созерцаній въ ряды уже имѣющихся въ душѣ, подобнаго же рода, представленій, слѣдуетъ отличать простое воспріятіе (перцепція) извѣстнаго образа посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Важное значеніе при обученіи имѣетъ образованіе рядовъ представленій. Живость интереса зависитъ отъ той легкости, съ которой апперципирующія представленія идутъ навстрѣчу новымъ представленіямъ, и эта легкость достигаетъ высшей степени въ томъ случаѣ, если новыя представленія были ожидаемы и вступленіемъ ихъ въ сознаніе исполняется ожиданіе, которое обусловливается существованіемъ ряда соотвѣтственныхъ представленій. Пріобрѣтенный путемъ синтеза матеріалъ долженъ быть объединяемъ и разсматриваемъ во всѣхъ своихъ частяхъ сравнительно, съ тѣмъ, чтобы посредствомъ группировки и сопоставленія родственныхъ или противоположныхъ элементовъ могли быть расширены и углублены полученныя указаннымъ путемъ созерцанія и

представленія; цѣль такой работы—не увеличеніе только созерцаній и представленій, а образованіе сужденія, углубленіе чувства и ума, слѣдовательно внутренній ростъ въ отношеніи духовнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ урегулированіе этого роста. Представленія должны вступить въ сознаніе въ надлежащей силѣ и чистотѣ и должны быть освобождены отъ всего имъ чуждаго, отъ всего того, что нарушаетъ и затрудняетъ правильное ихъ воспріятіе. Должна быть установлена правильная смѣна между дѣятельностію воспринимающей и производящей, между движеніемъ впередъ и остановкой, между углубленіемъ въ сущность отдѣльныхъ вещей и объединеніемъ ихъ; углубленіе и обозрѣніе пройденнаго должны чередоваться между собою точно также, какъ чередуюся въ физической жизни вдыханіе и выдыханіе. Ученики должны быть упражняемы въ умѣньи примѣнять къ дѣлу пріобрѣтенный матеріалъ; главнѣйшая цѣль въ этомъ случаѣ состоитъ прежде всего въ образованіи воли и способности къ самостоятельному движенію мысли.

Всѣ эти научныя педагогическія и дидактическія требованія, принадлежащія педагогамъ Гербартовской школы, сторонникамъ психологическаго направленія въ преподаваніи, исполнены, какъ мы видѣли, въ образцовомъ урокѣ г. Рихтера и не могутъ быть съ надлежащимъ успѣхомъ примѣняемы на практикѣ преподавателями разсмотрѣнной нами категоріи, именно тѣми, которые строго отдѣляютъ въ преподаваніи объясненіе уроковъ отъ выслушиванія ихъ. Причина въ томъ, что изученіе природы обучаемыхъ ими дѣтей и юношей не составляетъ для нихъ не только задачи первостепенной, но и второстепенной, а потому они не могутъ выполнить, хотя бы и желали и прилагали къ тому труды и заботы, существеннѣйшаго требованія дидактики: дѣтей и юношей слѣдуетъ учить сообразно съ ихъ природой, изъ каковаго требованія вытекаютъ всѣ раціональные и цѣлесообразные способы и пріемы обученія. Отношеніе къ дѣлу у этихъ преподавателей такоеже, какъ и у профессора. Какъ профессоръ считаетъ свою задачу выполненной, если онъ впродолженіи извѣстнаго періода времени сообщитъ студентамъ истинно научныя знанія, изложенныя подробно и въ надлежащей системѣ, такъ точно и для преподавателей разсмотрѣнной нами категоріи главнѣйшая задача состоитъ въ прохожденіи програмы, въ смыслѣ сообщенія ученикамъ положеннаго по программѣ учебнаго матеріала. Какъ профессоръ имѣетъ предъ собою развитыхъ духовно и физически слушателей, также точно и эти учителя не могутъ сообразовать ни своихъ объясненій, ни задаваемыхъ на домъ уроковъ съ уровнемъ знанія и развитія своихъ учениковъ—и такимъ образомъ строятъ зданіе на пескѣ, а не на твердыхъ психологическихъ основаніяхъ.

М. Знаменскій.

24 Декабря
1893 г.

О преподаваніи грамматики русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназій.

Въ числѣ дисциплинъ, входящихъ въ кругъ учебныхъ занятій преподавателя русскаго языка, есть одна, повидимому, область, гдѣ онъ чувствуетъ подъ собой почву болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой отрасли преподаваемыхъ имъ предметовъ. Это—грамматика родного языка. Здѣсь онъ полный хозяинъ, авторитетъ, знающій законы своей науки, точные, ясные, неподлежащіе никакому сомнѣнію. Учитель русскаго языка не можетъ сказать: *не знаю*, когда ему предлагаютъ просклонять *полымя*, опредѣлить, какого рода *мозоль*, какого залога *родиться*, что правильнѣе: *двѣ сажéни*, *двѣ сáжени* или, наконецъ *два сáжня*, и т. п. Отвѣчая на эти вопросы, отчасти лексикологическаго, отчасти грамматическаго характера, учитель въ классѣ и внѣ класса долженъ сказать послѣднее слово; причемъ въ однихъ случаяхъ онъ можетъ опереться на чисто-научныя соображенія, въ другихъ на школьную грамматику, имѣя въ виду готовое, сложившееся въ головѣ спрашивающаго мнѣніе, или такой-то параграфъ учебника. Но тутъ-то присяжному знатоку русскаго языка и приходится почувствовать, что подъ нимъ почва уходитъ и въ такой незыблемой области, какъ грамматика. Неясность, противорѣчія, непослѣдовательность, неправильность опредѣленій и т. п. недостатки учебника заставляютъ преподавателя на время забывать его, изобрѣтать при разборѣ десятую часть рѣчи, частицу, уничтожать предлогъ—приставку, нарѣчіе относить въ область предлога или союза и пр.

Наряду съ этими мелочами школьнаго преподаванія возникаетъ общій вопросъ, чему же учитъ грамматика, какъ наука? Когда-то она учила правильно писать и говорить по-русски; теперь такое опредѣленіе уже не годится, такъ какъ отсутствіе логическихъ ошибокъ не доказываетъ еще его истинности. Если исключить изъ области грамматики правописаніе, ударенія, знаки препинанія, грамматика практическаго значенія не имѣетъ. Наконецъ грамматика русскаго языка не можетъ быть только пособіемъ для изученія древнихъ языковъ.

Намъ говорятъ, что лучшіе мастера слова далеко не были мастерами анализа слова: Пушкинъ былъ плохой грамматикъ, а про Гоголя и говорить нѣчего. Каждый изъ насъ научается владѣть языкомъ, не зная грамматики. Что значитъ правильно говорить?—Если согласно съ тѣмъ, что было раньше, то всякое *новое* литературное произведеніе даетъ цѣлый рядъ неправильностей. Можно бы назвать грамматику ключемъ къ будущему языка, но она всегда относится къ его прошедшему. *По-русски*—терминъ тоже неустойчивый: что было *по-русски* въ прошломъ столѣтіи, теперь уже не *по-русски* и т. п.

Грамматика, какъ исторія родного языка, какъ сводъ правилъ или законовъ языка живого разговорнаго и письменнаго, сводится въ школьномъ преподаваніи на изученіе правилъ правописанія и пунктуаціи, заучиваніе десятковъ двухъ-трехъ терминовъ и правилъ, которыя необходимы и для преподавателей другихъ языковъ, и наконецъ, логическій допросъ членамъ предложенія, практическая и теоретическая цѣнность котораго очень сомнительна, а трудности очень велики Грамматика въ такомъ видѣ не имѣетъ своей особой цѣли, приноситъ очень скромную пользу, терпима, допускается иногда, какъ средство лучшаго уразумѣнія читаемыхъ отзывовъ въ хрестоматіяхъ. А между тѣмъ по программѣ М. Н. П. первые 4 класса—исключительно грамматическіе и въ числѣ занятій по русскому языку на первомъ планѣ стоитъ грамматическій разборъ и т. п. Вотъ на этихъ-то грамматическихъ упражненіяхъ мы и остановимся.

Тридцать лѣтъ тому назадъ Буслаевъ въ одной изъ прекрасныхъ своихъ работъ „О преподаваніи отечественнаго языка“ предложилъ намъ опыты преподаванія начальной грамматики. Здѣсь мы имѣемъ очень цѣнныя указанія относительно того, какъ надо вводить ребенка въ область книжнаго, литературнаго языка (194—237 с.). „Съ самаго начала слѣдуетъ пріучать дѣтей читать такъ, какъ говорятъ и отклонять ихъ, сколько возможно, отъ чтенія чисто механическаго. Затѣмъ учитель „дѣлаетъ разборъ логическій“ по вопросамъ, не говоря ни о подлежащемъ, ни о сказуемомъ и переходя отъ простыхъ предложеній къ болѣе сложнымъ, и вещественный, подъ которымъ разумѣется объясненіе значенія словъ. „Разборъ грамматическій придетъ послѣ“, говоритъ почтенный авторъ. „Удостовѣрившись, что дѣти привыкли вникать въ прочитанное, учитель въ продолженіе урока удѣляетъ отъ чтенія нѣсколько времени на грамматику—столько, сколько нужно для точнѣйшаго уразумѣнія прочитаннаго. Т. о. при чтеніи статей всегда должны быть краткіе грамматическіе эпизоды“ (ib. 295 с.).

„Всего естественнѣе и легче передать дѣтямъ первыя понятія о частяхъ рѣчи въ связи съ понятіями о предложеніи и частяхъ его“ (ib.).

И такъ мы вправѣ ожидать опредѣленія частей рѣчи по синтаксическому

потребленію и того, что называется уже *грамматическимъ* (въ собственномъ мыслѣ) разборомъ. Но этого нѣтъ ни въ упомянутомъ нами сочиненіи Буслаева, ни въ его Исторической грамматикѣ. Разборъ опредѣленій частей рѣчи Буслаева, сдѣланный Потебней (Изъ записокъ по русской грамматикѣ, 2-ое изданіе, IX, 63—75 с.), слишкомъ извѣстенъ, чтобы его повторять.

„Попытка (Буслаева) опредѣлить второстепенные члены предложенія по синтактическому употребленію оказалась неудачной“ (Изъ Зап. 69). Но ту *неудачу* еще болѣе увеличило опредѣленіе тѣхъ же членовъ по ихъ значенію, сдѣланное въ угоду тому направленію, которое было названо логико-грамматическимъ и „произвело такую путаницу въ грамматикѣ“.—„Строго говоря, (оно) не можетъ быть названо логико-грамматическимъ. Въ немъ несравненно болѣе апріорнаго, чѣмъ можетъ дать формальная логика. Такъ напр. въ сбивчивости опредѣленій второстепенныхъ членовъ предложенія логика непричастна, потому что второстепенныхъ членовъ она вовсе не знаетъ, что признаетъ и Буслаевъ“. (ib. 75 с.).

Издатели школьныхъ грамматикъ, желая избѣжать непослѣдовательности въ принципахъ опредѣленія частей рѣчи и членовъ предложенія, отмѣченной у Буслаева Потебней, рѣшили, устранивъ синтактическій принципъ опредѣленія, держаться исключительно значенія и выдержать основаніе дѣленія логически до конца. Но путаница въ такомъ логико-грамматическомъ разборѣ отъ этого не уменьшилась, и на каждомъ шагу встрѣчаются случаи, гдѣ *логическіе* вопросы не даютъ точныхъ указаній. Преподаватель русскаго языка остается по прежнему въ непріятномъ положеніи *авторитета*, который или долженъ умышленно обходить подводные камни грамматическаго разбора, или прибѣгать къ знаменитому „хотя“... но“, чтобы не говорить „и такъ и этакъ можно“, или наконецъ, отдавать предпочтеніе тому или другому объясненію, потому что *такъ лучше*. Положеніе непріятное, какъ я сказалъ, и ненормальное, такъ какъ оно превращаетъ учителя въ какую-то ходячую грамматику, каждый разъ въ трудныхъ случаяхъ являющуюся на смѣну учебника, не дающаго средствъ различить дополненіе отъ обстоятельственнаго слова или опредѣленія.

Возьмемъ примѣры:

„*Въ шапкѣ золота литого* старый русскій *великанъ* поджидалъ къ себѣ *другого изъ далекихъ чуждыхъ странъ*“.

Ученикъ разбираетъ по вопросамъ:

1. великанъ—*какой?*—въ шапкѣ з. л.

2. другого—*какого?*—изъ далекихъ ч. с.

—*откуда?* изъ далекихъ ч. с.

„И капля та блеститъ теперь нарядно жемчужиной въ коронѣ у царя“.

3. въ коронѣ— у *кого?*—у царя.

какой?—у царя, п. ч.=царской. Предпочтеніе отдается, положимъ, второму, какъ случаѣ 2-мъ вопросу: *откуда?* Мы не желаемъ сбивать ученика, предлагая ему спросить еще: *гдѣ?* —у царя.

4. блеститъ—*кѣмъ, чѣмъ?*—жемчужиной.

Какъ?—жемчужиной

Послѣднее—лучше, п. ч.=какъ жемчужина. Положимъ, что для разрѣшенія сомнѣнія во 2-мъ случаѣ мы отправились къ грамматикѣ Кирпичникова.

§ 6. „Опредѣленіе, гласитъ учебникъ, отвѣчаетъ на вопросы: какой? чей? (логика?).

Опредѣленіемъ бываетъ: 1) Имя прилагательное.
2) Мѣстоименіе и причастіе.
3) Существ. въ род. п. безъ предлога (gen. possessivus).
4) Родит. пад. съ предлогомъ *изъ* (g. partitivus).
5) Существ. и мѣстоим. въ другихъ падежахъ съ предлогами и безъ предлоговъ.
6) Имя числительное, количественное и порядковое.

А въ § 7-мъ читаемъ слѣдующее: Обстоятельство мѣста отвѣчаетъ на вопр. *гдѣ? откуда? куда?*

Оно выражается:

1) Нарѣчіемъ мѣста.
2) Существительнымъ въ косновенныхъ падежахъ съ предлогами и безъ предлоговъ.

Примѣняя къ данному случаю (2) пунктъ 5-ый § 6-го и 2-ой § 7-го, ученикъ не знаетъ, какъ быть, а добросовѣстный учитель не можетъ вывести его изъ этого затрудненія, оставаясь вѣрнымъ не учебнику, а той систетѣ грамматической, которая вообще господствуетъ въ школахъ.

Кстати, 6-ой пунктъ § 6-го и нечерезчуръ догадливаго ученика наводитъ на сомнѣнія: библіотека моя состоитъ изъ *трехъ* книгъ—на вопросы *какой? чей?*—*трехъ* не отвѣчаетъ; а вопросъ *сколько*, въ новыхъ изданіяхъ устраненный въ угоду рецензентамъ, нельзя поставить. Чтобы показать, какъ безцеремонно дѣлаются подобныя элиминаціи въ краткихъ учебникахъ, приведу еще одно мѣсто изъ той же грамматики: „Въ.... случаѣ (пять книгъ) числительное считается не за опредѣленіе, а за *грамматическое* подлежащее“, а о *логическомъ*, которое имѣется въ виду авторомъ, раньше—ни слова.

Неправильность приведеннаго выше опредѣленія очевидна. Съ перваго взгляда оно кажется только неполнымъ, но неполнота эта явилась

слѣдствіе стремленія удовлетворить логикѣ *вопросовъ*. Выйти изъ этого за-рудннтельнаго положенія нельзя и такимъ образомъ: „Опредѣлительными ловами называются второстепенные члены предложенія, указывающіе или *чество* или *порядокъ* или *количество*, или *объемъ* предмета". — Говоря о ругихъ членахъ предложенія, авторъ заявляетъ. что подлежащее, допол-ніе могутъ быть выражены какою-угодно частью рѣчи, не давая ни ма-йшаго указанія на то, какъ это происходитъ, и предлагая лишь примѣ-ы. Его упрекали въ слишкомъ *формальномъ* направленіи учебника; онъ ду-алъ удовлетворить *логикѣ* критиковъ и въ угоду имъ надѣлалъ логиче-кихъ ошибокъ. Грамм. Смирновскаго.

Руководясь *логикой языка*, другой авторъ къ обстоятельственнымъ сло-амъ, общепринятымъ въ существующихъ учебникахъ, присоединилъ еще бстоятельства *уступленія* (Боль сказывается и безъ языка) и *условія* или *словной причины*. (Безъ соли безъ хлѣба—худая бесѣда; въ пустомъ го-одкѣ и сидни дороги): нелогично, видите ли, опущеніе уступленія и усло-ія въ смыслѣ обстоятельствъ *тѣмъ болѣе*, что въ тѣхъ же учебникахъ оворится о предложеніяхъ уступительныхъ и условныхъ.

Много можно бы привести случаевъ, когда создаются схемы, преслѣ-ующія совершенно внѣграмматическія цѣли. Укажу лишь еще на одинъ примѣръ. Автору статьи о полныхъ придаточныхъ предложеніяхъ (въ фев-альской книжкѣ Ж. М. Н. П.), Андрееву, грамматическій разборъ подска-алъ нѣчто такое, что сразу никому не пріидетъ въ голову: всѣ придаточ-ыя предложенія—аппозитивны, такъ какъ и въ мѣстоименіяхъ относитель-ыхъ и въ *нарѣчіяхъ* (?) и въ союзахъ, подчиняющихъ придаточныя пред-оженія, корень *к* опредѣляетъ соотвѣтствующія слова главнаго предложе-ія съ коренемъ *т* (тогда, когда и пр.).—Такимъ же образомъ можно до-казать, что выраженіе: *въ шапкѣ золота литою* служитъ опредѣленіемъ по-тому, что предполагаетъ аттрибутивное сочетаніе: *великанъ, шапка золото итое* по образцу *чоботъ зеленъ сафьянъ* и пр. Здѣсь смѣшиваются двѣ раз-личныя точки зрѣнія: этимологическая (другими словами, историческая) и синтактическая (описательная) будто бы по требованію логики, во имя ко-торой уничтожается совершенно разница между кочевникомъ III-го вѣка по Р. Х. и совершенно культурнымъ его потомкомъ; что не позволительно въ исторіи, то допускается въ грамматикѣ.

Всѣ пріемы логической грамматики освѣщены впрочемъ давно уже въ Запискахъ Потебни (Введеніе гл. VIII), и мнѣ пришлось бы много сдѣлать выписокъ для полноты разсужденія. Я приведу только слѣдующее замѣча-ніе этого ученаго: Подчиненіе грамматики логикѣ сказывается всегда въ смѣшеніи и отождествленіи такихъ явленій языка, которыя окажутся различными, если приступить къ наблюденію съ одной предвзятой мыслью

о томъ, что апріорность въ наблюдательныхъ наукахъ, каково языкознаніе, весьма опасна“. Для логической грамматики индивидуальныхъ различій языковъ не существуетъ, какъ не имѣетъ значенія и грамматическая правильность. Она нивеллируетъ живую рѣчь до такой степени, что въ работахъ учениковъ старшихъ классовъ гимназій, если нѣтъ грамматическихъ ошибокъ, хоть шаромъ покати: ни одной бойкой мысли, ни одного свободнаго русскаго выраженія.

Грамматика въ школѣ не должна являться средствомъ къ отдаленнымъ цѣлямъ, какими намъ кажутся логико-грамматическія схемы, логика языка, а пріемы живой рѣчи въ ея свободномъ теченіи. Боязнь, что *грамматика* мертвитъ, убиваетъ жизненность, цвѣтъ и красу слова, на мой взглядъ есть предразсудокъ, ложный страхъ. Грамматика должна знакомить ученика съ стилемъ, архитектоникой языка, а не являться исключительно средствомъ томительнаго расчлененія предложеній на части рѣчи и члены предложенія. Одно или рядъ предложеній окажется въ такомъ случаѣ не канвой, по которой грамматика вышиваетъ свои узоры, а живой картиной, которая читается, воспринимается при помощи грамматики. Несправедливость мнѣнія, будто ребенокъ какъ-то самъ, безъ помощи грамматики, понимаетъ литературную рѣчь, по моему очевидна. Не менѣе очевидна невѣрность взгляда, будто слогъ образуется въ тайникахъ души, подъ воздѣйствіемъ какихъ-то таинственныхъ силъ духа, какого-то наитія. Думать такъ, значитъ возвращаться къ миѳическимъ временамъ. Грамматическія знанія несомнѣнно идутъ вслѣдъ за открытіемъ новыхъ сферъ языка, развитіемъ литературы, поэзіи; но и успѣхи послѣдней зависятъ отъ успѣховъ языкознанія.

Обыкновенно приводятъ слова Потебни, который выразился однажды о себѣ, что онъ потому могъ заняться грамматикой (и сдѣлалъ многое въ этой области), что въ дѣтствѣ не зубрилъ грамматическихъ правилъ, въ доказательство того, что грамматика въ гимназіи должна быть допускаема только по необходимости. Тутъ—недоразумѣніе. Потебня въ частной бесѣдѣ не разъ выражалъ сожалѣніе, что поздно началъ учиться, читать и понимать читаемое; что только грамматическое освѣщеніе читаемаго открываетъ глубокій смыслъ слова, какъ орудія и результата мысли. Цѣль теоретическаго изученія языка вообще, (а таковое, по его же словамъ, и составляетъ главную задачу обученія) и грамматики въ частности состоитъ въ томъ, чтобы довести до сознанія тѣ цѣли, которыхъ достигаетъ языкъ, и средства, при помощи которыхъ онѣ достигаются. Возраженіемъ не можетъ служить то, что, повидимому, практика языка часто не предполагаетъ теоріи: разница громадная, безсознательно или сознательно пользуемся мы языкомъ, воздухомъ, пищей и т. п.

Если элементарное теоретическое языкознаніе считается у насъ средоточіемъ преподаванія въ среднихъ школахъ, говоритъ Потебня, то это не предразсудокъ, а или новая истина, или новое заблужденіе. Надо полагать, что это истина, что вслѣдствіе этой истины жизнь у насъ усилитъ спросъ и на высшее теоретическое языкознаніе. Собственно говоря, самое первоначальное обученіе грамотѣ уже есть первый шагъ къ анализу языка: азбука представляетъ уже расчлененіе звуковаго состава словъ,—актъ чисто научный, т. к. способъ разложенія предполагаетъ теорію. Дальнѣйшее же обученіе грамматикѣ состоитъ не только въ разложеніи звуковаго состава словъ, но и состава рѣчи. По программѣ оффиціальной теоретическое изученіе языка, (какъ было сказано), поставлено въ центрѣ преподаванія. Здѣсь умѣстно предложить вопросъ, есть ли это предразсудокъ навязанный обществу извнѣ? На это можно отвѣтить только: *нѣтъ!*—если подъ предразсудкомъ разумѣть то, что по малороссійской пословицѣ „было правдой, да заржавѣло".

Итакъ грамматика—необходима и въ большомъ объемѣ, чѣмъ до сихъ поръ она преподавалась въ гимназіи, и на другихъ началахъ. Логика мышленія выиграла бы только, если бы на первыхъ шагахъ дѣтей не забивали безплоднымъ логико-грамматическимъ разборомъ, доходящимъ до какой-то механической бухгалтеріи, счета предложеній и т. п.

Искусство найти золотую средину между логикой и грамматическимъ разборомъ есть во всякомъ случаѣ одна изъ трудныхъ задачъ преподаванія. Мнѣ кажется, что надо бы совершенно отказаться отъ господствующей системы такъ называемыхъ логическихъ вопросовъ, примѣняя ихъ только на первыхъ ступеняхъ знакомства съ предложеніемъ съ цѣлью не опредѣленія второстепенныхъ членовъ предложенія, а того, что во французскихъ учебникахъ называется développement de l'idée или dévoleppement d'un sujet de rédaction *)—этого перваго шага обученія письменному и устному изложенію.

Остается вопросъ, какъ изучать грамматику, какъ дѣлать грамматиче-

---

*) Я имѣю въ виду учебникъ A. Duplessis. Grammaire lexique de la langue française. Cours élémentaire et moyen. Libr. Hachette et Cie. Для примѣра приведу упражненіе изъ урока 25-го: *Кошка*. Разовьемъ понятіе, выражаемое словомъ *кошка*. Что такое кошка? Животное. Какое животное? Домашнее? Напишемъ: *кошка есть домашнее животное*. - Для чего служитъ кошка? или почему кошку держатъ въ домѣ?—Напишемъ: *Её держатъ въ домѣ, потому что она истребляетъ мышей.*

Кошка ѣстъ мышей. Сначала кажется, что къ этому нельзя ничего совершенно прибавить. Будемъ разсуждать: Гдѣ была мышь? Въ хлѣбномъ амбарѣ. Что дѣлала тамъ? Грызла мѣшки. Что было въ этихъ мѣшкахъ? Зерно и мука. Напишемъ: *Мышь грызла въ хлѣбномъ амбарѣ мѣшки, въ которыхъ хранилось зерно*. Гдѣ была кошка? Также въ амбарѣ. Если она ѣстъ мышей, значитъ она услыхала, что тамъ есть мыши. Нап.: *Кошка услыхала, что тамъ есть мышь*. Что она сдѣлала, когда почувствовала близость мыши?—*Она бросилась на нее, схватила и съѣла.*

скій разборъ. На это есть прямыя указанія въ трудѣ Потебни. Извлечь изъ нихъ необходимое для элементарнаго преподаванія представляется намъ задачей трудной, но не невозможной. Надо имѣть въ виду не буквальныя опредѣленія этого ученаго, а его систему и точку зрѣнія на языкъ и его методологическія пріемы: не давать впередъ голыхъ опредѣленій и не дѣлать ненужныхъ обобщеній. Для грамматическаго разбора, напр., второстепенныхъ членовъ предложенія можно принять его дѣленіе на согласуемые и несогласуемые члены и обстоятельства—нарѣчія. Его опредѣленіе всѣхъ частей рѣчи и членовъ предложенія почти безъ измѣненія легко ввести въ среднюю школу: дѣло только въ умѣніи это сдѣлать.

12 февраля
1894 г.

В. Харціевъ.

О задачахъ серьезной педагогической литературы.

ММ. Гг.! Задумываясь надъ судьбой педагогическаго дѣла въ Россіи, нельзя не прійти къ тому заключенію, что въ немъ есть немало недостатковъ и что нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть устранены при дружномъ участіи педагоговъ и педагогической литературы. Мнѣ кажется, о нихъ то и подобаетъ говорить, такъ какъ недавно открытому Педагогическому отдѣлу Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества является возможность сдѣлать свой вкладъ, который, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ быть весьма цѣннымъ.

Наши педагогическіе журналы („Русская Школа", „Вѣстникъ Воспитанія", „Педагогическій Сборникъ", „Гимназія" „Русскій Начальный Учитель") стараются, по мѣрѣ силъ, разрабатывать педагогическіе вопросы и разрѣшать назрѣвающія педагогическія нужды. Однако, относясь сочувственно къ современной педагогической журналистикѣ, сознавая, что она усиленно работаетъ, встрѣчая слабую поддержку со стороны публики (хотя въ послѣднее время интересъ къ педагогическимъ вопросамъ какъ будто возрастаетъ), мы должны отмѣтить, что большинство статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ и помѣщаемыхъ въ педагогическихъ журналахъ касается текущихъ педагогическихъ потребностей, вызываемыхъ практикой. Всѣ эти вопросы вращаются, главнымъ образомъ, въ области дидактики и методики. Весьма рѣдки статьи и изслѣдованія психологическаго характера. Такъ что, если исключить подобнаго рода статьи, помѣщаемыя въ „Вопросахъ философіи и психологіи" (журналѣ, не имѣющемъ, впрочемъ, непосредственнаго отношенія къ педагогіи), то окажется, что отдѣлъ нашей педагогической психологіи весьма слабъ. При плохомъ спросѣ на серьезныя книги, еще болѣе слабымъ является у насъ отдѣлъ корифеевъ педагогической литературы. Стыдно сознаться, что до сихъ поръ мы не имѣли полнаго собранія сочиненій Амоса Коменскаго и имѣли весьма смутныя представленія о его важныхъ заслугахъ для педагогіи. Этотъ „великанъ творческаго духа и мысли" далеко не былъ извѣстенъ всѣмъ педагогамъ, а его „Великая Дидактика" не только не была настольною книгою, но и весьма мало привлекала къ себѣ вниманіе. Только

трехсотлѣтній юбилей, отпразднованный въ 1892 г., способствовалъ возникновенію мысли объ изданіи трудовъ Коменскаго, но и до сихъ поръ эта мысль не получила осуществленія въ полномъ объемѣ. Изданы пока „Великая Дидактика“ и „Мелкія статьи, примыкающія къ ней“, а г. Янчевецкимъ въ журналѣ „Гимназія“ недавно оконченъ переводъ Открытой двери языковъ (Janua linguarum reserata).

Даже нѣмецкіе педагоги, Песталоцци, Дистервегъ, Франке, Гербартъ, о которыхъ намъ чаще приходится слышать, извѣстны намъ только по компиляціямъ; [1]) о полномъ изданіи ихъ сочиненій никто не думаетъ.

Но такъ какъ изданіе переводовъ классиковъ педагогической литературы дѣло отдаленнаго будущаго, то, по крайней мѣрѣ, желательно въ скоромъ времени приступить къ изданію „Педагогической Хрестоматіи“, которая заключала бы въ себѣ избранныя мѣста изъ твореній великихъ педагоговъ всѣхъ временъ и народовъ. На первомъ планѣ, конечно, нужно поставить Платона, Аристотеля, св. отцевъ церкви, особенно Іоанна Златоуста. Педагогическая хрестоматія могла бы быть построена приблизительно по тому плану, по какому построены историческія хрестоматіи Гуревича и Покровскаго. Образцы, конечно, найдутся и въ западноевропейской литературѣ, но къ нимъ надо относиться осторожно, чтобы не вышло рабской компиляціи; намъ придется обратить главное вниманіе на то, чтобы удѣлить достаточно мѣста важнѣйшимъ идеямъ новыхъ и старыхъ русскихъ педагоговъ. Такая хрестоматія, знакомя съ первоисточниками, могла бы возбудить у учащейся университетской молодежи охоту и желаніе приняться за самостоятельныя изслѣдованія и работы въ области педагогической литературы т. е. такія изслѣдованія, до которыхъ все еще у насъ такъ мало охотниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и молодымъ педагогамъ она дала бы необходимыя точки опоры въ ихъ дѣятельности, безъ которыхъ они, что „корабль безъ гвоздій“.

Но что особенно бѣдно и какія статьи не привлекаютъ къ себѣ вниманія изслѣдователей, такъ это статьи историко-педагогическія. Мы имѣемъ переводы сочиненія Карла Шмидта „Исторія педагогики“, Карла Раумера „Исторія воспитанія и ученія отъ возрожденія классицизма до нашего времени (съ выдержками изъ излагаемыхъ сочиненій)“; компилятивный трудъ

---

[1]) Изданы только Ж. Ж. Руссо. Собраніе сочиненій. Изд. Н. Тиблена. Спб. 1866. (вышли изъ продажи; Ад. Дистервегъ. Избранныя педагогическія сочиненія. Изд. журн. „Семья и Школа“ Спб. 1885 г. Избранныя педагог. сочиненія Генр. Песталоцци. Т. I. Лингардтъ и Гертруда. Ч. I и 2 пер. В. Смирнова. Изд. К. Тихомірова и А. Адольфа. 1893 г. Въ 1889 г. въ видѣ приложенія къ журналу „Рус. Нач. Уч.“ были изданы Лингардъ и Гертруда, (въ сокращеніи М. Воскресенской). Изъ англійскихъ педагоговъ намъ извѣстны: Г. Спенсеръ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. 1892 г. А. Бэнъ. Воспитаніе, какъ предметъ науки. Пер. Резенера. 1879 г.

Л. Модзалевскаго „Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ временъ (съ краткимъ очеркомъ русской до-Петровской школы)“, нѣсколько небольшихъ компиляцій, но у насъ нѣтъ „Исторіи русской педагогіи“, даже отдѣльныя монографіи и изслѣдованія, относящіяся къ этому вопросу весьма рѣдки. Прекрасныя изслѣдованія Лавровскаго, Владимірскаго-Буданова, Мордовцева не встрѣтили продолжателей. Считаемъ нужнымъ добавить, что самыя эти изслѣдованія были напечатаны въ спеціальныхъ изданіяхъ, трудно разыскиваемыхъ въ провинціи, такъ что съ увѣренностью можно сказать, что многіе изъ практиковъ-педагоговъ даже не подозрѣваютъ объ ихъ существованіи. Вслѣдствіе отсутствія „Исторіи русской педагогіи“ среди образованной читающей публики довольно распространено то мнѣніе, которое отъ времени до времени повторяется и проводится въ газетахъ, журналахъ и популярныхъ брошюрахъ, что русская педагогія исторіи не имѣетъ, что она создалась только усиліями Пирогова и Ушинскаго. Не умаляя заслугъ этихъ почтенныхъ педагоговъ, отдавая имъ должное, нельзя не признать, что такія ложныя мысли вредно отзываются и на педагогической дѣятельности и на педагогическихъ статьяхъ. Можно ли строить въ какой либо изъ наукъ прочную теорію, оторвавшись отъ исторіи и можно ли ожидать серьезныхъ успѣховъ отъ той науки, которая отрицаетъ существованіе исторіи?

Особенно печальной участи подверглась древне-русская педагогія. Она, за рѣдкими исключеніями, никогда не была предметомъ серьезныхъ изслѣдованій и изысканій. Если исключить упомянутыя выше статьи Лавровскаго, Владимірскаго-Буданова, Мордовцова и прибавить еще нѣсколько другихъ (напр. Данилевскаго, Сухомлинова), то этимъ не многимъ и ограничивается наше знаніе древне-русской педагогіи. При этомъ даже немногіе цѣнные факты, разбросанные въ упомянутыхъ статьяхъ, никогда не были приведены воедино, не было попытки дать имъ посильное разъясненіе и освѣщеніе. А между тѣмъ такая исторія древне-русской педагогіи [1]) дѣло необходимое и могла бы пролить свѣтъ на многія современныя намъ явленія. Особенно необходимы работы по первоисточникамъ, изслѣдованія памятниковъ и архивнаго матеріала въ педагогическомъ отношеніи. Мы несомнѣваемся, что въ нашихъ книгохранилищахъ есть не мало еще матеріаловъ, важныхъ въ педагогическомъ отношеніи и почти вовсе не обслѣдованныхъ. О нашихъ изслѣдователяхъ древне-русской педагогіи, за немногими исключеніями, можно сказать, что они почти вовсе не касались, такъ ска-

[1]) Мимоходомъ замѣтимъ, что авторъ предлагаемаго доклада занятъ этимъ вопросомъ и въ скоромъ будущемъ намѣренъ издать исторію древне-русской педагогіи, но такая исторія есть только первая попытка; объедненіе педагогическаго матеріала, полная исторія— дѣло отдаленнаго будущаго.

зать, внутренней стороны вопроса и довольствовались сообщеніемъ внѣшнихъ фактовъ. Такъ, напр., найдя извѣстіе о школахъ въ томъ и другомъ вѣкѣ, они его приводили и этимъ и ограничивались.

Наши интересные и поучительные рукописные сборники, Пчелы, Изморагдъ, Златоструй, Златыя Цѣпи, имѣвшіе несомнѣнно большое распространеніе въ древне-русскомъ обществѣ, не разсмотрѣны въ педагогическомъ отношеніи; не приведены во-едино тѣ педагогическія идеи и воззрѣнія, которыя въ нихъ заключаются и которыми питалось и руководилось древне-русское общество. Изморагды, Златыя Цѣпи, Пчелы, Златоструи и Златоусты все еще ждутъ своихъ изслѣдователей, которые собравъ по крупицамъ педагогическія и религіозно-нравственныя идеи, въ нихъ заключающіяся, могли бы пролить свѣтъ на темную область древне-русской педагогіи. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ изъ рукописнаго сборника „Пчела“ [1]). Онъ начинается словами: „А конецъ добродѣтели имѣти в помышленіи покаяніе и любовь ко всѣмъ“. Далѣе „Не богатство рай отверзаетъ, ни широкаго путя сладость, но нищета“. „Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша. Претерпѣвый до конца то и спасется“ [2]) (изъ Ефрема). „Имѣя смирение покоряетъ бѣсы, а не имѣя смирения покоренъ будетъ бѣсомъ“ (Ефремъ). Смиряйся вознесется. А возносяйся смирится (Сираховъ). „Послушание болѣе есть поста и пустыннаго жития. Самъ бо Господь нашъ Іисусъ Христосъ послушливъ бывъ даже до смерти“. „Аще печаленъ еси помолися Богу, радостенъ ли еси смирися“ (Апостолъ, стр. 25). „Смирением душа украшается аки нѣвѣста монисты“. „Аще будете держитъ чисто тѣло свое можетъ добро быти всякое дѣло“ и т. д.

Намъ могутъ сказать, что это выдержки изъ Библіи, св. Отцовъ, Евангелія и т. п. что здѣсь нѣтъ или очень мало своего, оригинальнаго. Но напомню прекрасныя слова Н. А. Лавровскаго, „что въ старинной нашей литературѣ не различалось строго свое отъ чужаго, чужое или вполнѣ принималось за свое, если оно вполнѣ согласовалось съ понятіями, съ умственными и нравственными потребностями народа, или постепенно подводилось подъ уровень этихъ потребностей, согласовалось съ ними; усвоенное такимъ образомъ чужое становилось своимъ, начинало дѣйствовать на жизнь, какъ самостоятельно выработанный его образовательный элементъ“. Безъ сомнѣнія, наиболѣе часто встрѣтятся мысли о смиреніи, терпѣніи, послушаніи, о трудѣ, нищелюбіи, безмолвіи, страхѣ Божіемъ, о спасеніи души—эти-то мысли слѣдовало бы собрать и привести въ систему. Мысли

---

[1]) Любезно доставленъ намъ Ив. Ник. Михайловскимъ (Нѣжинъ) изъ его собственной библіотеки, богатой рукописными сборниками.

[2]) Въ этихъ и подобныхъ словахъ, настойчиво проводимыхъ чрезъ многіе сборники, кроется чуть не цѣлая своеобразная педагогическая система.

эти, правда, афористичны, но только въ такомъ видѣ онѣ и были доступны пониманію древне-русскихъ книжниковъ и начетчиковъ, не получившихъ правильнаго школьнаго образованія, не прошедшихъ чрезъ строгую школу мышленія; отъ этого, впрочемъ, въ цѣнѣ онѣ ничего не теряютъ.

Вліяніе педагогическихъ взглядовъ Іоанна Златоуста отмѣчено Н. А. Лавровскимъ въ его „Памятникахъ стариннаго русскаго воспитанія" [1]), но эту прекрасную мысль слѣдовало бы развить съ большей полнотой. Надо бы полнѣе изучить воспитательныя идеи и идеалы Іоанна Златоуста и показать насколько онѣ проникали въ древне-русскую жизнь и литературу, вліяли смягчающимъ образомъ на нравы. Извѣстно, что сборникъ Златоструй состоитъ изъ словъ, выбранныхъ изъ разныхъ бесѣдъ Златоуста. Извѣстно, что въ сборникѣ, носящемъ названіе Златоуста, кромѣ поучительныхъ словъ и бесѣдъ св. Златоуста, помѣщались слова и другихъ отцевъ, напр. Ефрема Сирина, Василія Великаго, Григорія Антіохійскаго. Извѣстно также, что Златоустъ былъ въ большомъ употребленіи въ древне-русскомъ обществѣ (объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ неоднократные „изводы" сборника) и что въ разныхъ сборникахъ встрѣчается много словъ, заимствованныхъ изъ него. Изслѣдователямъ предстоитъ собрать и свести воедино педагогическія идеи и воззрѣнія, разбросанныя въ различныхъ сборникахъ, показать, что принадлежало Отцамъ Церкви и что было привнесено своего, оригинальнаго или, по крайней мѣрѣ, какія мысли особенно занимали русское общество.

У Н. А. Лавровскаго приведены въ его „Памятникахъ стариннаго русскаго воспитанія" двѣ весьма цѣнныя рукописи съ педагогическимъ характеромъ:

1. Слово и притчи о наказаніи дѣтей къ родителямъ своимъ [2]) (рукопись конца XVII в.).

2. Предисловіе къ пречестнѣйшему князю Петру Михайловичу Черкаскому, въ чину ученичества возлежащу отъ его учителя [3]). Послѣдняя рукопись представляетъ драгоцѣнный педагогическій сборникъ конца XVII в., служившій не только для старинныхъ русскихъ воспитателей, но и для дѣтей. Замѣчательныя историко-педагогическія изслѣдованія Н. А. Лавровскаго стоятъ почти особнякомъ и не вызвали новыхъ изслѣдователей архивнаго матеріала, важнаго въ воспитательномъ отношеніи.

Заслуживаютъ нашего вниманія и патерики. „Патерики синайскій и скитскій" говоритъ Буслаевъ [4]), проникнутые самою восторженною поэзіею

[1]) Чтеніе въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1861 г. Книга 3-я.

[2]) Изъ сборника XV в. по катал. И. П. Б. № 209 Толст. I, 314.

[3]) Описаніе славяно-россійск. рукоп. графа Ѳ. А. Толстова Москва 1825 въ от. II подъ № 251 и ст. 409.

[4]) Буслаевъ. Историч. очерки русской народ. слов. и искусства II 231, 232.

отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI вѣка и до XVII включительно. Исторія о Варлаамѣ и Іосафатѣ—царевичѣ, вся основанная на идеализаціи пустынно-жительства, пользовалась въ древней Русси такою популярностью, что даже отразилась въ народной поэзіи стихами объ Асафьѣ—царевичѣ и о похвалѣ пустыни. Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ прологи, имѣли громадное вліяніе на древнерусскую литературу. Въ ежедневномъ чтеніи пролога онѣ заучивались наизустъ, нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ и отражались въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынно-жительства въ безлюдныхъ захолустьяхъ русской земли".

Историко-литературное значеніе Житій Святыхъ давно признано. Г. Бестужевъ-Рюминъ [1]) говоритъ: „этотъ отдѣлъ исторической литературы имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; религіозный элементъ стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ древней Руси; онъ сплетается со всѣми явленіями жизни, какъ политическими, такъ и общественными и семейными... и потому житія святыхъ служатъ однимъ изъ первостепенныхъ источниковъ для историка". И однако, Житія Святыхъ почти вовсе не были обслѣдованы въ педагогическомъ отношеніи. Нѣкоторая попытка недавно была сдѣлана г. Соболевскимъ и его рѣчи „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ [2]), гдѣ онъ пользуется Житіями Святыхъ для того чтобы показать, что образованность и грамотность въ XV в. было гораздо болѣе значительны, чѣмъ сколько полагаютъ. На основаніи Житій Святыхъ г. Соболевскій приходитъ къ тому заключенію, что хотя въ Московской Руси XV вѣка не было ни правительственныхъ, ни общественныхъ школъ, но за то было въ ней много частныхъ „училищъ", т. н. св. Серапіонъ, потомъ архіепископъ Новгородскій, въ XV в. научился грамотѣ, повидимому, въ своей родной деревнѣ близъ Москвы; для св. Александра Свирскаго нашлось училище въ родной деревнѣ въ Обонежьѣ; для св. Зосимы Соловецкаго въ родномъ селѣ тоже въ Обонежьѣ, для св. Антонія Сійскаго—въ селѣ близъ Бѣлаго моря; для св. Александра Ошевенскаго—въ деревнѣ близъ Бѣлаго Озера; св. Мартиніанъ Бѣлозерскій былъ отданъ въ училище, находившееся близъ Кириллова монастыря. Слѣдовательно, въ томъ вѣкѣ не только подъ Москвою, но даже въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, какъ поселенія нашего далекаго сѣвера не было недостатка въ училищахъ" [3]).

Эти факты, такъ сказать, внѣшніе, весьма цѣнны для насъ, но, по мо-

---

1) Русская Исторія т. I, ст. 43--44.

2) Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1892 г.

3) Ib. ст. 14.

ему, еще цѣннѣе не отмѣченные внутренніе педагогическіе факторы, тѣ религіозно-нравственныя идеи, которыми руководились лучшіе люди древней Руси, и которые въ изобиліи встрѣчаются въ Житіяхъ Святыхъ. Эти идеи играли несомнѣнную роль въ дѣлѣ воспитанія народа, а потому цѣнны для историка русской педагогіи; онѣ всѣ еще ждутъ своихъ изслѣдователей. Въ видѣ примѣра укажу на житіе Юліаніи Лазаревской [1]), весьма важное въ историко-педагогическомъ отношеніи.

Даже XVII вѣкъ—вѣкъ живой и многообѣщающій, вѣкъ многократно привлекавшій и привлекающій вниманіе изслѣдователей, остается все еще неразъясненнымъ въ историко-подагогическомъ отношеніи. Даже такой существенно важный вопросъ, существовали ли или нѣтъ греко-латинскія школы въ Москвѣ до открытія Славяно-Греко-Латинской Академіи остается открытымъ. Говорю это въ силу тѣхъ обстоятельствъ, что рѣшительная статья г. Каптерева, помѣщенная въ 1889 г. въ прибавленіяхъ къ Твор. Св. Отцевъ, не встрѣтила возраженій и не возбудила новыхъ изслѣдованій по этому важному и интересному вопросу. А вопросъ такого сорта, что надъ нимъ стоило бы призадуматься. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ историки, писавшіе до сихъ поръ и касавшіеся такъ или иначе XVII в., признавали существованіе греко-латинскихъ школъ, такъ думали и мы, опираясь на авторитеты академика Л. Н. Майкова, Татарскаго, Мирковича и вдругъ оказывается, что никакихъ греко-латинскихъ школъ въ Москвѣ въ XVII в. до открытія Славяно-Греко-Латинской Академіи не было. Статья г. Каптерева появилась въ серьезномъ журналѣ еще въ 1889 г., однако и до сихъ поръ, какъ мы сказали, не встрѣтила ни опроверженій, ни подтвержденій, по крайней мѣрѣ, таковыя намъ не извѣстны.

Л. Н. Майковъ въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII стол.“ [2]) говоритъ, что Симеономъ Полоцкимъ была основана школа въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ и что въ ней „первыми учениками были молодые подъячіе Тайнаго Приказа“. По свидѣтельству приходо-расходныхъ книгъ Приказа, школа учреждена была для того, чтобы „учиться по латынямъ“ и для „грамматичнаго ученья“. Ту же мысль повторяетъ и І. А. Татарскій въ своемъ сочиненіи Симеонъ Полоцкій.

Извѣстный путешественникъ Адамъ Олеарій въ своемъ Reisebeschreibung говоритъ о школѣ Арсенія грека въ Москвѣ; ученые [3]) полагали, что такая школа открыта была при патріархѣ Филаретѣ. Новыя розысканія г. С. Бѣлокурова [4]) говорятъ въ пользу того, что такой школы при патріархѣ

[1]) См. у Буслаева „Историческіе очерки русской народной словесности“. См. Идеальные женскіе характеры древней Руси ст. 251—268.

[2]) Стр. 17—18.

[3]) Въ томъ числѣ и И. Е. Забѣлинъ.

[4]) Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія, 1888, апрѣль.

Филаретѣ въ Москвѣ не существовало, а что греко-латинская школа Арсенія грека, о которой говоритъ Олеарій во второмъ изданіи описанія своего путешествія [1]) открыта была при патріархѣ Никонѣ въ промежутокъ времени 1653—1655 г., вѣроятнѣе всего въ 1653 г. Н. Ѳ. Каптеревъ [2]) идетъ дальше, онъ рѣшительно говоритъ, что Арсеній грекъ не открывалъ въ Москвѣ школы и не былъ въ ней учителемъ, такъ какъ въ имѣющихся офиціальныхъ данныхъ (не считая таковымъ свидѣтельство Олеарія) Арсеній нигдѣ и ни разу не названъ учителемъ греко-латинской школы, ни разу не указывается, чтобы онъ получалъ содержаніе или плату, какъ учитель школы; вездѣ же въ дошедшихъ до насъ офиціальныхъ документахъ онъ называется не учителемъ школы, а книжнымъ переводчикомъ и справщикомъ. Г. Каптеревъ продолжаетъ далѣе [3]): „Какъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ данныхъ признать существованіе греко-латинской школы въ Москвѣ Арсенія грека, такъ нѣтъ данныхъ признать и существованіе греческой Чудовской школы, основанной будто бы Епифаніемъ Славинецкимъ“. „Современные документы [4]) нигдѣ не говорятъ ни одного слова о греческой Чудовской школѣ Епифанія, не говорятъ о Чудовской греческой школѣ потому, что такой школы вовсе не существовало и Епифаній учительствомъ въ школѣ не занимался“. Такова судьба школы знаменитаго дидаскала XVII вѣка по приговору Н. Ѳ. Каптерева! Даже къ существованію Спасской школы Симеона Полоцкаго г. Каптеревъ относится весьма сомнительно. Не можетъ не броситься въ глаза, что и изслѣдованіе (выше названное) проф. Соболевскаго и изслѣдованіе проф. Коптерева только рѣчи, хотя бы и академическія. Какъ будто историко-педагогическіе вопросы не заслуживаютъ бо́льшаго вниманія и бо́льшаго труда.

Такова судьба нашихъ изслѣдованій по древне-русской педагогіи. Думается намъ, что для достоинства науки, для успѣховъ самой русской педагогіи необходимо нужны новыя и болѣе полныя изслѣдованія и разысканія, а затѣмъ сводъ во-едино всѣхъ добытыхъ фактическихъ данныхъ, касающихся древне-русской педагогіи.

Въ нѣсколько лучшемъ, хотя далеко не блестящемъ, положеніи находится дѣло по отношенію къ новому времени. Мы имѣемъ заслуживающія вниманія изслѣдованія по исторіи отдѣльныхъ учрежденій: академій, университетовъ, гимназій и семинарій. Укажемъ напр. Исторію Московской Словено-Греко-Латинской Академіи Смирнова, Исторію Кіевской Академіи Голубева, Исторію Московскаго Университета Шевырева, Исторію С.-Пе-

[1]) Изд. въ Шлезвигѣ въ 1656 г.

[2]) Прибав. къ Твор. Св. Отцовъ 1889, стр. 599.

[3]) Стр. 603.

[4]) Ib. стр. 604.

тербургской Духовной Академіи Чистовича, Исторію Университета св. Владиміра проф. Владимірскаго-Буданова; изслѣдованіе Знаменскаго, „Духовныя школы въ Россіи“; есть кромѣ того не мало трудовъ по исторіи духовныхъ семинарій и нѣкоторыхъ гимназій. Стоитъ взглянуть на подробный списокъ этихъ трудовъ [1]), чтобы быть до нѣкоторой степени удовлетвореннымъ. Но это только до нѣкоторой степени, такъ какъ и въ этой области остается желать многаго; у насъ напр. нѣтъ до сихъ поръ Исторіи Харьковскаго и Казанскаго Университетовъ; даже Исторія Кіевской Духовной Академіи оставляетъ желать еще многаго. Имѣющіяся исторіи Академіи Аскоченскаго [2]) и іером. Мак. Булгакова [3]) далеко не полны. Самъ Совѣтъ Академіи въ 1888 г. пришелъ къ такому убѣжденію и объявилъ конкурсъ для написанія Исторіи Академіи, назначивъ срокъ подачи сочиненія 28 сентября 1890 г. Не смотря на то, что автору такой Исторіи могла быть присуждена премія, никто на конкурсъ не явился.

Изъ числа русскихъ педагоговъ XVIII в. И. И. Бецкому и отчасти Янковичу-де-Миріево посчастливилось въ нашей литературѣ. О Бецкомъ находимъ свѣдѣнія въ Энциклопедическомъ лексиконѣ (т. V), у Лихачевой [4]) и Стоюнина [5]). Но дѣятельность Шадена, Прокоповича-Антонскаго [6]), литературно-педагогическая дѣятельность Новикова почти не подвергались разбору и изслѣдованію.

Даже (переходя къ XIX вѣку), что уже совсѣмъ странно, педагогическая дѣятельность Пирогова и Ушинскаго, не смотря на то, что о нихъ много говорятъ и пишутъ, не изучена строго научно и эти два крупные дѣятели новѣйшей русской педагогіи все еще ждутъ своихъ изслѣдователей.

Такимъ образомъ, я думаю, что для полной исторіи русской педагогіи, представляющей дѣло настоятельно необходимое, не хватаетъ еще значительнаго числа спеціальныхъ изслѣдованій. Разысканія могли бы получить толчекъ и развитіе, если бы на нихъ обратилъ вниманіе учрежденный при Харьк. историко-филологическихъ обществѣ педагогическій отдѣлъ. Темы, предлагаемыя на соисканіе наградъ медалями г.г. студентамъ университетовъ, весьма рѣдко носятъ историко-педагогическій характеръ; а между тѣмъ большинству воспитанниковъ историко-филологическихъ факультетовъ придется впослѣдствіи работать именно на педагогическомъ поприщѣ и такія работы

[1]) Приводимыхъ напр. Межовымъ или проф. Иконниковымъ въ его замѣчательномъ трудѣ „Опытъ русской Исторіографіи стр. 962—972 и въ друг. мѣст.

[2]) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею. Кіевъ, 1856 г. ч. 1—2.

[3]) Исторія Кіевской Академіи. Спб. 1843.

[4]) Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи.

[5]) Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII ст. Педагогич. Сочин. Спб. 1892 г.

[6]) О нихъ свѣдѣнія есть только у Шевырева. Исторія Московск. универ. и въ Словарѣ москов. проф.

могли бы послужить хорошей подготовительной школой къ будущимъ, весьма важнымъ и необходимымъ для педагога историко-педагогическимъ занятіямъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о нашихъ педагогическихъ нуждахъ.

Для того, чтобы и практическому педагогу и педагогу-публицисту легче было оріентироваться какъ въ прежней, такъ и современной педагогической литературѣ, необходимъ былъ-бы: „Подробный толковый указатель педагогической литературы“. Мысли о такомъ указателѣ отъ времени до времени являются въ нашей литературѣ, предпринимаются даже кое-какія попытки, но всѣ онѣ, надо сознаться, несовершенны и недостаточны. Изъ такихъ указателей заслуживаетъ вниманія „Педагогическая Библіографія“ В. Межова, но здѣсь сообщаются одни только голыя библіографическія данныя.

Весьма хороша по идеѣ „Книга о книгахъ“ [1]); въ такомъ справочномъ указателѣ нуждается и университетская молодежь и педагоги-практики. Первые съ помощью такого указателя могутъ пріобрѣсть книги, дѣйствительно, заслуживающія вниманія, а вторые могутъ пополнить или возобновить свои познанія. „Книга о книгахъ“ по идеѣ должна была дать по всякой наукѣ списокъ или перечень немногихъ, если не лучшихъ, то во всякомъ случаѣ хорошихъ книгъ по каждой наукѣ, согласно мнѣнію какого нибудь компетентнаго специалиста; при этомъ указатель долженъ быть *толковымъ* т. е. долженъ сопровождаться краткими отзывами о книгахъ или своего рода указкой при выборѣ. Относясь сочувственно къ мысли почтенной редакціи „Книги о книгахъ“, находя, что нѣкоторые отдѣлы составлены весьма хорошо, мы далеко не можемъ сказать того же объ отдѣлѣ педагогики. Какъ нарочно при томъ его постигла печальная участь. Именно „одинъ петербургскій педагогъ безъ объясненія причинъ не доставилъ ко времени печатанія обѣщанный имъ списокъ сочиненій по народному образованію, почему этотъ важный отдѣлъ въ указателѣ сравнительно скуденъ“ (см. отдѣлъ Педагогическій ст. 35 „Книга о книгахъ“). И въ самомъ дѣлѣ, просматривая этотъ отдѣлъ, убѣждаешься, что онъ составленъ на скорую руку. Имена многихъ почтенныхъ дѣятелей и изслѣдователей русской педагогіи отсутствуютъ. Нѣтъ вовсе свѣдѣній о Пироговѣ (выдающемся русскомъ педагогѣ). Забыты имена Лавровскаго, Сухомлинова, Мордовцева, Голубева, Шевырева, Данилевскаго. Даже, что ужъ совсѣмъ странно, приведено Собраніе педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго и ничего не говорится о его классическомъ трудѣ Педагогогической Антропологіи. Неизвѣстны имена Рѣдкина, Гурьева, Грота, графа Л. Толстого. О классическомъ трудѣ Амоса Коменскаго „Великая Дидактика“ говорится только вскользь, точно онъ не заслуживаетъ болѣе подробной рецензіи. Поэтому

---

[1]) Состав. многими спеціалистами подъ редакціей Янжула, 1892 г.

можно сказать, что отдѣлъ педагогіи въ „Книгѣ о книгахъ“ не удовлетворяетъ даже самыхъ скромныхъ запросовъ.

Назрѣвающіе педагогическіе потребности и запросы должна бы удовлетворить и „Педагогическая Энциклопедія“. Такихъ педагогическихъ энциклопедій въ иностранной литературѣ есть нѣсколько (напр. Schmid'а, Lienlner'а). Не имѣя въ виду, что ихъ слѣдуетъ переводить цѣликомъ или въ сокращеніи—такъ какъ у насъ и безъ того много переводнаго неподходящаго матеріала—намъ кажется, что планомъ и методомъ ихъ составленія не мѣшало бы воспользоваться для того, чтобы дать „Русскую Педагогическую Энциклопедію“. Въ издаваемомъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона кое-что помѣщается и изъ области педагогіи, но не видно, чтобы педагогическимъ вопросамъ удѣлялось значительное мѣсто и такимъ образомъ названный словарь не можетъ удовлетворять педагогическимъ запросамъ и быть настольною, справочною книгою для педагога.

Наконецъ, намъ кажется, что наступило время для учрежденія самостоятельной кафедры педагогіи при университетахъ. Только съ учрежденіемъ такой каѳедры явится возможность трудиться для разработки научной педагогіи и разрѣшится хоть до нѣкоторой степени вопросъ о лучшей подготовкѣ учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Надо сознаться, что до сихъ поръ мы не имѣемъ солиднаго руководства или курса педагогіи. Если принять во вниманіе, что курсъ педагогики покойнаго проф. Гогоцкаго при извѣстныхъ достоинствахъ страдаетъ недостатками, мѣстами устарѣлъ и характеризуется отсутствіемъ библіографическихъ данныхъ, то придется пожелать отъ всей души скораго появленія возможно полнаго, строго научнаго, курса педагогіи.

Этимъ, мм. гг. я считаю нужнымъ и заключить свой докладъ. Цѣль его—обратить вниманіе гг. членовъ педагогическаго отдѣла на тѣ запросы, которые мы въ правѣ предъявить серьезной педагогической литературѣ. Сознаю, что многія изъ мыслей у меня только намѣчены. Если бы какія-нибудь изъ нихъ заслужили благосклонное вниманіе гг. членовъ педагогическаго отдѣла, то я съ своей стороны готовъ развить и изложить ихъ съ большей полнотой въ ближайшемъ будущемъ; если же бы какая нибудь изъ нихъ остановила особенно вниманіе гг. членовъ отдѣла и найдено было, что она заслуживаетъ поддержки и осуществленія, то я считалъ бы себя вполнѣ удовлетвореннымъ и цѣль доклада достигнутой.

М. Демковъ.

Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ на урокахъ русскаго языка въ среднеучебныхъ заведеніяхъ.

Статья I-я.

О несогласуемыхъ опредѣленіяхъ.

I.

Въ тѣхъ учебникахъ русской грамматики, которые принято называть школьными или краткими, опредѣленія дѣлятся: 1) на опредѣленія согласуемыя и 2) несогласуемыя. Приведу примѣры изъ наиболѣе извѣстныхъ и распространенныхъ у насъ учебниковъ Кирпичникова и Смирновскаго.

Несогласуемыя опредѣленія выражаются:

1. Склоняемою частью рѣчи съ предлогомъ или безъ предлога въ косвенныхъ падежамъ, въ особенности въ родительномъ. Напр. въ выраженіяхъ: „лѣса Финляндіи", „дѣвушка лѣтъ осьмнадцати", „змѣй о трехъ головахъ". „одежда съ висящими рукавами", „привычка къ труду" косвенные падежи имѣютъ значеніе несогласуемыхъ опредѣленій по отношенію къ существительнымъ: „лѣса", „дѣвушка", „змѣй", „одежда" и „привычка".

2. Несогласуемое опредѣленіе можетъ выражаться неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напр. „привычка трудиться" „мастеръ угощать". Здѣсь „трудиться" и „угощать" суть опредѣленія существительныхъ „привычка" и „мастеръ".

3. Неизмѣняемою частью рѣчи, напр. „слышенъ однообразный звукъ бумъ-бумъ". (Учеб. Смирновскаго ч. II стран. 15).

Почти то же сказано и въ грамматикѣ Кирпичникова, именно несогласуемымъ опредѣленіемъ бываетъ:

1. Существительное или мѣстоименіе въ родительномъ пад. безъ предлога (чаще всего для выраженія принадлежности: genitivus possessivus). Напр. „Лучшія мѣста его книги не понравились публикѣ".

2. Родител. пад. съ предлогомъ изъ (родительный раздѣлительный genitivus partitivus). Напр. „Одинъ изъ нихъ овладѣлъ лучшимъ изъ кораблей".

3. Существительное и мѣстоименіе въ другихъ косвенныхъ падежахъ

съ предлогами и безъ нихъ. Напр. „Надежда на его помощь не оставила меня“. „На немъ была шинель съ короткими рукавами“.

Выраженія: „его книги“, „изъ нихъ“, „изъ кораблей“, „на его помощь“, „съ короткими рукавами“—опредѣленія несогласуемыя.

Неопредѣленное наклоненіе при существительномъ, напр. „охотники таскаться по пирамъ“ въ грамматикѣ Кирпичникова отнесено къ приложеніямъ.

Въ грамматикѣ Буслаева, которою, какъ извѣстно, руководятся всѣ составители краткихъ учебниковъ по русскому языку для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, второстепенные члены предложенія разсматриваются съ двухъ точекъ зрѣнія: а) по синтактическому употребленію и б) по значенію.

По синтактическому употребленію второстепенные члены присоединяются къ главнымъ посредствомъ согласованія или управленія. Согласуемыя слова называются опредѣлительными, а управляемыя дополнительными. Такія же слова, которыя не согласуются и не управляются, называются обстоятельственными.

Разсматривая же второстепенные члены предложенія по ихъ значенію, Буслаевъ замѣчаетъ: „опредѣлительныя присовокупляются къ другимъ словамъ для означенія признаковъ, по вопросамъ: какой? чей? который? сколько? Напр. „этотъ домъ“, „моя книга“, „пять лѣтъ“. Эти слова или согласуются съ своими опредѣляемыми, или не согласуются.

Не согласуются съ своимъ опредѣляемымъ слова опредѣлительныя выраженныя: а) родит. пад., напр. „человѣкъ пожилыхъ лѣтъ“, „восходъ солнца“ (вмѣст. пожилой человѣкъ, солнечный восходъ); и б) числительными количественнымъ, начиная съ пяти; напр. „пять лѣтъ“, „десять лѣтъ“ (т. е. лѣта, числомъ пять, десять). (Гр. Бусл. § 125).

Профессоръ Потебня, разбирая этотъ параграфъ грамматики Буслаева, замѣчаетъ, что свойство этихъ вопросовъ (какой? чей? который? сколько?) таково, что, отвѣчая на нихъ, мы не должны обращать вниманія на грамматическую форму отвѣтовъ и что опредѣлительное, узнанное по этимъ отвѣтамъ, окажется понятіемъ вовсе неграмматическимъ. „Какой“ есть вопросъ о качествѣ независимо отъ его грамматической формы. Поэтому непонятно, почему Буслаевъ считаетъ опредѣлительными изъ несогласуемыхъ словъ только такія слова, которыя стоятъ въ родит. пад. безъ предлога („человѣкъ пожилыхъ лѣтъ“, „восходъ солнца“), а не въ другихъ косвенныхъ падежахъ съ предлогомъ и безъ него. Если родит. пад. „пожилыхъ лѣтъ“, „солнца“, по ученію Буслаева, нужно считать опредѣлительными словами на томъ основаніи, что они отвѣчаютъ на вопросъ: какой? и вмѣсто нихъ можно поставить прилагательныя („пожилой“ и „солнечный“), то существительныя, стоящія въ другихъ косвенныхъ падежахъ, въ родит. съ

предлогомъ, предложномъ, винител., творит., дательн., съ предлогами и безъ нихъ, служащія отвѣтами на вопросъ о качествѣ и замѣняемыя прилагательными, необходимо тоже считать опредѣлительными словами, если мы желаемъ быть послѣдовательными. Напр. человѣкъ въ лѣтахъ (=пожилой); итогъ деньгамъ (=денежный); корова съ теленкомъ (въ смыслѣ стельная); дѣвица съ длинными волосами (=длинноволосая); чрезъ мѣру трудъ(=чрезмѣрный). Даже глаголы могутъ служить отвѣтомъ на вопросъ о качествѣ: какой это лугъ?—его понимаетъ весной (=лугъ поемный). Потебня замѣчаетъ при этомъ, что его выводъ согласенъ со словами Гатталы, который дѣйствительно за подчиненный аттрибутъ (несогласуемое опредѣленіе по Буслаеву) считаетъ родит. и другіе падежи съ предлогами вездѣ, гдѣ ими ближайшимъ образомъ опредѣляется какое либо имя, напр. laska k Bohu. boty do blata, hra v karty и т. п. (Изъ Зап. ч. 1 стр. 94).

Но если бы Потебня обратилъ больше вниманія на такъ называемыя краткія русскія грамматики, то онъ, навѣрное, удивился бы, узнавъ, что въ этихъ грамматикахъ разборъ членовъ предложенія вообще и опредѣленій въ частности иначе и не дѣлается, какъ только по указаннымъ въ грамматикѣ Буслаева вопросамъ. Если Буслаевъ ограничилъ несогласуемое опредѣленіе только родит. пад. безъ предлога, то послѣдователи Буслаева относятъ къ опредѣлительнымъ словамъ всякій косвенный падежъ съ предлогомъ и безъ него, лишь бы этотъ падежъ отвѣчалъ на одинъ изъ указанныхъ вопросовъ (какой? чей? который? сколько?). При этомъ даже замѣна существительнаго прилагательнымъ вовсе не требуется, что подтверждается взятыми мною изъ учебниковъ Кирпичникова и Смирновскаго примѣрами. Косвенные падежи въ выраженіяхъ: „лѣса Финляндіи“, „дѣвушка лѣтъ осьмнадцати“, „Змѣй о трехъ головахъ“ считаются опредѣленіями по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что они могутъ быть замѣнены именами прилагательными (финляндскіе, осьмнадцатилѣтняя, трехголовый) и во-вторыхъ, потому, что отвѣчаютъ на одинъ изъ вопросовъ, на который отвѣчаютъ согласуемыя опредѣлительныя слова. Но за то въ другихъ примѣрахъ, взятыхъ изъ тѣхъ же грамматикъ (напр. „одинъ изъ нихъ“, „надежда на его помощь“ „шинель съ короткими рукавами“) косвенные падежи съ предлогами считаются опредѣленіями лишь потому, что отвѣчаютъ на вопросы: какой? чей? который?

Очевидно, что, узнавая опредѣленія по указаннымъ вопросамъ, мы незамѣтно переходимъ въ область другихъ членовъ предложенія. Но еще гораздо хуже то, что намъ только кажется, будто мы дѣлаемъ грамматическій разборъ и будто различаемъ второстепенные члены между собою. На самомъ же дѣлѣ мы не различаемъ ихъ даже отъ главныхъ, что подтверждается приведеннымъ примѣромъ: „его понимаетъ весною=поемный (лугъ).

Пользуясь этимъ пріемомъ при разборѣ, мы не въ силахъ отличить опредѣленіе отъ обстоятельства и даже отъ подлежащаго, если эти члены предложенія отвѣчаютъ на одинъ и тотъ же вопросъ „сколько"? Напр. въ выраженіяхъ „двѣ версты" (им. п.), „много людей" и „много сдѣлалъ", „заплатилъ три (вин.) съ полтиной" слова „двѣ", „много", „три" отвѣчаютъ на одинъ и тотъ же вопросъ „сколько"?, а между тѣмъ мы имѣемъ здѣсь различные члены предложенія. Кромѣ того, относя къ несогласуемымъ опредѣленіямъ числительныя количественныя, начиная съ пяти („пять лѣтъ"), мы должны признать подлежащимъ родительный падежъ, а между тѣмъ этимологическая форма подлежащаго есть именительный падежъ. Гр. Бусл. § 124.

II.

Вся та путаница въ опредѣленіи членовъ предложенія, какая замѣчается въ школьныхъ грамматикахъ, указываетъ или на отсутствіе опредѣленной точки зрѣнія, съ которой необходимо дѣлать разборъ, или на смѣшеніе нѣсколькихъ точекъ. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Предложеніе разбирается не съ грамматической точки зрѣнія, т. е. не со стороны своего этимологическаго состава, числа членовъ и ихъ взаимнаго отношенія, а очень часто съ одной лишь логической стороны. Предложеніе подводится подъ общія логическія схемы сужденія и устанавливается до нѣкоторой степени соотвѣтствіе предложенія грамматическаго сужденію логическому. Такое логико-грамматическое направленіе, или такая логическая грамматика, можетъ еще имѣть мѣсто при слабомъ развитіи языкознанія, когда мало изслѣдованы разныя грамматическія формы и когда онѣ являются какъ бы безразличными при выраженіи разныхъ оттѣнковъ мысли. Логическая грамматика не беретъ во вниманіе того, что грамматическое предложеніе, хотя и можетъ соотвѣтствовать логическому сужденію, но далеко не тождественно съ нимъ. Между тѣмъ различіе между сужденіемъ и предложеніемъ вытекаетъ прежде всего изъ того, что грамматическая правильность возможна и безъ логической и, наоборотъ, грамматически неправильное предложеніе, насколько оно понятно, можетъ быть правильно въ логическомъ отношеніи. Такъ напр.: „кругъ имѣетъ квадратную площадь", грамматически правильно, но не вѣрно въ отношеніи логическомъ; извѣстное же латинское изреченіе: „Habemus schismam" даже въ устахъ императора Сигизмунда опротестовано было какимъ-то монахомъ за ошибку грамматическую. Затѣмъ, не говоря уже о невозможности вывести изъ сужденія второстепенные члены предложенія, даже одинаковые по названію члены, подлежащее и сказуемое, имѣютъ различное значеніе въ грамматикѣ и логикѣ: грамматическое подлежащее часто бываетъ логическимъ сказуемымъ

и грамматическое сказуемое—логическимъ подлежащимъ. Форма предложенія разнообразна не только въ языкахъ разныхъ народовъ, но въ разные періоды развитія одного опредѣленнаго языка. Индивидуальныя различія языковъ, на которыя указываетъ современное языкознаніе, для логической грамматики непонятны, потому что форма сужденія для всѣхъ вѣковъ и народовъ остается одна и та же, и логическія категоріи, навязываемыя языку, народныхъ различій не имѣютъ.

Разница между логикой и грамматикой подробно выяснена Штейнталемъ въ его сочиненіи: Logik, Grammatik und Psychologie и Потебней въ сочиненіи: Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Слѣдующая небольшая выдержка изъ сочиненія Потебни довольно мѣтко характеризуетъ сущность тѣхъ пріемовъ, которыхъ придерживается логическая грамматика при опредѣленіи членовъ предложенія. На вопросъ: „есть ли именительный падежъ единственная форма логико-грамматическаго подлежащаго"? отвѣчаютъ: Въ предложеніяхъ „Паллада любитъ Улисса", „я не сплю по ночамъ", „у меня есть книга" именительные падежи говорятъ о томъ же лицѣ или предметѣ, о которомъ творительный въ „Палладою любимъ Улиссъ", дательный въ „мнѣ не спится по ночамъ", родительный „у меня нѣтъ книгъ". Именительные въ первыхъ трехъ предложеніяхъ суть подлежащія. Имъ приписываются тѣ же сказуемыя, что и такъ называемымъ косвеннымъ падежамъ въ трехъ остальныхъ. Слѣдовательно, эти косвенные падежи „Палладою, мнѣ, книгъ" суть тоже подлежащія, ибо двѣ величины порознь равныя третьей, равны между собою. Это все равно, какъ если бы сказать: вотъ палецъ счетомъ одинъ, а вотъ свѣчка тоже одна, слѣдовательно, что палецъ, что свѣчка—все едино. (Изъ записокъ по русской грамматикѣ, часть I, страница 79).

Потебня привелъ много примѣровъ въ подтвержденіе того, какъ мы часто употребляемъ ошибочный пріемъ, подбирая одно синонимическое выраженіе вмѣсто другаго и для облегченія задачи судимъ по одной вещи о другой, совершенно отличной. Многіе примѣры взяты Потебнею изъ грамматикъ польскихъ и чешскихъ. Но нѣтъ надобности брать примѣры изъ иноплеменныхъ грамматикъ. Мы можемъ сослаться, какъ на крайность въ этомъ направленіи, на русскій синтаксисъ Стоюнина, гдѣ тоже члены предложенія опредѣляются преимущественно съ логической точки зрѣнія.

Не менѣе ошибоченъ и тотъ пріемъ, который состоитъ въ различеніи опредѣленій и дополненій по разряду тѣхъ словъ, къ которымъ они присоединяются. По этому пріему опредѣлительныя присоединяются къ существительнымъ и мѣстоименіямъ, а дополнительныя зависятъ отъ глагола или отъ имени, произведеннаго отъ глагола. (Грам. Буслаева). Косвенные падежи въ выраженіяхъ: „шинель съ короткими рукавами", „надежда на его по-

мощь", а также неопредѣленныя наклоненія: „привычка трудиться", „мастеръ угощать", „охотники таскаться по пирамъ" отнесены къ опредѣленіямъ не только потому, что отвѣчаютъ на вопросы, по которымъ узнаются опредѣлительныя слова, но главнымъ образомъ потому, что относятся къ именамъ. Но вѣдь опредѣлительныя могутъ быть при глаголѣ и при прилагательномъ, напр.: „онъ остался живъ", „онъ такой добрый человѣкъ".

Нельзя однако предположить, чтобы такой филологъ, какъ Кирпичниковъ, не замѣчалъ, насколько ошибочны тѣ пріемы, которыми онъ руководился въ своемъ учебникѣ, при различеніи членовъ предложенія. Нѣтъ, этого мы не утверждаемъ. Дѣло въ томъ, что грамматика, составленная въ иномъ духѣ, была бы несвоевременна, такъ какъ логико-грамматическое направленіе, по замѣчанію Потебни, и нынѣ „имѣетъ многихъ послѣдователей преимущественно между тѣми изъ представителей языкознанія, которые не столько сами изучаютъ языкъ, сколько учатъ ему въ школахъ". (Введеніе, стран. 79).

Доказательствомъ служитъ синтаксисъ Баталина, составленный на основаніи изслѣдованій Потебни, Миклошича и Гейзе и изданный еще въ 1883 году. Новизна этого синтаксиса послужила, по нашему мнѣнію, причиной его меньшей извѣстности сравнительно съ другими учебниками, которые гораздо хуже. На сантаксисѣ Баталина оправдалась пословица: одна ласточка еще не дѣлаетъ весны. А между тѣмъ учебникъ этотъ, несмотря на нѣкоторые чисто внѣшніе недостатки, какъ напр. излишнее многословіе въ опредѣленіяхъ нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, представляетъ очень отрадное явленіе, какъ одна изъ попытокъ вытѣснить изъ грамматики устарѣвшіе пріемы при разборѣ предложенія. Измѣненіе же пріемовъ, по нашему глубокому убѣжденію, крайне необходимо, такъ какъ отъ этого зависитъ повышеніе уровня грамматическихъ знаній, какъ по русскому языку, такъ и по древнимъ языкамъ. Угадывая члены предложенія только по логическому значенію словъ, ученикъ совсѣмъ не обращаетъ вниманія на формы грамматическія. Напр. дается вопросъ: „какая шинель?— „Съ короткими рукавами", отвѣчаетъ ученикъ. Опредѣленіе, повидимому, найдено, но за то данный вопросъ не заставилъ ученика обратить вниманіе ни на части рѣчи, изъ которыхъ состоитъ это выраженіе, ни на число словъ и вообще на ихъ этимологическую форму. Если же учитель новыми вопросами заставитъ обратить вниманіе на этимологическую сторону даннаго выраженія, то это не будетъ вытекать изъ разбора синтактическаго, ничего не выяснитъ и окажется даже излишнимъ. Синтаксисъ при логико-грамматическомъ направленіи изучается безъ всякой связи съ этимологіей. Та искусственная связь, которая устанавливается нѣкоторыми доморощенными методиками не можетъ пополнить этотъ пробѣлъ.

III.

Та исключительно грамматическая точка зрѣнія, которой необходимо придерживаться, при опредѣленіи членовъ предложенія, и которая одна только можетъ быть названа вѣрною, уже до нѣкоторой степени указана самимъ Буслаевымъ въ тѣхъ именно словахъ его, что второстепенные члены предложенія присоединяются къ главнымъ посредствомъ согласованія или управленія (Гр. § 125). Но необходимость согласованія однихъ членовъ предложенія и управленія или зависимости другихъ нужно выводить изъ самаго значенія синтактическихъ формъ подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія и другихъ членовъ. Поставивъ согласованіе и управленіе въ зависимость отъ значенія синтактическихъ формъ, мы легче поймемъ, почему нѣкоторые члены отступаютъ отъ этихъ законовъ. Сюда относятся, наприм. эпитеты, которые часто не согласуются съ своими опредѣляемыми (Царь-дѣвицы, князь-Петра и т. п.). Точно также нѣкоторыя дополненія независятъ отъ отдѣльныхъ членовъ, а тяготѣютъ къ цѣлому предложенію. Сюда относится, напримѣръ, старинный дательный самостоятельный: затѣмъ встрѣчающіеся изрѣдка именительные независимые падежи (часъ отъ часу, рука объ руку, цѣною тысяча рублей) и, наконецъ, тотъ винительный независимый, который не измѣняется при перемѣнѣ дѣйствительнаго оборота въ страдательный (три дня прожили и три дня прожито). Можно еще указать и на тѣ сравнительно менѣе зависимыя дополненія, которыя означаютъ пространство, время и образъ дѣйствія. Опредѣленіе же значенія синтактическихъ формъ подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія, дополненія и обстоятельствъ должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленіемъ частей рѣчи, назначеніе коихъ быть тѣмъ или инымъ членомъ предложенія. Такимъ образомъ опредѣленія подлежащаго и дополненія должно совпадать съ опредѣленіемъ существительнаго, опредѣленіе сказуемаго съ глаголомъ, обстоятельства съ нарѣчіемъ и т. д. Эти опредѣленія уже давно сдѣланы покойнымъ Потебней и помѣщены въ первой части его труда „Изъ записокъ по Русской грамматикѣ". Тѣ же положенія изложены въ болѣе популярной формѣ въ церковнославянской грамматикѣ Будиловича и въ синтаксисѣ Баталина. Такъ какъ цѣль настоящей статьи заключается въ уясненіи лишь тѣхъ опредѣленій, которыя въ краткихъ учебникахъ называются насогласуемыми: то я ограничусь указаніемъ той точки зрѣнія, съ которой нужно разсматривать опредѣлительныя слова, чтобы не смѣшать ихъ съ дополненіями (напр. домъ отца) или съ подлежащими (пять человѣкъ).

Опредѣлительныя слова характеризуются согласованіемъ съ тѣми словами, къ которымъ относятся; дополненія, наоборотъ, не согласуются, а управляются или зависятъ отъ другихъ членовъ. Въ предложеніи нужно

различать два вида согласованія: a) согласованіе опредѣлительное (аттрибутивное) и b) согласованіе сказуемаго (предикативное). Между опредѣленіями (аттрибутами) въ широкомъ смыслѣ нужно различать четыре оттѣнка: 1) опредѣленіе, составляющее съ опредѣляемымъ почти одно слово, напр. сине море, чисто поле; 2) опредѣленіе нѣсколько болѣе самостоятельное, напр. большой домъ; 3) опредѣленіе входящее въ составное сказуемое, напр., онъ (есть) добръ и 4) опредѣленіе съ явнымъ или подразумѣваемымъ дѣепричастіемъ, напр., „Больной, блѣдный, недвижимъ Карлъ явился“. Опредѣленія перваго рода называются эпитетами, второго—собственно опредѣленіями (аттрибутами), третьяго—опредѣленіями сказуемыми (предикативными аттрибутами), а четвертаго—приложеніями (аппозиціями). Изъ опредѣлительныхъ словъ выдѣляются эпитеты. Вслѣдствіе частаго приложенія они такъ тѣсно примыкаютъ къ своему опредѣляемому слову, что образуютъ одно сложное слово и тогда уже не измѣняются и не согласуются, напр., Царь-дѣвица, Царь-дѣвицы, Князь-Петра и т. п. Это единственный видъ несогласуемыхъ опредѣленій.

Опредѣлительныя слова имѣютъ много общаго съ предикативными аттрибутами, по отношенію къ которымъ могутъ быть названы второстепенными аттрибутами. Тѣ и другія слова означаютъ признаки того представленія, которое является центромъ согласованія. Различіе лишь въ томъ, что обычную и первоначальную форму сказуемаго представляетъ личный глаголъ, слѣдовательно выраженный сказуемымъ признакъ мыслится не отвлеченно, а въ условіяхъ времени, лицъ, другими словами, сказуемое означаетъ признакъ во время его возникновенія отъ лица; опредѣленіе же означаетъ признакъ, уже прежде данный въ другомъ предметѣ. Опредѣленія, по своей близости къ сказуемому, или предикативному сочетанію, могутъ быть расположены такъ: болѣе всего сближаются съ сказуемыми опредѣленія выраженныя причастіемъ, такъ какъ они вмѣстѣ съ указаніемъ на признакъ данный (черта опредѣленія, имени) указываютъ также на его возникновеніе (черта глагола, сказуемаго). „Зеленѣющая трава“ означаетъ: не только имѣющая признакъ зелени, но и имѣющая его въ силу того, что сама производитъ этотъ признакъ. Приложенія по своей предикативности занимаютъ середину между собственно опредѣленіемъ и опредѣлительнымъ предложеніемъ съ глагольнымъ сказуемымъ. Предикативность приложенія служитъ причиной того, что мы замѣчаемъ значительную остановку голоса между приложеніемъ и тѣмъ словомъ, къ которому оно относится. Далѣе всего отстоятъ отъ предикатовъ опредѣленія именныя и эпитеты, такъ какъ означаютъ признаки уже возникшіе-данные. При этомъ вещественное значеніе эпитета до того ослабѣваетъ, что мы не различаемъ первоначальнаго представленія, заключеннаго въ немъ.

Согласованіе опредѣленій съ тѣмъ словомъ, къ которому они относятся вытекаетъ изъ того, что опредѣленія съ опредѣляемыми выражаютъ одно, а не два представленія. Въ отличіе отъ опредѣленія, сближаемаго со сказуемымъ, вслѣдствіе того, что оба эти члены означаютъ не самостоятельное представленіе, а признаки другихъ представленій и согласуются съ другими словами, дополненія необходимо сближать съ подлежащимъ. Подобно подлежащему дополненіемъ стремится быть лишь существительное или другая часть рѣчи, употребленная въ значеніи существительнаго. Разница лишь та, что подлежащее есть ни съ чѣмъ несогласуемый именительный падежъ, а дополненіе есть ни съ чѣмъ несогласуемый косвенный падежъ. Косвенные, ни съ чѣмъ несогласуемые падежи дополненій съ грамматической точки зрѣнія означаютъ предметы внѣшніе по отношенію къ главному предмету (подлежащему, субъекту) и другимъ предметамъ (объектамъ). Изъ среды дополненій принято выдѣлять дополненія, выраженныя родительнымъ падежомъ и относящіяся къ именамъ, напр.: домъ отца. Какъ сказано выше, ихъ считаютъ опредѣленіями. Мы имѣемъ дѣло здѣсь только съ выраженіями, близкими по значенію къ опредѣленіямъ, но близость эта не доходитъ до тождества. Если бы „домъ отца" и „домъ отцовскій" имѣли совершенно одинаковое значеніе, то одна изъ этихъ формъ непремѣнно была бы забыта, чего однако нѣтъ. Обѣ эти формы имѣютъ свое специальное значеніе. Въ выраженіи „домъ отца" намъ дано два представленія, а въ выраженіи „домъ отцовскій"—одно. Домъ отцовскій приблизительно значитъ „домъ родной, дѣдовскій или отчій", а „домъ отца" указываетъ на принадлежность его извѣстному лицу. Еще было бы основаніе назвать родительные падежи при именахъ опредѣленіями, если бы доказано было, что эти родительные представляютъ позднѣйшее видоизмѣненіе относительнаго прилагательнаго, т. е. если бы можно было доказать, по крайней мѣрѣ, бывшее здѣсь когда-то согласованіе на подобіе того, какъ это дѣлается въ языкѣ греческомъ, гдѣ оборотъ δήμου ἀνήρ выводится изъ δημόσιο(ς) ἀνήρ. Но если бы это предположеніе и оправдалось, то все-таки отсюда нельзя еще выводить того, что родительный падежъ есть опредѣленіе, а не дополненіе. Вновь образовавшіяся грамматическія формы не сохраняютъ, какъ бы по наслѣдству, право на ту самую роль въ предложеніи, какую имѣла первоначальная форма. Напр., изъ причастія, какъ опредѣленія, получается дѣепричастіе, которое не остается опредѣленіемъ, а создаетъ себѣ уже новую роль въ предложеніи. Что касается выраженій „шинель съ короткими рукавами", „надежда на его помощь" и другихъ, приведенныхъ въ началѣ этой замѣтки, то эти косвенные падежи не имѣютъ никакого отношенія къ тому значенію, какое имѣетъ форма опредѣленій въ предложеніи. Уже одно отсутствіе согласованія указываетъ на то, что слова эти

означаютъ отдѣльныя отъ другихъ представленія, что характеризуетъ дополненія.

Относительно числительныхъ количественныхъ, называемыхъ опредѣленіями, можно сказать слѣдующее. Еще есть нѣкоторое основаніе считать опредѣленіями числительныя два, три, четыре, если имѣть въ виду, что они удержали въ именительномъ падежѣ искаженное согласованіе двойственнаго числа, сблизивъ окончанія этого числа съ родительнымъ падежомъ единств. числа, напр. два стола. Но остальныя числительныя количественныя, начиная съ пяти, послѣ которыхъ стоитъ род. пад. множествен. числа напр. „пять человѣкъ пришли", нѣтъ основанія считать опредѣленіями. Если числительныя „пять, шесть... стоятъ въ именительномъ падежѣ, то это—грамматическія подлежащія, если же въ винительномъ, то это—дополненія. То не можетъ служить возраженіемъ, что въ выраженіи „пять человѣкъ пришли" говорится о людяхъ, что они пришли, а не объ отвлеченномъ числѣ „пять". Съ логической точки зрѣнія это вѣрно, но съ грамматической—подлежащимъ, какъ и дополненіемъ, можетъ быть предметъ реальный или только воображаемый, идеальный и отвлеченный. Скажу еще нѣсколько словъ объ опредѣленіяхъ, выраженныхъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напр. „привычка трудиться", „мастеръ говорить" и т. п. Неопредѣленному наклоненію въ приведенныхъ примѣрахъ навязана роль, какой оно даже не въ силахъ выполнить. Неопредѣленное наклоненіе обыкновенно играетъ роль второстепеннаго сказуемаго въ предложеніи. Но въ виду того, что въ краткихъ учебникахъ по русскому языку нѣтъ даже термина „второстепенное сказуемое" менѣе ошибочно было-бы относить его къ дополненіямъ на томъ основаніи, что въ этомъ наклоненіи еще замѣтны слѣды косвенныхъ падежей отглагольныхъ именъ.

Цѣль настоящей замѣтки было выдѣлить изъ среды несогласуемыхъ опредѣленій тѣ, которыя съ грамматической точки зрѣнія оказались дополненіями и даже подлежащими. О смѣшеніи же дополненій съ обстоятельственными словами и даже съ главными членами предложенія будетъ сказано въ особой статьѣ.

Г. Бѣлгородъ
1894 года 5 января.

И. Стефановскій.

Путь къ обновленію школьной грамматики.

I. Роль грамматики въ школѣ. II. Современные учебники, въ частности „Рус. правописаніе" Я. Грота. III. Ученіе о грамматической формѣ А. А. Потебни, его практическія послѣдствія. IV. Съ чего начинать обученіе грамматикѣ и какъ его вести.

I.

Задачей своею сообщенія я ставлю выясненіе наиболѣе совершеннаго пути въ преподаваніи грамматики при данныхъ, современныхъ условіяхъ. Но чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно руководящихъ мною принциповъ, я начну съ уясненія задачъ преподавателя русскаго языка, именно *языка*, въ частности той роли, которую играетъ среди нихъ грамматика, а затѣмъ уже обращусь къ главному предмету моего сообщенія.

Первою задачей преподавателя языка ставятъ обыкновенно *грамотность*. Относительно этого всѣ согласны, но грамотность—понятіе условное, допускаетъ различныя толкованія и во всякомъ случаѣ—различныя опредѣленія.

Одни—большинство—относятъ ее къ языку письменному и понимаютъ подъ нею умѣнье правильно писать, т. е. съ соблюденіемъ установившихся орфографическихъ правилъ. Другіе распространяютъ этотъ терминъ и на чтеніе, разумѣя подъ грамотностью не только *умѣнье правильно писать, но и читать*, при чемъ третьими выразительность чтенія считается тоже одною изъ формъ грамотности, но высшей. Въ дополненіе къ этому, всѣ согласны съ тѣмъ, что учитель русскаго языка долженъ научить своего ученика владѣть языкомъ, понимать его тонкости, чувствовать, такъ сказать, букетъ его. Это то, что „по-нѣмецки называется sprachgefühl—*чувство рѣчи* или по болѣе распространенному, но менѣе вѣрному переводу—*языковое чутье*".

По опредѣленію И. Ѳ. Аненскаго (Рус. Шк. 1890—I—31) „это чутье ставитъ насъ обладателями, или точнѣе, безсознательными воспроизводителями цѣлой массы словесныхъ формъ, нѣтъ возможности опредѣлить числа и безконечныхъ оттѣнковъ ихъ—которыя могутъ явиться въ нашей рѣчи, особенно если принять, что каждая форма и каждое слово съ новымъ оттѣнкомъ смысла есть особое слово и особая форма"...

Другими словами: *чувство рѣчи* [1]) выражается не только въ правильномъ употребленіи формъ языка, но и въ разнообразіи и въ ихъ изяществѣ. Это конечно не опредѣленіе, а описаніе термина: оно только указываетъ то мѣсто, тѣ признаки, которыми опредѣляются послѣдствія его культуры, но такъ какъ лучшей формулы для сознанія этого термина я не знаю, то остаюсь при этой.

По мнѣнію того-же автора „общественная обязанность школы—повышать *среднее языковое чутье*" (тамъ-же). Подъ „среднимъ языковымъ чутьемъ" здѣсь конечно разумѣется то чутье, которое свойственно всѣмъ намъ *en masse*.

Не думаю, чтобы слѣдовало смущаться этою неопредѣленностью термина. Правда, отъ нея зависитъ какъ разнообразіе въ пониманіи своихъ задачъ со стороны преподавателей, такъ и необыкновенное разнообразіе, слѣдовательно и неясность, расплывчатость требованій, предъявляемыхъ къ нимъ съ этой точки зрѣнія. Но разъ мы всѣ согласны въ томъ, что воспитаніе въ ученикахъ этой высшей формы грамотности, *чувства рѣчи*, входитъ въ наши задачи, наше дѣло воспользоваться всѣми тѣми средствами, которыми каждый изъ насъ располагаетъ, всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который даетъ изученіе классической литературы намъ самимъ, такъ какъ среди этихъ средствъ важнѣйшее—изученіе классическихъ писателей, этихъ высшихъ представителей безсознательнаго знанія языка, и именно—ихъ поэтическихъ произведеній, образовъ, какъ тѣхъ высшихъ, часто недосягаемыхъ формъ, въ которыя вылилась ихъ идеально высокая грамотность или ихъ безсознательное чувство рѣчи.

Итакъ, по отношенію къ языку сущность требованій сводится къ *грамотности*, а въ болѣе высокихъ формахъ—къ возможному развитію *чувства рѣчи*.

Теперь вопросъ: какъ относится къ тому и другому грамматика, т. е. ея изученіе? Другими словами—какова ихъ взаимная связь?

Связь существуетъ; она—въ выясненіи тѣхъ отношеній, въ которыя ставятся другъ къ другу различные элементы рѣчи.

Уже многими сознано, что сама грамматика не учитъ ни говорить правильно, ни писать; тѣмъ менѣе ея роль въ воспитаніи, въ развитіи чувства рѣчи.

Правильное чтеніе и правильное письмо, что считается уже доказаннымъ, возможно у человѣка, никогда не учившагося грамматикѣ и, какъ доказываетъ опытъ, достигается средствами неграмматическими: здѣсь грамматика сама играетъ слишкомъ подчиненную роль и только въ теоріи

[1]) Этотъ терминъ я удерживаю и во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи, ибо терминъ *языковое чутье* мнѣ кажется неудачнымъ.

знаковъ препинанія, т. е. въ разстановкѣ ихъ на письмѣ, ея роль законодательницы не оспаривается, хотя и здѣсь вліяніе неграмматическихъ элементовъ весьма сильно. Съ другой стороны, такія ошибки, какъ „не прошелъ одинъ день, въ которомъ бы“...., „войдя во дворъ, стоитъ гимнастика“ и проч. нерѣдки у лицъ, учившихъ грамматику. Я не говорю уже о бѣдности оборотовъ, блѣдности рѣчи и проч., такъ часто являющихся у учениковъ высшихъ классовъ. По этому поводу извѣстно, что люди молчаливые, особенно дѣти, говорятъ вообще менѣе правильно, болѣе однообразно, чѣмъ подвижные, говоруны. Значитъ, *здѣсь дѣло не въ грамматикѣ, а въ желаніи пользоваться языкомъ и въ энергіи пользованія*, и человѣка нежелающаго или непривыкшаго пользоваться языкомъ, неумѣющаго цѣнить красоту и правильность выраженія, никакая грамматика этому не научитъ. Напротивъ, человѣкъ, заинтересовавшійся формой выраженія, его красотой, изяществомъ или точностью, правильностью, будетъ учиться этому самъ какъ угодно, но не по грамматикѣ. Превосходнымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить біографіи всѣхъ классическихъ писателей, между прочимъ, А. С. Пушкина: послѣдній учился языку на подражаніяхъ Державину, Жуковскому, на разсказахъ своей няни и проч., но не по грамматикѣ, хотя занятія послѣднею ему также не чужды. Точно также и остальные.

Но *грамматика есть наука о законахъ*, лучше сказать, *обычаяхъ языка* (второй терминъ менѣе страшенъ, ибо допускаетъ нѣкоторую нелогичность, хотя впрочемъ призрачную), о тѣхъ обычаяхъ, которые даны самымъ языкомъ, въ его формахъ, но не навязаны ему извнѣ, напр. лицами, объясняющими грамматическія явленія; *она наука формальная*, т. е. изслѣдуетъ лишь формы, данныя языкомъ и отношенія ихъ, существующія въ рѣчи; *она вмѣстѣ съ тѣмъ наука классифицирующая явленія языка* по признакамъ, даннымъ въ рѣчи. Отсюда слѣдуетъ, что изученіе грамматики есть изученіе языка-рѣчи съ формальной точки зрѣнія: *внѣ рѣчи, въ частности предложенія, не обнаруживаетъ себя никакая форма, слѣдовательно, нѣтъ грамматики.*

Какъ наука, изучающая формальныя проявленія языка, и какъ наука ихъ классифицирующая, она важна, она необходима въ курсѣ средней школы, какъ важны и необходимы тамъ, напр., физика, нѣкоторые отдѣлы математики и проч. Математика, кромѣ частей, имѣющихъ непосредственное приложеніе въ жизни, можетъ быть забыта и обыкновенно забывается, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что она наука ненужная въ курсѣ, напротивъ: усвоеніе методовъ изслѣдованія ея содержанія развиваетъ тѣ душевныя силы, которые для насъ, при нашей теперешней обстановкѣ, наиболѣе цѣнны; это именно—способность къ точному анализу, къ разложенію явленій, способность составлять мысль по извѣстнымъ, наиболѣе совершеннымъ законамъ и выражать ее фразами, построенными по типу формулъ. Эти

способности, какъ слѣдъ изученія математики, при благопріятныхъ условіяхъ остаются на всю жизнь, передаются слѣдующимъ поколѣніямъ и такимъ образомъ постепенно и неуклонно совершенствуютъ нашу мысль.

Суть этого вліянія заключается въ томъ порядкѣ, въ той дисциплинѣ, которая вносится въ мысль, въ составленіе умозаключеній, въ изслѣдованіе фактовъ и проч. Это и дѣлаетъ математику драгоцѣнною въ школьныхъ курсахъ. Но эта роль, роль внесенія порядка въ хаосъ примитивной мысли, свойственна не только математикѣ, но и другимъ наукамъ, каждой въ своей области, и среди нихъ грамматика по свойству своего предмета должна занимать выдающееся мѣсто, можно сказать, первое. Правда, ея категоріи точно и ясно ограничены лишь въ типичныхъ представителяхъ, ея законы представляютъ пеструю смѣсь, цѣлую перспективу перекрещивающихся теченій, старыхъ и новыхъ, вымирающихъ и нарождающихся, сильныхъ и слабыхъ, и все это входитъ въ курсъ грамматики въ школѣ, конечно только въ извѣстной мѣрѣ; за то ученики могутъ быть введены (напр. при изученіи ц.-славянскаго языка въ 4-мъ классѣ, при изученіи языка писателей—въ высшихъ) и вводятся въ изученіе законовъ эволюціи, т. е. развитія формъ. Въ этомъ видѣ роль грамматики сходна съ ролью естественно-историческихъ наукъ, каковы—физика, зоологія и проч. Есть впрочемъ одна весьма существенная разница. Въ то время, какъ предметы наблюденія и классификаціи, подвѣдомственные естественно-историческимъ наукамъ, требуютъ дорого стоющихъ кабинетовъ, *всѣ объекты грамматическіе даны въ языкѣ классическихъ писателей* ровно настолько, насколько это необходимо въ школѣ, слѣдовательно, допускаютъ многоразличныя комбинаціи уже на первыхъ ступеняхъ обученія и при сравнительно небольшихъ средствахъ.

Итакъ грамматика по широтѣ вліянія на дисциплину мысли важнѣе математики, по доступности же объекта наблюденія удобнѣе другихъ школьныхъ наукъ (а положительныя, фактическія знанія при этомъ разумѣются сами собою, хотя конечно съ разныхъ точекъ зрѣнія ихъ роль оцѣнивается различно).

Эти дисциплинирующія свойства грамматики конечно дѣйствуютъ и на грамотность во всѣхъ ея формахъ (сначала—черезъ сознаніе учителя, впослѣдствіи—черезъ собственное): они вносятъ въ сознаніе тотъ порядокъ, то чувство закономѣрности, благодаря которымъ знаніе пріобрѣтаетъ устойчивость, наибольшую производительность и цѣнится, какъ сила.

Само собою разумѣется, что чѣмъ стройнѣе, научно правильнѣе и практически проще выражена извѣстная система, тѣмъ шире и глубже ея дисциплинирующіе слѣды въ мысли; чѣмъ понятнѣе она, т. е. чѣмъ легче для усвоенія, тѣмъ скорѣе прививается къ мысли сама дисциплина и тѣмъ прочнѣе, слѣдовательно и дольше она дѣйствуетъ.

II.

Перехожу теперь къ другому вопросу, къ вопросу о томъ, насколько нынѣ распространенныя грамматики удовлетворяютъ поставленнымъ выше требованіямъ дисциплины и порядка.

Распространеннѣйшія изъ нихъ есть болѣе или менѣе удачныя компиляціи грам. Ѳ. Буслаева, а съ недавняго времени и „Русскаго правописанія" Я. Грота. О принципахъ первой, значитъ и о грамматикахъ, на нихъ основанныхъ, мы уже заслушали здѣсь нѣсколько сообщеній; къ тому же основы ея съ необыкновенною тщательностью разобраны въ соч. А. А. Потебни „Изъ зап. по рус. грам." (Изд. 2-е Харьковъ. 63—75 и въ другихъ мѣстахъ). Поэтому останавливаться на нихъ я не буду; скажу только, что сказанное здѣсь (въ заслушанныхъ нами рефератахъ) относительно нѣкоторыхъ ихъ пріемовъ обминаетъ собою всѣ ихъ пріемы, всю ихъ сущность. Затѣмъ лично я остановлю ваше вниманіе на другомъ сочиненіи, на „Рус. прав." Я. К. Грота, имѣя въ виду главнымъ образомъ его грамматическіе принципы.

Основное положеніе грамматики Я. К. Гротомъ выражено такъ: „Языкъ и мысль—одно; законы языка—плодъ здраваго человѣческаго смысла, а не глубокихъ ученыхъ соображеній или выдумокъ" (Фил. розысканія т. I.—1885.—524).

Невѣрность отождествленія языка съ мыслью (первая часть положенія) уже доказана: языкъ признается наиболѣе совершенною формою мысли (ибо есть и другія формы ея, менѣе, совершенныя, напр.: музыка, живопись и проч.) и съ нею не отождествляется, какъ не отождествляется тѣло съ душею. Еще удивительнѣе вторая часть положенія: для меня она слишкомъ туманна. Это не есть отрицаніе грамматики, *какъ науки о языкѣ*, что видно изъ другихъ мѣстъ цитируемой статьи; кажется, въ этомъ надо видѣть отрицаніе только нѣкоторыхъ пріемовъ, проникающихъ въ послѣднее время въ школьную практику (напр. начала грамматики съ ученія о предложеніи), и отрицаніе стремленія сдѣлать школьную грамматику наукой по современному образцу. Если это такъ, то и вторую часть положенія надо признать или совершенно неудовлетворительною, или неудачно выраженною. Ибо что такое „здравый человѣческій смыслъ", не имѣющій отношенія къ „глубокимъ ученымъ соображеніямъ"? Это—или миѳъ или крупное недоразумѣніе.

Какъ отразилась эта неправильность и неясность основной исходной точки на учебникѣ, мы увидимъ ниже.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ „Фил. роз." (т. I—530) Я. Гротъ выражаетъ такую мысль: „старый, хотя и дурной терминъ, лучше новаго, неизвѣстнаго нъ наукѣ"... Нельзя не признать за этою мыслью весьма большой солидности, но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что первая часть „Рус. прав."

пестритъ именно такими, неутвердившимися въ наукѣ, терминами. Таковы напр.: *облеченные* гласные (вм. йотированные), *голосовые и безголосные* согласные звуки (вм. звучные и отзвучные), *смычные и проторные*. Это конечно мелочь. Но далѣе идутъ болѣе важныя вещи.

На 2-й стр. (изд. 1893 г.) Гротъ сознаетъ, что *знаки й, ё должны бы также занимать мѣсто въ азбукѣ*, но въ азбуку ихъ не вводитъ, хотя и пользуется ими въ своей книгѣ. На стр. 8 онъ трактуетъ о двухъ г, о г близкомъ къ к и g (франц.) и о г близкомъ къ х, вводитъ оба знака звука въ таблицу согласныхъ, въ азбукѣ же одного изъ нихъ нѣтъ, а въ самой таблицѣ неумѣстилось цѣлыхъ семь звуковъ (р, л, м, н, ц, ч и щ). На стр. 6-й онъ утверждаетъ, что „дифтонгъ *ій*, равно какъ и *ый, не любимъ русскимъ языкомъ*, и въ произношеніи, а отчасти и на письмѣ, замѣняется звуковыми группами *ой, ей* (нагóй, прямóй, лéй, судéй и пр.)". (Такимъ образомъ въ грамматику вводится новый элементъ любви и нелюбви, да еще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣло грамматически такъ просто). На стр. 3-й читаемъ: „Главное различіе между звуками рѣчи зависитъ отъ того, произносятся ли они открытымъ ртомъ, какъ напр. *а, о, у*, или для произнесенія ихъ нужно болѣе или менѣе тѣсное сближеніе двухъ частей рта, напр. *к, г, с, з*. Звуки перваго рода по самому способу своего произношенія называются *гласными* (вокалами, отъ лат. vox=голосъ); звуки втораго рода—*согласными* (консонантами), потому что они только съ помощью гласнаго звука могутъ образовать слогъ". На 4-й: „Если въ образованіи звуковъ рѣчи участвуетъ голосъ, то они называются *голосовыми*, напр. *а, д, з;* звуки, образуемые безъ участія голоса, именуются *безголосными*, напр. *т, с.*" Къ послѣднему добавлена слѣдующая фраза: „Всѣ гласные звуки суть голосовые, чѣмъ объясняется и названіе ихъ". Для меня здѣсь ясно только одно, что есть звуки, для произнесенія которыхъ голосъ не нуженъ; но очевидно подъ словомъ „голосъ" здѣсь разумѣется что-то особенное, оригинальное, иначе вся фраза—абсурдъ; все же остальное настолько неясно, такъ спутано, что трудно опредѣлить даже точку зрѣнія, съ которой смотритъ авторъ.

На стр. 12 авторъ находитъ, что слоги: *би, де, дѣ, лё, ря, тю* „должны бы имѣть такое начертаніе: бⁱи, дⁱэ, лⁱо, рⁱа, тⁱу", а слова: няня, дядя, лёдъ, блюдо должны были бы писаться: нⁱанⁱа, дⁱадⁱа, лⁱодъ, блⁱудо". Очевидно, автору никогда не приходилось наблюдать, какъ учатъ начинающихъ азбукѣ, съ какимъ трудомъ многіе (не всѣ) ученики учатся сліяніемъ въ родѣ вышеприведенныхъ, да и по существу дѣла равенства, имъ здѣсь устанавливаемыя, невѣрны.

На стр. 20 устанавливается такое понятіе о правописаніи: „*Правописаніемъ (орѳографіей)* называется общепринятый на практикѣ и узаконен-

ный теоріей способъ начертанія словъ". Я ничего не имѣю противъ такого опредѣленія, но дѣло въ томъ, что оно не выдерживается самимъ авторомъ.

На стр. 25 авторъ говоритъ: „но по недоразумѣнію издавна установился обычай писать: *Авдотья, Австафій* и т. п." Такой обычай въ *литературномъ языкѣ* мнѣ неизвѣстенъ, ибо здѣсь правильными считаются *Евдокія, Евстафій; какъ провинціализмъ же* они никакого недоразумѣнія не представляютъ.

На стр. 30—38 авторъ не признаетъ глаголовъ со смѣшанными темами, какъ бѣж-и-шь и бѣг-у-тъ, хоч-е-шь и хот-я-тъ, между тѣмъ они несомнѣнно существуютъ.

На стр. 41 сказано: „что же касается формъ неопредѣленнаго наклоненія *проповѣдовать, завѣдовать*, то нѣтъ основанія допускать ихъ при формахъ съ окончаніемъ на *ывать*, правильно образованныхъ отъ простаго глагола *вѣдать*". Но съ другой стороны, разъ въ языкѣ существуютъ формы *проповѣдую, завѣдуешь*, разъ они обрязованы совершенно правильно, аналогично съ другими, то и вычеркнуть ихъ изъ языка однимъ почеркомъ пера тоже невозможно.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій очевидно, что глаголы съ темами $\frac{\text{-уе-}}{\text{-ова-}}$ (проповѣдовати, испытовати, связовати, наказовати, обязовати) авторъ считаетъ менѣе употребительными, чѣмъ глаголы на $\frac{\text{-ывае-}}{\text{-ыва-}}$ и спеціально славянскими. Если первое еще имѣетъ основанія, то второе рѣшительно невѣрно.

Вообще такихъ мѣстъ въ „Рус. правописаніи" такъ много, что ихъ перечисленіе заняло бы неменѣе часа-двухъ времени, а между тѣмъ всѣ они однохарактерны. Поэтому я только бѣгло укажу еще на немногія мѣста.

На стр. 87—91 изложены правила о прописныхъ буквахъ; всѣхъ ихъ —12, а съ примѣчаніями больше, между тѣмъ всѣ они довольно удобно сводятся къ 4—5, не болѣе.

На стр. 92—93 авторъ считаетъ неупотребительными такія имена существительныя какъ *заемъ, наемъ*, а во фразѣ: „на сколько частей дѣлится кругъ?"—„сколько"—считаетъ нарѣчіемъ.

Затѣмъ обращаюсь къ теоріи знаковъ.

Теорія знаковъ препинанія изложена въ видѣ ряда фактовъ почти безъ перспективы и освѣщенія: объясненія встрѣчаются, но мало, а они то и цѣнны.

На стр. 108 къ „числу нарѣчій и другихъ подобныхъ имъ реченій", отдѣляемыхъ во фразѣ запятыми, отнесены частью несомнѣнныя безличныя предложенія (можетъ быть, кажется, помнится, признаться и др.), частью слова, служащія дополненіями (къ счастью, по моему мнѣнію и др.), частью слова, являющіяся то въ роли безличныхъ предложеній, то въ роли близкой къ союзамъ (конечно, вѣроятно, право и друг.). Конечно, тамъ есть и нѣсколько словъ, обыкновенно считаемыхъ нарѣчіями, но едва-ли справедливо

На стр. 110 авторъ утверждаетъ, что прилагательное и причастіе иногда употребляются, какъ обстоятельственныя слова. Въ примѣръ приведена фраза: „Мужественный, твердый (т. е. будучи мужественен и твердъ) Александръ былъ неподвижнымъ столбомъ, на который оперлась уязвленная Россія“ (Ѳ. Глинка).

На стр. 102 есть длинное правило о точкѣ съ запятой между подлежащими и сказуемыми, имѣющее лишь интересъ исторической справки (примѣры изъ Карамзина и Батюшкова), что не пояснено. На стр. 111—лишнее правило о запятой при выдѣленіи приложеній, ибо оно заключено въ предшествующемъ. Правило на стр. 104 объ употребленіи двухъ точекъ во фразахъ въ родѣ: „Насъ было двое: братъ и я“ выражено неправильно, какъ и нѣкоторыя другія.

Наконецъ, въ правилахъ о тире недостаетъ по крайней мѣрѣ одного, довольно типичнаго, во фразахъ въ родѣ слѣдующихъ:

Удали горе—не горе,
Въ цѣпи закуй—распѣваетъ.....
Удаль не думавъ добудетъ,
Кинетъ на вѣтеръ—хохочетъ.
Пѣсня заботы—не пѣсня:
Слушать—тоска одолѣетъ.....
(Никитинъ).

Если къ этому прибавить примѣчанія въ родѣ сдѣланнаго по поводу слова *мятель* (=буранъ сверху) и *метель* (=буранъ снизу), то этого будетъ вполнѣ достаточно для характеристики слабыхъ сторонъ даннаго учебника.

Нерѣшительность, противорѣчія самому себѣ, обиліе правилъ въ однихъ случаяхъ, недостатокъ ихъ въ другихъ, въ общемъ—смѣшеніе разнородныхъ точекъ зрѣнія, грамматическихъ и неграмматическихъ и полный произволъ въ ихъ примѣненіи дѣлаютъ пользованіе этимъ учебникомъ очень затруднительнымъ, несмотря на другія очень почтенныя его достоинства. Причину этого надо искать именно въ пренебреженіи автора къ исторіи языка, къ тѣмъ „глубокимъ ученымъ соображеніямъ“, которыя только и способны дать силу и крѣпость „здравому человѣческому смыслу“. Это отсутствіе строго выдержанной исторической точки зрѣнія на языкъ вноситъ въ учебникъ серьезные недочеты, отъ которыхъ не могли его освободить ни огромная эрудиція автора, ни его большія знанія по исторіи правописанія.

Итакъ, современные учебники грамматики не удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы вправѣ къ нимъ предъявлять съ точки зрѣнія дисциплины и порядка. И это не есть только мое личное мнѣніе,—нѣтъ. Уже въ теченіе этого года нашъ отдѣлъ заслушалъ нѣсколько сообщеній, указывающихъ на ту путаницу въ теоріи, слѣдовательно и въ практическихъ

послѣдствіяхъ, которая характеризуетъ наши учебники, и сочувствіе, съ какимъ приняты эти сообщенія, свидѣтельствуетъ о томъ, что группа лицъ, признающихъ неудовлетворительность положенія этого вопроса и ищущихъ выхода, у насъ довольно значительна. Но затѣмъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ центрахъ, въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, на Кавказѣ, въ Вильно,—вездѣ мы встрѣчаемъ лицъ, даже цѣлыя учрежденія, стремящіяся къ тому же, т. е. ко внесенію порядка въ преподаваніе грамматики.

Но да не обвинять меня въ неуваженіи къ памяти великихъ покойниковъ. Изложенное здѣсь есть напротивъ слѣдъ глубокаго, искренняго уваженія къ ихъ трудамъ: послѣднія въ свое время были весьма совершенною наукою, если хотите, научнымъ идеаломъ. Таковы напр. труды Ѳ. Буслаева, въ одномъ смыслѣ—Я. Грота и мн. друг. Скажу болѣе: безъ работы, сдѣланной ими и уже нами воспринятой, невозможна была бы наша теперешняя; т. е. ихъ труды представляются мнѣ тѣмъ необходимымъ историческимъ звеномъ въ цѣпи, безъ котораго сама цѣпь въ настоящее время была бы замѣтно короче: не сдѣлай они своей работы, её пришлось бы дѣлать намъ или нашимъ потомкамъ. Но это уваженіе къ памяти ихъ не мѣшаетъ мнѣ, подобно другимъ, видѣть, что въ исторической цѣпи развитія мысли выросли новыя звенья и думать, что пришло время пустить ихъ въ обращеніе. А такъ какъ подобныя этимъ идеи заявлены уже во многихъ пунктахъ, то повидимому, дѣло ждетъ только человѣка, можетъ быть, группы людей, которые сумѣли бы заговорить всѣмъ понятнымъ языкомъ и этимъ двинули бы его на широкое распространеніе въ массѣ. Такова моя точка зрѣнія на современное положеніе вопроса.

Отсюда перехожу къ изложенію особенностей новой грамматической теоріи.

III.

Приступая къ изложенію основаній новаго пріема преподаванія грамматики, я долженъ оговориться. То новое, что служитъ содержаніемъ моего сообщенія, ново лишь по отношенію къ господствующимъ учебникамъ: его теоретическія основанія изложены мною по трудамъ А. А. Потебни и по популяризаціямъ ихъ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго; основная же идея практическаго приложенія уже давно и весьма настойчиво рекомендуется у насъ многими педагогами, особенно изъ работающихъ для народной школы. Новостью, лично мнѣ принадлежащею, можетъ оказаться (и то до извѣстной степени) комбинированіе основныхъ положеній, нѣкоторыя подробности, да кстати и ошибки, существованіе которыхъ я долженъ по аналогіи признать весьма вѣроятнымъ. Но можетъ оказаться, что и это новое, по крайней

ѣрѣ его части, уже есть у другихъ, ибо до сихъ поръ я не имѣлъ возожности познакомиться даже съ работами Виноградова и Кипріянова.

Съ этими оговорками я приступаю къ изложенію.

Центральное мѣсто новой теоріи, имѣющее громадное практическое начене, есть ученіе о формѣ, объ ея пониманіи. Поэтому и рѣчь свою я ачну съ изложенія ученія о формѣ.

Итакъ, что такое форма и какой видъ приметъ грамматика, какъ наука формахъ, при перемѣнѣ взгляда на форму?

На 25 стр. („Изъ зап. по рус. грам." 1888 г.) у А. А. Потебни мы итаемъ: „Подобное *слово* (т. е. подобное слову *верста*) *заключаетъ въ себѣ* казаніе на извѣстное содержаніе, свойственное только ему одному (разумѣется здѣсь *лексическое* содержаніе слова), и вмѣстѣ съ тѣмъ *указаніе на одинъ или нѣсколько общихъ разрядовъ, называемыхъ грамматическими* атегоріями, подъ которыя содержаніе этого слова подводится наравнѣ съ одержаніемъ многихъ другихъ. Указаніе на такой разрядъ опредѣляетъ остоянную роль слова въ рѣчи, его постоянное отношеніе къ другимъ словамъ".

Поясняя это, авторъ указываетъ далѣе, что напр. слово „верста", какъ и сходныя съ нимъ, всегда есть имя существительное и, какъ таковое, въ рѣчи можетъ появиться, если оно стоитъ въ именит. падежѣ, въ роли подлежащаго, приложенія къ подлежащему, части сложнаго сказуемаго и проч., но не можетъ появиться ни въ роли простого сказуемаго, ни въ роли обстоятельства и проч.

Такимъ образомъ здѣсь подъ *формою* разумѣется два рода признаковъ: болѣе *общіе*, опредѣляющіе грамматическій разрядъ, такъ сказать, тотъ родъ и то семейство (въ естественно-историч. смыслѣ), къ которому относится данное слово (напр. имя существительное извѣстнаго разряда) и *частные*, опредѣляющіе его роль въ рѣчи (напр. подлежащее и т. д.). Оба рода признаковъ, по отношенію къ частному *лексическому* значенію слова, авторъ называетъ *общимъ и грамматическимъ* значеніемъ слова. Въ этомъ опредѣленія термина пока нѣтъ, есть только его описаніе, но такъ какъ въ цитируемой нами главѣ его мы не находимъ, то ограничимся пока этимъ

Грамматическая форма слова—явленіе весьма сложное и тѣмъ не менѣе сложность ея обнаруживается лишь тогда, когда слово дѣлается предметомъ изслѣдованія; въ рѣчи же на ея мышленіе мы затрачиваемъ такъ мало энергіи, что оба значенія слова, лексическое и грамматическое, кажутся слитыми, но такъ, что на первый планъ выдвигается лексическое значеніе (напр. въ словѣ *верста* то, почему это слово обозначаетъ именно *мѣру длины*, или *столбъ*, какъ указаніе на нее), грамматическое же какъ будто не сознается. Между тѣмъ несомнѣнно, что и грамматическое значе-

ніе словъ дѣйствуетъ въ нашей мысли необыкновенно сильно: стоитъ сдѣлать чисто грамматическую ошибку въ рѣчи, сказать напр.: „мой баба пропалъ", чтобы совершенно повидимому безсознательно всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ и неучившіеся грамматикѣ, обвинили васъ въ незнаніи языка, въ неумѣньи говорить. Это значитъ, что признаки правильной рѣчи, данные въ ней самой всѣмъ ея длиннымъ прошлымъ, настолько вошли въ сознаніе, что обратились въ аксіомы; послѣднія въ силу долгой практики сдѣлались привычкой, традиціей, т. е. тѣмъ обычаемъ, причины существованія котораго мы не знаемъ, потому что забыли. За традиціей есть одно важное свойство: первое время своего существованія она дѣйствуетъ какъ абсолютный законъ, какъ законъ, не допускающій исключеній, но это вліяніе нами въ огромномъ числѣ случаевъ рѣшительно не сознается, а потому часто называется напр. инстинктивнымъ: врожденное чутье, инстинктъ обыкновенно есть традиція, движущаяся по инерціи уже безсознательно, толчкомъ даннымъ когда-то давно и уже забытымъ. И тѣмъ не менѣе традиція дѣйствуетъ на всю обстановку, на всѣ новыя образованія и уступаетъ только очевидной необходимости. Но то, что теперь мы называемъ традиціей, въ свое время, можетъ быть и очень отдаленное, было новымъ явленіемъ, неологизмомъ. Напр., еще относительно недавно формы *столами, столамъ, нея* и проч. были неологизмами, теперь—это законы, дѣйствующіе на всемъ протяженіи языка.

Грамматическая форма связана со звуками слова, большей частью съ его окончаніями, рѣже со звуками въ корнѣ, но эта связь чисто традиціонная, т. е. уже безсознательная. Другими словами, мы не знаемъ, почему *a* въ *жен-а* обозначаетъ именно женскій родъ, но несомнѣнно—въ свое время для обозначенія женскаго рода именно этимъ, такъ называемымъ долгимъ *a*, были свои отчетливо сознаваемыя причины; оно, это обозначеніе, обусловливалось всѣмъ строемъ языка.

Съ другой стороны, грамматическая форма, даже имѣвшая первоначально особый звукъ для своего выраженія, впослѣдствіи можетъ или потерять его, или видоизмѣнить такъ, что ея звукъ станетъ въ концѣ концовъ тожественнымъ со звукомъ, означающимъ другую форму. Напр. совершенно одинаковы нынѣшнія окончанія им. и вин. пад. въ именахъ сущ. неодуш. на $\frac{-ъ}{-а}$ (стол-ъ,-а), но нѣкогда они были различны, какъ были различны по звукамъ печ-ь,-и (имя сущ.) и печ-ь, пек-у (глаголъ). Вмѣстѣ съ подобнаго рода звуковыми измѣненіями сама форма не теряется, но тогда, когда ея существованіе поддерживается аналогичными явленіями. Такъ, нами отчетливо сознается вин. пад. у именъ неодуш. на-ъ/-а и не смѣшивается съ именит.; этому сознанію помогаетъ, какъ то, что въ им. жен. рода эта форма имѣетъ еще до сихъ поръ особое окончаніе на-у,

такъ и то, что въ одуш. им. сущ. муж. рода она сходна съ формой род. пад.—Въ другихъ случаяхъ, т. е. въ случаяхъ, когда аналогіи не поддерживаютъ въ сознаніи существованія формы, она исчезаетъ изъ языка вмѣстѣ съ потерей звуковъ, ее обозначавшихъ, какъ исчезли напр. aorist, imperfectum, собирательныя им. сущ. въ ед. числѣ на—ье=іе (зятье, листьё) и проч. Но это обыкновенно значитъ, что данная форма для цѣлей языка сдѣлалась ненужною, лишнею, ибо въ случаяхъ, когда это нужно, языкъ сохраняетъ даже очень древнія формы и распространяетъ ихъ на слова, прежде ихъ неимѣвшія, какъ напр.: сахар-а и сахар-у. Въ этомъ сохраненіи рядомъ двухъ формъ въ однихъ и тѣхъ-же словахъ, формъ, прежде употреблявшихся иначе, сказывается обыкновенно сознаніе новаго оттѣнка въ мысли. какъ въ данномъ случаѣ—форма род. падежа на-у приспособлена для обозначенія частичности.

Итакъ, подъ грамматической формой здѣсь разумѣется почти тоже, что и въ остальныхъ грамматикахъ, это именно—*обозначеніе разряда*, къ которому принадлежитъ слово и *роли его въ предложеніи*. Но затѣмъ дальнѣйшее ея пониманіе различно, что видно изъ нижеслѣдующаго.

Форма обнаруживается въ словѣ, слово—въ рѣчи и нигдѣ болѣе. Помѣщаемыя обыкновенно въ словаряхъ значенія слова есть своего рода обманъ. Напр., подъ словомъ *баба* мы находимъ 8 значеній: 1) мать отца, 2) повивальная бабка, 3) женщина низкаго сословія, 4) птица пеликанъ, 5) чугунное орудіе для забиванія свай и т. д. При этомъ не приведены еще нѣкоторыя изъ значеній, напр.—чучело изъ снѣга, каменная статуя, особый видъ кушанья и т. д.

Значитъ ли это, что слово *баба* имѣетъ много значеній, или что мы знаемъ, что значитъ это слово, напр., во фразахъ: „баба есть баба", или просто „баба", или „что такое баба"? Нѣтъ, не значитъ. Въ каждый данный моментъ, каждый разъ, какъ произносится это слово, его значеніе для говорящаго конечно ясно, но для слушающаго оно опредѣляется лишь признаками, заключенными въ самой рѣчи, а тамъ вразъ непомѣстится даже два значенія. Такъ во фразѣ „баба летитъ"—баба=птица, въ „баба плачетъ, смѣется"—баба=женщина и т. д. Поэтому *въ рѣчи* мы имѣемъ не одно слово *баба*, а по крайней мѣрѣ десятокъ ихъ, одинаковыхъ только по звуковому ихъ обозначенію. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ эти разнообразныя значенія слова можно поставить въ генетическую связь между собою, т. е. можно указать исторію ихъ развитія подъ одною и тою же звуковою оболочкою, какъ сдѣлано это А. А. Потебней для слова „верста", „часть", „доля" и друг. Конечно, эта исторія развитія значеній будетъ чрезвычайно интересна: она приведетъ насъ къ сознанію мелкихъ, инымъ путемъ неуловимыхъ, движеній въ развитіи мысли. Но для пользующагося

языкомъ въ каждый данный моментъ безразлично, почему „пеликанъ“ названъ именно словомъ „баба“ и какое изъ этихъ значеній въ языкѣ появилось ранѣе, значеніе ли птицы, или значеніе женщины: для него важно только то значеніе, которое имѣетъ непосредственный интересъ въ его рѣчи, а въ ней онъ всегда имѣетъ въ виду только одно значеніе.

Тоже слѣдуетъ сказать и о формѣ. Слово „двери“ внѣ фразы не есть ни род., ни дат., ни пред. и проч. пад.; строго говоря, это только звукъ, ровно ничего не значащій, но во фразѣ „отверзи ми двери“—это вин. мн. числа, какъ въ другой: „отверзе языкомъ дверь вѣры“—это вин. ед. числа и т. д.

Еще примѣръ. Даны предложенія: „человѣкъ лежитъ“ и „камень лежитъ“, „волкъ воетъ“ и „вѣтеръ воетъ“. Въ двухъ изъ нихъ подлежащее выражено именами одушевл. и благодаря этому для насъ ясно, что „человѣкъ лежитъ“, потому что ему захотѣлось такъ сдѣлать, а „волкъ воетъ“, потому что ему хочется выть. Но значеніе двухъ другихъ фразъ мы толкуемъ уже иначе: мы не думаемъ, что „камень лежитъ“ потому, что ему хочется лежать, или „вѣтеръ воетъ“ потому, что ему нравится выть, не смотря на то, что въ словѣ „вѣтеръ“ мы имѣемъ въ видоизмѣненной формѣ древнее окончаніе именъ дѣйствующихъ (nomina agentis). И съ современной грамматической точки зрѣнія это различныя предложенія въ одномъ смыслѣ, именно: два изъ нихъ—сочетаніе именъ сущ. *одушев.* съ 3-мъ лицомъ глагола, два—сочетаніе именъ сущ. *неодуш.* и тоже съ 3-мъ лицомъ глагола. Значитъ, разница между ними равна разницѣ между им. сущ. *одушевленными* и *неодушевленными*, въ остальномъ они одинаковы. Отъ этой разницы въ выраженіи подлежащаго въ данномъ случаѣ зависитъ и разница въ формѣ выраженія мысли. Но историческія справки убѣждаютъ насъ въ томъ, что еще не такъ давно всѣ четыре предложенія были совершенно равны и по выраженнымъ въ нихъ пріемамъ мысли: еще не такъ давно люди были увѣрены, что „вѣтеръ воетъ“ потому, что ему такъ угодно, а „камень лежитъ“ потому, что онъ самъ такъ дѣлаетъ, что лежитъ. Это было время, когда во всякой вещи, во всякомъ предметѣ человѣкъ видѣлъ живую душу, когда всѣ имена понимались, какъ одушевленныя. Для многихъ народовъ этотъ періодъ въ мысли не прошелъ еще до сихъ поръ, для насъ—уже: мы уже знаемъ, что далеко не всѣ предметы имѣютъ живую душу, и это знаніе отразилось въ нашемъ языкѣ созданіемъ новаго разряда, разряда неодушевленныхъ именъ сущ., сначала въ именахъ на-ъ/-а, а затѣмъ по аналогіи—во всѣхъ остальныхъ. При этомъ замѣчательно слѣдующее обстоятельство: до появленія новаго порядка всѣ имена сущ. понимались, какъ одушевленныя и во всѣхъ на-ъ/-а винит. былъ сходенъ по звуку съ именит.: съ появленіемъ же разрядовъ одушевл. и неодушевленности сходство по

звукамъ именит. съ винит. сохранилось въ томъ разрядѣ, который въ языкѣ ранѣе повидимому не существовалъ, т. е. въ именахъ неодушевленныхъ; вновь же созданная форма, сходство по звукамъ именит. съ родит., явилась какъ отличіе именъ одушевл.; значитъ, языкъ какъ бы вновь создалъ разрядъ одушевл. именъ, нѣсколько отличный отъ прежняго, обративъ ранѣе существовавшій обычай въ обозначеніе неодушевл. именъ; другими словами, языкъ въ этомъ случаѣ поступилъ какъ разъ наоборотъ тому правилу, по которому „новые мѣха—для новаго содержанія". И вотъ въ результатѣ въ современномъ строѣ языка мы имѣелъ два рода предложеній: въ одномъ (съ подлежащими выраж. одушев. им. сущ.) продолжается еще прежній строй мысли, хотя и въ новой обстановкѣ, качественно измѣняющей форму мысли („человѣкъ лежитъ"=онъ самъ дѣлаетъ такъ, что лежитъ, но наша мысль въ этомъ случаѣ значительно легче мысли поколѣній предшествующаго періода); въ другомъ—возникаетъ новый строй: „камень лежитъ" уже не потому, что онъ самъ такъ дѣлаетъ, а потому, положимъ, что его бросили и оставили лежать.

Такимъ образомъ, образованіе новой грамматической формы закрѣпляетъ собою и новую форму выраженія мысли, и, какъ уже было замѣчено, въ подобныхъ случаяхъ языкъ *часто* пользуется старыми, уже издавна существовавшими въ немъ формами, забывая прежнее ихъ значеніе и давая имъ новое. (Таковы формы род. и предл. пад. на-у, им. множ. ч. на-а и т. д.).

Отсюда ясно, что грамматическая форма выражается обыкновенно, но не непремѣнно, особыми звуками; что вмѣстѣ съ тѣмъ она есть не только орудіе проведенія въ сознаніе данной мысли, но и орудіе распознаванія роли слова въ предложеніи.

Уже въ изложенномъ просвѣчиваетъ взглядъ на грамматическую форму, какъ на явленіе, имѣющее свою исторію. И дѣйствительно, современная наука смотритъ на языкъ, во-первыхъ, какъ на живой организмъ, во-вторыхъ, какъ организмъ, имѣющій свою длинную исторію и въ этомъ смыслѣ, до извѣстной степени, онъ допускаетъ сравненіе съ человѣческимъ организмомъ. Въ этомъ послѣднемъ по подсчету извѣстнаго анатома Видерсгейма (см. статью проф. Мечникова „Законъ жизни" въ „Вѣст. Евр." 1891—IX—238) на девять органовъ несомнѣнно развивающаяся (головной мозгъ, мускулы рукъ, расширеніе лопатокъ и проч.) приходится 12 идущихъ къ упадку, къ изчезновенію, хотя и способныхъ къ работѣ (мускулы ногъ и ступни, обонятельные бугры, носовыя раковины, клыки и проч.) и 78 рудиментарныхъ, т. е. совершенно заглохшихъ, къ работѣ уже неспособныхъ (лишнія пары реберъ, ушныя и затылочныя мышцы и нервы, зубы мудрости, остатки шерсти и проч.). .

Словомъ, человѣческій организмъ не представляетъ собою неподвижнаго

и вполнѣ цѣлесообразнаго цѣлаго, а есть цѣлое установившееся лишь отчасти, только стремящееся къ полному уравновѣшенію. Языкъ—тоже организмъ; онъ—тоже совокупность органовъ, только его органы называются грамматическими разрядами, формами; въ немъ также идетъ борьба между органами, т. е. формами, и однѣ изъ нихъ исчезаютъ или, какъ говорятъ, вымираютъ, другія возникаютъ, упрочиваются и развиваются. Такъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ вымерли формы аористовъ, множ. числа мужескаго склоненія, формы есмь, еси и т. д., и на нашихъ глазахъ возникли и развились напр. разряды одушевленности и неодушевленности въ именахъ типа -ъ/-а, а съ тѣмъ вмѣстѣ и во всемъ языкѣ, разряды совершенности и несовершенности въ глаголахъ и т. д.; на нашихъ же глазахъ расширяется глаголъ въ роли сказуемаго, формируются нѣкоторые союзы и нарѣчія и проч.

Такимъ образомъ въ языкѣ, какъ въ большомъ организмѣ, все движется, все идетъ впередъ, но каждый типичный моментъ оставляетъ на его поверхности свой слѣдъ, какъ оставляетъ онъ его въ организмѣ человѣка и всей природы вообще. При этомъ разумѣется, во всѣ времена жизни въ немъ (т. е. языкѣ) постоянно остается то существенно важное, что поддерживаетъ традицію, преемственность явленій и что охраняетъ его, какъ особый видъ или типъ языка. Словомъ, это—организмъ очень сложный.

Отсюда ясна необходимость знанія исторіи языка, исторіи развитія его формъ. Необходимы эти знанія для того, чтобы не смѣшивать въ одну кучу, напр., такихъ явленій, какъ предложенія „вечеръ", „полночь", столь обычныя въ поэтической рѣчи, съ „вечеръ наступилъ", или „была полночь" (по строю и характеру эти предположенія совершенно различны), слѣдовательно для того, чтобы имѣть въ рукахъ средства для наиболѣе совершенной классификаціи явленій языка, ихъ пониманія и объясненія. Во-вторыхъ, какъ наиболѣе совершенное знаніе, оно необходимо и для того, чтобы дисциплинирующее вліяніе грамматики сдѣлать наиболѣе могучимъ. Строго говоря, объ этомъ не было бы нужды говорить, если бы современныя грамматики не страдали именно съ этой стороны; обычное ихъ построеніе таково, что въ немъ нѣтъ ни перспективы, ни тѣней: важное и неважное, вымирающее и развивающееся — въ нихъ все свалено въ одну кучу, изъ которой каждый вправѣ брать все, что ему нравится. При этомъ конечно много недостающаго и кое-что совершено лишнее (есть исключенія въ родѣ грам. Колосова, но рѣдкія). При такихъ условіяхъ грамматика напоминаетъ собою плохо составленную и случайно подобранную библіотеку: она не даетъ отвѣта на огромное число важныхъ вопросовъ, но даетъ много хлама (какъ для нашей мѣстности—*чесъ*), съ которымъ трудно сладить.

Но историческая грамматика обязана своими успѣхами изученію языка

въ рѣчи подобно тому, какъ естественныя науки получили всю силу воспитательнаго значенія лишь съ того момента, какъ вынеслись изъ лабораторій на широкое поле наблюденія организмовъ въ природѣ. Какъ естественникъ, желающій быть понятнымъ и полезнымъ, начнетъ, положимъ, ботанику не съ латинскихъ названій, не съ опредѣленія семействъ, родовъ и отдѣловъ, а выведетъ своего ученика въ садъ, въ поле, покажетъ ему растенія среди обстановки ихъ жизни, тамъ путемъ сравненія намѣтитъ вмѣстѣ съ ученикомъ ихъ признаки,—такъ долженъ поступать и грамматикъ: онъ долженъ ввести своего ученика въ рѣчь, т. е. въ тотъ миръ, въ которомъ живутъ слова и формы; онъ долженъ на время забыть свой учебникъ, и въ рѣчи искать тоже путемъ сравненія тѣхъ дѣйствитсльно существующихъ признаковъ, которые отличаютъ одну форму отъ другой. Въ этомъ по моему заключается лучшій для настоящаго времени путь изученія языка.

Отсюда первое послѣдствіе этого—*изученіе грамматической формы во фразѣ, въ рѣчи,* какъ совокупности фразъ (предложеній), но не по грамматикѣ. Грамматика при этомъ явится пособіемъ завершающимъ занятія, сводомъ знаній, добытыхъ ранѣе практическимъ путемъ, путемъ наблюденія рѣчи.

Это требованіе изученія языка въ рѣчи, какъ уже было замѣчено, въ педагогической литературѣ—не новость: оно давно и очень настойчиво проводится за границей, во Франціи, въ Германіи и у насъ, главнымъ образомъ среди педагоговъ народныхъ школъ, но повидимому до сихъ поръ не выливалось въ вполнѣ опредѣленную, ясную для всѣхъ форму. Теперь, благодаря успѣхамъ науки, по этому поводу можно высказаться вполнѣ опредѣленно: это есть прямо изученіе (въ отдѣльныхъ случаяхъ—заучиваніе) произведеній лучшихъ писателей, мастеровъ-стилистовъ, но въ извѣстномъ подборѣ. Здѣсь формы являются въ наиболѣе совершеной обстановкѣ, поэтому здѣсь и слѣдуетъ ихъ изучать, но только по тѣмъ отличіямъ ихъ, которыя существуютъ въ самой рѣчи, а не въ воображеніи изучающаго.

Но вопросъ, какой видъ тогда приметъ грамматика?

Изъ того, что въ ней есть, останется только то, что познается какъ особая форма и соотвѣтственно съ этимъ кое-что прибавится, все же вмѣстѣ приметъ очевидно другія формы.

Прежде всего новая грамматика явится состоящею изъ ряда законовъ-правилъ, исключенія же изъ нея уйдутъ, какъ несоотвѣтствующія достоинству ея, какъ науки. Затѣмъ измѣнятся ея классификаціи и опредѣленія: они должны быть безусловно формальными, т. е. основанными и развитыми на дѣйствительно существующихъ формахъ и на взаимномъ ихъ отношеніи. Поэтому въ частности изъ нея уйдутъ многія изъ правилъ, обязанныя своимъ происхожденіемъ недоразумѣнію, какъ напр. ученіе о сокращенныхъ

придаточныхъ предложеніяхъ, объ общихъ родахъ и залогахъ и проч., измѣнится ученіе о видахъ глаголовъ, разрядахъ им. сущ. и прил. и многое другое. Далѣе въ ней должны будутъ выдѣлиться въ особыя группы архаизмы и провинціализмы конечно тамъ, гдѣ это необходимо и ровно настолько, насколько это нужно для отчетливости пониманія литературнаго языка (т. е. смотря по мѣсту, напр. „иты до дому“ = „идти домой“ и „идти къ дому“ и проч.). Все же вмѣстѣ должно расположиться такъ приблизительно, какъ рисуется картина: съ фономъ, перспективой и проч.

До какой степени это относительно новое ученіе о формѣ дѣлаетъ грамматику точною и стройной наукой, я постараюсь показать на примѣрѣ. Беру ученіе о членахъ предложенія и именно потому, что эта часть превосходно освѣщена у А. А. Потебни... „Подлежащее.... есть вещественное указаніе на непосредственнаго производителя признака, означаемаго сказуемымъ“ (стр. 93).

На 94 стр.: „Въ нашихъ языкахъ единственные падежи, способные выражать подлежащее, суть имеиительный (какъ 3-е лицо) и звательный“ (какъ 2-е лицо).

„Глаголъ (=сказуемое) изображаетъ признакъ во время возникновенія его отъ дѣйствующаго лица“ (стр. 84). Это опредѣленіе глагола есть въ тоже время и опредѣленіе глагольнаго сказуемаго, выраженнаго ver. fin. „Грамматическій атрибутъ (=опредѣленіе) есть названіе признака, представляемаго даннымъ въ субстанціи (=вещь=имя существ.), обозначенной другимъ словомъ“ (стр. 99).

„Грамматическій объектъ (=дополненіе) есть несогласуемый ни съ чѣмъ косвенный падежъ имени“ (115).

Въ другомъ мѣстѣ подлежащее опредѣлено какъ источникъ дѣятельности, а дополненіе—какъ предѣлъ его или какъ другой предметъ (стр. 91).

Разница между именемъ въ опредѣленіи и именемъ въ сложномъ сказуемомъ опредѣлена такъ: „опредѣленіе и приложеніе означаютъ признаки, уже данные въ опредѣляемомъ прежде, чѣмъ возникаетъ дѣйствіе, атрибутъ, т. е. опредѣленіе въ сказуемомъ есть признакъ возникающій вмѣстѣ съ дѣйствіемъ, или посредствомъ его“ (117).

Обстоятельство опредѣлено какъ нарѣчіе, т. е. какъ „признакъ, связуемый съ другимъ признакомъ даннымъ или возникающимъ и лишь черезъ его посредство относимый къ предмету“ (119).

Наконецъ, всѣ опредѣленія сведены въ слѣдующей формулѣ: „Какъ личный глаголъ есть тѣмъ самимъ сказуемое или предикативная связка; какъ имя въ прямомъ падежѣ, несогласуемое съ другимъ, есть подлежащее, имя въ косвенномъ, несогласуемомъ съ другимъ падежѣ есть дополненіе,

а согласуемое имя въ любомъ падежѣ есть опредѣленіе или часть сказуемаго: такъ и обстоятельству присвоена особая форма, нарѣчіе".

Точность и особая, оригинальная стройность этой системы, въ которой каждый членъ предложенія опредѣляется грамматической формой его, не подлежитъ сомнѣнію. Можно говорить только о трудности пониманія формулъ опредѣленій, но во-первыхъ, они допускаютъ возможность упрощенія, во-вторыхъ, они имѣютъ совсѣмъ другой видъ при привычкѣ къ нимъ, когда они входятъ въ предметъ, какъ часть опредѣляющаяся и вытекающая изъ всѣхъ пріемовъ преподаванія предмета, когда они идутъ не впереди, а позади грамматическихъ занятій и служатъ сводомъ грамматическихъ знаній. Зато это вполнѣ научно построенныя опредѣленія; зато ихъ руководящіе принципы устраняютъ господствующую въ настоящее время грамматическую путаницу, не даютъ мѣста ни произволу, ни личнымъ вкусамъ; они дѣлаютъ грамматику наукой въ томъ смыслѣ, въ какомъ наукой считается ариѳметика, физика и другія, т. е. наукой съ точно очерченнымъ кругомъ явленій и выработаннымъ, ей одной свойственнымъ, методомъ изслѣдованія. При этомъ *фактомъ* и въ тоже время *предметомъ изученія* въ этой наукѣ будутъ служить слова и формы, дѣйствительно существующія въ рѣчи. Напр. обыкновенно мы говоримъ и учимъ, что при повелит. накл. подлежащимъ является второе лицо—*ты, вы*: будь—кто? ты; приди—кто?—ты и проч. Но если въ рѣчи мы находимъ и фразы: „*не будь* на то *господня воля*, не отдали бъ Москвы", и фразы: „*не приди я* во время, быть бы бѣдѣ великой", если при этомъ прямое наблюденіе указываетъ, что такія предложенія въ настоящее время обычны, то скажемъ-ли мы, что подлежащее при „будь", „приди", т. е. при повел. накл. есть непремѣнно *ты?* Нѣтъ. Считая *фактомъ* форму слова въ предложеніи, мы не можемъ упустить и не упустимъ изъ виду вышеуказанныя сочетанія.

Методомъ изслѣдованія ея будетъ сравненіе значенія формъ слова во фразѣ. Напр. въ такомъ родѣ: стар-ѣе-тъ, стар-ик-ъ, стар-ый, стар-о; бѣж-и-тъ, бѣг-ъ, бѣг-л-ый, бѣг-л-о и т. д. Это—сравненіе, въ результатѣ котораго должно получиться опредѣленіе частей рѣчи, т. е. что глаголъ означаетъ признакъ въ видѣ дѣятельности („человѣкъ старѣетъ", т. е. онъ дѣлаетъ такъ, что „старѣетъ"), прилагательное—признакъ какъ данный, уже готовый, ранѣе сложившійся въ вещи, обозначенной им. сущ. (старый—кто?—человѣкъ, домъ и проч.), имя существительное—тотъ же признакъ, но въ видѣ самостоятельнаго образа, вещи („старикъ", „бѣгъ" и проч.) и т. д.

Такъ поставленная грамматика уже владѣетъ точно ограниченными принципами, которые повышаютъ достоинство ея, какъ школьной дисциплины и дѣлаютъ ея роль наиболѣе благотворною.

Теперь обращаюсь къ вопросу, какъ провести эти принципы въ жизнь,

въ школу; онъ допускаетъ конечно различныя рѣшенія. Я укажу на одно изъ нихъ, выработавшееся у меня всею предшествовавшею практикой и, по свойственной всѣмъ людямъ слабости, кажущееся мнѣ наиболѣе удачнымъ.

IV.

Переходя къ практическимъ указаніямъ, я не буду теперь касаться вопроса о техническихъ пріемахъ преподаванія: ихъ выборъ обыкновенно зависитъ. какъ отъ личныхъ свойствъ преподавателя, такъ и отъ уровня знаній, развитія учениковъ. А такъ какъ и то и другое складывается изъ различныхъ элементовъ и появляется затѣмъ въ различныхъ, иногда неуловимыхъ по оттѣнкамъ комбинаціяхъ, то, во-первыхъ, эти пріемы у каждаго должны быть очень разнообразны, во-вторыхъ, напередъ никогда нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ, что наилучшимъ въ данное время будетъ именно тотъ, а не другой пріемъ. Словомъ, въ такомъ дѣлѣ, какъ техника преподаванія, хотя она и имѣетъ уже свои опредѣлившіеся типы, субъективныя. чисто личныя особенности преподавателя, его симпатіи и антипатіи, всегда стремятся выбиться на первый планъ, и въ хорошихъ рукахъ всякій пріемъ можетъ дать блестящіе результаты. Поэтому здѣсь я намѣчаю лишь вопросъ о томъ направленіи преподаванія грамматики, которое кажется мнѣ наилучшимъ.

Здѣсь прежде всего является вопросомъ, съ чего начинать? Съ болѣе ли частныхъ разрядовъ, каковы — подлежащее, сказуемое и проч., или съ общихъ, какъ имя сущ., прилаг. и проч.? По обычной терминологіи: съ синтаксиса или съ этимологіи?

Строго говоря, если имѣть въ виду только зубреніе учебника, то рѣшительно все равно, съ чего начать, но если имѣется въ виду изученіе языка, то тогда этотъ вопросъ получаетъ очень серьезное значеніе.

По этому поводу отмѣчу весьма авторитетно и рѣшительно высказанное мнѣніе Я. Грота. Поставивъ вопросъ: съ чего начинать, съ частей рѣчи или съ предложенія? онъ отвѣчаетъ на него такъ: „ребенку обыкновенному трудно растолковать даже, что такое предложеніе: какъ же объяснить ему, что значитъ опредѣленіе, дополненіе, особливо—обстоятельство? Все это философія рѣчи, самыя отвлеченныя понятія, требующія особеннаго углубленія мысли въ отношенія словъ, тогда какъ *чисто грамматическія объясненія*, опираясь отчасти на форму словъ, на ихъ внѣшніе признаки и примѣты, *гораздо доступнѣе уму дитяти*.... Ясно какъ день, что грамматика, или точнѣе, такъ называется этимологія, относится къ ученію о предложеніи, какъ низшее къ высшему, какъ простое къ сложному". Въ другомъ мѣстѣ: „Намъ кажется, что новая метода, начинающая ученіе грамматики съ предложенія, произошла отъ превратнаго пониманія дѣтской

природы. Чувствовали надобность въ измѣненіи старой методы; но *вмѣсто того, чтобы упростить грамматику, дали ей обратный ходъ и навязали уму дитяти то, что составляетъ потребность зрѣлаго мышленія*. Какъ водится, русскіе увлеклись въ этомъ случаѣ примѣромъ нѣмцевъ. (Дистервегъ)" („Фил. розысканія" т. I. 526—527).

Эта точка зрѣнія совершенно справедлива, но только по отношенію къ господствующей грамматической теоріи. Дѣйствительно, когда предложеніе опредѣляется какъ логическое сужденіе, когда его члены опредѣляются съ какой угодно точки зрѣнія, но только не съ грамматической, тогда въ ученіи о предложеніи мы можемъ встрѣтить очень много логики и кой-чего другого, и очень мало грамматики; тогда начинать съ предложенія дѣйствительно необыкновенно трудно: его теорія дѣйствительно выйдетъ и выходитъ (это фактъ, подтверждаемый очень многими педагогами) изъ сферы дѣтскаго пониманія и на мѣсто изученія языка станетъ зубреніе опредѣленій, помѣщенныхъ въ грамматикѣ,—работа по меньшей мѣрѣ безполезная.

Но затѣмъ въ вышеприведенныхъ словахъ Я. Грота есть два положенія, съ которыми я не могу согласиться: во-первыхъ, что начало преподованія грамматики съ предложенія есть результатъ превратнаго пониманія дѣтской природы, во-вторыхъ, что оно есть обратный ходъ, есть навязываніе уму дитяти того, что составляетъ потребность зрѣлаго мышленія.

По отношенію къ первому я глубоко убѣжденъ, что, если имѣть въ виду точное, научно систематизированное знаніе, то мы дѣтской природы не знаемъ; что въ настоящее время мы сдѣлали только первые шаги къ ея изученію, шаги еще очень небольшіе, только слабо подымающіе завѣсу. Вотъ что, напр., говоритъ по этому поводу И. Ѳ. Аненскій: „Наблюденія надъ психическими моментами дѣтской рѣчи пока весьма недостаточны. Мы знаемъ, что въ значеніи словъ у ребенка эмоціональная сторона преобладаетъ надъ логическою; далѣе, что слова содержанія реальнаго являются ранѣе отвлеченныхъ, а глаголы и имена ранѣе мѣстоимѣній (А. А. Потебня думаетъ нѣсколько иначе), что правильное употребленіе грамматическихъ формъ достается ребенку всего позже. Мы знаемъ далѣе, что всякое имя для ребенка первоначально есть названіе не понятія, а представленія, т. е. имя собственное: лампа—есть лампа въ столовой, мама—родная мать. Наконецъ, мы знаемъ, что личная форма рѣчи находится внѣ умственныхъ потребностей ребенка на первой ступени развитія, и что ребенокъ въ началѣ, говоря о себѣ, приводитъ свое имя".... (Образов. значеніе род. языка". Рус. шк. 1890—I—24).

Д. Н. Овсянико-Куликовскій высказывается такимъ образомъ: „Еслибы кто-нибудь взялъ на себя трудъ слѣдить за развитіемъ рѣчи ребенка и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ записывалъ бы различныя слова и обороты,

отмѣчая въ какомъ смыслѣ и для какихъ цѣлей ребенокъ употребляетъ ихъ, то въ результатѣ получилась бы довольно полная картина умственнаго развитія этого ребенка". („Психологія худож. процесса". Сѣв. Вѣст. 1893—XI—253). Отсюда ясно, что такого рода наблюденія правильно. методически послѣдовательно еще не дѣлались.

Насколько вѣрно то, что о природѣ ребенка мы знаемъ еще очень мало, указываютъ и наблюденія другихъ, между прочимъ, доктора И. А. Сикорскаго, удостовѣряющія, что умственная жизнь ребенка начинается значительно раньше, чѣмъ мы привыкли думать, напр. съ 6—7 мѣсячнаго возраста („Воспитаніе въ первомъ возрастѣ дѣтства" стр. 105 и мн. др.) и что на первыхъ порахъ она идетъ по особымъ, еще нами неизслѣдованнымъ законамъ. А. А. Потебня думалъ, что развитіе ребенка въ общемъ идетъ по тому же пути, по которому шло развитіе всего человѣчества и что въ наблюденіяхъ надъ дѣтьми (или надъ народами низкихъ ступеней культуры, что въ извѣстномъ смыслѣ равносильно) надо искать разрѣшенія многихъ загадокъ исторіи языка.

Такимъ образомъ о *превратномъ* пониманіи дѣтской природы *пока* говорить мы не имѣемъ права: мы можемъ говорить только о *нашихъ* желаніяхъ, о *нашихъ* требованіяхъ, т. е. о желаніяхъ и требованіяхъ *взрослыхъ*. обращенныхъ къ природѣ ребенка, и такъ какъ точныя знанія относительно его природы еще не созданы, то результаты нашихъ экспериментовъ часто получаются совсѣмъ неожиданные, иногда прямо противуположные тому, что состовляло нашу цѣль.

Съ другой стороны, едва ли можетъ быть рѣчь и объ *обратномъ ходѣ*. Въ настоящее время въ наукѣ считается установленнымъ, что первоначальное слово не было ни понятіемъ (таковымъ оно и теперь не служитъ), ни дѣйствіемъ, а было непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ предмета; это былъ образъ предмета въ моментъ наблюденія (напр., образъ летящей птицы, образъ движущагося человѣка, лежащаго камня и проч.); будучи уловленъ звуками слова, онъ тѣмъ самымъ закрѣплялся въ сознаніи говорящаго, при повтореніи его другими онъ не забывался и дѣлался частью языка семьи, племени.

Напр. ребенку назвали извѣстный предметъ словомъ „арбузикъ" и когда затѣмъ онъ самъ начинаетъ употреблять это слово въ данномъ ему значеніи, то здѣсь въ его „арбузикѣ" мы можемъ видѣть лишь обозначеніе чувственнаго воспріятія, которое въ извѣстномъ смыслѣ (но не въ смыслѣ предложенія) можетъ быть названо *сказуемымъ*, ибо его слова мы можемъ перевести такъ: „то, что я вижу, есть арбузикъ".

Дальнѣйшее движеніе слова есть результатъ стремленія ребенка понять и объяснить себѣ массу новыхъ предметовъ, и если ребенокъ дѣй-

твуетъ независимо, то это стремленіе обнаруживается, какъ въ созданіи овыхъ словъ для новыхъ образовъ, такъ и въ приспособленіи къ нимъ тарыхъ, ранѣе сознанныхъ. Въ первомъ случаѣ его мысль идетъ по старому, роторенному пути, во второмъ—по новому. Напр., увидя шаръ, ребенокъ азвалъ его старымъ уже имѣющимся въ его распоряженіи именемъ—ар-узикъ. „Въ этомъ актѣ рѣчи", говоритъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій: проявился довольно сложный психологическій процессъ—сравненія вновь олученныхъ впечатлѣній (отъ стекляннаго шара) съ полученными раньше отъ арбуза) и новая неизвѣстная вещь была объяснена при помощи представленій, связанныхъ со словомъ „арбузикъ". Вотъ именно этотъ процессъ сравненія, объясненія, обозначенія новой вещи старымъ словомъ) и есть аролышъ того явленія, которое въ психологіи называется *психологическимъ уждeніемъ*, а въ грамматикѣ *предложеніемъ*. Это его простѣйшая форма: се сужденіе (предложеніе) заключено въ одномъ словѣ, и если мы разложимъ этотъ актъ рѣчи на его психологическіе моменты, то увидимъ, что ъ немъ выражено одно лишь *сказуемое*. Такое разложеніе даетъ въ результатѣ слѣдующее: „то что я сейчасъ вижу (сумма впечатлѣній отъ стекляннаго шара) есть то самое (или похоже на то), что раньше я называлъ арбузикомъ". Здѣсь арбузикъ не только *слово*: это цѣлое *предложеніе*, въ которомъ подлежащее (сумма впечатлѣній отъ шара) не выражено, а выражено только то, что привлечено для объясненія (для апперцепціи) подлежащаго, именно—представленіе стало *сказуемымъ* подразумѣваемаго подлежащаго. Въ результатѣ получилось предложеніе, которое назовемъ *одночленнымъ* и которое представляетъ собою простѣйшую, архаическую форму обыкновеннаго грамматическаго предложенія.

Возьмемъ теперь это самое слово „арбузикъ", употребленное ребенкомъ въ качествѣ сказуемаго для объясненія шара, и посмотримъ, тождественно ли оно со словомъ „арбузикъ", употребляемымъ для обозначенія настоящаго арбуза. Окажется, что это два разныхъ акта мысли, два разныхъ слова. Во второмъ случаѣ мы можемъ разложить это слово на два элемента: *на его звуковую форму* (сочетаніе извѣстныхъ членораздѣльныхъ звуковъ) и на *его значеніе;* послѣднее есть образъ данной вещи (арбуза). Въ первомъ же случаѣ слово разлагается уже не на два, а на три элемента: оно имѣетъ 1) *звуковую форму*, 2) *значеніе* (стеклянный шаръ) и 3) *представленіе* (арбузъ). И когда такое слово является одночленнымъ предложеніемъ, то его *значеніе* служитъ подлежащимъ, а *представленіе* сказуемымъ". („Психологія худож. процесса". Сѣв. Вѣст. 1893—XI—251).

Такія слова-предложенія—съ представленіемъ А. А. Потебня называетъ словами *со внутреннею формой;* нѣкогда ее имѣли всѣ слова нашего языка. Напр. infans, от-рок-ъ=не говорящій, filius, дѣт-ѧ=сосущій, груд-

ной ребенокъ, какъ—молокососъ, сосунокъ; мыш-ь, mus, μυς, муш-, мушака=воръ; мѣс-яцъ (мас-)=измѣритель (времени). Нынѣ это слова въ родѣ *удавъ, свѣтлякъ* и проч.

Въ дальнѣйшемъ своемъ движенiи это одночленное предложенiе шло къ образованiю двухчленнаго двумя путями. Съ одной стороны, „изъ слова *мышь* (при сознанiи, что обозначаетъ образъ животнаго-вора) возникаютъ предложенiя въ родѣ: мышь есть воръ, воруетъ, напоминаетъ вора и т. п.", которыя не есть *тавтологiя*, а различныя формы выраженiя мысли, ибо въ „реальномъ, фактическомъ мышленiи (не формально-логическомъ) вся суть не въ томъ, *что̀* сказано, *что̀* подумано, а въ томъ, *какъ* сказано, какъ подумано, *какимъ образомъ* представлено извѣстное содержанiе". И въ этомъ новомъ видѣ предложенiя содержанiе представлено не *однимъ* актомъ мысли, а *двумя*; въ этомъ заключается его отличiе отъ одночленнаго „мышь".

Съ другой стороны, такъ какъ въ образъ ворующаго животнаго, обозначенный словомъ „мышь", входятъ и другiе признаки мыши, напр. признаки цвѣта, величины, формы и проч., то отсюда могутъ развиться и другiе виды предложенiй, въ которыхъ сказуемое выдвинетъ признакъ не обозначенный въ подлежащемъ, но ассоцiированный съ нимъ, напр. мышь—сѣрая (сѣрое животное), мышь мала и т. д. Этотъ второй рядъ предложенiй, въ которыхъ *представленiе*, данное въ первоначальномъ одночленномъ предложенiи, такъ сказать, *игнорируется*, а на сцену *выдвигается новое*, взятое изъ области ассоцiированныхъ съ нимъ признаковъ, отличенъ отъ перваго. Тамъ сказуемое стоитъ въ гармонiи съ подлежащимъ: оно въ иной формѣ повторяетъ то, что уже было сказано въ подлежащемъ; здѣсь такой гармонiи нѣтъ, она нарушена: сказуемое говоритъ о признакѣ, о которомъ подлежащее умалчиваетъ. „*Представленiе (внутренняя форма)*, хотя и имѣется здѣсь на лицо (въ подлежащемъ), но, не будучи воспроизведено въ сказуемомъ, *остается какъ бы не у дѣлъ*, въ тѣни, не влiяетъ на смыслъ предложенiя, не имѣетъ значенiя. Это—первый шагъ къ ея забвенiю. По мѣрѣ накопленiя такихъ предложенiй, внутренняя форма все чаще и чаще будетъ оставаться не при чемъ,—пока наконецъ совсѣмъ не затеряется: мышь есть животное, мышь бѣгаетъ, мышь имѣетъ 4 лапки, хвостикъ и т. д. и т. д.,—всѣ эти фразы вовсе не предполагаютъ представленiя мыши воромъ и были бы вполнѣ возможны и при иномъ ея представленiи въ словѣ" (Ср. Потебня, Мысль и языкъ, 159).

Эту длинную справку изъ статьи Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, частью въ его подлинныхъ выраженiяхъ, частью въ моей передачѣ ихъ, я привелъ для того, чтобы выяснить себѣ вопросъ о *правильномъ ходѣ*, который фигурируетъ во всѣхъ методикахъ, разъ заходитъ рѣчь объ обученiи.

Изъ этой справки (въ значенiи ея я не имѣю права сомнѣваться) слѣ-

уетъ, что рѣчь наша развивалась отъ слова, первоначально обозначавіаго чувственный образъ предмета, къ одночленному предложенію, сохраявщему въ себѣ представленіе объ этомъ образѣ, потомъ—къ двухчленному редложенію, разложившему первоначальное слово на два, все еще сохраявшихъ первоначальное представленіе, взятое для обозначенія образа, алѣе—къ двухчленному предложенію новаго типа, въ которомъ сказуемое же забыло о представленіи заключенномъ въ подлежащемъ. Періоды, хватываемые этими движеніями, надо полагать, были очень длинны [1]), но о всякомъ случаѣ о грамматическихъ разрядахъ въ родѣ им. сущ., глагола проч. рѣчи здѣсь быть не можетъ: они явились значительно позже и ри другихъ условіяхъ (Ср. у А. А. Потебни „Изъ зап. по рус. грам.“ стр. 6 и друг. [2]). Такимъ образомъ, если признавать въ вышеизложенномъ ѣрность фактовъ, то надо признать и вѣрность выводовъ, а вмѣстѣ съ тимъ надо признать, что *правильный ходъ* есть ходъ *отъ предложенія къ бщимъ разрядамъ*, какъ сущ., прил., глаг., а не наоборотъ; другими слоами, что предложеніе конкретнѣе ученія о разрядахъ, значитъ и легче ля усвоенія.

---

[1]) Ясно, что нынѣшнія наиболѣе архаичныя одночленныя предложенія въ родѣ „вечеръ“, „полночь“, „пожаръ“ вовсе не равны такимъ же одночленнымъ первобытнаго языка.

[2]) Не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь, хотя въ примѣчаніи, на мой взглядъ чрезвычайно важнаго наблюденія, сдѣланнаго И. А. Сикорскимъ (докторъ) и касающагося того періода жизни, когда умѣнье выражать мысли *словами* еще не пріобрѣтено.

„Когда мой осьмимѣсячный ребенокъ впервые обратилъ вниманіе на луну (въ ущербѣ), онъ былъ видимо пораженъ картиной. Съ этого времени наблюденіе луны сдѣлалось любимымъ зрѣлищемъ ребенка и онъ требовалъ, чтобы его несли въ ту комнату, откуда можно наслаждаться чуднымъ видѣніемъ. Не находя луны днемъ, ребенокъ недоумѣвалъ. Увидя ее вечеромъ, приходилъ въ восторгъ. Такъ прошло нѣсколько дней, какъ вдругъ, однажды смотря изъ окна на сосѣднюю голубятню, ребенокъ пришелъ въ неописанный восторгъ и тщетно старался обратить мое вниманіе на предметъ, который его занималъ. Я недоумѣвалъ, но загадка вскорѣ разъяснилась: ребенокъ потребовалъ, чтобы его снесли въ ту комнату, изъ которой онъ обыкновенно наблюдалъ луну, сталъ смотрѣть на горизонтъ и старался дать мнѣ понять, что въ его умѣ рѣчь идетъ о лунѣ. Стало очевидно, что ребенокъ уловилъ сходство между видомъ луны и полулунными вырѣзками въ стѣнахъ голубятни, служившими для входа въ нее голубей. Въ самомъ дѣлѣ, эти вырѣзки рисовались для взора очень отчетливо въ видѣ темныхъ полулунныхъ пятенъ на свѣтломъ фонѣ стѣнокъ голубятни и напоминали ребенку своей формой луну. Съ этого времени видъ луны вызывалъ въ ребенкѣ воспоминаніе о слуховыхъ окнахъ голубятни, а эти послѣдніе напоминали луну и ребенокъ переходилъ отъ наблюденія одного объекта къ другому. Вскорѣ ребенокъ отыскалъ полулунную вырѣзку въ печной дверкѣ и путемъ ассоціаціи любилъ связывать всѣ три объекта, требуя поочередно, чтобы его несли посмотрѣть голубятню, печную дверку и луну или по крайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ послѣдняя должна быть. Если луны не было, то ребенокъ выражалъ недоумѣніе, отчего недостаетъ 3-го члена въ его любимомъ ассоціативномъ ряду. Вырѣзанный изъ бумаги полукругъ привелъ ребенка въ большой восторгъ, сдѣлался любимой игрушкой и служилъ для него нагляднымъ сподручнымъ орудіемъ его отвлеченной идеи.

(Воспитаніе въ первомъ возрастѣ дѣтства“ 105).

Итакъ въ приведенномъ въ началѣ этой главы мнѣніи Я. Грота остается два положенія: 1) чисто грамматическія объясненія.... гораздо доступнѣе уму дитяти и 2) о необходимости упрощенія грамматики. Оба эти положенія кажутся и мнѣ (несомнѣнными) безспорными, но съ тою разницей, что по моему введеніе въ курсъ чисто грамматическихъ объясненій, принятіе формы, какъ основанія преподаванія, есть въ то же время и то упрощеніе грамматики, котораго добиваются теперь весьма многіе. Ибо что проще и точнѣе вышеприведенныхъ опредѣленій А. А. Потебни (всякій глаголъ—сказуемое, всякій несогласуемый именит. пад.—подлежащее и т. д.)? Въ нихъ даны именно тѣ чисто грамматическіе признаки, по которымъ роль слова въ рѣчи узнается безошибочно. Но вопросъ, какъ подойти къ такому пріему изученія?

Вопросъ нелегкій и несомнѣнно допускающій разные отвѣты. Лично я считаю наиболѣе удобнымъ путь, идущій отъ наблюденій надъ *согласованіемъ*, сначала въ простѣйшихъ его видахъ (каковы ряды фразъ въ родѣ: „мой книга пропалъ“ и „моя книга пропала“, „человѣкъ стоять“ и „человѣкъ стоитъ, стоялъ“ и проч.), затѣмъ въ болѣе трудныхъ, какъ согласованіе дополненія съ дополняемымъ, обыкновенно называемое управленіемъ („бить палку“ и „бить палкою“, „смотрѣть ружье“ и „смотрѣть въ ружье“ и пр.), затѣмъ—еще болѣе трудныхъ и т. д. Но при этомъ необходимо, чтобы ребенокъ, котораго начинаютъ учить грамматикѣ, читалъ, по выраженію Фамусова, „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“, т. е. внятно и съ соблюденіемъ ударелій, чтобы у него уже было выработано *чувство рѣчи* (sprachgefül), о которомъ говорилось ранѣе и чтобы вмѣстѣ съ грамматическими занятіями упражненія въ развитіи чувства рѣчи не прекращались, а продолжались, развивались и разнообразились подборомъ образцовъ изъ разныхъ типичныхъ авторовъ. Это необходимо, потому что само чувство рѣчи ребенку не дано даже въ простѣйшихъ формахъ (объ этомъ свидѣтельствуетъ прямое наблюденіе надъ его рѣчью, ея ошибками, исправляемыми обыкновенно взрослыми): его онъ долженъ усвоить, какъ усвоиваетъ всѣ другія знанія. Другими словами: потребность *согласовывать* слова у ребенка должна быть выработана практически на чтеніи, выучиваніи наизусть и прочихъ упражненіяхъ ранѣе, чѣмъ приступлено будетъ къ наблюденіямъ надъ согласованіемъ въ грамматическихъ интересахъ: простѣйшіе виды согласованія въ это время должны быть у него уже привычкой. Дальнѣйшее развитіе чувства рѣчи необходимо еще и потому, что такимъ путемъ необыкновенно сильно сокращается время, необходимое для воспріятія тѣхъ высшихъ формъ чувства рѣчи, до которыхъ оно успѣло дойти у нашихъ лучшихъ представителей, а въ этомъ—идеалъ преподавателя, вѣнецъ его стремленій. Такая постановка преподаванія заключаетъ въ себѣ воскреше-

іе тѣхъ прекрасныхъ традицій старыхъ литературныхъ школъ, о которыхъ ъ прошломъ году говорилъ здѣсь г. Протопоповъ. Конечно книги, напианныя дурнымъ языкомъ, авторами съ дурно развитымъ чувствомъ рѣчи, редны: послѣдствія ихъ вліянія, обращаясь въ привычку,—трудно поправиюе зло (иногда—непоправимое).

Что касается грамматическихъ занятій, то первоначальныя наблюденія іадъ согласованіемъ можно вести рядами вопросовъ отъ глагола (напр. „Луна спокойно съ высоты надъ Бѣлой церковью сіяетъ и пышныхъ гетмаіовъ сады и старый замокъ озаряетъ". Кто „сіяетъ"?—луна, какъ?—споюйно, откуда?—съ высоты, надъ чѣмъ?—надъ Бѣлой церковью и т. д.), южно и иначе,—какъ кому любо. Цѣлью же ихъ должно быть выдѣленіе изъ фразы тѣхъ ея членовъ, отъ которыхъ зависятъ формы остальныхъ, г. е. *сказуемаго* и *подлежащаго* (остальные на первое время могутъ быть смѣшаны подъ общимъ терминомъ *объяснительныя слова*). Затѣмъ можно перейти къ наиболѣе понятнымъ видоизмѣненіямъ словъ, напр. къ спряженію глаголовъ (но непремѣнно безъ причастій и дѣепричастій), къ склоненію им. сущ., но непремѣннымъ условіемъ этого вида упражненій я считаю упражненія во фразѣ и фразами: я иду къ столу, ты сидишь на стулѣ около стола и проч.; или такъ:

Им. Бѣл-*ая* двер-*ь* отворена.
Род. Мы не нашли бѣл-*ой* двер-*и*.
Дат. Карточка прибита къ бѣл-*ой* двер-*и* и т. д.

Слово познается во фразѣ, фразой опредѣляется его форма, въ ней же надо искать и признаковъ, опредѣляющихъ его роль. Это условіе—sine qua non, но при его соблюденіи усвоеніе, слѣдовательно и распознаваніе формъ, напр. видовъ глагола, степеней длительности, залоговъ, разницы между им. и вин. падежами у им. сущ. неодушевл. и т. д., и т. д. относительно очень легко, укладывается въ головѣ чисто практически, путемъ воспитанія чувства рѣчи, и необыкновенно прочно. При выдѣленіи формъ склоненія и спряженія лучшій путь—сравненіе, производимое опять таки во фразѣ, т. е. опять практически, опять какъ слѣдствіе развитаго чувства рѣчи (напр. я нес-у книгу, и ты нес-е-шь и т. д.). Это сравненіе, перенесенное на доску или на бумагу, дастъ возможность выяснить значеніе грамматическихъ окончаній, дать нѣкоторое понятіе о корнѣ и проч. Этотъ родъ занятій (выдѣленіе и сравненіе окончаній) по моему лучше начинать съ глагола, да и вообще всю грамматику лучше начинать съ глагола-сказуемаго, какъ съ наиболѣе конкретной части рѣчи, а потому и болѣе понятной.

Идя такимъ путемъ, чисто практически, оперируя на развитіи чувства рѣчи, можно раздвигать рамки занятій постепенно, но въ какомъ угодно

направленіи, не обременяя ни памяти учащагося, ни его сообразительности: наблюденія надъ развитіемъ чувства рѣчи у ребенка подскажутъ ведущему занятія тѣ моменты, когда могутъ оказаться наиболѣе пригодными тѣ или другіе пріемы, тотъ или другой матеріалъ. Но при этомъ увлекаться не слѣдъ. „Торопиться раннимъ началомъ ученія дѣтей нечего: все придетъ въ свое время", таково мнѣніе извѣстнаго психолога-педагога П. Ѳ. Каптерева „Конечно, продолжаетъ онъ, запаздывать съ развитіемъ различныхъ сторонъ человѣческаго существа также неудобно; это значитъ терять время и задерживать успѣхи; но *скороспѣлое развитіе гораздо опаснѣе*, такъ какъ оно прямо надрываетъ силы организма". Поэтому П. Каптеревъ лучше совѣтуетъ нѣсколько запоздать, чѣмъ поспѣшить—истина противъ которой серьезныхъ возраженій я не нахожу. „Вообще *шестилѣтніе геніи и артисты*, которыхъ возятъ на показъ всей Европѣ,—*печальное явленіе*, это—дѣти-клоуны, только не въ сферѣ эквилибристики, а въ сферѣ музыки и искусствъ; они достойны сожалѣнія; ихъ человѣческая природа уродуется, суживается.... они сами искусственныя, сдѣланныя, часто вымученныя существа, и всѣ ихъ взгляды и понятія также искусственны". (П. Каптеревъ „Развитіе и разновидности дѣт. ума" Рус. Шк. 1894—II—50—51). Отсюда слѣдуетъ, что при большихъ, но односторонних способностяхъ у учащагося, иногда бываетъ полезно придержать ихъ стремленія впередъ, а всегда же необходимо пользоваться ими умѣренно и осторожно. Тѣмъ не менѣе грамматику можно начинать учить очень рано, напр. съ 6—7 лѣтъ, тотчасъ за усвоеніемъ чтенія, но при вышеизложенныхъ его качествахъ.

Само собою разумѣется, что порядокъ занятій можетъ быть различенъ, такъ какъ часто онъ зависитъ и отъ способностей ученика, и отъ привычекъ учителя, и отъ массы другихъ обстоятельствъ. Главное—въ томъ, чтобы *грамматическія работы шли отъ согласованія, велись путемъ прямаго наблюденія и сравненій, на фонѣ развитія чувства рѣчи*. При соблюденіи этихъ условій преподаваніе грамматики дѣлается плодотворнымъ и пріятнымъ трудомъ, ибо ея послѣдствія—развитіе мысли учащагося, а усвоеніе ея легкою, иногда совсѣмъ незамѣтною работой: оно часто заинтересовываетъ учащихся также, какъ интересуютъ ихъ другія науки. Могу завѣрить, что этимъ путемъ можно *значительно* сократить время на усвоеніе грамматическаго матеріала, безъ малѣйшаго ущерба его качеству и количеству, но съ значительно большею прочностью результатовъ.

Пользуясь этими пріемами, у меня еще далекими отъ совершенства, я тѣмъ не менѣе достигалъ замѣчательныхъ результатовъ. Одного, впрочемъ, очень способнаго, козачьяго мальчика я за 5—6 недѣль каникулъ приготовилъ во 2-й классъ духовнаго училища, для чего ему надобно было усвоить

всѣ формы ц.-славянскаго языка (по программѣ положены всѣ части рѣчи, кромѣ неизмѣняемыхъ), всю ариѳметику до дробей и проч. До того времени этотъ мальчикъ, по окончаніи курса народной школы, три года работалъ при плугѣ. Экзаменъ онъ выдержалъ первымъ и теперь, уже второй годъ, идетъ первымъ въ училищѣ. Другого мальчика изъ таковыхъ же, но менѣе способнаго, страдавшаго даже отъ переутомленія, я приготовилъ (тоже во второй классъ духов. училища) за 8—9 недѣль. Въ обоихъ случаяхъ я начиналъ грамматику ц.-слав. языка съ чтенія текста евангелія (Остромирова), т. е. съ образованія чувства рѣчи (на текстахъ одного держалъ съ недѣлю, другаго около двухъ), ариѳметику—съ общихъ задачъ на всѣ 4 дѣйствія [1]). Этимъ я не хочу хвалить себя: моя личная педагогическая опытность безспорно очень невелика (я знаю многихъ, болѣе опытныхъ, и еще больше такихъ, которые лучше меня владѣющихъ своимъ опытомъ). Этимъ я хочу указать лишь на значительное совершенство этого пріема, на огромное превосходство его передъ нынѣ господствующими.

Нѣсколько словъ объ опредѣленіяхъ. Думаю, что на первыхъ ступеняхъ занятій давать опредѣленія грамматическихъ разрядовъ и безполезно, и вредно: несознанныя путемъ сравненій и аналогій, они будутъ мѣшать успѣхамъ занятій, ибо будутъ заслонять собою то, что подлежитъ изученію. Въ началѣ совершенно достаточно, такъ сказать, *пришпилить* названіе разряда къ извѣстному факту, какъ пришпиливается напр. названіе арбуза къ извѣстной вещи: при этомъ ребенку обыкновенно не говорятъ ни о строеніи арбуза, ни о происхожденіи его, ни о вкусѣ и пр., говорятъ просто: это—арбузъ, остальное же онъ узнаетъ и самъ со временемъ, если захочетъ. Такъ и здѣсь. Найдены, скажемъ, путемъ сравненій формы: говор-ю, говор-и-шь и т. д. и я говорю: это—глаголъ. Съ теченіемъ времени, когда сходство съ пиш-у, пиш-е-шь и т. д. ему бросится въ глаза, онъ и самъ спроситъ: „и это глаголъ?“ А не спроситъ, то, если мнѣ нужно, я наведу его на этотъ вопросъ. Такъ и въ остальномъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ сравненіе, аналогія или наконецъ, само чувство рѣчи помогаютъ мнѣ въ моихъ занятіяхъ. Послѣ и гораздо позже, когда чувство рѣчи разовьется и укрѣпится настолько, что и въ сложныхъ формахъ согласованія (разумѣю здѣсь и управленіе и отсутствіе согласованія, узнаваемое только потому, что въ другихъ фразахъ существуетъ согласованіе) мой уче-

[1]) При этомъ надо имѣть въ виду, что оба мальчика прекрасно читали по-русски; значитъ, по отношенію къ русскому языку пришлось пользоваться готовымъ матеріаломъ; по отношенію же къ ц.-славянскому такой матеріалъ надо было создать. Въ области ариѳметики надо было создать умѣнье рѣшать задачи, что было достигнуто сначала упражненіями въ составленіи собственныхъ задачъ, въ ихъ записываніи и рѣшеніи. Опытъ въ такомъ родѣ былъ произведенъ еще и съ 8-лѣтнимъ мальчикомъ, только что научившимся хорошо читать и тоже весьма удачно.

никъ уже не ошибается, тогда, подготовленный сравненiями и аналогiями, онъ восприметъ опредѣленiя грам. разрядовъ, какъ новую форму познаванiя уже узнаннаго ранѣе и въ такомъ случаѣ опредѣленiе, разъ оно основано на признакахъ, уже сознанныхъ, уже подвергавшихся его наблюденiю въ предложенiи, не будетъ ни трудно, ни непонятно. Изъ этого ясно, что опредѣленiя будутъ идти въ хвостѣ курса, распредѣляясь по сложности и трудности, въ началѣ какъ опредѣленiя отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, затѣмъ все большихъ и большихъ группъ, слѣдовательно совершенствуясь постепенно, но на всѣхъ ступеняхъ они должны быть коротки, не должны быть описанiями термина (что встрѣчается нерѣдко), а по логическимъ правиламъ должны состоять изъ трехъ членовъ: опредѣляемаго (грамматика), его вида (наука) и признака (о формахъ рѣчи). Только при этомъ можно прiучить ученика къ точности и яркости рѣчи. Во всякомъ же случаѣ наиболѣе совершенныя опредѣленiя и классификацiи станутъ въ концѣ курса, какъ завершенiе труда, какъ его вѣнецъ.

Такъ вотъ каковы черты того пути, который въ данную минуту я считаю наилучшимъ. Существеннѣйшими изъ нихъ я считаю: а) перемѣщенiе центра преподаванiя отъ изученiя правилъ грамматики къ изученiю языка по литературнымъ произведенiямъ и б) ходъ отъ практическаго пониманiя текста къ точному научному (грамматическому) вслѣдъ за развитiемъ чувства рѣчи.

Въ заключенiе скажу, что я имѣлъ въ виду только указать на новый путь и, насколько это зависѣло отъ меня, доказать не только возможность, но и необходимость перехода на него; но я не имѣлъ въ виду представить вамъ полную картину грамматики по этому новому типу. Поэтому, само собою разумѣется, я не могъ даже думать о томъ, чтобы своимъ сообщенiемъ отвѣтить на всю массу чисто практическихъ вопросовъ новаго метода, да и не считаю себя въ настоящую минуту достаточно для этого подготовленнымъ. И кажется мнѣ, что практическое осуществленiе грамматики по новому типу можетъ быть выполнено лишь группой лицъ, не однимъ— такою трудною и сложною представляется мнѣ эта задача. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь. Во всякомъ случаѣ, если Отдѣлъ найдетъ указываемый мною путь заслуживающимъ вниманiя; если при этомъ онъ признаетъ желательнымъ продолженiе работъ въ указанномъ направленiи, то меня лично это вполнѣ удовлетворитъ, такъ какъ это будетъ значить, что я трудился недаромъ.

Основныя положенiя: 1) Основная задача учителя—развитiе грамотности и развитiе *чувства рѣчи* до тѣхъ высшихъ ступеней, которыя свойственны классическимъ писателямъ. 2) Современная грамматика неудовлетворительна: *какъ наука* она есть смѣшенiе разнообразныхъ точекъ зрѣнiя, что порож-

даетъ путаницу въ ея опредѣленіяхъ и проч.; *какъ пріемъ*, она идетъ отъ опредѣленій къ языку, отъ общаго къ частному, отъ отвлеченнаго къ конкретному; 3) грамматика по воззрѣніямъ А. А. Потебни есть наука о формахъ; формы живутъ въ рѣчи; значитъ, грамматика познается изученіемъ рѣчи; 4) съ точки зрѣнія формъ грамматика, *какъ наука*, владѣетъ ясно очерченнымъ кругомъ изслѣдованія и точными его пріемами; она состоитъ изъ ряда законовъ и равна самой себѣ; *какъ пріемъ*, она идетъ отъ языка къ опредѣленіямъ, отъ частнаго къ общему, конкретнаго къ отвлеченному; 5) обученіе ей надо начинать съ предложенія; въ основаніи должно стоять развитіе чувства рѣчи; средства—прямое наблюденіе, сравненіе и аналогія.

Харьковъ.
20 Марта 1894 года.

С. А. Новицкій.

„Отчетъ о состояніи Тифлисской 1-й Гимназіи къ 1-му Сентября 1893 г." Тифлисъ 1893.

Тифлисская 1-я гимназія, давно уже снискавшая себѣ репутацію образцовой, завела обычай ежегодно издавать въ свѣтъ подробный отчетъ, дающій возможность постороннимъ лицамъ ознакомиться съ внутреннею жизнью этого учрежденія. Послѣдній отчетъ (1892—1893) содержитъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ, касающихся образовательныхъ экскурсій, гимнастики, ручнаго труда и т. д., т. е. вопросовъ, которые въ послѣднее время обратили на себя серьезное вниманіе какъ нашего общества, такъ и Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Остановимся прежде всего на экскурсіяхъ, которымъ придаетъ особенно важное значеніе директоръ 1-й Тифлисской гимназіи, Л. Л. Марковъ. „Извѣстно", говоритъ онъ, „громадное *воспитательное* значеніе, такъ называемыхъ, *образовательныхъ прогулокъ* и экскурсій учащихся, совершаемыхъ совмѣстно съ наставниками и воспитателями, прогулокъ и экскурсій съ заранѣе намѣченными серіозными цѣлями, при условіи, чтобы участники этихъ экскурсій обязаны были давать словесные или письменные отчеты о всемъ ими видѣнномъ и испытанномъ. Учащаяся молодежь Германіи и Англіи искони вѣковъ держится этого прекраснаго обычая... Въ послѣднее время обычай этотъ сталъ входить и во французскія школы, гдѣ ему справедливо придаютъ самое высокое образовательное значеніе: по крайней мѣрѣ, во многихъ современныхъ французскихъ школахъ, образовательныя прогулки учащихся сдѣланы въ настоящее время обязательными, помѣщены даже въ росписаніе преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ. И у насъ... начинаетъ прививаться этотъ спортъ: стоитъ вспомнить поучительную, прекрасно описанную, образовательную экскурсію учениковъ Симферопольской гимназіи, поѣздки небольшими группами учениковъ Тифлисской 1-й гимназіи въ Батумъ, въ Кутаисъ, въ монастырь св. Шіо Мгвимскаго, большую экскурсію учениковъ 2-й Тифлисской гимназіи въ пещерный городъ, такъ называемый, Уплисъ-Цихе, около Гори, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго... Дѣйствительно, трудно найти болѣе пріятное для

юношества, болѣе освѣжающее, благородное и полезное препровожденіе свободнаго времени, чѣмъ подобныя экскурсіи. Онѣ сближаютъ учащихся съ ихъ наставниками, пріучаютъ юношей къ перенесенію физическихъ трудовъ, отражаются благопріятно на здоровьи, развиваютъ умъ, обогащая его новыми данными, новыми фактами, разширяя ихъ горизонты (Прил. стр. 2—3).

Придавая такое значеніе образовательнымъ прогулкамъ, Тифлисская 1-я гимназія предприняла въ мартѣ 1892 г. экскурсію въ г. Баку въ довольно широкихъ размѣрахъ. Экскурсія эта вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться. Въ ней принимало участіе 9 взрослыхъ лицъ (директоръ гимназіи, инспекторъ, учителя и воспитатели) и 61 человѣкъ воспитанниковъ старшихъ классовъ. Каждый участникъ внесъ впередъ по 8 рублей на расходы путешествія, считая здѣсь какъ свое содержаніе во все время экскурсіи, такъ и цѣну льготныхъ билетовъ туда и обратно (отъ Тифлиса до Баку 514 верстъ). Даровымъ содержаніемъ пользовались только музыканты гимназическаго оркестра, расходы по экскурсіи которыхъ были покрыты 100 рублями изъ специальныхъ средствъ гимназіи. Ѣхать всѣ должны были вмѣстѣ, въ 3-мъ классѣ, съ общимъ провіантомъ, кормиться изъ общаго артельнаго котла во все время пребыванія въ Баку. Этимъ достигалась дешевизна поѣздки и ненадобность обращенія къ гостинницамъ и желѣзнодорожнымъ буфетамъ. За три дня до поѣздки всѣмъ участникамъ розданы были гектографическіе листки, въ которыхъ обозначены были главнѣйшія условія предстоявшаго путешествія, для всѣхъ *обязательныя*. Для всѣхъ учениковъ—участниковъ экскурсіи сдѣлано также *обязательнымъ* представленіе письменныхъ отчетовъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Отчеты эти должны были замѣнить обычныя, даваемыя на пасхальныя праздники, письменныя работы по русскому языку.—Программа поѣздки была установлена напередъ и вся организація сдѣлана заблаговременно перепискою съ необходимыми въ Баку людьми и учрежденіями. Кромѣ того за два дня до экскурсіи былъ командированъ въ Баку инспекторъ гимназіи для подготовки какъ на пути, такъ и въ самомъ Баку, продовольственной стороны, а также постелей въ Бакинскомъ реальномъ училищѣ, начальство котораго любезно уступило экскурсантамъ часть своего помѣщенія (Прил. стр. 3—5).

Несмотря на ранній часъ ($7^1/_2$ часовъ утра) экскурсію встрѣтили на вокзалѣ ученики Бакинскаго реальнаго училища, съ большею частью своего педагогическаго персонала и съ инспекторомъ во главѣ. Отсюда экскурсанты, съ хоромъ своей музыки, вмѣстѣ съ реалистами, отправились въ зданіе реальнаго училища, въ которомъ для нихъ было приготовлено помѣщеніе и горячій завтракъ съ чаемъ. При входѣ туда спутниковъ встрѣтилъ ди-

ректоръ и ученическій оркестръ училища. Послѣ завтрака молодые экскурсанты отправились съ музыкой, съ своимъ директоромъ во главѣ, инспекторомъ и воспитателями представиться г. Бакинскому губернатору, принимавшему дѣятельное участіе въ организаціи экскурсіи. Выслушавъ сыгранный привѣтъ, г. губернаторъ пригласилъ всѣхъ участниковъ экскурсіи въ свое помѣщеніе, гдѣ заранѣе была приготовлена на 70 человѣкъ обильная трапеза. Здѣсь г. губернаторъ обратился къ юношамъ съ назидательнымъ словомъ относительно значенія образовательныхъ экскурсій.

Въ 4 часа пополудни въ залѣ Бакинской думы прочтены, спеціально для молодыхъ экскурсантовъ назначенныя, три поучительныхъ лекціи о нефти, ея мѣстонахожденіяхъ, теоріяхъ происхожденія, способахъ добыванія, полученія изъ нефти различныхъ ея дериватовъ и т. д. Лекціи сопровождались демонстрированіемъ опытовъ; между прочимъ показаны были на приборахъ химическіе опыты полученія бензиновъ и керосиновъ изъ нефти. Молодые люди должны были внести слышанное на лекціяхъ въ свои дорожныя записныя книжки.

На второй день, экскурсанты отправились съ утреннимъ поѣздомъ въ Балахано-Сабунчи для детальнаго осмотра нефтедобыванія способомъ буровыхъ скважинъ, сопровождаемые представителями фирмы братьевъ Нобель и нѣсколькими лицами горнаго вѣдомства. Въ Балахано-Сабунчи воспитанники подробно ознакомились съ устройствомъ и закладкою буровыхъ скважинъ, съ разнообразными приборами для буренія, видѣли свѣжіе слѣды дѣйствія только-что прекратившагося нефтяного фонтана и т. д. Осмотръ сопровождался объясненіями и окончился осмотромъ горы „Богъ-бога“ со множествомъ сальзовъ и грязныхъ вулкановъ. Фирма братьевъ Нобель, организовавшая этотъ осмотръ, по его окончаніи предложила всей компаніи обильное угощеніе, во время котораго одинъ изъ представителей фирмы обратился къ воспитанникамъ съ поучительнымъ словомъ. Къ вечеру экскурсанты отправились въ Сураханы, гдѣ заблаговременно зажжены были „вѣчные огни“ въ храмѣ бывшихъ огнепоклонниковъ и въ „рощѣ огней“. Храмъ, съ его многочисленными кельями, надписями, мѣстомъ для сожиганія труповъ и т. д. произвелъ особенно сильное впечатлѣніе на юныхъ путешественниковъ. Конецъ вечера проведенъ былъ въ квартирѣ управляющаго бывшаго Кокоревскаго завода, находящагося какъ разъ около „вѣчныхъ огней“, куда были приглашены всѣ на чай, и откуда еще долго любовались диковиннымъ зрѣлищемъ (стр, 4—10).

Третій день посвященъ былъ осмотру Нобелевскихъ заводовъ для обработки нефти въ Черномъ Городѣ, расположенномъ въ верстахъ 3-хъ отъ Баку и соединенномъ съ послѣднимъ паровою конкой. Въ виду дурной погоды экскурсантамъ пришлось прибѣгнуть къ услугамъ этой конки, ко-

торая отказалась отъ всякаго вознагражденія; наканунѣ настоящая конка (на лошадяхъ) перевезла также даромъ всю компанію изъ Сураханъ въ Баку. При пріѣздѣ въ Черный Городъ экскурсанты опять были встрѣчены представителями фирмы Нобель, показавшими имъ всю процедуру обработки нефти. Къ концу дня сдѣланъ былъ осмотръ колоссальнаго амбара-склада для сырой нефти въ количествѣ 6-ти милліоновъ пудовъ. Внушительные размѣры этого резервуара сильно поразили экскурсантовъ. Послѣ осмотра заводовъ, вся компанія была приглашена представителями фирмы Нобель на ихъ виллу (villa Petrolea), на которой живутъ всѣ служащіе на заводахъ. Здѣсь гостепріимно было предложено всѣмъ угощеніе; живущій на виллѣ, бывшій профессоръ горнаго института, г. Лысенко сказалъ воспитанникамъ назидательное слово.

Вечеромъ вся компанія юныхъ путешественниковъ, съ оркестромъ своей духовой музыки отправилась на паровыхъ баркасахъ къ Биби-Эйбату, гдѣ, недалеко отъ берега, изъ воды энергически выходитъ горючій газъ, легко зажигающійся отъ всякаго горящаго предмета. Опытъ удался вполнѣ и юные экскурсанты были въ восторгѣ отъ „горѣнія“ моря. Въ 11 часовъ ночи того же дня путешественники отправились въ обратный путь, въ Тифлисъ. Большинство педагогическаго персонала Бакинскаго реальнаго училища и многіе ученики явились для проводовъ. Не мало пріѣхало на вокзалъ и другихъ лицъ изъ жителей Баку, чтобы пожелать юнымъ путешественникамъ добраго пути (стр. 10—13).

Экскурсія въ Баку учениковъ Тифлисской 1-й гимназіи можетъ служить образцомъ для воспитательныхъ прогулокъ, почему она и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ.

Не менѣе поучительны помѣщенныя въ отчетѣ данныя объ организаціи гимнастики. Гимназія располагаетъ прекрасной зимней гимнастической залой и обширнымъ лѣтнимъ павильономъ, на постройку котораго затрачено было 11,500 руб. Крупный расходъ этотъ былъ покрытъ гимназическими остатками, ежегодно получаемыми благодаря хозяйственному (а не подрядному) способу содержанія многолюднаго гимназическаго пансіона (болѣе 170 человѣкъ). Какъ зимній залъ, такъ и павильонъ обильно снабжены необходимыми гимнастическими приборами, нѣкоторые изъ которыхъ выписаны изъ Хемница въ Саксоніи, отъ извѣстной фирмы—Дитриха и Ганака. Гимнастическими занятіями руководитъ одинъ изъ членовъ гимнастическаго ферейна „Соколъ“ въ Прагѣ, получающій 75 руб. въ мѣсяцъ. Помимо обязательныхъ утреннихъ уроковъ гимнастики, положенныхъ по программѣ, преподаватель послѣдней, по условію, дважды въ недѣлю занимается по два часа вечеромъ съ пансіонерами и небольшимъ числомъ приходящихъ, которые вмѣстѣ составляютъ особое отдѣленіе гимнастеровъ, называемыхъ

фортунерами. Фортунеры во время утреннихъ занятій помогаютъ учителю гимнастики, продѣлывая первые каждое новое упражненіе. Для занятій фехтованіемъ имѣется особый преподаватель. Гимназія располагаетъ шестью парами рапиръ и достаточнымъ числомъ другихъ принадлежностей—масокъ, нагрудниковъ, рукавицъ и т. д. Этотъ родъ спорта все болѣе и болѣе начинаетъ приходиться по вкусу юношамъ, въ особености туземцамъ (стр. 116—117, 130—131, 142).

„На игры дѣтей на открытомъ воздухѣ", читаемъ въ отчетѣ, „какъ на могучее воспитательное средство, въ Тифлисской 1-й гимназіи давно уже обращено должное вниманіе. Для этой цѣли пріобрѣтены въ нѣсколькихъ экземплярахъ снаряды распространенныхъ на Западѣ общественныхъ игръ: лаунъ-теннисъ, крокетъ, крикетъ, кегли (въ гимнастическомъ павильонѣ устроенъ кегель-банъ), изъ комнатныхъ игръ—китайскій билліардъ, шашки, шахматы. Наибольшею популярностію пользуются крокетъ и гигантскіе шаги (стр. 134).

Желая познакомить тифлисское общество съ результатами гимнастическихъ занятій, начальство Тифлисской первой гимназіи въ маѣ 1891 г. устроило первое публичное испытаніе. На зрѣлище это собралось болѣе 1,200 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились: г. Главноначальствующій съ супругою, начальникъ губерніи, корпусный командиръ и т. д. однимъ словомъ все высшее общество Тифлиса. Собственно гимнастическія упражненія состояли изъ 4-хъ отдѣленій: 1) упражненія съ палками около 100 человѣкъ участниковъ; 2) одновременное упражненіе на различныхъ снарядахъ 8 гимнастическихъ группъ; (1-я на шестахъ, 2-я прыжки въ глубину, 3-я упражненія на канатахъ, 4-я на паралельныхъ брусьяхъ, 5-я прыжки въ вышину, 6-я упражненія на рекѣ, 7-я на барахъ и 8-я группа представляла въ своихъ упражненіяхъ элементы правильной борьбы); 3) вольныя гимнастическія упражненія, подъ музыку, въ 5 фигурахъ, исполненныя 200 участниками и 4) упражненія фортунеровъ въ высшей гимнастикѣ. Далѣе производились испытанія въ фехтованіи, въ военномъ строѣ и т. д.

Второе подобнаго рода публичное испытаніе состоялось въ апрѣлѣ 1893 года (стр. 66—68, 167—171).

При Тифлисской 1-й гимназіи уже 15 лѣтъ существуетъ мастерская столярнаго и переплетнаго ремесла. Въ свободное отъ обязательныхъ занятій время этими мастерствами занимаются воспитанники пансіона по заранѣе составленной программѣ. Два опытныхъ мастера, переплетчикъ и столяръ руководятъ этими занятіями. Въ остальное время оба мастера заняты казенной работой.

„Начальство гимназіи", читаемъ въ отчетѣ, „употребляетъ зависящія отъ него мѣры для развитія ручнаго труда, считая послѣдній могуществен-

нымъ средствомъ воспитанія и стимуломъ, поддерживающимъ въ молодомъ поколѣніи бодрость духа. Не всѣ дѣти, поступающія въ гимназію, успѣшно преодолѣваютъ трудности классическаго образованія: недостаточное развитіе памяти, энергіи и рефлексіи бываетъ часто причиной слабыхъ успѣховъ. Мальчикъ видитъ неудачи своихъ занятій предметами гимназическаго курса, махнетъ на нихъ рукой и, несмотря ни на какую поддержку, опускается, и доходитъ до положенія нерадиваго ученика. Самолюбіе его сначала испытываетъ страданія при каждой неудовлетворительной отмѣткѣ, а затѣмъ, притупляется, и вотъ, по выходѣ изъ гимназіи до окончанія курса, вступаетъ въ дѣйствительную жизнь существо дряблое, малоспособное къ труду и лишенное могучаго рычага, управляющаго дѣятельностью человѣка—самолюбія. При раціональной постановкѣ занятій ручнымъ трудомъ, малѣйшій успѣхъ живительно дѣйствуетъ на духовныя силы воспитываемаго, облегчаетъ неудачи въ классѣ, способствуетъ развитію любовнаго и осмысленнаго отношенія къ ремеслу. Жизнь не устрашитъ, по выходѣ изъ школы, ученика, неудовлетворительнаго по тому или другому предмету гимназическаго курса, а самолюбіе его не страдаетъ: неуспѣшность въ одномъ покрывается успѣхами въ другомъ занятіи. Въ случаѣ невозможности поступить въ учебное заведеніе другого типа, занятіе ремеслами даетъ доступъ въ профессіональную школу, и облегчитъ, въ концѣ концовъ, принесеніе пользы обществу на поприщѣ физическаго труда“ (стр. 114, 123—124).

Всѣ воспитанники пансіона, занимающіеся ремеслами, составляютъ три группы: 1) начинающіе работать знакомятся съ инструментами, учатся пилить доску, стругать, склеивать изломанную мебель; 2) средняя группа работаетъ части простой мебели: стола, стула, ящика; пріучается наводить лакъ. Занимающіеся два—три года ремеслами ученики работаютъ различныя столярныя подѣлки нехитраго устройства, могутъ сдѣлать шкафъ, конторку, простой стулъ и столъ. Вся простая мебель чинится, такимъ образомъ, дома. Для желающихъ заниматься выпиливаніемъ при мастерской находится пять верстаковъ съ необходимыми инструментами и 2 токарныхъ станка. Было время, когда ученики сдѣлали собственноручно всю мебель для одного изъ классовъ, при чемъ она оказалась весьма прочной. Ученическія столярныя и токарныя работы не разъ экспонировались на выставкахъ (въ Москвѣ и Тифлисѣ), и заслужили почетный отзывъ жюри (стр. 125—126).

Что касается переплетнаго ремесла, то успѣхи въ знаніяхъ учениковъ этимъ мастерствомъ достигли слѣдующихъ результатовъ: младшіе пансіонеры научились сшивать книги, подклеивать корешки, старшіе—обрѣзывать и налагать бумажный переплетъ, а также клеить папки, картонажи и другія простыя переплетныя подѣлки; до 1,200 томовъ недорогихъ книгъ ежегодно переплетаются въ пансіонской мастерской (стр. 127).

Приведенныя данныя довольно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о серьезной и раціональной постановкѣ физическаго развитія учениковъ въ 1-й Тифлисской гимназіи. Отводя широкое мѣсто гимнастикѣ, прогулкамъ, ручному труду, гимназія эта, очевидно, стремится установить равновѣсіе между умственнымъ и физическимъ воспитаніемъ юношества, то равновѣсіе, необходимость котораго прекрасно выражена въ старинномъ изреченіи: mens sana in corpore sano.

И. Собѣстіанскій.

Д. В. Аверкіевъ. О драмѣ критическое разсужденіе съ приложеніемъ статьи „Три письма о Пушкинѣ“.

С.-П. 1893 г.—IV + 336 + 46. Ц. 1 р. 50 к.

При бѣдности нашей литературы по теоріи словесности трудъ г. Аверкіева заслуживаетъ особаго вниманія и педагога, и всякаго интересующагося вопросами словеснаго искусства. Книга эта спеціалистами оцѣнена уже по достоинству: въ концѣ прошлаго года удостоена половинной пушкинской премін. Къ сожалѣнію въ широкой публикѣ она мало извѣстна: наша журнальная критика обошла ее, повидимому, дружнымъ молчаніемъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, удалось найти лишь одинъ отзывъ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1893 г., гдѣ первоначально въ отрывкахъ и печаталось „разсужденіе“), ограничивающійся подробной, сухой передачей содержанія и являющійся „лишь голымъ остовомъ“ прекраснаго труда Аверкіева, въ которомъ всюду видны и любовь автора къ избранному вопросу, и основательныя знанія, и глубокая продуманность.

Я не беру на себя смѣлости познакомить гг. членовъ съ сочиненіемъ „О драмѣ“ въ систематическомъ изложеніи, и тѣмъ менѣе дать критическую оцѣнку его,—это мнѣ не по силамъ. Помня знаменательныя слова В. Гумбольдта „alles Verstehen ist kein Verstehen“, я лишь попытаюсь устами самаго же Аверкіева передать болѣе-менѣе характерныя мысли его труда съ цѣлью заинтересовать гг. слушателей и направить ихъ любознательность къ первоисточнику.

При такомъ способѣ изложеніе мое, естественно, будетъ страдать отрывочностью.

При широкомъ пониманіи слова „драма“, при обстоятельной и многосторонней разработкѣ поставляемыхъ вопросовъ Аверкіевъ проходитъ черезъ всю почти теорію словесности, нерѣдко давая новыя опредѣленія или разъясняя старыя. Интересъ книги многостороненъ: она требуетъ обстоятельнаго знакомства по новизнѣ и глубинѣ заключенныхъ въ ней мыслей,

какъ общаго, такъ и спеціальнаго характера, являющихся иногда отвѣтомъ на жгучіе вопросы современной педагогіи, литературы и искусства.

„Научиться читать, говоритъ Аверкіевъ въ предисловіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и понимать художественныя произведенія не такъ легко, какъ то кажется съ перваго взгляда; надо пріучиться останавливать свое вниманіе на существенномъ (ничѣмъ такъ не изобличается дурной вкусъ какъ шумными восторгами отъ мелочей, хотя бы и удачныхъ), научиться слѣдить за ходомъ дѣйствія и развитіемъ характеровъ, за постепеннымъ раскрытіемъ идеи (разумѣя слово „идея“ въ платоновскомъ смыслѣ). Эти трудности въ наше время, особенно для читателей юныхъ и неопытныхъ, усугубляются еще тѣмъ, что современные критики рѣдко изъяты отъ предвзятыхъ мнѣній и тенденціозныхъ взглядовъ, отъ отыскиванія въ художественныхъ произведеніяхъ излюбленныхъ политическихъ или общественныхъ идеаловъ, отъ почти судебныхъ розысковъ того, какъ относится писатель къ крестьянскому вопросу или къ новымъ судамъ и т. под., причемъ художнику воздается хвала или хула, смотря по тому, столь ли онъ просвѣщенъ какъ самъ критикъ, или на свою бѣду разнится съ нимъ въ воззрѣніяхъ. Свободнаго отношенія къ предмету и свободнаго его изслѣдованія почти не встрѣчается, а безъ нихъ невозможно ни постиженіе художественныхъ красотъ, ни научное изученіе поэтическихъ произведеній [1]). Или же критикъ, менѣе зараженный модными мнѣніями, силится открыть въ художественномъ произведеніи *идею,* подразумѣвая подъ этимъ именемъ какую-либо отвлеченную мысль высшаго порядка и разъясняя само произведеніе какъ нѣкоторое аллегорическое изображеніе даннаго философскаго воззрѣнія. Послѣднее чуть-ли не горше перваго. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что въ послѣднее время при преподаваніи словесности обращается порою усиленное вниманіе на ознакомленіе учащихся не съ образцовыми художественными твореніями, а съ тѣмъ что высказано о нихъ или по поводу ихъ разными критиками и журналистами, причемъ въ выборѣ отзывовъ не проявляется особой разборчивости насчетъ ихъ достоинства, а развѣ забота о ихъ многочисленности: модное ставится рядомъ съ основательнымъ и хлесткое съ дѣльнымъ“ (с. II—III).

Отсюда уже уясняется тотъ идеалъ, которымъ будетъ руководиться Аверкіевъ въ своемъ „критическомъ разсужденіи“: онъ попытается установить болѣе-менѣе прочныя правила и законы для оцѣнки художественныхъ произведеній, дать критикѣ устои не субъективнаго характера, а вытекающіе изъ самой сущности художественныхъ созданій.

---

[1]) Противъ этого ратуютъ и многіе другіе серьезные критики и цѣнители искусства, напр. С. А. Юрьевъ въ своей статьѣ „Нѣсколько мыслей о сценич. искусствѣ“ М. 1888.

Въ такой трудной работѣ естественнѣе всего начать съ пересмотра установившихся терминовъ: съ ростомъ человѣческой мысли старые звуковые комплексы, старыя названія получаютъ все новыя и новыя значенія, кругъ предметовъ ими объединяемыхъ становится все шире, сосѣднія области сливаются; въ одинъ и тотъ же разрядъ можетъ попасть совершенно разнородное и, какъ соринка въ глазу, мѣшать правильному и ясному взгляду на вещи. Повѣрка названій—не пустая игра словами: это пересмотръ результатовъ, выводовъ, обобщеній добытыхъ человѣкомъ изъ продолжительнаго изученія отдѣльныхъ явленій.

Аверкіевъ такъ и поступаетъ: придерживаясь въ большинствѣ случаевъ терминологіи Аристотеля и Лессинга, онъ пытается эти термины развертывать во всю ширь, и нерѣдко проливаетъ на нихъ новую струю свѣта.

По Аристотелю вся сущность поэтическаго произведенія, „цѣль поэзіи“—въ такъ наз. μίμησις, которое Аверкіевъ приравниваетъ къ „образному представленію“. „Всякое искусство начинается съ подражанія: человѣкъ подмѣчаетъ, наблюдаетъ, вѣрно схватываетъ; на дальнѣйшей ступени изучаетъ наблюдаемое; еще выше получается способность творить, создавать“ (с. 3) по образу преждепознаннаго. „Драма и эпосъ, произведенія драматическія и повѣствовательныя различаются между собою не по предмету подражанія, а по способу онаго: всѣ же искусства вообще различаются между собою по средствамъ подражанія, по тому чѣмъ каждое подражаетъ: одно звуками, другое—рѣчью, третье красками и т. д.“ (с. 11). Такъ напр. „трагедія—подражаніе дѣйствію страшному и достойному сострадація“.

Другой неясный и потому разнообразно передаваемый терминъ [1]) μῦθος нашъ изслѣдователь переводитъ (согласно съ Пушкинымъ) словомъ „планъ“, ибо присутствіе μῦθος въ произведеніи художественномъ обусловливаетъ его стройность и цѣльность. „Фабула о Донъ-Жуанѣ стара, и не мало было на нее написано и комедій и трагедій, и поэмъ и до и послѣ Пушкина; но только онъ одинъ преобразилъ ее въ миѳъ единый, живой и цѣльный; только въ его трагедіи (скромно названной этюдомъ) есть художественное единство дѣйствія“ (с. 42).

Переходя къ пресловутымъ 3 единствамъ, Аверкіевъ замѣчаетъ: „Любопытно, что когда дѣйствіе по естественному ходу совершается въ однѣ сутки, напр. въ „Ревизорѣ“ или въ „Горе отъ ума“, то никто не замѣчаетъ единства времени“ (с. 37). „Ничто столь не противоположно истинному единству дѣйствія, ничто столь не антихудожественно, какъ интрига или сплетеніе случайностей“ (с. 70). А межъ тѣмъ „въ послѣднее время усили-

---

[1]) „Fabel фабула, сюжетъ; Handlung (Лессингъ); la fable (le tissu de faits), le tissu de l'action, l'intrigue (Бартелеми С. Илеръ); вымыселъ, содержаніе и пр.

вается восхваленіе всякой интриги. Не поэзіей начинаютъ дорожить, а сочинительствомъ. Игра ума, хотя бы по себѣ и замѣчательнаго, — ума придумывающаго разнообразныя приключенія, хотя бы ради доказательства или прославленія какой-либо мысли,—смѣшивается съ творческимъ воображеніемъ" (с. 71). „Художественное, поэтическое, драматическое... изображеніе жизни есть правдивое ея изображеніе, согласное съ существенными законами самой жизни, твореніе по образу и по подобію жизни или образное подражаніе жизни, какъ говорили греки. Въ жизни же замѣчаемъ ходъ событій естественный, ходъ по необходимости или развитіе по законамъ органическимъ; случайность не есть законъ жизни, а исключеніе, нарушеніе ея закономѣрности" (с. 72).

Причины увлеченія „блестящею лживостью въ поэзіи" разнообразны: господство въ обществѣ какой-либо идеи (условное пониманіе чести, долга и т. п.) или предразсудка, отъ которыхъ авторъ не въ состояніи отрѣшиться, или же постыдная угодливость, потаканіе моднымъ вкусамъ, наконецъ стремленіе „позабавить или поразить зрителя или читателя... не подозрѣвая высшей цѣли искусства" (с. 74).

На такой почвѣ выросла напр. мелодрама, въ которой, по указаніямъ отца ея В. Гюго, должны быть великія идеи для „возбужденія удивленія въ кавалерахъ, мѣста трогательныя... поплакать дамамъ; спектакль, чтобъ было на что поглазѣть массѣ, словомъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Къ этому же разряду относится и „новѣйшая жанровая комедія", которая „кружится около... модной идейки, изображая не жизнь, а рядъ сценическихъ ударовъ... придумавъ... для большей плѣнительности лжи... псевдореализмъ" (ib.).

Переходя къ опредѣленію истинной драмы, Аверкіевъ пытается раскрыть ея сущность, давая традиціоннымъ терминамъ и понятіямъ широкое освѣщеніе. Въ истинной драмѣ „какъ въ жизни только каждый данный моментъ есть настоящее", въ такъ наз. „ставленіи или возниканіи дѣйствія и заключается драматичность въ тѣсномъ смыслѣ слова, ибо въ широкомъ значеніи всякое художественное произведеніе: эпопея, романъ, лирическое стихотвореніе можетъ быть названо драматическимъ, т. е. изображающимъ человѣческія дѣйствія" (с. 82). „Драматическая рѣчь...—выраженіе дѣйствія;... она должна заключать въ себѣ выраженіе внутренняго міра: постоянно измѣняющіеся, развивающіеся, ростущіе и падающіе аффекты и проявленія воли и чувства, отраженія чувствъ одного на другомъ, тонъ и темпъ всѣхъ этихъ движеній, всѣхъ этихъ содраганій душевныхъ струнъ. Поэтому то она и не похожа на обычную разговорную рѣчь: все, что романистъ замѣчаетъ между словами лицъ, всѣ мелькающіе переходы, даже до выраженія лица, до внѣшняго движенія,—все по возможности должна включать въ себѣ драматическая рѣчь" (с. 92). „Драма... есть нѣкотораго

рода поэтическая партитура, которую надо читать умѣючи. Кто, читая музыкальную партитуру, не воображаетъ звуковъ оркестра, для того она есть рядъ необычно написанныхъ нотъ. Вотъ отчего драматическія произведенія требуютъ художниковъ исполнителей, которые пополнили бы то, что читателю приходится дополнять воображеніемъ, одѣвали бы плотью и кровью, движеніями голоса, лица и всего тѣла, словомъ всѣми средствами лицедѣйства драматическія рѣчи" (с. 94) [1]). Подъ драматическимъ дѣйствіемъ отнюдь не слѣдуетъ „разумѣть исключительно изображеніе даннаго событія. Само событіе можетъ быть и разсказано; оно становится драматическимъ дѣйствіемъ только тогда, когда изображено въ видѣ дѣяній того или иного человѣка, человѣка не спокойно живущаго, а принужденнаго дѣйствовать силой обстоятельствъ или тѣмъ что мы зовемъ судьбой. Оттого къ области драмы относится равнымъ образомъ какъ изображеніе дѣйствій, проявляющихся внѣшнимъ образомъ, такъ и дѣйствій внутреннихъ, дѣяній душевныхъ" (с. 101—2). (Образцомъ драматическаго дѣйствія послѣдняго рода можетъ служить монологъ изъ „Орлеанской дѣвы" IV актъ, явл. 1-е: „Молчитъ гроза военной непогоды"...).

Обращаемся къ подраздѣленіямъ драмы. Исходя изъ аристотелева пониманія трагедіи, какъ „подражанія дѣйствію достойному страха и состраданія", Аверкіевъ развиваетъ его. „Изображеніе страданія, просто какъ страданія, не составляетъ цѣли искусства; оно изображается не ради самого себя, но потому, что при этомъ дѣлается возможнымъ изображеніе въ дѣйствіи внутренняго міра человѣка, человѣческой и человѣчной личности. Человѣчность познается и обнаруживаетъ свою мощь черезъ страданіе" (с. 141). „Мы узнаемъ человѣка особено по тому, какъ онъ переноситъ страданія и всякія испытанія" (с. 142). „Какъ многообразны человѣческія страданія, такъ многообразны и вызываемыя ими въ душахъ страдальцевъ ощущенія, потрясенія и противодѣйствія. Тутъ скрытъ безконечный, неисчерпаемый міръ трагическаго искусства" (с. 149). Отличительное свойство трагическаго страданія—способность вызывать состраданіе. Степень „нашего состраданія зависитъ... отъ качествъ лица страдающаго" (с. 164): необходимо, чтобы онъ равенъ былъ намъ „по человѣческимъ достоинствамъ, былъ такой же какъ и мы всѣ человѣкъ" и притомъ „страдалъ незаслуженно" (с. 166), чтобы могъ сказать съ полнымъ правомъ: „я согрѣшилъ менѣе, чѣмъ согрѣшили противъ меня" (Лиръ). „Слабости великихъ людей, повергающія ихъ въ несчастье, уравниваютъ ихъ съ нами, дѣлаютъ возможнымъ возбужденіе состраданія; доблести же, обнаруживаемыя ими въ несчастьи,

[1]) Сенъ-Бевъ откровенно сознается, что переживать драму при чтеніи онъ не можетъ; а извѣстный знатокъ искусства С. А. Усовъ драму, которая даетъ при чтеніи больше, чѣмъ на сценѣ (каковъ напр. Гетевскій „Фаустъ"), не признаетъ за настоящую.

усиливая наше страданіе, черезъ то способствуютъ болѣе высокому подъему нашихъ нравственныхъ силъ. Цѣль искусства въ обоихъ случаяхъ одна и та же: способствовать душевному и нравственому совершенствованію людей; но пути, коими она достигается, различны. Требовать же отъ драматическаго писателя, дабы онъ изображалъ идеальныхъ людей подобно эпику, значитъ не постигать сущности трагическаго искусства... Изображеніе безукоризненыхъ героевъ и чрезмѣрно порочныхъ злодѣевъ, какъ извѣстно, было ошибкой псевдоклассической трагедіи“ (с. 182).

Что касается перелома и узнанія, Аверкіевъ признаетъ ихъ неимѣющими связи съ сущностью трагедіи: трагическаго впечатлѣнія они никогда почти не производятъ (лучшее узнаніе IV сцена „Каменнаго гостя“).

Характеръ трагическихъ лицъ долженъ быть „похожъ на то, что бываетъ въ дѣйствительности“, сообразенъ, т. е. вѣренъ самому себѣ на всемъ протяженіи дѣйствія, ровенъ, выдержанъ, честенъ, чтобы при страданіяхъ могъ вызвать въ насъ сострадание. „Въ тѣхъ случаяхъ, когда данное лицо по условіямъ характера будетъ лицомъ не вполнѣ трагическимъ, возбуждаемое его злосчастіемъ филантропическое чувство тѣмъ ближе будетъ къ состраданію (а съ тѣмъ вмѣстѣ и сама трагедія болѣе совершенною), чѣмъ сильнѣе будетъ возможность представить, что тотъ же человѣкъ при иныхъ склонностяхъ или при обузданіи своихъ безчестныхъ склонностей, могъ бы явить тѣ или иныя доблести“ (с. 205).

Этическое значеніе трагедіи должно „вытекать непосредственно изъ самой ея сущности, быть органически съ нею связано, неотдѣлимо отъ ея художественыхъ достоинствъ“ (с. 206). „Истинный поэтъ исполняетъ ее независимо отъ того, сознаетъ ли или нѣтъ, независимо отъ того, есть ли онъ человѣкъ только творящій или же съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣкъ изучающій законы творчества... Зритель или читатель можетъ наслаждаться трагедіей или инымъ поэтическимъ произведеніемъ, чувствовать ихъ освѣжающее и цѣлящее душу дѣйствіе, не сознавая въ чемъ именно оно заключается и какимъ образомъ совершается... Научная теоріи трагическаго искусства должна разъяснять, въ чемъ именно заключается его духовно-нравственая польза, какіе безсознательные духовные процессы возбуждаетъ оно въ насъ и къ чему ведутъ такія возбужденія“ (с. 207).

„Цѣль трагедіи—возбужденіе страха и состраданія и высокое очищеніе страстей, возбуждаемыхъ ею въ зрителѣ“ (с. 210), черезъ посредство состраданія вызываемаго „незаслуженностью страданій“, но отнюдь не полной невинностью страдальца“ (с. 217). „Трагическое состраданіе очищаетъ наше состраданіе, указывая ему должныя границы; тоже и трагическій страхъ“ (с. 220). „Трагически страшно... не злополучіе само по себѣ или не одно оно, но и тотъ путь, которымъ можетъ прійти къ нему человѣкъ;

страшна и причина злосчастія, коренящаяся въ винѣ страдальца, въ нарушеніи имъ законовъ божескихъ и человѣческихъ; страшно самому быть виновникомъ своего собственнаго несчастья. Изображеніе этой вины, изображеніе грѣховнаго пути, которымъ навлекается злосчастье,—вотъ что можетъ возбудить трагическій страхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очистить нашъ страхъ" (с. 223). „Источникъ страха коренится въ свойственномъ человѣку благоговѣйномъ чувствѣ передъ судьбой или Промысломъ; въ такомъ же чувствѣ передъ святостью законовъ во первыхъ божескихъ и во вторыхъ человѣческихъ" (с. 232). „Удовольствіе получаемое отъ поэзіи... заключается въ закономѣрности возбужденія того или иного аффекта. Люди вообще ищутъ этой закономѣрности" (с. 260).

Изъ замѣчаній о „второстепенныхъ стихіяхъ трагедій" особенно любопытенъ взглядъ Аверкіева на „сценичность". Въ настоящее подъ этимъ словомъ разумѣется обыкновенно „приспособленность пьесы къ сценѣ", дающая возможность легко играть ее и смотрѣть безъ напряженія. Отсюда возникъ цѣлый рядъ печальныхъ явленій въ области сценическаго искусства. Вкусъ публики и обусловленныя имъ требованія со стороны актеровъ стѣснили свободу творчества: писатель изъ художника долженъ обращаться въ ремесленника, производящаго то, что требуется на театральномъ рынкѣ. Нерѣдко истинно-художественое произведеніе проваливается лишь потому, что оно „не сценично". Послышались даже голоса [1]) за передѣлку классическихъ пьесъ примѣнительно къ современнымъ понятіямъ и требованіямъ. (На мой взглядъ такія передѣлки, если только онѣ нужны и возможны, доступны лишь талантамъ первой руки, иначе онѣ будутъ уродливы, нелѣпы; образцомъ можетъ служить Шекспиръ въ искаженіи Дюма). На смѣну художественныхъ красотъ явилась эффектная обстановка. „Театръ стремится... удивлять зрителей совершенствомъ машинъ и декораціи, историческою вѣрностью,... роскошью костюмовъ, словомъ превратить посѣтителя театра въ простого зрителя, глазѣющаго на аксессуары" (с. 274) [2]).

Не прошелъ молчаніемъ Аверкіевъ и словесной формы, въ которую облекаются и въ которой воплощаются драматическія произведенія, давая полезныя указанія и писателю, и актеру. Стихъ драматическій долженъ быть столь разнообразенъ по размѣру, сколь разнородны чувства и мысли переживаемыя дѣйствующими лицами, и передавать по возможности со всѣми оттѣнками „живую рѣчь живаго человѣка". Раньше другихъ это понялъ Шекспиръ, и его стихъ, подвергавшійся долгое время нападкамъ за мнимую неправильность, признается въ настоящее время образцовымъ.

[1]) Какъ напр. В. Крыловъ.

[2]) Ср. сужденіе А. Доде объ этихъ больныхъ вопросахъ сцены въ его „Entre les frises et la rampe".

Той же цѣли—оживленія стиха—актеръ достигаетъ разнообразіемъ въ темпахъ отдѣльныхъ фразъ (искусствомъ этимъ, какъ извѣстно, въ совершенствѣ владѣлъ Мочаловъ).

Такъ какъ Аверкіевъ признаетъ лишь два крупныхъ вида драмы: трагедію и комедію, считаю необходимымъ остановиться еще на послѣдней. „Трагическое и комическое только двѣ стороны одного и того же творческаго духа (—а не двѣ отдѣльныя стихіи, какъ думалъ Аристотель—), два художественныя міросозерцанія, равно важныя и высокія, столь же врожденныя людямъ какъ слезы и смѣхъ" (с. 300) [1]. „Комедія и трагедія суть два правильные законные вида драматическихъ произведеній" (с. 320).

Комедія „есть подражаніе такому пошлому дѣйствію, которое возбуждаетъ смѣхъ" (с. 300); „стремится къ изображенію пошлыхъ дѣйствій душевно-пошлыхъ людей. Главное обстоятельство ея дѣйствія лжестраданіе, т. е. мнимое, себялюбивое страданіе, претендующее на наше состраданіе. но встрѣчаемое смѣхомъ; оно должно быть безболѣзнено" (с. 334). Иногда, впрочемъ, герои комедій, „являясь предъ нами въ образѣ комиковъ и сатириковъ... (каковы напр. Альсестъ, Чацкій) заставляютъ насъ смѣяться сочувственнымъ смѣхомъ" (с. 306), такъ что „элементъ лжестраданія все глубже и глубже отступаетъ на задній планъ". Въ драмѣ какъ и въ жизни отъ смѣшного до великаго—одинъ шагъ; радостное и грустное, шутка и серьезное соединены въ гармоническое цѣлое.—Нравственное (не нравоучительное) значеніе комедіи, по мнѣнію Аверкіева,—не въ исправленіи людскихъ нравовъ при помощи смѣха, а въ „очищеніи возбуждаемаго ею аффекта" (смѣха) (с. 325). „Смѣясь именно надъ тѣмъ, надъ чѣмъ слѣдуетъ, комедія... очищаетъ нашъ смѣхъ, т. е. дѣлаетъ его разборчивѣе и закономѣрнѣе, уравновѣшивая нашу смѣшливость... Удовольствіе отъ комедіи... въ томъ и состоитъ, что мы въ ней страдаемъ или смѣемся согласно съ непреложными требованіями нравственнаго разума" (с. 325—6).

Всѣхъ другихъ видовъ драматическихъ произведеній для Аверкіева не существуетъ: онъ не находитъ внутреннихъ основаній такого дѣленія. „Подъ драмой въ тѣсномъ смыслѣ слова разумѣютъ нѣчто среднее между комедіей и трагедіей, не указывая однако при этомъ ни на одинъ ея существенный непремѣнный признакъ. Оказывается, что предъ вами либо недовершенная комедія, либо такая же трагедія, либо трагедія съ благополучной развязкой; нерѣдко также авторъ возвѣщеннаго имъ или критикой новаго рода просто обладаетъ недостаточнымъ талантомъ или не умѣетъ разобраться въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, не знаетъ надъ чѣмъ смѣяться... надъ чѣмъ плакать, изображаетъ голое страданіе, или

[1]) Ср. опредѣленіе границъ трагедіи и комедіи, данное Вл. Соловьевымъ въ „Вопр. фил. и психол." кн. V, с. 98.

такое же смѣшное чисто-внѣшнее столкновеніе, возбуждаетъ пошлую сентиментальность или такой же смѣхъ. Не надо забывать также, что порой авторы называютъ свои произведенія „драмами“ потому, что въ обществѣ, въ театрѣ или въ литературной средѣ господствуетъ въ данную минуту предубѣжденіе противъ имени трагедіи“ (с. 326—7). Въ настоящее время, добавлю, у насъ въ подражаніе французамъ становится моднымъ названіе „пьеса“, распространяемое на всѣ роды драматическихъ произведеній.

Всѣ подобныя классификаціи при научномъ изслѣдованіи драмы кромѣ вреда ничего не приносятъ, потому Аверкіевъ относится къ нимъ весьма несочувственно.

„Письма о Пушкинѣ“ (Н. Н. Страхову) весьма любопытное и необходимое дополненіе къ „разсужденію“. Въ нихъ—„дальнѣйшее разъясненіе взглядовъ Аристотеля на поэзію и творчество въ связи съ воззрѣніями новѣйшихъ ученыхъ;... резюмированы взгляды греческаго философа на драму“; дана характеристика „отличительныхъ свойствъ таланта нашего великаго поэта“, при чемъ указано сродство въ строѣ „Бориса Годунова“ и античной трагедіи. Подробно останавливаться на этихъ письмахъ не буду за недостаткомъ времени.

Въ общемъ, повторяю, трудъ г. Аверкіева, на мой взглядъ, вполнѣ заслуживаетъ вниманія педагоговъ. При нынѣшней гимназической программѣ, когда теорія словесности перенесена въ 8-й классъ, предметъ этотъ можетъ быть поставленъ шире и серьезнѣе; со стороны учениковъ могутъ быть предлагаемы разнообразные вопросы изъ области искусства. Книга Аверкіева въ этомъ случаѣ сослужитъ для учителя не малую службу. Написана она просто, ясно и сжато; каждому мелкому вопросу посвящается цѣльная глава въ 4—5 страничекъ, удобная для прочтенія въ классѣ полностью. Рядомъ съ мнѣніемъ автора приводятся взгляды Аристотеля, Лессинга и др. знатоковъ и цѣнителей словеснаго искусства. Мысли самаго изслѣдователя—свѣтлаго тона, ратуютъ за правду и искренность въ искусствѣ, подымаютъ духъ читателя.

Остается пожелать этому разсужденію широкаго распространенія.

А. Ветуховъ.

А. А. Потебня, Изъ лекцій по теоріи словесности.

Басня. Пословица. Поговорка. Харьковъ. 1894 года, 162 стр.

Лѣтъ 15 назадъ покойный профессоръ Харьковскаго университета А. А. Потебня прочелъ въ небольшомъ кружкѣ близкихъ знакомыхъ за своимъ чайнымъ столомъ 10 лекцій по теоріи словесности. Лекціи эти теперь изданы вдовой покойнаго профессора по единственному экземпляру записокъ одной изъ слушательницъ, съ небольшими поправками по черновымъ наброскамъ самого профессора. Книга вышла небольшая, но весьма цѣнная, какъ произведеніе глубокаго ума и высокаго душевнаго настроенія. Лекціи даютъ цѣлый рядъ любопытныхъ литературныхъ фактовъ, систематизированныхъ знаній, оригинальныхъ обобщеній, свѣтлыхъ мыслей; вездѣ сквозитъ уваженіе автора къ наукѣ и литературѣ, какъ необходимой дѣятельности человѣческаго духа. Изданіе это въ особенности полезно для преподавателей русскаго языка и литературы въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, при крайней бѣдности нашей научной литературы относительно сочиненій по теоріи словесности. Извѣстно, что сочиненія А. А. Потебни читаются съ трудомъ, по обилію фактическихъ данныхъ и глубокому психологическому анализу явленій языка. Въ лекціяхъ о баснѣ и пословицѣ Александръ Аѳанасьевичъ по возможности приспособлялся къ пониманію своей аудиторіи, что выразилось въ выборѣ и въ распредѣленіи матеріала, въ нисхожденіи отъ знакомаго, извѣстнаго къ менѣе извѣстному, незнакомому, въ опредѣленіяхъ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, разъ они выходили слишкомъ трудными для пониманія. Отсюда—обиліе примѣровъ, предпосланныхъ общимъ выводамъ, отсутствіе апріорныхъ обобщеній. Все это въ совокупности придаетъ лекціямъ А. А. П. о баснѣ и пословицѣ важное педагогическое значеніе.

Содержаніе книги, говоря вкратцѣ, состоитъ въ опредѣленіи басни, пословицы и слова, какъ средства для выраженія и сгущенія мысли. Авторъ подробно говоритъ о свойствахъ образа въ басняхъ и пословицахъ, о значеніи связываемыхъ съ ними нравоученій, о переходѣ басни въ пословицу и поговорку, о значеніи поэтическаго произведенія для самихъ поэтовъ. Попутно объяснено значеніе многихъ басенъ и пословицъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.